

Фаддей
БУЛГАРИН

Избранное

Фаддей Венедиктович Булгарин

Воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=331082

Воспоминания: Захаров;

ISBN 5-8159-0172-5

Аннотация

«Обо мне что угодно говорят и печатают... Неужели я таков?! Скажите, что я еще в сто раз хуже – и из двадцати человек десять поверят. Худому верится как-то легче, нежели хорошему... С тех пор, как я начал мыслить и рассуждать, я мыслю вслух, и готов всегда печатать, во всеуслышанье, все мои мысли и рассуждения. Душа моя покрыта прозрачною оболочкой, через которую каждый может легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожил в стеклянном доме, без занавесей... Понимаете ли вы, что это значит? Оттого-то я всегда имел так много врагов! И пламенных друзей, из которых один стоил более ста тысяч врагов! Почти двадцать пять лет кряду прожил я, так сказать, всенародно, говоря с публикой ежедневно о всем близком ей, десять лет, без малого, не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму, пройдя, с оружием в руках, всю Европу, от Торнео до Лиссабона, проводя дни и ночи под открытым небом, в тридцать градусов стужи или зноя, и отдыхая в палатах вельмож, в домах граждан и в убогих хижинах. Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных, присматривался к кипению

различных страстей... и кажется... узнал людей! Много испытал я горя, и только под моим семейным кровом находил истинную радость и счастье, и, наконец, дожил до того, что могу сказать в глаза зависти и литературной вражде: что все грамотные люди в России знают о моем существовании! Много сказано – но это сущая правда! Вот права мои говорить публично о виденном, слышанном и испытанном в жизни...»

Содержание

БОЛЕЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНИЕ,	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	17
ГЛАВА I	17
ГЛАВА II	36
ГЛАВА III	53
ГЛАВА IV	74
ГЛАВА V	94
ГЛАВА VI	121
ГЛАВА VII	149
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	184
ГЛАВА I	184
ГЛАВА II	224
ГЛАВА III	256
ГЛАВА IV	308
ЭПИЛОГ	359
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	364
ПРЕДИСЛОВИЕ	364
ГЛАВА I	367
ГЛАВА II	423
ГЛАВА III	502
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	590
ПРЕДИСЛОВИЕ	590
ГЛАВА I	592

ГЛАВА II	629
ГЛАВА III	649
ГЛАВА IV	689
ГЛАВА V	729
ГЛАВА VI	789
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	805
ГЛАВА I	805
ГЛАВА II	828
ГЛАВА III	877
ГЛАВА IV	920
ГЛАВА V	938
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	992
ГЛАВА I	992
ГЛАВА II	1008
ГЛАВА III	1028
ГЛАВА IV	1049
ГЛАВА V	1078

Фаддей Венедиктович Булгарин Воспоминания

Текст печатается полностью по первому и единственному изданию М.Д.Ольхина, в шести томах (части первая-шестая), Санкт-Петербург, 1846–1849, с максимальным сохранением особенностей этой публикации полуторавековой давности (по утверждению издателя)

БОЛЕЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНИЕ, ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЕ

Что это значит, что вы вздумали *при жизни* печатать ваши ВОСПОМИНАНИЯ о современности?

Вы об этом спрашиваете меня? – Отвечаю.

С тех пор, как я начал мыслить и рассуждать, я мыслю *вслух*, и готов был бы всегда печатать, во всеуслышанье, все мои мысли и рассуждения. Душа моя покрыта *прозрачной оболочкой*, через которую каждый может легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожил в *стеклянном доме*, без занавесей... Понимаете ли вы, что это значит?

Оттого-то вы всегда имели так много врагов!..

И пламенных друзей, из которых один стоил более ста тысяч врагов!..

Почти двадцать пять лет кряду прожил я, так сказать, все-народно, говоря с публикой ежедневно о всем близком ей, десять лет, без малого, не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму, пройдя, с оружием в руках, всю Европу, от Торнео до Лиссабона, проводя дни и ночи под открытым небом, в тридцать градусов стужи или зноя, и отдыхая в палатах вельмож, в домах граждан и в убогих хижинах. Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных, присматривался к кипению различных страстей... и кажется... узнал людей! Много испытал я горя, и только под моим семейным кровом находил истинную радость и счастье, и, наконец, дожил до того, что могу сказать в глаза зависти и литературной вражде: что все грамотные люди в России знают о моем существовании! Много сказано – но это сущая правда! – Вот права мои говорить публично о виденном, слышанном и испытанном в жизни.

В целом мир, где только есть Литература, там есть литературные партии, литературные вражды, литературная борьба. Иначе быть не может, по натуре вещей. Союз, дружба, согласие литераторов – несбыточные мечты! Где в игре человеческое самолюбие, там не может быть ни дружбы, ни согласия. *Страсти* – пороховая камера, а *самолюбие* – искра. Невозможно, чтоб не было вражды между людьми, имеющими притязания на ум, на славу, или по крайней мере

на известность и на все сопряженные с ними житейские выгоды, и разумеется, что, кто заграждает нам путь к избранной нами цели, издали столь блистательной и заманчивой, тот враг наш. А кто же может более заграждать этот путь, как не журналист, непреклонный, неумолимый, отстраняющийся от всех партий, на которого не действуют ни связи, ни светские отношения, ни даже собственные его выгоды, и который, так сказать, очертя голову говорит все то, что ему кажется справедливым, и что только можно высказать. Это настоящий *Змей Горыныч*, которого не может тронуть даже и *Душенька!*¹

Пересмотрите *Северный Архив* с 1822 года: там вы найдете начало той борьбы и следствий ее, литературной вражды, которая продолжается от сих пор и перейдет за пределы моей могилы. Критика на *Историю Государства Российского*, сочинения знаменитого нашего историографа Н.М.Карамзина, не возбудила ненависти в благородном сердце автора, который даже внес ссылки на *Северный Архив* в Примечание к своей истории; но на каждом великом муже, как на вековом кедре, гнездятся мелкие насекомые, питающиеся его славой, и они подняли писк и визг против смельчака, дерзнувшего очищать вековой кедр от сухих листьев и гнилых ветвей!

В *Литературных Листках* (приложение к *Северному Архиву*) защищен знаменитый Крылов от нападок приверженцев И.И.Дмитриева – и тут наступил всеми видимый и яв-

¹ См. поэму Богдановича: *Душенька*

ный взрыв литературной вражды... Признавая всегда гениальность Пушкина и необыкновенный талант В.А.Жуковского, в *Литературных Листках* и в родившейся в от них *Северной Пчелы* говорено было смело и откровенно о их произведениях, с указанием на слабое, для возвышения превосходного – и это был уже последний удар, *coup de grace*. Зашумели и загудели журналы, завопила золотая посредственность, и пошла потеха! *Северная Пчела*, однако же, все шла и идет своим путем, ни на что не оглядываясь, не стесняясь в своих суждениях ни какими посторонними видами, отдавая полную справедливость и дань хвалы жесточайшим противникам, когда они напишут что-нибудь хорошее, и порицая искреннейших друзей своих, когда они споткнутся. Замечательно и весьма, что вся вражда падала на меня одного, и каждое неблагоприятное суждение для автора приписывалось *мне*, а за похвалу никто не сказал мне спасибо! Напротив, похвалы породили более врагов, нежели порицания. Удивительно, а правда! Иные стали моими врагами после похвалы, чтоб доказать, что они не напрашивались на нее; другие вооружились за то, зачем я хвалил людей, в которых *они* не видят хорошего!..

Еще весьма замечательно, что все журналы, сколько их ни было в течение двадцати пяти лет (исключая *Соревнователя просвещения и благотворения*, который издавался Литературным Обществом, и нынешней *Библиотеки для Чтения*), начинали свое поприще, продолжали и кончали его –

жестокой бранью против моих литературных произведений. Все мои сочинения и издания были всегда разруганы, и ни одно из них до сих пор не разобрано критически, по правилам науки. Нигде еще не представлено доказательств, почему такое-то из моих сочинений дурно, чего я должен избегать и остерегаться. О хорошей стороне – ни помина! Какая бы нелепость ни вышла из печати, господа журналисты всегда утверждают, что все же она *лучше*, нежели мои сочинения. Вот все существо их критики моих сочинений! Один из новых журналов простер до такой степени свою храбрость, что даже поставил меня *ниже* известного московского писателя Александра Орлова! Вы думаете, что я гневался или гневаюсь на журналы за эти поступки со мной? Уверяю честью – нет! Если б они были посмышленее, то действовали бы иначе. Думая унижить меня, они возвысили – и сочинения мои, благодаря Бога, разошлись по России в числе многих тысяч экземпляров, многие из них переведены на языки: французский, немецкий, английский, шведский, итальянский, польский и богемский – и *Северная Пчела* благоденствует!

Но литературная вражда, не пробив стрелами критики моего литературного панциря, принялась за средство, которое Дон Базилио советует доктору Бартоло употребить против графа Альмавивы, в опере Россини: "Севильский цирюльник". С величайшим наслаждением слушаю я всегда арию: *La calumnia!* У меня собран целый том сатир и эпиграмм...

Будь я в сотую долю такой литератор, каким стараются изобразить меня мои благоприятели, то достоин был бы... чего?.. самого ужасного: быть на них похожим. А как не послушать, когда рассказывают о сочинениях человека, который в течение двадцати пяти лет ежедневно припоминает печатно о своем существовании! Ведь не о каждом можно сказать, что взбредет на ум, а тут обширное поле для выдумок. А печатные намеки? Ведь без означения имени вы можете что угодно сказать и напечатать о журналисте, историке, романисте, статистике, сельском хозяине, проживающем в Париже или в Китае!!! Напечатав, вы можете сказать в обществе: это Булгарин! Неужели он таков? спросят вас. Во сто раз хуже! – и из двадцати человек десять поверят. Худому верится как-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать в *стеклянный дом*, в котором я живу!

Все это меня несколько не трогает, и стоит взглянуть на меня, чтобы увериться, что желчь во мне имеет самое правильное отправление, и что я не высох с горя. Вы думаете, что я питаю в сердце моем ненависть или злобу к моим врагам. Ей Богу, нет! Как можно в сердце хранить гнусные страсти, отравляющие всю существование! Посердишься и забудешь. Только на одно обстоятельство я должен обратить внимание моих читателей, потому что оно имеет неразрывную связь с теперешним моим сочинением.

По долгу журналиста, литератора и современника я подвержен горькой обязанности говорить о смерти людей, снис-

кавших уважение или любовь и благодарность соотечественников своими заслугами или литературными трудами. По моему положению в свете я знал и знаю лично большую часть замечательных лиц в России, и кого знал, о тех говорю от своего лица, приводя иногда речи или необыкновенные случаи из их жизни, мной от них слышанные. Из этого мои благоприятели, мои любезные Доны Базилии, умели выковать металл и вылить из него противу меня пули, которые однако ж не попадают в цель. Некоторые очень искусно дают знать, особенно по случаю моей биографической статьи об И.А.Крылове, что будто я *хвастаю дружбою* со знаменитостями, после их смерти, когда эти знаменитости меня и знать не хотели!!! Ловко, да не умно и не удачно! Мы живем посреди современных свидетелей, и к следующим томам моих *Воспоминаний* я приложу снимки с писем ко мне многих знаменитостей, для доказательства, в каких я находился с ними сношениях. Предварительно скажу, что я никогда не *хвастал* ничьей дружбой и никакими связями, никогда этим не *гордился* и не буду хвастать и гордиться. Никогда в жизни я ничего не искал, никому и никогда не навязывался, не обивал ничьих порогов, и не задыхался в атмосфере передних. Почитаю себя счастливым, и радуюсь в глубине души, что многие значительные люди оказывали и оказывают ко мне благосклонное внимание, и за это питаю к ним искреннюю, сердечную благодарность; но чтоб я хвастал или гордился знакомством или связью с каким-нибудь,

хотя самым даровитым русским писателем, этого не бывало и не будет! В столкновении и в связи я был со всеми ими, как литератор и журналист, но в дружбе был только с двумя, и то не как с литераторами, а как с людьми – именно с покойным А.С.Грибоедовым, бессмертным творцом *Горя от ума*, и Н.И.Гречем. Я столько же любил бы и уважал их, если б они вовсе не были писателями. Талант без сердца – машина! Дружбой с покойным И.А.Крыловым я не хвастал, потому что никогда даже не искал этой дружбы, а был с ним хорошо знаком, и прежде часто видывал его. Как журналисту, не принадлежащему ни к какой партии, мне даже невозможно было искать дружбы литераторов, а что многим из них я был нужен, это не подлежит ни малейшему сомнению, и ясно по ходу дела. Были литераторы, искренно мне преданные, но они уже в могиле... и я не трону их и не вспомню о их ко мне приверженности! Есть, может быть, и теперь литераторы, которые *знают* меня... и я больше не требую. Но, чтоб я *хвастая дружбой* Крылова, Пушкина, или кого бы то ни было!!! Ах, Боже мой, как вы мало знаете меня, любезные мои Доны Базилии, если в самом деле верите этому, а не выдумываете! Я горжусь только одним в свете, а именно: моими врагами. Если б они не были моими литературными врагами, я бы умер от чахотки или сошел с ума!

Итак, почтенные мои читатели, верьте мне, что все сказанное в моих *Воспоминаниях* суцая истина. Никто еще не уличил меня во лжи, и я ненавижу ложь, как чуму, а лже-

цов избегаю, как зачумленных. Всему, о чем я говорю в *Воспоминаниях*, есть живые свидетели, мои современники, со- воспитанники и сослуживцы, или есть документы. Пусть со- современники уличать меня во лжи! Ошибиться я мог в чис- лах, в именах, в порядке происшествий, потому что пишу не из книг, а из памяти – но в существе все правда. Где нель- зя сказать правды, там я молчу, но не лгу. В том, близок ли я был к некоторым знаменитостям, представлю *письменные доказательства*, или сошлюсь на *живых свидетелей*.

Но я вам еще не отвечал, почему я издаю мои *Воспомина- ния при жизни*...

Ведь это только *отрывки!*

При воспоминании *прошлого*, кажется мне, будто жизнь моя расширяется и увеличивается, и будто я молодею! Ны- нешнее единообразие жизни исчезает – и я смешиваюсь с оживленными событиями прошлого времени, вижу перед собой людей замечательных или для меня драгоценных, на- наслаждаюсь прежними радостями, и веселюсь минувшими опасностями, прежним горем и нуждой. Пишу с удоволь- ствием, потому что это занимает меня и доставляет случай излить чувства моей благодарности к людям, сделавшим мне добро, отдать справедливость многим забытым людям, до- стойным памяти, высказать несколько полезных истин, пред- ставить подлинную характеристику моего времени. Найдет- ся много кое-чего любопытного и даже поучительного!

Я прочел написанное несколькими искренним приятеле-

лям... "Печатайте!" сказали они в один голос.

"Печатай, печатай!" повторили в семье... Явился мой добрый М.Д. Ольхин, и решил: *печатать*...

Печатаю!

Пойдут многочисленные *подражания*, как после всего, что только я ни вздумал печатать, и журналам будет случай бранить меня, и т. п. Все это даст некоторое движение умам, разбудит их – а при общем умственном застое и это хорошо!

А сколько вы издадите томов ваших *Воспоминаний*?

Не знаю! Сколько напишется. Быть может, кончу на этих двух томах, быть может, буду продолжать. Не принимаю никакой обязанности перед публикой. Все зависит от досуга и от охоты.

Вспоминая о моих детских годах, я излагал события почти в хронологическом порядке, и часто должен был говорить о себе. Со второй части форма сочинения, по самому существу вещей, должна измениться. Детство и великих и малых людей принадлежит более *природе человеческой*, нежели *истории*, и наблюдение за развитием *каждого человека* любопытно для любознательного ума, особенно, если развитие совершилось среди необыкновенных событий и необычного хода дел. Так точно мы, с некоторым любопытством, смотрим даже на обломки корабля, разбитого бурей, потому что эти щепы возбуждают в нас идеи! Дитя может смело и откровенно говорить о себе, потому что оно, так сказать, не составляет индивидуума, или отдельного лица в

гражданском обществе, но принадлежит к массе человечества.

Со времени, когда я вступил на поприще гражданской жизни, я буду рассказывать, как очевидец, малоизвестные обстоятельства и замечательные случаи в современных событиях, или вовсе не замеченные историей, или вскользь упомянутые, и частные происшествия и приключения, достойные внимания или любопытные своей необыкновенностью, а о себе буду упоминать тогда только, когда невозможно будет этого избежать, и когда надобно будет изложить мое собственное мнение. Рассказы мои будут или от третьего лица, или от имени товарищей, по большей части эпизодами, или отдельными статьями. Эти эпизоды будут *исторические* и *частные*. Первые будут иметь форму или обыкновенную историческую, или *созданного мной* рода в Русской Литературе, под названием *военные рассказы*; вторые будут в виде повестей, или повествований, основанных на истинных событиях. Вообще, в моих *Воспоминаниях* нет и не будет ничего *выдуманного* мной. Все здесь справедливо. Я должен иногда *пропускать* многое, повествуя о *современности*, но не обязан *прибавлять* или *искажать истины*. Это мое неотъемлемое право. *Слово* подлежит обстоятельствам; *мысль* и *совесть* моя собственность!

Фаддей Булгарин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Первые воспоминания детства. – Разбойники и освободители – Верный очерк тогдашних польских нравов. – Первое знакомство с русскими воинами.

Приятно вспоминать первые годы детства! Человеку в летах они кажутся заманчивым сновидением. Вообще, все связанное или важное, из детских лет, остающееся в памяти, почерпнуто из рассказов родителей или других свидетелей нашего младенчества, слышанных после. Но и детские воспоминания и слышанное наконец сливается в одно, и составляет общую картину, в которой, в последствии, трудно отделить свое от чужого. Редкий человек не припоминал своего детства, особенно в кругу своего семейства, помышляя о будущей участи своих детей! Мои детские лета протекали среди необыкновенных событий, входящих в состав истории, и мне суждено было, как малой капле воды, волноваться вместе с огромными валами, в разъяренном море, пока брызгами не выбросило меня на берег. Много необыкновенного видел я в жизни, много испытал и хорошего и дурного, знал много великих и гениальных мужей и много пустоцветов – и

намерен, не трогая никого, рассказать кое-что из виденного, слышанного и испытанного.

Родился я в бывшем Минском Воеводстве бывшего Великого Княжества Литовского (в котором предки мои издревле были княжескими боярами, имевшими одно значение с древними боярами русскими), в имении Перышеве, принадлежавшем матери моей, урожденной Бучинской (герба Стремя). Год моего рождения (1789) ознаменован началом переворота, ниспровергнувшего древнюю французскую Монархию, и, подобно землетрясению и вулканических взрывам, изменившего вид и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки.

Искры французской революции попали в Польшу, как в пороховой магазин. Умы холодные, утомленные польским безначалием, и умы пламенные, жаждущие новостей, эгоизм и патриотизм равно воспламенились и вспыхнули, одни из собственных выгод, другие в надежде исцелить недужное отечество, не веря, в простоте души своей, чтобы оно было неизлечимо, и не догадываясь, что уже антонов огонь проник до его сердца!

Пишу я не историю падения Польши, следовательно не обязан рассказывать всех происшествий до разбития Костюшки под Мацейовицами и взятия штурмом Праги Суворовым. Припоминаю о тогдашних Польских событиях настолько, на сколько они входят в состав рассказа о моем детстве. В это время мать моя уже продала имение свое Перы-

шево, и, намереваясь очистить от долгов имение отца моего, Грицевичи, в Минской губернии, в Слуцком уезде, и поселиться в нем, отдала предварительно капитал свой помещику Дашкевичу, под залог и в уплату процентов (по тогдашнему польскому обычаю) имения Маковищ, в нынешнем Бобруйском уезде, верстах в пяти от местечка Глуска.

Костюшко уже был взят в плен, большая часть войска Польского уже положила оружие, но восстание в Литве еще не прекратилось. Мы жили тогда в Маковищах. Однажды, утром, весной 1795 года, приказчик прибежал в комнаты с гумна и сказал матушке, что слышал пушечные выстрелы. Мать моя, две старшие сестры и я с нянькой побежали на гумно, по совету приказчика, прилегли на току, приложив ухо к земле. В дали точно раздавались удары и глухой подземный гул. После узнал я, что это были остатки отряда генерала Грабовского, разбитого прошлой осенью князем Цициановым, под Любаром. Некоторые отчаянные патриоты, собрав рассеянных солдат и присоединив к ним вооруженную шляхту, намеревались снова возмутить край, и объявили конфедерацию. Отряд русских войск при первой встрече разгромил их, картечью, и тем все кончилось. Это было, кажется, последнее сражение на землях бывшей Польши в эту войну, и происходило верстах в двадцати от нашего тогдашнего местопребывания. Отца моего не было дома; он, по обязанности своей, находился тогда или в Слуцке или в Несвиже, и матушка моя чрезвычайно испугалась близости

войны.

Решено было: всему семейству, с драгоценнейшими вещами, спрятаться в лесу, угнать туда же домашний скот и лошадей, и послать немедленно нарочного к отцу, чтоб он приехал поскорее домой, и привез с собой, если возможно, *залог* и *охранительный лист* от русского генерала, из Несвижа. Тотчас начали укладываться и суесться; не обошлось при этом без слез, и я, видя общую суматоху и слезы, слыша беспрестанные повторения: «*пропали мы, погибли*», сам заплакал громче всех, воображая, что пропадут и погибнут все мои игрушки, сад, в котором я играл, и вообще все, что утешало и забавляло меня. Наконец нагрузили несколько телег лучшими вещами и съестными припасами, и матушка, две сестры мои, панна Клара, несколько служанок, лакеев и стрельцов с ружьями пошли пешком в лес, почти примыкающий ко двору. На одной телеге, нагруженной пуховиками и подушками, поехал я с моей нянькой, обложенный моими игрушками. Отец мой был большой охотник, и имел несколько отличнейших стрельцов, которые знали все тайники в обширных лесах, покрывавших в то время весь этот край от Глуска до границы Волынской губернии, отчего и страна называлась *Полесьем*. Пройдя лесом с час времени, наш обоз должен был остановиться, потому что телег нельзя было провезти в чаще. Мы оставили телеги, навьючили кое-как всю поклажу на людей и лошадей, и пошли далее. Меня несли на руках, попеременно, любимые стрельцы отца мое-

го, Семен и Кондратий, а нянька должна была нести мои игрушки и постель. При этом должно заметить, что я был последнее, любимое и балованное дитя у моих родителей. Не знаю, долго ли мы шли и далеко ли ушли, потому что я заснул на руках у моих носильщиков, но когда проснулся, было уже утро, и я увидел, что мы находимся на поляне, среди леса, возле небольшого ручья. Люди наши рубили сучья и поправляли шалаши, сделанные, видно, с вечера, на скорую руку, и строили новые шалаши. В одном только месте горел огонь, в яме. На поляне паслись лошади и несколько коров. Повар разбираал кастрюли и ошипывал живность; служанка варила кофе, и мне все это показалось так хорошо и так весело, что я прыгал от радости. Это был настоящий бивак!

Матушка сказывала мне после, что она всю ночь не могла уснуть, хотя в шалаше разостланы были пуховики, и что она еще до зари послала домой человека узнать, что там делается.

После обеда, когда солнце начало уже прятаться за высокими деревьями, возвратился посланный с корчмарем нашим, евреем Иоселем который за свою исправность и услужливость был в большой милости у матушки. Иосель приехал верхом, и привез полный мешок припасов, сахару, зеленого чаю (без которого моя матушка не могла обойтись), булок, свежего мяса и, как всегда, для меня гостинца – на этот раз пряников. Иосель успел побывать в Глуске куда перевез всех женщин и детей своего семейства, и узнал от губерна-

тора замка, что русских ждут к вечеру или на другое утро в Глуске, и надеются, что вследствие покорности губернатора и усиленной его просьбе, город не будет разграблен, и жители не подвергнутся обидам и притеснениям. Но, по словам Иоселя, предстояла всем большая беда, потому что, при общем недостатке в съестных припасах, трудно будет прокормить солдат, если весь русский отряд остановится в городе, и что непременно потребуют помощи в съестных припасах от помещиков, а денег, как водится, от евреев. Иосель, при сих словах покачав головой, завопил: "Ой вей мир, ой вей мир" – и стал утирать слезы рукавом. Матушка и сестры также заплакали, не о съестных припасах и не о деньгах, а о своем положении. Я опять заревел громче всех, смотря на плачущих. На вопрос матушки, не слышно ли чего об отце моем, Иосель отвечал, что губернатор замка послал за ним четырех гонцов, в четыре разные стороны, чтоб просить его прибыть как можно скорее, для необходимых распоряжений в этой крайности. Иосель пробыл у нас до ночи и поехал обратно, обещая дать знать, что делается у нас дома и в окрестностях, и уведомить немедленно отца моего о нашем положении.

Прошли двое суток, и мы не получали никакого известия. На третий день, в полдень, пришла в наш бивак крестьянка из чужого имения, у которой мать моя вылечила ребенка, и, бросясь в ноги, рассказала, что она слышала, что соседние мужики собираются убить всех нас в лесу, чтоб завладеть нашим добром, предполагая, что маменька имеет при себе

много денег и всяких дорогих вещей. Можно себе представить положение моей матери, сестер и всей нашей прислуги! Я хотя не постигал всей опасности, но знал хорошо, что значит *убить* и *умереть*, слыша часто о битвах и о смерти наших знакомых, и, видя общее беспокойство, был в страхе, однакож просил, чтоб мне дали ружье, для защиты матушки. Она улыбалась сквозь слезы, прижимая меня к сердцу. Наконец, матушка собрала на совете всю нашу прислугу мужского пола и спросила, намерены ли они защищать господ своих. «До последней капли крови!», отвечали все единогласно, и бросились целовать руки и ноги маменьки и сестер. Стрелец Семен взял меня на руки, и сказал, что не выдаст меня, хотя бы его растерзали на части. С нами было всего девять человек сильных молодых людей, искусных стрелков. Нет сомнения, что и двойное число разбойников не одолело бы их. Некоторые из наших людей изъявляли даже желание встретиться с разбойниками, чтоб проучить их порядком.

Матушка наградила добрую женщину, известившую нас об угрожавшей опасности, обещая на всю жизнь призреть ее семейство, и поручила ей отдать нашему приказчику записку, написанную карандашом (помню, потому что моим), в которой матушка требовала, чтоб он немедленно поспешил на помощь с верными крестьянами, оставив дом на произвол судьбы.

В юности нашей начитавшись о римской и греческой республиках, о людях, иногда самых мелочных умом и душой,

но наделавших шуму своей дерзостью и пылкими речами, и за то произведенных в великие мужи красноречивыми писателями, мы часто предаемся мечтам и желаем переворотов, потрясений, бредим о вольности и равенстве (которые, сказать мимоходом, никогда не существовали в мире и не будут никогда существовать для массы народа), и завидуем так называемым героям народным!.. Школьничество – и только! Эти народные герои вообще или простаки, увлеченные мечтами воображения, порожденными впечатлениями юности, или хитрецы и честолюбцы, т. е. или тетерева, или лисицы. Лучше спустить с цепи голодного тигра или гиену, чем снять с народа узду повиновения властям и законам. Нет зверя свирепее разъяренной черни! Все усилия образованного сословия должны клониться к просвещению народа на счет его обязанности к Богу, к законным властям и законам, к водворению в сердцах человеколюбия, к искоренению врожденного человеку звериного эгоизма, а не к возбуждению страстей, не к порождению несбыточных надежд. Кто действует иначе, тот преступник перед законами человечества. Видевший народное восстание знает, что это значит! Наполеон заслуживает вечную благодарность всех благородных сердец за то, что никогда не хотел действовать мятежом против своих неприятелей, когда имел полную власть в своих руках. В Италии он должен был повиноваться Директории.

В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто, только бога-

тые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а *своеволие*. Даже порядочная и достаточная шляхта должна была придерживаться какой-нибудь партии, т. е. быть под властью какого-нибудь беспокойного магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвещенная, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты, и терпеливо переносила побои, — с тем условием, чтоб быть битым не на голой земле, а на ковре, презирая, однако ж, из глупой гордости, занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белоруссии положение их было гораздо хуже негров. Когда в последнее время (т. е. с 1791 года) Польшу возмутили мечтами о вольности, равенстве и политической независимости, были в ней люди истинно благородные, даже с большими дарованиями и геройским мужеством, которые пламенно желали перерождения своего несчастного отечества и утверждения в нем порядка, на основании прочных законов и наследственной монархической власти. Но эти желания и усилия благородных людей не могли увенчаться успехом, потому что в Польше не было для этого никаких стихий. Все было в расстройстве: правительство без всякой силы, народ без единодушия. Магнаты враждовали между собой и беспокоили соседние державы просьбами о покровительстве своей партии. Все партии ненавидели Короля и не имели к нему ни малейшей до-

веренности, испытав его малодушие и вероломство.

Порядочное дворянство приставало к различным партиям, но вообще действовало более словами, нежели делом, а мелкая шляхта вооружалась на счет панов, бушевала, пьянствовала, грабила и обращалась в бегство при встрече с неприятелем. Над этим восстанием мелкой шляхты все благоразумные люди шутили и насмехались, утверждая, будто при встрече с неприятелем они говорят: "В лес, господа! Это не шутки – стреляют пулями!" Сами поляки подначивали русских мародеров к грабежу, разделяя с ними добычу, и донося ложно на своих соотчичей русским начальникам, соблазняли некоторых пользоваться обстоятельствами. Иные из мелкой шляхты грабили даже или похищали общественную казну².

Регулярного войска было чрезвычайно мало, едва ли 25 000 человек в целом королевстве, и это войско, сперва упавшее духом, потом воспламененное Костюшкой, могло только со славой умереть. Поселяне в коренной Польше, особенно Краковяки, приняли сильное участие в восстании, обнадеженные Костюшкой в улучшении своей участи; но крестьяне

² В Минской губернии, два самые бедные шляхтича возвратились на родину после взятия в плен Костюшки, с огромными суммами. Один из них всегда носил парик, закрывавший лоб. Об этих людях распространились самые неблагоприятные слухи, именно будто они грабили польскую военную казну. Отец мой, раздраженный гордостью одного из богачей, сорвал однажды с него парик, и оказалось, что у него на лбу клеймо: виселица! Говорят, что похитив казну, один из них ушел с деньгами, а другого поймали, и генерал Сераковский велел его заклеить. Я еще видел обоих. Они померли уже лет за сорок.

в Литве, в Большой и Подолии, если не были принуждены силой к вооружению, оставались равнодушными зрителями происшествий, и большей частью даже желали успеха русским, из ненависти к своим панам, чуждым им по языку и по вере. Вообще, в так называемое костюшковское восстание, шуму, разглагольствований, похвальбы, приготовлений было слишком много, но дела было чрезвычайно мало: вся деятельность сосредоточена была в Варшаве и Вильне, а провинции были оставлены на произвол судьбы! Негодяи пользовались расстройством края, наезжали на дворы, грабили и даже убивали, хотя редко, безвинных, провозглашая их изменниками. Никто не слушал властей, не имеющих силы. Русские в насмешку говорили, что поляки *проспали Польшу*. Это несправедливо: не проспали, а *проболтали*. Ораторов было множество, а не было воинов, и бодрствовали не для дела, а для интриг и собственных выгод.

При самом начале переворота в Польше (с 1791 года), когда варшавские дельцы стали провозглашать правила французского конвента (*la Convention*), объявили Польшу вольным пристанищем для всех беглецов из соседних государств, стали порицать узаконения своих соседей и форму их правления, даже провозглашать личности против государей, и возбуждать соседние народы к восстанию, для шествования к одной цели с Польшей, – тогда соседние государства, по предложенному сперва плану Фридрихом Великим, решились на крайнее средство, как бывает при пожарах, т. е.

вознамерились разобрать дом, угрожающий зажечь соседние дома. Последний порыв героизма, возбужденный Костюшкой, не спас Польши, которую уже оторвали велеречивые теоретики и гнусные эгоисты. Я застал, так сказать, последний вздох умирающей Польши...

Обращаюсь к повествованию.

За несколько месяцев перед сим, отец мой выгнал из службы помощника нашего приказчика, за дурное поведение и, кажется, за воровство. Он был шляхтич, и оставшись без места, оседлал своего коня и определился в так называемую *рухавку* (конную милицию из шляхты), формировавшуюся в Новогрудке. Был ли он на войне или нет, не знаю, но после пленения Костюшки он возвратился на родину с деньгами, начал мотать по корчмам, с подобными ему негодьями, и грозил заочно мстью моему отцу, что было уже нам известно. Этот-то человек, узнав, что наше семейство прячется в лесу, вознамерился нас ограбить и вероятно всех перебить, чтоб прикрыть следы злодейства, и, таскаясь по корчмам, подговорил на этот подвиг несколько пьяных шляхтичей и десятка два самых развратных мужиков, уверяя, что русские, заняв край, не станут разыскивать тех, кто убил и ограбил панов, с которыми они воют. В тот же день, как злодей с шайкой своей отправился в лес нас отыскивать, – не со стороны нашей усадьбы, к которой он не смел приблизиться, но из далека, через болото, – крестьянка, благодарная моей матери, узнав об этом от соседки, которой муж принадлежал

к шайке, побежала в Маковищи и, боясь сказать об этом приказчику, не доверяя ему, расспросила у коровницы, каким путем пошло наше семейство в лес, и по следам нашим нашла нас. Этой женщине матушка дала лошадь, чтоб она скорее поспела в наш дом, и наши люди стали готовиться к защите от разбойников.

Семен, не любивший корчмаря Иоселя за то, что он, по приказанию отца моего, не давал ему в долг водки, и, пользуясь милостью господ, иногда грубо обходился с дворней, сказал, что он подозревает Иоселя в измене. Это мнение разделяла вся наша прислуга, по врожденной ненависти своей к жидам – и Семен клялся, что при первой встрече убьет его, как зайца. В нашем лагере раздались проклятия и угрозы против Иоселя, которого защищала одна моя матушка. Вскоре увидим, какое участие принимал он в этом деле.

Кондратий, бывший с моим отцом в походе, имел первенство в совете, он предлагал составить род укрепления из земли и сучьев, и засесть в нем, закрыв сверх того от пуль матушку, сестер и меня пуховиками. Другие советовали возвратиться домой, как можно скорее, что и матушке казалось лучше, но страх от встречи с русскими удерживал ее... Бог весть, что тогда рассказывали о русских, хотя в самом деле война ведена была в то время не так, как теперь. Победители почитали врагом каждого жителя неприятельской страны, не различая ни возраста, ни пола. Подвиги Девича и других были в свежей памяти: Прага еще дымилась, и от од-

ного имени Суворова бросало в лихорадку! Я спал спокойно, но никто в нашем лагере не смыкал глаз всю ночь; огней не разводили, и два стрелца, с заряженными ружьями, расхаживали вокруг поляны. На рассвете матушка велела выючить лошадей, и мы отправились в обратный путь. Матушка хотя и не решалась возвратиться домой, но вознамерилась приблизиться к опушке леса. Мы шли в тишине около двух часов времени, как внезапно, впереди, шагах в двухстах, в авангарде, составленном из Семена и Кондратия, послышался шум и говор. Матушка сказывала мне после, что ноги у нее подкосились, в глазах потемнело, и она сперва присела на сломанное дерево, а потом лишилась чувств. Она боялась более за детей своих! Меня отнесли в сторону, а сестры, сами чуть живые, бросились со служанками помогать матушке. Панна Клара от страха почти лишилась ума, и кричала изо всей силы.

Вдруг раздался громкий и внятный голос Семена: "Не бойтесь! Это добрые люди!" Сквозь чащу леса, однако же, нельзя было ничего и никого видеть. Матушку привели в чувство, но она была так слаба, что не могла привстать с места. Слова Семена оживили всех, но не надолго... Вдруг из-за кустов и между деревьями мелькнули русские гренадерские шапки и светлые мундиры. Все женщины, как курицы при появлении коршуна, немедленно сбились в кучу, и бросились на колени вокруг матушки, сидевшей 'на обрушенном дереве, склоняясь на руки моей няньки. Я сидел у ног

матушки. Женщины не смели поднять глаза, и были как полумертвые, и только одна пана Клара продолжала вопить: о, Боже мой, умиосердись! – и потом начинала громко пересчитывать всех святых, которые приходили ей на память... Минута была решительная и ужасная, и в самое это время на тропинке показался наш корчмарь Иосель, а с ним Семен и Кондратий. "Не бойтесь, не бойтесь, пани!" кричал Иосель, махая руками: "Ничего не будет худого; это добрые москали – я сам привел их сюда, чтобы спасти вас!.. Не бойтесь – и пана ожидают сегодня в Глуске; он верно к вечеру будет дома!". Мать моя ожидала, а с ней все другие. Сестры мои от радости стали обнимать и целовать Иоселя; у матушки слезы полились градом, а у панны Клары сделались страшные спазмы: она смеялась и плакала вместе, и валялась по земле. Иосель, поцеловал руку сперва у матушки, а потом у меня, вынув из кармана пряник, подал мне, как бывало в прежнее время. У матушки брызнули из глаз слезы. "Иосель!" сказала она: "Этого пряника я во всю жизнь не забуду!"

Дело объяснилось. Иосель, узнав от приятеля своего, корчмаря, что толпа негодяев вознамерилась перебить всех нас, чтобы завладеть нашими вещами, решил просить помощи у русского капитана, пришедшего накануне на квартиру в Маковищи, и капитан немедленно отправился к нам, с пятидесятью гренадерами, взяв с собой Иоселя, для указания Дороги и чтоб повесить его на первом дереве, если б он обманул его и ввел в какую-нибудь засаду. Жида вели свя-

занного и развязали только при встрече с нашими людьми.

Едва Иосель успел кончить свой рассказ, явился капитан, молодой человек, весьма красивый собой, в светло-зеленом мундире, с красными отворотами, в красных панталонах, в щегольской гренадерской шапке. Никогда я не забуду ни лица его, ни голоса, ни имени. Это был капитан Палицын, Фанагорийского Гренадерского (если не ошибаюсь) полка. Он подошел к моей матушке, успокоил ее, изъявил сожаление, что она, из опасения его земляков, подверглась такой опасности; уверил, что никому, даже последнему мужику, солдаты его не сделают ни малейшей обиды; потом, обратясь к сестрам, сказал с улыбкой, что он сберег их ноты, фортепиано и гитары, и оставил их комнаты незанятыми, и наконец, увидев меня уже на коленях у матушки, взял на руки, поцеловал и спросил, хочу ли я с ним подружиться. Видя, что появление его всех успокоило, я крепко обнял его за шею и сердечно расцеловал, отвечая, что хочу быть его другом, если он не убьет никого из нас. "Я, дружок, тогда только убиваю, когда на меня нападают, и защищаю тех, кому нужна моя помощь". Это сказано было не для меня, а для всех. "До дома еще далеко", сказал капитан дамам: "и вы не дойдете пешком. Прошу покорно подождать, я помогу делу..." И капитан, посадив меня на колени матушки, удалился, оставив всех в удивлений и недоумении. Тогда так боялись русских, что матушка моя не верила, чтоб капитан был природный русский, и сказала: "На счастье наше, это или поляк, или ли-

фляндец, или курляндец! (albo Polak, albo Liflandczyk, albo Kurlandczyk)". Впрочем, капитан Палицын весьма недурно говорил по-польски; он провел долгое время в Польше и, как после сказывал, имел искренних приятелей между поляками. Еще бы такому человеку не иметь приятелей! Да он нашел бы их и между ирокойцами!

Через полчаса возвратился капитан. За ним шестнадцать grenадер несли четыре носилки, наскоро сделанные из сучьев. Я не спускал глаз с солдат. Они имели ружье за плечами, на ремне, по-охотничьи. Капитан просил дам (в том числе и пану Клару, которая была больна от испуга), сесть на носилки. Сперва матушка и сестры противились и отговаривались, но наконец согласились. Положили на носилки подушки; дамы сели; меня взял на руки саженный grenадер, с предлинными усами, и, по команде капитана: вперед! шествие двинулось. Шагах в пятидесяти, на небольшой площадке, стоял отряд. "Песенника вперед!" сказал капитан, и часть солдат отделилась. Остальные солдаты, по одному, шли за нашим обозом, и мы весело пошли вперед, под звуки русских песен. Впервые услышал я тогда русские песни и солдатский хор; некоторые из тогдашних песен я после часто слышал, и они остались у меня в памяти.

Прибыв домой, матушка чрезвычайно удивилась, что капитан с поручиком заняли комнаты в гостинном флигеле, не сдвинув даже стулья с места в нашем доме. Явился наш управитель, и объявил, что по приказанию капитана он пригнал

во двор скот и привел лошадей, и что капитан приказал только кормить солдат в деревне и давать им винную порцию, обещая, что все будет смирно и тихо, как в мирное время. Приказчик промолвил, что он сам хотел ехать за ними, с известием, что в москалях Бог послал нам таких добрых людей, когда Иосель явился к капитану с известием о разбойниках, и капитан в ту же минуту собрал команду и отправился...

Матушка испросила у капитана позволение дать каждому солдату по рублю серебром и угостить на другой день всю роту во дворе, промолвив, что она надеется, что избавитель ее и всего нашего семейства не откажется разделять с нами стол и все, чем только она может с ним поделиться. Капитан согласился быть нашим гостем, и во все время своего квартирования в Маковищах проводил целый день в нашем семействе. Это был милый, образованный и добрый человек. Солдаты обожали его.

Хотя Иосель сказал, что отец мой придет скоро домой, но он возвратился через неделю, к самому обеду, и, зная уже все случившееся, бросился в объятия капитана, со слезами благодарил его за благородное обхождение, покровительство и избавление нас от величайшей опасности. Отец любил жить весело: он тотчас послал приглашение к соседям, прося их приехать на несколько дней, с семействами, повеселиться, перед отъездом всего нашего семейства в Несвиж. В этом городе велено ему было проживать, по его должности, и он не хотел расставаться со своим семейством, чтоб не подвергать

нас снова подобным приключениям. Наехало гостей множество, и как погода была теплая, то дамы поместились в комнатах, а мужчины, вместе с моим отцом, устроили себе жилище на гумне. Привезли из Глуска музыку графа Юдицко-го. Капитан Палицын, по просьбе отца моего, пригласил приятелей своих офицеров – и пошла пируха! Каждый день прогулки, большой обед, танцы, ужин, музыка, пение – и так пи- ровали целую неделю. Тут я увидел в первый раз так назы- ваемую *лодку*, представляемую русскими песенниками, уви- дел русскую пляску, и так полюбил лихих русских солдат, что не отходил от них, носил им водку, виноградное вино, булки, пироги, и давал даже деньги, выпрашивая у родите- лей. За то и солдаты полюбили меня, и говорили пророче- ски: «этот будет наш!» Я бросил все мои игрушки, и играл штыками и тесаками. В карманах у меня были пули, через плечо золотой шарф капитана Палицына. Через неделю он, после бала, продолжавшегося до утра, выступил с ротой в поход, в Слуцк, провожаемый с музыкой всем обществом, верст за пятнадцать, где приготовлен был завтрак на проща- нье, а после него, на третий день, выехали мы в Несвиж. Пе- ред выездом не досчитались панны Клары. Она примкнула к Фанагорийскому гренадерскому полку, но только не под по- кровительство доброго Палицына – и без него нашелся дру- гой охотник до этой дичи!

ГЛАВА II

Старинный польский дорожный поезд. – Победитель Костюшки Граф Ферзен. – Первое собственное оружие. – Жизнь русских офицеров в Польше. – Поляки. – Испуг.

Удивительно, как все изменилось в короткое время! В Польше было тогда какое-то молодечество, от которого никто не смел уклониться. Подраться на саблях значило почти то же, что чокнуться стаканами. Каждый мужчина долженствовал быть отличным ездоком и стрелком из ружья и пистолета. Погасить свечу пулей, попасть в туза или убить налету, пулей, ласточку – ныне причисляемое к редкостям, почиталось тогда делом обыкновенным. Мужчина не смел ездить в карете или в коляске: это предоставлялось больным и женщинам. Семидесятилетие старики ездили верхом в дальний путь, например, с берегов Березины в Варшаву. Только некоторые богатые модники, возвратясь из изнеженного Парижа, презирали старинные обычаи; но таких людей было весьма немного, и их преследовали сатирой и насмешками. Таким образом, как наше семейство ехало в Несвиж, ездили тогда все порядочные шляхетские фамилии. Роскошь магнатов, особенно многочисленность их прислуги и лошадей, превосходила всякое вероятие. Например, князь Карл Радзивилл выезжал, иногда, в тысячу коней!..

Маршрут наш назначен был предварительно, и бричка, в четыре лошади, с кухонными снарядами, с поваром и поварами, шла впереди, шестью часами перед главным поездом. На назначенных местах повар готовил обед и ужин. Завтрак и полдник везли с собой. Матушка с сестрами и со мной ехала в четырехместной огромной карете, на *пасах*, (т. е. на ремнях, потому что рессоры тогда мало употреблялись), запряженной цугом, в шесть сивых лошадей, без форейтора. Кучер правил с лошади, а не с козел. Перед каретой и за ней ехали верхом четыре стрельца с ружьями наперевес, с кортиками и с охотничьими рогами; на запятках стояли два огромные лакея, одетые по-венгерски, с высокими волчьими шапками. Эти лакеи назывались *гайдуками*. За каретой шла коляска, запряженная цугом четырьмя карими жеребцами, и кучер также правил с лошади, без форейтора. Сбруя была краковская, т. е. высокие хомуты с бубенчиками; но в городе употребляли английские шоры с серебром. В коляске сидел камердинер батюшки, а на запятках казачек, бандурист. Потом ехал пикер (по-польски *доезжащий*) и его помощник, ведя гончих и борзых собак на сворах. Несколько брик (кажется три), каждая в четыре лошади, также цугом, с постелями, туалетом, столовым сервизом и разными вещами, шли за коляской. В бричках сидели служанки и так называемые *покоевцы*, т. е. комнатная прислуга, из молодых и красивых людей. При бричках ехали, также верхом, официант, носивший в Польше название *маршалка*, и конюший. Первый был

то же, что в Испании majordome, т. е. заведовал кухней, буфетом и прислугой, а второй управлял конюшней и охотой. За бричкой ездовой, верхом, вел парадную верховую лошадь батюшки, под богатой попоной с гербами, а в замке тянулись крестьянские подводы с съестными припасами, мукой, крупой, разным копченым мясом, водками, ликерами, вареньями, сырами, и т. п. Отец мой ехал верхом на сером жеребце, а за ним ездовой (по-польски либзак, lozak) в куртке с галунами, в шишаке с перьями, с кортиком; он вез длинный турецкий чубук и весь трубочный припас. Весь поезд ехал обыкновенно шагом или, по хорошей дороге (что тогда была редкость), малой рысцой. Без этой свиты не мог выехать порядочный челок, шляхтич bene natus et possessionatus! Подъезжая к усадьбе или местечку, кучера хлопали бичами, ездовые трубили в рога и стреляли на воздух из ружей и пистолетов, чтоб дать знать, что едет пан.

Все польские власти были тогда в разброде; страной управляли русские генералы и поставленные ими офицеры. Начальники были рады-радешеньки, если могли ухватиться за кого-либо из туземцев, и отец мой, в звании народного гражданско-военного комиссара³, должен был поневоле исправлять обязанности маршала (предводителя дворянства), судьи и всех полицейских властей. Не знаю, на какое

³ Komisarz ciwilno-woyskowy. Это было нечто вроде французского *representant du peuple, en mission*. Он долженствовал наблюдать за вооружением народа и порядком в стране, и действовал от имени Временного правительства, учрежденного в Варшаве.

пространство простиралась эта принужденная власть его, но официально он был комиссаром Воеводства Новогрудского.

Польша издревле славилась беспорядками всякого рода, особенно дурными дорогами и мостами. На этот счет существует даже насмешливая пословица⁴.

Верстах в двадцати от Несвижа надлежало проезжать через ручей, который в полную воду был довольно широк и быстр. Осмотрев мост, люди наши уверились, что он не поднимет кареты, а потому стали искать брода. Отец мой первый проехал в броде, но не остался на другом берегу, а воротился, чтоб распорядиться при спуске кареты. Карета прошла через воду благополучно, но при подъеме передние лошади стали путаться, и карета нагнулась на сторону. Сестры от испуга закричали, и отец мой, ехавший возле кареты, дал шпоры лошади: она рванулась на берег, и, не знаю как, оступившись или завязнув в грязи, упала на бок. Отец попал под лошадь, и ударившись о камень, поломал ногу. Мы все выскочили из кареты и с криком и плачем подняли его; стрельцы перевязали ногу между двумя досками, положили в коляску, и поскакали во весь дух в Несвиж. Мы также поехали во всю рысь...

Дом для нас был приготовлен Магистратом. Когда мы приехали, отец мой был уже перевязан искусным доктором

⁴ Польский мост. Жидовский пост, Турецкое богомолье – все это безделье. По-польски это в стихах: Polski most, Zydowski post, Tureckie nabozenstwo, wszystko blazenstwo.

и лежал в постели. Докторе успокоил матушку, и уверил, что через шесть недель отец мой будет совершенно здоров и встанет с постели, и что не предвидится ни малейшей опасности.

В Несвиже была тогда временная главная квартира Генерала Графа Ферзена, который победой, одержанной над Костюшкой, и взятием его в плен, стяжал себе всемирную славу. В это время он наслаждался ею в полной мере, награжден был щедро Императрицей Екатериной II⁵ и Союзными дворами, и пользовался особенным уважением всей русской знати.

Некоторые из польских офицеров, бывших в сражений под Мациевичами, приписывают однако же победу генералу Денисову, впрочем весьма несправедливо, на том основании, что в начале сражения поляка одержали верх в центре, где начальствовал сам генерал Ферзен, который уже начал ретироваться, оставив на месте несколько пушек; по генерал Денисов, стремительно бросившись, с своей кавалерией, на левый фланг польский, смял его, обратил в бегство, и этим внезапным ударом привел весь корпус Костюшки в расстройство. Тогда уже генерал Ферзен стал громить центр польской своей артиллерией, и ударил в штыки. Как бы то ни было, но слава победы принадлежит всегда главнокоманду-

⁵ Он пожалован графом (из барона), получил чин генерал-аншефа, Андреевскую ленту и 2-й степени Георгия, богатые поместья на Украине, и от Австрийского и Прусского дворов ордена и богатые подарки.

ощему. Очевидцы и иностранные писатели должны вспомнить, что без счастливого движения генерала Дессе (Desaix) Наполеон не одержал бы победы при Маренго, однако ж слава принадлежит Наполеону. Ведь и Костюшко взял в плен не сам Ферзен, а мы должны говорить и писать, что Костюшко взят Ферзеном.

Разумеется, в общем расстройстве страны, при беспрерывных переходах войск, продовольствие его было сопряжено с величайшими затруднениями. Брали, где могли взять, и наконец выбрали все, что было на виду, а между тем большая часть запасов сохранялась помещиками и крестьянами в ямах, в лесах, между неприступными болотами. Надлежало иметь человека, который бы знал местность и средства каждого поместья, и умел распределить так называемую реквизицию (контрибуцию провиантом и фуражом), справедливо, без излишнего отягощения жителей и сообразно состоянию каждого помещика. Для этого Ферзен вытребовал отца моего в Несвиж, и весьма был огорчен случившимся с ним несчастием, которое замедляло предположенное учреждение Временной провиантской комиссии.

Лишь только язвенная горячка (Wimfieber) у отца моего миновалась, граф Ферзен навестил его, присылая прежде ежедневно адъютанта осведомляться о его здоровья. В эту самую пору у отца моего был доктор, и потому матушка приняла графа в гостиной, и, по польскому обычаю, представила ему все наше семейство. Граф Ферзен, после первой веж-

ливости, сказал матушке, что она, будучи матерью русского воина, как русская, имеет полное право на покровительство русского правительства, и просил ее, чтоб она избрала его в представители перед троном Великой Монархии. Матушка, разумеется, приняла это за комплимент, однаккож все наше семейство было обворожено ласковостью, хорошим тоном и добродушием графа Ферзена. Заметив привязанность матушки ко мне, державшей меня на коленях, граф Ферзен обратился ко мне, а матушка велела мне подойти к графу и приветствовать его. Граф поцеловал меня в лоб и обещал принести конфеток и игрушек. Я столько наслышался в доме нашем о графе Ферзене, о Костюшке (которого обожали в нашем семействе), что с недоверчивостью слушал графа и с величайшим любопытством рассматривал его. Граф Ферзен был уже стар, лет шестидесяти, но по лицу казался еще старее. Он был сухощавый, весь в морщинах и согнутый; щурил глаза и закрывал их рукой от света. Особенно помню, что он весьма был напудрен, и имел трость с набалдашником, осыпанным драгоценными камнями. Посидев с дамами с полчаса, граф пошел в комнату отца, где пробыл долго, и с другого же дня в спальне отца моего начал собираться ежедневно комитет, составленный из нескольких помещиков и русских штаб-офицеров, для учреждения земской полиции и установления правильного продовольствия войска.

Граф Ферзен занимал весь замок, или дворец (palas) князя Радзивилла, властителя Несвижа, жил роскошно, по цар-

ски, разумеется, по тогдашнему обычаю, на счет города и помещика, который был за границей. Вся оставшаяся в доме прислуга княжеская и все, что оставалось в целости – домашние снаряды, сервизы, лошади и экипажи, находились в распоряжении графа Ферзена. Дня через два после своего посещения, граф Ферзен снова приехал к нам, просить матушку с сестрами на вечер: на концерт, был и ужин. Матушка отговаривалась всячески, и наконец должна была обещать, что будет, если какие особенные обстоятельства не помешают.

После узнал я причину, по которой матушка не хотела ехать на вечер к такому важному человеку. Граф Ферзен, не смотря на преклонные свои лета и хилость, был страстным обожателем прекрасного пола, и имел при себе трех юных собеседниц, полек. Тогда был иной век, и русские вельможи, а за ними и их подчиненные, не скрывали того, что в наше время, если и делается, то лишь тайно и с некоторыми приличиями. Русская знать все еще жила в веке Людовика XV. Все богатые и достаточные люди в России держали явно любовниц, хвастали ими, как ныне хвастают мебелью или лошадьми, и никто не обращал на это внимания. Некоторые богачи, поселившись в деревне, имели целые хоры певиц, танцовщиц или целый завод кружевниц, и все это было в порядке вещей. В Польше, где все дворянство, исключая должностных при Дворе, проживало большую часть года в своих поместьях, в семейном кругу, между родными, соблюдалось более приличий в этом отношении. Любовные

интриги хотя и существовали, но тайно и благопристойные, и не взирая на вольное обращение между полами, никто не дерзал похвастать тем, что имеет любовницу. Женщина подозрительного поведения не смела даже показаться в люди.

Русские офицеры, *особенно пожилые*, вели себя непременно, разобрали по рукам всех хорошеньких служанок из шляхтянок, всех пригожих дочерей экономов и даже жен многих шляхтичей, словом, всех легкомысленных девушек и женщин, получивших некоторую наружную образованность в господских домах, и умевших искусно подражать всем манерам своих прежних барынь и барышень, и жили с ними явно, как с женами. Надобно сознаться, что польки соблазнительны! Один польский поэт сравнивает их, по грациозности, с *молодыми кошечками!* Польки ловки, любезны, кокетки от природы, и умеют принимать на себя все оттенки различных характеров, сообразно нраву того, кому хотят нравиться. Трудно противостоять их искушению, в чем сознался и великий Суворов! В противоположность этому, женская ловкость, развязность и любезность сосредоточивались тогда в России только в высшем обществе, а в обыкновенном дворянском кругу женщины были манерны, застенчивы, неловки и старались казаться в высшей степени чинными и степенными. Приманка в Польше была слишком велика, и покорители Польши щедро вознаграждали себя за понесенные труды за скуку с русскими женщинами, и жили в Польше, как в Магометовом раю, с той разницей, что в поль-

ско-магометовом раю было, сверх благ – венгерское вино! Многие любовницы совершенно овладели своими обожателями, и они, повинувшись их воле, вводили своих любовниц в порядочный круг, возили на балы, приглашали к себе гостей, словом, ввели их во все права законных жен.

Пока кипела война и каждый вооруженный человек был страшен, тогда все терпели и даже искали покровительства любовниц; но когда громы войны замолкали и императрица Екатерина II решила присоединить к России Литву, то с мирными и покорными жителями велела поступать снисходительно и ласково – и они ободрились. К тому же, многие поляки уже находились при дворе российском, и обещали землякам своим защиту и покровительство. И так, хотя страх русского имени еще не исчез вовсе в Польше, но уже значительнейшие из жителей заняли прежние места свои в обществе и не покорялись слепо воле каждого, носившего русский мундир. Многие дамы не ездили даже в церковь, чтобы не встречаться с русскими собеседницами, щеголявшими нарядами и экипажами. Эти собеседницы русских воинов приводили в соблазн своей роскошью, и не появлялись в люди иначе, как осыпанные алмазами и жемчугом.

И так, матушка моя боялась унизиться, или, как говорится, скомпрометироваться, попав в общество этих собеседниц, тем более, что слышно было, будто и наша панна Клара разъезжает по городу в богатом экипаже какого-то майора. Матушка созналась в этом доктору, лечившему отца моего,

а как этот доктор, земляк графа Ферзена, был с ним фамильярен и пересказал ему справедливые опасения матушки, то граф Ферзен был так деликатен, что в тот же день прислал матушке список всех званных гостей. Разумеется, что матушка после этого поехала с сестрами на вечер, на котором младшая сестра, Антонина, приобрела общие похвалы за отличное свое пение и ловкость в танцах.

Поляки, подобно богемцам, народ музыкальный – и богемцы потому только превосходят в музыке все славянские племена, что имеют в Праге консерваторию, распространяющую вкус и образующую учителей. В Польше также в каждом шляхетском доме занимаются музыкой. Почти каждая бедная шляхтяночка играла в то время на польской гитаре (с семью железными струнами), и во всех помещичьих домах все дамы играли на фортепиано, на арфе и даже на гусях, которые тогда были в большом употреблении. Все польки учились пению в женских монастырях. Младшая сестра моя, Антонина, была одарена необыкновенным талантом в музыке, имела прелестный голос, пела с удивительным чувством и выражением, и играла отлично на фортепиано, на арфе, на гитаре и на гусях. Страшная сестра, Елисавета, воспитанная, как и младшая, по тогдашнему обыкновению, в монастыре сестер бенедиктинок, в Минске, где наша родственница была настоятельницей, Елисавета, по странному вкусу, избрала для себя кларнет, и играла на нем очень хорошо, участвовавшая прежде в монастырском музыкальном хоре.

Дом наш сделался местом собраний всех русских офицеров и всех семейств, съехавшихся в Несвиж, для избежания опасностей от мародеров, и почти каждый вечер у нас занимались музыкой и танцами, и играли в карты. Страшно вспомнить об этой игре! Червонцы ставили на карту не счетом, *а мерой* – стаканами! В офицерских квартирах, как рассказывал отец мой, играли также на вещи: на жемчуг, алмазы, серебряную и золотую посуду, часы, перстни, серьги, драгоценное оружие и конскую сбрую. Шайки Варшавских и Виленских шулеров разъезжали из одного штаба русских войск в другой штаб, и прибирали к рукам добычу. Многие игроки сделались богачами, хотя и с переломанными костями, без глаза или без зубов; некоторые лишились жизни за карточным столом. Тогда на все смотрели сквозь пальцы! Благоразумнее всех поступали русские офицеры из немцев: они отправили свои сокровища домой, потом накупили мыз в Лифляндии и Эстляндии и, вошед бедняками в службу, оставили детям богатое наследство. Большая часть русских, что нажили в Польше, то в ней и прожили. Славянская кровь! Почти то же было и с поляками в России, во время Самозванцев, с той разницей, что поляки проигрывали своим и чужеплеменникам.

Граф Ферзен был ежедневным нашим гостем, и полюбил искренно наше семейство. Я был его любимцем, ходил к нему почти каждое утро завтракать, бегал по комнатам, играл с его попугаями, моськами и с его оружием, и весьма ча-

сто оставался обедать. В шутку называл он меня своим полудьютантом, и посылал через меня бумаги к моему отцу. И он сам, и собеседницы его, и адъютанты и даже прислуга, забавлялись мной, потому что я был резв, смел, всегда весел, разговорчив, и заставлял их часто хохотать моими детскими речами и простодушием. Однажды, когда граф Ферзен был в самом веселом расположении духа, а я дразнил его попугая, грозя ему маленьким ятаганом, который был у меня в руках, граф спросил: "Что ты хочешь, чтоб я подарил тебе: попугая или эту саблю?" – Попугай мне чрезвычайно нравился, но я, взглянув на него и на ятаган, сказал: "Дай саблю!" – "Зачем тебе она?" примолвил граф. – "Бить всех, кого дядя Костюшко прикажет!" отвечал я. Разумеется, что я говорил точно так, как попугай, с которым я играл, т. е. повторял то, чего наслушался дома, а в то время только и толков было, что о беспредельном повиновении избранному вождю и неповиновении Королю. – "А разве ты не знаешь, что у тебя есть король, и что ты должен слушать его, а не Костюшку?" промолвил граф. Я отвечал затверженной мною и тогда общей поговоркой: "Король Понятовский, дурак по Божьей милости" (*Krol Poniatowski, kiep z laski Boskiey*)⁶ Ферзен и все присутствовавшие расхохотались, и граф сказал: «Возьми же эту саблю, я дарю тебе ее, а попугая отнеси от меня

⁶ Я слышал, будто знаменитый князь Карл Радзивил велел вычеканить несколько сот червонцев с изображением короля и этой надписью, и что эта монета была в обращении в Варшаве. Пример разладицы и неустройства! Могло ли существовать государство при таком своеволии?!

матушке». Я бросился к графу, вспрыгнул к нему на колени, стал обнимать и целовать, замарался весь пудрой, и сказал: «Тебя не убью, хоть бы дядя Костюшко велел!» – «Спасибо, очень благодарен», отвечал граф, смеясь. Я тотчас попросился домой, чтоб похвастать моей саблей, и, пробегая ряд комнат в переднюю, не мог удержаться, чтоб не хватить саблей по лбу мраморного сатира, который стоял в нише, в карикатурном положении, высунув язык. Со мной был мой дядька, который рассказал матушке все происшедшее, и она чрезвычайно испугалась, чтоб граф Ферзен не заключил из слов моих о неприязненных чувствах нашего семейства к настоящему порядку дел. Лакей графа принес, вслед за мной, попугая, а вечером приехал и сам граф, и когда матушка начала объясняться на счет моих речей, граф Ферзен, как она мне после сказывала, возразил: «Я сам на вашем месте думал бы точно так же. Неужели вы почитаете наше правительство столь неблагоприятным, чтоб оно после всего, что здесь случилось, требовало от вас внезапной любви и верности? Наша Великая Монархиня созидает дела вековые, и что веками было расторгнуто, то веками и соединится. Здесь была некогда Русь – и будет со временем! Мы требуем только, чтоб вы были спокойны и не порывались на невозможное, для собственного вашего блага. Есть русская пословица: сила и солому ломить – не забывайте ее, а мы перестанем говорить об этом». Так думал и, сообразно с своими правилами, так поступал граф Ферзен; но, по несчастью, были и такие,

которые думали и поступали иначе, или не понимая видов правительства русского, или не исполняя их из собственных выгод.

Отец мой совершенно выздоровел, и хотя еще подпирался, тростью, но выезжал со двора. Однажды, когда все семейство наше было отозвано куда-то на вечер, а я уже спал, вдруг какой-то ужасный рев разбудил меня. Комната моя была освещена внешним блеском. Няньки не было в спальне, я вскочил с постели, подбежал к окну, взглянул – и вся кровь во мне застыла. Вижу, что во всю длину улицы тянутся какие-то страшилища, в белой и черной длинной одежде, по два в ряд с факелами, и ревут во все горло, а посередине, между множеством знамен, толпа этих же чудовищ несет гроб⁷.

Няньки служанки натолковали мне прежде о ведьмах, колдунах, чертях, мертвецах, и т. п.; в моем разгоряченном воображении представилось что-то такое ужасное, что я не мог двинуться с места от страха, упал замертво, и больше ничего не помню. Когда я пришел в чувства, два гайдука качали меня на простыне, как в койке, среди комнаты. "Маменька, где ты?" спросил я, и она бросилась ко мне со слезами и прижала к сердцу. – "Дай мне есть, я голоден!" Матушка чуть держалась на ногах от радости. Тотчас послали за доктором и за отцом, которого призвал к себе по делам граф Ферзен. Доктор обрадовал родителей, сказав, что теперь он отвечает за жизнь мой. После рассказали мне, что я девять дней про-

⁷ Это были похороны настоятеля католического монастыря.

лежал в горячке, с бредом, и что все лишились надежды на мое выздоровление. Пришед в чувства, я был однако же так слаб, что не только не мог стоять на ногах, но и едва шевелился. Через три недели я с трудом ходил по комнате.

Во время моей болезни, граф Ферзен уехал в Петербург. Летом 1795 года началось окончательное присоединение бывшей Литвы, Большой и Подоли к России. Генерал-губернатором в Литве был генерал-аншеф князь Репнин, прежний посол при польском Короле, или правильнее, правитель всей Польши; минским губернатором назначен был генерал-поручик Тутолмин. Главная квартира дивизии войск, занимавших частей Литвы, прилежащую к Белоруссии, переведена в город Минск, и начальство над этой дивизией поручено генералу Денисову. Повсюду стали приводить к присяге дворянство, духовенство и мещан всех исповеданий, и в конце июня обнародован генералом Тутолминым знаменитый манифест императрицы Екатерины II, подтверждающий все права и привилегии, которыми эти области пользовались прежде. В новоучрежденных губерниях, вместо прежних воеводств, вводили русское управление, оставляя прежний порядок касательно избирательных мест, но только в казенных местах и по полицейской части определяли русских чиновников, и когда, 12/24 октября 1795 года, между тремя державами решено было разделить между собой бывшую Польшу – в провинциях, присоединенных к России, уже введено было новое устройство и принесена присяга, хотя Король

польский, проживавший в Гродне, подписал акт отречения от престола только 13/25 ноября того же года. При введении нового порядка вещей обязанности отца моего по званию Военно-гражданского комиссара кончились: он отправился в Минск, для сдачи отчетов генералу Тутолмину, а семейство наше возвратилось в деревню.

ГЛАВА III

Характеристический очерк последней эпохи древней Польши. – Иезуиты. – Шляхетские анекдоты – Попытки спартанского воспитания.

Не желаю никого оскорбить в моих воспоминаниях, особенно не намерен задевать народного самолюбия; но надобно быть более нежели несправедливым, надобно быть лжецом, чтоб не сознаться в том, что в течение всего XVIII века, когда все Европейские государства возвышались и совершенствовались, Польша непрерывно склонялась к упадку, т. е. лежала на смертном одре и в пароксизмах ожидала смерти. Если никто не решился взять Польшу, то единственно из уважения к памяти Вестфальского мира, обеспечившего равновесие в Европе, и из опасения общего замешательства в Европе, как-то было в Семилетнюю войну.

Нельзя раскрыть историю без сожаления и негодования. В XVI веке Польша занимала одно из почетнейших мест в Христианском мире, славилась учеными мужами и воинами, и на свои земные произведения выменивая все условия сокровища, имела даже запасы драгоценных металлов и дорогих камней. При поступлении на престол Сигизмунда III, Польша имела 16 000 000 жителей, на обширном пространстве между Балтийским и Черным морями, Двиной и Оде-

ром. В XVI века во всей Европе было весьма мало регулярного войска, и силу государства составляло везде земское ополчение, т. е. дворяне со своими вассалами и горожане, вооружавшиеся на время войны. В Польше, до избирательных королей, пехота была наемная из немцев, венгров и шотландцев, а всю силу составляла конница из шляхты, или *общее восстание* (pospolite ruszenie). При Владиславе II, против Ливонских рыцарей 150 000 шляхты село на коня; при сыне его, Казимире, 60 000 вооружились при первом восстании к защите отечества, а при Иоанне Албрехте выступило в поле 80 000 конной шляхты. Но когда все государства, удостоверясь в важности пехоты и в необходимости содержать постоянное войско, устроили регулярные армии, воздвигли крепости, завелись артиллерией, в Польше все оставалось по-старому. Говорили много на сеймах и говорили хорошо, составляли умные проекты – понапрасну, и наконец, едва дошли до того, что устроили 12 000 регулярного войска и артиллерию! Во всем государстве не было ни одной порядочной крепости! Без денег самый мудрый король не мог ничего предпринять к благосостоянию государства, а подати зависели от сеймов, на которых послы (т. е. депутаты) тогда только были согласны между собой, когда надлежало произнести veto (не позволяю) против предложения о податях. При бедности государственной казны, короли были рады, что богатое духовенство, владея огромными поместьями, приняло на себя воспитание юношества; но когда с

восшествием на престол Сигизмунда III иезуиты овладели почти исключительно воспитанием, прежний свет в Польше померк, и настал мрак, в котором большая часть шляхты уже не видела прямых выгод государства.

Иезуиты систематически истребляли истинное просвещение, и помрачали даже здравый рассудок, на основании правила Омара, сжегшего Александрийскую библиотеку! Они держали в своих школах людей от юношеского до зрелого возраста, шпигуя их память латынью и отягчая ум ложными понятиями о науках, искажая истину, когда она не согласовалась с учением Римской церкви, и только тех из учеников допускали в святилище наук, которые соглашались вступить в их братство. Основанием иезуитского воспитания был самый иступленный религиозный фанатизм, безусловная преданность папской власти, интолеранция (нетерпимость других исповедей) и пропаганда, т. е. распространение католицизма. Иезуиты и их достойные воспитанники ненавидели всех христиан не римско-католической веры и не признающих Папу главой церкви, и почитали их ниже мусульман, евреев и даже идолопоклонников. Из этого учения, глубоко укорененного в сердцах, восстала Уния, лишившая Польшу главной ее опоры – Малороссии, и произошло отчуждение всех не католиков от Польши.

Почти вся Литва и лучшее Литовское шляхетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдалили от занятия всех

важных мест в государстве, и стали приманивать в католическую веру знатную православную шляхту – пожалованием старост, ленных и амфитеутических имений, и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство мало-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру, и получила несколько имений под различными титулами, из коих одно, амфитеутическое имение, Рудавка, возле Свислочи (в Гродненской губернии, Волковыском уезде) и поныне находится в нашем роде, до тех пор, пока он будет существовать.

Итак, первая и главная, а лучше сказать, единственная радикальная причина упадка Польши была власть иезуитов, истребивших истинное просвещение и укоренивших в умах нетерпимость (*intolerance*). Вторая причина, следствие первой, была слабое правление избирательных королей (после Ягеллонова рода), а особенно последних королей Саксонского дома. Вольтер сказал в шутку: "*Quand Auguste buvait, la Pologne etait ivre!*" Это сущая истина! Со времени Августа II, пьянство жестоко распространилось между шляхтой, и наконец Венгрия все свое вино продавала в Польше. За пшеницу, лен и пеньку, продаваемые в Данциге, Риге и Мемеле, помещики покупали почти исключительно пряности и крепкие виноградные вина. Псовая охота, карточная игра, попойки и рыцарские упражнения, т. е. гарцевание на конях и поединки, составляли обыкновенное препровождение време-

ни. Дворянские выборы в должности (сеймики) и в послы, т. е. депутаты на сеймы, и непрерывные и бесконечные процессы были единственным важным занятием шляхты. Впрочем, страсть к процессам происходила вовсе не от любопытства; процессы всегда почти рождались или из ложного честолюбия, или вследствие личной ссоры. Хоть бы лишиться последнего куса хлеба, лишь бы поставить на своем!

Кроме того, процессы заменяли театр и литературу в провинциях. Речи адвокатов (голоса, *glosy*), так называемые манифесты, т. е. изложение претензий, печатались и рассылаемы были ко всем приятелям. Судопроизводство было открытое, и привлекало в запутанных делах, или когда тягались значительные люди, множество слушателей в суды. Сами тяжущиеся говорили иногда речи, и это занимало умы и убивало время. На выборы свозили десятками мелкую шляхту (потому что каждый шляхтич имел право избирать и быть избранным), кормили и поили их на убой, и в случае спора заставляли драться между собой. Редкий шляхтич не имел рубцов на щеках и на голове. Искатели мест старались блеснуть красноречием, роскошью и щедростью, разорялись на пустяках. Приговоры суда, по процессам, редко исполнялись без употребления силы со стороны выигравшего процесс, и если проигравший тяжбу защищался, тогда происходила формальная война.

Иногда случалось, что, по самым пустым притязаниям, богатый пан, собрав пьяную шляхту, выгонял из имения бед-

ного или смиренного помещика, и потом начинал процесс. Это изгнание называлось *заездом* (zaiazd), и случалось весьма часто. Законные власти не в силах были ни предупредить зла, ни удержать его, когда непослушный принадлежал к могущественной партии или фамилии. Одним словом, законы в Польше были бессильны, и от бесчисленных процессов богатели одни адвокаты. Правда, во всей Польше не слышно было о *взятках*, и в польском языке даже нет настоящего слова для выражения *лихоимства*; но весьма часто случалось, что судьи судили несправедливо из страха, по духу партий, ради покровительства вельмож, что выходило на одно и то же.

И что значило государство без просвещения, без государственной казны, без полиции (в Польше никогда не допускали учреждения ее), без силы законов, без войска, без всякой промышленности? Государство, омраченное фанатизмом, расстроенное во всех своих частях своеволием шляхты, деспотизмом вельмож и самым тяжким рабством земледельцев?! Страшно подумать! Последний Король, Станислав Август (Понятовский), был человек умный, любезный, добродушный, даже ученый, страстный любитель литературы и художеств, но слабого характера – нерешительный и несмелый; нравственно он был, однако ж, полезен своему несчастному отечеству. Не имея средств истребить зла, он, по крайней мере, употребил все от него зависящее, чтобы положить основание добру. Он дал другое, сообразное с веком, направление воспитанию юношества в Варшавском Кадетском кор-

пуге, и имел усердного помещика в аббате Конарском (монашеского ордена пиаров). Пиарские школы противодействовали иезуитскому воспитанию. Князь Чарторийский (дядя Короля), основал учебные заведения в имении своем, Пулавах, для шляхты обоих полов, и из этих-то школ вышли все достойные люди последнего времени Польши. Литература воскресла; искусства ожили; но это были только блистательные звезды на мрачном горизонте. В Варшаве и Вильне была утонченность Парижа, а в провинциях, особенно в Литве и на Украине, господствовали фанатизм средних веков, своеволие степей Аравийских и пьянство и прожорливость дикарей Америки. Тут было в полном смысле: кто кого смога, тот, того в рога!

Отец мой был весьма далек фанатизма, напротив, был сильным приверженцем веротерпимости и всех нововведений. Он был воспитан просвещенным католическим аббатом, родом из древней польской Пруссии (Вармии), немцем, и любил философское, политическое и историческое чтение. Отец мой был не только умен, но даже остроумен, весельчак в полном смысле слова, чрезвычайно добродушен, честен во всех своих делах, но имел несчастный характер: был чрезвычайно вспыльчив, увлекался первым впечатлением, и при наружной популярности был чрезвычайно горд в душе. Для удовлетворения этой гордости он жертвовал всем, и жизнью, и имением. Он готов был обниматься и сидеть рядом с самым убогим шляхтичем, который подчинялся его воле, но за

один косо́й взгляд равного или почитавшего себя высшим, за одно слово, которое казалось ему оскорбительным, вызвал на дуэль или мстил явным оскорблением. Он был, как ныне говорят, человек эксцентричный, и поступал во всем не так, как другие. Этот пагубный характер навязывал ему беспрестанно хлопоты и беспокойства, и был причиной его собственного несчастья, а отчасти и всего семейства. Щедрость его не имела пределов: он дарил все, что нравилось его друзьям, и при деньгах сыпал ими без всякой нужды, как будто обладал неисчерпаемыми сокровищами! Роста он был высокого, сложения крепкого, силы необыкновенной, но по лицу, как говорят все знавшие его, я живой его портрет.

Расскажу о нем несколько анекдотов, которые в нынешнее время покажутся невероятными, и вместе послужат характеристикой тогдашней шляхты.

Отец мой остался малолетним сиротой после смерти родителей, с весьма хорошим состоянием, и опекунами его были родной дядя и знаменитый князь Карл Радзивилл – оригинал, каких мало было на свете, но самый добрый и благородный человек, прозванный по любимой своей поговорке: *пане коханку* (*panic kochanku*, по-русски почти то же что *любезнейший*). Это слово повторял он беспрестанно, говоря и с дамами и с королем, и с своим лакеем, и с жидом! Отец мой, приехав по делам своим в Слуцк, принадлежавший князю Радзивиллу, встретил на улице богатого жида, содержавшего в городе винный откуп (т. е. все корчмы), торговавшего

притом виноградными винами, и пользовавшегося особенной милостью князя. Жид этот хотя знал хорошо отца моего, на избалованный фамильярностью других помещиков, прошел мимо, не поклонившись. Отец мой, вспыхнув, закричал: «Долой шапку, жид!» и бросился к нему; но жид ответил грубо, скрылся в толпе радзивилловских слуг, и заперся в доме.

Отец мой велел немедленно запречь своих лошадей, и поехал прямо в Несвиж, к князю, который весьма любил его. Он пробыл у него несколько дней, и своими остротами и шутками привел князя, большого охотника до фарсов, в самое веселое расположение духа. Между ними было состязание в этом отношении, что весьма нравилось старому князю. На третий день, перед отъездом, отец мой сказал, что князь может оказать ему большую милость, но он не смеет просить его. "Скажи, чего хочешь, я все для тебя сделаю", отвечал Князь. – "Отдайте мне в аренду ваш фольварок (маленькую мызу или усадьбу) в полумиле от Слуцка", сказал отец мой. – "Зачем тебе эта мелочь? Я бы и подарил тебе, если б этот фольварок лежал на моей границе, а не в середине моих поместьев!" – "Я начал торговать украинскими волами", отвечал отец мой (а это была выдумка), "и мне нужно место под городом, для сгона разных партий". Князь расхохотался, зная, что отец мой вовсе неспособен к торговым делам. "Теперь не стану есть другого мяса, как твоих волов", промолвил князь шутя: "однако, боюсь, что ты заставишь меня долго поститься!"

В шутках и прибаутках князь подписал арендный контракт, и отец мой поскакал в Слуцк, взял немедленно в свое управление фольварок, поставил своего управителя, купил бочек сто водки, и велел продавать вполовину дешевле, чем продавали в Слуцке. Все горожане стали, разумеется, покупать водку на фольварке, и в корчах продажа остановилась. Жид-откупщик был в отчаянии, но делать было нечего, ибо отец мой, по польским законам, имел полное право продавать вино в своем имении, по какой угодно цене. Через несколько дней отец мой нарочно приехал в Слуцк, и жид-откупщик, в сопровождении княжеского управителя и почетнейших граждан, явился к отцу моему с повинной, и просил прощения в неумышленном оскорблении. Отец мой принял богатого жида хладнокровно, без воспоминания о прошлом, не изъявляя ни малейших признаков гнева. Тогда богатый жид завел речь о деле. "Зачем вам, такому пану, держать фольварок? Уступите мне аренду, я вам дам *вдвое*". – «Теперь не время об этом толковать», отвечал отец мой: «приезжай ко мне завтра, в полдень, на фольварок, там кончим дело. Я даю тебе слово, что уступлю аренду по моей цене: я не хочу барышей, и мне это шутка уже наскучила». Жид обрадовался, и на другой день явился в назначенный час. Контракт уже был готов, и оба они тотчас подписали его. Но отец мой не передал княжеского контракта, а отдал имение в аренду от *своего имени*. Когда дело кончилось, отец мой хлопнул в ладоши – и явились шесть дюжих

парней. «Бери его!» закричал отец, и слуги схватили жида, растянули и вlepили двести ударов кожаными постромками. Жид едва остался жив. Его положили замертво в бpичку, сунули контракт за пазуху, и отец мой сказал ему, что это только *первый* урок вежливости, а за другим и третьим уроками дела не станет, если жид от первого урока *не исправится*.

Лишь только в Слуцке разнеслась вестъ об этом поступке моего отца, весь жидовский кагал поскакал в Несвиж, к князю, с жалобой. Князь ужасно рассердился, и клялся примерно отмстить моему отцу за самоуправство в его владениях, и послал к нему нарочного с приглашением в Несвиж. Друзья умоляли отца не ездит к князю, пока гнев его не утихнет, и советовали немедленно отправиться в Варшаву и искать покровительства у Короля; но отец мой, не слушая никого, вооружился с головы до ног, поехал немедленно в Несвиж, и явился к князю в приемный часть, при множестве посетителей. Все смотрели с удивлением и страхом на моего отца, предполагая, что эта история должна дурно кончиться. Князь, вышед в приемную залу, окинул взором собрание и, увидев отца моего, раскраснелся от гнева, и прямо пошел к нему.

"Как вы, сударь, смели бить моего арендатора? воскликнул князь: я пойду с сумой по миру, но не допущу, чтоб кто-нибудь дерзнул оскорблять меня так нагло. Или вам жить или мне, или вам гнить в тюрьме или мне!.. Я вам покажу, что я значу!". Князь от гнева не мог более говорить и запы-

хался, а отец мой прехладнокровно отвечал: "Прошу только меня выслушать, а там делайте что угодно! Не только я не осмелился бы никогда прикоснуться пальцем к *вашему* арендатору, но если б даже кто другой тронул его, то я, как верный и усердный ваш приверженец, вступился бы за него, не жалея собственной жизни!"

"Итак, вы били моего арендатора?" спросил князь, несколько успокоившись. – "Нет, не бил *вашего* арендатора", возразил мой отец: "я бил *моего* арендатора, потому что выпустил Мовше в аренду *мою посессию*, в чем удостоверит вас вот этот контракт, и бил притом *моего* арендатора по принадлежащей *мне* половине его тела, а не по *вашей* половине, которой я вовсе не тронул". – Князь отступил три шага, смотрел пристально на моего отца, и требовал истолкования загадки. Отец объяснил дело. – «Неужели все это правда, что ты говоришь?» спросил князь. – «Жид здесь, прикажите справиться», отвечал отец мой. Послали расспросить жида, и посланец объявил, что жид точно получил двести ударов по одной половине тела.

Эта плохая шутка чрезвычайно понравилась князю; он расхохотался и держался за бока, расхаживая по комнате. Разумеется, что и все захохотали, и вместо предполагаемой трагедии, вышла комедия. – "Ах, ты проказник!" сказал князь: "на тебя и сердиться нельзя; но в наказание ты должен пробыть у меня целую неделю в Несвиже. А что твои волы?" примолвил князь. – "Вместе со мной так испугались ваше-

го гнева, что от страха разбежались!" отвечал мой отец. – "А вместо волов, ты поедешь со мной завтра ловить медведей". – Отец мой пробыл у князя не одну, а две недели, получил в подарок четыре жеребца; а чтоб успокоить жида, князь уступил ему на год, безвозмездно, всю аренду Слуцка, и тем кончилось дело. Отпуская домой моего отца, князь взял однако ж с него словом не трогать жида.

Однажды отец мой ехал в Минск из Глуска проселочной дорогой на Житин. День был знойный, и он, отдохнув в полдень в лесу, поздно приехал на ночлег. Корчма была новая, и с виду обещала удобное пристанище, но по осмотру оказалось, что в конюшне не было ни яслей, ни решеток, и все жилье состояло из двух грязных комнат. Корчма принадлежала помещику Лузине. – "Жид! что стоит твоему барину эта корчма?" спросил мой отец. – "Тысячу золотых", отвечал корчмарь. – "Гей! отсчитай сейчас тысячу золотых жиду!" сказал отец своему камердинеру. Жид не понимал, что это значит, и не хотел брать денег, но принужден был взять, когда отец мой прикрикнул на него. – "Прибавь еще пятьсот золотых", промолвил отец, обращаясь к камердинеру, у которого хранились ключи от шкатулки: "а ты, жид, отнеси эти деньги к своему пану; скажи ему, чтоб он выстроил на них корчму поудобнее, и между тем выноси все свои вещи, потому что сейчас не будет твоей корчмы. Ребята, поджигай корчму с другого конца!" сказал отец мой своим людям, которые, зная, что надлежало повиноваться безусловно, зажгли

немедленно корчму и бросились выносить вещи жида. Через час не было корчмы, и только дымились ее остатки. Отец мой расположился биваком, и лег спать в коляске, а жид побежал на господский двор с известием о происшедшем.

Через некоторое время прискакал от пана Пузины посланник, с письмом, в котором сказано было, что он не принимает денег, но намерен расправиться с отцом моим в уголовном суде, как с разбойником. – "Седлай коней!" закричал мой отец, и поскакал с несколькими удалыми стрельцами прямо во двор к пану Пузин. Все уже спали в доме, но отец мой заставил отпереть себе двери, угрожая, что зажжет дом. Пан Пузин выбежал в шлафроке, и протестовал против насилия; но отец мой положил на стол два пистолета, и сказал Пузине, что он должен непременно стреляться с ним сию же минуту, чтоб смыть обиду, в противном случае, отец грозил застрелить его, как медведя.

Пан Лузина не имел вовсе охоты стреляться и, зная характер моего отца, старался его успокоить. Прибежали дамы, жена и дочери пана Пузины, стали упрашивать отца моего, чтоб он помирился, и отец мой сдался, с тем условием, чтоб пан Пузина взял деньги за свою корчму, выстроил новую, удобную, и отказался от всех претензий на моего отца. Все это немедленно написал и подписал пан Пузина, и отец мой, не взирая на усиленные просьбы Пузины, чтоб переночевать в его доме, возвратился на свой бивак, к экипажам, и, отправляясь утром в путь, подарил жиду пятьсот злотых, в

вознаграждение за хлопоты. Жид остался очень доволен!

Во время пребывания отца моего в Варшаве, отправился он однажды, на большой лодке на фейерверк. В лодке было много разного народа, и между прочим две милостивые девушки, с пожилой женщиной. Два молодые франта, одетые по-польски, начали приставать к девицам с пошлыми комплиментами и наконец с дерзкими насмешками, и до того оскорбили их, что молодые девушки заплакали. Отец мой был на другом конце лодки, но услышав о происходящем, закричал: "Тот бесчестен, кто оскорбляет женщину, кто бы она ни была!" – "А ты что за указ нам!" отвечал один из фанфаронов: "сиди смиренно, если не хочешь выкупаться в Висле!" – Отец мой как тигр бросился к дерзкому молодому человеку, не дал ему опомниться и, схватив одной рукой за пояс, а другой за ворот, перебросил через борт, как щепку. Гребцы хотели помочь утопающему. – "Греби, и вперед!" закричал отец мой, обнажив саблю, и гребцы повиновались. Другого фанфарона отец мой заставил просить прощения, на коленях, у оскорбленных им дам, угрожая так же выбросить за борт в случае сопротивления. Тот беспрекословно повиновался. По счастью, выброшенный в воду молодой человек умел хорошо плавать. Он держался на воде несколько минут, пока другая лодка не подоспела к нему на помощь. Выброшенный в Вислу молодой человек был сын какого-то важного городского чиновника, который подал на отца моего жалобу. Завязался уголовный процесс, кончившийся, од-

нако ж, в пользу моего отца, потому что он действовал для охранения беззащитных женщин. Иначе и судить было нельзя в стране, где не было никакой полиции.

Бедный шляхтич пришел просить покровительства и защиты у моего отца, против богатого еврея, жившего в местечке (кажется в Узде), принадлежавшем генералу Завишу, соседу нашему в Перешева и родственнику моей матери. Этот богатый еврей купил у шляхтича пару лошадей, дал задаток, и уехал на них в Вильну, а, испортив лошадей в дороге, не хотел платить условленной суммы, и отослал лошадей обратно шляхтичу. Отец мой написал письмо к генералу Завише, прося принудить жида удовлетворить шляхтича, но Завиша отвечал, что не хочет вовсе вмешиваться в это дело.

Мимо Перышева пролегает дорога, по которой ездят на ярмарку в какое-то другое местечко. Отец мой велел сторожить жида, обидевшего шляхтича, остановить на дороге и привести к себе. Но жид остался дома, отпустив на ярмарку жену. Товар выслан был вперед. Жидовка ехала в бричке, с детьми и приказчиком своим. Ее остановили стрельцы наши на дороге, и привели к отцу моему. Она была в жемчугах, в тюрбане из богатой шали, в атласе и бархате. – "Заплати сейчас шляхтичу за лошадей, если не хочешь, чтоб тебе было худо", сказал мой отец. – "Это не мое дело, а моего мужа", отвечала жидовка. – "Хорошо, пусть же муж заплатит, а до тех пор ты просидишь у меня в свином хлеву!" Жидовка думала, что отец мой шутит, но бедную жидовку в самом деле

потасили в свиной хлев и заперли, а приказчику велено возвратиться к хозяину и рассказать виденное, объявив притом, что жидовка до тех пор будет в этом месте, пока шляхтич не получит своих денег, а жид не возьмет обратно лошадей. Детей жидовских отец отослал в корчму, и приказал содержать их как можно лучше. К ночи возвратился приказчик с деньгами, и жидовку выпустили на волю.

Вся шляхта из селения (околицы) пришла благодарить моего отца, но генерал Завиша оскорбился, и позвал отца моего в суд. Дело, по апелляции, перешло в литовский трибунал, которого маршалом был тогда двоюродный брат отца моего, Павел Булгарин. Разумеется, маршал по родству не судил дела, в котором со стороны Завиши употреблены были всевозможные искательства (по-польски *forsy*), чтоб унижить гордого противника. Завиша требовал не только заключения отца моего в тюрьму, за самоуправство, но и вознаграждения жида и издержек процесса, что составляло, по его счету, несколько тысяч червонцев.

Трибунал имел заседание в Гродне, куда съехалось множество любопытных, чтоб увидеть, чем кончится эта тяжба. Туда же прибыли и депутаты из шляхтенского селения, которого почетный житель был причиной процесса. Один из этих депутатов, одаренный от природы красноречием, произнес перед трибуналом речь, которая тронула всех судей. Он изобразил несчастное положение беззащитного человека в Польше, угнетаемого не только богатыми панями, но и

жидами; исчислил все оскорбления и обиды, нанесенные их селению не только генералом Завишей, но и его слугами, и представил бескорыстный поступок моего отца в самом блистательном виде, провозглашая его защитником несчастных и бессильных. После краткого обсуждения судьи объявили моего отца безвинным, и присудили Завишу заплатить ему за тяжёбые издержки три тысячи червонцев.

Многие из членов нашей фамилии были тогда в Гродне, и жили все в самом тесном союзе между собой. Все они торжествовали победу своего родственника обедами и балами, на которых венгерское вино лилось рекой. Но для отца моего этого было недостаточно. Объявлениями, прибитыми к наружным стенам костелов и на перекрестках, он запросил весь город на полдник. Присужденное взыскание с генерала Завиши отец мой передал какому-то ростовщику за тысячу червонцев, и на эти деньги (а по тогдашней дешевизне это была большая сумма) накупил разных напитков, нескольких быков, баранов, множество домашней птицы и дичи, велел изжарить и напечь пирогов и хлебов, и в назначенный день уложить на телеги. Дядя мой, Павел Булгарин, рассказывал мне об этом угощении, которого он был свидетелем. Началось торжественным шествием, или процессией. Впереди шли музыканты, каких только можно было достать в Гродне и в окрестностях, христиане и жидаы, и, разделясь на хоры, играли поочередно. За ними стрельцы, в ливрее, ехали верхом за гербовыми знаменами. Потом ехали (верхом же)

отец мой, все его родные и друзья, а в замке тянулись телеги, украшенные флагами, с съестными припасами и бочками виноградного вида, водки, пива и меда. Прошествовав по главным улицам, процессия остановилась на площади, и по данному знаку началось угощение. Раздавали каждому, что кто хотел. Народа собралось множество, но все происходило чинно (как сказывал дядя), пока площадные гости не перепились. Тогда уже разобрали насильно остальное, разбили бочки – и пир кончился, как водится, дракой. Но отец мой не хотел быть свидетелем последствий этого угощения: экипажи его и свита уже отправлены были в путь, и он, простясь с друзьями, ускакал из города верхом.

В последствии отец мой помирился с генералом Завишей, и отказался от получения присужденных с него тяжёбных издержек, заплатив ростовщику, из собственных денег, взятую у него сумму.

Вот как жили и проматывали имение отцы наши! Теперь посмотрим, как отец мой воспитывал меня. Это также весьма оригинально.

Отец мой весьма часто отлучался из дома, любя присутствовать на всех сеймиках, на судах, участвовать в больших охотах, словом, бывать везде, где собиралось много помещиков. Он также навещал часто старого князя Радзивилла, который весьма любил его общество. Последняя моя болезнь от испуга возбудила в отце моем мысль *закалить* меня. Ни слезы матушки, ни советы докторов и друзей не могли смяг-

читать его на этот счет: не постигаю, как я остался жив, после всех пережитых мной испытаний! Например, он будил меня ото сна или ружейными выстрелами над самой моей кроватью, или холодной водой, выливаемой на меня во сне. Сказав мне однажды, что только бабы и глупцы верят в чертей, колдунов, ведьм и бродящих мертвецов, он посылал меня одного в полночь, зимой и осенью, на гумно, приказывая принести пук колосьев или горсть зерна. Надобно знать, что за нашим гумном было сельское кладбище, с ветхой Униатской деревянной церковью. Один взгляд отца заставлял меня безмолвно повиноваться. Слез он терпеть не мог, и отговорок не слушал. С первого раза, когда меня облили в постели холодной водой, я заболел лихорадкой, и от первого ружейного выстрела над головой едва ли не лишился употребления языка, но в полгода привык ко всему, и с радостью бегал в темную ночь на гумно, забавляясь страхом матушки и сестер. При этом отец приучал меня к самой грубой пище; брал с собой на охоту, на которой мы проводили иногда по несколько дней в лесу, и, будучи только семи лет от роду, я галопировал за ним на маленькой лошаденке, и даже стрелял из ружья, нарочно для меня сделанного. Сперва я был весьма слаб и изнежен, боялся *всего*, не мог вынести малейшей простуды, и даже кусок черного хлеба расстраиивал мой желудок, а после нескольких месяцев спартанского воспитания я чрезвычайно укрепился; лакомился черным хлебом с луком или редькой, предпочитал капусту и кашу, изготов-

ляемые для прислуги, всем сливочным кашкам и бульонам, которыми прежде кормили меня, и, вместо кофе и чая, пил или стакан молока, или ключевой холодной воды; бегал по лужам, а на охоте – по болоту, не чувствуя никаких последствий от замоченных ног. Отец мой торжествовал, а матушка каждый день боялась за жизнь мою, и со слезами повиновалась ему. Он страстно любил матушку, но в воле своей был непреклонен. Хотя эта внезапная перемена в моем физическом воспитании не только не повредила мне, а, напротив, послужила в пользу, я, однако ж, сам не следовал этой системе, да и никому не советую следовать. Гораздо лучше *закаливать* детей *постепенно* и сообразно с их сложением. Мы живем не в Спарте, и в наше время *голова* важнее *туловища*⁸.

⁸ При мне был учитель, который обучал меня читать и писать по-польски, по-французски, по-немецки, по-латыни и первым четырем правилам арифметики. Младшая сестра моя, Антонина, обучала меня играть на фортепиано и на гитаре и петь. Наконец, в следующем году разразилась гроза над нашим семейством, и оно разбрелось – *навсегда!*

ГЛАВА IV

*Внезапное и неожиданное бедствие. – Странное сватовство – Взгляд на тогдашнюю природу и состояние тогдашней Литвы – Освобождение – Заезд, или *expulsia et violentia*. – Изгнанники.*

Отец мой уехал, в сентябре 1796 года, в Вильну по своим делам, – кажется, для свидания с бывшим польским генералом Вендорфом, которому он продал часть имения своего Грицевич. Недели через две матушка получила известие, что отец мой взят под стражу.

Вот что рассказывала мне, в последствии, матушка об этом событии. В Минске был адвокат Герсдорф, родом поляк, из старинных лифляндских выходцев. Он участвовал в народном восстании и, после взятия в плен Костюшки, ушел в Турцию, принял магометанскую веру, и получил какое-то важное звание в турецкой артиллерии. Слышал я, будто этот ренегат был в последствии терхбунчужным пашей, и что один из литовских уроженцев в русской службе, будучи послан парламентаром в турецкую армию, в последнюю войну при императоре Александре I, явившись к Паше, удивился, когда он, спросив его о прозвании, заговорил с ним по-польски, сказал, что знал его родных, и стал расспрашивать о старинных своих приятелях в Литве. Не знаю, правда ли

это, но то верно, что Герсдорф принял магометанство и был в турецкой военной службе. Этот Герсдорф, человек необыкновенного ума, был, по словам знавших его, веселого нрава, приятного обхождения, и потому был принимаем с удовольствием в лучших обществах. Он обучался вместе с отцом моим в новогрудских школах, и они с детства подружились. Дружба эта продолжалась и в зрелых летах, и Герсдорф, перед отъездом в армию к Костюшке, занял несколько сот червонцев из монастырских сумм какого-то католического монастыря, в Минске, под порукой отца моего.

Почитая Герсдорфа погибшим, отец мой дал на себя заемное письма монастырю, и никогда не надеялся на возвращение этих денег, как вдруг, в Вильне, явился к нему грек, приехавший из Константинополя с товарами (турецким табаком, бакалеями, чубуками, и т. п.), стал расспрашивать всех об отце моем, и узнав, что он в Вильне, отдал письмо от Герсдорфа и должные деньги. Герсдорф в письме благодарил отца моего за поручительство, уверял в вечной дружбе, описывал свое положение самыми блистательными красками, и просил усердно навестить его в Константинополе, в его гареме, говоря, что теперь в столице Турции много поляков, что важнейшие сановники Порты принимают их очень хорошо, и что они живут весело и независимо. Вероятно, в письме Герсдорфа были рассуждения на счет тогдашнего политического состояния Европы, выходки против России и какие-нибудь намеки на положение Польши, потому что

нельзя предполагать, чтоб такой отчаянный патриот, каким был Герсдорф, воздержался от толков о политике, которая в то время кружила всем голову. Отцу моему надлежало или сжечь письмо и тем прекратить все сношения с ренегатом, или отдать письмо начальству, объяснив дело. Но ум и благоразумие не одного и то же. Отец мой стал показывать письмо всем приятелям, забавлялся на счет блаженства, которое, по словам Герсдорфа, нашел бы в Константинополе, говорил в шутку, что хочет навестить его в гареме, и т. п. Однажды отец мой хотел кому-то прочесть письмо, и не нашел его. Перерыл все бумаги, искал в своих карманах, и не отыскав подумал, что выронил где-нибудь нечаянно, и вовсе об этом не беспокоился.

Через несколько дней после этого, когда отец мой был где-то на вечер, камердинер его дал ему знать, что какой-то незнакомый господин ожидает его в квартире, по весьма важному делу, и просит повидаться с ним немедленно. Возвратясь в квартиру, отец мой, вместо одного незнакомого, нашел нескольких полицейских чиновников, занимающихся укладкой всех его бумаг и вещей, и офицера с командой. На дверь расставлены были часовые, и стояли две кибитки с почтовыми лошадьми. На вопрос отца моего, что это значит, ему отвечали, что они ничего не знают, но что получено приказание доставить его в Гродно, со всеми бумагами. В одну кибитку сел отец мой, с офицером и солдатом, а в другую полицейский чиновник с двумя солдатами, и помчались

во всю конскую прыть. По прибытии в Гродно, отца моего поместили в католическом монастыре, под стражу.

Мера эта извиняется тогдашними обстоятельствами. Все дела должно вести последовательно (*il faut etre consequent*). Взяв Польшу, надлежало водворить в ней порядок и спокойствие и, следовательно, должно было лишить беспокойных людей возможности к возмущению народа, и быть строгим с теми, которые не хотели покориться добровольно. Одно проистекает из другого. В это время в Париже, Лондоне и в Константинополе было много польских эмигрантов значительных фамилий, старавшихся возбудить правительства к войне против России, и как Порты, несмотря на мирный трактат, сохраняла вражду к России за понесенные потери в последнюю войну, и, побуждаемая другими дворами, надеялась загладить победами свое уничтожение, то польские эмигранты старались раздувать искры этой тайной злобы, и обещали взволновать всю Польшу при первом вторжении турок в русские пределы. Русское правительство знало обо всех интригах в Константинополе, и наблюдало в Польше большую осторожность, устраняя все сношения эмигрантов с жителями присоединенных областей. Но помещики присоединенного края тогда еще не знали подлинно ни законов русских, ни порядка русского, ни обязанности властей и подчиненных, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнув к прежнему своеволию.

Отец мой, почитая это письмо ничтожным, полагал, что и

все должны так думать, и был, как говорится, без вины виноват. Впрочем, и после даже его бы не задержали, если б он сам не навязал себе беды. При допросах он то шутил не к стати, то горячился, и без всякой надобности входил в политические рассуждения. По речам сочли его опасным – и упрятали!.. Душевно сожалею о несчастьи, постигнувшем моего родителя, и готов был бы собственной кровью искупить его страдания; но, по справедливости и для примера другим, не могу оправдывать его тогдашнего поведения. Надлежало поступать хладнокровно, объяснить дело, доказать свою неприкосновенность к заграничным интригам и не пренебрегать властью. Конечно, надобно принять в соображение тогдашние обстоятельства. С одной стороны, патриоты воспламеняли умы, а с другой, некоторые из поляков оскорбляли человеческое чувство неслыханной низостью!.. Трудно было сохранить хладнокровие честному и прямодушному человеку, одаренному пылким характером! Эти пылкие люди в каждом потрясении гибнут первые, гоняясь за правдой и честью, гибнут как бабочки, приняв зажженную свечу за солнечный свет... Один возжигает пламя, а тысячи гибнут в нем. Поздно приходит разочарование и раскаяние! При этом позволяю себе сделать небольшое отступление.

Честный ремесленник в Англии, Самуил Бемфорд (Bamford), бывший одним из главных начальников революционных движений, обеспокоивавших Англию от 1816 до 1821 года, издал недавно описание важнейших своих при-

ключений, под названием: *Записки радикала* (Memoires d'un radical), разбор которых и извлечение из них я читал в Revue Britannique, 1845 года, и счел кстати, уже при печатании моих *Воспоминаний*, привести здесь правила Бемфорда, внушенные ему опытностью и благоразумием. Честолюбцы и эгоисты, употребляя Бемфорда как орудие, для достижения своих личных выгод, до тех пор льстили ему и обнадеживали его помощью, представляя в будущем блистательную участь, пока он им был нужен, а потом бросили с презрением, как выжатый лимон. Это общая участь честных людей в революциях! Хорошо еще, что Бемфорд этим отделался. Французская революция резала все честное и благородное. Рассказав все низости начальников революционных партий, Бемфорд составил себе следующий политический катехизис, который бы надлежало учить наизусть юношеству, особенно в западной Европе.

"Трудолюбивый и небогатый человек не может лучше служить отечеству, как исполняя обязанности к своему семейству, и он не в состоянии оказать более действительной пользы, как приготавливая для отечества достойных граждан. Участие каждого гражданина в правлении есть повиновение законам и управление, с любовью и добродушием, своим семейством, которое должно быть его царством. Лучшая и единственная реформа, которой он может заняться, это усовершенствование в своем домашнем быту.

Самые полезные митинги (meetings), т. е. народные со-

брания, суть те, которые отбываются в семейном кругу, а лучшие речи (speech) те, которые клонятся к водворению спокойствия, мира, любви и снисхождения к человечеству. Лучшие прошения (petitions) суть те, которые возносятся с сокрушенным сердцем к Царю Небесному, не презиращему гласа смирения, и те, которые представляются сильным земли, для исходатайствования у них, миролюбивым путем, улучшений для страждущих собраний. Кто хочет успеха, должен научиться страдать. Кто хочет быть героем, должен уметь управлять собой. Кто хочет управлять, пусть научится повиноваться".

Сколько людей с умом, с дарованиями, с добрым сердцем, были бы спасены от гибели, если б эти правила укоренены были в них с юности!

Матушка, получив печальное известие, немедленно выехала в Минск со всем семейством, и явилась к генералу Тутолмину, просить совета и покровительства. Тутолмин жаловал моего отца, соболезновал о его участи, но советовал подождать, пока пройдет первый жар, обещая за него вступить и даже писать в Петербург. Между тем пришло известие о смерти императрицы Екатерины II (скончавшейся 5 ноября 1796 года) и восшествии на Престол императора Павла Петровича. Многие из значительнейших чиновников и генералов русских уехали в Петербург, и в том числе Тутолмин, и матушка решила подождать его возвращения в Минске, где у нас был собственный дом, или, как тогда на-

зывали, юрисдикция, т. е. дом с местом, подчиненные не городской власти, а своей, шляхетской.

Не помню, накануне какого большого праздника матушка взяла меня в церковь, к вечерне. Народу было в церкви бездна, и в тесноте меня как-то оттерли от матушки и вытолкнули за двери. Я обрадовался, что выбрался из удушливой тесноты, в которой едва не задохнулся, и вознамерился возвратиться домой; но, не зная улиц, забрел в конец города, блуждал в темноте, не встречая ни одной души, и наконец, не зная что делать, принялся плакать. Фонарей тогда не было на улицах, как теперь, и я шел наобум, по пояс в снегу, содрогаясь от лая собак. Вдруг, при повороте, вижу вдали огонь. Я побежал туда из всех сил, и попал на гауптвахту! Часовой вызвал унтер-офицера, который проводил меня в офицерскую комнату. Я рассказал офицеру мое приключение, назвал мою фамилию, но не умел назвать улицы, на которой находился наш дом. Офицер советовал мне прилечь на скамье, обещая на другой день отыскать наш дом и отвести меня к матери. Нечего было делать, я согласился.

В это время вошел молодой человек в губернском мундире. — "Я дежурный чиновник губернаторской канцелярии", сказал он офицеру: "И пришел просить вас о смене часового у кассы, который заболел ужасным колющим в боках, так что не может дышать". Пока офицер распорядился, чтоб выслать людей за больным солдатом и очередного на смену, молодой чиновник спросил меня, кто я таков и что здесь делаю.

Я рассказал ему мое приключение. Чиновник сказал офицеру, что знает наш дом, и взялся отвезти меня немедленно. Мы сели в сани, и через несколько минут и уже находился в объятиях матери, которая была в ужасном отчаянии, воображая, что меня украли жидаы! Тогда еще верили в Литве, что жидаы употребляют христианскую кровь для печения опресноков (т. е. мацы) в праздник Пасхи. Можно себе представить, как благодарна была матушка чиновнику и как его приняла. Было уже около одиннадцати часов ночи, и потому гостя не удерживали, но матушка запросила чиновника, на другой день, к обеду; он явился – и с этого дня стал безвыходным нашим гостем и другом семейства, а через четыре месяца женился на старшей сестре моей, Елизавете, которая прожила с ним счастливо лет тридцать. Зять мой в последствии называл меня, в шутку, сватом.

Тутолмин не возвращался. Матушка однако ж не была в бездействии; она писала письма к братьям своим в Белоруссию, в Петербург к сыну и ко всем, кого только знала; писала и к графу Ферзену. В конце февраля матушка нарочно выехала в деревню, чтоб не быть на съезде дворянства, на контрактах. Подъезжаем к дому, и на крыльце встречает нас – отец мой! Он возвратился накануне; в четыре месяца он ужасно переменялся: похудел, постарел десятью годами и поседел. Все мы расплакались! С этой поры отец не отпускал меня от себя ни на минуту. Он, как дядька, ходил за мной, играл со мной, и я даже спал в его комнате...

Кажется, он предчувствовал нашу вечную разлуку и мое сиротство.

С удивлением и горестью заметили все в доме, что отец мой переменился столько же в нравственном, сколько и в физическом отношении. Веселость его исчезла; он не шутил уже, и не занимал своего семейства беседой, но был молчалив и мрачен, никуда не выезжал и никогда не принимал, прячась от людей, и если не играл со мной, то ходил один, с ружьем, вокруг дома или по опушке леса. Матушка втайне плакала, видя такую печальную перемену в нраве отца моего, и опасалась, чтоб это не было предвестником тяжелой болезни. В нем, в самом деле, начала развиваться какая-то желчная болезнь, которая навела на него меланхолию и привила к душе мизантропию. Матушка сказывала мне, что заметила это по одной черте. Пришел к нам проситься в службу стрелец, и привел с собой отличную охотничью собаку; отец мой отвечал: "Человека не надобно, а собаку куплю: собаки не изменяют и не торгуют своей породой!"

С 7 марта (в день Св. Иосифа) начинались так называемые *контракты* в Минске. Самое название означает, что контракты есть время, назначенное для различных сделок. В это время покупали, продавали и брали в аренду имения, занимали и отдавали в займы деньги, платили долги и проценты. Вместе с тем была тогда же и ярмарка, и время увеселений. Купцы приезжали с товарами из всех больших городов и из-за границы. Каждый вечер бывали театральные

представления, концерты, частные и публичные балы, а кроме того, богатые помещики давали обеды. Это было деловое и веселое время. И теперь существуют контракты, но это уже тень прежних; теперь уже знают в западных губерниях, что такое кредитные установления в России, банки и ломбард, но тогда все денежные обороты происходили в провинции: брали деньги у частных лиц, и отдавали капиталы на проценты в частные же руки; следовательно, весьма немногие помещики не имели надобности быть на контрактах, тем более, что тут заключались условия на поставку в Ригу хлеба, корабельного леса, пеньки, льна, семени льняного, и т. п.

Тогда Англия, Швеция, Голландия и даже Америка вывозили хлеб, большей частью, из России и Польши, и земледелие не было за границей в таком состоянии, как теперь. Что там произведено усилиями и наукой, то у нас рассыпала щедрой рукой природа. Все замечают, однако ж, что в течение полувека не только климат, но даже почва и наружный вид земли во многих странах весьма переменились, особенно в Восточной Европе, т. е. в Польше и России. Многие озера, речки и ручьи иссякли, большие судоходные реки мельчают, особенно при устьях. Почва истощилась, и леса или уже исчезли, или исчезают. Человек должен непременно всегда бороться с природой или содействовать ей, удерживать воду или спускать ее, углублять реки, разводить леса или очищать их, иссушать болота и удобрять землю, иначе природа в заселенных местах непременно истощится, а с ней обнищают

и люди.

Не знаю, как теперь, но я еще помню, когда Минская губерния была богата и плодородна. Пшеница росла в рост человека, рожь и яровые хлеба давали всегда обильную жатву. Реки и озера изобиловали рыбой; на берегах Березины и впадающих в нее речек водились бобры (которые теперь вовсе исчезли). Гастрономы, особенно католические монахи, лакомились бобровым хвостом, состоящим из одного нежного и хрупкого жира, но бобрового мяса не употребляли в пищу. Замечательно, что жирный бобровый хвост почитался *постной пищей*, как будто бобр рыба! На болотах водилась так называемые земноводные черепахи, которые мясо сохраняло запах душистых трав, особенно майорана. Это также была лакомая пища. Дичи была бездна в обширных лесах. Кабанов ловили, за один раз по несколько десятков, западнями; лосей, оленей, диких коз везде было множество. Пчеловодство процветало, и Бобруйский уезд производил торговлю медом-липцем (белым) и воском. Дубы отправляли в Ригу, сосну в Кременчуг. Плодовые деревья не требовали никакого хождения за ними, и произрастали превосходные плоды. В лесах и на межах росли дикие груши и яблоки, из которых делали превкусное питье. Сверх всего этого, щедрая природа, без всякого возделывания, производила *манну* на болотах; она походит стеблем и колосом на просо, только меньше и мельче. Женщины, в конце лета, выходила на заре на болото, пока еще роса держалась на колосьях, и сбивали зер-

но в решето; из этого зерна делали крупу, вовсе не похожую вкусом на ту крупу, которую ныне продают под именем *ман-ны*; за настоящую *манну* дорого платили в Риге. Собирали также большое количество вольнорастущего на лугах тмина. Даже шпанские мухи водились во множестве, и доставляли доход, равно как и *червец*, или так называемая польская кошениль. И так, и без рационального хозяйства, в старину было во всем изобилие, и хлеб был в запасе и у помещика, и у хорошего крестьянина. Недаром в русском народе велась поговорка: «В Польше хлеба больше». Посетив этот край в 1807 году, я уже нашел во всем большую перемену; но хорошее осталось в памяти туземцев.

Зимы были постоянны, и весна в Бобруйском и соседнем Мозырском уезде начиналась рано. В поле работали в марте, а в апреле все уже цвело. Припоминаю все происшествия, потому что это была последняя весна, проведенная мной в семействе, при отце и матери. Никакое блаженство в жизни не вознаградит ласк родителей! Помню, как в этом году, отец сам устраивал для меня лубок, с которого я скатывал на траву красные пасхальные яйца, в Светлый Праздник! Я жил или в поле, или в саду, и был вполне счастлив. Все меня любили, ласкали, нежели, как обыкновенно бывает с младшим в семье.

Весна обещала урожайный год.

В одно утро, отец мой выехал верхом в поле, вместе со мной. Мы ехали шагом по дороге, как вдруг послышался за

рощицей звук колокольчика... Отец мой быстро поворотил коня и поскакал домой, я за ним...

Едва мы успели слезть с коней и войти в комнаты, на двор нагрянула целая ватага. На тройке подъехал к крыльцу заседатель, со своим писарем и каким-то незнакомым человеком, в польском платье; на другой тройке въехал на двор унтер-офицер и двое солдат земской полиции (она тогда имела небольшую команду из солдат, выслуживших срок); на нескольких крестьянских подводах прикатили так называемые понятые, т. е. старосты деревень, с бляхой на груди. Разумеется, все семейство наше испугалось, думая, что снова приехали брать под стражу отца моего. Он стоял неподвижно у окна и, помню, что был бледен, как полотно. Наконец вошел в комнату заседатель, влача за собой огромный, брентающий палашище. За ним вошел незнакомый нам шляхтич. Заседатель, не поклонившись никому, хотя матушка и сестры прибежали к отцу моему и ухватились за него, спросил по-русски: "Кто здесь хозяин?"

Отец рассказывал нам после, что этот самый человек служил провентовым писарем (т. е. по части винокурения и продажи водки) у князя Карла Радзивилла, в Слуцке, и просился к нему в службу. – "Разве вы не знаете меня?" отвечал хладнокровно отец мой. Заседатель был крепко навеселе. "Я никого не знаю, и знать не хочу", отвечал он гордо: "а вы должны знать, кто я. Объявляю вам, что вы должны сейчас выбираться из Маковищ и сдать имение поверенному пана

Дашкевича – и вот указ". При этом он одной рукой указал на шляхтича, а другой подал отцу моему бумагу. Это было предписание Земского суда нижнему Земскому суду ввести немедленно пана Дашкевича во владение его родовым имением, Маковищ, потому что сумма, за которую оно заложено, уже внесена в суд на контрактах, и как после трех извещений (сомаций) никто не явился для получения денег, то суд, на основании законов, велит исполнительной власти возвратить вотчиннику его собственность. Тут я должен пояснить дело.

Деньги, данные пану Дашкевичу под залог имения, принадлежали исключительно матушке, и закладная сделана была на ее имя. По желанию отца моего, имевшего свое собственное имение и притом свои собственные долги, в закладную внесен был особый пункт, что пан Дашкевич должен выкупить имение *наличными деньгами*, не скупая никаких долгов (*bez nabycia wlewkow*). Вопреки этому, пан Дашкевич выдал от себя заемные письма кредиторам отца моего, а его заемные письма перевел на свое имя, и с частью наличных денег представил в суд, требуя возврата имения. Суд, неизвестно по каким причинам, пропустил важный пункт в закладной, и предписал отдать имение вотчиннику, не взирая на протест нашего поверенного. Имея в руках решение Суда и предписание нижнему Земскому суду к исполнению его, пан Дашкевич не обратил внимание на протест нашего поверенного и на вызов в Суд, и решился, по *старопольскому*

обычаю, на *наезд*, т. е. на *изгнание нас насильно из имения*. Он забыл, что времена переменились, и что русское правительство употребляло все усилия, чтоб истребить прежнее своеволие и прежние беспорядки. Пан Дашкевич думал, что объявленная неприкосновенность прежних прав и привилегий долженствовала состоять в сохранении всего, что делалось во время польского правления, – правильное, *неуправления*. Ему немудрено было подговорить заседателя, который, кроме того, что был человек сомнительной нравственности и придерживался чарочки, жестоко сердился на моего отца. Встретясь в Глуске на улице, при нескольких помещиках, заседатель фамильярно протянул руку моему отцу, как старому знакомому, чтоб поздороваться; но отец мой, измерив его взглядом, не дал руки, и сказал хладнокровно: «я не танцую на улице!» Теперь заседатель нашел случай отомстить за оказанное ему презрение. Да и вообще при начале учреждения русского управления в новых областях, губернаторы, желая угодить помещикам составлением земской полиции из туземцев, невольно произвели противное действие. Из людей порядочных, из помещиков уважаемых, не было охотников к занятию полицейских должностей, и потому брали в заседатели мелкую шляхту, а в капитан-исправники выбирали людей большей частью из Белоруссии, уже находившихся в русской службе. Выбор редко соответствовал ожиданию – и эта часть администрации не пользовалась тогда уважением помещиков.

"Из Маковищ я не выберусь", сказал мой отец: "потому что мы подали позыв пану Дашкевичу о неисполнении условия, и будем ждать решения высшего суда". – "Что вы мне толкуете о ваших позывах! сказал заседатель: "не выберетесь добровольно, так мы выгоним насильно!". Я видел, что матушка и сестры держали за руки отца моего, и наконец матушка повисла у него на шее, и что-то шептала на ухо. Страшно было смотреть на моего отца! Посинелые губы его дрожали, он то бледнел, то краснел, видно было, что он ужасно боролся с собой; наконец он захохотал таким смехом, что я задрожал. – "А! Вы хотите выгнать нас насильно!" сказал отец мой, прерывающимся голосом. – "Непременно, в силу указа!" возразил поверенный пана Дашкевича. – "И так, выгоняйте!" сказал отец мой. Заседатель с поверенным вышли из комнаты.

"Для вас только, для вашего спокойствия я перенесу эту обиду!" сказал отец мой, обращаясь к матушке и к сестрам. "Но мы не должны уступить добровольно, пусть выгоняют нас силой", промолвил он – и в это время услышали мы ржание наших коней, которые бегали по двору: их выпустили из конюшни. Понятые вытаскивали экипажи из сарая. Отец мой надел шапку и плащ, взял ружье и вышел на крыльцо, сказав матушке и сестрам, чтоб следовали за ним, а меня повел с собой за руку. Вскоре явилась матушка и сестры в салопах. Заседатель кричал и бесновался возле конюшни, а потом со всей своей командой пришел к крыльцу и сказал

понятым: "Ступайте в дом и сложите все вещи в одну комнату, а я запечатаю". Поверенный вошел в комнаты вместе с мужиками. Матушка и сестры дрожали от страха. В комнатах слышны были стук и ломка мебели, звон посуды... "Вы видите, что здесь нам делать нечего – пойдем!" сказал отец мой, и мы вышли за ворота. – "Куда же нам деваться, куда приклонить голову!" сказала матушка рыдая. – "Пойдем к приятелю нашему, пану Струмиле", отвечал отец мой, сохраняя удивительное, невиданное дотоле хладнокровие.

Пан Струмило (дядя по матери генерала С-х-та) держал в аренде имение, милях в двух от Маковищ, и наши семейства были весьма дружны между собой. Мы отправились к нему пешком. Слуги и служанки догнали нас и сказали, что они не оставят нас, разве их убьют на месте. Моя нянька с криком бросилась ко мне и, взяв на руки обливала слезами. Отец приказал только двум человекам и нескольким служанкам следовать за нами, а прочих отослал в Глуск, к приятелю, пану Ржимовскому, сказав, что он распорядится после. Отец мой шел вперед с ружьем на плече, и молчал.

Мы прошли с пять верст, как вдруг за нами поднялась пыль. Бричка в три лошади мчалась быстро по дороге. Женщины испугались. – "Они хотят убить нас!" воскликнула матушка. Отец, не говоря ни слова, только взвел курок своего ружья и осмотрел полку. Бричка приближалась, и отец мой остановился и велел всем стать позади. Наконец бричка поравнялась с нами – в ней сидел наш корчмарь Йосель!.. Он

выпрыгнул из брички, бросился к ногам моих родителей, и зарыдал. – "Ты добрый человек, Иосель!" сказал отец мой отворотившись, чтоб не видели слез его. Иосель не мог промолвить слова: он рыдал, и только знаками показывал, чтоб мы сядились в бричку. Мы уселись, простившись с Иоселем, и слуга его, также еврей, погнал лошадей. Слуги и служанки наши продолжали путь пешком.

Можно себе представить, как удивилось семейство пана Струмилы, когда увидело нас в этом экипаже! Выслушав рассказ об этом происшествии, пан Струмило благодарил отца за доверенность к нему, и отвел нам несколько комнат. Мы вышли из дому перед обедом, и семейство пана Струмилы уже пообедало. Для нас состряпали обед, за которым отец мой был так спокоен, как дома. Матушка и сестры были ужасно расстроены и почти больны от испуга; они не прикасались к кушанью. Пан Струмило не мог надивиться хладнокровию моего отца, зная его характер – и я слышал, как он, в его отсутствии, говорил матушке, что надобно непременно посоветоваться с доктором, потому что нет сомнения, что отец мой страждет какой-то необыкновенной болезнью... На другой день пан Струмило послал в Глуск за доктором, а между тем почти всю ночь он провел с моими родителями в совещаниях. Вследствие общего совета, отец мой написал просьбу к губернатору и другую в суд, опираясь на важнейший пункт Польского законодательства: *Expulsio et violentia*. На другой день выслали нарочного в Минск, к нашему пове-

ренному.

ГЛАВА V

Старина – Рассказ современницы о Карле XII и Петре Великом. – Знаменитый гарнец жемчуга – Переселение в Белоруссию – Дань благодарности первому учителю – Переселение в Петербурге.

Не стану описывать подробностей процесса, продолжавшегося слишком двенадцать лет во всех инстанциях, и кончившегося в нашу пользу. Это было бы и длинно, и для многих скучно. Процесс этот наделал, в свое время, много шума в Литве и в Петербургском юридическом мире, и важен тем, что представил Сенату совершенно новые вопросы, и произвел в новоприсоединенных областях благодетельное впечатление, убедив, что в России есть правосудие. Этому до толе там не верили, воображая, что суд и расправа продаются с молотка! Расскажу только обстоятельства, предшествовавшие важнейшему влиянию на всю мою участь, а именно: переселению в Петербурге.

Недели через полторы мы отправились, в экипажах пана Струмилы, в Минск; но прежде заехали в Русиновичи, имение бабушки моего отца (т. е. родной сестры его деда, grand'tante, пани Онюховской. Эта почтенная дама представляла собой живой исторический памятник важнейших событий в крае, в течение целого столетия, и вместе с тем со-

храняла остатки старо-польских обычаев первой половины XVIII века. Такие люди редко встречаются, и я должен поговорить о ней.

Бабушка отца моего родилась в 1697 году, следовательно, в это время ей было ровно *сто лет*. Скажу предварительно, что она умерла скоропостижно, от испуга, в 1812 году, т. е. ста пятнадцати лет от рождения, когда партия казаков внезапно и с шумом въехала ночью в ее двор. Она была необыкновенно высокого роста, держалась всегда прямо и носила шнуровку до последней минуты, и всю жизнь управляла сама хозяйством, вела переписку, не употребляя очков. Во всю жизнь свою она никогда не была до того больна, чтоб лежать в постели. Имея весьма порядочное состояние и будучи вдовой президента Гродского (т. е. уголовного) Суда, она занимала почетное место в обществе, но в течение почти сорока лет только однажды, и то по важному делу, выезжала из своей деревни, охотно принимая гостей и даже славясь радушием и гостеприимством.

В доме ее все устроено было на старинную ногу, и многие ездили к ней нарочно, чтоб насмотреться на старопольские обычаи, от которых она не отступала ни на волос. Она не переменяла никогда покроя своей одежды, и одевалась так, как одевались польские дамы в начале XVIII века, т. е. в длинную белую кофту (в обыкновенные дни канифасную, а в праздники коленкорovou) до колен, с фалдами и с узкими рукавами. Корсаж состоял из шнуровки, с черными лен-

тами накрест, как в швейцарском женском костюме. Белая верхняя исподница до колен была обшита фалдами и, между ними, одной широкой черной лентой. На голове носила она высокий чепец, перевязанный широкой черной лентой (в знак вдовства). Черные башмаки были с пряжками и высокими красными каблуками. Она всегда имела в руках высокую трость с золотым набалдашником, на котором вырезано было изображение Богоматери. При встрече с незнакомым человеком или при какой-нибудь опасности она крестилась и целовала это изображение. Взгляд ее был серьезный, голос громкий и несколько грубый. За ней, в роде вестового, ходила всегда любимая ее служанка, с ключами и с мешком, в котором были куски сахара, пряники, мелкие серебряные деньги для раздачи детям слуг и сиротам, воспитываемым в ее доме.

У нее был один только сын (давно уже скончавшийся), который известен был во всей провинции под именем короля, потому что мать не называла его иначе, как *мой король* (тоу krolu). Она баловала своего *короля* до такой степени, что он был гораздо счастливее настоящего Короля Станислава Августа, хотя и был предметом шуток и, так сказать, притчей во языцех в целой Литве. Мать обходилась с ним до старости как с малолетним. Природа дала ему и ум, и доброе сердце, и вообще он был любим всеми, кто знал его близко. Мать не дала ему никакого воспитания, опасаясь науками повредить здоровью, и он едва знал грамоте. Самоучкой и по слуху он

играл на фортепиано, и даже весьма приятно, с чувством и выражением. За *королем* ухаживали беспрестанно несколько лакеев и молодых служанок, и должны были забавлять его. Для него варили ежедневно более десятка кушаньев, в малых кастрюльках и горшочках, чтобы угодить его вкусу по внезапному желанию и требованию. Сама мать не употребляла никакого лекарства, но расстроила здоровье своего *короля*, подчивая его без нужды всякого рода медикаментами, и держа почти круглый год взаперти, чтобы не подвергнуть простуде. Во всех делах женщина умная, она, от излишней и дурно постигнутой материнской нежности, была причиной и телесной слабости, и умственного заострения единственного своего сына, и сделала его даже смешным.

Когда король Польский был в Несвиже в гостях у князя Карла Радзивилла, то наслышался так много из рассказов об этом *короле*, что для шутки велел представить себе, как он говорил, *своего товарища*. Мать выслала своего короля в Несвиж с родственником, паном Гораином (отпустив его от себя в первый раз в жизни), и снарядила так великолепно, что он явился, точно как удельный принц. Польский король принял его очень милостиво, убедившись, что смеха достоин не он, а что смешна мать его, и он смешон только при ней. Он даже нашелся пред Королем. «Приветствую (*witam*) вас, как равного!» сказал Король, при первой встрече. – «Наияснейший Король», отвечал Онюховский: "по шляхетству мы *были* равны, и по смерти *будем* равны, а теперь я царствую

(kroluie) только в сердце моей матери!" Все удивились этому ответу. Но я уже сказал, что он был умен от природы, и ум его только угнетен тяжестью материнских предрассудков и предубеждений.

Прабабушка моя, пани Онюховская, одарена была удивительной, редкой, непостижимой памятью, и понимала не только все происходившее в ее детстве и молодости, но даже и то, что произвело на нее сильное впечатление в течение всей жизни. Она была по двенадцатому году от рождения, когда Шведский Король Карл XII проходил с войском из Сморгон в Борисове, в 1708 году⁹.

Ровно через *сто* лет после этого события, когда я был у нее в 1807 году, она рассказывала мне про Карла XII, который несколько дней квартировал в доме ее родителей, как будто она видела его накануне. Вот рассказ ее, хотя и не слово в слово.

"Когда родители мои узнали, что шведское войско идет в Россию на Молодечно, они хотели выехать внутрь края, и выслать все дорогие вещи, потому что имение наше лежало на большой дороге в Борисове, а шведы были ужасные грабители. В манифестах шведы называли себя нашими *приятелями* защитниками, а обдирали до последней нитки. Русские также называли себя нашими друзьями и защитниками, и тоже не щадили нас. Наши поляки, придерживаясь то

⁹ Этим самым путем проходил Наполеон, со своим несчастным войском, от Березины до Вильны, в 1812 году.

партии Станислава Лещинского, то партии Августа II, т. е. то шведа, то москаля, разоряли нас не хуже чужих. Время было тяжелое, и только благодать Божия удержала тогда от гибели край, открытый для всех и каждого, как заездная корчма! Все наши дорогие вещи уже уложены были на фуры, и мы ждали только известия о приближении шведов, чтобы выехать, оставив дом на произвол судьбы. Приятель отца моего, пан Воллович, находившийся при Короле Шведском, прислал нарочного с известием, что в нашем доме назначена квартира для Карла XII.

"Король, верно, не ограбит нас", сказал мой отец, "а напротив, защитит. Зачем нам таскаться по чужим домам: останемся!" Мать моя согласилась, и мы остались. Родители мои приготовили комнаты, велели даже обить мебель в двух комнатах новым бархатом и адамашком (старинной шелковой тканью, весьма прочной), запаслись лучшими съестными припасами и винами, и ждали гостя, хотя и не весьма спокойно. Наконец нам дали знать, что шведы уже приближаются, и к вечеру приехали к нам двадцать четыре человека трабантов с офицером, который поставил у ворот двух конных часовых, а на воротах вывесил большой желтый флаг с шведским гербом, в знак того, что здесь королевская квартира. Для трабантов и офицера отвели комнаты во флигеле, но шведы не хотели знать их, и провели ночь среди двора, возле огня, и даже не расседывали лошадей, хотя ночи были еще довольно холодны, потому что это было в половине

марта, а зима того года была продолжительная.

Всю ночь вокруг дома и по дороге беспрестанно разъезжали трабанты и подавали сигналы, крича из всей силы, не давая нам уснуть. Со светом потянулось войско шведское мимо нашего дома, и при виде королевского знамени били в барабаны. Полка две пехоты и несколько эскадронов конницы остановились за нашим гумном лагерем, а в самом гумне поместились офицеры. Матушка, я и две покойные мои сестры принарядились; отец надел свой парадный кунтуш, и мы не отходили от окна, чтобы встретить короля у крыльца.

Около полудня въехали во двор два шведские офицера, а за ними конный солдат. "Неужели это адъютанты шведского короля, так бедно одетые?" заметил отец мой. Офицеры слезли с лошадей и вошли в переднюю, а потом в залу, окнами в сад; их встретил маршалек нашего дома (мажордом), потому что все мы были в столовой, окнами на двор. Маршалек доложил батюшке, что офицеры спрашивают хозяина дома. Мы все перешли в залу, приказав служанке дать знать, когда король въедет в ворота. – "Вы ли хозяин дома?" спросил вежливо, по-немецки, офицер помоложе другого. – "К вашим услугам; что вам угодно?" отвечал отец. – "Здесь королевская квартира: укажите, пожалуйста, комнаты короля", примолвил офицер. – "Весь мой дом и все, что в нем, к услугам его величества", возразил мой отец. – "Для него довольно и одной комнаты", отвечал офицер; "а комнаты две прошу я для канцелярии, для королевского министра

и для двух адъютантов". – "Распоряжайтесь, как вы знаете – весь дом мой принадлежит его величеству!" отвечал батюшка. "Но позвольте узнать, скороли король прибудет, чтобы встретить его, как подобает, у крыльца?" Офицер улыбнулся: "Вы уже его встретили, и гораздо покойнее для вас и для него – я король!"

Мы остолбенели. Отец мой хотел извиниться, но не нашел слов, и только кланяясь провел его в парадные комнаты. Как теперь вижу его перед собой, этого страшного короля, о котором написали столько книг! В три дня я насмотрелась на него вволю. Он напугал весь свет, а сам был смирен, как ягненок, скромн, как монахиня. Он был довольно высокого роста, тонок и поджар. Лицо у него было маленькое, совсем не соразмерное целому туловищу и даже голове. Красавцем он не был; нельзя однако ж сказать, чтоб он был дурен лицом, хотя был рябоват. Зато темно-голубые глаза блестели как алмазы. Немецкое платье покрывали голову огромными париками, что нашим полякам казалось и смешно, и неприлично; но король шведский не носил парика. Волосы у него были каштанового цвета¹⁰, легко напудренные, остриженные коротко и взбитые или взъерошенные вверх, а с тыла связанные в небольшую косу. Он казался очень моложавым¹¹.

¹⁰ На многих портретах и в кабинетах восковых фигур Карла XII изображают белокурым и небольшого роса. Оставляю в подлиннике рассказ прабабушки, в справедливости которого удостоверился во время путешествия моего в Швецию. В доме графа Браге я видел портрет Карла XII с каштановыми волосами.

¹¹ Ему тогда был 26-й год от роду; родился он в 1682 году, в июне.

Он всегда был в синем мундире с желтым подбоем и красным воротником, в желтом лосинном нижнем платье и огромных сапожищах с пребольшими шпорами. Плащ его, лосинные перчатки, доходившие до локтей, сапоги и шпоры были вовсе не по его росту, и мы, девицы, насмехались над этим Голиафовским вооружением. Шляпу носил он маленькую, без галуна, да и во всем его наряде не было на один шелюг золота или серебра. Родители мои беспрестанно говорили нам: "Рассматривайте Короля! Это великий муж, как наши Ян Собиеский и Стефан Батори!" Отец мой, не любя немцев, весьма уважал Карла XII за то, что он выгнал Короля Августа II из Польши, и посадил на престол шляхтича, Станислава Лещинского.

Через час приехали две коляски и две крытые фуры с людьми королевскими. С этим обозом прибыли королевский министр¹² и другой адъютант. Между королевскими людьми был и переводчик, и мать моя через него стала расспрашивать камердинера, какое кушанье король более любит. – "Всякое жареное мясо, свинину и дичь, отвечал камердинер; из зелени шпинат, а из приправ *петрушку* и *руту*. Свежих фруктов теперь нет, но если у вас есть лимоны, положите перед ним на столе: Король очень любит их". – «А какое вино пьет король?» спросила матушка. – «Ни какого!» и отвечала камердинер: «король не пьет даже пива; он пьет одну воду». – У нас всего было в запасе; матушка умела даже сохра-

¹² граф Пипер, попавшийся в плен в сражении под Полтавой.

нять целый год свежие яблоки. — Обед был готов в два часа, и матушка спросила у камердинера, на сколько особ прикажет король накрывать стол.

Камердинер доложил королю, и потом объявил матушке, что король будет кушать за одним столом со всем нашим семейством. Это всех нас обрадовало, и отец сожалел, что братьев моих не было дома; они тогда были в Вильне, в школе. Я не спускала глаз с короля во время стола. Он ел с аппетитом, и особенно ему понравилась голова дикого кабана (*la hure*) в студне. Он ел охотнее *жирное*, и вообще употреблял *много хлеба*. Во время обеда, он расспрашивал батюшку о положении края, и сказал, между прочим, что война скоро кончится, и он даст средства Станиславу Лещинскому вознаградить Польшу за все, ею претерпевшее.

Перед обедом приехали к королю три генерала, которых батюшка упросил остаться с нами откушать, и они также поместились за общим столом. Все шведы порядочно пили вино, похваливали его, и нисколько не стеснялись присутствия короля. Но он пил одну воду, жевал беспрестанно хлеб, и не обращал на других внимания. С нами, т. е. с женщинами, он не промолвил ни словечка, и только сказал комплимент матушке, насчет ее хозяйства, когда узнал, что яблоки из нашего сада. На другой день камердинер сказал матушке, что король всем очень доволен, но просит, чтоб за столом было не более четырех блюд, и чтоб обед продолжался не больше четверти часа. На ужин король пил стакан сладкого молока,

примешав в него соли, и съедал большой кусок хлеба.

Все утро он проводил за бумагами. Камердинер сказал нам, что король для того только и остановился у нас на трое суток, чтоб написать бумаги, которые с нарочным должно отослать в Швецию. После обеда он прогуливался в саду, по большой аллее, со своим министром, а мы рассматривали его из беседки. – Отъезжая, король из своих рук подарил отцу моему золотую табакерку со своим вензелем из алмазов, и велел заплатить за все забранное для его людей и лошадей. Отец мой обиделся этим и сказал адъютанту, что он шляхтич, а не трактирщик, и *угощает* Короля, а не *торгует* съестными припасами и фуражом.

Когда мы узнали о несчастье Карла под Полтавой, мы душевно сожалели о нем, хотя и не теряли надежды, что он еще поправится, а когда к нам пришло известие о его смерти – мы все плакали!"

"Видала я также и соперника Карла, московского царя Петра", примолвила прабабушка: "это было в 1711 году, также в половине марта. В Слуцке стоял русский фельдмаршал Шереметьев (прабабушка называла его Шеремет), и мы приехали со всем семейством в Слуцк, чтоб просить у него залого, потому что его казаки и разные дикие народы, башкиры и калмыки, производили страшные грабежи. В это время разнеслась весть, что сам царь будет в Слуцке, вместе с женой своей, которую тогда *впервые* называли царицей.

В Польше говорили, что новая царица родом польская

шляхтянка, из фамилии, оставшейся в Лифляндии от времени Сигизмунда и впоследствии обедневшей. Все наши дамы весьма любопытствовали видеть царицу, и подговорили мужей своих дать бал для царя. Для этого убрали огромную залу на Радзивилловской поясной фабрике¹³ и приготовили великолепное угощение. Царь прибыл с царицей и своими генералами и офицерами. Он был великан ростом, молодец собой и красавец, с черными усами и орлиным взглядом, только огромный парик весьма вредил его красоте. Он был в синем мундире, и казался ловок и развязен. Говорил он громко, шутил и смеялся. Ему было уже под сорок лет, но по лицу он казался моложе. Меня весьма удивило, что и у царя, точно как и у его соперника, Карла, лицо, по росту, казалось *несоразмерно малым*. Царица была очень недурна собой, с большими черными глазами и прелестными плечами, белыми как снег. Она была в белом атласном платье, с малиновым бархатным верхом, впереди расстегнутым, и с шлейфом, и вся в алмазах и в жемчугах. Волосы были напудрены, и над высокой прической была маленькая алмазная корона. Она говорила изрядно по-польски, хотя и примешивала русские слова, но по-немецки объяснялась хорошо.

Царь Петр, увидев меня, подошел ко мне, и, похвалив мой рост, спросил, сколько мне лет, а потом промолвил, что если

¹³ Эта фабрика польских поясов давно уничтожена. Такой разноцветной парчи я не видел нигде, какую выделывали на этой фабрике. Мастер был родом из Турции.

я хочу идти замуж, то он доставит мне жениха по моему росту. Потом подозвал гренадерского офицера, такого же великана, как и он сам, и представил его мне. Понимая шутку, я отвечала, что напротив, я хочу маленького мужа. – "Чтоб держать в руках, не правда ли?" сказал царь, улыбаясь. "Ой, вы, польки!" С этим он оставил меня.

Царь и царица танцевали польский и остались ужинать. За столом царь пил вино из большого бокала, за здоровье Короля польского Августа II и за благоденствие республики, называя себя другом ее, и был весьма фамильярен с поляками. Наши пили за здоровье царя, царицы и русского войска. Один из нашей шляхты, выпив порядком, сказал, что если бы он дожил до выборов, то дал бы голосна избрание царя в короли польские, что весьма ему понравилось, и он провозгласил тост за здоровье польской шляхты. Потом провозглашены были тосты за здоровье дам, и наконец наш знаменитый народный тост: "kochamy sie"¹⁴. Когда все встали при этом, по старинному обычаю, и начали обниматься и целоваться, царь также целовался и обнимался со всеми. Разъехались по домам поздно, и все мужчины уже порядочно навеселе. Наши поляки весьма полюбили царя за его популярность, что именно в нашем народном духе, и жаловались ему на любимца его, князя Меншикова, который не отличался бескорыстием, и забрал все драгоценности даже у пани Огинской, тетки пана Огинского, самого сильного царского привержен-

¹⁴ Т.е. будем любить друг друга, или будем дружны.

ца, воевавшего за него против шведов. Царь сказал, что все зло делается против его воли, и что Меньшикову не пройдет это даром, а пани Огинская получит обратно все у нее взятое.

Царь с царицей пробыли в Слуцке пять дней, и я видела его ежедневно на улицах и в доме пана Хлевинского, без большого парика он был красавец. Он узнал меня при первой встрече, после бала, и повторил свою шутку, утверждая, что я должна быть непременно его гренадершей, т. е. женой его исполинского капитана. Но все же скромный и задумчивый Карл мне больше нравился!".

Хотя Петру великому и не удалось выдать замуж моей прабабушки за саженого гренадера, но в доме ее была настоящая гренадерская субординация. Она страстно любила вышивание по канве и в тамбуре, и будучи уже не в состоянии сама работать, находила наслаждение в руководстве работами, и имела в доме своем род мануфактуры. Более двадцати крепостных девушек, с полдюжины сирот и воспитанниц и несколько бедных шляхтяночек ежедневно занимались вышиванием ковров и обоев. Все стены и все мебели в ее доме обиты были превосходнейшим шитьем, едва ли уступающим гобеленовым обоям. Этих ковров и обоев она никогда не продавала, но не только родным, а даже и значительным людям, не по их силе, а по ее выбору, и самому королю польскому, посылала она в подарок свои изделия, которые высоко ценились знатоками. На выписывание рисунков она

не жалела денег. На больших стенных коврах рисунки изображали битвы, охоту; фигуры были в натуральный рост. На старинной массивной мебели, над дверями, над окнами и даже на печах и на всей домашней посуде и утвари были вырезаны или нарисованы гербы нашей фамилии. В портретной зале была коллекция портретов наших предков с XVI века. Словом, это был в полном смысле дом исторический, и если Литва имела своего Вальтера-Скотта, то Русиновичи и вотчинница этого имения непременно играли бы роли в историческом романе.

Обычно в Русиновичах также принадлежали к истории. Русское *бью челом* и польское *padam do nog* (т. е. *упадаю к ногам вашим*) не суть пустые выражения, или одни комплименты. Везде, в старину, бедный и слабый бросались к ногам богатого и сильного, и *били перед ними челом в землю*, как это и до сих пор ведется на Востоке и между крестьянами в России и Польше. И теперь еще, даже у богатых купцов и дворян русских, придерживающихся старины, молодая пара, перед венцом, бросается в ноги родителям, и просит благословения. В Польше, в прошлом веке, все родные в *нисходящей линии* должны были падать на колени перед старшими родными, и целовать ноги родителей. У моей прабабушки, пани Онюховской, этот обычай велся до ее смерти. Когда мы приехали к ней, она сидела в больших креслах. Мои родители и сестра пали к ногам ее, заставив и меня сделать то же, и она протянула ногу, которую мы поцеловали. Потом она

приказала нам встать, и дала обе руки для облобызания, и уже после этой операции приподнялась с кресел, поцеловала всех нас в лицо, благословила и велела родителям моим сесть, а мне и сестре стать возле ее кресла.

Отец мой рассказал ей обо всем случившемся с нами, не забыв и того, что все вещи наши остались в руках наездников, и что мы имеем только то, что на нас. Прабабушка не сказала в ответ ни слова, а только покачала головой.

Мы приехали утром. – "Ступайте же в ваши комнаты, и отдохните", – сказала прабабушка: "а я займусь хозяйством". Любимая ее девка отвела нас в назначенные нам комнаты, и тотчас явился повар, чтобы расспросить о любимых блюдах каждого из нас. Через час лакеи внесли к нам кипы. Тут был холст, батист, шелковые материи в кусках, кружева, платки, даже сукно. Не забыты были и ковры. По старо-польскому обычаю, все это надлежало иметь в запасе в порядочном доме. При каждой покупке земных произведений у помещика, купец, по обычаю, должен был дарить хозяйке и, кроме того, на каждой ярмарке покупались новые товары, хотя без нужды, чтобы только купить что-нибудь, и оттого кладовые в домах были полны. По счастью, во время последней войны, начальник войск русских, человек образованный, узнав, что моя прабабушка лично знала Петра Великого, нарочно ездил к ней, и из уважения к памяти великого мужа, хотевшего сделать ее своей гренадершей, дал ей залог и охранительный лист, и дом ее остался неприкосновенным. Люби-

мая служанка прабабушки объявила, что барыня просит нас принять все это *на первый случай*.

Мне ужасно хотелось побегать в саду, но отец мой сказал, что здесь нельзя гулять в саду без особого позволения хозяйки. Все находившиеся под крышей дома должны были сообразоваться с волей хозяйки; таков был старинный обычай! Пей, ешь, спи и прогуливайся не когда хочешь, а когда велют! Каждый был в своем доме властелином, а в чужом доме подданным.

Нас позвали к обеду, и родители мои снова хотели повторить обряд коленопреклонения, но прабабушка не допустила до этого; довольно было и одного раза! Изъявление благодарности моих родителей она выслушала хладнокровно, и отвечала только пословицей, соответствующего русской поговорке: "свой своему поневоле друг". Все кушанья стояли на столе, по старинному обычаю. Обыкновенные кушанья, для всех, были в серебряных крытых блюдах, а кроме того, перед каждым гостем и перед сыном прабабушки, *королем*, стояли маленькие красивые горшочки и кастрюльки с отборным кушаньем, по вкусу каждого. Прабабушка сама указала нам места: по правую руку посадила матушку, по левую своего *короля*, за матушкой меня и сестру, а возле своего короля отца моего. Далее сидели панны (т. е. шляхтянки, служащие в доме) и поживальницы или резидентки, комиссар, эконо и несколько бедных шляхтичей, приехавших с почтением или за делом. Перед мужчинами стояли кружки с пивом.

При конце обеда, лакей поднес отцу моему бокал венгерского вина. За столом все молчали и только отвечали на вопросы хозяйки. После обеда я пошел гулять в сад, с *королем*. Хотя он уже тогда был в возрасте, однако же играл со мной как ребенок, и пускал воздушного змея. Он был близорук, оттого что в детстве его держали в комнатах, закрытых занавесами, чтобы *не испортить* зрения; притом он сильно заикался.

Приехал наш адвокат из Минска, и сказал, что при просьбе надлежало представить список всем вещам, оставленным в Маковищах, т. е. всей движимости, с примерной оценкой ее. Родители мои и сестра Антонина занялись этим, и на другой день от всех представлены были адвокату списки, из которых он должен был сделать общий свод. К общей проверке списков призваны были наши слуги и служанки.

Не могу забыть сцены, когда адвокат, начав читать список, поданный матушкой, вдруг бросил его на стол со своими очками, вскочил со стула и, отступив на шаг, поднял руки с удивлением, воскликнув: – *Гарнец жемчуга!*

– Что это значит? – спросил батюшка.

– Тут написано, что у вашей супруги был *целый гарнец жемчуга*, не в деле, просто как горох в мешке! – сказал адвокат.

Отец мой посмотрел с удивлением на матушку, и сказал: Об этом я ничего не знаю, и теперь впервые слышу!

– Потому, что я об этом никому не говорила, и хранила этот жемчуг, как последнюю помощь, в случае несчастья.

Анна! промолвила матушка, обращаясь к моей няньке, (самой верной из всех слуг и ее молочной сестре, т. е. дочери ее кормилицы), – помнишь ли тот мешок, который мы зарывали с тобой в землю, ночью, под большим дубом, возле пруда, когда разнеслись вести, что наши снова будут воевать с русскими?

– Как не помнить, сударыня, – отвечала нянька: – ведь это было в третьем году; мешок был желтый, сафьяновый, точно такой, в каких для барина привозят курительный табак, а вырыли мы его только нынешней весной.

– Это был мешок с моим жемчугом, данным мне братьями моими в приданое, при втором моем замужестве, сказала матушка.

Адвокат покачал головой и возразил: Помните, что в этом вы должны *присягнуть*.

– Присяга не страшна в правом деле; я и братья мои присягнем, что у меня был *целый гарнец жемчуга!*

– Как угодно, – сказал адвокат, сев на свое место. Отец мой надел шапку и вышел на крыльцо, взяв меня за руку. Он смотрел вверх и посвистывал, а это означало, что он недоволен. Он не сомневался в истине показания матушки, но ему досадно было, что она перед ним скрывала это.

Когда прабабушка узнала об этом *гарнце жемчуга*, она ни мало не усомнилась, и сказала: «Если бы из дома Бучинских дан был и целый корец жемчуга, то я бы не удивилась, зная, что этот дом исстари славился богатством и порядком, а что

Анеля (имя моей матушки) не сказала об этом моему пану Венедикту, за это похваляю ее. Знаю я хорошо его девиз: день мой – век мой, сегодня жить, а завтра гнить!» В самом деле, отец мой повторял это, когда его упрекали в излишней щедрости и хлебосольстве.

Прожив несколько дней в Русиновичах, мы отправились в Минск. Перед отъездом повторились коленипоклонение, целование в ногу и в руки и благословение. Прабабушка дала моей матери кожаный мешочек со ста червонцами, завязанный и запечатанный; сестре подарила десять червонцев, а мне один червонец, на конфеты. Отца моего она только погладила по голове, и сказала: "Живи скромнее!" Когда мы уселись в коляску, отец ощупал под ногами мешок; он приподнял его; мешок был с рублями и с надписью: "500 рублей".

Мои родители не могли надивиться щедрости прабабушки: она весьма редко дарила деньгами родных, и подарок ее никогда не превышал ста злотых польских. Видя нас в несчастном положении, она отступила от своего правила. Семейная гордость восторжествовала над всеми чувствами и правилами. Она даже не одобряла смирения отца моего, и сказала, что надлежало пустить пулю в лоб дерзкому, осмелившемуся беспокоить шляхтича в его доме! Таковы были польские женщины в старину. Они поджигали мужей и сыновей своих на битвы.

Прибыв в Минск, матушка подала просьбу, с приложением

ем инвентаря оставшихся в Маковищах вещей, и через неделю уехала со мной и с сестрой в Белоруссию, к своим родным, а отец мой остался лечиться у доктора Марбурга, в Минске.

В Могилевской губернии, в Оршанском уезде, жил близкий родственник матушки, Викентий Кукевич, маршал (дворянский предводитель) Оршанский, в имении своем, называемом *Высокое* (принадлежащем ныне князю Любомирскому). Кукевич был холост и уже более нежели в среднем возрасте. Это был самый честный и благородный человек, какой только может быть между людьми, но имел некоторые непостижимые странности. Он любил уединение и проводил большую часть дня или в своей комнате, или в поле, в лесу, *в разговорах, с самим собой*. Мы несколько раз смотрели с сестрой в замочную скважину, чтобы узнать, чем он занимается. Он ходил по комнате сперва тихо, потом шибко, говорил громко, щелкал пальцами, смеялся, хохотал, взявшись за бока, садился, кланялся, шаркал, потом пел и наконец, устав, ложился, а отдохнув, являлся в общество, как будто ничего не бывало; был чрезвычайно любезен, снисходителен и вежлив со всеми. Он был в одно время опекуном князей Любомирских и племянницы своей, богатой сироты Куровской, которая и воспитывалась в его доме. Решено было, чтобы сестра моя и я остались в доме Кукевича, сестра для беседы и надзора за родственницей Куровской, а я для воспитания. Отец мой, хотя неохотно, но согласился на это,

намереваясь приехать к нам.

В доме Кукевича проживало целое семейство филолога, занимавшегося воспитанием детей в домах. Он назывался Цыхра. Старик был человек ученый и превосходный музыкант, нрава кроткого, характера веселого. Сын его Людовик, немного старше меня, был впоследствии знаменитым виртуозом на гитаре. Старший сын преподавал уроки истории, географии и арифметики. Старик Цыхра, человек чрезвычайно добрый и ласковый, полюбил меня как родное дитя, и умел возбудить во мне, мало сказать охоту, нет, страсть к учению. Под его руководством и чтобы ему нравиться, я оказывал удивительные успехи в языках и в музыке, а историю и географию полюбил до того, что меня надлежало силой отрывать от книг, географических карт и глобусов.

Много, весьма много, чтобы не сказать все, зависит от учителя, от его усердия, от его характера и от общения с детьми. Глубокая ученость в учителе не принесет пользы, если он не обладает искусством передавать своих познаний, делать их понятными для детей, и если не умеет привязать к себе детей, не может заставить их полюбить науку, возбудить в них жажду познаний, представить науку в занимательном виде. Хороших учителей весьма мало на свете, и оттого так мало успехов в науках, вообще во всех учебных заведениях. Обучают по должности, учатся поневоле. Учитель будто стыдится своего звания, чуждается своих занятий, и требует, чтоб его почитали чиновником; ученики помышля-

ют не о науках, а об экзамене и чиновничестве!.. Добрый мой Цыхра! Прими и за гробом дань моей благодарности. Ты был образец учителей, учитель, каких я мало встречал в жизни!.. Боюсь сказать, что вовсе не встречал. Все твое честолюбие, почтенный мой наставник, и наслаждение сосредоточивались в успехах, которые делали в науках и музыке дети твои и мы, твои воспитанники...

Между тем процесс кипел в Минске.

Отец мой был нелюбим многими из так называемых выскочек (parvenus) и новых богачей, составивших себе состояние карточной игрой, торговлей совестью, грабежом народного достояния в общем замешательстве края, или обкрадыванием польских вельмож, при управлении их делами и вотчинами. Особенно оскорбил он одного нового богача, на последних сеймиках (дворянских выборах), желавшего быть дворянским маршалом. — "Если вы выкопаете из могилы его деда", сказал отец мой шляхте: "то на его черепе еще найдете ермолку!"

Я уже сказывал о снятом парике.

Некто, разбогатевший в службе князя Карла Радзивилла, играл уже важную роль и занимал какое-то место в службе. Он обошелся слишком фамильярно с отцом моим, в большом обществе, в присутствии губернатора Тутолмина. — "Мы часто виделись с вами в доме князя Карла Радзивилла", сказал свысока отцу моему новый богач. — "Правда", отвечал отец: "присматриваясь к порядку в доме князя Радзивилла, я

иногда заглядывал и в кухню, и в конюшню, и в лакейскую!" Этого не мог никогда забыть оскорбленный выскочка!

Словом, отец мой часто говорил горькие истины в глаза, и за чванство наказывал жестокими эпиграммами. Теперь все это обрушилось на него, и за него – на матушку! Процесс принял дурное направление, особенно после отъезда в Петербург Тутолмина. На его место назначен губернатором в Минске действительный статский советник К###, человек добрый и правосудный, но не знавший ни польского языка, ни польских законов, ни польского порядка сделок. На первых порах он невольно должен был увлечься, как говорится, течением, которому новые люди, прильнувшие к правительству, давали направление. *Гарнец жемчуга*, о котором никто не знал в доме, ни муж, ни дети, послужил предметом к шуткам, насмешкам и наконец к обвинению матушки в *кровоприсяжестве!* Ее отдали под уголовный суд, и к дому ее приставили часовых. Пример единственный и небывалый с польской дамой!

Лишь только сестра Антонина узнала это, немедленно отправилась к дядям нашим, родным братьям матушки, Крайчему и президенту главного витебского суда Чучинскому, и объявила намерение свое ехать немедленно в Петербург, броситься к ногам государя и просить правосудия. Дяди снабдили ее деньгами, а Кукевич вызвался провожать ее. Они немедленно пустились в дорогу, а я остался в Высоком. Через два месяца сестра моя прискакала на почтовых в

Минск, с указом об освобождении матушки из-под ареста, и о возвращении ей Маковищ в закладное владение, до рассмотрения дела формою суда. Отец мой остался в деревне, для нового устройства хозяйства, а матушка с сестрой приехали в Высокое, навестили дядей и, взяв меня с собой, отправились в Петербург, просить удовлетворения за незаконный арест без выслушивания свидетелей и без рассмотрения доказательств на счет *гарнца жемчуга*, и за несправедливое обвинение в *кривоприсяжестве*.

Никогда я так не плакал и не грустил, как расставаясь с учителем моим Цыхрою. Насильно вырвали меня из его объятий и посадили, почти без чувств, в экипаж. Старик также проливал слезы. Меня успокоили только обещанием, что мы скоро возвратимся в Высокое, и что я куплю в городе новую трубку для Цыхры.

Родители, особенно матушка, нежили и баловали меня, угождая даже моим прихотям; но Цыхра умел занять мой ум и овладеть душой. Мне хотелось все знать, и я беспрестанно мучил его вопросами: это зачем, это что такое – и старик объяснял мне с величайшим терпением, сообразуясь с моими летами и понятиями; он никогда не показывал, что я ему надоедаю моею неотвязчивостью, а, напротив, через несколько дней спрашивал меня, помню ли я, что он мне рассказывал, и повторял объяснение свое, если замечал, что я сбивался. Где вы найдете такого гувернера? Я прежде играл игрушками, а с Цыхрой играл наукой, и пристрастился к этой

забаве.

Два впечатления остались в моей памяти из нашего путешествия в Петербург. В каком-то городишке, кажется, в Сураже, где мы пробыли двое суток, ожидая возвращения человека, посланного с письмом к какому-то родственнику, квартировал полк или батальон. Я видел ученье. На выгоне, за самой заставой, выстроен был батальон в одну шеренгу, и делал ружьем приемы, по флигельману, который *стоял на крыше* небольшого сарая или бани. Для флигельмана устроена была платформа из досок. Полковник сидел в некотором отдалении от фрунта в креслах, и курил трубку. Несколько офицеров стояли возле него, и разговаривали с ним, а майор командовал. Это остатки воинской дисциплины Екатерининских времен, которых, без сомнения, уже никто не увидит. В Могилеве, где мы прожили целую неделю, потому что братья матушки приехали к ней нарочно для свидания и совещания, один родственник повел меня в иезуитскую школу. Я удивился, увидя усатых школьников. Одного из этих усачей профессор (как называли себя иезуитские учителя) поставил на колени. Возвратясь домой, я сказал матушке: «Если ты отдашь меня к иезуитам – я убегу». – «Куда!» спросила она. – «В Высокое, к Цыхре!» – «А если он тебя не примет?» – «Пойду в солдаты», – отвечал я решительно.

В Петербурге мы остановились у Осипа Антоновича Козловского, друга нашей фамилии, бывшего директором театральной музыки. Он жил в доме Льва Александровича На-

рышкина, на Мойке, против Новой Голландии, рядом с домом, который занимал сам Лев Александрович, где ныне Демидовский Дом Трудящихся. Тогда этот дом был храмом роскоши, гостеприимства и благотворения, и как будто в память прежнего благодетельного хозяина превращен в богоугодное заведение! Разумеется, у тогдашних русских вельмож в домах не отдавались квартиры в наем, и Осип Антонович жил в доме Нарышкина безвозмездно, занимая целый этаж.

ГЛАВА VI

Петербург за полвека перед сим. – Наружный вид столицы. – Общество. – Вельможи двора императрицы Екатерины II. – Быстрые перемены и преобразования в царствование императора Павла Петровича. – Поляки в петербургском высшем обществе. – Определение мое в сухопутный шляхетный кадетский корпус.

Со времени кончины императрицы Екатерины II Петербург совершенно изменился, и в наружном своем виде, и во внутреннем устройстве, и в правах и в обычаях. Только некоторые памятники зодчества припоминают прежнее – все прочее новое или возобновленное. Все великолепие города, за пятьдесят лет перед сим, сосредоточивалось на набережной Невы и в центре его, в окрестностях Зимнего дворца; но и в этой части города было весьма немного высоких домов. Почти все каменные дома были или двухэтажные или одноэтажные с подземельем, т. е. жильем, углубленным в землю. Только на Невском проспекте, между Полицейским и Аничковым мостами, в двух Морских и двух Миллионных не было вовсе деревянных домов, а во всех прочих улицах деревянные дома перемешаны были с каменными, и вообще едва ли только не десятая часть домов были каменные. Но и прежние каменные дома, в течение этого времени, почти все

или перестроены, или надстроены, так что их нельзя узнать. Многие прежние дома, почитавшиеся великолепными, вовсе сломаны, и на их месте воздвигнуты новые, огромные здания.

Теперь на Невском проспекте из старых домов остались в прежнем виде: дом Васильчикова, где Английский магазин (существующий на одном месте более полувека), дом Коссиковского, у Полицейского моста (бывший дом, тогда новый, князя Куракина), дом (pallazo) графов Строгоновых, дома Католической церкви, господ Лубье и Меншиковых и Гостиный двор. Все прочие дома приняли другой вид или сломаны. На Итальянской улице, против Михайловской площади, с одной стороны (с правой), были частью каменные, а частью деревянные дома, а с другой стороны улицы, во всю ее длину, была каменная стена (забор), ограждавшая дворцовый огород, принадлежавший к Летнему саду. На Литейной, во Владимирской, в Конюшенных, Троицком переулке, в Моховой и в окружающих их улицах, равно как в Малой и Средней Мещанских, в Подъяческих, на Вознесенском проспекте, Екатерингофском проспекте и прилежавших к ним улицах, большая часть домов были деревянные.

Части города, называемые Московской, Рождественской, Коломною, были почти исключительно обстроены деревянными домами, и большая часть улиц в них не имела мостовой. Козье болото, в Коломне, было настоящее болото, непроходимое и смрадное, покрытое зеленой тиной. Таких

болот было тогда много в местах, ныне превосходно застроенных, как, например, по Лиговке, в Грязной, на Новых местах и за Каретным рядом. Еще и до сих пор остались образцы прежних петербургских домов, а именно: на Невском проспекте, за Аничковым мостом, по правой стороне (считая от Невы). Васильевский остров только на набережной Невы и по Первой и Кадетской линиям походил на столичный город, но далее застроен был почти исключительно деревянными домами. Пески, Выборгская и Петербургская стороны, с лучшими улицами, походили на плохие уездные городишки, а Ямская была настоящая деревня.

Даже православных церквей было не много каменных, а великолепная одна только, именно Александро-Невская Лавра. Казанский собор был деревянный, низкий, с высокой деревянной колокольной, и выкрашен желтой краской. Исакиевский собор, достроенный в царствование императора Павла I, представлял какую-то мрачную массу, без всякой архитектуры. Адмиралтейский шпиц существовал, но башня не была окружена колоннами и статуями, а здание Адмиралтейства было низко, не оштукатурено, и не вмещало в себе жилья, а служило единственно для склада кораблестроительных материалов. С трех сторон Адмиралтейство обнесено было тремя фасадами (в прямых линиях) земляного вала и водяным рвом. Где ныне находится Инженерный замок, там стоял деревянный летний дворец императрицы Елизаветы Петровны, и на месте его император Павел I воздвиг свое

царское жилище, названное тогда Михайловским дворцом. Этот дворец как бы волшебством возник в год, с небольшим, времени. Он тогда окружен был валом, вооруженным пушками и водяным рвом, с подъемными мостами, и имел вид крепости.

Железных мостов вовсе не было; каменные мосты были только на Фонтанке и на Екатерининском канале, а на Мойке мосты Полицейский, Синий, Красный и Поцелуев были деревянные. Нынешний Александрийский театр, тогда называвшийся Малым, не имел никакой внешней архитектуры: это было низкое и безобразное здание, род сарая. Большой театр был без портика и гораздо ниже, и походил более на магазин, чем на храм искусства. Дворцовая площадь окружена была тогда частными домами, между которыми отличался дом Кушелева (на месте нынешнего главного штаба Его императорского величества), выстроенный полукругом, от углового дома бывшего Вольного Экономического общества до нынешней арки, тогда не существовавшей. Дом Кушелева для Петербурга был то же, что Пале Рояль для Парижа, только в миниатюре. Тут были и лавки, и трактиры, и маскарадные залы, и театр, на котором играли немецкие актеры. Где теперь Ордонансгауз и промежуток у Певчего моста, тут были дома музыканта Булана и белорусского дворянина Древновского. Помню эти дома потому, что в них жили мои знакомые.

Тротуаров вовсе не было в городе. О нынешней чистоте не

имели даже понятия. Многие улицы весной и осенью были почти вовсе непроходимы, на других все лето стояли лужи. В отдаленных частях города (ныне великолепных), на улицах паслись коровы и расхаживали свиньи. Ночью собаки целыми стаями бродили возле рынков, и лай их и вытье раздавались далеко. От оборванных мальчишек, игравших в бабки и в городки на улицах, не было прохода вне центра города, и от них надлежало откупаться, чтоб не быть забрызганным грязью.

На повороте с Невского проспекта во Владимирскую был так называемый *Обжорный ряд* (перенесенный после к Каменному мосту, в Апраксин переулок). Тут сидели рядами бабы с хлебом, пирогами, жареным и вареным мясом или рыбой – и весь рабочий народ толпился тут два раза в сутки. У Синего моста стояли толпы людей обоего пола и различного возраста, с дворецкими и приказчиками. Здесь нанимали работников, слуг, служанок, и даже покупали в вечное и потомственное владение. Тогда это было позволено, что можно видеть из объявлений в единственной тогда газете, С.-Петербургских Ведомостях. Можно смело сказать, что только вокруг Зимнего дворца, на Невском проспекте до Аничкова моста, в двух Морских и в двух Миллионных была Европа; далее повсюду выглядывала Азия и старинная *предпетровская* Русь, со своей полудикостью и полуварварством.

Здесь мне приходит на мысль разговор, который я имел с одним просвещенным и ученым вельможей (графом

Е.Ф.Канкриным) на счет *русской* истории, лет за десять перед сим. "Если рассудить, то мы, по справедливости, вместо того, чтобы называться *русскими*, должны прозываться *петровцами*", сказал граф Егор Францович. – "Что сделали для нас *варяго-руссы*, в сравнении с тем, что совершил Петр Великий? При варяго-русских правителях мы были варварами, азиатами, и как в старину монголы покорили Россию, так в течение времени растерзали ее наши европейские соседи, если б не родился Петр! Всем: славой, силой, довольством и просвещением обязаны мы роду Романовых, и из благодарности должны были бы переменить наше обще-племенное название *славян* на имя творца империи и ее благоденствия. Россия должна называться *Петровией*, а мы *петровцами*, или, империя – *Романовой*, а мы *романовцами*".

Идея оригинальная, а в существе справедливая! Всевышний, сотворив землю, определил на веки веков место ее во вселенной и ход в небесном пространстве; Петр Великий, создав Империю, назначил ей место в политическом мире и дал направление, по которому ей должно следовать для достижения высочайшей степени славы и могущества. Присоединение к России старинных русских княжеств и Литвы, приобретение Курляндии, завоевание Тавриды, утверждение русских границ на Дунае, приобретение берегов Каспийского моря, население Новороссийских степей; каналы, дороги; усиление флота и войска – все это есть только исполнение предначертаний Петровых, следствия направления, дан-

ного им своей Империи. Все, что было сделано вследствие этого направления, данного им своей Империи. Все, что было сделано в следствие этого направления, велико и полезно, все, сделанное вопреки его видам, упало само собой!

От кончины Петра Великого (в 1725 году) до восшествия на престол Императора Павла Петровича (в 1796 году), почти шестьдесят восемь лет сряду, царствовали в России женщины. Два императора Петр II и Петр III не занимали престола и четырех полных лет. Перевороты, бывшие при утверждении власти за правительницей Анной Леопольдовной, при восшествии на престол императриц: Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, возносили их приверженцев и участников переворота почти над обыкновенной сферой подданных, и с ними возвышались их родные, друзья и прислужники. Все хотели управлять по своей воле, и из видов честолюбия и корыстолюбия образовались партии. Правление приняло олигархические формы.

В краткое регентство правительницы Анны Леопольдовны, в царствование императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны партии явно боролись между собой, и, вредя себе взаимно, наносили вред Государству. От кончины Петра Великого до половины царствования Екатерины II все еще существовала сильная партия, противная быстрому ходу нововведений, партия, составленная из людей, вздыхавших по старине и ненавидевших чужеземцев. За эти чувствования Волынский заплатил жизнью при Анне Иоанновне, но вос-

поминание о Бироне в последствии еще более укоренило эту ненависть. Императрица Екатерина II, будучи Великою княгиней, изучила характер Двора и русского народа, и привязала к себе сердца изъявлением особенной любви ко всему русскому, народному. В ее царствование расцвела русская словесность, из семян, насажденных при императрице Елизавете Петровне, появились русские художники, русские ученые, и все первые места в государстве были заняты природными русскими. Русские полководцы водили наши войска к победам. Русские сановники управляли всеми частями государственного механизма. Все новые учреждения и все звания получили русские наименования, извлеченные из духа русского языка.

Везде введено было однообразное русское управление, и Остзейские провинции и Финляндия, вместо своих феодальных, устарелых прав, получили русские законы. Сама государыня казалась русской в самых мелких подробностях жизни: одевалась по-русски, говорила всегда народным языком с русскими, и даже участвовала своими трудами в Русской литературе. Все это льстило народному самолюбию, ободряло народ русский, и он обожал ее и не называл иначе как матушкой. Это слово было нераздельно с именем Государыни. Царствование ее было, в полном значении слова, блистательное и славное! Приобретены новые и богатые области, во всем мире гремели победы, одержанные русскими, на суше и на море; построены новые города и старые украшены;

дано движение промышленности и торговле, словом, Россия сияла, как солнце, но и это блистательное положение не было изъято от недостатков. Такова участь всех дел человеческих! Многие еще оставалось довершить, усовершенствовать, исправить...

Император Павел Петрович, будучи еще Великим князем, видел это и соболезнавал, а вступив на престол, оказал великое благодеяние отечеству водворением новой дисциплины в войске, отчетливости в управлении казной и строгого правосудия в судах. Чувство правосудия в душе императора Павла Петровича преобладало над всеми другими чувствами, и даже один из неприязненных России писателей сказал о нем: "Он был справедлив даже в политике!"

Если он ошибался, то явно сознавался в ошибке, и исправлял ее по-царски, но не прощал обмана, криводушия, лихоимства, непослушания. Государь начал улучшения с войска. Все так называемые тогда лежни, т. е. матушкины сынки и бабушкины внуки, записанные в военную службу и получавшие чины, не видав с роду своего полку, были исключены из службы. Кто хотел служить, тот должен был явиться в полке и исполнять все предписания военной дисциплины, нести все обязанности службы, несмотря ни на связи, ни на породу. Это возвысило дух в войске. Каждое неправосудие, каждое отступление от законов и от законного порядка в гражданских делах подвергалось немедленно наказанию, и каждое своевольное или безотчетное употребление казенных денег

влекло за собой взыскание и ответственность. Все подданные сделались равными перед престолом, и ни знатность, ни высокие чины, ни сильное родство не могли избавить виновного от наказания за самоуправство, злоупотребление властью и ослушание. Россия быстро встрепенулась, и это движение было для нее спасительно впоследствии.

Не мое дело разбирать все подробности царствования императора Павла Петровича; но я убежден в душе, что в этом отношении оно было чрезвычайно благотельно, и что постепенно невозможно было бы излечить Россию от некоторых ее недугов. В быстром изменении прежнего порядка императором Павлом Петровичем вижу много добра. Вельможи, сановники, даже дамы, в прежние времена не стыдились дежурить в передней временщиков и их любимцев, и расточать перед ними лесть и непростительную снисходительность, перенося терпеливо грубости или небрежность, а между тем не отдавали надлежащей почести тем, которые имели на то полное право, и потому Государь учредил новый этикет. Прежние офицеры редко надевали мундир, и еще реже появлялись перед фронтом. Государь приказал всем офицерам ежедневно появляться на вновь учрежденных вахтпарадах, т. е. на разводе караулов, перед которым было ученье.

Одежда придворных и вообще людей, посещавших общества, разоряла целые семейства множеством алмазов (на пряжках, пуговицах, орденах, эфесах шпаг, и т. п.), кружев и дорогих тканей, выписываемых из-за границы – и Государь

предписал для чиновников и неслужащих дворян мундиры, уничтожив одежду якобинцев и террористов, фраки и круглые шляпы. Сам государь не хотел говорить языком, на котором произнесен был смертный приговор несчастному Людовику XVI и его безвинному семейству, и при Дворе перестали говорить по-французски, а в следствие этого исчезли и все французские наименования. На вывесках, вместо *магазин*, написано было: *лавка*.

Разврат и пьянство обуяли мелких чиновников и вообще среднее сословие. Целую ночь раздавались в трактирах и в некоторых частных домах песни, звуки музыки и стаканов и неистовые вопли пирующих; следствием этого бывали драки, даже смертоубийства, пожары (при множестве деревянных домов), и наконец употребление непозволенных средств на приобретение денег. Государь приказал, чтоб по прибытии вечерней зари все огни в частных домах были погашены, все трактиры заперты, чтоб в трактирах не было никакой карточной игры, и чтоб женщин не впускать вовсе в трактиры. Азартные карточные игры, как в публичных заведениях, так и в частных домах, строжайше были запрещены во всем государстве. Балы и всякие вечерние семейные собрания были позволены, но надлежало впредь давать знать полиции, чтобы она могла распорядиться немедленно, в случае какого-нибудь нечаянного происшествия.

Каждый человек имеет свой собственный вкус, и то хорошо, что кому нравится. Государь одел войско по образцу

войска Фридриха Великого: в длинные зеленые мундиры с отворотами, открытые от груди, в короткое нижнее платье желтого или белого цвета, в суконные черные штиблеты, за колени, зимой, и белые холщовые, летом. Мушкетеры имели шляпы, гренадеры каски (как ныне лейб-гвардии в Павловском полку). Офицеры и солдаты должны были пудриться, носить длинные косы и пукли (прежде пудрились и носили пукли и косы или кошельки одни офицеры). Во фрунте офицеры и унтер-офицеры вооружены были эспантонами (род алебард). Полки, исключая гвардейских, назывались по именам своих шефов. Кирасиры и драгуны носили куртки, первые белые, вторые зеленые, лосинное исподнее платье и шляпы с белыми султанами. Лат не было. Гусары одеты были по-венгерски: гвардейские имели меховые шапки, армейские кивера с крылом, и носили длинные косы и локоны, висевшие до плеч по вискам.

Дела вообще приняли быстрый ход. Все исполнялось скоро, без малейшего отлагательства, а между тем и общество петербургское, при всеобщем преобразовании, приняло совершенно другой вид. Многие из вельмож двора императрицы Екатерины II и обогатившиеся дельцы уехали за границу, или поселились в деревнях и в Москве. Рядом с старой знатью и с вельможами, созданными Екатериной, водворилась новая знать из старых слуг государя. Из старинных коренных вельмож, представителей блистательного века и двора Екатерины II, остались в прежнем положении

граф Александр Сергеевич Строгонов и Лев Александрович Нарышкин. Из деловых людей, возвышенных императрицей Екатериной в звание государственного сановника, пользовался милостью государя граф Безбородко, а из новых, во все до того неизвестных людей, граф Иван Павлович Кутайсов и граф Алексей Андреевич Аракчеев. Граф Ростопчин, бывший камергером при дворе Екатерины II и часто дежуривший при великом князе, в Гатчине, имел счастье заслужить его благосклонное внимание, и также пользовался особенной милостью государя императора. Государь наследник Александр Павлович был назначен военным генерал-губернатором¹⁵ Петербурга.

Это место занимали после граф Аракчеев, а потом граф Пален. Первым обер-полицеймейстером в царствовании императора Павла был генерал Архаров, знаменитый заведением в Москве полицейского порядка при императрице Екатерине II, и очищением древней столицы от множества накопившихся в ней воров и разбойников.

С начала дозволено было каждому подавать лично проше-

¹⁵ Царственный военный генерал-губернатор был ангелом-хранителем всех несчастных и угнетенных, и жил только для добра. Бывший при императоре Александре Павловиче камердинером Геслер рассказывал мне впоследствии, что он, под своим именем, нанимал две комнаты в трактире, имевшем название *Благопристойность* (на Гороховой, на углу, у Каменного моста, в доме, бывшем Калмыкова, где ныне зеленные лавки и русский трактир). В этих комнатах царственный военный генерал-губернатор назначал свидание просителям, которых не хотел расспрашивать при свидетелях, утешал их, помогал им и ходатайствовал за них. Истинно ангельская душа!

ние государю. Но неотразимость просителей, заступавших везде дорогу государю, заставила его отменить это постановление, и в одной комнате Зимнего дворца устроен был ящик для принятия прошений, которые рассматривались статс-секретарями, для доклада государю. Это было первым основанием учрежденной впоследствии комиссии прошений. Решения государя императора печатались в Ведомостях, через несколько дней после подачи просьбы. За несправедливые доносы или жалобы подвергались наказанию просители, а по правдивым жалобам подвергались наказанию злоупотребители власти и законопреступные судьи. После отрешения от места нескольких губернаторов и других высших чиновников, все стали осторожнее и внимательнее к делам. Прощение, поданное сестрой моей, поступило к государю через статс-секретаря Нелединского-Мелецкого, бывшего впоследствии сенатором, и оставившего почетную память по себе в русской литературе, как поэта эротического, творца прелестных в свое время русских песен. Через него же доставлено было и решение Осипу Антоновичу Козловскому, для передачи просительнице.

Образ жизни вельмож двора императрицы Екатерины II теперь принадлежит к области вымысла, к романам и повестям! Кто не видел, как жили русские вельможи, тот не поверит! Я уже застал это сияние на закате, и видел последние его лучи. В коренном же вельможе было соединение всех утонченностей, всех общежительных качеств, весь блеск ума

и остроумия, все благородство манер века Людовика XVI и вся вольность нравов эпохи Людовика XV; вся щедрость и пышность польских магнатов, и все хлебосольство, радушие и благодетельность старинных русских бояр. Цель жизни состояла в том, чтоб наслаждаться жизнью и доставлять наслаждения, как можно большему числу людей, не имеющих к тому собственных средств, и чтоб среди наслаждений делать как возможно более добра, и своей силой поддерживать дарования и заслугу.

В доме Льва Александровича Нарышкина принимаемы были не одни лица, имеющие приезд к двору или принадлежащие к высшему кругу по праву рождения или счастливой случайности. Каждый дворянин хорошего поведения, каждый заслуженный офицер имел право быть представленным Л.А.Нарышкину, и после мог хоть ежедневно обедать и ужинать в его доме. Литераторов, обративших на себя внимание публики, остряков, людей даровитых, отличных музыкантов, художников, Лев Александрович Нарышкин сам отыскивал, чтобы украсить ими свое общество. В 9 часов утра можно было узнать от швейцара, обедает ли Лев Александрович дома, и что будет вечером, и после того без приглашения являться к нему. Но на вечера приезжали только хорошо знакомые в доме. Ежедневно стол накрывался на пятьдесят и более особ. Являлись гости, из числа которых хозяин многих не знал по фамилии, и все принимаемы были с одинаковым радушием. Кто умел блеснуть остроумием, или при случае

выказал свой ум и познания, тот пользовался особенной милостью хозяина, и того он уже помнил. На вечерах была музыка, танцы, *les petits jeux*, т. е. игры общества, но карточной игры вовсе не было. На парадные обеды и балы были приглашения, и тогда туже званы были гости только по назначению хозяина. На этих балах расточаема была азиатская роскошь, подчиненная европейскому вкусу, и званые обеды удовлетворяли требованиям самой причудливой гастрономии; но в обыкновенные дня столь был самый простой. Обед состоял из шести блюд, а ужин из четырех.

С первым зимним путем приходили к богатым людям огромные обозы из их деревень, с провизией: мясом, домашними птицами, ветчиной, солониной, маслом, всякой крупой и мукой, с медами и наливками – и все это было съедимо и выпиваемо до весны. На обыкновенных обедах кушанье стряпалось, большей частью, из домашней провизии; на столе стояли кувшины с кислыми щаами, пивом и медом, а вино (обыкновенно францвейн или франконское) разливали лакеи, обходя вокруг стола, два раза во время обеда. Редкие и дорогие вина подавали только на парадных обедах или на малых званых.

У графа Александра Сергеевича Строгонова было то же, с той разницей, что к столу его имели право являться только те, которых он именно приглашал, и он в этом отношении был разборчивее, приглашая только тех, раз навсегда, которые ему особенно нравились. На даче Льва Александровича

Нарышкина, называвшейся *Га, га!*¹⁶ (на Петергофской дороге) и на даче графа А.С.Строгонова (на Выборгской стороне, за Малой Невкой) в каждый праздничный день был фейерверк, играла музыка, и если хозяева были дома, то всех гуляющих угощали чаем, фруктами, мороженым. На даче Строгонова даже танцевали в большом павильоне не званые гости, а приезжие из города повеселиться на даче – и эти танцоры привлекали особенное благоволение графа А.С.Строгонова, и были угощаемы.

Кроме того, от имени Нарышкина и графа А.С.Строгонова ежедневно раздавали милостыню убогим деньгами и провизией и пособие нуждающимся. Множество бедных семейств получали от них пенсии. Дома графа А.С.Строгонова и Л.А.Нарышкина вмещали в себя редкое собрание картин, богатые библиотеки, горы серебряной и золотой посуды, множество драгоценных камней и всяких редкостей. Императрица Екатерина II в шутку часто говорила: "Два человека у меня делают все возможное, чтобы разориться, и никак не могут!" И точно, Л.А.Нарышкин и граф А.С.Строгонов оставили после своей смерти огромное состояние и

¹⁶ Дача эта, находившаяся против большой дачи Нарышкиных, Левенталья, получила это прозвание от восклицания императрицы Екатерины II, удивившейся, что дача построена в такое короткое время и с таким вкусом. В ознаменование посещения государыни воздвигнут был перед Левентальским домом памятник – мраморная колонна с вензелевым именем императрицы наверху. Не знаю, кому принадлежит теперь эта дача, но колонна уже не существует. Тогда на петергофской дороге были аристократические летние жилища, принадлежащие теперь огородникам, трактирщикам, купцам и счастливым чиновникам.

весьма незначительные долги относительно к имению, долги, которых итог в наше время не почитался бы даже долгом! Никогда я не слыхал, чтобы Л.А.Нарышкин пользовался щедротами государыни, но знаю наверное, что граф А.С.Строгонов не брал никогда ничего, довольствуясь одной царской милостью.

С того времени, как Станислав Понятовский (впоследствии король польский) был послом Польской Республики при российском дворе, польская знать и с ней лучшая шляхта стали посещать Петербург, и находили отличный прием и при дворе, и в высшем петербургском обществе. Приезжали в Петербург поляки образованные, богатые, или по крайней мере тароватые, путешествовавшие в чужих краях, видевшие свет, люди отличные. Впоследствии, когда политические партии, при короле Станиславе Понятовском, начали у чужих искать помощи для приобретения первенства и уничтожения своих противников, и когда императрица Екатерина II стала управлять делами Польши, в Петербург стекались все польские честолюбцы и все интриганы, для снискания покровительства и милости государыни. Приезжали также люди честные и благородные, с намерением склонить государыню на перемену старинного польского бестолкового правления и введение улучшений, сообразно с веком. Многие из знатных поляков имели русские военные, гражданские и придворные чины, и уже по званию занимали почетные места в обществе.

После присоединения Белоруссии к империи, некоторые польские вельможи, как-то: князь Карл Радзивилл, Михаил Огинский и др., отреклись от своих имений, чтобы не присягать на верноподданство, а большую часть богатых белорусских помещиков государыня привлекла в Петербурге своими милостями, и посредством браков старалась укрепить соединение единоплеменников. Браки русских с поляками, а поляков с русскими девицами были особенно покровительственны государыней. Соллогуб (граф), князь Любомирский и князь Ленинский женились на трех дочерях Л.А.Нарышкина. Граф Виельгорский женился на графе Матюшкиной, дочери графа Михаила Дмитриевича и княжны Гагариной, бывшей фрейлины императрицы Екатерины II. Дмитрий Львович Нарышкин женился на княжне Марии Антоновне Четверинской, граф Валериян Александрович Зубов на Потоцкой (бывшей потом в замужестве за генерал-адъютантом Уваровым), и кроме того множество генералов и высших чиновников и польских помещиков (которых имен не упомяну), вошли в кровные союзы с русскими фамилиями.

Родителям предоставлено было на волю избирать вероисповедание для их детей, в той уверенности, что в третьем поколении дети от русских отцов или матерей примут православную веру, что и исполнилось почти без исключений. Сын графа Соллогуба был католик, а внук его, нынешний писатель, уже православный, равно как и князя Любомирские. На

первых порах, когда умирающая Польша еще имела союзницами Францию, Швецию и Турцию, надлежало действовать осторожно и с предусмотрительностью, и императрица Екатерина II старалась составить сильную русскую партию в самой Польше, в чем и успела совершенно. По уничтожении Польской Республики и присоединении к России, на вечные времена, Литвы и старинных русских княжеств на западе и юге России, занятых, но не богатых, бросились в Петербург искать счастья – и все получили места при Дворе, в гвардии или в гражданском ведомстве, с значительным содержанием. При учреждении Третьего департамента в сенате, для польских дел, некоторые известные люди из поляков получили звание сенаторов. Одним словом, поляков ласкали везде, принимали и покровительствовали. Император Павел Петрович также был особо милостив к полякам. Немедленно по восшествии на престол государя дал свободу всем польским узникам, заключенным в Петропавловской крепости, и лично объявил эту милость генералу Костюшке.

Главные лица без поляков, проживавших в Петербурге, были: Иллинский (граф), бывший при наследнике престола бессменным дежурным комергером в Гатчине. Он находился в Петербурге во время кончины императрицы и, отправившись немедленно в Гатчину, первый поздравил наследника престола Императором. За усердие и приверженность, оказанные при этом случае, Иллинский получил от государя несколько тысяч душ. Впоследствии он был сенатором.

Он был чрезвычайно добрый и благородный человек, весьма набожный, но холодный и несколько надменный с низшими. Он был необыкновенно высокого роста, сухощав, держался всегда прямо, и от этого казался неловок. Он много делал добра полякам, и при императоре Павле Петровиче, и при Александре Павловиче, в начале его царствования. О нем я буду говорить в последствии. Северин Осипович Потоцкий (Граф) остался беден после отца своего, лишившегося огромного состояния на спекуляциях. Северин Осипович прибыл в молодых летах в Петербург искать счастья, и нашел его¹⁷.

С начала он был камергером, потом сенатором и попечителем Харьковского Учебного округа. – Северин Осипович был человек честный и благородный, отличного ума и образования, прилежно занимался всегда делами сенатскими, и возвысил Харьковский Университет своим управлением. За что только он ни брался, исполнял усердно и совестливо. В частной жизни он был весьма оригинален. Он никогда не заводился домом и не принимал гостей, но жил на холостую ногу, в трактире, и вечера проводил в гостях. Лет двадцать

¹⁷ Граф А.С. Ржевуский рассказывал мне, что он, возвращаясь домой из Петербурга, встретил на станции графа Северина Потоцкого, ехавшего в Петербург. Это было в начале Польской революции, в 1793 году. Они были приятелями, и Ржевуский спросил его: зачем он едет в Петербург? – «В Польше у меня ничего не осталось», отвечал Потоцкий: «а теперь единственная пора, что человек с именем может все приобрести при русском дворе. Еду за всем!» примолвил он, смеясь. Граф Северин Осипович служил отлично, и приобрел от Монарших щедрот значительное состояние.

сряду прожил он на Екатерининском канале в доме Варварина. В обществе он был приятен и остроумен, но в своем доме капризен и брюзга. Он был любим и уважаем всеми. Северин Осипович был в молодости красавцем, а под старость чрезвычайно худошав, но всегда бодр и свеж. — Граф Виельгорский пользовался особенною милостью императрицы Екатерины и Императора Павла Петровича. Он отличался познаниями, тонкостью ума и светскостью. Я только два раза видел его граф Адам Станиславович Ржевуский (бывший потом сенатором), принадлежит к числу самых отличных, самых благородных людей¹⁸, которых я знал в жизни. Умный, просвещенный, добродушный, честный и благородный во всех делах своих, он был, кроме того, чрезвычайно приятен в обществе, а в короткой беседе увлекателен.

Князь Адам и Константин Чарторийские служили в гвардии при императрице Екатерине, и были камергерами двора. В начале царствования императора Павла Петровича Константин уехал к родителям, а Адам, будучи посланником при Сардинском дворе, возвратился в Петербург при восшествии на престол императора Александра Павловича, и занимал звание министра иностранных дел. Князь Понинский,

¹⁸ Из трех сыновей его, Генрих Адамович, историческими и нравоописательными романами приобрел прозвание Польского Вальтер-Скотта. Картины Польских нравов XVIII века, под заглавием: *Записки Соплицы* по истине chef d'oeuvre. Адам Адамович служит генерал-майором в Свите его императорского величества, а Эрнст Адамович исполняет обязанности по выборам дворянства. Дети, достойные отца!

прекрасный мужчина, особенно когда был в своем красном мальтийском мундире; граф Соллогуб, также весьма приятной наружности и чрезвычайно обходительный и вежливый; князя Любомирские, князя Четвертинские, все люди высшего образования, ежедневно посещали дом Нарышкина.

В начале царствования императора Александра Павловича прибыл в Петербург Михаил Огинский (сперва граф, потом князь и сенатор). Он был в начале революции отчаянным патриотом, и участвовал в восстании, под начальством Костюшки; потом скитался по чужим краям, тщетно испрашивая вмешательства в дела Польские у Порты, у Англии и Франции, и, удостоверясь, что он гоняется за привидением, обратился к великодушию императора Александра, который позволил ему возвратиться в отечество. Он появился на родине обремененный долгами и без гроша денег. Огромное имение, сперва конфискованное, было ему возвращено, и по просьбе его учреждена комиссия для приведения в порядок дел его и уплаты долгов. Милость государя чрезвычайно тронула его, и он был, до конца своей жизни, искренно предан императору Александру Павловичу.

Огинский был один из самых любезных людей своего времени: остроумный, веселый, полный дарований. В музыке он был истинный знаток, и многие из его легких композиций, полных чувства и мелодии, до сих пор имеют высокое достоинство. Кто не знает полонеза Огинского? На счет этого полонеза написаны были, в чужих краях, длинные расска-

зы, в которых предполагалось, что полонез сочинен несчастным, умертвившим себя от любви к высокой особе! Огинский знал давно О.А.Козловского, и любовь к музыке сделала их друзьями. Огинский ежедневно бывал в доме Козловского¹⁹, и весьма часто навешал Л.А. Нарышкина. С Михаилом Огинским приехал племянник его, Габриель, молодой человек отличной образованности; он был в большой дружбе с внуком Л.А.Нарышкина, графом Соллогубом, отцом нынешнего писателя. Граф Соллогуб (отец нынешнего) почитался в свое время первым танцором в обществах, играл превосходно в домашнем театре, пел очень хорошо, и был вообще одним из блистательнейших молодых людей.

Прекрасный характер и доброта душевная еще более возвышали его приятные дарования. В доме Нарышкина всегда было множество девиц, родственниц, воспитанниц, поживальниц, и молодежь в то время обходилась между собой

¹⁹ Здесь кстати заметить, что едва ли кто писал лучшие полонезы, как оба Огинские: сенатор и его дядя, великий кухмистер литовский, некогда владетель Слонима, в котором он имел очаровательный дворец, и содержал огромный оркестр и итальянскую оперу. Рядом с ними стоит О.А.Козловский. Кто не знал в свое время его полонеза с хорами, сочиненного на торжество, данное князем Потемкиным, в честь государыни, в Таврическом дворце: "Гром победы раздавайся, Велилися храбрый Росс!" и проч.? Говорили что слова сочинял Державин. В этом полонезе есть стихи: "Воды грозного Дуная Уже в руках теперь у нас! Славься сим Екатерина" и проч. Эти стихи тогда были только *предсказанием*, поэтому что *воды грозного Дуная* попали в наши руки уже при императоре Николае Павловиче, начертавшем пределы России по устью Дуная. О.А.Козловский сочинил также полонез: *Александр Елисавета, восхищаете вы нас!* и мн. др. Вообще в его полонезах настоящий дух этого рода музыки.

свободно, без педантства и кокетства. Девушки и молодые люди шутили между собой, делали друг другу разные проказы, мистификации, чтоб после похохотать вместе, и меня часто употребляли обе стороны как орудие для своих проказ. Сколько я помню, в то время только граф Иллинский и пожилая княгиня Четвергинская, имевшая значение при Дворе, жили домами и принимали у себя гостей. Прочие поляки жили на холостую ногу, исключая, однако ж, старого графа Соллогуба, который часто проводил в столице всю зиму, а иногда и лето.

Как два драгоценные алмаза в богатом ожерелье блистали в высшем обществе две польки-красавицы, Мария Антоновна Нарышкина и графиня Зубова (супруга Валерьяна Александровича), между множеством русских красавиц, как, например, графиней Верой Николаевной Заводовской, графиней Самойловой, графиней Прасковьей Семеновой Потемкиной и другими. Видал я в жизни множество красавиц, но не видал таких прелестных женщин, какие были Мария Антоновна Нарышкина и сестра Наполеона, Элиза. Это бесспорно были две первые красавицы своего века. Но что всего привлекательнее было в Марии Антоновне – это ее сердечная доброта, которая отражалась и во взорах, и в голосе, и в каждом ее приеме. Она делала столько добра, сколько могла, и беспрестанно хлопотала за бедных и несчастных. Графиня Зубова была небольшого роста, живая, веселая, имела в своем характере много амазонского, и отличалась быстрым

умом.

Между мужчинами никто не мог сравняться с стариком Львом Александровичем Нарышкиным и его сыновьями, Александром и Дмитрием Львовичами. Старик был уже в преклонных летах, но держался всегда прямо, одевался щегольски, и никогда не казался усталым. Он почитался первым остряком при дворе императрицы Екатерины II, где в уме не было недостатка, и это остроумие перешло к старшему сыну его, Александру Львовичу, которого острые слова и эпиграммы повторялись и в Петербурге и в Париже. Оба брата были прекрасные мужчины, истинно аристократической наружности. С первого взгляда виден был вельможа! Родь Нарышкиных отличался и красотой телесной, и добродушием, и популярностью. У всех их была какая-то врожденная склонность к изящному, и каждый талант находил у них приют. В этом же роде был и граф Александр Сергеевич Строгов, старичок небольшого роста, всегда веселый, всегда приветливый, охотник до шуток и остроумия, покровитель всех дарований и обожатель всякой красоты. Все они принимали и покровительствовали мою матушку и сестру, которая своим музыкальным дарованием, ловкостью и приятным обхождением обращала на себя общее внимание. Лев Александрович Нарышкин, для шутки, убедил мою матушку одеть меня по-польски, в кунтуш и жупан, и я, не будучи застенчивым, смело расхаживал, препоясавшись моей саблей (подаренной мне графом Ферзенем), по аристократическим

гостиным, и забавлял всех моим детским простодушием и шутками. Иногда меня заставляли играть на гитаре и петь польские песенки... Я входил смело к дамам во время их туалета, пересказывал им, чему меня научили старшие, смешил их, и все меня ласкали, дарили игрушками, конфетами. Это было мое счастливое время в Петербурге!..

Граф Ферзен был тогда директором Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса. Он видывал матушку в обществах, и однажды, разговорясь обо мне, посоветовал ей отдал меня в корпус, обещая все свое покровительство и родительское попечение. Когда это сделалось известным, все стали убеждать матушку последовать совету графа Ферзена, и особенно подействовали на нее слова графа Северина Осиповича Потоцкого, которые мне матушка пересказала впоследствии, когда я мог понимать всю их важность. – "Мы вошли в состав государства", сказал граф Потоцкий, "в котором все наши фамильные заслуги и все наше значение, в прежнем нашем отечестве, исчезнут! Теперь, на первых порах, некоторых из нас возвысили, на основании прежнего нашего фамильного значения, но пройдет тридцать, сорок лет, полвека, и каждый безродный чиновник будет выше бесчиновного потомка дигнитарской²⁰ польской фамилии! Если наше дворянство не захочет служить и входить в связи с русскими

²⁰ Дигнитарской фамилию почиталась та, в которой были члены, облеченные в высшие придворные и государственные звания и кавалеры Белого Орла (Dignitaire, dignitarz).

фамилиями посредством браков, то оно упадет совершенно. Мы должны подражать дворянству немецких провинций, который всегда имеет на службе представителей своего усердия и верности к престолу. Начните! Вы сделаете добро вашему сыну, докажете вашу преданность к новому отечеству и подадите полезный пример. Какое поприще для вашего сына в провинции?". Это были мудрые и пророческие речи! Граф Потоцкий убедил матушку, и она решилась отдать меня в корпус.

Граф Ферзен взял меня к себе, чтоб приучить к будущей кадетской жизни. Он приставил ко мне, в роде гувернера, майора Оде-Сиона (бывшего в Польше при графе Игельстроме и потом инспектором классов в пажеском корпусе и генерал-майором), отпускал меня в рекреационное время играть с кадетами, водил смотреть военные экзерциции и кормил конфетами. Мне было очень весело у графа Ферзена, тем более, что матушка ежедневно приезжала ко мне, и иногда брала с собой. Но граф Ферзен оставил корпус прежде, нежели были получены из провинции свидетельства о моем дворянстве. Через несколько месяцев вышло от государя разрешение об определении меня в кадеты. Меня отвезли в малолетнее отделение 13 ноября 1798 года.

ГЛАВА VII

Сухопутный Шляхетный кадетский корпус – Малолетнее отделение. – Роты. – Крещение в русскую веру. – Мои страдания и освобождение – Офицеры и учителя. – Воспоминания о графе Ангальте. – М.Л.Кутузов, Ф.И.Клингер, граф М.И.Ламсдорф, граф Платон Александрович Zubov – Посещение корпуса императором Павлом Петровичем. – Бывший король польский Станислав Август Понятовский. – Смерть Суворова – Кончина Императора Павла Петровича – Его похороны.

До января 1797 года Сухопутный шляхетный кадетский корпус разделялся на пять возрастов, по старшинству лет, считая с пятого возраста. В четырех возрастах за поведением кадетов смотрели офицеры и гувернеры, а в первом возрасте гувернантки (или, как мы называли, мадам) и няньки. Только родовые дворяне принимались в кадеты, для которых при выпуске из корпуса открыты были все пути государственной службы. Воспитанники не из родовых дворян, а из обер-офицерских и детей священников, иностранцев, и т. п., поступали в *гимназисты*²¹, которых было по несколько

²¹ Гимназисты сидели отдельно в классах и в столовой зале, имели особый угол в спальне, и когда весь корпус получил мундиры, они носили зеленые фраки и того же цвета камзолы и нижнее платье. Сперва они имели треугольные шля-

в каждом возрасте. Только два старшие возраста имели военные мундиры, а прочие носили французские кафтаны, короткое исподнее платье, чулки и башмаки. Военным экзерцициям старшие кадеты обучались только в лагерное время.

Граф Федор Евстафьевич Ангальт, родственник императрицы Екатерины II, генерал-аншеф и генерал-адъютант, не покорил для России новых областей, не взял приступом городов, не выиграл генеральных сражений, не составил великих планов для государственного управления, но будет жить в истории вместе с героями и великими мужчинами, – приобрел себе бессмертие одной чистой любовью к человечеству! Какой великий урок для гражданских обществ, какое унижение для честолюбцев, эгоистов и интригантов, какое торжество для добродетели! Граф Ангальт управлял корпусом только семь лет с половиной (от 8 ноября 1786 до 24 мая 1794 года), и в это короткое время управления незначительной отраслью администрации, в сравнении с другими важными частями государственного состава, приобрел бессмертную славу, между тем, как многие из его современников важных, сильных, могущественных – забыты в могиле! Сколько было кадет, столько было сердец, любивших и чтивших его, как нежного отца, как благодетеля, как попечительного наставника и друга. Теперь память о делах его уже истребилась в корпу-

пы, а потом картузы. Гимназистов выпускали из корпуса офицерскими чинами в статскую службу, а лучших определяли учителями в средние и нижние классы в кадетские корпуса.

се, но имя его известно и теперь каждому кадету, и как священное предание переходит от одного кадетского поколения к другому.

Я уже не застал в корпусе порядка, заведенного графом Ангальтом, но попал, так сказать, в разведенный им рассадник, в кадетское поколение, которого более половины еще со слезами вспоминало о нем. Почти все кадетские офицеры были воспитанники графа Ангальта или прежние, образованные им гувернеры. Корпус подобно сосуду, в котором хранилось драгоценное благовоние, еще благоухал прежним ароматом. В рекреационной зале еще стояли бюсты великих мужей, которых жизнь и подвиги толковал граф Ангальт кадетам, возбуждая в них идеи славы и величия; еще каменная стена, вокруг корпусного сада, красовался эмблематическими изображениями, поучительными изречениями, афоризмами, нравственными правилами мудрецов, и эпохи важнейших событий в мире были начертаны хронологически, для пособия памяти. Довольно было выучить наизусть все написанное на этой стене, чтоб просветить разум и смягчить сердце юноши. В корпусном саду еще существовала беседка, в которой кадеты танцевали, в праздничные летние дни. Перед глазами нашими возвышалось огромное здание (*jeu de raume*), где в присутствии графа Ангальта, кадеты упражнялись в гимнастике. Осталось в корпусе еще несколько знаменитых преподавателей наук времен Ангальтовских (математик Фуссе, физик Крафт, и проч.), но не было уже отца,

благодетеля, мудрого Ментора, посвящавшего кадетам всю жизнь свою, все свое время, все способности своей души и разума, не было графа Ангальта, руководившего кадет к добру, ободрявшего прилежных, усовещивавшего ленивых, и лаковостью и примерами добра возбуждавшего в юношах чувства чести, благородства и собственного достоинства!

В последствии корпус составлял батальон из четырех мушкетерских и одной гренадерской роты, и при батальоне было *малолетнее отделение* (прежний первый возраст). Кадеты ротные носили уже мундиры, по общему образцу, и пудрились при парадной форме. Малолетнее отделение сохраняло прежние французские кафтаны (коричневого цвета), а дома малолетние кадеты носили куртки и шаровары. Ве новыя учреждения и преобразования начались еще при императрице Екатерины II, во время Директорства Генерал-поручика Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова (бывшего потом Светлейшим князем Смоленским и Фельд-маршалом).

После Графа Ферзена управлял временно корпусом Генерал-майор Андреевский, до марта 1799 года, а в это время назначен директором генерал от Инфантерии граф Матвей Иванович Ламсдорф. При Андреевском и Ламсдорфе не было больших перемен, и все оставалось на основании порядка, введенного М.Л.Кутузовым.

В малолетнем отделении не было ничего военного: это

был пансион, управляемый женщинами. Малолетнее отделение разделено было на *камеры* (*chambre*), и в каждой камере была особая надзирательница, а над всем отделением главная инспекторша (*inspectrice*), мадам Бартольде меня отдала к самой нежной, к самой ласковой, добродушной надзирательнице, мадам Боньот. Граф Ферзен поручил меня особенно ея надзору и попечению, а кроме того, моя мать, познакомившись с нею, приобрела ея приязнь. У мадам Боньот были две дочери (Елисавета и Александра) и старушка мать, мадам Кювилье, добрая и ласковая создания, и все они меня ласкали и нежали, В квартире мадам Боньот были мое фортепьяно, гитара, сундук с нотами, книгами и игрушками, и я имел право в каждое время (исключая класснаго) приходить туда, как домой.

Но, не взирая на материнское обхождение со мною мадам Боньот и на ласки ея семейства, мне было весьма тяжело привыкать к кадетской жизни, – родители непомерно баловали меня, как меньшее дитя и единственное от второго брака. Все знакомые, из угождения родителям, также ласкали меня; слуги повиновались беспрекословно. Я пользовался полною свободою и в родительском доме; и у Кукевича, а тут вдруг попал в клетку! Надлежало есть, пить, спать, играть и учиться не по охоте, а по приказанию, в назначенные часы. – Учителя были люди холодные, исполнявшие свое дело механически. Знаешь урок – хорошо, не знаешь – на ко-

лени или на *записку*²². – Когда дежурили другая мадамы, а не мадам Боньот, то для меня не было никакого предпочтения. Напротив, меня держали строже, называя *баловнем* мадам Боньот! Кадеты дразнили меня за то, что я дурно произносил по-русски. Няньки обходились со мною довольно круто. – Я не понимал всего, что мне толковали по-русски учителя, следовательно и не мог успевать за другими. Меня стали наказывать. Выведенный из терпения привязчивостью кадет, я стал драться с самыми дерзкими из них; наказания усилились. Наконец, оскорбленный несправедливостью, я сказал что-то неприятное главной инспекторше; меня посекали розгами, и я пришел в отчаяние! Я лишился сна и аппетита, прятался от всех, плакал украдкой днем и по ночам, тосковал и грустил. Ужасная идея, что родители не любят меня, овладела мной и мучила меня! Я судил по себе и рассуждал, что если мне тяжело расставаться с теми, кого я люблю, то и родителям моим не надлежало расставаться со мной, если бы они меня любили. Эти мрачные мысли сокрушали меня и ожесточали. Я был холоден с матерью и сестрой, и даже не хотел ездить к ним... Наконец я не мог выдержать этой внутренней борьбы – и заболел. Меня отвели в госпиталь, над которым начальствовала мадам Штадлер. У меня открылась изнурительная лихорадка.

²² *Запиской* называлась в корпусе отметка учителя о ленивых или шалунах. Списав их имена, учитель передавал записку, в малолетнем отделении, дежурной надзирательнице, а в ротах дежурному офицеру, и по этой *записке* кадеты наказывались.

Матушка испугалась. Она каждый день навещала меня и просиживала по несколько часов у моей кровати. Долго я преодолевал себя, и наконец высказал ей все, что у меня было на душе. Матушка пришла в отчаяние и хотела взять меня немедленно из корпуса; но сестра и все ее приятели отсоветовали ей это. Матушка старалась всеми силами убедить меня в своей любви, но сомнения мои не рассеялись. Признаю теперь весьма уважительными причины, побудившие матушку отдать меня в корпус, которых я тогда не понимал; но сознаюсь откровенно, что и теперь не постигаю, как родительское сердце может решиться на разлуку с малолетним дитятей, как может мать отдать малолетнее дитя на чужие руки! Этот героизм выше моих понятий!

Горе развивает разум. В госпитале я имел время на размышление и, разбирая мое положение, рассматривая его со всех сторон, я решился покориться судьбе, победить все трудности, сделаться самостоятельным, и жить вперед без чужой помощи. По выходе из госпиталя я стал день и ночь учиться, чтобы догнать товарищей, и, при моей необыкновенной памяти, вскоре их перегнал. Впрочем, курс наук в нижних классах был самый ничтожный, и я уже знал почти все, чему надлежало учиться. Вся трудность была в русском языке, и когда я преодолел ее, то был немедленно переведен в первый класс.

Между тем, матушке надлежало возвратиться домой, и она простилась со мной, отдав для меня деньги на руки ма-

дам Боньот. Тяжела была разлука с матерью, особенно при укоренившейся во мне мысли (впрочем, вовсе несправедливой), будто меня не любят! После узнал я, что меня отдали в корпус не только против воли, но даже без ведома моего отца. Это рассказал мне верный слуга его, Семен. Отец пришел в отчаяние, когда матушка сказала ему, что оставила меня в Петербурге, на чужих руках. В первый раз в жизни он заплакал и зарыдал при людях, требуя, с воплем отчаяния, своего сына! Разлука со мной имела пагубное влияние на его уже расстроенное здоровье и ускорила его кончину: это он даже написал в предсмертном своем письме ко мне. Он собирался ехать в Петербург, но состояние здоровья не позволяло ему этого. От весны до весны он жил надеждой на свидание со мной, пока смерть не разлучила нас навеки! Судьба позволила мне только поплакать на его могиле!..

На одиннадцатом году (1799 году) меня перевели, вследствие экзамена, в гренадерскую роту, которой начальствовал полковник Пурпур.

Не помню я, чтобы в нашем корпусе был хотя один из моих соотчичей. Кажется, я был первый из дворян новоприсоединенных от Польши провинций. Кадеты гренадерской роты (меньшой) дразнили меня *Костюшкой*, – разумеется, не понимая значения этого прозвания. Не каждое дитя переносит равнодушно оскорбления – и я с первого раза дал сильный отпор целой толпе. Кадеты вознамерились проучить меня. В первую субботу, когда нас повели в корпусную баню,

они воспользовались кратким отсутствием дежурного офицера и, по данному знаку одним главным шалуном, бросились на меня нагого, повалили и понесли на чердак, ухватив за руки и за ноги, крича: "крестить *Костюшку* в русскую веру!" Видя, что всякое сопротивление с моей стороны бесполезно, я перестал сопротивляться, и замолчал. Баня была невысокая, и со стороны сада большие кадеты старших рот насыпали снежную гору, в которую они прыгивали с чердака, распарившись в бане. В корпусе, вообще, соблюдалась на деле русская поговорка: «Русскому здорово – немцу смерть», и кадетам эта экзерциция была запрещена. В эту снежную массу кадеты сбросили меня с чердака! У меня почтихватило дух, и я едва выкарабкался из снега. Хотя я и не парился, но был в испарине от внутреннего движения и от борьбы, и едва добрал до предбанника, дрожа от стужи. Кадеты весьма умно советовали мне идти на полок и выпариться, но я, опасаясь новых проказ, отказался и, схватив шайку, грозил разгромить голову первому, который приблизится ко мне. Меня оставили в покое.

Ночью я почувствовал сильную головную боль, и к утру отнесли меня, без чувств, в госпиталь. У меня открылась нервическая горячка, в которой я пролежал шесть недель. Когда я стал выздоравливать, один добрый фельдшер растолковал мне, что если б я выпарился перед скачком в снег и после скачка, то не только не был бы болен, но поздоровел бы. Возвратясь в роту из госпиталя, я послушался этого

совета, и добровольно соскочил в снег, что весьма понравилось кадетам. А как, кроме того, я не пожаловался на насильственный со мной поступок, то старые кадеты решили, что я достоин быть принятым в их общество, и перестали дразнить меня. Вероятно, этой *эмансипации* много содействовало и мое упорное сопротивление!

Но кадетская дружба не избавила меня от бедствий, которые я должен был претерпеть в гренадерской роте! Теперь в корпусах кадеты одеваются ловко и удобно и носят в будни зеленые куртки и серое исподнее платье; но тогда мы носили ежедневно мундиры с красными лацканами, застегнутые только на груди, жилеты и короткое нижнее платье палевого цвета, белые чулки и башмаки с пряжками. Каждое утро надлежало связывать волосы в косу, заплетать плетешки и взбивать *вержет*²³, примазываясь салом. К парадной форме мы надевали штиблеты (белые летом, черные зимой), препоясывались портупеей с тесаком, надевали каску, и если надлежало идти на ученье или в караул, то брали сумку и ружье. При парадной форме надлежало пудриться. Амуницию, ружья и башмаки чистили для нас лакеи, и охрили, два раза в неделю, камзолы и нижнее платье (охрой с мелом и отрубями); но мы должны были сами причесываться, чистить бесчисленное множество пуговиц, пряжки и мундир. Полковник Пурпур строго смотрел за чистотой, и каждые невычищенные пуговицы или пряжка, каждое пятнышко на лацка-

²³ Вержетом назывались передние волосы, поднятые вверх прической.

нах или на светлом камзоле и нижнем платье и малейший беспорядок в прическе кадета навлекали неизбежное наказание. Осматривая кадетов по утрам до отправления в классы, Пурпур отсылал каждого кадета, у которого замечал что-либо неисправное в туалете, в комнату, называемую *умывальной*. (Где кадеты умывались.)

Потом вызывал кадетов по *запискам* учителей и дежурных офицеров, и отсылал туда же, а наконец являлся сам. Там уже стояла на середине скамья, угол был завален *свежими* розгами, и ждали четыре дюжие лакеи. Не теряя лишних слов, без всяких объяснений и увещаний, полковник Пурпур угощал всех собранных там кадетов насущными розгами, потом надевал шляпу и уходил со двора. Никогда не видел я его улыбки и не слышал, чтоб он похвалил кого-нибудь, или приласкал. Никогда он не простил никакой ошибки кадету и, кроме розог, не употреблял никакого другого наказания. Слезы, просьбы, обещания не обращали на себя ни малейшего его внимания. Мы называли его *беспардонным*. Пурпур был высокого роста, молодец и красавец собой, и отличался щегольством в одежде и прическе. Слышал я, что он был очень приятен в обществе. Он был родом из греков, и настоящая его фамилия не Пурпур, а Пурпура. Не знаю, был ли он сын или однофамилец генерала Пурпура, бывшего генерал-директора корпуса (от 1773 до 1784 года).

Я был обыкновенной жертвой Пурпурова розголюбия, потому что никак не мог справиться со множеством пуговиц,

крючков, петелек, пряжек, и не умел сберегать лацканов, камзола и нижнего платья от чернильных пятнышек. К большей беде, охота к чтению превратилась во мне в непреодолимую страсть. В классах, вместо того, чтобы писать в тетради, по диктовке учителей, я читал книги, и вместо того, чтоб учить наизусть уроки, т. е. краткие и сухие извлечения из науки, я читал те книги, из которых учителя почерпали свои сведения. В тетради я вписывал только имена и числа и делал свои заметки, для других непонятые и, не взирая на то, что я знал больше, нежели требовалось в средних классах, я прослыл *ленивым*, потому что отвечал на вопросы учителей *своими словами*, а не повторял урока наизусть. Мало этого. В классах были перемешаны кадеты и из других рот, оставались самые ленивые. Они также дразнили и задирали меня, что доводило нас частенько до драки. И так, по мнению моих наставников я соединял в себе три смертные кадетские греха (*trois peches capitaux*), т. е. был ленив, неопрятен и шалун, а на самом деле я любил страстно науки и беспрерывно рылся в книгах, как червь, ища сведений; не мог соблюсти требуемого порядка в одежде от неумения; и, желая мира, по темпераменту не мог переносить обид от товарищей. Но кому была нужна исследовать мой темперамент, мою натуру, и. дать ей направление? Кому была надобность знать, что непомерная строгость и дурное обращение ожесточают меня, вместо того, чтоб исправлять, и что сердце мое жаждет ласки и привета, как слабый цветок росы и солнечного

луча? Я сделался для Пурпура *bete noire* т. е. *черным зверем*, как говорят французы, и он, охотясь беспрестанно на меня, довел меня до того, что я почти окаменел сердцем и возненавидел все в мире, даже самого себя! Не знаю, чем бы это кончилось, если бы провидение не спасло меня!

Начался экзамен. Товарищи мои полагали, что я, верно, буду примерно наказан, с некоторыми другими ленивцами, потому что у меня было весьма малое число балов. Всех дурно отмеченных кадет вывели вперед, и учителя стали экзаменовать нас, в присутствии директора корпуса, графа Ламсдорфа, и заступавшего место инспектора классов, полковника Федора Ивановича Клингера, ротных командиров и дежурных офицеров. Здесь я должен познакомить моих читателей с Клингером.

Он принадлежал к малому числу тех гениальных людей, которые в последней четверти прошлого века дали новое направление германской литературы, усовершенствовали немецкий язык, преобразовали слог, распространили новые философские идеи и создали новые формы. Клингер (Friedrich Maximilian Klingler) родился во Франкфурте на Майне, в 1753 году, в одном доме с Гете, с которым он был дружен от юности до кончины. Клингер принадлежал к среднему сословию (*bürgerlicher Stand*), которому Германия обязана своим духовным величием. Отец оставил его с матерью и сестрой в бедности, и Клингер не мог даже кончить университетского курса, а все, что знал, изучил сам, руковод-

ствуясь своим гением. Он начал литературное свое поприще в молодых годах, посвятив себя театру. Трагедия его *Близнецы* (Zwillinge) произвела удивительный эффект в Германии, обратила на него общее внимание, и дала ему место между первоклассными писателями. В этой трагедии Клингер, так сказать, разобрал, по одной, все нежнейшие жилки сердца человеческого, истощил все силы фантазии, и, наводя ужас на душу и вместе с тем сокрушая ее, вставил в обнаженном виде предрассудки, разделяющие людей и ведущие их в пучину бедствий. Он возвысился до Шекспира, и критика, разумеется, не пощадила его, между тем как публика присудила ему полное торжество. Несколько подобных сочинений повлекли за собой толпу подражателей, и этот род, смесь глубокого чувства с едкой сатирой, пылкой фантазии с нагой существенностью, назван в Германии *Клингеровым родом*. Он поселился в Веймаре, тогдашних германских Афинах, и при всей твердости характера и силе воли, подчинился, однако ж, влиянию Гете, который, паря воображением в небесах, крепко держался земли, для приобретения ее благ. Гете посоветовал Клингеру наложить удила на свое пылкое воображение, скрыть под спудом светских приличий глубокое чувство, не слишком раздражать общества нагой истинной и анатомией наших бедствий, и употребить ум свой на постепенное просвещение рода человеческого и приобретение собственной независимости и высокого места в обществе, без которых нельзя сильно действовать на людей: С тех

пор Клиндер сделался двойственным: поэтом и положительным, материальным человеком, скрыл и глубокое чувство, и богатство идей в душе своей, и уже не расточал их, а изливал по каплям.

Из Веймара Клиндер отправился в Петербург искать счастья при Дворе императрицы Екатерины II, которой слава наполняла Европу. Императрица вспомнила, что он был представлен ей еще в Германии, приняла его ласково и предложила избрать в России какое-нибудь место, сообразное с его характером и родом занятий. Государыня чрезвычайно удивилась, когда Клиндер избрал военное поприще. Он был принят прямо офицерским чином, в 1780 году, и вскоре потом определен чтецом к его императорскому высочеству государю цесаревичу и наследнику престола, Павлу Петровичу. Когда принц Виртембергский, приехав в Россию, вознамерился отправиться в Тавриду, чтоб участвовать в ее покорении, Клиндер был причислен к его штабу и, возвратившись в чин майора, определен в кадетский корпус. Император Павел Петрович уважал Клингера и, произведя в полковники, назначил его временным инспектором классов. Клиндер ничего не печатал в России, но в Германии постепенно выходили в свете его сочинения, возбуждавшие общее внимание. – Лучшие между ними суть романы: *Der Weltmann und der Dichter* (*Светский человек и поэт*) и *Die Reisen vor der Sundfluth* (*Предпотопное странствие*). Но и другие его романы имеют высокое философическое и литературное до-

стоинство, как-то: *Жизнь и деяния Фауста и его поездка в ад* (Fausts'Leben, Thaten und Hollenfahrt) *История Джаифара* (Geschichte Giafars), *История Рафаэля Аквиллы*, *Восточный Фауст*, *История одного немца нового времени*, и т. п.

Клингера никогда не хотел сообщить никаких биографических о себе сведений, невзирая на просьбы своих друзей, как многие полагают, потому только, чтоб не упоминать о мещанском своем происхождении, о котором он старался забыть. В этом упрекает его хотя весьма нежно, даже друг его Гете, изобразивший характеристику Клингера и дух его сочинений самыми блистательными красками. Впрочем, Клингеру нечего было опасаться даже полного жизнеописания, потому что он был нежный сын, добрый брат, благодетель своего семейства, и во всех делах отличался честностью и прямодушием. На этот счет я совершенно согласен с Гете, но что касается до сочинений Клингера, то нахожу в них много совершенно противного тому, что написал Гете из *жизни автора*. Высокие идеи, проницательный ум, сила характеров, богатство воображения, заманчивость повествования и блистательность слога, все это есть у Клингера, но неподдельное чувство и филантропия находятся только в сочинениях, писанных в юности, когда автор еще не помышлял о земном счастье и жил душой идеальном мире. В последующих сочинениях Клингера преобладает горькая сатира на все общественные отношения, обнаруживающая в авторе сильное презрение к человечеству и холод души. Самые луч-

шие картины Клингера разрывают сердце, и если вызывают улыбку, то улыбку горькую, презрительную; философия его не утешает, а возбуждает отчаяние, и только слабые места в его сочинениях, вставленные для соединения целого, успокаивают взволнованное чувство и раздраженный ум читателя. Весьма замечательно, что Клингер, будучи попечителем Дерптского учебного округа и членом комиссии училищ при Министерстве просвещения, сам предложил, чтоб сочинения его были запрещены в России, желая тем лишить своих недоброжелателей средств вредить ему. Пользуясь, в последнее время, знакомством Клингера и даже благосклонностью его, я всегда удивлялся необыкновенному его уму, неистощимости его сарказмов и эпиграмм, и в то же время имел случай удостовериться в том, что я слышал еще в детстве, а именно, что он не любил Россию и, как я заметил, вовсе не знал ее. После Клингера не осталось ни рода, ни племени, и о нем можно теперь говорить откровенно. По собственным его словам, он жил *телом* в России, а *душой* в Германии. Двум писателям немецким, Зейме и Музеусу, приезжавшим в Россию искать счастье, он отсоветовал остаться у нас, узнав, что они не намерены отказаться от литературы. «Здесь надобно иметь только хороший желудок», сказал Клингер: «а с хорошей головой поезжайте в Германию!» – Говоря о человечестве, он отделял всегда от него русских, и я сам слышал, как он однажды сказал: *die Menschen und die Russen*, т. е. люди, и даже русские, и т. п. Клингер почитал русских какой-то от-

дельной породой, выродившихся из азиатского варварства и поверхностности европейской образованности, и я, спорив с ним, как говорится до слез, никак не мог убедить его в том, что русский народ способен ко всему великому и одарен необыкновенными качествами. Клиндер хотя весьма хорошо говорил по-французски, но никогда не мог победить дурного немецкого произношения, а по-русски, до конца жизни, говорил плохо, и не прочитал ни одной русской книги, хотя хорошо понимал по-русски. Внутренности России он вовсе не знал и никогда не сближался с русским простым народом. Он судил о России по некоторым сгнившим ее членам. Будучи сам одним из жрецов просвещения, он никогда не старался подвигать его вперед в России, говоря, что более нежели довольно и того, что есть! В обществе ему приятном и в дружеской беседе, Клиндер, находясь в хорошем расположении духа, был чрезвычайно приятный и занимательный собеседник, но с подчиненными и вообще на службе был холоден, как мраморный гость в Дон Жуане. Клиндер был высокого роста, имел правильные черты лица и неподвижную физиономию. Ни одна душа в корпусе не видела его улыбки. Он был строг в наказаниях, и не прощал никогда. С кадетами он никогда не разговаривал, и никогда никого не ласкал. Он только тогда обращался с вопросом к кадетам, когда хотел узнать, наказаны ли они, по его требованию. «Вам розги дали?» спрашивал он обыкновенно. — «Дали», отвечал кадет. — «Вам крепко дали?» — «Крепко!» — «Хорошо!» — Этим окан-

чивалась беседа. Одно только могло смягчить Клингера, а именно, когда кадет мог объясняться с ним по-французски или по-немецки. Тогда он даже выслушивал просьбы и жалобы, и тогда можно было удостовериться, что если в сердце его не было отеческой нежности к нам, то была, по крайней мере, справедливость. Я еще буду иметь случай говорить о Клингере, а теперь обратимся к экзамену.

Учителя, как нарочно, спрашивали меня более, нежели других кадетов, и я отвечал удовлетворительно на все вопросы, *своими словами*. Клингер заглянул в список, потом посмотрел на меня, и обратясь к учителям, сказал: «Если ваши хорошие балы поставлены так же справедливо, как дурные этому кадету, то вы, господа, не останетесь мной довольны!» После этого он обратился ко мне с вопросом, и велел мне перевести с русского языка на французский. Только что вышед из рук Цыхры и мадам Боньот, и уже понимая хорошо легкие французские сочинения, я перевел удовлетворительно. – «Тут что-то непонятно!» сказал Клингер, обращаясь к директору: «этот мальчик знает все лучше других, а у него самые дурные балы!» Клингер подозвал меня к себе, погладил по щеке (это была такая редкость, что все присутствовавшие обратили на меня взоры), и сказал по-французски: "Expliquez – nous, mon garçon, ce que cela signifie? (т. е. объясни нам, что это значит?) – Слезы невольно брызнули у меня в три ручья, и я зарыдал. Мое сиротство, мое уничижение, немилосердное обхождение со мной Пурпура взволно-

вали меня и я высказал все, что у меня было на душе, отчасти по-французски, отчасти по-русски. Учителя в оправдание говорили, что я не хочу учить *наизусть*, что я *не имею тетрадей*, что я *упрям*; Пурпур объявил, что я *неряха и по-веса*, но чувство справедливости, однажды пробужденное в Клингере, уже не могло быть ничем заглушено, и мое чистосердечие, а может быть и детское красноречие, отозвались в душе, в которой под ледяной корой таилось чувство! Он спросил меня, из какой я нации, а потом велел мне сесть на первую скамью (я сидел прежде на последней), а сам подошел к директору, и стал с ним говорить в полголоса. Граф Ламсдорф подозвал к себе майора Ранефта, и указывая на меня, сказал ему: «Возьмите к себе в роту, еще сегодня, этого кадета!» – Экзамен, после этого эпизода, пошел своим чередом, а Клингер, как будто гордясь своим открытием, всегда велел спрашивать меня, когда другие кадеты не отвечали на вопросы, и я, по счастью, всегда удовлетворял его. После экзамена Клингер объявил учителям, что он недоволен ими...

При выходе из классов кадеты окружили меня, поздравляли, обнимали, и я был в восторге! Но когда надобно было строиться, чтоб идти в столовую, явился Пурпур, как тень Банко в *Макбете*, и навел на меня ужас своим взглядом. Не говоря ни слова, он взял меня за руку и повел в свою любезную *умывальную* и, на прощанье, так выпорол розгами, что меня полумертвого отнесли в госпиталь!

Я слышал после, что директор сделал Пурпуру строгий выговор и даже погрозил отнять роту. Но от этого мне было не легче. Целый месяцы пролежал я в госпитале, и от раздражения нервов едва не сошел с ума. Мне беспрестанно виделся, и во сне и наяву, Пурпур, и холодный пот выступал на мне!.. Я кричал во все горло: спасите, помогите! вскакивал с кровати, хотел бежать, и падал без чувств...

Пурпур давно умер... Через полгода, кажется, после моего выздоровления он вышел из корпуса в армию – и все забыто! Не могу, однако ж, умолчать при этом случае, что года через четыре по выходе моем из корпуса, встретив в обществе человека, похожего лицом на Пурпура, я вдруг почувствовал кружение головы и спазматический припадок. Теперь уже перестали изучать мифологию, и предание о Медузиной голове пришло в забвение; но я не забуду этого вымысла, испытав смысл его на себе!

Бедный, худой изнеможенный, явился я к майору Ранефту, в третью мушкетерскую роту, и узнал, что я переведен из второго среднего класса, через класс, в пятый верхний класс. Майор Ранефт был добрый, ласковый человек и снисходительный начальник, который обращался с нами как с детьми, а не как с усатыми гренадерами. Капитан Шепетковский, человек скромный, приветливый, добродушный, также с нами был более, нежели хорош. Все прочие офицеры, как водится, обращались с нами в духе начальников, и я ожил душой и телом в благословенной третьей мушкетерской роте! Учи-

теля в верхних классах были люди опытные и снисходительные. Французскому языку обучал нас почтенный старик, умный Иллер, который знал также весьма хорошо русский язык и любил говорить стихами или в рифму. Два кадета разговаривали между собой; Иллер объявил им наказание: "Инглист и Томара не поедут со двора!" Один кадет, призванный на кафедру, споткнулся на ступенях; Иллер сказал: "У тебя глаза не плоски – ведь ты видишь, что здесь доски!" Это забавляло нас, проводивших по восьми часов в сутки в классах. Но еще более развлекал нас, своими фарсами, учитель немецкого языка, добрый и любезный Лампе. Он также говорил с нами с примесью разных шуточек и поговорок. Если кадет дремал в классе, Лампе будил его нравоучением, на своем ломаном русском языке: "от сонного караула храбра дела ожидать не возможно!" Однажды кадет Саблин громко разговаривал в классе. Лампе предостерег его пародией известной русской песни:

Полно, полно, зяблик милый,
По неверной тосковать,
Пролетел твой век счастливый, и пр.

Он сказал:

"Полно, полно, Саблин милый,
Там в углу тебе болтать,
Пролетел твой век счастливый,

Будут больно, больно драть!"

Но никто так не утешал нас, не забавлял и вместе с тем не научал так приятно, как Гавриил Васильевич Гераков, учитель истории. Добрый, честный, благородный человек в полном значении слова, он был притом величайший чудак. Он был домашний человек у Нарышкиных, у графов Воронцовых²⁴ и у некоторых других знатных фамилий, везде был любим, но имея в себе много смешного, т. е. оригинального, выходящего из общих форм, он невольно доставлял часто случаи подшучивать над собой. Г.В.Гераков (правильнее, Гераки) был родом из греков, воспитывался в греческом кадетском корпусе (уничтоженном в 1796 году), и всю свою жизнь был смертельно влюблен в древнюю Грецию и во всех прекрасных женщин. Гераков имел большое притязание на авторство, но оно ему не удалось. Маленькая книжечка, изданная им под заглавием *Для добрых*, была раскуплена *добрыми* людьми в пользу бедных, и доставила автору с полсотни эпиграмм от его друзей. Он особенно привязан был к Сергею Никифоровичу Марину, бывшему потом флигель-адъютантом и полковником Преображенского полка. С.Н.Марин был также домашний человек в доме Нарышкиных, и по уму своему, любезности и остроумию был отлично принимаем во всех знатных домах. Он имел пиитический талант перевел

²⁴ Он даже и скончался в доме князя Михаила Семеновича Воронцова, где лет двадцать имел квартиру, без всякой платы.

стихами *Меропу*, которую с успехом давали на русской сцене, но отличался более сатирами и эпиграммами, которые, хотя не появлялись в печати, но ходили по рукам, и были известны во всех кругах общества. Пародия его одной из Ломоносовских од произвела в свое время удивительный эффект. Гераков служил Марину оселком, на котором он острил свой ум. У меня осталось в памяти несколько стихов, сочиненных Мариным, на день рождения Геракова. Автор после вступления, говорит:

Родился и раскричался
Изо всех ребячьих сил,
Голос в Тартаре раздался,
Древних греков всполошил.
Взволновались их души,
Видеть все дитя хотят,
Крылья подвязав под уши,
Быстро на землю летят.

После этого описывается, как древние мудрецы Греции окружили колыбель и, по совещании между собой, поручили одному из своего круга наделить новорожденного качества и земными благами, которые должны сопутствовать ему в жизни. Вот что говорит древний грек:

"Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиран,

Будешь в корпусе учитель,
Будешь вечный капитан!
Будешь – и судьбы гласили:
Будешь двух аршин с вершком.
И все старцы подтвердили:
Будешь век ходить пешком!

Все это была суцая правда. Г.В.Гериков был весьма малого роста, служил весьма долгое время в капитанском чине, и если не мог нанять кареты, то ходил пешком, но не ездил никогда на извозчиках. Хотя в сочинениях своих он был точно *тиран* своих читателей, но произвел однажды большую пользу, рассказав в одной из своих брошюр о подвиге флотского капитала Ильина, который, по приказанию графа Алексея Григорьевича Орлова, сжег турецкий флот, при Чесме. Все до того времени думали, что этот знаменитый подвиг совершен английским офицером в нашей службе, Эльфингстоном, а иностранцы писали даже, что и самое распоряжение принадлежит англичанину, адмиралу Грейгу. Гериков доказал, что предположение русского вождя исполнил русский офицер, и бедные дочери Ильина получили пенсию. Вот как и малые авторы могут быть полезны, если в них пылает любовь к добру и к народной славе!

Но если Гериков не был ни поэтом, ни отличным прозаиком, ни глубокомысленным историком и археологом – то был отличным учителем истории, умел возбуждать к ней любовь в своих учениках и воспламенять страсть к славе, вели-

чию и подражанию древним героям. Он обладал прекрасным даром слова и, рассказывая нам события, увлекал нас и заставлял невольно слушать. Тетради его имели мало достоинства, но изустное изложение было превосходное, и мы, чувствуя недостаток связи с его тетрадями, чтением дополняли то, чего у него не было. Гераков охотно снабжал нас книгами, а брал их везде, где мог достать. Он часто навещал нас вне классов и, расхаживая по саду, окруженный кадетами, воображал себя Платоном в садах Академии. Мы многим обязаны Г.В.Геракову за развитие наших способностей и возбуждение любви к науке, которая, по справедливости, называется царской!

Русский язык, а в первых трех верхних классах, и литературу преподавал Петр Семенович Железников (тогда капитан). Он был одним из лучших воспитанников при графе Ангальте и также одним из лучших актеров корпусного театра. П.С. Железников знал русский язык основательно, и притом был весьма силен в языках французском, немецком и итальянском. Еще будучи кадетом, он перевел Фенелонава *Телемака*. Перевод поднесен был императрице Екатерине II, которая щедро наградила переводчика, приказала напечатать книгу на казенный счет, в пользу автора, и ввести, как классную книгу, во все учебные заведения. Железников объяснялся чрезвычайно хорошо, и читал и декламировал превосходно. *Телемак* переведен им старинным, напыщенным слогом, но язык перевода правильный. В это время уже

действовала новая, карамзинская школа, и Железников, как человек умный и со вкусом, признал ее превосходство и подчинился ее законам. Но о языке и литературе я поговорю в своем месте, а теперь скажу только, что кроме Н.И.Греча а не знал лучшего преподавателя русского языка, как П.С.Железников, в чем согласятся со мной все знавшие его. Все прочие мои учителя, хотя и не имели таких достоинств, но были люди добрые, скромные и ласковые. Правда, что никто не приласкал меня особенно, хотя я учился из всех сил, и никто не занимался мной отдельно. Я был смешон в толпе, и хотя был сирота, но уже не животное, которое беспрестанно погоняли! Положение мое было весьма сносное.

Я редко ходил со двора. Брат мой был в то время ротмистром в конно-польском полку и адъютантом при С.-Петербургском генерал-губернаторе, графе Палене. Обязанности службы оставляли ему мало свободного времени. Брат жил в доме музыканта Булана, на Дворцовой площади²⁵, вместе с майором Тираном²⁶, также адъютантом графа Палена. К ним собирались иногда офицеры гвардии и молодые люди, между которыми я помню некоторых, особенно Мелиссино²⁷, сына директора 2-го кадетского корпуса. Я ходил также иногда к некоторым полякам, из знакомых моим родителям и к Оси-

²⁵ Где ныне проезд на Певческий мост.

²⁶ Женившемся потом на дочери Демута, содержателя знаменитой гостиницы, которая и поныне существует.

²⁷ Он был после командиром лубенского гусарского полка.

пу Антоновичу Козловскому.

Вне корпуса я несколько раз имел случай видеть бывшего польского короля Станислава Августа (Понятовского), в католической церкви, на прогулке и однажды на вахтпараде в новопостроенном Михайловском экзерциргаузе. Императрица Екатерина II позволила ему жить в Гродне, назначив по условию, при отречении от престола, 200 тысяч червонцев годовой пенсии, и уплатив, вместе с Пруссией и Австрией, его долги. Император Павел Петрович пригласил его в Петербург, отдал ему для жительства Мраморный дворец, и назначил к его дворцу несколько придворных чиновников, и в том числе, для исправления должности камергера, бывшего в Польше полномочным послом, графа Штакельберга, который, как всем известно, обходился в Варшаве с королем не весьма почтительно. Об этом тогда много говорили в Петербурге, и выхваляли государя. После я был коротко знаком с двумя человеками, весьма близкими к королю, Швендровским, бывшим при нем секретарем, и Тремоном, исправлявшим должность казначея. Они мне рассказывали много о короле, выхваляя его добродушие и ум, в чем нет никакого сомнения. Король жил в Петербурге весьма уединенно, занимался чтением или разговорами со своими приближенными, и любил заводить речь о последних событиях, оправдывая себя в несчастиях, постигших его отечество, и сваливая всю вину на вельмож и даже на народ. По моему мнению, и он прав, и те правы, которые обвиняют его!

Король не мог перенести равнодушно своего положения, и тайная тоска снедала его. Он искал утешения в религии и даже в мистицизме (мартинизме), но не мог победить предубеждений юношеских лет и влияния Вольтеровой философии, которой он был ревностным приверженцем. Воспитание земного величия терзали его душу! Швендровский подарил мне копию с альбома польского короля, т. е. выписки из разных сочинений, на вах европейских языках, в стихах и прозе, собственные его заметки и некоторые, нигде не напечатанные стихи и эпиграммы. В этом альбоме изображается характер короля, или, правильнее, его бесхарактерность. Тут самое серьезное и важное перемешано с пошлым, и высокая мудрость с цинизмом! Этот альбом поныне хранится у меня. Замечательна в нем статья о всех известных в мире алмазах и драгоценных камнях, с рисунками, в настоящую их величину, с означением веса, цены, дворов или частных лиц, которым они принадлежат. Под выписками, писанными рукой короля, поставлен его вензель: S.A.R., т. е. Stanislaus Augustus Rex.

Король уже был стар, но в чертах лица его видны были остатки его красоты. В церкви я видел его в собольей шубе, крытой зеленым бархатом, с двумя звездами на покрышке, а на вахтпараде – в красном кафтане, шитом золотом. Он стоял в стороне, без шляпы. Когда я впервые увидел графа Платона Александровича Зубова, меня удивило сходство его с польским королем, хотя граф Зубов был гораздо моложе.

Это один очерк лица.

Разумеется, когда король не мог раздавать чинов, орденов и в старост в, прежние его приверженцы оставили его, но нашлись промышленники, которые не только после отречения его от престола, но даже и по его смерти снабжали охотников патентами на звание шамбелянов (камергеров) его бывшего двора и на орден Св. Станислава, со звездой и лентой через плечо! Разумеется, что это делалось без ведома короля. Сперва этим промыслом занимался камердинер его, а потом двое искателей приключений, из бедной польской шляхты, прибывшие в Петербурге искать счастье. Одни из них был пойман, уличен и посажен в крепость, но слепой случай перебросил его внезапно с пути в Сибирь на путь к счастью, и он, под покровительством одной знатной дамы, вышел в люди! Тогда это наделало много шуму между поляками. Теперь все забыто! Дела давно минувших лет!

Король польский умер в феврале 1798 года и похоронен великолепно, по царскому церемониалу. Государь присутствовал при погребении. Requiem, композиции О.А.Козловского, разыгранный в католической церкви, тогда высоко ценился знатоками, и часто повторялся в духовных концертах.

Похороны короля польского привлекли только толпы любопытных, но были другие похороны, которые наполнили горестью все сердца. Великий Суворов, герой народный, вождь в полном значении слова *непобедимый*, которого славой гор-

дится каждый русский – скончался в Петербурге. В корпусе следовали за всеми его победами, за всеми подвигами в последнюю его итальянскую компанию, и нам с кафедры провозглашали о чудных делах при Требии, при Нови, при переходе через Альпы! Кадеты были воспламенены славой Суворова, и завидовали участи тех, которые могли умереть с оружием в руках, в глазах героя. Мы ожидали, что Суворов навестит корпус, что мы увидим наш идеал, и узнали, что они приехал больной, изнеможенный, упавший духом. Горесть была общая... более нежели горесть, и весть о смерти Суворова встревожила столицу. Плакали и громко жаловались!.. В день похорон, когда печальная колесница проезжала по Невскому проспекту, при многочисленном стечении народа, государь приехал верхом из Михайловского дворца, остановился на углу Садовой, возле императорской Публичной библиотеки и, когда гроб поравнялся с ним, снял шляпу и уехал. Император Павел Петрович несколько раз посещал корпус, и был чрезвычайно ласков с кадетами, особенно с малолетними, позволяя им многие вольности в своем присутствии. – «Чем ты хочешь быть?» спросил государь одного кадета в малолетнем отделении. – «Гусаром!» отвечал кадет. – «Хорошо, будешь! А ты чем хочешь быть?» промолвил государь, обращаясь к другому малолетнему кадету. – «Государем!» отвечал кадет, смотря смело ему в глаза. – «Не советую, брат», сказал государь, смеясь: «тяжелое ремесло! Ступой лучше в гусары!» – «Нет, я хочу быть государем»,

повторил кадет. – «Зачем?» спросил государь. – «Чтоб привезти в Петербург папеньку и маменьку». – «А где же твой папенька?» – «Он служить майором (не помню в каком) в гарнизоне!» – «Это мы и без того сделаем!» сказал государь ласково, потрепав по щеке кадета, и велел бывшему с ним генерал-адъютанту записать фамилию и место служения отца кадета. Через месяц отец кадета явился в корпус к сыну, и от него узнал о причине милости государя, который перевел его в сенатский полк и велел выдать несколько тысяч рублей, на подъем и обмундировку. Однажды, проходя по нашей гренадерской роте, государь спросил у благообразного кадета: «Как тебя зовут?» – Приказный, отвечал кадет. – "Я не люблю *приказных*", возразил государь, «и с этих пор ты будешь называться»... Государь задумался и, взглянув на бывшего с ним Михаила Никитича Муравьева²⁸, сказал: "ты будешь называться *Муравьевым*" Потом, обратясь к Михаилу Никитичу, государь промолвил: «Прошу извинить меня, ваше превосходительство, что я дал этому кадету вашу фамилию: это послужит ему поощрением к подражанию вам, а мне такие люди, как вы, весьма нужны!» М.Н.Муравьев низко поклонился государю, и через несколько дней вышел Сенатский указ о переименовании Приказных в Муравьевых. В другой раз государь, проходя по галерее, уронил трость. Толпа кадетов бросилась поднимать ее, некоторые падали, и вырывая

²⁸ Известный русский прозаик, бывший при воспитании их императорских высочеств великих князей.

трость друг у друга, стали толкаться и чуть не драться между собой. Офицеры были в страхе, не зная как примет это государь, но он был чрезвычайно доволен. «Вижу, что вы будете усердно служить мне», сказал государь, поцеловав того кадета, которому удалось схватить трость и представить ему, а всему корпусу велел раздать фрукты и распустить всех на три дня со двора. В марте 1800 года государь лично объявил корпусу, что он будет называться вперед *Первым* кадетским корпусом, в знак царской к нам милости.

Вскоре после перехода моего в третью роту и в верхние классы, граф Ламсдорф был назначен воспитателем их императорских высочеств великих князей Николая Павловича (ныне благополучно царствующего императора) и Михаила Павловича, а на его место поступил генерал от инфантерии граф Платон Александрович Зубов (в ноябре 1800 года). В феврале 1801 года, за несколько недель до своей кончины, государь возвысил графа Зубова в звание шефа корпуса, а Ф.И.Клингер, произведенный в генерал-майоры, назначен директором. Но при этих переменах начальников, в корпусе ничего не переменилось, и все шло старым порядком. Мы знали графа Зубова потому только, что видели множество слуг его, одетых богато и распудренных, на галереях, и что он приказывал иногда призывать к себе лучших кадетов и раздавал им плоды, которыми всегда были наполнены его комнаты, потому что верил, будто испарения от свежих плодов, сохраняют свежесть лица. Граф Зубов принимал мало

гостей, и сам редко выезжал со двора, живя уединенно. Государь, навещая корпус, обходился с ним чрезвычайно милостиво.

12 марта 1801 года, едва пробили утреннюю зорю, вдруг начали бить сбор (в 6 часов утра). Дежурный офицер вбежал опрометью в роту и закричал: "вставать и одеваться! Не надобно пудриться, бери амуницию и ружья, и стройся!" Пошла суматоха. Мы никак не могли догадаться, что бы это значило, потому что этого никогда не бывало. При полной амуниции мы всегда пудрились; на ученье нас не выводили так рано... Едва мы успели выстроиться, нас повели прямо в Соборничную залу, и в то же время принесли знамена (а тогда каждая рота имела знамя). Наконец явился священник, в полном облачении, и мы присягнули новому императору Александру Павловичу!²⁹

Тут только узнали мы, что государь скончался в ночь с 11 на 12-е марта! Кадеты любили покойного государя, и многие из нас заплакали. Графа Зубова не было на присяге. После присяги нам было позволено идти со двора, на двое суток.

Первому кадетскому корпусу предоставлена была особая часть содержать караул при гробе императора, в Михайловском дворце, и занимать первое место при погребении, именно впереди и с тыла погребальной колесницы, под ружьем, со знаменами. Кадеты второго кадетского корпуса шли в черных мантиях и распущенных шляпах, с факелами, во-

²⁹ Тогда кадеты присягали, потому что считались в службе.

круг колесницы. От Михайловского дворца, через Царицын луг набережной Невы до Зимнего дворца, через Исаакиевский мост, Кадетскую линию и через Тучков мост, по Петербургской стороне, до Петропавловской крепости выстроены были, по обеим сторонам улиц, полки гвардии и армии, которые, по прошествии погребальной процессии, следовали повзводно за ней, и выстроились за гласисом крепости, а только один наш корпус вошел, под ружьем, внутрь ее. Церемониал был тот же, как при погребении императора Александра Павловича.

Началась новая эпоха, новая жизнь для всей России, но во внутреннем устройстве корпуса весьма мало было перемен до моего выпуска.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Порыв общего мнения. – Реакция. – Новая форма и новые моды. – Перемены в корпусе. – Якорь спасения или наставник, друг и благодетель. – Русская литература в корпусе. – Первый успех, щедро вознагражденный. – Новая жизнь. – Литературные идеи. – Корпусные знакомства. – Барон Иван Иванович Дибич. – Три брата князя (Dies) де Броглио. – Саша Клингер. – Поэт Крюковской. – Пробуждение страсти к авторству. – Характеристические черты барона И.И. Дибича. – Музыка необходима военному человеку. – Церковный певчий. – Отчаяние матери. – Празднование столетия Петербурга. – Перемены в корпусе. – Что всего более способствовало нашему умственному развитию.

Хотя я был очень молод при вступлении на престол императора Александра Павловича, но впечатления, произведенные во мне всем виденным и слышанным, столь сильно подействовали на меня, что это великое событие осталось навсегда свежим в моей памяти. Самому Тациту не достало бы красок для изображения той живой картины общего восторга, который овладел сердцами при вести о воцарении обожа-

емого Александра!

Еще будучи наследником престола, он жил единственно для добра, для утешения несчастных и для покровительства всего высокого и благородного. Скромность его, благодушие, вежливость и деликатность в обращении превозносимы были во всех сословиях. Всем было известно, что с высокими понятиями о правосудии и государственном устройстве, он любил науки, литературу, искусства и уважал занимающихся ими. Доброта сердца его была неисчерпаема! В манифесте своем о вступлении на престол, юный император объявил, что намерен управлять Россией "в духе в Бозе почивающей бабки своей, императрицы Екатерины II", – и эти слова, как электрический удар, потрясли все сердца! Сенатская типография не успевала печатать манифеста; он был в руках у всех и каждого; его читали, перечитывали, лобызали, орошали слезами, и рассылали во внутренность России к друзьям и родным. Знакомые обнимались и целовались на улице, как в первый день Светлого праздника, поздравляя друг друга с новым государем, которого обожали прежде, чем он взял в руки бразды правления, и на котором опочивали все надежды. Во всех семействах провозглашали тосты за его вожденное здравие; церкви наполнены были молещиками. Народ толпился на Дворцовой площади, чтоб видеть ангельский лик своего государя, в чертах которого живо изображались кротость, милосердие и человеколюбие, которым он не изменил до конца своей жизни. Радостные вос-

клицания повсюду встречали и сопровождали его. Во всей истории рода человеческого едва ли есть несколько примеров подобной общей радости, и весьма немногие государи вступали на престол при таких счастливых предзнаменованиях, при таких обильных надеждах!..

В короткое время появились изменения в военной форме и в одежде частных лиц. Помню, как теперь, удивление наше, когда поручик нашей роты, Бабин, явился без пуклей, с небольшою косою, перевязанною в полворотника, с волосами, спущенными на лоб (называемыми тогда *эсперансами*), в коротких сапогах, вместо штиблет. Нам казалось это удивительно хорошо! При отступлении от прежней формы, появились *военные моды* в прическе, повязке галстука, ношении шляпы и шпаги – и первым щеголем тогда, по гвардии, был плац-майор И.С.Горголи. Во всех делах человеческих, малых и великих, при быстрой реакции наступают крайности.

Прусская форма времен Фридриха Великого чрезвычайно не нравилась после прежней покойной и удобной формы, составленной для войска князем Потемкиным Таврическим, и потому теперь, при новой форме, все было преувеличено, как будто для того, чтоб скорее забыть прошлое. Вместо чрезвычайно низких офицерских шляп, введены огромные, высокие шляпы, с черными султанами (в кавалерии с белыми); вместо отлогого воротника, лежавшего на спине, стали носить превысокие воротники до самых ушей; вместо широ-

ких и длинных фалд мундиров, мундиры были короткие и с фалдочками в два пальца. Палевый цвет нижнего платья заменен белым. Пудра и косы не были отменены, но прическа совершенно изменилась. Щеголи сбивали волосы на верху головы (тупей), и всю красу поставляли *в висках* (*oreilles de chien*), *эсперансах* и широкой, короткой косе. Черные галстуки подвязывали высоко. Статские стали носить снова круглые шляпы и английские фраки, вместо французских кафтанов старинного покроя. Шелковые ткани уже не употреблялись для фраков. Фраки были с откидным воротником и клапанами на груди.

Первый, появившийся по новой парижской моде а *l'incroyable*, был Михаил Леонтьевич Магницкий³⁰, возвратившийся из Парижа немедленно после кончины императора Павла Петровича, с депешами от тайного советника Колычева, находившегося там для составления пунктов мирного трактата с Франциею. Народ бегал на улицах за М.Л.Магницким и любовался его нарядом. Он имел, вместо трости, огромную сучковатую палицу³¹, называвшуюся в Париже *droit de l'homme*; шея его была окутана огромным платком, что называлось *жабо*. При фраках статские пудрились так же, как и военные. Показать в люди без пудры означало

³⁰ Бывший потом попечителем Казанского университета, человек, который войдет в историю России XIX века.

³¹ По особенному случаю эта трость – палица, досталась мне, и хранится у меня.

тогда высшую степень небрежения и невежливости. Надлежало пудриться и поправлять прическу несколько раз в день, утром, к обеду и к вечеру.

Граф П.А.Зубов вышел в отставку и отправился за границу, а Ф.И.Клингер остался директором корпуса, и пробыл в этом звании *двадцать* лет. Наш главнокомандующий, его императорское высочество цесаревич и великий князь Константин Павлович, не имел времени заниматься корпусом в царствование покойного государя, быв сперва в походе с Суворовым, в Италии, а после того исполняя фронтальную службу по гвардии. По возвращении царской фамилии из Москвы с коронации, его императорское высочество стал весьма часто ездить в корпус, посещал классы, столовую и производил батальонное ученье. Число кадет от 600 дошло до 1000 человек, и мы вскоре сравнялись с полками гвардии по фронтальной службе, что неоднократно подтверждено было приказами, за подписью его высочества. Науки шли своим чередом, под надзором директора, Ф.И.Клингера, который все не занимался фронтальной службой, и ни разу не командовал ни на учении, ни на параде. Это исполнял обыкновенно старший полковник или сам цесаревич.

Перехожу к важнейшей эпохе в моей жизни, имевшей влияние на всю мою судьбу. По экзамену переведен я снова через класс, именно в третий верхний, из которого уже выпускали в офицеры, в армейские полки. По всем частям баллы у меня были хорошие, и потому новые учителя при-

няли меня отлично. В этом классе уже преподавали статистику, физику и полевую фортификацию; первую, ученый и добрый Герман (скончавшийся в звании инспектора классов Смольного монастыря, и оказавший русской статистике большие услуги); вторую, Вольемут, бывший адъютантом при знаменитом Крафте; третью молодой корпусный офицер, поручик нашей роты, Александр Христианович Шмит (ныне генерал-майор в отставке). Все они преподавали отлично и чрезвычайно занимательно. Статистику читал Герман по-французски, потому что весьма был слаб в русском языке. Железников в это время стал прихварывать, и не мог заниматься во всех верхних классах, а потому, при сохранении всех окладов, ему оставили два первые верхние класса, а остальные отдали, по указанию Железникова, корпусному офицеру, поручику четвертой роты, Александру Андреевичу Лантингу.

С приятною наружностью, Лантинг соединял в себе необыкновенную доброту, нежность чувств и возвышенный ум. Он был поэт в душе, хотя и не писал стихов, и этим только отличался от незабвенного друга моего, Александра Сергеевича Грибоедова, с которым Лантинг был схож нравственно, как две капли воды. Лантинг и Грибоедов – это один ум и одна душа в двух телах! Если б они знали друг друга, они были бы друзьями и братьями. Лантинг даже манерами походил на Грибоедова. Лантинг вступил в корпус кадетом, при графе Ангальте, в 1788 году. Он сказывал мне,

что родился в Лемзале (т. е. в Лифляндии или в Рижской губернии), но я не мог отыскать этой фамилии. Будучи кадетом, он долженствовал происходить *из родовых* дворян, как мной объяснено выше, следовательно, или фамилия эта пресеклась, или, быть может, она иностранная дворянская, признанная в России. Не справлялся я в Курляндии – там еще рождаются люди с пламенной душою!

Лантинг жил сердцем в фантастическом мире, в мире добра, любви и поэзии, и на земле не нашел радостей. Он всегда страдал за других и за себя. Несправедливость и коварство людей проливали яд в его сердце, и он мучился, не будучи в состоянии помочь страждущим. Он любил... и ему изменили; прилепился душою к другу – друг оказался эгоистом! Мрачная меланхолия, как черная туча, покрыла его душу... Он искал рассеяния и утешения в любви детей, порученных ему Промыслом – и мы, дети, не изменили ему! Мы любили его при жизни, в наших детских годах; были преданы ему душевно в годах юношеских, и помним его состарившись! Лантинг, вскоре по выпуске моем, перешел в адъютанты (в капитанском чине) к генералу Кноррингу, ранен тяжело в первую турецкую войну, при императоре Александре, и умер от ран в Бухаресте. Памятник его в сердцах его питомцев, постигших его духовное величие!

Русская словесность расцвела при императоре Александре, под его благотворным влиянием, на плодотворной почве, возделанной императрицею Екатериною II. Жесткие формы,

в которых был сжат наш богатый и звучный язык, сокрушились под пером Н.М.Карамзина, М.М.Сперанского, Василия Сергеевича Подшивалова, Ивана Ивановича Дмитриева, Михаила Никитича Муравьева, Василия Андреевича Жуковского. Вся литературная деятельность сосредоточена была тогда в Москве, под сенью знаменитого тогда университета. Там составлялись законы для языка и слога; там уже издавался *Вестник Европы*, Н.М.Карамзиным, *Московский Меркурий*, Петром Ивановичем Макаровым. Карамзин увлекал всех своим языком; Макаров предостерегал и поучал своими сильными и остроумными критиками, устремленными против бесталантных подражателей новизны. Как благодетельной росы ожидали мы, в Петербурге, каждой книжки *Вестника Европы*, читали, перечитывали и изучали каждую статью! Блистательные примеры возбуждали в нас охоту к изучению языка и страсть к авторству... Наставники наши поощряли нас и руководствовали.

Удивительно, как в каждой массе людей, обязанных жить вместе и действовать по одним правилам, например, в полках и учебных заведениях, долго держится дух, однажды утвердившийся каким-нибудь необыкновенным событием! Так в Сухопутном Шляхетном, а после в Первом кадетском корпусе преобладал *дух литературный* над всеми науками. В этом корпусе, как известно, возникла русская драматургия. Кадет Сумароков, современник Ломоносова, первый из русских начал писать трагедии и комедии, по образцам

французских классических писателей, и первые русские актеры были также кадеты. В корпусе был устроен театр (1745 года), существовавший до директорства Кутузова, и кадетская труппа играла даже при дворе, в присутствии императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Когда, после того, составлена была императорская труппа, то набранные в разных городах России актеры жили в корпусе, и брали уроки декламации у корпусных офицеров: Петра Ивановича Мелиссино³² и Петра Семеновича Свистунова³³, бывших лучшими актерами кадетской труппы. Балет также возник в корпусе. Танцевальный учитель Ланде составил характеристические танцы, которые исполняемы были кадетами, в костюмах, в присутствии высочайшего двора, и это поддало мысль к учреждению балетной труппы, под руководством Ланде.

Внимание двора к русской литературе, слава Сумарокова и русский театр в корпусе, утвердили в кадетах любовь к русской словесности и отечественному языку, и эта любовь, поддерживаемая искусными преподавателями, каковы были Яков Борисович Княжнин и ученик его, Петр Семенович Железников, сделалась как бы принадлежностью корпуса, и переходила от одного кадетского поколения к другому,

³² Бывшего потом генерал-поручиком и директором 2-го кадетского (прежнего инженерного) корпуса.

³³ Скончавшегося в чине действ, тайного советника, и оказавшего большие услуги государству.

даже до моего времени. Кажется, после дух этот ослабел, или даже вовсе иссяк, когда в 1812 году и в последующих годах, по надобности в офицерах, выпущены, в одно время, почти все взрослые и, так сказать, унесли с собою все предания. У кадет последующей эпохи уже не осталось никаких воспоминаний и примеров, кроме *имени* графа Ангальта! С истреблением надписей на стенах рекреационной залы и на садовой стене, стерлось все прежнее в памяти кадет, и Клиндер казался каким-то праотцем, Сатурном корпуса!

В наше время корпус полнился слухом о графе Ангальте. Офицеры и учителя рассказывали нам о *блаженных ангальтовых временах*, о театральных представлениях в корпусе, о сочинениях кадетов, представленных императрице, и мы еще оживлялись прежним духом! Главное правило графа Ангальта состояло в том, что первый признак хорошего воспитания есть умение объяснять мысли свои *словом* и *пером*; что воин и гражданский чиновник должны непременно писать правильно на родном языке, и даже выражаться щегольски, и знать притом основательно хотя один из иностранных языков, особенно французский, тогда уже общеупотребительный в Европе. Это самое повторяли нам офицеры и некоторые учителя, особенно Железников и Лантинг.

"Какая польза в учености, в познаниях, если человек не может употребить их в дело, не умея объяснить или передать того, что у него в голове!" – говорил Лантинг. "*Безграмотный* то же, что *глухонемой*. Чем живут Рим и Греция? Пи-

сателями! – Катул, Римник важнее Фермопил и Марафонской битвы, и переход Суворова через Альпы затмевает славу Аннибала; но подвиги древности кажутся выше, потому что изображены красноречиво. Безбородко, бедный армейский офицер, стал известен государыне по реляциям, которые он сочинял, и Безбородко стал графом и канцлером! Не каждому дан авторский талант, не каждого природа создала поэтом; но каждый может и должен уметь излагать мысли свои правильно, ясно, даже красноречиво, и для того надобно изучать язык и его грамматику, разбирать писателей, замечая в них хорошее и отвергая дурное, и беспрерывно упражняться в сочинениях...

Так говорил Лантинг, и упражнял нас в грамматических и эстетических разборах русских писателей и в сочинениях, на заданные им темы. Тех кадетов, которые никак не могли ничего выдумать, он заставлял переводить с французского и с немецкого языков, чтоб приучить их к слогу.

Однажды, в какую-то горькую минуту, когда черная мысль промелькнула в голове Лантинга, он задал мне сочинение, взяв за тему стихи из псалма Давидова: *«на реках Вавилонских тамо седоком и плакахом»*. Я сознался ему, что не заглядывал в псалтырь, и он велел прийти к нему, на квартиру, за книгой. Взяв псалтырь, я уединился, и стал читать заданный мне текст. При этом должен я заметить, что изучение церковного и, так называемого, славянского языка в наше время почиталось *необходимостью* для познания языка

русского, во всей его силе, и нам, с кафедры, толковали красоты Св. Писания и наши древние летописи. Перечитывая псалом, который долженствовал служить мне руководством к сочинению, я почувствовал, внезапно, как будто какое-то сотрясение в сердце... Мне стало грустно, я заплакал! Не было свидетелей слез моих. В уме и в душе моей ожили воспоминания детства: представились моему воображению родители, любимые мною слуги, родные поля и леса, и наконец мое сиротство, мои страдания без всякого соучастия в ближних, существование без любви, без ласки... Как будто в лихорадке схватил я перо, и стал писать... Слезы и чернила лились на бумагу. Исписав несколько листов, я свернул их, и не перечитывая положил под матрац моей постели. Явившись в класс, я представил Лантингу вверенную мне книгу и мое сочинение, и сказал: «Простите великодушно, если найдете тут ошибки и недописки. Я написал сгоряча, и признаюсь, не имел духа прочесть... Эта тема слишком тяжела для меня!» Лантинг стал читать про себя, и я не спускал с него глаз. Я заметил, что сперва легкий румянец выступил на его бледном лице, а потом глаза наполнились слезами. Положив бумагу мою *в карман* (чего никогда не делал он прежде), Лантинг подозвал меня к себе, обнял, крепко прижал к сердцу, поцеловал и сказал: «Ты не сирота, пока я в корпусе! Я заступлю тебе место отца, матери и друга!» Он велел мне приходить к себе на квартиру, во всякое время, свободное от кадетских обязанностей.

С этих пор началась для меня новая жизнь. Сердце мое жаждало ласки, участия, сострадания; ум требовал советов и руководства; врожденная благородная гордость (то, что мы называем амбицией), так сказать, задушила меня, не встречая никакого внимания и удовлетворения всем моим желаниям, всем потребностям души, и все чего я жаждал, нашел я в Лантинге и нашел в то время, когда уже мог понимать высокую цену всего этого, когда наиболее нуждался в этом, когда ум мой, как слабый стебель цветка, требовал опоры, и рано развившаяся в сиротстве душа замирала без теплоты и света! О, как пламенно полюбил я Лантинга! Я за него дал бы себя изрезать на части, бросился бы в пламя!

Он был более нежели добр с кадетами, был, как говорится, слаб, никогда сам не наказывал и не жаловался старшим, и оттого часто подвергался неприятностям. Тех кадет, за которых Лантинг получал выговор, и кадет, оскорблявших его неприличными ответами, грубостью, я почитал *личными* моими врагами, и, по-кадетски, вызывал на дуэль, т. е. на драку, не смотря ни на рост, ни на силу! Весьма часто меня порядком проучали за это и даже, при победе, я часто должен был подвергаться наказанию; но мне приятно было страдать за обожаемого мною наставника, который журил меня за мою драчливость, не зная и вовсе не подозревая, что я сражался за него и за него подвергался наказаниям! Не боюсь, чтоб враги мои уличили меня во лжи, если скажу, что *в течение всей моей жизни* я почитал, почитаю и буду почитать

первою обязанностью вступаться за друга и благодетеля... А иначе что же будет значить дружба и благодарность? Случалось со мною, что вместо признательности (которой я никогда не требовал), по крайней мере, вместо сознания моего самоотвержения, мне платили даже холодностью и горьким упреком: "*а кто тебя просил!*" Тяжело было на сердце, но я не исправился и не исправлюсь. В сатирах, которыми меня удостоивают наши русские писатели, меня называли даже *собакою!* Пусть будет так. Правда, собака бросается на обидевших ее господина, и эта собака лучше мудрого эгоиста; а дружба и благодарность должны *господствовать* в сердце. Дети мои, это урок для вас!

К Лантингу собиралось много кадетов, по знакомству его с их родственниками. Особенно поручены ему были братья Тагайчиновы (вышедшие в артиллерию), которые имели в его квартире отдельную комнату. Тут собирались для отдохновения от кадетского шума унтер-офицер Бринкен (курляндец), братья Берниковы (вышедшие лейб-гвардии в Семеновский полк) и некоторые другие; но истинно родительское попечение Лантинг имел обо мне одном, давал мне книги для прочтения, и заставлял делать разборы, т. е. сообщать ему мое мнение о прочитанном, с отметками того, что мне нравилось или не нравилось. Потом он рассматривал мои разборы, подтверждая или опровергая мои мнения риторически, эстетически и философически. Таким образом прошел я с ним Древнюю историю, Историю Греции и Рима и

новые события до Французской революции включительно, прочел Путешествие Анахарсиса по Греции и Азии, сочинение Бартеlemi и много других книг. Кадетам верхних классов позволялось ходить в корпусную библиотеку, и, по рекомендации Лантинга, библиотекарь наш, Г.Фолар, позволял мне брать книги в роту. Это было для меня великое блаженство. Я был, как рыба в воде! При чтении я упражнялся в переводах с французского и немецкого языков. Начальные основания латинского языка я приобрел у Цыхры – и Лантинг, который очень хорошо знал латинский язык (брав частные уроки), занимался со мною, в свободные минуты, переводами с латинского и грамматикой, для собственной забавы, как он говорил тогда. Но главнейшую пользу для моего образования извлекал я из бесед его. Тут открывались передо мною в живых картинах древний и новый миры, с их духовною жизнью, и чудеса природы в творениях Создателя! А будущность – она казалась блистательною зарею, обещающею красный день!

Кроме книг, служивших к моему образованию, я читал – нет, не читал, а глотал романы и повести, т. е. все, принадлежащее к изящной словесности или беллетристике. Тогда в моде были повести Мармонтеля, г-жи Жанлис, романы Дюкре-Дюминила, г-жи Радклеиф, и вообще роды *чувствительныйиужасный*. Все, что обращало на себя внимание публики, было прочитано мною. *Бедную Лизу, Наталью Боярскую дочь, Марфу Посадницу, Мою исповедь, Рыцаря нашего вре-*

мени и прочие повести и рассказы Карамзина я знал почти наизусть. Ни одна живая Лиза не стоила мне в жизни столько слез, сколько я пролил по *Бедной Лизе*, Карамзина! *Письма русского путешественника* составляли мое наслаждение. Лантинг представил нам эти письма, как образец легкого, живого рассказа, и как доказательство светлого, беспритязательного, здравого ума автора. Часто говорил нам Лантинг: «Бюффон произнес великую истину, сказав: *le style – c'est l'homme* (слог – это человек). Можно научиться писать правильно, так что ваше сочинение будет без задоринки, гладко, хоть шаром покати, но в то же время оно может быть холодно, как гладкий, прозрачный и блестящий лед! Можно, с усилием ума, приобрести механизм, но никакая наука не может научить, как сообщается слогу движение, жизнь, одушевление, легкость, летучесть... Все это проистекает из ума и из души человека...» По слогу, говорил Лантинг, не с кафедры, а у себя дома: по слогу я узнаю человека! Напыщенность, надутость, аффектация, изысканность, тяжесть, растянутасть, водянистость, холодность слога, точно так же как и противоположности его: живость, пламенность, сила, движение, естественная простота и ясность, суть верные отпечатки характера автора – зеркало его души!

Совершенная правда. Но к этому надобно еще прибавить, что как характер иногда изменяется в людях, по обстоятельствам (*honores mutant mores*), так и слог принимает формы естественности или искусственности от положения чело-

века в обществе, если душа не в силах исторгнуть ума из оков светских обстоятельств. Карамзин, пока был независимым литератором, увлеченным природой на это поприще, как пчела на луг, Карамзин был прост, мил, летуч, естествен в слог; когда же он, в звании историографа, захотел казаться важным, серьезным, красноречивым, по *тогдашнему убеждению*, будто бы слог должен соответствовать предмету, и по *тогдашнему учению*, будто в словесности должны существовать наличные *слоги*: простой, средний и высокий, Карамзин, до седьмого тома Истории Российского Государства, надут, напыщен и неестествен в слог. Я доказывал, в моем *Северном Архиве* и в приложениях к нему, в *Литературных Листках*, что в этих томах, у Карамзина, все реки *глубокие*, все долины *обширные*, все горы *высокие*, все юноши *прекрасные*, все старцы *добродетельные*. Есть у Карамзина, в этих томах, даже *молодые* юноши!!! Все эти *прилагательны* набраны для круглости и звучности *периодов*, и педанты верили и верят, что только тот слог *образцовый*, который составлен из *периодов*. CVIII тома Истории, Карамзин снова вошел в свой натуральный характер, и за исключением некоторых мест, слог его в этом и последующих томах естествен и прост, как душа его, честная и благородная.

Еще с первых юношеских лет я не принимал разделений слога на *простой*, *средний* и *высокий*, и на размеры его, *сообразно предметам*, и осмеливался даже спорить с обожаемым мною наставником, утверждая всегда, что человек должен

описывать *все*, простое и высокое, по внушению своего ума и чувства, описывать, как ему представляется, не изыскивая слов и не подбирая их умышленно, для эффекта. *Марфа Посадница*, Карамзина, *Гонзалв Кордуанский*, Флориана, *Инки*, Мармонтеля, мне никогда не нравились, потому что они написаны цветистым, неестественным слогом (*prose poétique* или *prose fleurie*). Нынешние русские драмы или трагедии (не знаю как их назвать) мне *не нравятся* по той же причине. Нас уверяют, что они писаны *стихами*, пятистопными ямбами, а я вижу в них только напыщенную, раздутую, рубленую или крошеную прозу, в роде *Гонзалва Кордуанского* или *Кадма и Гармонии*, Хераскова. Один писатель, впрочем талантливый, пошел в наше время еще дальше. Он даже отверг ритм, или размер в своих драмах, на заглавии которых выставлено, что они *писаны стихами!* Стихи без *меры* (ритма) и без рифмы – еще хуже, нежели музыка без гармонии! Но в наше время все сходит с рук! Только В.А. Жуковский и А.С. Пушкин умели сохранить музыкальность и все красоты гармонии в своих безрифменных стихах.

У Лантинга я познакомился с кадетами, двумя князьями Броглио (*Dues de Broglio*) и с сыном Ф.И. Клингера, Александром, которые ходили к нему, когда он бывал дома. С меньшим Броглио и Сашей Клингером я был даже дружен. Первые два были эмигранты, юноши, получившие хорошее первоначальное домашнее образование, а Саша Клингер, сын нашего директора, был ангел душою и лицом. Сколько при-

ятных минут провели мы вместе с Сашей Клингером и меньшим Броглио, мечтая о будущем! Саша Клингер ввел нас к своей матери (она была русская), умной, нежной и в полном смысле добродетельной даме, которая обожала своего единственного сына, и ласкала нас, друзей его. Несколько раз Ф.И.Клингер заставлял нас у своего сына, которого он также любил страстно, и позволял нам играть с ним, исследовав, чем мы занимаемся. У Лантинга видывал я часто старшего брата Броглио, уже поручика в Преображенском полку, и барона Ивана Ивановича Дибича, также офицера (не помню поручика или подпоручика) в Семеновском полку. Оба они приходили в корпус чертить планы, под руководством нашего учителя, полковника Черкасова, и учиться русскому языку на дому у Лантинга. Старший князь Броглио убит под Аустерлицем, меньший Броглио и Саша Клингер (бывший также офицером Семеновского олка) убиты в русских рядах, в Отечественную войну; барон Дибич, в последствии граф Забалканский и фельдмаршал, скончался в последнюю польскую войну. Среднего князя Броглио я видал в Варшаве, при возвращении его в отечество, во Францию, в 1816 году. Все они были люди отличные, с умом, с душою, с дарованиями. Обхождение с этими отличными молодыми людьми имело на меня сильное влияние. Я видел живые примеры хорошего у Лантинга и дурного между некоторыми из кадет.

Страсть к авторству беспрерывно усиливалась во мне. Это было не желание славы и известности, не жажда похвал, од-

ним словом, не напряжение тщеславия и самолюбия, этих мелких несносных страстишек, которые квакают, как лягушки в болоте, чтобы обратить на себя внимание, пока аист критики не пришибет их. Нет, во мне было непреодолимое влечение излить чувства и мысли мои, которые, так сказать, угнетали мой малый умишко и мое юношеское сердце. Начитавшись, наслушавшись и раздумав, я приобретал *свои понятия* о многих вещах, *свой взгляд* на предметы, часто не согласные с тем, что я читал и чему меня учили. Мне хотелось изливать все это на бумагу, как будто для того, чтобы очищать в уме и сердце место для новых впечатлений и ощущений. Я знал хорошо, что меня ожидает не слава и не награда, а насмешки товарищей и неприятности. Школа есть микроскопический уголок света: это гнездо, хранящее в себе зародыши тех страстей и предрассудков, которые, вылупившись из покрывающей их коры, подобно хищным птицам, будут страшны разуму и заслуге или тихим ощущениям души. Слово *сочинитель* есть упрек или насмешка в животном, механическом мире. *Сочинитель*, по мнению словесных машин, есть человек ни к чему не способный, есть существо только *терпимое* (*tolere*) в обществе. Одни мужи великие, одаренные высоким разумом, постигают пользу и достоинства существа мыслящего, извлекающего из всего первоначальные истины, подобно пчеле, извлекающей из всех растений мед. Но великие мужи еще реже рождаются на свет, чем великие писатели. – Если справедливо, как утверждали

некоторые физиологи, что головные нервы, служащие орудием душе и разуму, почти то же, что клавиши на фортепиане, то, по несчастию, нерв или клавиш сатиры был во мне громче других клавишей, и всякая неправда и несправедливость, трогая душу мою, раздавалась громко в уме, и звуки эти требовали излияния. Я уже и тогда чувствовал, что это несчастье! История Сократа была мне хорошо известна, и земля еще полнилась слухом о французском поэте Жильбере, который, будучи доведен до госпиталя, с отчаяния подавился ключом! Предвидя все то, что испытал впоследствии, я, однако ж, не мог заглушить в душе вопля природы. И.И.Дмитриев сказал справедливо: «Гони натуру в дверь, она влетит в окно!»

Между серьезными историческими работами, между упражнениями в переводах и отчетах о прочитанном, для упражнения разума, я писал басни, сатиры, начинал поэмы, комедии, и все эти отрывки расходились по корпусу... Я прослыл *сочинителем*. Этим я, как водится, приобрел друзей и врагов. Все это точно так же, как в свете. Некоторые из моих добрых товарищей до сих пор сохранили корпусные мои сочинения, и еще в текущем 1845 году, генерал-майор Аполлон Никифорович Марин дал мне басню моего сочинения, которая в то время была представлена братом его, Сергеем Никифоровичем, великому Державину, и им письменно одобрена. Другие из моих товарищей даже сохранили в памяти некоторые из корпусных моих стихов. Не приво-

жу ничего из этих детских произведений... это были только вспышки. Укрепившись разумом, я понял все величие поэзии, и отказался от стихов. Стихотворство то же, что игра на скрипке: кто не может играть так, как Паганини или Липинский, тот не должен играть в публике. В прозе мысли, чувства, картины подчиняют себе слог, в поэзии слог (стихи) определяет достоинство произведения. Россини был бы смешон, если бы захотел сам петь перед публикою то, что прельщало всех, когда пели Малибран и Рубини! Проза богатая нива, поэзия – цветущий и плодоносный сад: и то и другое превосходно, если хорошо возделывается... Но... каждому свое: *suum cuique!*

У Лантинга встречал я часто поэта Крюковского, прославившегося в свое время трагедиею: *Пожарский, или Освобожденная Москва*. Крюковской был подпоручиком в нашем корпусе, тихий, скромный, добродушный человек, бывший известным в корпусе более своею рассеянностью, нежели поэзией. Он всегда забывал, в каком-нибудь углу, свою шляпу и перчатки, будучи на дежурстве; иногда являлся в роту без шарфа или без шпаги, и во фрунте делал ужасные промахи. Он был белокурый, приятной наружности молодой человек, приятной наружности молодой человек, и чрезвычайно ласковый в обхождении. Я помню литературный спор, бывший однажды в квартире Лантинга, между Крюковским, старшим Броглио и будущим фельдмаршалом, бароном Иваном Ивановичем Дибичем. Дибич утверждал, что у французов нет

поэзии, и что трагедия их скучная, тяжелая, сухая декламация. Крюковской и Броглио сильно защищали Расина, Корнеля, Крепильона и Вольтера, а Дибич уничтожал их, противопоставляя Шекспира, Лессинга, Гете и Шиллера, в которых Крюковской и Броглио, наоборот, не признавали никакого трагического достоинства. Лантинг склонялся на сторону Дибича, но судил не так резко, отдавая справедливость французам. Дибич победил, доказав, что Крюковской и Броглио вовсе не знают немцев, но не убедил их; на меня же, безмолвного слушателя, этот спор произвел удивительное влияние.

Я стал прилежно учиться немецкому языку, и когда, чрез несколько времени, мог прочесть, с помощью лексикона и толкований Лантинга, *Эмилию Галотти*, Лессинга, и *Коварство и любовь*, Шиллера, я перенесся в другой мир, а когда потом увидел их на немецком театре (в доме графа Кушелева), я склонился совершенно на сторону немцев. Немецкий язык показался мне во сто раз труднее французского, во-первых, потому что я раньше стал учиться по-французски, а во-вторых, оттого, что французский, так называемый, *классический язык*, состоит почти исключительно из условных фраз и форм, когда, напротив, каждый немец пишет *своим языком*, употребляя слова и обороты по произволу, и не стесняясь никакими правилами в картинах и выражениях. Правда, от этого у немцев мало *щегольских* писателей, зато много *сильных*. Музыкальность немецкого языка тяжелая, изложе-

ние часто запутанное, от длинных периодов (даже и в прозе Шиллера), но мыслей бездна, а в чувствах свежесть и сила.

Видя необыкновенно ласковое обхождение со мною Лантинга, гости его иногда удостоивали меня своего внимания, а Крюковской даже и беседы. Лантинг, по благосклонности своей, нашел одно классное мое сочинение на заданную тему (описание Катульского сражения) достойным того, чтоб показать собравшимся у него приятелям, вероятно, для ободрения меня. Дибич сказал, при этом случае, замечательные слова, которых никогда не забуду. "Обработывайте ваш талант, молодой человек, (*cultivez votre talent, jeune homme*), и помните, что без Квинта Курция не было бы для нас Александра Великого, а без Тацита Агриколы!" Во всю свою жизнь, и даже на высоте своей славы, Дибич всегда уважал литераторов, обходился с ними ласково, и оказывал им услуги, если это от него зависело, что засвидетельствует товарищ мой, Н.И.Греч.

Однажды, Н.И.Греч, не зная лично графа И.И.Дибича, пришел к нему просить о какой-то милости сиротам одного заслуженного генерала. Сперва Дибич, обремененный делами, принял его довольно холодно, и сказал, что на это есть формы, но потом, спросив о его фамилии, и узнав, что пред ним сочинитель *Русской грамматики*, попросил в кабинет, обласкал и исполнил просьбу.

Покойный граф И.И.Дибич был чрезвычайно добр душою, имел необыкновенный ум, глубокие, разнообразные позна-

ния, и страстно любил просвещение, т. е. науки и литературу. Ему иногда вредила необыкновенная вспыльчивость и какое-то внутреннее пламя, побуждавшее его к непрерывной деятельности. Во время последней турецкой войны, прославившей его имя переходом чрез Балканы, русские прозвали его, в шутку, Самовар-Паша, именно от этого вечного кипения. Прозвание это, нисколько не оскорбительное, живо изображает его характер. Замечательно, что это прозвание не *новое*. Однажды Дибич, в споре с кротким и тихим Броглио о Семилетней войне, упомянул неосторожно о Росбахском сражении, в котором, как известно, французы были разбиты Фридрихом П. Броглио оскорбился и замолчал, но в отсутствие Дибича изъявил свое неудовольствие перед Лантингом. «Не принимайте этого в дурную сторону», сказал Лантинг: "Дибич добрейшая душа, и не имел намерения вас оскорбить. Но он вечно кипит, как *самовар*, и к нему надобно приближаться осторожно, чтоб не обжечься брызгами!" Сравнение Дибича (малорослого, плотного, с короткою шеей и высокими плечами) *с самоваром*, показалось всем присутствовавшим так забавно, что все расхохотались, а Броглио больше всех. После этого, при имени Дибича или при встрече с ним, я всегда вспоминал эту шутку, и весьма удивился, когда услышал повторение этого сравнения через много лет!

А что случилось с моей музыкой? Матушка, уезжая из Петербурга, поручила одному своему знакомому платить за уроки на фортепиане, но мне было *невозможно и некогда*

заниматься этим, при переходе в гренадерскую роту. Невозможно было потому, что негде было поставить инструмента, а в малолетное отделение, к мадам Боньот, нельзя было ходить, когда бы мне захотелось; некогда было потому, что для меня важнее было справиться с моими пуговицами и плетешками, чем с клавишами и струнами. Фортепиано взял знакомец матушкин, а гитару (в ящике и под ключом) я удержал и хранил под кроватью, но играл весьма редко. Когда я познакомился с Лантингом, он велел перенести гитару к себе, сожалел, что я бросил фортепиано, и советовал мне упражняться в музыке, говоря, что для военного человека познание музыки чрезвычайно полезно.

"Может случиться, что ты будешь стоять на квартирах, в каком-нибудь уединенном месте, где не будет никакого общества, никакого рассеяния. Нельзя же все читать и писать, и вместо того, чтоб для рассеяния играть в карты или болтать вздор, ты найдешь приятное препровождение времени в музыке, доставляя удовольствие и себе и другим. Это может отвлечь тебя от дурного общества, в котором приобретаются дурные привычки и склонности. Я знал несколько отличных молодых людей, подававших о себе прекрасные надежды, которые спились с круга, ища рассеяния в веселых обществах. Да избавит тебя Бог от этого!

Учись музыке и рисованию: эти два искусства доставят тебе много радостей в жизни!" Я послушался Лантинга, принялся снова за ноты и гитару, и забавлял его и товарищей

моими песенками. Это маловажное обстоятельство привожу по двум причинам: во-первых, чтоб повторить молодым людям совет Лантинга на счет пользы музыки, а во-вторых, что это обстоятельство имело довольно важные последствия и для меня, и для корпуса вообще.

В корпусе были два хора певчих, один из кадет, а другой из корпусных служителей и людей наемных. Тогда певческие хоры не ограничивались одним церковным пением, но певали также во время стола, на вечерах и вообще на празднествах, кантаты, гимны, стихи на разные случаи, положенные на музыку, русские и малороссийские песни. У знатных и богатых людей почиталось необходимо содержать оркестр и хор певчих. Теперь это вывелось из моды. В последнее время, превосходный оркестр был у покойного В.В.Всеволожского, а теперь только князь Б.Н.Юсупов содержит музыку. Странствующие немцы и богемцы заменили домашние оркестры. – Хор корпусных певчих (из вольных и корпусных служителей) был превосходный. Бас, по имени Бабушкин, славился во всем Петербурге. И точно, голос Бабушкина был необыкновенный: рев Брейтинга перед ним то же, что чириканье стрекозы перед карканьем ворона! Корпусные певчие, в праздники, после обеда, певали в саду, в беседке, светские гимны и песни. Помню эффект, произведенный на меня кантатою, начинавшеюся куплетом:

О судьба!

Исполни ты желанья наши, Несчастливых, жалостных сер-

дец, О судьба, о судьба!

Бабушкин пел этот куплет соло своим громовым голосом, и хор повторял, с различными вариациями. Я думал тогда о Пурпуре!.. Превосходно пел этот хор любимую малороссийскую песню светлейшего князя Потемкина, бывшую в моде во всей России, пока жил и властвовал Потемкин: «*На бережку, у ставка*» – и стихи Державина: «*Краса пирующих друзей*», и т. п. – Не знаю, по чьему желанию и повелению вздумали усовершенствовать кадетский хор, и пригласили знаменитого Бортнянского выбрать голоса и обучать певчих. Товарищи уговорили меня вступить в хор, и Бортнянский нашел, что я к этому способен, тем более, что уже знал ноты и важнейшие правила вокальной музыки. Я занял место альт-солиста.

Надобно знать, что я до такой степени обрусел в корпусе, что ходил с товарищами в русскую православную церковь, даже учился православному катехизису в классах, у протоиерея Колосова, и был одним из лучших его учеников. В корпусе была и немецкая церковь и католическая каплица (chappelle), но католиков было весьма мало, человек десятков, и как из них оставалось по воскресеньям человека три (помню только кадет Дрентельна и Эдуарда), то мне скучно было ходить в эту каплицу и слушать латинскую обедню, без певчих и без музыки. Катехизису учились католики в квартире патера, жившего в корпусе. По-польски я почти забыл, и хотя понимал легкий разговор, но сам не мог уже объяс-

няться, да и другие забыли, что я не природный русак. Когда случилось, что меня спрашивали, из какого я племени (иные офицеры и учителя по моей фамилии полагали, что я родом из Болгарии), то я всегда отвечал, что русский. Итак, я пел на клиросе (или как у нас говорят неправильно: на крылосе), вовсе не подозревая, чтоб это могло быть неприличным.

Однажды в корпусной церкви был большой праздник: происходила хиротония архиерея³⁴ (не помню, какого по имени). В церкви было множество гостей и только лучшие кадеты, потому что для целого корпуса не было места. Певчие были на двух клиросах. Кадетский хор пел концерт, сочинения Бортнянского, под его личным регентством, и мне пришлось петь соло. И теперь помню и музыку, и слова этого соло: *«От восток, солнце на запад, хвально имя Господне!»* Бортнянский выставил меня вперед перед хором, и я пел в пол-оборота в публике. Вдруг в толпе поднялся глухой шум... одной даме сделалось дурно, и ее вывели под руки из церкви. Я оглянулся... это была... моя мать!..

Дрожащим голосом окончил я соло, и сказав, что мне дурно (у меня точно закружилась голова) – выбежал из церкви. Для матушки вынесли стул из ближней квартиры и стакан холодной воды... Она сидела склонив голову на руки сестры моей, Антонины... Я с воплем бросился в объятия матери!..

Ей до того стало дурно, что принуждены были перенести

³⁴ В обыкновенном разговорном языке говорится: посвящение или рукоположение в архиерея.

ее в учительскую квартиру, и положить на софу. Явился наш доктор Зеленский, со спиртами и ланцетом, но обошлось без кровопускания, и матушку привели в чувство оттираниями. Во все это время я рыдал, и надлежало вывести меня из комнаты. Часа через два матушка совершенно оправилась. Мы пошли к майору Ранефту, который отпустил меня с матушкой домой. По счастью случилось, что были два праздничные дня сряду. Это было летом, в половине августа.

Матушка жила в Большой Морской, в доме г-жи Байковой (во втором замужестве графини Морель), в *Отель де Гродно*. Когда мы сели в карету, матушка молчала, держала меня за руку, и смотрела на меня сквозь слезы. Сестра удивлялась, как я вырос и возмужал. В самом деле, вытерпев все испытания, я был здоров и крепок, не боялся ни жара, ни холода, ни жажды, ни голода, по смыслу присяги Петра Великого: «как храброму и не торопливому солдату надлежит».

Когда мы приехали на квартиру, и матушка совершенно успокоилась после обморока, она начала меня расспрашивать, не переменил ли я веры. Я отвечал, что меня никто к этому не приглашал и не понуждал, но что я хожу в русскую церковь потому, что мне кажется в ней лучше, и что готовясь быть русским офицером, я полагаю, что мне приличнее быть русской веры... Не помню, какие аргументы представил я в оправдание моего предпочтения русской веры, но матушка объявила мне, что если я не желаю ее смерти, то должен ходить в католическую церковь и учиться религии у католиче-

ского священника, прибавив, что единственная причина ее обморока была та, что она застала меня в русской церкви, узнав об этом в роте, и что при одной мысли об этом, она чувствует смерть в сердце. Пошли слезы, увещания, и наконец матушка, известив меня о смерти моего отца, священной памятью родителя заклинала меня сохранить *его* веру!.. Разумеется, что я повиновался.

Смерть отца произвела на меня ужасное впечатление. Это была *первая* вечная разлука, и притом с нежно-любимым и самым близким сердцу существом. От слез я перешел к какому-то онемению чувств, и недели две не мог ничем заняться. Лантинг объявил учителям причину моего столбняка, и тем избавил меня от неизбежных неприятностей. Происшествие с матушкой в корпусной русской церкви, и рассказы ее в обществах об ужасе, объявшем ее, когда она узнала в церковном певчем своего сына – наделали шума. Римские католики испугались; иезуиты ударили тревогу: с тех пор учрежден был особый класс, для преподавания римско-католического катехизиса, и римским католикам приказано было ходить в свою церковь. Мне это не весьма нравилось... но надлежало повиноваться.

Все шло своим чередом в корпусе, сегодня как завтра, завтра как сегодня. После экзамена меня перевели, не взирая на лета, во второй верхний класс и в пятую роту³⁵, из

³⁵ Первая рота, гренадерская, была самая меньшая. Из гренадерской роты переводили во вторую роту (которой тогда командовал подполковник Никита Ва-

которых уже выпускали в офицеры, в артиллерию и в свиту его императорского величества, по квартирмейстерской части (ныне Главный штаб его императорского величества). Пятою ротою командовал прежний капитан мой, Шепетковский, произведенный в майоры. Положение мое, в отношении моего благосостояния, нисколько не переменилось. Шепетковский был так же добр и ласков, как и Ранефт, и офицеры были люди снисходительные. Во втором верхнем классе я стал обучаться долговременной фортификации и артиллерии (с черчением), ситуации (снятию мест с натуры), высшей математике, физике, уже в слиянии ее с химией, и вообще всем наукам высшего курса. Русскую литературу преподавал здесь Железников, который принял меня весьма хорошо, по особой рекомендации Лантинга.

Говоря о Первом кадетском корпусе, нельзя не вспомнить об Андрее Петровиче Боброве. В мое время он был простым канониром, потом унтер-офицером корпусной полиции, после того произведен в чиновники 14 класса, а наконец сделан корпусным экономом. Замечательное лицо Андрей Петрович Бобров! Это образец русского добродушия, русской сметливости, смышленности и умения пройти сквозь огонь и воду не ожегшись и на замочившись. Бобров скончался в

сильевич Арсеньев), и в третью роту майора Ранефта. Из третьей роты переводили в пятую, а из второй в четвертую, которой командовал полковник Готовцев, а капитаном был Михаил Степанович Перский, бывший потом инспектором классов и директором корпуса. В последствии (уже без меня) четвертая рота названа первой и гренадерской. Из четвертой и пятой роты выпускали в офицеры.

чине статского советника, с Владимирским крестом на шее, любимый и уважаемый и начальниками и подчиненными, а особенно любимый кадетами. Он умел так вести дело, что, не взирая на удвоившийся комплект кадетов и на возвышение цен на съестные припасы, при равенстве расходных сумм, кадеты во время его экономства имели лучшую пищу, нежели тогда, когда на экономстве восседали люди высшей породы, а впоследствии весьма богатые. Офицерское кушанье было таково, что холостякам вовсе не нужно было обедать и ужинать в трактирах. Бобров чрезвычайно любил кадет, с которыми провел всю свою жизнь, и невзирая на проказы с ним, никогда не жаловался на кадет, а угождал им, как мог. У него всегда были в запасе булки и пироги для тех, которые, будучи оставлены без обеда за шалость, прибегали к его добродушию. Но в таком случае надлежало его убаюкать и обещать раскаяние и исправление. Притворяясь сердитым и непреклонным, Бобров оставлял пирог или булку на столе, и уходил в другую комнату, крича: "извольте убираться!" Кадет брал съестное, и уходил. Это, что называется, *sauvez les appar Fences!* Некоторым бедным, но отличным кадетам Бобров помогал деньгами при выпуске их в офицеры. Величайшею его радостью, живейшим наслаждением было, когда воспитанник корпуса, после нескольких лет службы, по выпуске, навещал его, чтоб сказать ему доброе слово.

Проезжая, однажды, мимо корпуса, не задолго до его кончины, мне вздумалось завернуть к Боброву – и я, в каче-

стве старого воспитанника, сказал, что приехал поблагодарить его за попечение о моем детстве, и припомнил ему, как он, быв еще полицейским унтер-офицером, поймал меня ночью на галерее с шутихой, и на обещанье мое отречься навсегда от любви моей к фейерверкам, не пожаловался на меня дежурному офицеру, а только отнял мои снаряды, и тем избавил меня от неизбежного наказания. Бобров расплакался, как дитя, от радости. "Вы помните это, вы не забыли этой мелочи!" говорил сквозь слезы добрый старик, обнимая и прижимая меня к сердцу. Потом он засуетился, вздумал угощать меня, хотел непременно влить в меня несколько самоваров чаю, выдвинул целую корзину вина, и я принужден был силою вырваться от него, и бежать от его радушия не оглядываясь. Ну, уж это русское радушие! Не одного свело оно в могилу. Бобров не оставил после себя состояния, следовательно, некому воспевать и прославлять его. Племянник его, бедный чиновник, добывавший лишнюю копейку деланием бумажных коробочек, вне службы, похоронил на свой счет дядю, через руки которого прошли казенные миллионы! Кладу цветок на могилу доброго человека.

Когда в первом корпусе был театр, когда кадеты танцевали на придворных балах и отличались на придворных каруселях, тогда весь город обращал внимание на корпус. Когда же он ограничился своей внутренней деятельностью, в городе почти позабыли о нем. И вдруг все заговорили о корпусе! Что это такое? Объявлено в афишах и в газетах, что в кор-

пусе будет спущен *воздушный шар*, и что на нем взлетят на воздух, кроме хозяина шара, несколько любителей физических опытов. В корпусном саду, т. е. на плац-параде, где бывает ученье, стали строить огромный амфитеатр, привлекавший множество любопытных. Некто Черни, кажется родом богемец, затеял это предприятие. Это было время, близкое к изобретению *воздухоплавания* Монгольфьером и к усовершенствованию его опытами Бланшара. Вся Европа говорила об этом, как теперь о железных дорогах, и на воздухоплавание полагали несбыточные надежды. Предприятие Черни взволновало Петербург, и еще до окончательной постройки цирка все первые места были разобраны. Это было осенью (кажется, 1803 года). Наконец настал день, назначенный для воздушного путешествия. Бывший полковник в лейб-гусарском полку, индийский³⁶ князь Визапур, со своим темно-оливковым лицом (почти черным) и кудрявыми волосами, расхаживал посреди цирка, между множеством гвардейских офицеров и первых щеголей столицы, привлекая на себя общее внимание. На него смотрели с удивлением и каким-то тайным страхом. Он получил позволение подняться на воздух, вместе с Черни. Между тем, пока съезжалась публика, в первой аллее сада, примыкающей к плац-параду, наполняли шар газом, между четырьмя высокими холстинными щитами, чтоб скрыть от публики шар и приготовитель-

³⁶ В оригинале написано, естественно «индийский», но в данном случае точность вредила бы ясности изложения... – *Изд.*

ные работы. Вокруг этого места выстроена была цепь кадетов с ружьями. Музыка гремела возле богатого павильона, устроенного для царской фамилии. Вдруг раздался треск!..

Это что? Шар лопнул! – закричали в аллее – и эти слова пронеслись по всему амфитеатру и возбудили сильное негодование. Обманщик! – раздалось в толпе, и множество народа бросилось из амфитеатра к аллее, где был шар, и к каске, где миловидная дочь Черни, долженствовавшая также подняться на воздух, продавала билеты. Там также был кадетский караул. Раздраженные зрители хотели приколотить Черни, за то, что вместо воздушного шара он надул публику, а другие хотели только получить обратно свои деньги. Произошел ужасный беспорядок – шум, крик, толкотня; но кадеты отстояли, защитили и самого Черни, и дочь его, и каску, и публика должна была выбраться из сада ни с чем. *Finita la comedia!* Полиция объявила, что на другой день будут выдавать деньги за билеты, в надлежащем порядке.

Кадеты показали себя молодцами: сомкнули ряды и прикладами отогнали дерзких. Помню, что более всех отличился кадет Хомутов, высокий, красивый парень (бывший потом отличным командиром кавалерийского полка и, кажется, генералом), в защите миловидной дочери Черни, которую охранял также и князь Визапур. Не знаю, что случилось с Черни. Говорили, что он был посажен в тюрьму, и будто открылось по следствию, что он нарочно так устроил дело, чтобы шар лопнул; но верно то, что он не возвратил и десятой части

собранных им денег. Многие богатые люди вовсе не посылали за деньгами; другие послали и, не добившись толку, посмеялись и забыли; прочие посерделись, побранили немца, и замолчали. Худо то, что Черни несправедливо разглашал, будто часть кассы его разграбили, когда никто не прикоснулся к ней. Черни умер в Петербурге, но миловидная дочь его скоро утешилась от всех случившихся с ней горестей. Она долго щеголяла по Петербургу, под покровительством добрых людей, страдающих несчастной красотке.

После этого приехал в Петербург известный воздухоплаватель Гарнерен, и также возвестил, что взлетит на воздух из корпусного сада. Он исполнил дело свое мастерски, без дальнейших приготовлений, без постройки цирка. Удивительное зрелище *воздушный шар!* Истинная характеристика нравственной природы человека! Гарнерен поднимался в воздух, кажется, три раза. В одном воздухоплавании сопровождала ему жена его; в другом взлетал с ним помощник его, мусье Александр, красивый, видный мужчина, удивительной смелости и расторопности. На огромной высоте он завернулся в сеть парашюта, и выпрыгнул из лодки. Сердца зрителей вздрогнули. Несколько времени он, в падении, вертелся как брошенный камень; многим дамам сделалось дурно, все ожидали несчастной развязки, и вдруг парашют распустился, и понесся медленно на землю. Раздались рукоплескания, крики ура – и парашют опустился на корпусном дворе, однако же не без опасности, потому что, в самом углу, едва не за-

цепился концом о кровлю. Мусье Александр, ступив на землю, выпутался ловко из сети парашюта, подпрыгнул, щелкнул пальцами, и воскликнул: «на этот раз спасен!»

С Гарнеренем в третий раз поднимался в воздух генерал Л-в, человек любезный в обществе, *bon vivant*, всем тогда известный в Петербурге. На этот счет ходили тогда по городу, нельзя сказать стихи, а рифмованная шутка:

Генерал Л-в
Взлетел до облаков,
Просит богов
Об уплате долгов.
На землю возвратился,
Ни с кем не расплатился!

Этой шуткой и правда дошла до императора Александра, и он, посмеявшись, велел заплатить долги генерала Л-ва, приказав ему сказать, что это последние деньги, которые посыпались на него с неба!

Из внешних событий, имевших влияние на корпус, припомню только празднование (в 1803 году) *столетия* от основания Петербурга. Мы участвовали только в общем параде войск, вокруг монумента Петра Великого, на Исаакиевской площади, и слушали молебствие под открытым небом. Наш корпус, уже одетый по новой форме, в киверах и коротких мундирах, стоял возле самого монумента, на *первом* месте. Это было впервые, что корпус был в параде вместе с полками

гвардии и армии, и до моего выпуска в другой раз это не повторялось. – Из нововведений по фронтовой части помнятся мне два. У нас прежде не было музыки, а были только *кларнетисты*³⁷, в каждой роте по одному. Когда роты учились отдельно, один кларнетист играл известный *Дессауский марш*, Фридриха Великого, а при батальонном ученье кларнетисты играли вместе. При императоре Александре Павловиче в полках заведена музыка, и цесаревич доставил это удовольствие корпусу. В это же время кадетов стали обучать стрельбе холостыми зарядами. Прежде того знали только ружейные приемы, но не умели заряжать ружья порохом. По учебной части введено важное улучшение. М.С.Перский, человек отлично образованный, произведен, поновому положению, из капитанов в подполковники, и назначен инспектором классов. По его представлению, при первом верхнем классе учреждено было отделение, в особой комнате, для чертежной и вообще для занятия высшими военными науками и математикой. Туда поступали лучшие ученики. Класс этот назывался офицерским отделением. Цесаревич в.к. Константин Павлович доставил еще два благодеяния корпусу. По его представительству стали выпускать из корпуса в гвардию, офицерскими чинами, и недостаточным кадетам, выпускаемым в артиллерию и в армию, назначено денежное пособие на об-

³⁷ Так было во всех немецких войсках, и теперь, в обыкновенном разговорном немецком языке и в шведском, полковые музыканты называются *кларнетистами*.

мундировку.

Но самый важный нравственный переворот в корпусе, т. е. между кадетами, которые хотели что-либо знать, произвело издание П.С.Железниковым классной книги (Lesebuch), под заглавием: *Сокращенная Библиотека* (в 4 частях). Это избранные места и отрывки (имеющие полный смысл) из лучших русских писателей (в стихах и прозе), из древних классиков и знаменитейших французских, немецких и английских старых и новых писателей, в отличных переводах. Железников извлек, так сказать, эссенцию из древней и новой философии, с применениями к обязанностям гражданина и воина, выбрал самые плодотворные зерна, для посева их в уме и сердце юношества. Различные отрывки в этой книге заставляли нас размышлять, изоощрять собственный разум и искать в полных сочинениях *продолжения* и окончания предложений, понравившихся нам в отрывках. Кроме того, в *Сокращенной Библиотеке* мы находили образцы слога и языка, примеры систематического изложения мыслей и примеры гражданского и военного красноречия. Книга эта была для нас путеводительною звездю на мрачном горизонте, и сильно содействовала умственному нашему развитию и водворению любви к просвещению.

ГЛАВА II

Петербургское общество при начале царствования императора Александра. – Первенство любезности и барства в роде Нарышкиных. – Неподвижные звезды на горизонте общества. – Благодетельные государственные учреждения и высокое направление. – Страсть к увеселениям. – Театры. – Музыкальное собрание. – Маскарады Фельета. – Загородные праздники и шлюпки. – Дешевизна. – Граф Валицкий и слухи о его приключениях. – Волокитство за фортуной. – Парижские разбойники. – Оригиналы, или эксцентрики. – Польский пан и венгерский магнат. – Va-banque! – Гордость против гордости, или претендент короны польской. – Характеристика Мирабо и Лафайета. Образец светского человека. – Выпуск из корпуса. – Цены тогдашней обмундировки.

Каждое воскресенье и во все праздничные дни матушка брала меня со двора, и я снова заглянул в свет, который не существовал для меня за корпусными стенами. Я уже был не ребенок, и мог многое понимать; однако ж, многое виденное и слышанное тогда, сделалось для меня ясным уже впоследствии, когда я мог рассуждать основательно и сравнивать.

Все приняло другой вид, и самая жизнь петербургского общества изменилась со вступлением на престол импе-

ратора Александра. Блистательная звезда двора императрицы Екатерины II закатилась: Лев Александрович Нарышкин уже лежал в могиле. Поступив ко двору в первой молодости, при императрице Елисавете Петровне, он по знатности своего рода, по богатству, по уму и характеру занимал всегда почетное место и, сохраняя всегда милость царствующих особ, пользовался даже особенной доверенностью императора Петра III, и дожил до глубокой старости, сохранив всю свою любезность и все предания утонченности придворных обычаев. Я слышал от близких к нему людей много весьма любопытного из рассказов Л.А.Нарышкина о прошлых временах. Он сопровождал императора Петра III в Шлиссельбургскую крепость, для свидания с бывшим в колыбели императором Иоанном Антоновичем, видел его и слышал его речи. Л.А.Нарышкин говорил, что Иоанн Антонович был красавец, имел прекрасные голубые глаза с черными ресницами и белокурые волосы, остриженные в кружок, по-русски. Природный ум отзывался в его словах. Быв очевидным свидетелем восшествия на престол императрицы Екатерины II, и зная лично всех людей, игравших первую роль в государстве, Л.А.Нарышкин помнил множество анекдотов, которые в конце своей жизни рассказывал своим приближенным. Жаль, что все это пропало для истории! Даже князь Потемкин-Таврический не был горд перед Л.А.Нарышкиным, и, напротив, искал его приязни, потому что он был истинным патриархом и коноводом высшего общества столицы, кото-

рое, при всей своей уклончивости, поражало иногда высокочек стрелами эпиграмм.

После смерти Л.А.Нарышкина не было, так сказать, *главы* в обществе, но сыновья его сохранили принадлежащее им первенство, потому что никто не мог подражать Нарышкинской манере. Были им равные родом и высшие богатством, но никто не умел быть в такой степени *барин* (*grand seigneur*), как Лев Александрович Нарышкин и сыновья его, Александр Львович и Дмитрий Львович, никто не мог с необыкновенною простотою в обхождении соединить такой благородный тон и самой фамильярностью внушать к себе уважение, как Нарышкины. Александр Львович жил открыто: дом его называли *Афинами*. Тут собиралось все умное и талантливое в столице, а между ими ум хозяина рассыпался ежедневно искрами, которые иногда больно обжигали глупую гордость и неуместное чванство, но большею частью возбуждали веселость. Дмитрий Львович, муж первой красавицы в столице, изобиловавшей красавицами, жил также *барин*ом, но в другом роде. Балы его и праздники имели более официальности и менее той благородной свободы, которая составляет всю прелесть общества. Дмитрий Александрович приглашал гостей, а у Александра Львовича дом всегда был полон друзей и приверженцев. Дом князя Алексея Борисовича Куракина приманивал к себе необыкновенною любезностью хозяйки, княгини Натальи Ивановны. В доме графа Александра Сергеевича Строганова, невестка его, графиня

Софья Владимировна, привлекала общество своим искренним радушием. Словом, в петербургском обществе были, так сказать неподвижные звезды, солнца, к которым каждому образованному дворянину или таланту можно было пристать в спутники, т. е. были древние фамилии, исполнявшие законы гостеприимства по древним обычаям. Новые вельможи хотели, но не умели подражать русскому барству. Выскочки всегда боятся унизиться или скомпрометироваться, допуская свободу в своем обществе, а вечный этикет порождает скуку. Вообще, едва ли петербургское общество было когда-либо в такой сильной степени расположено к веселой и открытой жизни, как в начале царствования императора Александра. Все сердца наполнены были какою-то сладостною надеждою, какими-то радостными ожиданиями, и каждый день, порождая какое-нибудь новое добро, освежал душу, воспламенял сильнее любовь к благодушному государю и привлекал к наслаждению жизнью.

Россия жаждала мира с Англией, без которой не могла обойтись тогда ни привозная, ни отпускная русская торговля – и с восшествием на престол императора Александра Павловича, коммерческие и политические сношения России с Франциею и Англиею возобновились, в ожидании заключения трактата, долженствовавшего утвердить всеобщий, прочный мир в Европе. Множество знатных иностранцев приезжали в Петербург, единственно с той целью, чтобы увидеть государя, на которого вся монархическая Евро-

па полагала свои надежды, прославляя все новые меры юного императора. Права и преимущества русского дворянства (дарованные в 1785 году) снова были подтверждены, и произвели общий восторг. Тайная экспедиция уничтожена. Не только все ссылочные не за уголовные преступления, но даже и многие преступники, не закоренелые, а вовлеченные в преступление страстями, прощены, и назначена ревизия для всех вообще ссылочных, между которыми найдены безвинные. Задолжавшим в казну, по несчастным обстоятельствам, прощены долги. Благодетельное городовое положение снова введено в силу, и возобновлены в городах Думы, Магистраты и Управы благочиния. Иностранцам позволено снова въезжать в Россию и жить в ней свободно, а русским по произволу выезжать в чужие края. Духовенство, даже в уголовных преступлениях, избавлено от телесного наказания. Уничтожены не только пытка, но и всякое истязание при допросах, даже в уголовных делах, и конфискация имущества преступников. Дозволено купечеству, мещанству и крестьянскому сословию приобретать земли в вечное владение, и учреждено сословие свободных хлебопашцев, с позволением увольнять целые поместья. Учреждены университеты, Педагогический институт, гимназии и приходские училища. Обращено особенное внимание на основание порядка в государственных финансах, на поощрение земледелия, торговли и промышленности. Учреждены, на прочных правилах, американская и беломорская компании, и выслано первое путешествие во-

круг Света, под начальством Крузенштерна. Войско получило новое преобразование, на основании введенной императором Павлом Петровичем дисциплины, смягченной правильным течением службы... и все это исполнилось в три года, от 12-го марта 1801 до 1804 года!..

Государю было всего двадцать семь лет от рождения. Он был и добр, и прекрасен, и среди важных государственных занятий снисходил к желанию обожавших его подданных, и посещал и частные и публичные собрания. В конце царствования императрицы Екатерины II, Французская революция нагнала мрачные облака на все европейские дворы, и политические события, тревожа умы, не располагали к веселью. Меры предосторожности отразились и на частных обществах, и везде как-то приутихли. Наконец, сильная рука гениального Наполеона Бонапарте, провозглашенного пожизненным Консулом, оковала гидру Французской революции. Во Франции восстановлены религия и гражданский порядок, и все европейские державы трактовали в Амьене о заключении общего и прочного мира. Никаких опасностей не предвиделось ни внутри, ни извне; ожившая торговля рассыпала деньги; везде было довольство, и люди, как будто после болезни, спешили наслаждаться жизнью!

В Петербурге были превосходные театральные труппы: русская, французская, немецкая, итальянская опера, некоторое время даже польская труппа, под управлением антрепренера Кажинского (отца отличного музыканта и композитора,

Виктора Кажинского, ныне проживающего в Петербурге), и, наконец, знаменитая балетная труппа. На русской сцене давали трагедии, комедии, водевили и оперы; на французской также трагедии, комедии, водевили и комические оперы; на немецкой сцене – трагедии и комедии. Итальянская опера была отличная. Примадонна Манджолетти, теноры Пасква и Ронкони, буффо Ненчини и Замбони почитались *первыми* в Европе. Наш трагик Яковлев и трагическая актриса Катерина Семеновна Семенова, комики: Бобров, Рыкалов, Воробьев, певцы Самойлов и Гуляев, певица Сандунова и множество прелестных актрис были бы отличными и в самом Париже. Фелис-Андрие была первой певицей французской оперы. В балете мы имели первого европейского танцора Дюпора, знаменитого Огюста, балетмейстера Дидло и наших танцовщиц, не уступавших Талиони: Евгению Ивановну Колосову, чудную красавицу Данилову (умершую, как говорили тогда, от любви к неверному Дюпору), Иконину и потом Истомину.

Словом, в отношении изящества, Петербург не уступал Парижу, и, что всего важнее, директором театров был *знатный барин*, умный, образованный, ласковый, приветливый Александр Львович Нарышкин! В нынешнем доме Косиковского (у Полицейского моста) было *Музыкальное собрание*, которого членами были сам государь и все высокие особы августейшего семейства, а за ними, разумеется, и вся знать. Тут бывали концерты и блистательные балы. В доме графа Кушелева, француз Фельет, в огромных залах, давал

маскарады, которые также посещаемы были всем высшим сословием. Все знатные и богатые люди имели собственные шлюпки или катера, богато изукрашенные: в хорошую погоду Нева была ими покрыта, и воздух оглашался русскими песнями, прекрасно исполняемыми удалыми гребцами. Каждый хороший летний вечер был праздник для всего города, и толпы горожан расходились по барским дачам, на которых веселились любимцы фортуны.

Дешевизна была удивительная! Тогда вся молодежь лучших фамилий и все гвардейские офицеры ходили в партер (где ныне кресла), и за вход платили *один рубль медью*. Было только несколько первых рядов кресел, и кресла стоили два рубля с полтиной медью. За вход в маскарад платили рубль медью. Отличный обед, с пивом, можно было иметь у Френцеля (на Невском проспекте, рядом с домом Строганова) и в трактире *Мыс Доброй Надежды* (где Физионотип, в Большой Морской), за пятьдесят копеек медью. За два и за три рубля медью можно было иметь обед гастрономический, с вином и десертом, у Юге (в Демутовом трактире), Тардифа (в *Hotel de l'Europe*, на углу Невского проспекта, в нынешнем доме Грефа, а потом в доме Кушелева) и у Фельета, содержателя маскарадов. Помню, что в маскараде за жареного рябчика платили по 25 и 30 копеек медью, за бутылку шампанского по два рубля! Фунт кофе стоил в лавках сорок копеек, фунт сахара полтина медью. Обыкновенное хорошее столовое вино продавали по сорока копеек и по полтине. Француз-

ских и английских товаров была бездна, и они продавались втрое дешевле, чем ныне продаются московские *кустарные*-произведения с *казовым концом*, т. е. *напоказ* плохое, а внутри вовсе негодное!

В это время, между 1804 и 1806 годом, появился в петербургском высшем обществе человек, способствовавший мне узнать лучшее общество, человек необыкновенный во всех отношениях, и до сих пор оставшийся неразгаданным. О нем я должен упомянуть, как о явлении весьма редком.

В наше время, когда гражданское общество, быв взволновано, как море, вошло в прежнее свое ложе и сверх того подчинилось аргусовым взглядам книгопечатания, уже не может быть подобного явления: мы теперь или все знаем, или хотим все знать, и если не можем проникнуть истины, то лжем и клеветим, чтоб, только показаться всезнающими. Тогда люди были снисходительнее и беспечнее: спешили жить, так сказать, бежали вперед, и редко оглядывались; каждый заботился о своем спокойствии и наслаждении, не беспокоя никого, и общество не составляло индийской касты, недоступной неодоленному. Дворянство всех стран признавало всех своих сочленов равными. Очерки границ на географических картах часто изменялись, и старинные члены государства не смели пренебрегать *новыми* соотечичами и даже чужеземцами, находя в них все условия хорошего общества. Но обратимся к человеку, который мог бы быть героем весьма занимательного романа, если бы жизнь его была вполне

известна.

Валицкий, польский шляхтич хорошей старинной, но обедневшей фамилии, воспитывался в Могилеве, на счет дяди моего (старшего брата моей матери), Крайчаго (т. е. кравчего) Литовского, Бучинского, будучи родственником (не знаю, в какой степени) фамилии Бучинских, и, оказав необыкновенные способности в науках, обладал необыкновенным природным умом. По окончании воспитания, дядя мой, по тогдашнему обычаю, подарил Валицкому бричку, четыре лошади, саблю, ружье, пару пистолетов; дал кучера и мальчика для прислуги; снабдил постелью, бельем и несколькими парами платья, и, вручив сто червонцев и несколько рекомендательных писем в Вильну и Варшаву, отправил молодого человека в путь, как говорится, куда глаза глядят, на все четыре стороны. Так велось в старинной Польше. Бедные дворяне, родственники или чужие, воспитывались на счет богатых, и потом, с подобным приданым, отправляемы были в свет, для искания счастья, или, как говорили поляки: *на волокитство за фортуной* (w umizgi do fortuny). У некоторых старых поляков был еще обычай, перед отправлением в свет своих питомцев, растянуть их на ковре, в гостиной, т. е. в лучшей комнате своего дома, и влупить сто ударов плетью (sto bizunow), ни за что, ни про что, без всякой вины, единственно для внушения осторожности и притупления гордости!

Но с Валицким этого не сделали.

Получив благословение и благие советы, он отправился в путь, незадолго до присоединения Белоруссии к России. Ему было тогда лет восемнадцать от рождения. С этих пор он пропал без вести, исчез как камень, брошенный в воду, и появился в Варшаве, после двадцатилетнего отсутствия из Польши, в начале Польской революции, графом и богатейшим человеком. Графство купил Валицкий в каком-то итальянском владении, и король Польский признал его в этом достоинстве, следовательно, он был *не самозванец*, как некоторые утверждали. Король, за пожертвование значительных сумм в пользу учебных заведений, наградил его орденом Св. Станислава первой степени. Мало того, что он был графом и миллионщиком, он находился в самых приятельских отношениях с значительнейшими фамилиями в Италии, Франции, Англии и Германии, и его хорошо принимали при многих дворах. Речь, тон, манеры, образ жизни, все обнаруживало в Валицком человека, привыкшего к высшему обществу, а жил он, как настоящий герцог времен Людовика XIV. Все терялись в догадках насчет приобретения Валицким богатства, и все старались приобрести его дружбу или благосклонность, потому что обеды его были знамениты во всей Европе, щедрость изумительная, обхождение самое приятное, вкус во всем изящный, красноречие увлекательное и нрав самый веселый и уживчивый. Он был всю жизнь холост, но принимал и дамское общество, избирая для каждого бала новую хозяйку из высшего общества. В доме у Валицкого играли в

карты, и он играл превосходно во все игры, выигрывал большие суммы, но и проигрывал иногда, и играл чисто, честно и приятно, был, как говорится, beau joueur, что тогда почиталось важным качеством в светском человеке. Общее мнение утверждало, что Валицкий составил себе богатство играю, но где и как – этого никто не знал наверное. Мне рассказывали, что несколько раз знаменитые шулеры, т. е. фальшивые игроки, составляли против него заговоры, чтобы обыграть его *навверную*, и всегда платили за это дорого!

Centre coquin, coquin et demi, говаривал Валицкий, и очищал до копейки шулеров, наказывая их за дерзкое покушение. Иногда он возвращал деньги некоторым шулерам, если они ему нравились, а чаще отдавал выигранное на бедных, не желая пользоваться, по его словам, *штуками*, употребляемыми для наказания неприятелей!

Не знаю, был ли таков Валицкий *всегда*, т. е. когда был беден; в последнее время, т. е. когда он выступил на светское поприще богачом, общее мнение утверждало, что он играл честно, но чрезвычайно искусно и *счастливо*, и каждый, почитавший себя хорошим игроком, смело садился с ним за карточный стол. В течение двадцати лет после возвращения Валицкого в отечество, даже зависть не могла бросить тени на его поведение, а репутация его оставалась неприкосновенной. Клевета истощала весь свой яд на неизвестный, тайный период жизни Валицкого: верного не было ничего.

Говорят, что он уже в глубокой старости, поселившись в

Вильне, открыл все тайны своей жизни генералу Коссаковскому, с которым жил в тесной дружбе. Но эти тайны погребены вместе с обоими друзьями в могиле! Некоторые *данные*, однако ж, остались в памяти людей, и, доискиваясь математически *неизвестного*, по нескольким *известным*, кое-что открыто. Были люди, которые видывали Валицкого в различные эпохи и в разных краях, и он сам никогда не запирался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако ж, подробностей, и не распространяясь в рассказах. Например, Валицкого спросили: «Правда ли, что князь Фр. Сап. встретил вас в крайней бедности, в Галиции?» – «Правда, отвечал Валицкий: я был без куска хлеба и без гроша денег, и князь сделал мне добро, которого я никогда не забуду». – «Как это было?» На этот вопрос Валицкий уже не отвечал, а отделывался обыкновенными фразами: это для вас не интересно, а для меня скучно, и т. п.

Верно то, что Валицкий имел смолоду страсть и необыкновенные способности к карточной игре, а как тогда *все и везде* играли, и азартные игры были не запрещены, то во всех трактирах и кофейнях, в больших и малых городах, метал банк и штос, и повсюду были целые шайки игроков, которые разъезжали по ярмаркам, как купцы с товарами, плелись за войском, как маркитанты, имели в городах свои открытые залы, и не стыдились своего ремесла. Еще я помню, в Вильне, так называемую, *Серебряную залу*, в доме генеральши Фитингоф, и в Варшаве (когда после Парижско-

го мира была там главная квартира князя Барклая де Толли, до провозглашения Царства Польского) залу г-жи Нейман (pani Neumanowey), в Hotel de Hambourg, где *каждый вечер* метали банк и играли в штос, на нескольких столах, и где были в *обороте* сотни тысяч рублей! Многие полагали даже, что публичная игра, хотя и противна правилам порядка и нравственности, однако ж не производит столько бедствий, как игра тайная, в которой несколько шулеров, сговорившись, просто грабят неопытных или страстных игроков. На публичной игре трудно обманывать, потому что одни шулеры наблюдают за другими, и тотчас воспользуются случаем, узнав средства обмана. Валицкий, пустившись в свет искать счастья, стал играть в карты, выигрывал, проигрывал, и наконец доигрался до того, что в Лемберге остался совершенно на мели, и, как говорили, должен был, ради насущного хлеба, определиться в маркеры в трактире.

В то время между богатыми и знатными людьми было весьма много людей оригинальных, или, как ныне говорят, *эксцентрических*, т. е. людей, которые жили особой жизнью, вопреки своему рождению и состоянию, искали повсюду приключений, и большую часть жизни проводили в странствиях, инкогнито, мешаясь со всеми сословиями, посещая места самые низкие, и находя единственное наслаждение в сильных ощущениях, в внезапностях, в необыкновенных событиях, подвергаясь даже опасностям. Таков был и князь Фр. Сап., принадлежавший по рождению и богатству к раз-

ряду первых польских панов. В первой своей молодости он уже был главным начальником артиллерии литовской (генералом от артиллерии), получив это важное звание не заслугою, потому что он вовсе не служил, а милостью короля, желавшего склонить сильную партию его фамилии на свою сторону. Отец князя Фр. Сап. был канцлером. Во время всеобщего восстания в Польше, под начальством Костюшки, князь Фр. Сап. объявил, что он чувствует себя неспособным к такому высокому званию, предложил Костюшке выбрать достойного в генералы артиллерии, и сам поступил в капитаны. Этот поступок обнаруживает характер князя Фр. Сап.

Я знал его лично в Париже, и бывал у него в доме в Вильни и в имении его, в Гродненской губернии. Это был человек необыкновенного просвещения и образованности, умный, острый, милый, любезный в обращении, без малейшей гордости, простодушный и добрый – но чудак! Он терпеть не мог всякой выставки богатства и всякого этикета, редко, только проездом, жила в своем великолепном поместье, и беспрестанно странствовал по Европе, с одним камердинером и запасом банкирских векселей в кармане, посещая игорные дома и все самые сокровенные места в больших городах. Кажется, будто Евгений Сю с него списал тип характера своего князя Родольфа, в *Парижских Тайнах*! И точно, князь Фр. Сап. в течение своей жизни сделал много тайного добра, спас многих несчастных от гибели, в бездне разврата, и даже многих отвлек от преступлений.

Вот пример, каким опасностям подвергался он, удовлетворяя страсти своей к приключениям. Это слышал я от него. В одно из своих путешествий во Францию, он, в дилижансе, познакомился с французом, весьма приятной наружности, хорошего тона и отличного образования. Приехав в Париж, они расстались, но, по какому-то особенному случаю, князь весьма часто встречал своего спутника, то в трактирах за обедом, то на прогулках, то в театре, и, встретясь, иногда проводил с ним целый день, находя удовольствие в его беседе. Ни тот, ни другой не спрашивали друг друга о месте жительства, хотя и знали один другого по фамилии. Француз называл себя графом старинной аристократии. Однажды, когда князь возвратился вечером домой, чтобы переодеться в театр, он нашел записку от своего прежнего спутника, в которой он просил князя заехать к нему на четверть часа, по *весьма важному делу*, не терпящему ни малейшего отлагательства, уведомляя, что он нездоров, и поэтому не может сам явиться, надеясь, впрочем, что князь, по благородству характера, не откажет ему в этом. Князь думал, что верно важное дело состоит в денежном пособии, как это не раз уже с ним случалось, и, взяв с собой несколько сот франков, отправился немедленно по адресу. Князь застал своего знакомого в шлафроке, в комнате, убранной со вкусом. В передней были два лакея. Попросив князя сесть, приятель сказал ему без обиняков, с веселою улыбкою: «Я уже давно волочусь за вами, любезный князь, и наконец достиг своей це-

ли! Вы богаты, а я беден. Мне известно, что у вас в шкатулке несколько сот тысяч франков, и вы должны сейчас же написать к вашему камердинеру, чтоб он отдал ее моему посланному, в противном случае, вы не выйдете отсюда живым...» При этом он позвонил, и из передней вбежали два лакея, а из другой комнаты два человека ужасной физиономии, с пистолетами и кинжалами. Сопротивляться было невозможно, и князь, при своей неустрашимости и своим хладнокровии, беспрекословно исполнил требование разбойников. Один из них немедленно отправился в квартиру князя, а между тем спутник князя продолжал с ним разговор.

"Это, конечно, не вежливо", сказал он: "но ведь эта сумма не разорит вас вконец, а нам даст средство ускользнуть в Америку, от несносного здешнего правосудия, которое не дает нам покоя! Я знаю вас, князь, еще с последнего вашего пребывания в Париже", продолжал он: "и тогда еще хотел *попросить вас поделиться* со мной вашим достатком, но не успел, и должен был удалиться из Парижа, от здешней неотвязной полиции. Вы не поверите, как я обрадовался, встретив вас снова в Париже, и когда узнал, что вы отправляетесь в Седан, для осмотра суконной фабрики барона Нефлиса, поспешил туда перед вами, чтоб иметь удовольствие познакомиться с вами на обратном пути!". – «Но неужели вы, с вашим образованием, не могли избрать лучшего и безопаснейшего средства к существованию?» возразил князь. «Я охотно помог бы вам в этом...» – «Вы и делаете это теперь», от-

вечал, смеясь, разбойник. «Я уже пробовал различные средства к приобретению состояния, но они мне не удавались, и вот теперь я уже связан, и не могу расстаться с моими любезными товарищами», промолвил разбойник, указывая на своих сообщников. «Впрочем», промолвил он: «ремесло хотя опасное, но прибыльное, как вы сами видите! Люди мы не злые, и не убьем вас, потому что вы добровольно покорились, а через час нас уже не будет в Париже...»

Пока они разговаривали таким образом, явился посланный и привез шкатулку. – "Браво!" воскликнул главный мошенник, и, обратясь к князю, сказал: "Вы сделали для нас *много*, и теперь должны довершить доброе дело. Мы вас свяжем, так осторожно, однако ж, чтобы вам не было больно, уложим в постель, завяжем рот, чтобы вы не кричали, и уйдем, а через восемь часов, оставшийся здесь приятель уведомит вашего камердинера, чтобы он освободил вас. Хотя это *несколько неприятно*, но все же лучше, чем быть зарезанным!". Вдруг послышался у дверей стук... Главный разбойник выглянул в переднюю, и, закричав: «nous sommes trahis!» (нам изменили), бросился стремглав в другую комнату, а товарищи его за ним. В комнату вбежал камердинер князя с пистолетами, а с ним целая толпа вооруженных полицейских служителей. Полицейский комиссар, узнав от хозяина дома, что в эту квартиру ведут две лестницы, поставил караул у задних дверей, и эти пять человек разбойников, беглых каторжников, которых давно искала полиция, попа-

лись в западню! Их обезоружили, перевязали, а князю отдали шкатулку, посоветовав быть осторожнее в знакомствах.

Вот каким образом князь избавился от опасности и сохранил деньги. Камердинер его, француз, получив записку князя об отдаче шкатулки в чужие руки, тотчас догадался, что тут скрывается какое-нибудь злоумышление. Сперва он намеревался задержать посланного, но опасался, чтобы из этого не вышло чего-нибудь дурного, потому что князь писал, чтобы прислать шкатулку *немедленно*, без всяких расспросов. Он отдал шкатулку, но с лонлакеем последовал за посланным. Они бежали за фиакром, пока не нашли на улице другого наемного экипажа. Доехав до дома, где происходила эта трагическая сцена, камердинер велел лон-лакею узнать, по какой лестнице посланный понесет шкатулку, а сам поскакал к полицейскому комиссару. По особому счастью, у комиссара была в это время собрана полицейская команда, с которой он намеревался отправиться для обыска одного магазина, где хранилась контрабанда, и помощь князю поспела в самую пору. Но это происшествие вовсе не отучило князя от искания приключений, и он даже говорил, что это одно из самых *приятных воспоминаний в его жизни!* «Вы не можете себе представить», сказал он нам: «Какое блаженство чувствовал я, освобождаясь из этого разбойничьего гнезда! Таких минут нельзя купить за миллионы! Во-первых, деньги, находившиеся в шкатулке, казались мне выигранными; во-вторых, я почувствовал цену жизни, быв на волос от смерти;

а в-третьих, я приобрел друга, в моем верном камердинере». Князь, пересчитав деньги, которые у него были в шкатулке, принудил камердинера взять вексель на эту сумму, и выплатил ее ему по возвращении в отечество.

Таков был человек, который встретил Валицкого в должности маркера, в Лемберге. Разговорившись с ним наедине, и узнав, кто он, князь, зная Бучинских, потому что сам имел огромные поместья в Белоруссии, предложил Валицкому свою помощь, и взял его с собой в Вену, в качестве компаньона. Князь уехал из Вены в Польшу, по делам, а Валицкий остался. Страсть к игре князь не почитал пороком, потому что она обладала им самым в сильной степени, и потому, полюбив Валицкого, он дал ему денег, чтобы, как говорят игроки, *разыграться*.

В каком-то закоулочком трактире, в Вене, Валицкий, в складке с несколькими товарищами, мелкими игроками, метал банк. Было уже полночь. Счастье благоприятствовало банкиру, и карманы понтеров уже опустели. Компания намеревалась закрыть банк, как вдруг вошел в комнату высокий, сухощавый, пожилой человек, с длинными усами, в венгерской меховой шапке, закутанный в широкий венгерский плащ. Он смотрел пристально на игру, и вдруг взял со стола карту, подвинул к банку, и сказал: *ва банк* (*va-banque!* т. е. на весь банк". Товарищи Валицкого смутились, но он ободрил их, и сказал, что будет метать. – «Извольте прежде пересчитать деньги, и положите на стол соответственную сумму»,

сказал один из участников банка. Требование было справедливое, но венгерец не соглашался, и даже сказал, что с ним нет денег, но если они *честные люди*, то должны верить ему на слово. Товарищи Валицкого не соглашались, но он, взглянув пристально на венгерца, прочел в его физиономии какое-то благородство и величие, и сказал товарищам: "Отложите банк в сторону, я один отвечаю этому господину *на слово*, если он вызывает меня *на честь!*" – «Вот это я люблю!» сказал венгерец: «Мечите!» – Валицкий стал метать, и убил карту. Сосчитали деньги, всего было около пятисот червонцев. – «Теперь не угодно ли вам пожаловать со мною, для получения денег», – сказал венгерец. – «Как угодно», – отвечал Валицкий. Товарищи хотели сопровождать его, но венгерец не соглашался, приглашая одного Валицкого; он и в этом уступил венгерцу, невзирая на представления своих приятелей.

Они пошли по венским улицам, и венгерец остановился у великолепного дома, позвонил, и швейцар, в ливрее, отпер дверь и с изъятием уважения посторонился. Венгерец повел Валицкого через ряд великолепных комнат, в кабинет, предшествуемый двумя лакеями со свечами. – "Извольте садиться", сказал венгерец. Валицкий сел. – "Кто вы такой?" спросил венгерец. – "Претендент короны польской!" отвечал находчивый Валицкий, догадавшись, что имеет дело с оригиналом. – "По какому праву?" возразил венгерец. – "По праву рождения", отвечал Валицкий: "Я природный польский

шляхтич по фамилии Валицкий, а вам известно, что каждый польский шляхтич может быть избран в короли!" Венгерец улыбнулся. – "Итак, имею честь рекомендоваться", сказал он: "Я князь Э., магнат венгерский. Вам как претенденту короны польской, а мне, как магнату венгерскому, не следовало бы посещать такие места, как то, в котором мы встретились... но я делаю это, иногда, для рассеяния..." – "А я, по нужде", возразил Валицкий, и рассказал ему всю свою историю. Откровенность, ум и образованность молодого человека понравились магнату, который почитал обязанностью отплатить ему за оказанную доверенность. Отсчитав деньги, магнат простился с новым своим знакомцем, взяв его адрес.

По прошествии нескольких дней, вероятно после справки в полиции или у польского посланника, магнат пригласил Валицкого к себе обедать, и представил своим родственникам и аристократии, как своего приятеля, которому он *обязан*, и в судьбе которого он принимает самое искреннее участие. Валицкий так умел вести себя, что снискал общую благосклонность, и стал домашним в семействе магната, который полюбил его до того, что не мог без него обойтись. Через некоторое время магнату надлежало ехать в Париж с какими-то дипломатическими поручениями. Он взял Валицкого с собою, и ввел его во все дома, в которые сам был приглашаем, и между прочими к княгине Полиньяк, любимице королевы Марии Антуанетты. – Все это рассказывал мне француз Дерон, бывший при Валицком много лет сряду до-

веренным управителем дома. С этих пор прекращаются все подробности о Валицком. Известно только, что он удостоился чести быть представленным к французскому двору, бывал на вечерах у королевы, был хорошо принимаем во всех первых парижских домах, и в это время завел дружеские связи со многими знатными иностранцами, посещавшими Париж, и с членами дипломатического корпуса. Он путешествовал по Италии, по Англии, изъездил всю Германию, en grand seigneur, барином, и возвратился в Париж в начале Французской революции. Слышал я, что он даже имел случай оказать много услуг королевской фамилии, бывшей, при возвращении его в Париж, в несчастном положении, и пользовался особенной доверенностью королевы Марии Антуанетты. Валицкий никогда не вмешивался в политику, и весьма редко разговаривал о ней; но очевидно было, что он был аристократ в душе и монархист по убеждению. Находясь в Париже, во время революции, он знал многих из главных ее участников, и я сам слышал, как он, говоря однажды о Мирабо, сказал: mauvais plaisant et mauvais joueur (т. е. плохой шутник и дурной игрок). Он искренне сожалел о ниспровергнутом старинном порядке вещей во Франции, и вообще ненавидел революционеров. Когда перед ним сказали однажды, что Лафайет мог бы спасти престол и монархию, он с жаром воскликнул: «Никогда! Я знаю очень хорошо Лафайета», промолвил он: «он честный человек, но слаб характером, и в этом совершенно сходен с Костюшкой, с той разницей, что

Костюшко простодушен и искренен, а Лафайет тщеславен, как кокетка!»

Возвратись в отечество графом, Валицкий купил несколько тысяч душ в Гродненской и Виленской губерниях, и между прочим богатое поместье Иезиоры, под Гродно. Он проживал то в Гродном, то в Вильне, а по восшествии на престол императора Александра переехал на житье в Петербург, где имел много знакомств по прежним связям за границей. Он сперва нанимал весь нижний этаж (*rez-dechaussee*) в доме графини Браницкой (ныне князя Юсупова, на Мойке), а потом купил собственный дом (в Большой Морской, на углу Почтамтского переулка, ныне дом г-на Норда), потому только, что прежняя его квартира была не на солнце. Комнаты графа Валицкого меблированы были с величайшим вкусом и великолепием. По возвращении Крузенштерна из путешествия вокруг Света, привезенные товары на кораблях *Надежде* и *Неве* продавались с аукциона в Правлении российско-американской компании (бывшей тогда в Гороховой, между Садовой и Семеновским мостом), и вся знать съезжалась туда ежедневно, покупать или любоваться произведениями Китая и Японии. Граф Валицкий купил лучшие вещи: китайские шелковые обои на несколько больших комнат, множество китайских и японских ваз и разных фарфоровых вещей, которыми были уставлены карнизы сперва в его квартире, а потом в его доме. Кроме того, он имел богатое собрание картин лучших мастеров.

Но что составляло истинное богатство, это множество драгоценных камней и различных галантерейных вещей, которые находились в ящиках, за стеклом, в его кабинете. Коллекция его золотых эмалированных табакерок почиталась, по справедливости, первой в Европе, и между ими находились известные в целом свете двенадцать эмалированных табакерок, с живописью знаменитого Петито. Эти табакерки, как всем известно, принадлежали французскому королю: о них было много толков, но известно, что в революцию множество королевских драгоценностей перешли в частные руки. Несколько столовых сервизов графа Валицкого изумляли богатством и изяществом, и к золотому сервизу, в коралловых черенках ножей и вилок, вставлены были драгоценные камни. Между редкостями графа Валицкого известен целому свету его сапфир, изменявший свой цвет после захождения солнца, и послуживший г-же Жанлис предметом к написанию повести. А кто исчислит коллекцию его шалей, богатейших кружев, и т. п.!

Хотя бы граф Валицкий и не был так любезен, то самое любопытство заставляло бы навещать его, чтоб видеть его редкости. И потому неудивительно, что все петербургское высшее общество навещало его, и что его везде охотно принимали. Все, знавшие Петербург в эту эпоху, верно помнят графа Валицкого. Едва ли можно было найти столь приятного и занимательного человека в беседе, как он. Зная всех важнейших людей в Европе, и быв свидетелем необыкновен-

ных событий, он имел в запасе множество анекдотов и происшествий, которые рассказывал чрезвычайно мило, умея придавать даже серьезным делам лак сатиры. Дамам он рассказывал о Версале, о Трианоне и праздниках Марии Антуанеты, о жизни парижского общества перед революцией, и т. п. Граф Валицкий обладал, кроме того, двумя весьма важными качествами, которые в свете имеют силу волшебных талисманов, а именно: он умел отлично угощать, по всем правилам изящной роскоши и утонченности, и умел к стати дарить. Люди, которые сроду не брали ни от кого и никаких подарков, иногда не могли отказаться от подарка графа Валицкого. Изящный вкус его служил образцом для самых образованных людей, и они с ним совещались при устройстве празднества или бала.

При этих светских добродетелях, граф Валицкий был чрезвычайно благотворителен. Он любил помогать несчастным, и сыпал деньги во все богоугодные заведения. Виленскому университету подарил он богатейшую коллекцию редких камней и минералов, которая носила прозвание *Коллекции Валицкого*; она ныне находится в Университете Св. Владимира, в Киеве. Кроме того, он устроил, в Вильне, фондус для восьми бедных воспитанников, т. е. купил дом, в котором эти воспитанники жили, на полном его содержании, и имели надзирателя. Такой человек уже не принадлежит к толпе!..

При различных догадках об источниках богатства гра-

фа Валицкого, мне кажется, я больше других приближусь к истине, если скажу, что он приобрел богатство торговлей драгоценными камнями (bijouterie), картинами, антиквитами и т. п. Бывая у него в доме во всякое время дня, зная всех его домашних и присматриваясь к ходу дел, я убедился в этом. Все петербургские ювелиры, особенно Г. Дюваль, бывали у него весьма часто по утрам, и то приносили вещи, то брали из ящичков графа Валицкого. Тремон, о котором я говорил выше, занимался у него этим делом, и вел переписку с Парижем, Лондоном, Амстердамом и другими богатыми городами, даже с Константинополем. Через тогдашнего банкира барона Раля переводились за границу и получались оттуда огромные суммы денег.

Все обнаруживало торговлю, которую граф Валицкий вел через других, вел секретно, потому что в то время в обществе охотнее принимали хорошего карточного игрока и умного искателя приключений (aventurier), чем купца. Тогда было правилом, что для дворянина перо и шпага, а для купца аршин и весы, — и два сословия сходились только официально. Тогда аристократия почитала для себя унижительным подряды, торги, откупы, спекуляции, и порядочное дворянство подражало ему. Теперь, во Франции, *денежная аристократия* взяла перевес над породою, и разбогатевшие лавочники затерли потомков крестовых рыцарей и детей наполеоновских героев! Франции всегда подражает Северная Европа, и теперь, у нас, дворянство не только не стыдится торгов-

ли, напротив, люди гордятся оборотами, спекуляциями, подрядами и откупами, как предки наши гордились воинскими или гражданскими подвигами. Полезно ли всеобщее водворение торгового духа во всех сословиях общества? Это важный вопрос, предстоящий разрешению моралистов. В старину, во многих государствах дворянин лишался прав своих, если занимался каким-нибудь *ремеслом*. Разве ремесло, доставляющее честное пропитание, ниже торговли? Все это странности ума человеческого, *bigarroures de l'esprit humain*, которые приобретают важность от духа времени. Если разобрать дело основательно, то трудолюбивому ремесленнику удобнее сохранить чистоту нравов, нежели торговцу, потому что барыши увлекают человека далеко, далеко! Но с духом времени нельзя воевать. – Граф Валицкий в наше время мог бы явно торговать алмазами, и за это еще более был бы уважаем в свете, а тогда он соглашался на то, чтобы люди верили, будто он приобрел состояние играю, чтобы только скрыть свою торговлю.

Еще будучи кадетом, я видел в доме графа Валицкого почти всех тогдашних значительных людей, или людей, имевших вес в обществе. В моей детской простоте, я думал тогда, что под каждым напудренным тупеем скрывается палата ума, и что под каждой звездой на груди живет высокое чувство. С напряжением ума слушал я их речи, досадовал иногда, что не мог отыскать в них премудрости, и приписывал это моей глупости! Впоследствии узнал я смысл француз-

ской поговорки: *l'habit ne fait pas le moine*, и русской поговорки: по платью встречают, а по уму провожают, т. е. узнал, что не все то золото, что блестит, — и разочаровался.

Матушка моя уехала домой, выиграв процесс; сестра вышла замуж и осталась в Петербурге, а я был произведен в офицеры, 11 октября 1806 года. Я готовил себя в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части, но его императорскому высочеству цесаревичу в великом князю Константину Павловичу, нашему главнокомандующему и инспектору всей кавалерии, угодно было взять меня в Уланский имени его высочества полк. Его высочество знал меня еще в корпусе, достаивал часто ласковым словом или шуткой, и потом, во всю жизнь свою, обходился со мной отечески, хотя я иногда, по молодости и ветрености, заслуживал его справедливый гнев. Даже на смертном одре вспомнил он обо мне! Мне не следует судить о долговременной и полезной службе престолу и отечеству столь высокого современного лица; но долг совести принуждает меня сказать, что у его высочества было добрейшее сердце, что душа его чуждалась всякой скрытности, всякой лжи и обмана, и что он был вовсе не злопамятен. Гнев его проходил мгновенно, если он не встречал хитростей и заpiresательства и видел искреннее сознание. Все служившие под его начальством любили его и сохранили к нему привязанность. Он благодетельствовал всем, и делился своим достоянием с нуждающимися. Мало этого: когда его просили, он входил даже в домашние дела,

хлопотал в тяжбах своих подчиненных, мирил их с родственниками, даже принимал на себя сватовство. Он требовал от нас только ревностного исполнения службы и откровенности. Лжецов он презирал.

Какая разница в тогдашних ценах с нынешними! За уланский мундир с шитьем и широкими лампасами красного, т. е. самого дорогого сукна на панталоны, я заплатил только *сорок* рублей ассигнациями, тогдашнему знаменитому военному портному Зеленкову (бывшему потом подрядчиком и откупщиком, и оставившему после смерти миллионы). Тогда в России были только четыре полка, одетые в уланскую форму: наш, конно-польский, конно-литовский и конно-татарский; но название уланов носили только мы. Эполет вовсе не было в русской армии, и мы одни носили их. В магазинах не продавали ни уланских шапок, ни эполет, ни витишкетов. Шапки делали в полку, а прочие вещи на казенной фабрике. Уланская шапка, с широким галуном, эполеты и витишкеты стоили мне вместе сорок пять рублей. Лядунка сто двадцать рублей, шарф шестьдесят рублей ассигнациями. Заметьте, что тогда ни в гвардии, ни в армии не употребляли ни мишур, ни плаке; все было чистое серебро и золото. О мишуре мы не имели понятия. Но относительно к этим вещам, другие мало изменились в цене. Седло со всем прибором стоило, у знаменитого тогда седельника Косова, сто двадцать пять рублей, а за полусапожки со шпорами, первому тогдашнему сапожнику Брейтигаму (кажется, тестю нынешнего Пе-

ля) платили мы пятнадцать рублей ассигнациями. При шапках носили мы высокие белые султаны из перьев, и лучшие были берлинские. За хороший султан надлежало заплатить шестьдесят рублей ассигнациями; необыкновенно высоко, в сравнении с другими ценами. Тогда вообще употребляли английское привозное сукно, и лучшее стоило от семи до девяти рублей аршин. За лошадь заплатил я товарищу моему, корнету Прушинскому, триста рублей ассигнациями. За такую лошадь я дал бы теперь охотно две тысячи рублей!

Я имел обширный круг знакомства при выпуске моем в офицеры, но вступил в свет в такую эпоху, что не мог поддерживать светских связей. В наше время, военному человеку некогда было отличиться на паркете, под звуки очаровательной музыки, в кругу избранных красавиц; мы должны были проводить юность нашу на ратном поле, в бивачном дыму, под свистом пуль и шипением ядер, и ждать ежеминутно объятий смерти. Чудная эпоха, которая не скоро повторится на земле, эпоха истинно мифологическая! Битвы Титанов, общий переворот на земном шаре, падение и восстание царств, столкновение целых народов, ряды героев в их челе – все это мы видели, и участвовали в великих событиях, как капля воды в волнах разъяренного моря. Молодость наша прошла в тяжких трудах, в великих опасностях, и мы рано возмужали. Пролетит еще несколько лет, и много великих дел, совершившихся на наших глазах, уже не будут иметь очевидных свидетелей, перейдут в предания, и мно-

гие юноши с пламенной душой станут нам завидовать! Нам некогда было, в юности, наслаждаться, по каплям, приятно-стью светской утонченности, а в краткие промежутки, между кровавыми битвами и изнурительными походами, мы налету ловили светские радости, и тем выше ценили их!.. Закаленные в боевых трудах и свыкшиеся с опасностями, все наши современники сохранили до поздних лет и крепость тела, и энергию души. Воины Александра и Наполеона, как некогда сподвижники Энея и Агамемнона, обращают на себя внимание *умных людей* нового поколения! Говорю не о себе – я нуль в этом счете, но указываю на людей, и ныне достойно подвизающихся на поприще службы, или оставивших по себе незабвенную память!.. О многих из них я вспомню теперь...

ГЛАВА III

Дух военной молодежи. – Молодечество и удальство. – Образчик тогдашней разгульной жизни. – Гвардейская пехота и конница. – Флот. – Молодецкая жизнь и гибель лейтенантов Давыдова и Хвостова. – Геркулес-Лукин. – Примеры дружбы и самоотвержения. – Избавление Головнина из японского плена. – Уланский его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича полк. – Начало полка. – Беглый взгляд на политическое состояние Европы, предшествовавшее войне 1805 г. – Дюрок в Петербурге. – Общее уважение к нему. – Начало военных действий. – Уничтожение австрийской армии. – Знаменитая ретирада Кутузова из-под Кремса до Вишау. – Русская армия при Ольмюце. – Приход гвардии. – Аустерлицкое сражение. – Уланский его высочества полк в сражении под Аустерлицем. – Причина успеха французов. – Последствия Аустерлицкой победы. – Пресбургский мир. – Твердость императора Александра. – Новая война 1806 г. – Пруссия устремляется против Франции.

«Где друзья минувших лет, Где гусары (или уланы) коренные?» и т. п.

Д. В. Давыдов

Все перешло в предание! Ни следа, ни эха прежних лет!
Кажется, будто два столетия отделяют нас от той эпохи, в которую я вступил в военную службу. Образец русских гусар, первый русский партизан в Отечественную войну, поэт-воин Денис Васильевич Давыдов списал с натуры кавалерийскую жизнь своего времени:

"Я люблю кровавый бой;
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мой золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!"³⁸

Так, в самом деле, думали девять десятых офицеров легкой кавалерии, в начале нынешнего столетия!

Прошу моих читателей заметить, что этими словами я во все не намерен хвалить старину, или приглашать юношество к возобновлению прошлого; напротив, все улучшается и совершенствуется, и в старину много было такого, что забавно только в рассказе, а дурно на деле. Но я обязан рассказать,

³⁸ См. *Стихотворения Дениса Давыдова* Москва. 1832 год. Но лучшее в этом роде не напечатано и осталось в памяти старых воинов. Кто не знает, например, этих стихов: Гусары, братцы, удалыцы, Рубаки, – черт мою взял душу! Я с вами, братцы, молодцы, Я с вами черта не потрушу! Лишь только дайте мне стакан, Позвольте выпить по порядку, Тогда, лоханка – океан! Француза по щеке, как... и проч.

что было!..

Характер, дух и тон военной молодежи и даже пожилых кавалерийских офицеров составляли *молодечество*, или *удальство*. «*Последняя копейка ребром*» и «*жизнь копейка-голова ничего*», – эти поговорки старинной русской удалы были нашим девизом и руководством в жизни. И в войне и в мире мы искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удалством. Попировать, подражаться на саблях, побушевать, где бы не следовало, это входило в состав нашей военной жизни, в мирное время. Молодые кавалерийские офицеры были то же (и сами того не зная), что немецкие бурши,³⁹ и так же вели вечную войну с *рябчиками*(Так, в старину, кавалеристы называли статских или неслужащих, как говорят теперь: *фрачников*.), как бурши с *филистерами*(Немецкие студенты называют *филистерами* всех не принадлежащих к званию студентскому. Слово *филистер* происходит от *фили-стимлян*, т. е. народа проклятого, преданного в жертву народу избранному.).

Эта военно-кавалерийская молодежь не хотела покоряться никакой власти, кроме своей полковой, и беспрерывно противодействовала земской и городской полиции, фланкируя противу их чиновников. Буянство хотя и подвергалось наказанию, но не почиталось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных, условных границ. Стрелялись чрезвычайно редко, только за кровавые обиды,

³⁹ *Бурши* – лихой немецкий студент, повеса и забияка

за дела чести; но рубились за всякую мелочь, за что ныне и не поморщатся. После таких дуэлей наступала обыкновенно мировая, потом пир и дружба. Тогда бы не каждый решился мурлыкать вам в ухо, во время пения какой-нибудь знаменитой певицы, хлопать или шикать в театре, наперекор общему мнению, наступать на ноги без извинения, говорить на ваш счет дерзости, хоть не прямо в лицо, клеветать заочно и распространять клевету намеками. Тогда бы два десятка молодцов вступились за приятеля и товарища, и наказали бы дерзкого и подлого клеветника. Корпус офицеров в полку – это была одна *семья*, родные братья: все у нас было общее – и деньги, и время, и наслаждения, и неприятности, и опасности.

Но от офицера требовалось, чтобы он знал хорошо службу и исполнял ее рачительно. Краеугольными камнями службы, на которых утвержден был порядок и все благоустройство полка, были эскадронные командиры и ротмистры, люди уже в зрелых летах, а иногда и пожилые, опытные, посвятившие жизнь службе, из любви к ней. Большая часть эскадронных командиров и ротмистров были суворовские воины, уже крещенные в пороховом дыму. Они обходились с нами, как обходятся добрые родители с детьми-повесами, но добрыми малыми, прощали нам наши шалости, когда это были лишь вспышки молодости, и требовали только исполнения обязанностей службы, храбрости в деле и сохранения чести мундира. Офицер, который бы изменил своему слову, или

обманул кого бы то ни было, не мог быть терпим в полку. Правда, мы делали долги, но не смели обмануть ни ремесленника, ни купца, ни трактирщика. В крайности офицеры складывались, и уплачивали долг товарища, который в свою очередь выплачивал им, в условленные сроки. Офицерская честь высоко ценилась, хотя эта честь имела свое особенное, условное значение.

Гвардия тогда была малочисленна, и состояла из пехотных полков: Преображенского, Семеновского, Измайловского, одного батальона егерей и кавалерийских полков: Кавалергардского, Лейб-гвардии конного, Гусарского (каждый полк в пять действующих эскадронов, с шестым запасным эскадроном) и Казачьего, в два эскадрона; гвардейская артиллерия состояла из одного батальона в четыре роты. К гвардейскому корпусу принадлежали Лейб-гренадерский полк и наш, Уланский его высочества.

Солдаты в гвардии все были необыкновенно высокого роста и вообще прекрасной наружности. Не трудно было выбрать из всей армии взрослых и красивых людей, для составления нескольких полков гвардии. В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух. Этот корпус офицеров составлял, так сказать, постоянную фалангу высшего общества, непременных танцоров, между тем, как офицеры других полков навещали общество только по временам, наездами. В этих трех полках господствовали придворные обычаи, и общий язык был французский, когда,

напротив, в других полках, между удалой молодежью, хотя и знавшею французский язык, почиталось *неприличием* говорить *между собой* иначе, как по-русски. По-французски позволялось говорить только с иностранцами, с вельможами, с придворными и с дамами, которые всегда были и есть француженки, вследствие первоначального их воспитания. Офицеров, которые употребляли всегда французский язык вместо отечественного, и старались отличать светскою ловкостью и утонченностью обычаев, у нас называли *хрипунами*, оттого, что они старались подражать парижанам в произношении буквы г (grasseyer). Конногвардейский полк был, так сказать, нейтральным, соблюдая смешанные обычаи; но лейб-гусары, измайловцы и лейб-егеря следовали, по большей части, господствующему духу удалства, и жили по-армейски. О лейб-казаках и говорить нечего: в них молодечество было в крови.

Генерал Малютин, командовавший Измайловским полком, отличался в Петербурге старинным русским хлебосольством, молодечеством и удалством. В Измайловском полку были лучшие песенники и плясуны, и как тогда был обычай держать собственные катера, то малютинский катер был знаменит в Петербурге своим роскошным убранством и удалыми гребцами-песенниками. Вот образчик тогдашней жизни. Осенью, 1806 года, в пять часов пополудни, отправился я в Измайловские казармы, чтобы навестить, по обещанию, поручика Бибикова. На половине Вознесенского проспекта

услышал я звуки русской песни и музыки. У Измайловского моста я нашел такие густые толпы народа, что должен был слезть с дрожек и пробираться пешком. Что же я тут увидел! Возле моста, на Фонтанке, стоял катер генерала Малютина. Он сидел в нем с дамами и несколькими мужчинами, а на мосту находились полковые песенники и музыканты, и почти все офицеры измайловского полка, в шинелях⁴⁰ и фуражках, с трубками в зубах. Хоры песенников, т. е. гребцы и полковой хор, то сменялись, то пели вместе, а музыканты играли в промежутки. Шампанское лилось рекой в пивные скатаны, и громогласное *урал* раздавалось под открытым небом. В самое это время, государь-император подъехал, на дрожках, с набережной Фонтанки, шагов за пятьдесят от толпы народа, и спросил у полицейского офицера: «Что это значит?» – «Генерал Малютин гулять изволит!» отвечал полицейский офицер, и государь-император приказал поворотить лошадь, и удалился. Тогда это вовсе не казалось странным, необыкновенным или неприличным. Другие времена, другие нравы! Разумеется, меня схватили под руки и заставили вместе пировать. Часов в восемь вечера, в темноте, почти все мы отправились на катерах, украшенных разноцветными фонарями, на Крестовский остров, с песенниками и музыкой, где, на даче, занимаемой генералом Малютиным только для прогулок, приготовлен был ужин. Мы возвратились домой утром.

Жаль мне, когда я подумаю, как доставалось от наших

⁴⁰ Тогда не было мундирных сюртуков.

молодых повес бедным немецким бюргерам и ремесленникам, которые тогда любили веселиться со своими семействами в трактирах на Крестовском острове, в Екатерингофе и на Красном кабачке. Молодые офицеры ездили туда, как на охоту. Начиналось тем, что заставляли дюжих маменек и тетушек вальсировать до упаду, потом спаивали муженьков, наконец затягивали хором известную немецкую песню: *Freu't euch des Lebens*, упираясь на слова *Pflucke die Rose*, и наступало волокитство, оканчивавшееся обыкновенно батальей. Загородные разъезды содержались тогда лейб-казаками, братьями уланов. Кутили всю ночь, а в 9 часов утра все являлись к разводу, кто в Петербурге, кто в Стрельне, в Петергофе, в Царском Селе, в Гатчине, и как будто ничего не бывало! Через несколько дней приходили в полки жалобы, и виновные тотчас сознавались, по первому спросу, кто был там-то. Лгать было стыдно. На полковых гауптвахтах всегда было тесно от арестованных офицеров, особенно в Стрельне, Петергофе и в Мраморном дворце.

Слава Богу, что всего этого теперь нет, и что это перешло в предание! Должен, однако ж, я сознаться, что никогда и нигде не видал я такой дружбы, как между тогдашними молодыми офицерами гвардейского корпуса, и никогда не встречал так много добрых ребят, благородных и вместе с тем образованных молодых людей. Жили не только весело, но и бестолково; любили, однако ж, и чтение, и театр, и умную беседу. Не знаю как, но на все было время, и служба

шла своим порядком. Во флоте было еще более удалства. Кто не слышал о капитане Лукине и его геркулесовской силе? Насчет Лукина носились самые несбыточные анекдоты, которые хотя бы в существе были и несправедливы, но рисуют дух времени. Чему верили и что рассказывали, то и нравилось. Говорили, что во время пребывания Лукина в Англии, один англичанин заспорил с ним насчет смелости и решительности обоих народов, утверждая, что русский никогда не решится на то, на что покусится англичанин. – "Попробуй", сказал Лукин. – "Вот, например, ты не смеешь отрезать у меня носа!" возразил англичанин. "Почему же нет, если ты захочешь", отвечал Лукин. – "На, режь!" воскликнул англичанин, в энтузиазме. Лукин прехладнокровно взял нож со стола, отрезал у англичанина конец носа, и положил на тарелку. Сказывали, что англичанин, старый и отчаянный моряк, не только не рассердился за это на Лукина, но подружился с ним, и вылечившись, приезжал навестить друга своего, в Кронштадте. – Лукину предложили в Англии кулачный поединок (to box). Вместо одного, он вызвал вдруг лучших четырех боксеров, и каждого из них, по очереди, перекинул через свою голову, ухватив за пояс. – Быв выслан на берег в городе Ширнесе, для приема такелажа, с двадцатью матросами, Лукин вмешался в спор английских моряков с их канонирами, и наконец объявил войну обеим партиям, и в кулачном бою, со своими двадцатью удалцами, прогнал всех. В городе заперли лавки, жители спрятались в домах, и

Лукин, празднуя победу, возвратился на корабль с песнями. Подобных анекдотов о Лукине было множество; но при своем удалстве и гульбе он был добрейший человек.

Лукин командовал кораблем во флоте Сенявина, и бросясь на несколько турецких кораблей, погиб геройской смертью. Покойный государь-император Александр Павлович благодетельствовал семейство Лукина, по просьбе известного всей России и Европе лейб-кучера Ильи, который прежде принадлежал Лукину и питал к нему всегдашнюю привязанность.

Вся гвардия и армия знала о дружбе и похождениях лейтенантов Давыдова и Хвостова, русских Ореста и Пилада, которые и жили и страдали вместе, и дрались отчаянно, и вместе погибли. Флотские лейтенанты Хвостов и Давыдов служили в американской компании, командуя ее судами. Известно, что с Крузенштерном, отправившимся на первое плавание русских вокруг Света, послан был камергер Резанов, в звании посла, для заключения торговых трактатов с Китаем и Япониею. Русских не только не приняли в Японии, но и оскорбили отказом. Находясь в Петропавловском порту, на обратном пути, Резанов за столом сказал, что русская честь требует, чтоб отомстить варварам. В числе гостей были Хвостов и Давыдов. "Дайте только позволение", возразил Хвостов: "а я заставлю японцев раскаяться!" В порыве гнева Резанов написал несколько строк, в виде *позволения*, и отдал Хвостову, который немедленно отправился, с другом своим

Давыдовым, на свой бриг, и велел собираться к походу. На другое утро, когда первый пыл досады прошел, Резанов хотел взять обратно данное им *позволение* отомстить японцам, но уже было поздно. Хвостов не соглашался возвратить бумаги, и немедленно отплыл в Японию. С одним бригом, слабо вооруженным, он наделал столько хлопот японцам, что все их государство пришло в движение, Хвостов и Давыдов брали их суда, делали высадки на берег, жгли города и селения, и только за недостатком боевых припасов возвратились в Петропавловский порт, с богатейшей добычей.

В Петропавловском порту начальствовал тогда известный всему флоту капитан 1-го ранга Бухарин, кончивший самым несчастным образом свое служебное поприще. Тогда в Сибири, Бог весть, что делалось! Бухарин посадил под крепкий караул Хвостова и Давыдова и овладел всем грузом. Хвостов и Давыдов ушли из тюрьмы, и пешком пробрались через всю Сибирь, не показываясь в городах и следуя проселочными дорогами. Они встретились в сибирских пустынях с известным в то время разбойником, начальствовавшим толпою беглецов. Присутствие духа и молодечество Хвостова и Давыдова понравились разбойнику, и он помог им пробраться в Россию. Когда все почитали Хвостова и Давыдова погибшими, они внезапно появились в Петербурге. Разумеется, что их отдали под суд; но государь-император, по благодсти своей, предоставил им средство загладить проступок, и послал их на гребной флот, в Финляндию, которую тогда по-

коряли русские войска. Хвостов и Давыдов вскоре прославились отчаянным мужеством и блистательными подвигами. Имена их были известны в финляндской армии.

В одном морском сражении ядром пробило подводную часть канонирской лодки, на которой находился Хвостов. Он мгновенно сорвал с себя мундир, и заткнул им дыру. Главкомандующий граф Буксгевден привез обоих друзей в главную квартиру, и в награду за их подвиги велел отдать гауптвахте генеральскую почеть. Государь-император, по окончании финляндской войны, простил Хвостова и Давыдова, и они возвратились в Петербург. Вдруг оба они пропали без вести, а как в это же время американский купеческий бриг прошел без осмотра, при сильном ветре, мимо брандвахты, за Кронштадтом, и не заявил бумаг, то многие, зная беспокойный дух Хвостова и Давыдова, полагали, что они, по страсти к приключениям, ушли в Америку. Это казалось тем более вероятным, что шкипер американского брига был приятель Хвостова и Давыдова, оказавших ему услугу в Ситхе. Наряжена была комиссия для исследования дела, но она ничего не открыла.

Два года прошли в неизвестности о судьбе наших храбрых моряков, а на третий год прибыл в Петербург тот же самый американский шкипер. Он объяснил дело. За день до отъезда его из Петербурга в Кронштадт, Хвостов и Давыдов обедали у него, на Васильевском острове. Они пропиروвали долго за полночь, и возвращались, когда уже начали разводиться

Исаакиевский мост. Только один плашкоут был выдвинуть наполовину. – "Воротимся!" сказал американский шкипер, провожавший их. – "Русские не отступают!" возразил Хвостов: "Вперед! Ура!" Хвостов и Давыдов хотели перепрыгнуть через пространство, казавшееся небольшим в темноте, упали в воду – и поминай, как звали! Опасаясь задержки, шкипер тогда промолчал, а люди, разводившие мост, также боялись ответственности, и несчастный случай остался тайной. Замечательно, что тел не выброшено нигде на берег.

Я знал хорошо и Хвостова и Давыдова, и в Финляндскую войну, и в Петербурге. Умные, образованные, прекрасные офицеры, но пылкие и неукротимые молодые люди, поставившие все наслаждения в жизни в том, чтоб играть жизнью!

Может ли быть что трогательнее дружбы П.И.Рикорда (ныне адмирала) и В.М.Головнина (умершего в чине контрадмирала)! Когда Головнин был задержан в Японии, Рикорд решил или умереть, или освободить друга своего из плена варваров, и успел в своем предприятии⁴¹.

⁴¹ Головнин, в чине лейтенанта, командовал шлюпом «Диана», и совершил на нем плаванье вокруг Света. Рикорд, также лейтенант, находился под его начальством. По выступлении в море «Дианы», открылась война с Англией, и «Диану» хотели задержать на мысе Доброй Надежды. Но Головнину удалось уйти. Это избавление принадлежит к блистательным подвигам нашего флота. Прибыв на Камчатку, Головнин должен был ожидать мира с Англией, для возвращения в Европу, и чтобы не терять напрасно времени, занялся описанием и измерением Курильских островов, и по соседству зашел на японский остров Кунашир. Японские начальники притворились приятными, и пригласили Головнина к обеду. Лишь только он вошел в ставку губернатора, Головнина и бывших с ним русских

Геройский дух одушевлял флот наш, и все тогдашние офицеры, которые только имели случай отличиться чем-нибудь, составили себе имя! – Уланы жили в большой дружбе с флотскими, и часто съезжались или в Стрельне, или в Кронштадте. Вся армия одушевлена была тем же духом молодечества, и во всех полках были еще суворовские офицеры и солдаты, покорившие с ним Польшу и прославившие русское имя в Италии. Славное было войско, и скажу, по справедливости, что Уланский его высочества цесаревича Константина Павловича полк был одним из лучших полков по устройству и выбору людей, и по тогдашнему духу времени превосходил другие полки в молодечестве. – Страшно было задеть улана!

Расскажу, каким образом возникли уланы в русском войске. Прежде не было уланских полков. После покорения и раздела Польши, император Павел Петрович, чтобы дать приличное занятие множеству польской шляхты, поручил генералу Домбровскому⁴² устроить конно-польский полк, на

окружили, связали, повлекли в город, и посадили в тюрьму. Это была месть за подвиги Хвостова и Давыдова. Головнин провел три года в тяжелой неволе, пока наконец другу его, П.И.Рикорду, не удалось спасти его. Все это описано в *Путешествии* П.И.Рикорда. Прилагаю отрывки из письма Головнина к Рикорду из плена. Это сообщил мне почтенный и многолюбимый мною П.И.Рикорд. Головнину запрещено было писать в тюрьме. Он предложил написать «Русскую грамматику» для японцев, и ему дали бумагу и чернила. Чтобы скрыть от шпиона, находившегося с ним в тюрьме, что он пишет письма, Головнин на каждом листике надписывал части речи: *имя, местоимение*, и т. д.

⁴² Не тому Домбровскому, который командовал польскими легионами во Франции.

правах и преимуществах прежней польской службы. Полк не получал рекрут, но формировался и комплектовался вольноопределяющимися, на вербунках. Шляхта образовала переднюю шеренгу, и каждый солдат из шляхты назывался *товарищем*. Вторую шеренгу составляли вольноопределяющиеся, не доказавшие шляхетского происхождения, и назывались *шеренговыми*. Служили по *капитуляции*, т. е. вступали в службу на шесть на девять и на двенадцать лет. Унтер-офицеры из *товарищей* назывались *наместниками*, и производились на вакансии в офицеры. Они были одеты, как старинные польские уланы пинской бригады, носили длинные синие куртки, с малиновыми отворотами, синие шаровары с такими же лампасами, уланские шапки, вроде стоячих конфедераток, и запускали волосы до половины шеи, а la Kosciuszko. После, по тому же образцу, сформированы были, вербунками, Конно-литовский и Конно-татарский полки. Все эти три полка были отличные и по выправке, и по устройству, и по храбрости. Они вооружены были карабинами и пиками с флюгером, как уланы; но имени улан не существовало.

В начале 1803 года предположено было сформировать несколько новых кавалерийских полков, и генералу барону Винценгероде, пользовавшемуся особенным благоволением государя-императора, поручено было формирование Одесского гусарского полка. В это же самое время к австрийской миссии в Петербурге прибыл австрийский уланский

офицер граф Пальфи, родом венгерец, молодец и красавец, сложенный, как Аполлон Бельведерский. Уланский мундир в обтяжку сидел на нем бесподобно, и все дамы и мужчины заглядывались на прекрасного улана. Уланский австрийский мундир был усовершенствованный старинный польский уланский наряд, с той разницей, что куртка с тыла была сшита колетом, и не имела на боках отворотов, что она и панталоны были узкие, в обтяжку, и шапка была красивой формы, как нынешние уланские шапки, а при шапке был султан. Его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, носившему звание инспектора всей кавалерии, чрезвычайно понравился этот мундир, и он испросил у государя императора соизволения на формирование уланского полка. Государь-император, согласясь на это, отдал ему Одесский гусарский, еще не сформированный полк, назвав полк именем цесаревича. Полк состоял в инспекции⁴³ генерала Боуера, любимца его высочества, и Боуеру немедленно поручено было выбрать людей из других кавалерийских полков и дополнить лучшими рекрутами. Штаб-квартира полка назначена в местечке Махновке, в Киевской губернии.

Барон Винценгероде был употреблен по дипломатической части, и его высочество избрал в командиры своего полка одного из лучших кавалерийских офицеров русской ар-

⁴³ Тогда вся русская армия, кавалерия и пехота, в мирное время разделена была на инспекции.

мии, шефа знаменитого Тверского драгунского полка, генерал-майора барона Егора Ивановича Меллера-Закомельского. Его высочество с пламенной любовью занялся формированием полка своего имени, и по несколько раз в год ездил в Махновку, а между тем из Петербурга высланы были толпы разных ремесленников, а некоторые выписаны были даже из Австрии, для обмундирования полка.

Обучение людей и выездка лошадей производились успешно. Его высочество находился в непрерывной и постоянной переписке с генералом Меллером-Закомельским, и занимался всеми подробностями по части устройства полка. Случайно сохранилась у меня часть этой переписки, доказывающей и заботливость его высочества о полке, и необыкновенное познание службы, и прямодушие его, и доверенность к генералу Меллеру-Закомельскому. Ездовые его высочества беспрестанно разъезжали между Петербургом и Махновкой, и привозили то офицерские вещи, то деньги в полк. В одном из этих писем к генералу Меллеру-Закомельскому, его высочество сам назначил всех эскадронных командиров полка⁴⁴.

⁴⁴ Полковника графа Андрея Ивановича Гудовича (сына фельдмаршала) командиром лейб-эскадрона; командирами других эскадронов: майора Мезенцова, полковника Перича, полковника графа Мантейфеля, полковника Будаева, полковника Бибикова, полковника Чаликова и майора Раутенфельда. Ротмистры Лорер (Александр Иванович), Ганнеман и Десимон назначены были командовать эскадронами: командирским, полковников Чаликова и графа Мантейфеля. Здесь я должен припомнить, что армейские полки легкой кавалерии состояли тогда из десяти действующих и одиннадцатого запасного эскадрона, и что полк разделял

Атаман Войска Донского, граф Матвей Иванович Платов, дал в полк лучших донских лошадей, а недостающее число куплено было майором Сталинским. Впрочем, донские лошади, как они ни хороши, оказались неспособными для регулярной конницы. Уланское седло, с полным выюком и пистолетами, для донской лошади слишком тяжело, и она никогда не может привыкнуть к мундштуку. Во время атак часто случалось, что донские лошади заносили уланов в середине неприятеля.

В начале весны 1804 года полк был уже сформирован, и его высочество вытребовал в Петербург пятерых офицеров и пятерых унтер-офицеров (преимущественно из дворян), для усовершенствования их в кавалерийской службе, под личным надзором его высочества. Выбрали из полка самых молодых. Из них помню я штабс-ротмистра Вуича и поручика Фаца, с которым я был очень дружен впоследствии. На вахт-парадах взоры всех обращены были на улан, и народ толпился вокруг их на улицах. Его высочество возил их в частные дома, которые он удостаивал своим посещением, и уланский мундир вошел в моду. Его высочество был чрезвычайно доволен, и писал к генералу Меллеру-Закомельскому, от 19 марта 1804 года: "Messieurs les officiers de mon regiment sont arrives il y a de cela une semaine, ainsi que les sous-officiers. Ils sont bien bons, beaux et zeles pour le service, etc., т. е. госпо-

ся на два батальона. В гвардии все полки легкой и тяжелой конницы были в пять эскадронов действующих, с шестым запасным эскадронам.

да офицеры и унтер-офицеры моего полка прибыли сюда за неделю перед сим; они добрые ребята, молодцы и усердны к службе", и проч. Было множество охотников в уланы, и много гвардейских офицеров просили о переводе их в полк его высочества; но он всем отказывал, чтоб (говоря нашим военным языком) не посадить старших другим на голову.

В гвардии и армии офицеры и солдаты были тогда проникнуты каким-то необыкновенным воинским духом, и все с нетерпением ждали войны, которая при тогдашних обстоятельствах могла каждый день вспыхнуть. С самого восшествия на престол императора Александра Павловича, *политический горизонт был покрыт тучами*, по обыкновенному газетному выражению. Тогда во всех петербургских обществах толковали о политике, и даже мы, мелкие корнеты, рассуждали о делах! Это было в духе времени. Существовали две партии: мирная и военная. Одни хотели нейтралитета и мира с Франциею, другие желали союза с Англиею и войны с Франциею. Для пояснения дела я должен припомнить тогдашнее положение дел в европейском политическом мире.

При восшествии на престол императора Александра Павловича, Россия, хотя и была уже в мирных сношениях с Франциею, но мирный трактат еще не был заключен. Император Павел Петрович вооружился против Французской Республики, с великодушною целью восстановления законных престолов не только в Италии, но и в самой Франции, и возвращения Голландии прежней ее самостоятельности. Но

убедившись, что Австрия намеревается завоевать Италию для себя, не приняв плана Суворова к вторжению в южную Францию, и оставив Корсакова в Швейцарии, и что англичане, завладев голландским флотом, всю тяжесть войны сложили на русских, император Павел Петрович отозвал Суворова из Италии и генерала Германа из Голландии, и оставшись нейтральным в отношении к Австрии, объявил войну Англии. С Франциею начались переговоры о мире, коего главными условиями должны были быть восстановления престолов королей Сардинского и Неаполитанского. В этой цели император Павел Петрович выслал обер-егермейстера Василия Ивановича Левашова в Италию, где, после блистательного окончания войны, французы распоряжались как дома, и куда съехались дипломаты разных стран для трактования о мире. Наполеон, приобрев уже особенное благоволение императора Павла Петровича, возвращением без размена русских пленных, одетых и вооруженных на счет Французской Республики, еще более привязал к себе императора блистательным приемом, оказанным Василию Ивановичу Левашеву везде, где находились французские войска, хотя он и не носил звания посла. Василий Иванович Левашов, хотя и не бывал прежде дипломатом, но был человек умный, благородный, с отличной манерой, и знал свет и людей. Он очаровал Мюрата, начальствовавшего французскими войсками в Италии. Города были иллюминированы в честь доверенного лица русского императора; при занимаемых им домах ставили по-

четные караулы, с знаменем, и в честь его давали народные празднества. При заключении мирных условий (6-18 февраля 1801 г.), подписанных Мюратом, существование королевства Неаполитанского, в угождение императору Павлу Петровичу, обеспечено. Насчет других требований производились с Франциею переговоры в Париже, тайным советником Колычевым, и хотя требования России встречали много препятствий, однако ж переговоры не прерывались до самой кончины государя.

В это время первый консул Французской Республики пользовался почти всеобщей любовью и, по крайней мере, всеобщим уважением в Европе. Будучи только полководцем, он не мог ответственность за политику Франции, и из тягостных для Европы войн ему досталась в удел только слава. Ниспровергнув бестолковую директорию и приняв бразды правления, Наполеон начал действовать в духе общего европейского порядка, и приглашал все европейские державы к миру. Презрение его к революционерам, ненависть к буйным правилам революции и его аристократический дух, которым он руководствовался во всех своих нововведениях, старание его ввести во Франции порядок, и сношения с римским престолом о восстановлении Христианской религии – все это привлекало к нему сердца государей и народов, в надежде, что он прекратит политическую горячку Франции, ввергнувшую всю Европу в крайнюю опасность. Наполеон Бонапарте был тогда всемирным героем. Его портреты и эстампы,

изображающие его военные подвиги, продавались во всех городах Европы и украшали стены гостиных всех образованных людей. Тогда была дамская мода носить на груди силуэты любимых особ, и во всех столицах, даже и в Петербурге, многие дамы носили силуэты первого консула Франции. – Император Александр Павлович разделял общее уважение к первому консулу, которого главные выгоды тогдашнего положения основывались на мире с Россиею. Без этого Наполеон никогда не мог надеяться на заключение выгодного мира с Англией.

Для поздравления государя с восшествием на престол, а главное, для выведения образа мыслей государя насчет европейской политики, первый консул выслал в Петербург первого своего любимца, адъютанта Дюрока, бывшего потом герцогом Фриульским и великим маршалом (то же, что министром) двора императорского. Я хорошо помню эту эпоху. Появление Дюрока в Петербурге произвело удивительный эффект. Только и разговоров было что о нем! Видели ли вы Дюрока? говорили ли с Дюроком? это были общие вопросы. Великий князь цесаревич Константин Павлович привозил Дюрока к нам в корпус, и делал перед ним батальонное учение, и Дюрок разговаривал со многими кадетами, знавшими французский язык, расспрашивал о науках, и вообще был чрезвычайно доволен корпусом. Дюрок был прекрасный мужчина, чрезвычайно стройный, и одевался щегольски. Волосы у него были темного цвета, остриженные ровно на всей

голове, и курчавые. Он не пудрился. Впервые увидели мы человека в военном мундире без косы и без пудры. Его прическа вошла в моду между дамами, и называлась *a la Ducos*. Ему было тогда только двадцать девять лет от роду (он родился в 1772 году), но он уже был опытен в делах, будучи доверенным лицом гениального человека. Дюрок обладал необыкновенным природным умом, был красноречив, но воздерживался в речах, чуждаясь всякого фанфаронства, был чрезвычайно любезен в обращении и ловок. Он находился при Наполеоне во всех сражениях в Германии, Италии и Египте, и везде отличался необыкновенным мужеством. Лучи славы Маренго, Аркола и Пирамид отражались на Дюроке, и он казался чем-то необыкновенным, по близким связям с гениальным человеком. Дюрок и в Петербурге, и в Берлине, куда он также послан был с дипломатическими поручениями, снискал отличный прием и при дворе, и в высшем кругу общества, и приобрел уважение к своему характеру.

Дюрок нашел в императоре Александре Павловиче самые мирные расположения. Государь, для утверждения прочного трактата, решился отступить от многих требований своего родителя, отказался от обладания островом Мальтой, от очищения Египта французами, настаивал только на сохранении в целости владений союзников своих, королей Неаполитанского и Сардинского, и о вознаграждении немецких князей за лишение их владений на левом берегу Рейна, и даже, в угодность первому консулу, отозвал Г.Колычева из Парижа,

на гордость которого он жаловался. Послом назначен в Париже граф Марков. Но Дюрок не мог убедить государя обратиться к системе морского нейтралитета северных держав, объявленного императрицей Екатериной, и император Александр, во время переговоров о мирном трактате с Францией, подписанном графом Марковым в Париж, 8-20 октября 1801 года, заключил конвенцию с Англией, 3-17 июня 1801, на основании прежних договоров. Таким образом хотя Россия и была со всеми в мире, но не могла надеяться на прочность его в Европе до окончания войны Франции с Англией.

В Амиене происходили переговоры о всеобщем успокоении Европы, и наконец заключен знаменитый Амиенский трактат, 1-13 марта 1802 года, который, не удовлетворив никого вполне, вмещал в главнейших статьях своих семена раздора. При исполнении условий трактата, Франция и Англии, толкуя каждую статью по-своему, не могли согласиться, и после долгих споров, война снова вспыхнула между ими, в начале мая 1803 года. Первый консул, намереваясь нанести решительный удар Англии, собирался к высадке в сердце ее, и учредил лагерь при Булони, где были собраны лучшие его войска, а между тем занял берега Италии, Голландии, и ввел войска в Ганновер, принадлежавший Англии, предложив императору Александру посредничество между Францией и Англией. Оно, однако ж, не имело никакого успеха, тем более, что император Александр, отказываясь великодушно от всех личных выгод и даже от Мальты, которую

Франция предлагала сама России, требовал только обеспечения независимости европейских государей и прекращения вмешательства Франции в их дела, и на этом основании настаивал, чтобы Франция вывела войска из Неаполя и Ганновера, и признала нейтралитет северной Германии. Первый консул не соглашался на это, и между Францией и Россией настала холодность, которая превратилась в неприязнь со стороны Франции, от гордых поступков русского посла в Париже, графа Маркова, который поставлял себе в удовольствие унижение первого консула и всех властей Французской Республики. Тщетно император Александр приглашал Австрию и Пруссию соединиться, для восстановления разрушенного равновесия в Европе хищной политикой Франции и неограниченным честолюбием ее правителя; они отговаривались и избегали войны, когда, напротив, в России, партия, желавшая войны, превозмогла. Между тем, происшествия быстро сменялись. Насильственная смерть герцога Ангенского, захваченного в чужих владениях, ужаснула всю Европу, и возбудила общее негодование. Принятие Наполеоном титула императора французов и короля Италии, и самовластный тон с слабыми соседями открыли Европе будущие намерения счастливого завоевателя. При российском дворе даже наложен был траур по герцоге, и поверенный наш, статский советник Убри, представил французскому правительству сильную ноту. Император Александр не признавал Наполеона в звании императора и короля, и в

половине 1804 года, русское посольство оставило Париж, а французское Петербург, и с обеих сторон приготавливались к войне, не зная еще, где и как она откроется. Наконец, императору Александру удалось убедить Австрию к вооружению, а Пруссию к обещанию охранять северную Германию от вторжения французских войск, и в крайности даже пристать к союзу. Неаполь и Швеция присоединились искренно к императору Александру. С Англиею император Александр заключил тесный союз. Россия обязывалась выставить 180 000 войска, а Англия действовать на море и в десантах, соглась платит вспомогательные деньги (subsides) всем государствам, которые пристанут к союзу против Франции. В таком положении находились дела Европы перед начатием знаменитой войны 1805 года, в которую император Александр впервые обнажил меч, долженствовавший сокрушить невиданное дотоле могущество, и освободить Европу от диктаторства завоевателя.

Если в высшем петербургском обществе и между высокими государственными сановниками были различные мнения насчет мира или войны с Франциею, то в русском войске и во всем русском народе был один голос – за войной. Суворов доказал, что можно побеждать непобедимых, и неудачи наши в Швейцарии и Голландии, происшедшие от неискренности наших союзников, требовали возмездия. Русское войско кипело желанием переведаться с французами, и множество молодых людей вступали в службу, в новоформировав-

шиеся или преобразуемые полки. Ежедневно ждали повеления выступить за границу. Все готовились к войне.

Генерал-адъютант барон Винценгероде был послан в Вену, с проектом операционного плана. По расчету австрийского двора, союзники должны были выставить против Франции более полумиллиона войска, кроме резервов, на трех главных пунктах, а именно: в северной и южной Германии, в верхней Италии и в Неаполе.

Лето 1805 года прошло в вооружениях и приготовлениях к войне и в дипломатических сношениях с германскими владетельными князьями, которых хотели присоединить к союзу против Франции. Баварский курфюрст подавал надежду на согласие с союзниками, и австрийская армия, в сентябре, перешла через Инн, вступила в Баварию и поспешила занять Ульм. В России был издан манифест о войне, и войска стояли на границе. В августе, генерал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов выступил, через Радзивиллов, за границу, с корпусом из 46 405 человек, для совокупных действий с австрийцами. Жребий был брошен!

Но союзники имели полмиллиона людей на бумаге, а Наполеон действительно повелевал армией в шестьсот тысяч человек, на разных пунктах. Предусмотрительный во всем, он приготовлялся деятельно к войне, пока шли переговоры о мире. Усилил войска свои в Тироле и в Италии, и имея уже собранную армию в Булонском лагере, Наполеон, при первом известии о вступлении австрийцев в Баварию, двинул-

ся быстро против их, в сентябре перешел Рейн и Дунай, разбил отдельные корпуса, обложил Ульм, и принудил генерала Макка сдаться, с 28 000 войска. Кутузов стоял, в это время, на Баварской границе, в Браунау, ожидая подкрепления и распоряжений к вступлению на боевую линию, когда получил известие о сдаче Ульма, и прежде чем русские встретились с французами, главная австрийская армия почти не существовала: она была разбита отдельно в Италии, в Тироле и в южной Германии, и из ста тысяч австрийцев, действовавших против самого Наполеона, шестьдесят тысяч человек, с множеством генералов, были уже в плену, и двести пушек австрийских уже находились во власти французов! Что оставалось делать Кутузову? У него, с австрийскими отрядами, было всего до 50 000 человек, и австрийские генералы побуждали его двинуться вперед; но благоразумный и дальновидный Кутузов не хотел отваживать слабые силы свои против превосходного числом и ободренного победами неприятеля, и начал знаменитое свое отступление, которое столь же славно в военной истории, как отступление 10 000 греков, с Ксенофонтом.

Отступление Кутузова от Кремса до Вишау, где он соединился с корпусом графа Буксгевдена, т. е. от 17 октября до 8 ноября, есть, по моему мнению, самая блистательная кампания Кутузова, точно так же, как Ватерлооская кампания, невзирая на неудачное ее окончание, есть блистательнейшая из кампаний Наполеона. Хотя, по силе обстоя-

тельство, русские должны были отступить после сражения под Кремсом, но победа принадлежит, без всякого сомнения, русским. Сражаясь, так сказать, на каждом шагу, с превосходящим в силах неприятелем, предводимым лучшими полководцами нашего времени, избегая обходов и опасности быть окруженным и отрезанным, Кутузов в этом славном отступлении возвысил честь русского имени, и принудил даже неприятелей отдать первенство русскому солдату перед всеми другими воинами. И то правда, что Кутузов имел необыкновенных помощников: князь Багратион и Милорадович командовали его пехотой, князь Витгенштейн – конницей, а Ермолов (в чине подполковника) артиллерией. Что за люди!

Победу при Кремсе торжествовали в Петербурге и во всей России. Она возвысила дух войска и народа. Вероятно, что на основании этого славного отступления Кутузова решились на продолжение борьбы с Наполеоном, невзирая на то, что Австрия уже предлагала ему мир, и что он, заняв Вену, по справедливости, торжествовал свои победы над австрийцами в их столице.

Между тем, пока Кутузов отступал от Бараунау, русская и австрийская армии сосредоточивались у Ольмюца, куда прибыли император Александр и император Франц. Русских было 68 500 человек, австрийцев 14 000, по показанию генерала Данилевского. В этом составе была и русская гвардия, в числе 8500 человек, под начальством его высочества цесаревича великого князя Константина Павлови-

ча. Ожидали приближения эрцгерцога Карла с 30 000 человек из Тироля и русских колонн Эссена и Беннингсена, и надеялись на Пруссию, которая с Саксониею и Герцогством Веймарским долженствовала выставить до 250 000 войска. План кампании был превосходный, и Наполеон долженствовал, по всем соображениям, уступить силе. Главнокомандующим назначен Кутузов, дежурным генерал генерал-адъютант князь Петр Михайлович Волконский (ныне министр императорского двора), генералом-квартирмейстером австрийский генерал Вейротер.

Я не пишу истории войны 1805 года, и не намерен описывать Аустерлицкого сражения, которое уже прекрасно и справедливо изображено генерал-лейтенантом Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским; но расскажу только то, что знаю о бывшей семье моей, т. е. об Уланском его высочества полку, о последствиях сражения, и передам тогдашнее общее мнение.

Сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь-император не разрешил генералу А.И.Михайловскому-Данилевскому высказать истину. Уже ли полагали, что стыдно сознаться в том, что мы были разбиты! Да разве был и есть хотя один народ в мире, который бы не проигрывал сражений? Разве римляне скрывали свои неудачи? Разве мы разбиты были от недостатка храбро-

сти? Нет, сам Наполеон отдал нам справедливость! В военной присяге, составленной Петром Великим, воин обязывается: "поступать в поле, обозе и на карауле, водой и сухим путем, как храброму и *не торопливому* солдату надлежит". – Вот где наша ошибка! Мы проиграли сражение от *торопливости*. А.И.Михайловский-Данилевский говорил, что государь был молод и окружен молодыми людьми, жаждавшими битвы. Надеясь на наше мужество, мы слишком опрометчиво бросились в борьбу с опытным и искусным полководцем. Главная ошибка, как мне кажется, в том, что австрийцам не надлежало начинать военных действий до соединения всех сил своих с силами России. Если б до сдачи Ульма и всех потерь австрийской армии, имевших пагубное влияние и на общее мнение в Германии, и на политику германских государств; Австрия и Россия выдвинули все свои силы внутрь Германии, то вероятно, что не только германские государства второго разряда, но и самая Пруссия пристали бы к союзу, и тогда-то надлежало начать военные действия очищением Германии и Италии от французов, и уже на берегах Рейна трактовать о мире, налагая условия Франции. Вся эта война 1805 года представляет только желание сразиться с Наполеоном, как возможно скорее! Когда русская сила собралась у Ольмюца, австрийская армия уже почти не существовала, и все ее военные запасы, вместе со столицей, находились в руках Наполеона. Страх, наведенный на всю Германию наполеоновскими победами, удерживал всех от вме-

шательства в дело, проигранное в самом начале, и к тому же, репутация австрийского войска много пострадала. На одних русских мало надеялись, а русские, по несчастью, были слишком самонадеянны. Старик Кутузов, как видно из рассказа А.И.Михайловского-Данилевского, не высказал всего, что бы надлежало сказать в таком важном деле, и противу убеждения повел войска на бой с неприятелем.

Наполеон не хотел драться с русскими, и несколько раз предлагал мир; но требования союзников были таковы, что Наполеону надлежало в одно мгновение лишиться всех плодов своих побед. Немедленно по прибытии императора Александра в Ольмюц, Наполеон прислал своего адъютанта Савари, поздравить государя с приездом, и предложил мир, и даже перед самым начатием движения союзной армии повторил предложения, и просил личного свидания с государем на аванпостах. Наполеону во всем отказали, и его миролюбивые предложения приняты были за сознание в невозможности противостоят русским. В самом деле, положение Наполеона, в случае проигранного сражения, в отдалении от всех своих вспомогательных средств, было опасное. Государь послал к Наполеону генерал-адъютанта князя Долгорукова, требовать немедленного выступления из Германии, и князь раздражил его смелыми речами и слишком вольным обращением. – "Итак, будем драться!" сказал Наполеон князю Долгорукову, который, не отвечая ни слова, сел на лошадь, и ускакал. Решено с обеих сторон кончить спор ору-

жем.

Все писатели, говорившие об Аустерлицком сражении, приписывают поспешность в битве и уклонение наше от мира князю Долгорукову, пользовавшемуся особенной благоклонностью государя. Мне кажется, что князь Долгоруков был только представителем общего мнения. Горячность его к борьбе с Наполеоном разделяла с ним не только вся русская армия, но и вся Россия. В солдатах и в офицерах был один дух, и нельзя было драться с большим ожесточением и мужеством, как дрались русские под Аустерлицем. Французы также дрались отчаянно, но при равенстве сил (по А.И.Данилевскому, у французов было около 90, а у союзников 80 тысяч человек⁴⁵ под ружьем), перевес опыта, соображений и уверенности в гении полководца был на стороне французов, а это и при меньшем числе доставляет победу.

В русской главной квартире были уверены, что Наполеон намерен ускользнуть от сражения. Только один опытный Кутузов молчал и был мрачен, видя всеобщую самонадеянность и торопливость, и зная гений Наполеона.

Наконец настал достопамятный в истории день 20 нояб-

⁴⁵ Некоторые французские писатели утверждают, что у Наполеона под Аустерлицем было только 42 000 человек. Сам *Histoire des batailles, sieges et combats des Francais, depuis 1792 jusqu'en 1815, par une societe de militaires et de gens de lettres, et publiee par Pierre Blanchard. Paris 1818.* Обыкновенно число войска в рассказах о битвах или уменьшается, или увеличивается по обстоятельствам, и верить всему нельзя. Биньон (см. *Histoire de France depuis le 18 Brumaire jusqu'a la paix de Tilsit (1799–1807)*) говорит, что у Наполеона было под Аустерлицем 65 000 человек. Кому верить?

ря-2 декабря 1805 года! В 8 часов утра русские двинулись к нападению на французов, по составленной с вечера диспозиции. Наполеон стоял на кургане, и смотрел на движение русских. При нем были Дюрок, Бертье, Мюрат, Ланн и Сульт. Из всех их один только Сульт остался в живых! Видя, что русские исполняют движение, которое он предвидел, а именно: тянутся на правый фланг французской армии, Наполеон не мог скрыть своей радости, и воскликнул: "Попались в мои руки!" (Us sont a moi!).

Маршалы поскакали к своим местам. Началась битва.

Невзирая на позднее время года, солнце взошло во всей красе своей и во всем своем величии. До смерти своей Наполеон не мог забыть этого солнца, и даже перед Бородинским сражением сказал: "voila le soleil d'Austerlitz!" Вот аустерлицкое солнце! Притворялся ли Наполеон суеверным, или в самом деле верил предзнаменованиям, но всем известно, что он часто говорил о *своей звезде*. Прекрасный восход солнца в день Аустерлицкой битвы, он почел счастливым предзнаменованием, и старался внушить это своим воинам. К тому же, это был день годовщины коронации Наполеона. Обожавшие его солдаты еще с вечера торжествовали этот день, и когда он проезжал по бивакам, зажгли солому по всей линии, вместо иллюминации, оглашая воздух кликами: vive l'Empereur! Весело пошли французы в битву, ободренные своим гениальным вождем, предсказывавшим им победу. В прокламации к войску, накануне сражения, Наполеон даже

открыл всему войску план сражения.

"Когда русские двинутся, чтобы обойти мое правое крыло, они обнажат свой фланг", и проч. (Pendant que les Russes marcheront pour tourner ma droite, ils-me preteront leur flanc, etc.) Каким образом Наполеон знал, что русские начнут сражение с атаки правого его фланга? Ужели по соображению местностей? Быть может! Тогда, впрочем, носились слухи, что Наполеон знал нашу диспозицию. Если это правда, то уж верно он узнал это не от русских! Много было толков, но ничего не открывалось в течение сорока лет, и должно верить, что Наполеон расположил свое войско на позиции таким образом, что по правилам стратегии надлежало атаковать его с правого фланга. Ведь гении больше всего берут тем, что сбивают с толку людей методическим отступлением от правил. Как бы то ни было, но Наполеон, осмотревший лично все места, где долженствовало быть сражение, и распорядившись прежде, имея отличнейших исполнителей в своих маршалах и генералах, восторжествовал над нашей неопытностью и нашим пылким мужеством, отдав нам, однако ж, полную справедливость.

В изгнании, на острове св. Елены, Наполеон, говоря об Аустерлице, сказал: "Le succes a la guerre tient tellement au coup d'oeil et au moment, que la bataille d'Austerlitz, gagnée si complètement, eut été perdue si j'eusse attaqué six heures plus tôt. Les Russes s'y montrèrent des troupes excellentes, etc., т. е. "Успех в войне до такой степени зависит от одного взгля-

да (глазомера полководца) и от одной минуты, что я бы проиграл Аустерлицкое сражение, если бы атаковал шестью часами прежде. Русские доказали, что они превосходные воины" и пр. (См. Memorial de Ste Helene, т. 2, стр. 210). Биньон (см. Histoire de France, etc., стр. 470), основываясь на мнении французских маршалов, говорит: «Ainsi, il n'y avait plus, du cote de l'ennemi, une armee unique, agissant dans un seul systeme et dont les parties se soutinrent entr'elles. C'etaient trois armees differentes, isolees, ayant les Francais en tete et sur leur flanc, et ne pouvant plus opposer qu'une resistance locale et sans calcul, qu'une resistance locale et sans ensemble. Du cote des Francais, au contraire, tout etait lie, tout marchait d'accord et s'entr'aidait pour le resultat commun», т. е. «Таким образом со стороны неприятеля (т. е. русских и австрийцев) не было соединенной армии, действующей по одной системе, которой части поддерживали бы друг друга. Тут были три различные неприятельские армии, разобщенные, имевшие французов в голове и на фланге, могшие только действовать личной храбростью, без всякого расчета, и сопротивляться местно, без общей цели; со стороны французов, напротив, все было связано между собой, все двигалось в согласии, и все помогало одно другому для общего последствия».

Это самое слышал я, в 1811 году, из уст знаменитого маршала Сюшета, участвовавшего в Аустерлицком сражении: "Русским надлежало фланговым движением заставить Наполеона переменить позицию, и тогда уже начать сражение, а

если бы им это не удалось, в таком случае должно было действовать сжато, и не отделять вовсе кавалерии от пехоты, но действовать ими таким образом, чтобы они подкрепляли друг друга". Кто-то спросил маршала, какая же была бы цель флангового движения, если б Наполеон, воспользовавшись этим, вовсе уклонился от сражения, и обратился к своим резервам и сикурсам? – "Или соединение с эрцгерцогом Карлом в Венгрии, или с пруссаками", отвечал маршал: "и во всяком случае преимущество было бы на стороне союзников". Предоставляю стратегикам обсудить это мнение.

Уланский его высочества полк находился в отряде австрийского генерала князя Лихтенштейна. Пока отряд успел пробраться на место, назначенное ему по диспозиции, – место это было уже занято французами, которые, вытеснив русских из деревни Блазовиц, открыли сильный пушечный огонь по русской гвардии, не попавшей также на назначенное ей место, и выслали против нее стрелков. В эту минуту прибыл, на рысях, отряд князя Лихтенштейна, и примкнул к левому флангу гвардии. Его императорское высочество великий князь цесаревич Константин Павлович прискакал к Уланскому его высочества полку, в белом колете и каске Лейб-гвардии конного полка, поздоровался с солдатами, обнял и поцеловал генерала, Егора Ивановича Меллера-Закомельского, и, обратясь к фронту, сказал: "Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!" – "Рады умереть!" воскликнули все в один голос – и сдержали слово.

Сражение кипело в русском центре и на правом фланге. Французы подвигались вперед. Стрелки русской гвардии, остановившейся на высотах деревень Блазовица и Круга, перестреливались с французскими застрельщиками дивизии генерала Риго, и перед русской гвардией двигалась французская кавалерийская колонна, состоявшая из трех полков конных егерей и гусар, поддерживаемая слева пехотой маршала Бернадота, а справа пехотой маршала Ланна. Эту колонну командовал генерал Келлерман. За французскую конницу выстроены были несколько батальонов легкой пехоты, с артиллериею. Князь Лихтейнштейн решился удержать напор французов на русскую гвардию, и даже отбросить их. Решена кавалерийская атака, и Уланский его высочества полк первый бросился на французскую кавалерию.

С криком *ура!* стремглав понесся Уланский его высочества полк за генералом своим и офицерами, которые скакали перед фронтом. Французская кавалерия, хотя и превосходная числом, обратилась в тыл, проскакала через интервалы, между батальонами пехоты, и построилась за пушками. Уланы бросились на пехоту, и, невзирая на жестокий ружейный огонь, пробились через нее. Французская пехота бросилась бегом направо и налево, и выстроилась, и артиллерия, стоявшая за пехотою, встретила улан картечью. И это не удержало геройского порыва полка! Уланы смело поскакали на пушки, и стали рубить французских артиллеристов. Дошло до ручной схватки. Ротмистра Ганнемана, замахнув-

шегося саблею на одного из них и нагнувшегося, другой артиллерист сбил с лошади ударом банника в голову. Некоторые уланы даже соскакивали с лошадей, и с саблею в руке бросались на артиллеристов. Ожесточение равнялось мужеству. Но при атаке пехоты и при картечных выстрелах, сжатый фронт Уланского полка расстроился, и уланы сражались или поодиночке, или малыми толпами, а кроме того, донские лошади, неспособные вовсе к мундштуку, закусив удила, занесли множество улан в средину неприятелей. Видя, что уланы уже не могут опереться фронтом, Келлерман бросился на них с тремя отличнейшими полками французской конницы – и уланы должны были обратиться в тыл. Тут приняла их с обоих флангов ружейным огнем та самая пехота, через которую они прежде проскакали, и Уланский полк совершенно расстроился. – *Us pecherent, dans cette affaire par exces de courage et par default de connaissance dans l'art militaire*", т. е. они погрестили в этом деле от избытка храбрости и от незнания военного ремесла (т. е. от неопытности), говорят французские писатели⁴⁶.

Совершенная правда! Вся беда, не только Уланского его высочества полка, но и всей армии, произошла от избытка храбрости и неопытности!

Александр Иванович Михайловский-Данилевский, в своей истории войны 1805 года, показывает, что в Уланском его высочества полку из строя выбыло пленными и убиты-

⁴⁶ См. *Histoire des batailles, sieges et combats*, etc. T. III, page 317.

ми 400 человек рядовых, 16 офицеров и командир полка, Егор Иванович Меллер-Закомельский, раненый и взятый в плен. Полк имел более 1000 человек, но после этой атаки едва двести человек примкнули к корпусу князя Багратиона. Прочие рассеялись в разные стороны, быв отрезанными и не зная, где соединиться. Генерал Меллер-Закомельский оказал чудеса храбрости, и, быть может, спас бы полк, если бы не был ранен в самую критическую минуту. Пуля ударила ему в грудь, и скользнула по Владимирскому кресту. Удар лишил его дыхания, и в это время на него наскочили французские гусары, и стали рубить. Несколько уланских офицеров защищали его до последней крайности, и вместе с ним были взяты в плен.

Генерал А.И.Михайловский-Данилевский превосходно и верно описал несчастное отступление после Аустерлицкого сражения, и ужасную картину, когда, после обрушения моста на реке Литаве и по тесноте узкой плотины, между озерами, русская пехота, кавалерия и артиллерия бросились на замерзшее озеро, надеясь сократить путь. Страшно ревели французские орудия; ядра прыгали рикошетами между русскими воинами, и вдруг, в нескольких местах, раздались вопли отчаяния... Лед на озере начал проламываться и проваливаться во многих местах; пешие и конные воины, пушки и зарядные ящики погружались в воду, а между тем канонада со стороны французов усиливалась, и над утопавшими стали трескаться гранаты и ядра, пришибая спасавшихся. Со

всех сторон смерть, под ногами и над головой! Эта участь постигла корпус неустрашимого Дохтурова. В общем смятении раздавались голоса офицеров: "Спасай пушки! береги ружья!" – и солдаты слушали офицеров, помогали на мелких местах вытаскивать орудия, и все вышедшие на берег солдаты сохранили ружья, и выстроились немедленно в колонну. Французы заметили эту удивительную черту русской дисциплины, и отдали справедливость редкой храбрости русского солдата! Все французские военные историки говорят об этом с удивлением.

Я уже сказывал, что русские офицеры носили тогда огромнейшие шляпы с султаном и с широкой петлицей. Это было причиной смерти многих храбрых офицеров русских. В русских рядах даже слышно было, как французские офицеры кричали своим застрельщикам: "tirez aux chapeaux! т. е. стреляй в шляпы!", и отличные французские стрелки прицеливались, как в мишень, в колоссальную шляпу. Не все офицеры были перебиты, но почти все шляпы были по нескольку раз прострелены.

Кто не знает так называемой *тактики Суворова*, т. е. его наставления воинам, читанного перед фронтом войску, находившемуся под командой Суворова? В этой тактике непобедимый полководец запрещает солдатам грабить в неприятельской земле, но говорит: «взял город, взял лагерь – все ваше!» Тогда был обычай, что взятый с боя город отдавался на грабеж. Если бы только брали пожитки... но тут и жизнь,

и более еще – честь отдавалась на произвол расщепленного солдата! В русском войске это называлось: «*поднять на царя*». Император Александр приобрел неопровергаемое право на бессмертие в веках и на благословение народов уничтожением этого правила. Однако ж, однажды в жизни, в первый и последний раз, сам император Александр прибегнул к этому средству. На другой день после Аустерлицкого сражения, государь увидел несколько гвардейских батальонов и толпы армейских солдат почти без огней, лежавших на мокрой земле, голодных, усталых, измученных... Верстах в двух была деревенька, но в ней нельзя было занять квартир и достать помощи обыкновенными средствами. Надлежало отступить... Император Александр, тронутый положением своих воинов, позволил им взять все съестное из деревни. – "Ребята, *поднимай на царя!*" раздался голос флигель-адъютанта – и солдаты устремились в деревню, и выбрали все, что можно было взять, и что было даже не нужно, только для потехи. Государь записал название этой деревни, и после вознаградил вдесятеро за все взятое. После этого случая, *поднимай на царя* – исчезло в русском войске, которое во всех походах, даже при штурмах, было всегда образцом военной дисциплины и порядка.

После несчастной ретирады и перемирия, Уланский его высочества полк собрался в Кракове, в числе 300 человек, и в Россию повел его полковник Чаликов. На пути и при распределении полков по квартирам, прибыло в полку еще

до полутораста, остававшихся в госпиталях или спешенных улан, примкнувших к пехотным полком и отдельным командам. Штаб-квартира Уланского полка назначена в имении его высочества, *Стрельной Мызе*, а помещение в Стрельной, в Петергофе и в Петербурге. Прибыв на место своего назначения после Аустерлицкого сражения, полк начал комплектоваться офицерами и солдатами, и полковым командиром назначен полковник Чаликов. Приобретив славу храброго полка, Уланский его высочества полк удостоился получить серебряные трубы за отличие. Его высочество сам занялся устройством, преобразованием и обучением полка. Несколько прежних офицеров переведены в другие кавалерийские полки, и на место их выбраны его высочеством новые. К этому числу принадлежал и я. Служба была не легкая, потому что надлежало и обучать солдат, и смотреть за выездкой лошадей, и его высочество сам входил во все подробности.

По возвращении гвардейского корпуса из-под Аустерлица в Петербург, вся столица встречала его. Единственный трофей этого сражения, в котором русские дрались с истинно геройским мужеством, принадлежал гвардии. Перед Л.Г. конным полком везли французское знамя, отнятое полковником Олениным у 4-го французского пехотного полка, в который он врубился с двумя эскадронами. Вообще в этом несчастном сражении гвардейская кавалерия чрезвычайно отличилась. Кавалергарды, конная гвардия и лейб-казаки отчаянными атаками спасли гвардейскую пехоту, но зато кавалер-

гардский полк был истреблен почти наполовину.

Весть об Аустерлицком сражении быстро промчалась по всей Европе, и произвела горестное впечатление во всех народах, над которыми тяготело или которым угрожало могущество Франции и самовластие Наполеона. Особенно в Англии общее мнение, имея сильного двигателя в свободе книгопечатания, сильно восстало противу министерства знаменитого Питта, который всю власть свою, все свои способности и все огромные средства употреблял на поддержание войны с Францией и на побуждение к войне сильных сухопутных европейских держав, предлагая каждому врагу Франции и Наполеона денежную помощь. Не думаю, чтобы личная ненависть к Наполеону (как писали тогда во французских журналах) заставляла Питта поступать таким образом. Гораздо вероятнее, что в нем действовало убеждение, что правительство, возникшее из кровавой революции, на обломках законного престола, не может представить достаточного ручательства за спокойствие Европы, за уважение монархических начал, вчуже, и за твердость правительства внутри Франции. Питт, как глубокий политик, не мог действовать по побуждению страстей, но следовал единственно системе, хладнокровно обдуманной и взвешенной на весах разума, хотя он и употреблял иногда средства, не одобряемые строгой нравственностью. Он был убежден, что хотя Наполеон и старался утвердить новую свою империю на монархических правилах, но будучи сам в существе воином

и завоевателем, он только военной славой и военным величием может держаться на высоте; что только громом побед он в состоянии заглушить вопли революционных страстей, и только штыками может удержать их порывы. Питт советовал до тех пор продолжать борьбу, всеми возможными средствами, пока во Франции не утвердится сильного и миролюбивого правительства, хотя бы на новых демократических началах⁴⁷.

Предвидения Питта сбылись, но сам он не выдержал, и, в борьбе с общим мнением, умер после Аустерлицкого сражения. Противники его, особенно знаменитый Фокс, говорили, что Питт *«убит аустерлицким ядром»* (Последние слова Питта, на смертном одре, были: «Oh! what times! oh! my country! т. е. О, какие времена! о, мое отечество!»⁴⁸ поразив-

⁴⁷ Французские писатели, напротив, утверждают, что Питт руководствовался только ненавистью к Франции, и имел одну цель – вредить ей. Даже умный Биньон в своей *Histoire de France, etc.*, на стр. 528 говорит: «Ce systeme, tant preconise, de M. Pitt, il faut le repeter pour la demiere fois, no se composait que de l'idee la plus simple: abattre, miner la France, ne voir de grandeur possible pour l'Angleterre que dans la misere et Phumiliation de la France, voila M. Pitt sous le rapport de la pensee politique. То есть система Питта, столь выхваляемая, скажем в последний раз, заключалась в самой простой идее – унижить, разорить Францию и почитать единственное средство к величию Англии в унижении и бедствии Франции – вот основная мысль политики Питта». При всем моем уважении к уму, познаниям и дипломатическим дарованиям Биньона, я не разделяю на этот счет его мнения, хотя и не одобряю всех поступков Питта, особенно его сношений с заговорщиками и интриганам. Почтенный Г. Биньон слишком увлекается народным чувством. Надобно быть справедливым и с неприятелем.

⁴⁸ См. *Memoirs of the Lady Hester Stanhope, as related by herself, in conversation*

шим его прямо в сердце.

Англия чрезвычайно страдала от войны, и хотя она забрала почти все их колонии, но эти выгоды, долженствовавшие принести великие последствия в будущем, в настоящем нанесли большой ущерб торговле и промышленности. Национальный долг возрос до баснословных цифр! Рабочий класс в Англии совершенно обеднел. Общее мнение требовало мира – и новое министерство Фокса склонялось к нему, но не могло заключить его на тех условиях, от которых Наполеон не отступал, особенно после Аустерлица. – Ожесточение обоих народов дошло до высшей степени, и со стороны Англии вся ненависть сосредоточилась на Наполеоне. Англичане распложили различные оскорбительные выдумки насчет Наполеона, и притом почти на всех языках, чтобы посеять во всех народах ненависть и презрение к главе французского правительства. – Множество этих пасквилей переведено на русский язык, и, в свое время, все это с жадностью было прочитано. С этих-то пор утвердилась у тогдашних молодых людей ненависть к Наполеону, которая, укоренившись с годами, останется в них до гроба! Многие из моих искренних приятелей в России до сих пор воображают себе Наполеона таким, как описывали его английские пасквилисты, страшным чудовищем, вроде минотавра!

Я не разделял и не разделяю этого несправедливого мнения о Наполеоне.

С детства привык я отдавать справедливость великим мужам и талантам, независимо от личных моих выгод и побуждений сердца. Такой-то человек может быть непримиримым врагом моим, и быть отличным писателем, генералом или чиновником. Большая часть врагов не знают друг друга, а если б узнали, то подружились бы. Клевета, как яд, отравляет жизнь! Великие мужи Древней Греции и Рима были ужасны неприятелям своего отечества, и если враги Греции и Рима проклинали их, то не могли повредить их славе.

Кто желает славы, величия и могущества собственному отечеству, тот поневоле должен созидать их насчет других народов. Так создан свет! Наполеон вел честно свои войны, выводил войско в чистое поле, и дрался. – Честолюбие его и властолюбие, конечно, выходили иногда за пределы, но этим он доказал, что и величайший гений есть человек, и что человек не может быть без слабостей и недостатков. Наставник мой Лантинг был сильным приверженцем Наполеона, разумеется, не желая ему успехов в столкновениях в России, и душевно жаждая мира с наполеоновской Францией. Мы с Лантингом восхищались первым консулом, и хотя досадовали, когда он принял императорское звание, но извиняли его обстоятельствами. С наслаждением читали мы прокламации Наполеона к его войску. Это совершенство военного красноречия! Не много таких полководцев, как Наполеон и Суворов, которые бы, подобно им, умели двигать сердцами своих подчиненных, каждый в духе своего народа. Наполеон и Су-

воров знали, что, не воспламенив человека, не тронув его за сердце, нельзя ожидать от него великих дел! Переберите всю историю человечества, вы удостоверитесь, что все великие мужи действовали на народ нравственно (moralement), обращаясь к сердцу и разуму. Чувство обязанности охлаждается в противностях и страданиях – энтузиазм побеждает все трудности. Вообще я не разделяю мнения тех, которые полагают патриотизм в ненависти неприятеля и в оскорблении его бранью и клеветой. Можно уважать неприятеля и сражаться с ним до последней капли крови, за честь и благо своего отечества; и что может быть славнее, как сражаться с врагом, достойным уважения, и победить героев! Сознаюсь откровенно, что с первых лет моей юности я почитал Наполеона великим мужем, не верил, по инстинкту, вымышляемым на него клеветам, и когда увидел собственными глазами Францию, созданную им из революционного хаоса, когда наслушался рассказов очевидцев о том, что было во Франции до Наполеона и даже до революции, тогда убедился, что в Наполеоне были два гения: военный и правительственный, или административный, которые весьма редко встречаются вместе в одном человеке. Об этом я буду иметь случай поговорить подробнее.

Последствия Аустерлицкого сражения были чрезвычайно важны, и совершенно переменили положение Европы. Пресбургский мир начертан окровавленным мечом победителя! Наполеон довольствовался только денежной контрибуцией,

для раздачи своему войску, и в первый раз после революции Франция заключила мир с побежденным неприятелем, не приобретая областей. Но Австрия все же лишилась до двух миллионов восьмисот тысяч подданных, населявших прекрасные страны южной Германии и Италии, которые отданы были курфюрстам Баварскому и Виртембергскому, принявшим титул королевский, и великому герцогу Баденскому, союзникам Наполеона. Владения Австрии в Италии, с Венецией, присоединены к новому Итальянскому королевству. Император Германский лишился прежнего титула, и стал называться императором Австрийским. Король Неаполитанский лишен всех своих владений, и удалился в Сицилию, под покровительство Англии. Пруссии, хотя и не союзной с Францией, но не участвовавшей в войне, предоставлено занять принадлежавший Англии Ганновер. Замечательно, что когда прусский министр Гаугвиц, отправленный из Берлина к Наполеону до получения известия об Аустерлицком сражении, с самыми жесткими предложениями, явился к победителю в Бринне, и не считая нужным объяснять настоящей причины своего посольства, поздравлял его с победой, в самых лестных выражениях, Наполеон отвечал: "Это такое приветствие, которого назначение (или адрес) переменено счастьем!" (*C'est un compliment, dont la fortune a change l'adresse!*)

Не требовалось много предвидения и высоких соображений в политике, чтобы постигнуть, что все трактаты, заклю-

ченные первоклассными европейскими державами с Наполеоном, после Аустерлицкого сражения, не прочны, и что восстановленный мир на твердой земле есть только перемирие. Жестокое наказание Австрии и страшный для Европы перевес силы Франции заставляли каждого помышлять о средствах к утверждению равновесия в Европе, для общего спокойствия и безопасности, и эта великая идея, чуждая всех корыстных видов, родившись в уме императора Александра, руководила им постоянно, к предназначенной цели, до которой он достигнул в течение десяти лет, действуя с величайшим самоотвержением и не страшась никаких опасностей. Наполеон нашел достойного себе соперника в императоре Александре, с той между ними разницей, что император Александр знал, с кем имеет дело, а Наполеон, при всей своей гениальности, не постиг Александра, и был в совершенном заблуждении на его счет!

Император Александр не выслал в Париж полномочного посла для заключения мирного трактата, как желал того Наполеон. Статскому сов. Убри (Oubril), посланному будто бы для размена пленных, поручено было войти в сношения с французским правительством по этому предмету. Г.Убри подписал в Париже мирный договор (8-20 июля 1806), и когда Наполеон торжествовал, что Россия соглашается на лишение неаполитанского короля престола и все предложения Франции, и напечатал трактат в Монитере – император Александр не утвердил трактата! Это был удар прямо

в сердце Наполеона! К довершению его горести и досады, во франкфуртском журнале, бывшем тогда органом нашей политики, напечатана статья, в которой было сказано, что посланный в Париж русским правительством для заключения мирного трактата, отдалился от своей инструкции, и действовал в духе совершенно противоположном, и что российский император готов возобновить сношения о мирном трактате, которого бы основания согласовались с его достоинством. Эта журнальная статья была бомба, пущенная в политический мир! Статью перепечатали в немецких и английских журналах, и Европа с восторгом узнала, что Аустерлицкое сражение не покорило ее совершенно воле Франции, и что еще есть благодетельный гений, пекущийся о ее независимости. Имя императора Александра произносилось везде с благоговением, везде выставляли его портреты, и всех русских принимали отличным образом за границей.

Однако ж, Наполеон, желая мира, чтобы утвердить могущество Франции и свое собственное на прочных основаниях, скрыл свое неудовольствие, и дипломатические сношения об утверждении европейского мира продолжались в Париже. Император Александр повторил, с той же твердостью и настойчивостью, прежние свои требования, как будто не бывало Аустерлицкого сражения. Он снова объявил, что французы должны выступить из Германии, не соглашался на лишение престола неаполитанского короля, и требовал даже, чтоб Наполеон не присоединял Далмации к Французской

империи. Кроме того, император Александр не соглашался вывести русских войск из Бокка ди Катаро, пока французы останутся в Германии. Эти условия были те же, что перед Аустерлицким сражением. Наполеон казался уступчивым, отдавал России Корфу, соглашался даже решить умереннее неаполитанский вопрос, и требовал только, чтоб Россия не вмешивалась в дела Германии и Западной Европы, и содействовала к заключению мира с Англиею.

Император Александр оставался непоколебимым, и старался теснее сблизиться с Пруссией, для которой учреждения Рейнского союза и власть Наполеона в Германии были достаточной причиной к сопротивлению его видам. Пруссия была на военной ноге, имела многочисленное войско, несметные запасы военных потребностей и крепости в отличном состоянии. Россия вооружалась и комплектовала войско. По смерти начальника английского кабинета Фокса, английское министерство склонялось более к войне, нежели к миру с Францией – и наконец, трактации между Англией и Францией вовсе прекратились. Каждую минуту ожидали взрыва, и только не знали еще, с которой стороны начнется война. Наконец, 2-го октября 1806 года, Пруссия внезапно издала манифест о войне с Франциею, и в то же время стотысячная прусская армия вошла в Саксонию, и, соединившись с двадцатью тысячами войска курфюрста Саксонского, начала наступательные движения к Рейну. Вся Европа удивилась этой внезапной решительности Пруссии. Пламя вспыхнуло!

ГЛАВА IV

Характер и темперамент. — Немцы и французы. — Порывы высшего общества в Берлине к войне. — Положение Пруссии и Франции. — Характеристика прусского главнокомандующего, герцога Фердинанда Брауншвейгского. — Пребывание его в Петербурге. — Военное искусство в Европе. — Заслуги Пруссии в этом отношении. — Тактика Фридриха Великого — Прусское войско в 1806 году. — Тактика Наполеона. — Дух французского войска. — Достопамятные слова Наполеона на вызов Пруссии. — Начало военных действий. — Успехи французов. — Смерть принца прусского Людовика. — Искусство Наполеона и ошибки герцога Брауншвейгского. — Совершенное поражение и уничтожение прусской армии при Иене и Ауэриштадте. — Свидетельство очевидцев. — Речь Наполеона перед войском. — Уныние и расстройство прусской армии. — Сдача крепостей. — Вступление Наполеона в Берлин. — Впечатление, произведенное в России несчастьем Пруссии. — Император Александр объявляет войну Франции. — Рекрутский набор. — Милиция. — Воспламенение умов в России. — Патриотические чувства. — Две русские армии и две войны в одно время, с Франциею и Турциею. — Формирование батальона императорской милиции. — Тогдашние Петергоф и Стрельна. — Офицерская жизнь в Стрельне и Петергофе. — Русский театр и трагедии Озерова. — Патриотическая тра-

гедия «Димитрий Донской». — Характеристика Озерова и трагического актера Яковлева.

Весьма несправедливо и даже безрассудно поступает тот, кто какие-нибудь дурные качества приписывает *целому* народу. Народ не порода зверей, не волки и не лисицы, чтоб быть подвластным какому-нибудь особенному природному инстинкту. Образ правления, метода воспитания, политические события, устройство гражданского общества и географическое положение страны имеют влияние на характер целого народа, менее или более, смотря по обстоятельствам. С переменой этих условий изменяется и характер народа, всегда, однако ж, подчиняясь темпераменту. Не надобно никогда смешивать *характера с темпераментом*. Нет ничего забавнее, как объяснение *слов характера и темперамента* в наших лексиконах! Одни их смешивают, другие говорят такой вздор, что уши вянут! Характер есть, так сказать, *нравственное сложение человека* (constitution morale), образованное волей, убеждением, разумом, образованностью, а темперамент физическое сложение (constitution physique), механическое устройство человека, сооруженное одною природою. Иногда характер подчиняет себе темперамент, а иногда сам ему подчиняется. Движение крови более или менее быстрое, гибкость мускулов, сила пищеварительных органов и большая или меньшая деятельность нервной системы составляют различие темпераментов. Климат и пи-

ща играют первые роли в темпераменте; ум и воспитание господствуют в характере.

Мы вообще называем французов *ветреным* и *веселым* народом, а немцев народом *честным* и *основательным*, но *холодным*. Живость французов и их восприимчивость суть последствия их легкого, приятного климата и их пищи. Французский превосходный суп (pot au feu), их пряные приправы, трюфели, чеснок и наконец вино способствуют этой живости, когда, напротив, и самый климат Германии, здоровый, но слишком однообразный, иногда угрюмый, грубая, тяжелая немецкая пища и неумеренное употребление пива способствуют к сгущению крови и какой-то неподвижной холодности. Немец выходит из себя тогда только, когда жестоко рассержен, а француз беснуется и в гневе и в радости. Немецкая пословичная (proverbial) честность началась только со времени реформации, и поддерживается тихой, рациональной немецкой набожностью. В Средние века Германия была разбойничье гнездо, и самая ужасная безнравственность окружала рыцарские замки и католические монастыри. Время изменило характер народа, не изменив его темперамента.

В северной Германии, т. е. в Пруссии, народный характер сильно изменился в царствование Фридриха Великого. Блистательные его победы, в семилетнюю войну, над господствовавшим тогда народом в Германии, австрийцами, разбитие французов при Росбахе, успехи над русскими при Ку-

нерсдорфе и Цорндорфе, и скорое, блистательное возвышение Пруссии из незначительной державы на степень перво-классного европейского государства давали пруссакам права на гордость. Но от гордости, даже справедливой, один только шаг к высокомерию, тщеславию и фанфаронству. Прусское юношество, взлелеянное воспоминаниями славной эпохи Фридриха Великого, сохранившее предания о чудных подвигах мужества отцов и дедов своих, присвоило себе их славу, думая, что получило в наследство и их качества, и переступило за пределы позволенной народной гордости. С негодованием говорили в Пруссии о неудачах австрийцев против французов, умалчивая, однако ж о несчастном походе во Францию в 1792 году, и чрезвычайно легко судили о кампании 1805 года и несчастном Аустерлицком сражении, веря, что этого никогда не могло бы случиться с пруссаками.

В Пруссии так же существовали, как и в России, две партии, мирная и военная. Король весьма благоразумно склонялся на сторону мирной партии, желая выждать, пока обстоятельства не укажут ему пути, по которому должно следовать, и опасаясь рисковать тогдашним выгодным положением Пруссии, к которой Франция чрезвычайно ласкалась и обещала большие выгоды, требуя одного нейтралитета. Но партия, желавшая войны, имея приверженцев даже в королевском семействе, была гораздо сильнее партии мирной. Женский пол, как водится, разделял мнение юного поколения, и наконец в народе составилось убеждение, что Пруссия

должна непременно вступить за честь Европы и Германии, прогнать французов за Рейн и заключить их в прежних пределах Франции, не дозволяя вмешиваться в дела Европы. С Россией уже заключен был тайный союз, под названием Потсдамской конвенции; Австрия обещала присоединиться к союзникам, как только позволят стесненные ее обстоятельства; Англия явно приглашала всех к восстанию против Франции. Курфюрсты Гессенский и Саксонский и герцог Веймарский отдавали войска свои в распоряжение Пруссии, а другие владельцы германские обещали присоединиться при первом успехе Пруссии. Надежды были огромные и блистательные, и предвещали успех в войне. И точно, надлежало надеяться на успех, если бы война начата была вовремя и с расчетом. Но партия, желавшая войны, воспламененная каким-то дивным энтузиазмом, отвергала всякое замедление и, горя нетерпением сразиться, требовала немедленно начать войну, чтобы не дать французским войскам поправиться и укомплектоваться после блистательной, но трудной Аустерлицкой кампании, которая и французам стоила недешево. Слава Наполеона и французских войск, так сказать, разила взоры прусского юношества, и оскорбляла его самолюбие, заслоняя славу Семилетней войны. Весь прусский двор, исключая благоразумного короля, был на стороне приверженцев войны... Наконец король уступил советам и просьбам партии, которая выдавала свое собственное мнение за общее, и вызвал на бой Наполеона!..

Главнокомандующим прусской армией назначен был герцог Фердинанд Брауншвейгский (Braunschweig-Lüneburg). Имя Брауншвейгское озарено было военной славой в XVIII веке. Фердинанд, герцог Брауншвейгский, был в числе отличнейших генералов Фридриха Великого в Семилетнюю войну, и избранный английским королем Георгом II, для начальствования англо-ганноверской армией, он несколько раз жестоко бил французов, одержал знаменитые победы под Кревельтом в 1758 году, под Минденом в 1759 году, и выгнал их из герцогства Гессенского в 1763 году. Но он скончался в 1792 году, имея более семидесяти лет от рождения, и слава его озарила племянника его, также Фердинанда, которого многие смешивали с дядей. Назначенный, в 1806 году, главнокомандующим прусской армией, герцог Фердинанд Брауншвейгский был в это время семидесяти одного года от рождения (род. 1735 г.). Он также снискал блистательное имя в Семилетнюю войну (от 1756 до 1763), в первой своей молодости, но не как полководец, а как храбрый и пылкий офицер. В первый раз начальствовал он, на правах главнокомандующего, отдельным тридцатитысячным прусским корпусом, в 1787 году, при усмирении Голландии, восставшей против своего Штатгудера, зятя короля Прусского. Голландию покорил герцог Фердинанд Брауншвейгский, так сказать, несколькими выстрелами. В 1792 году, во время самого сильного разгара Французской революции, он был назначен главнокомандующим союзной австрийско-прусской ар-

мии, которая должна была действовать в самой Франции для спасения несчастного Людовика XVI, но был разбит при Вальми французским генералом Келлерманом (получившим впоследствии звание герцога Вальмийского, Due de Valmy), и заключив конвенцию с республикой, возвратился в Германию. Военная репутация герцога Фердинанда чрезвычайно пострадала после этой кампании, и он даже вышел в отставку из прусской службы. Герцог Фердинанд Брауншвейгский был человек отлично образованный, светский, одаренный красноречием, человек храбрый и знавший подробно тактику Фридриха Великого, но сам он не имел дарований полководца, хотя и обучался военному ремеслу, на практике, у первого вождя своего времени, и участвовал в великих подвигах. Не всякому таланту дается творческая сила!

Незадолго до войны, герцог Фердинанд Брауншвейгский приезжал в Петербург, для дипломатических переговоров и военных совещаний, и я несколько раз видел его. Он был низкого роста и сухощавый. Лицо его до такой степени покрыто было морщинами, что казалось мозаикой. Нос у него был длинный, губы небольшие, глаза живые, и вообще он был быстр в движениях, по своим летам. Он был в мундире точно такого покроя, какой был в русской армии, при императоре Павле Петровиче, с той разницей, что мундир был синего цвета. В Петербурге тогда поговаривали, будто герцог Фердинанд Брауншвейгский вступает в русскую службу, в звании генералиссимуса, и что ему будет поручено предво-

дительство русских войск против французов. Не знаю, было ли это в проекте, но таков был слух. Герцог Брауншвейгский посещал все наши военно-учебные заведения, Военную коллегия, Комиссариат, Арсенал, бывал на парадах войск, и входил во все подробности высшего управления. Быть может, это самое подало повод к слухам.

Военное искусство до Тридцатилетней войны в Европе находилось в плохом положении. В каждой войске сперва десятую, потом пятую и четвертую часть составляла конница. Шведы, под предводительством Густава Адольфа и Карла XII, первые доказали преимущество пехоты и силу штыков (изобретенных в Байонне, во Франции, в половине XVII века) в сомкнутой линии. Но при устройстве пехоты, во всей Европе обращали более внимания на целое, обучали построениям, переменам фронта и движениям в массе, и пренебрегали частностями. От солдата требовалось только, чтобы он умел стрелять, держаться линии и действовать совокупно в рядах. Солдаты были неуклюжи и неповоротливы; одевались как кто умел, и только цвет одежды отличал солдата от крестьянина или горожанина. Покрой был почти тот же, как и в гражданской одежде. Из всех европейских держав Пруссия первая завела в войске своем дисциплину и так называемую выправку, еще в начале XVIII столетия (с 1714 года), и военные люди из всех государств приезжали в Берлин любоваться гвардией прусского короля Фридриха Вильгельма I (das grosse Leibregiment), состоявшей почти из ве-

ликанов, одетых однообразно и выправленных до совершенства. Ружейные приемы, для приучения солдат владеть ловко ружьем, зарядание ружья на двенадцать темпов, залпы plutонгами, ротами, батальонами и целыми полками, по одному слову, батальонный огонь, маршировки тихим шагом, построения скорым шагом и быстрые перемены фронта и линий, все это было доведено в прусском войске до совершенства, а кроме того учреждена единообразная служба во всей армии; заведены вахтпарады, правильные караулы, строгая подчиненность. Словом, прусская армия сделалась образцовой для всей Европы, и все государства брали с нее пример.

Король Фридрих Великий, который в молодости своей насмехался над этим, считая выправку мелочностью, вступив на престол, убедился в превосходстве выправленного солдата перед неуклюжим воином, усилил все начатое, и оставленное ему родителем его семидесятипяти тысячное войско умножил до двухсот тысяч (в 1789 году). Фридрих Великий был творец нового военного искусства, основанного *на маневрировании*. Это искусство состояло в том, чтобы движениями своего войска оставлять неприятеля в неведении насчет своих намерений, заставлять его переменять позиции, атаковать там, где неприятель не ожидает, и отступать теми путями, о которых он не предполагает. Война была почти то же, что игра в шахматы, и воевать можно было на малом пространстве, имея в крепостях запасы. В самом сражении искусное маневрирование, т. е. движение массами, до-

ставляло хорошо обученному войску выгоды пред превосходным числом и храбрым неприятелем. Обстоятельства заставили Фридриха Великого изобрести, так называемую, *малую войну*, т. е. войну партизанскую. Он первый почувствовал важность хорошо обученной конницы для поддержания пехоты и артиллерии, и изобрел конную артиллерию. Семи-летняя война доказала превосходство его военного искусства и пользы от армии, хорошо обученной и выправленной. Предводительствуемая искусными полководцами, прусская армия торжествовала над двойным и даже тройным числом неприятеля. Храбрые венгерцы, отчаянные пандуры, кроаты и словаки, которыми славилось австрийское войско, должны были уступать пруссакам, предводительствуемым Фридрихом Великим и генералами его школы. Французы, пользовавшиеся всегда военной славой, особенно при Людовике XIV, были беспрерывно биты пруссаками и их союзниками, ганноверцами и брауншвейгцами, в Семилетнюю войну.

Сражение при Росбахе было как бы народным пятном в военной истории Франции. В этом знаменитом сражении (3-12 ноября, 1757 года), Фридрих Великий, с 22 000 пруссаков, разбил и обратил в бегство 60 000 союзников, большею частью французов. Сражение продолжалось не более полутора часа, и с прусской стороны в действии была только одна конница, под начальством знаменитого генерала Зейдлица, и семь батальонов пехоты. Французы лишились выбывшими из фронта 10 000 человек (из которых 7000 сдались

в плен на поле сражения), 63 пушки и 23 знамени, и вся французская армия разбежалась. У пруссаков убито до ста человек и до 300 ранено. Эта блистательная победа, в числе многих других, одержанных пруссаками над французами генералами Фридриха Великого, особенно герцогом Фердинандом Брауншвейгским, совершенно уронила военную репутацию французов. В Германии распевали песни насчет их трусости и привычки бегать с поля сражения, воткнув ружье в землю. Особенно в Пруссии сильно утвердилось мнение насчет малодушия французов, и с ними вообще обходились с каким-то презрением. Внуки героев Семилетней войны, будучи свидетелями успехов французов в революционную войну, приписывали их победы или ошибкам, или трусости неприятеля, горя нетерпением повторить Росбахское торжество. Неудачу похода в 1792 году во Францию, пруссаки приписывали слабому содействию австрийцев и болезням, открывшимся в прусской армии, что отчасти было и справедливо.

Но время все изменяет. Не те уже были пруссаки, и не те французы, каковыми они были в Семилетнюю войну. В прусском войске сохранились и прежняя отличная выправка, и прежнее искусство в маневрировании, но в челе войска не было военного гения, который бы, подобно Фридриху Великому и его знаменитым ученикам, умел пользоваться этим искусством, а в войске не было надлежащей дисциплины и военного духа. Прусское войско, во время продол-

жительного мира, отвыкло от военных трудов, и изнежилось, как войско Аннибала в Капуе. Полки стояли всегда на одних бессменных квартирах, и пользуясь всеми удобствами жизни, привязаны были к его выгодам. Армейские офицеры, без производства, старели в одних чинах, и живя на одном месте, занимались более хозяйством, нежели военными помыслами. Армейские штаб-офицеры и капитаны большею частью были люди пожилые и даже старые. Именем *прусского майора*, означали в то время, в шутку, старого, дородного пузана! Солдаты занимались ремеслами или полевыми работами. В пехоте большая часть офицеров и солдат были женаты. Полки имели огромные обозы, и выступали с квартир с полным хозяйством, с женами и детьми.

Мы сами видели, в 1807 году, прусские отряды, за которыми тянулись ряды фур, втрое длиннее войска. На этих фурах солдатки везли постели, кухонные снаряды и даже живых кур, гусей, и т. п. Русские солдаты называли пруссаков, в насмешку: *кукуреки*, т. е. петухами. В прусской коннице, также отлично обученной и выправленной, было более порядка и дисциплины; но как большая часть солдат в конных и пехотных полках были люди вербованные не в одной Пруссии, а из разных немецких владений и из славянских племен, то войско не было одушевлено тем патриотизмом и той народной гордостью, которые возвышают душу и заставляют предпочитать смерть унижению отечества. Весьма многие из солдат, завербованных обманом (как то случилось и

с нашим знаменитым Ломоносовым), даже радовались победам французов; это я сам слышал от прусских солдат. В армии было несколько генералов Семилетней войны, как, например, Моллендорф, Калькрейт и другие, но они уже устарели и слабо сохранили предания великой науки побеждать. С виду эта армия была бесподобная, и сверху кипело и пенилось, как шампанское вино – но в целом не было силы и крепости, а на дне были дрожжи.

Энтузиазм кипел только при дворе, в высшем обществе и между гвардейскими офицерами. Прусские гвардейские офицеры, в противоположность армейским, были большею частью люди молодые, из аристократических фамилий не только Пруссии, но всей протестантской Германии и даже из владетельных домов. Военный дух, оживлявший эту блистательную молодежь, принимали за дух всего войска, а мнение аристократических салонов за мнение народное. В этом состояла важная ошибка! Энтузиазм в военной молодежи дошел до высшей степени, и наконец превратился в несносное фанфаронство. Перед окнами французского посла, в Берлине, молодые офицеры острили свои сабли и шпаги, под звуки знаменитого Дессауского марша, игранного во время Росбахской битвы. Ежедневно бросали в дом посланника карикатуры и эпиграммы насчет французов и Наполеона. На театрах и в журналах повторялись ежедневно самые жестокие выходки противу французов и Наполеона, и более всех отличался своей неустрашимостью и запальчивостью зна-

менитый Коцебу, издававший тогда в Берлине журнал: *der Freimuthige*. Никто не помышлял о том, что и Пруссия и Европа уже не те, что были при Фридрихе Великом.

Французы, народ воинственный от природы, удобовоспламенимый, легко забывающий величайшие бедствия и неудачи, в эту эпоху был точно такой, каков надобен был величайшему военному гению, какой только был на земле после Цесаря и Александра Великого, Наполеону, для чудных его подвигов. Революционные войны, в которых надлежало победить или умереть, умереть на поле битвы или на эшафоте, образовали превосходных солдат, отличнейших офицеров и искусных полководцев. Наполеон, сообразуясь с веком и обстоятельствами, совершенно пересоздал военное искусство, положив ей основанием Суворовские правила: *быстроту инатиск*. Он усилил артиллерию и, так сказать, соединил конницу с пехотою, заставляя их всегда действовать, опираясь одна на другую или подкрепляя друг друга. Умея пользоваться местоположением, вследствие особенного дара природы, наделяющей великих полководцев превосходным глазомером и быстротой соображений в самом пылу сражения, Наполеон действовал всегда сжатыми массами, колоннами, не растягивая своей боевой линии и стараясь всегда иметь под рукою всю свою силу. Воспользовавшись изобретением Фридриха Великого, Наполеон довел до совершенства конную артиллерию в своей войске и ввел *застрельщиков* (*tirailleurs*), впервые появившихся в Американскую вой-

ну за независимость колоний, в 1775 году, в войске Вашингтона. Американские застрельщики набираемы были из людей, занимавшихся охотой в лесах и степях Америки, и составляли главную силу войска Соединенных Североамериканских Штатов. Наполеон набирал своих вольтижеров (так назывались стрелковые роты во французском войске) их самых ловких рекрут из лесных и горных стран Франции, и приказывая их непрерывно обучать стрельбе, награждая искуснейших, держал вообще всех их в почете. Своими вольтижерами Наполеон прикрывал обыкновенно движение своих масс, как громоносною тучею, подкрепляя стрелковые цепи конницей в поле и колоннами легкой пехоты в местах, где конница не могла действовать.

Все переменилось во французском войске со времени Росбахской битвы, и люди, и вооружение, и тактика, и дух войска и народа, и французы, которые прежде, под предводительством своих маркизов бегали от неприятеля, теперь, с полною уверенностью в победе, отважно шли на встречу смерти за своими народными героями! – Слава побед, блистательные завоевания, гений полководца, многочисленность войска и убеждение в собственном достоинстве, внушенное почти невероятными успехами, все это давало французам значительный перевес над другими народами в эту эпоху. Французское войско, согретое прокламациями Наполеона, выступило в поход против пруссаков с ожесточением и жаждой мести, усиливавшими его мужество, а

пруссаки, кажется, не знали или не хотели знать всего этого, и толковали только о Росбахе! Они думали встретиться снова с французскими маркизами и с их поварами и парикмахерами, как изображали французское войско в карикатурах, которые англичане, вместо военной помощи, высылали в Пруссию кипами из Лондона!⁴⁹

Прокламация Пруссии о войне с Францией, содержащая в себе косвенный упрек в убийстве герцога Ангенского, весьма разгневала Наполеона. Письмо к нему короля прусского, на двадцати страницах, в котором решительно требовалось, чтобы Наполеон отрекся от плодов всех своих побед и вывел войско из Германии – оскорбило его гордость. Последнего и решительного ответа от Наполеона требовали на 8-20 октября, с пояснением, что этот ответ должно доставить в главную квартиру короля Прусского.

Наполеон получил письмо короля Прусского в Бамберге. Скрыв свою досаду, он обратился к начальнику своего главного штаба Бертье (князю Невшательскому), и сказал: "Нам назначают срок поединка на 8-е октября. Никогда француз не уклонялся от честной разделки. Но как слышно, что одна прекрасная королева желает быть свидетельницею битвы, будем вежливы, и пойдем немедленно, без отдыха, в Саксо-

⁴⁹ Секретарь короля Прусского Ломбар (Lombart) написал в своих Записках: «A Londres on n'eut pas sacrifie une hutte de negres pour sauver des couronnes». Т. е. «В Лондоне не пожертвовали бы хижиною негра для спасения царских венцов».

нию⁵⁰" Французская армия, бывшая уже на походе, двинулась ускоренными маршами навстречу пруссакам.

Наполеон, по своему обычаю, перед решительной минутой, еще предложил мир, и подавив свое огорчение, написал письмо к королю Прусскому, и приглашая к союзу, представлял ему не только Ганновер, но и полное влияние в северной Германии. Письмо это было послано с адъютантом Наполеона Монтеスキю, которого умышленно удержали на прусских аванпостах, и до того медлили, что король получил письмо уже по начатии военных действий.

Герцогу Фердинанду Брауншвейгскому было предоставлено составить план военных действий. В начале сентября был сочинен один план, в конце сентября другой – и оба оказались непригодными, потому что пруссаки наступательными движениями к Франконии не только не удерживали французов, но открывали им путь в сердце Саксонии, в Дрезден, Лейпциг и Наумбург, где собраны были огромные запасы продовольствия и военных снарядов прусской армии и союзников; третий план принят по обстоятельствам, вследствие движений французских войск. Два первые плана были наступательные, – и Наполеон своим внезапным и быстрым движением заставил герцога Брауншвейгского избрать план оборонительный, который надлежало выполнять почти

⁵⁰ Merechal! on nous dome un rendez – vous d'honneur pour le 8; jamais un Francais n'y a manque; mais, comme on dit qu'il y a une belle reine qui veut etre temoin des combats, soyons courtois, et marchons, sans nous coucher, pour la Saxe". Биньон, стр. 588.

в виду неприятеля. Вместо того, чтоб, перейдя Турингский лес, первым начать военные действия, пруссаки, удостоверясь только 10 октября, что Наполеон сам действует наступательно; остановились. Главная армия, при которой находился сам король и герцог Брауншвейгский, сосредоточилась у Эрфурта; корпус генерала Рюхеля остановился в Готе; корпус князя Гогенлоэ близ Гохдорфа, и резерв, под начальством принца Евгения Виртембергского, в Галле.

Французская армия шла вперед. Правое крыло составляли корпуса маршалов Сульта и Нея; центр – корпуса маршалов Даву и Бернадота, императорская гвардия, под начальством маршала Бессьера и резервная кавалерия Мюрата. Левое крыло образовали корпуса Ланна и Ожеро.

8-го октября (вследствие слов Наполеона, сказанных в Бамберге) впервые раздались выстрелы. Мюрат, являясь на берегах реки Саалы, против Саальбурга, заставил пруссаков ретироваться. 9-го октября, Султ вступил в Гоф и завладел огромными магазинами, не дав пруссакам времени ни спасти их, ни истребить; того же числа, Бернадот атаковал город Шлейц, разбив прусского генерала Тауенцина, командовавшего девятитысячным отрядом, принудил к отступлению, взяв у него несколько пушек, казенных ящиков и фур. Маршал Ланн, 10 числа, встретил авангард князя Гогенлоэ при Саальфельде, под начальством принца Людовика Фердинанда Прусского. Завязалось жаркое дело. Принц Людовик, двоюродный брат короля Прусского, молодой человек,

исполненный блистательных дарований, страстный к военной славе, уже отличившийся мужеством в кампанию 1792 года, и получивший честную рану, сражаясь в передних рядах, был одним из главных зачинщиков войны. Красавец и молодец собой, красноречивый и увлекательный в обществе, неустрашимый на поле битвы – он был обожаем войском и народом, и имея сильное влияние на умы, воспламенял их жаждой славы. Не зная, что Шлейц уже занят французами, принц Людовик почел обязанностью защищать Саальфельд до последней крайности, чтобы спасти огромные магазины.

После двухчасовой канонады, дивизия генерала Сюшета ударила в штыки на прусскую пехоту, и смяв ее, отбросила в лес и загнала в болота. Французские гусары, в то же время, бросились на прусскую и саксонскую конницу, которою лично начальствовал принц Людовик: пруссаки и саксонцы не устояли. В преследовании, французский гусарский унтер-офицер Генде (Guinde) наскочил на принца Людовика, и не зная его, замахнулся саблей, крича: "Сдайся, полковник – или убью!" – Принц отвечал ему сабельным ударом. Принужденный защищаться, французский гусар отпарировал удар, и пронзил юного героя... он упал мертвый с лошади... Смерть принца посеяла ужас в сердцах пруссаков, и они обратились в бегство, лишившись 800 человек убитыми, 1200 человек пленными, тридцати трех пушек и, так сказать, лучшего украшения двора и войска – принца Людовика!

Эти две первые неудачи при встрече с французами навели

уныние на прусское войско, и возбудили в них недоверчивость к собственным силам и к искусству их генералов. Кроме того, лишение магазинов на первой операционной линии водворило недостаток и почти голод в армии, принужденной быстро отступать после столь блистательных предсказаний.

Прусское войско разделено было на две армии. Одной, при которой находился сам король, начальствовал главнокомандующий, герцог Брауншвейгский; другой престарелый фельдмаршал Моллендорф – два воина Семилетней войны, ученики Фридриха Великого. Но Моллендорф начальствовал более для вида, а войском распоряжал князь Гогенлоэ. Одна армия, при которой находился король, сосредоточивалась при Веймаре, другая при Иене. Князь Гогенлоэ предлагал: или соединить обе армии, для выдержания генерального сражения, или отступить вместе к Эльбе. Но его не послушали, и сделали большую ошибку. Распоряжением герцога Брауншвейгского, прусское войско, имевшее сто тысяч пехоты под ружьем, двадцать тысяч отличной конницы и более 400 орудий, было растянута на пространстве двадцати верст!..

Наполеон в эту кампанию раскрыл всю силу своего военного гения. Передвигая, как шахматы, свои корпуса, предводимые опытными и знающими военное дело маршалами, он фланговыми движениями довел прусскую армию до того, что она, в противность всем прежним планам и расчетам, должна была переменить фронт, и в день сражения, 14–26 октября, очутилась тылом к Рейну, к которому прежде шла

фронтом, французы стояли тылом к Эльбе и к Рейну лицом!

Наполеон был сильнее пруссаков, имея в строю, по малой мере, 150 000 человек, закаленных в боях воинов. Сам он, с отборным войском (в состав которого входила его непобедимая фаланга: гвардия), устремился к Галле, противу князя Гогенлоэ, а противу герцога Брауншвейгского, к Веймару, выслал корпуса Даву и Бернадота. По странному недоразумению, Бернадот, ссылаясь на изустные приказания Наполеона, не хотел содействовать маршалу Даву, предоставив ему опасности и славу победы!

Не мое дело описывать подробности несчастного для Пруссии дня, 14–26 октября, в который произошли две кровопролитные битвы, под Иеной и при Ауэрштадте, близ Веймара. Все мы читали об этом, а кроме того я слышал рассказы очевидцев, маршала Сюшета и одного из лучших прусских офицеров, любимца знаменитого Блюхера, майора Коломба, начальствовавшего прусским партизанским отрядом, в 1813 и 1814 годах. Маршал Сюшет отдавал полную справедливость пруссакам, а Коломб превозносил французов. Оба были только справедливы. Так поступают честные воины! Они никогда не унижают, вопреки истине, своих неприятелей. Коломб говорил, что французы были в каком-то восторженном состоянии: кидались с воплями на прусские ряды, и защищались отчаянно в отступлении. При всем превосходстве своей конницы, пруссаки не могли врубиться ни в одно французское каре. Наполеон, зная дух французского

солдата, открыл войску, перед сражением, свои предположения (как было под Аустерлицем), для водворения в солдатах уверенности в победе и рассеяния всех впечатлений, произведенных рассказами о превосходстве прусской конницы. Он сказал перед фронтом: "Прусская армия отрезана, как за год пред сим была армия генерала Мака, в Ульме. Пруссаки будут драться для того только, чтобы очистить себе путь к отступлению. Корпус французских войск, который даст ей пробиться, подвергнется вечному бесчестию! Что же касается до этой превосходной конницы, которую столько прославляют, противопоставьте ей сомкнутые карей и штыки". В ответ на эту речь французские солдаты кричали, как иступленные: "вперед! вперед!" и бросились в сражение, как на пир. Весьма замечательна привычка Наполеона, обращаться всегда к солдатам перед сражением, и говорить им о своих видах и предположениях, как в совещаниях с генералами! Но он испытал, какое действие производит эта доверенность в солдатах французских, которые обожали его, и верили, что под его начальством они непобедимы.

Пруссаки дрались отлично. Генералы, офицеры и солдаты шли мужественно на смерть, и употребляли все усилия к одержанию победы. Пример короля и принцев королевской крови одушевлял всех; но никакие усилия не могли спасти их от поражения. Когда герцог Брауншвейгский был убит, фельдмаршал Моллендорф, принц Гейнрих Прусский и множество других генералов и офицеров были переране-

ны или убиты – обе прусские армии дрогнули и в беспорядке оставили поле сражения. В этот день прусская армия потеряла 20 тысяч убитыми, 30 000 пленными, 300 пушек и 60 знамен; но, что всего важнее, прусское войско упало духом, и, почитая все погибшим, разбурелось. Где только собирались отряды, они были разбиваемы французами, преследующими их по пятам. Резерв прусской армии разбит совершенно при Галле, Бернадотом; князь Гогенлоэ с герцогом Мекленбургским капитулировали в Пренцлау, с 16 000 пехоты, шестью полками конницы и 64 орудиями. Остатки армии, с фельдмаршалом Калькрейтом, настигнутые маршалом Сультом, претерпев поражение, спаслись в горах Гарца. Только Блюхер, с четырьмя или пятью тысячами конницы, уверив преследующего его генерала Клейна, что заключено перемирие, прошел невредимо скрозь французское войско, намереваясь пробиться до Любека и на судах уйти в Англию, но и он должен был наконец сдаться. Словом, прусская армия была совершенно уничтожена. Крепости, снабженные всем нужным к сильной защите, сдавались одна после другой, без выстрела, при приближении французов, и некоторые коменданты высылали нарочных с ключами крепости, для отыскания французских войск, чтобы предупредить атаку добровольной сдачей! Магдебург сдался 8 ноября, имея 30 000 гарнизона, отдавшего в плен. В Гаммельне также 9000 гарнизона сдались без выстрела. Кюстрин, Штеттин, Шпандау без боя поддались французам, и Наполеон с тор-

жеством вступил в Берлин, 25 октября, кончив кампанию в *семь недель*, уничтожением войска и покорением большей части государства, поставленного в первый разряд европейских держав успехами и славою *Семилетней войны*. Дела чудные и почти невероятные!

Письмо Наполеона с предложением мира, писанное в Бамберге, король Прусский прочел на другой день несчастной битвы, и на основании его послал к нему просить о заключении перемирия. Наполеон отказал в этом, и объявил, что намерен вполне воспользоваться плодами победы. Из-за Одера, король Прусский предложил мир Наполеону, но он отвечал, что Пруссия не может приобрести мира иначе, как большими пожертвованиями. Королю ничего не оставалось делать, как искать спасения поблизости русской границы, и он поселился, со всем семейством своим, в Кенигсберге. До начатия кампании, король Прусский имел до 200 000 войска, со всеми гарнизонами – а теперь между Вислою и Неманом, т. е. за чертой, занимаемой французами, у него было не более 20 000 разных команд. Вся надежда была на Россию и на великодушие императора Александра!

Вот при каких обстоятельствах вышел я в офицеры! В Петербурге сперва не хотели верить в такое быстрое разрушение всех сил прусской монархии; но когда это непостижимое событие подтвердилось, все пришло в движение, и вся Россия начала вооружаться.

16 ноября издан высочайший манифест о войне с францу-

зами. 30 ноября обнародован манифест об учреждении милиции. Все отставные офицеры приглашались в службу, в западных губерниях, и на юге открыты вербунки, для формирования конных полков из охотников. Пущено в свет род объявления, без подписи, для воспламенения народа противу нарушителя общего спокойствия, Наполеона Бонапарте, которого не щадили, разбирая всю жизнь его с того времени, как он защищал в Париже Директорию противу разъяренной черни. Объявление было напечатано славянскими буквами, и прибито к стенам церквей и повсюду, где собирается народ. Этот современный акт чрезвычайно любопытен и редок. Я удержал в памяти несколько выражений. Начинался он словами: "Неистовый враг Наполеон Бонапарте, уподобившаяся сатане!" Упрекали Наполеона в том, что он в Париже "совершал беззакония с непотребницами, а потом поклонялся им, как божеству". Намек на праздники богини *Разума*, которые, впрочем, как теперь известно, были не по душе Наполеону Бонапарте! Упрекали его в том, якобы он в Египте поклонялся Магомету, и наконец, представив его каким-то Картушем, объявляли, что он идет на Россию, и приглашали ополчиться за Дом Пресвятыя Богородицы и за царя Православного. Это объявление было написано искусно, в духе простого народа – и было предшественницей знаменитых прокламаций и бесед графа Ростопчина с московским народонаселением, в 1812 году. Все русские полки комплектовались, и в разных местах учреждались депо, для приема и обучения рекрут. Милиция

также быстро устраивалась.

Две армии были в России на ногах. Одна, под начальством восьмидесятилетнего фельдмаршала графа Каменского, в состав которой входили корпуса генералов Беннингсена и графа Буксгевдена, поспешала к Висле, на помощь Пруссии и для удержания движения французских войск к пределам России; другая армия, под начальством генерала Михельсона, вторгнулась в Молдавию (в начале ноября), потому что Порта, побуждаемая к войне французским послом в Константинополе, генералом Себастиани, нарушила договоры сменой господарей Молдавского и Валахского, и отказалась от всяких объяснений с Россией. Очевидно было, что Турция намеревается начать войну; надлежало предупредить неприятеля, и 11 ноября генерал Михельсон вступил в Яссы. – Итак, Россия принуждена была вести две войны в одно время: со всемогущим повелителем Франции, который, смирив Австрию и уничтожив Пруссию, самовластно повелевал в Европе, и с Турциею, которая могла действовать всеми своими силами против разделенных сил России. – Император Александр с удивительною твердостью и необыкновенною решительностью вступил в эту борьбу, чтобы сохранить честь и славу Богом вверенного ему царства, которое предок его Петр Великий ввел в семью европейских государств. Если б Россия осталась тогда спокойной зрительницей всех присвоений Франции и уступила Турции – то лишилась бы, навсегда, влияния своего в Европе, которая на

одну ее полагала надежду своего избавления. Вооружением России произведено самое благотворное действие в умах: им доказали, что одно проигранное сражение не может лишить ее всех сил и средств к отпору. – Трудное время было для России – но и блистательное! Россия обожала своего государя, государь полагался твердо на свой храбрый и преданный ему народ. Этот сердечный союз был точно трогателен! – Все пришло в движение по слову царскому: все охотно ставили людей в милицию, жертвовали на ее. обмундировку и содержание, и кто только мог, вступал в военную службу.

В Стрельной Мызе, где была штаб-квартира Уланского его высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича полка, формировался тогда батальон императорской милиции, из собственных крестьян императорской фамилии в Санкт-петербургской губернии. Исключая красноселов, все солдаты в батальоне были из Чухон. Сам цесаревич занимался устройством этого батальона, в котором все офицеры были или из корпусных офицеров, или из кадет первого и второго кадетских корпусов. Батальонным командиром был полковник Андрей Андреевич Трошинский. Все члены высочайшей фамилии утешались этим батальоном, который, невзирая на то, что весьма немногие солдаты разумели по-русски, вскоре сравнялся в выправке со старыми полками гвардии. Офицеры батальона должны были учиться по-чухонски, чтобы понимать своих солдат и быть ими понимаемы. Замечательно, что как ни трудно было обу-

читать и выправить этих солдат, все сделано было одною ласкою, и с ними обходились, как с добрыми детьми. Батальон этот дрался чрезвычайно храбро в кампанию 1807 года, и за это поступил в гвардию и послужил основанием нынешнего Лейб-гвардии финляндского полка.

Не только Стрельна была тогда не то, что теперь, но и все окрестности Петербурга имели другой вид. Левая сторона Петергофской дороги, только до Колонии и дачи, принадлежащей ныне графу Витгенштейну, была застроена дачами; далее было пусто. Между Стрельною и Петергофом было несколько деревень, но дач вовсе не было. Дворец и деревянные казармы, с госпиталем, существовали в Стрельне, но самая слобода состояла из лачуг или маленьких домиков, в которых для найма было не более одной комнатки. Две или три комнаты была бы роскошь. Домишки эти, большею частью, принадлежали старым служителям его высочества цесаревича, и отставным семейным унтер-офицерам конной гвардии, жившим получаемым от цесаревича пенсионом и вспомоществованием. Во всей Стрельне был один только порядочный дом (принадлежавший англичанину, служившему при дворе его высочества), занимаемый поручиком конной гвардии графом Станиславом Феликсовичем Потоцким, проживавшим несколько сот тысяч рублей в год дохода. Ни одной из нынешних дач не было, и даже дача Энгельмана, главного управителя вотчинами его высочества, начала строиться позже. Нельзя себе представить, какая перемена произошла

во всем, в тридцать восемь лет!

Петергоф, ныне прекрасный город, был немногим лучше Стрельни! Дворец и сады существовали, хотя и содержались не так щегольски, как теперь, но селения были самые бедные, а между верхним и нижним селением, где ныне чудесный английский сад, было дикое место, как его создала здешняя угрюмая природа. От Петербургской заставы до дворца еще были кой-какие домики, но в дальнем Петергофе, со стороны Ораниенбаума, было селение, какое может существовать теперь где-нибудь в глуши, в захолустье России! В этом селении домики и лачуги принадлежали или отставным придворным лакеям, или ремесленникам императорской гранильной фабрики, существовавшей тогда в полном блеске и в большом размере. Бумажной фабрики вовсе тогда не было. Каменные здания были: церковь, гранильная фабрика и конюшни, где помещались уланские лошади. Ни одного немецкого трактира, или так называемого "ресторана" не было в Петергофе, а в Стрельне один только трактир был на почтовой станции, где собирался весь надод, любивший, как говорил в шутку наш полковник, граф Андрей Иванович Гудович: "сушить хрусталь и попотеть на листе". Тут был бессменный совет царя Фараона, т. е. тут метали банк с одного утра до другого! Тогда это не было еще запрещено, как я уже сказал прежде.

Один или два эскадрона наших стояли постоянно в конногвардейских казармах в Петербурге, а остальные помеща-

лись в Стрельне и Петергофе, – т. е. полк расположен был на тридцати верстах расстояния, и все мы, однако ж, весьма часто видались между собою. Я уже сказывал, что между офицерами все было общее. У эскадронных командиров всегда был открытый стол для своих офицеров – но как молодежи приятнее было проводить время между собою, без седых усов, то кто из нас был при деньгах, тот и приказывал стряпать дома. Эти корнетские обеды не отличались гастрономическим изяществом, но были веселее сотысячных пиров. Щи, каша, биток или жаркое составляли нашу трапезу; стакан французского вина, или рюмка мадеры, а иногда стакан пивца – и более нежели довольно! Но сколько было тут смеха и хохота, для приправы обеда, сколько веселости, шуток, острот! Блаженное корнетское время! Фанфаронство, надутость, чванство, важничанье почитались между нами смертными грехами, которые и при жизни не прошли бы без кары.

Из Стрельни и из Петергофа нельзя была ездить в Петербург без дозволения его высочества и без билета, за собственноручным его подписанием – вот что было нашим камнем преткновения. Проситься в Петербург нельзя было иначе, как по очереди, и то в свободное время, да и нельзя было проситься часто, и этим условиям весьма трудно было подчиниться буйным корнетским головушкам и сердцу, через которое переливалась пламенная юношеская кровь. Жажда наслаждений терзала нас! Тысячи магнитов притягивали нас в Петербург: то дают прекрасную пьесу на одном из петер-

бургских театров, то маскарад у Фельета, то бал в знакомом доме, на который привлекается сердце какой-нибудь *заноушкою* (как говорили тогда) – и молодежь, отслужив день, скакала на вечер в Петербург, часто без спроса. Удалось – хорошо; узнали или увидели – марш на гауптвахту! Я был самый страстный любитель театра, как только можно быть, и дорого поплатился за эту страсть.

В это время в полной славе был Владислав Александрович Озеров. После языка Сумарокова, язык Княжнина, в Рославе, уже приятен был слуху, но язык Озерова, который теперь кажется нам жестким и устарелым – был музыкаю, и трагедии его привлекали в театр всех образованных людей. *Смерть Олега*, представленная в первый раз в 1798 году, хотя и обратила на сочинителя общее внимание, но не произвела сильного эффекта – и пьеса была почти забыта. Возвысила поэта и дала ему блеск трагедия его: *Эдип в Афинах*, представленная в первый раз 25 ноября 1805 года. Трагедия эта, исполненная высокого чувства и драматических эффектов, имела самый блистательный успех: в ложах рыдали; рукоплескания, восклицания, вызовы автора повторялись при каждом представлении, и публика не уставала наслаждаться этим истинно прекрасным созданием. *Фингал*, представленный в том же году, 8 декабря – трагедия, исполненная нежности и геройства, с прекрасной музыкой О.А.Козловского, с хорами, балетами, сражениями, приближаясь к романтическому роду, имела больший успех, нежели *Эдип*, и довер-

шила торжество поэта. Имя Озерова было в устах каждого, и все молодое поколение затвердило наизусть не только лучшие стихи, но целые тирады из этих трагедий.

Не быть в представление *Эдина* или *Фингала*, для любителя театра было несчастьем! И вдруг, среди полного разгара патриотического чувства в народе, при всеобщем воспламенении сердец и умов, объявлением войны гордому повелителю Франции и Европы, угрожавшему России уничтожением, при тяжком страдании народной гордости, после первой неудачи под Аустерлицем – появилась трагедия *Димитрий Донской!* Представления ее ждали все, как народного праздника! Я был в первое ее представление, 17 января 1807 года, и сознаюсь, что не в силах описать того восторга, того иступленного энтузиазма, которые обуяли зрителей! Это было не театральное представление, а римский форум, на котором мысли и чувства всех сословий народа слились в одно общее чувство, в одну мысль! – Обожаемый государь, любезное Отечество, опасность предстоящей борьбы, будущие надежды и слава, тогдашнее положение наше, которое можно выразить словами Гамлета – *быть или не быть* (to be, or not to be) – все это сжимало сердце и извлекало из него сильные порывы. Каждый стих, каждую тираду, припоминающие настоящее положение России (а вся трагедия наполнена этими применениями), были ударом в сердце! В одном месте театра раздавались радостные восклицания, в другом рыдания и вопли мести... Тогда еще умели жить сердцем! Тогда

не стыдно было выказывать чувства, и жалкая холодность *ко всему* еще не была принадлежностью хорошего тона!..

Здесь кстати вспомнить о двух тогдашних знаменитостях, с которыми я хотя и не был в особенных связях, но которых видел в обществах, слышал их речи и смотрел на них с каким-то благоговением. Это были Владислав Александрович Озеров и истинно великий трагический артист, Алексей Семенович Яковлев.

Я уже сказывал, что В.А.Озеров воспитывался в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе. Он родился в 1770 году, следовательно, в первое представление *Димитрия Донского* ему был тридцать седьмой год от рождения. Из корпуса выпущен он прямо в поручики в армию (в гвардию тогда не выпускали), в 1788 году, т. е. при графе Ангальте, и награжден, за успехи в науках, первую золотую медалью. – Биографы наши не могли отыскать никаких подробностей о службе и частных случаях жизни Озерова. Известно только, что он был сперва адъютантом при графе де Бальмен, потом был в отставке, снова поступил в военную службу, имел наконец чин генерал-майора, находился в статской службе – членом Лесного департамента, вышел в отставку в 1808 году, уехал в деревню, на родину, в Тверскую губернию – заболел, страдал долго, и наконец помешался в уме и умер, в ноябре 1808 года. – Не будь Озеров поэтом, о нем нечего было бы сказать, как разве повторить сатирическую эпитафию И.И.Дмитриева, которой прикрываются целые фаланги отправляющихся

в вечность именитых мужей:

Жил, жил – и только что в газетах Осталось – выехал в Ростов!

Но Озеров жил, в краткий свой век, умом и сердцем, следовательно, после себя оставил на земле следы. Озеров действовал с невероятной силой на своих современников, и хотя сочинения его, по духу времени, уже не имеют теперь тех самых достоинств, какими они отличались в *свое время*, но все же они занимают почетное место в литературе, и имя Озерова останется незабвенным в истории русской славы и в истории русской литературы. – Озеров принадлежал к знаменитостям своей эпохи – и никакая критика не затмит блеска его заслуг, оказанных в свое время, кстати и в пору.

Озеров был среднего хорошего роста, довольно плотен, и имел приятную наружность. По портрету, приложенному к его сочинениям, я бы не узнал его: портрет снят с бюста и несколько идеализирован. В натуре у него лицо было более обвислое, и губы толще.

В пребывание свое в Петербурге, Озеров был обласкан государем-императором и всеми членами августейшего семейства, отлично принимаем во всех знатных домах, а особенно у Александра Львовича Нарышкина и Александра Сергеевича Страгонова. Знаменитый Державин ласкал его и обходился с ним, как с другом; и в доме Алексея Николаевича Оленина он был как родной. – Об Алексее Николаевиче Оленине я буду говорить после, в своем месте, а теперь скажу только,

что этот истинно благородный и добрейший человек, пылая искреннею любовью к отечеству, радовался каждой народной славе, и прилеплялся душой ко всем даровитым людям. Видя в Озерове человека, споспешествующего славе России, он подружился с ним, и пребыл ему верным до гроба.

Знавшие хорошо Озерова: знаменитый баснописец И.А.Крылов, Н.И.Гнедич и археолог Ермолаев сказывали мне, что Озеров был добрый и благородный человек, но имел несчастный характер: был подозрителен, недоверчив, щекотлив, раздражителен в высшей степени, притом мнителен и самолюбив до последней крайности. Он олицетворял собою известный латинский стих:

Irritabile genus vatum.

С таким характером невозможно быть счастливым ни на каком поприще, а на литературном этот характер сущее бедствие! – Ни в ком люди не ищут столько слабостей и недостатков, как в человеке, объявившем притязания на славу, т. е. на ум! Люди все простят, но превосходства ума – никогда! Это относится, однако ж, к счастливым и талантливым прозаикам, а вовсе не к поэтам. – Умный и даровитый прозаик страшен для нас: он может занять место в гражданской иерархии, может быть употреблен в важных делах, где надобно красноречивое перо – и потом выказать свои познания и искусство в управлении. Есть тысячи примеров везде, что

люди, принявшие страсть свою к авторству за талант, бросились на литературное поприще, и, имея столько благоразумия, чтоб после претерпенных неудач перейти на поприще службы, снискали почести, богатство и значение в свете, когда, напротив, в литературном мире они остались бы навсегда в последних рядах. Качества, необходимые хорошему писателю: чувство и воображение, не только не нужны в делах, а, напротив, вредны. В делах нужны только здравый ум, ясное суждение и искусство изложения, а в литературе все это не составляет еще того, что мы называем *даровани-ем*, которое должно опираться на творческой силе, питаться чувством и носиться в области фантазии. Даже историческое творения нельзя создать, не обладая этими качествами, потому что и *правда*, не согретая *чувством*, не расцвеченная воображением, будет мертвая буква. Итак, вся вражда посредственности, зависти и искательства устремлена всегда против прозаиков, которым везде *вне* своего круга, жить тесно. Напротив, поэтов везде и всегда баловали и балуют, если они только не шли и не идут путем сатиры. Гражданское общество смотрит на поэтов или как на детей, забавляющих его своими играми и трогающих детским простодушием, или как на певцов и музыкантов, потрясающих душу очаровательными звуками, и возбуждающих в уме идеи отголосками возвышенного и изящного. Прорицателями и вещунами называли поэты сами себя. Они, правда, жители надоблачного мира, постижимого только душам пиитическим, и изобра-

жают землю только *в отражении*, в миражах. Кому они могут быть страшны? Соперникам? Но ведь каждый поэт почитает себя первым, выше всех других поэтов! Они могут враждовать только между собою, а все гражданское общество дает им дорогу, и каждый спешит посторониться перед поэтом, зная, что он идет своим путем, к *своей цели*. Влияние их было благотельно, если они были воспламенены высокими чувствами, любовью к отечеству и к человечеству; но в *наш век*, требующий *убеждения*, это влияние почти вовсе исчезло. Поэты всегда сами составляют свое несчастье, сами создают себе горести, требуя от света более, нежели можно и должно требовать, а именно первенства и внимания там, где нет и не может быть поэзии – в обществе и по службе. – В обществах, иногда приятный, хотя и пустой болтун или хороший карточный игрок, приятнее возвышенного поэта, а по службе, исправный и опытный делец важнее творца *Илиады*. Порода, звание, богатство, если и не ценятся в обществе выше гениальности, то имеют всегда высшее место. Так было и будет всегда в мире! – Желать ниспровержения этого устройства значит желать невозможного, а идти наперекор мнениям и обычаям, есть то же, что стремиться пробить кораблем каменную скалу. Кораблекрушение верное! – Жалок не только поэт, но даже и прозаик, который домогается в свете того, чего он никогда получить не может, т. е. первенства таланта перед светскими преимуществами! На каждом шагу он встретит горе, тоску, терзания оскорбленного самолюбия,

и наконец, или сам должен пасть под бременем горести, или зарыть свой талант под спудом светских условий!

До какой степени был самолюбив Озеров? Однажды он жестоко заболел с горя, что его не пригласили к А.Л.Нарышкину, когда августейшему семейству благоугодно было посетить его дачу, хотя всем известен этикет, что при подобных случаях приглашаются только люди по выбору высоких посетителей. Каждый раз, когда в каком знатном доме, где Озеров был обласкан, было какое-нибудь собрание, на которое его не пригласили, он почитал себя обиженным! Кто, встречаясь с ним, не восхищался его сочинениями и не осыпал его похвалами, тот был враг его, т. е. того он почитал врагом. Это почти общая болезнь всех поэтов, болезнь воображения, которая, как и каждый недуг, отравляет жизнь и сводит в могилу. Озеров в высшей степени страдал этим недугом.

Разумеется, чем блистательнее был успех трагедий Озерова, тем виднее были в них черные пятна. Между стихами счастливыми и благозвучными, в трагедиях Озерова есть стихи слабые, вялые, натянутые и даже смешные; между мыслями высокими, благородными, есть мысли самые обыкновенные (*lieux communs*), доходящие даже до тривиальности, и между нежными, трогательными чувствами, есть приторности, или как говорят французы: *Marivaudage* а *Geai de rose*. Все это было в свое время замечено умной, острой, насмешливой молодежью, которая рада каждому случаю похотать и позабавиться, и все это радовало тех, которые вооб-

ражали, что торжество Озерова стесняет путь их талантам, и тех, которым несносны были притязания Озерова. Если б он имел более твердости и более самостоятельности в характере, то не обращал бы внимания на эти отдаленные брызги, не могли запятнать его славу, и как умный человек, сам должен был бы признать великую истину, что человек не может создать *совершенства*. А Озеров мучился! В свете и в литературе есть всегда услужливые приятели, которые *из усердия* извещают вас о всем неприятном для вас, повторяют перед вами, из дружбы, что говорено было дурного на ваш счет, доставляют вам писанные против вас критики и эпиграммы! Это мухи и комары, которые мучат и терзают вас, потому что вы им нравитесь. Эти-то мухи и комары беспрестанно раздражали Озерова, и доводили его до отчаяния. Он вообразил, что он гоним, преследуем завистью, а на деле этого вовсе не было. Никто не гнал и не преследовал его. Все люди, достойные уважения, оказывали ему свое внимание и уважение, и если были насмешки, то в отдалении, и они вовсе не вредили поэту.

Помню и я эти насмешки. Например, в конце прекрасной трагедии *Фингал*, герой Морвена, указывая Улинну на труп убитой Старном Моины, говорит:

Возьми ты сей предмет, чтобы я каждый день Из гроба вызывал Моины легку тень.

И с сими словами упадает на руки Улинна. Назвать труп обожаемой невесты *предметом*, и велеть *взять* его, как ка-

кую-нибудь вещь, прво, смешно! Молодежь подхватила это слово, и предмет сделался забавою. Если кто умер, говорили: и стал предметом; кто выздоровел, тот вышел из предметов, и т. п. А сколько шуточных применений произвели эти стихи в Эдипе.

Эдип (сев на камень):

"Спокойно. Я мой век на камне кончу сем".

Но это были детские шутки, и нисколько не вредили славе Озерова. Те же люди, которые пародировали плохие стихи поэта, восхищались его пьесами и рукоплескали ему; но капля горечи отравляла все сладости, представляемые ему в жизни всеми его окружавшими. Немногие из современников знают причину и смысл приведенных здесь стихов Озерова, в послании к В.В.Капнисту, в ответ на стихи в похвалу трагедии: Эдип в Афинах(См. Сочинения Озерова. Издание пятое. СПб. 1827 года. Стр. 126.):

Теперь, хотя б Эдип за скорбной слепотой
Не мог меня вести к бессмертью, в путь надежный,
Стихов твоих согласьем, красотой
Стихов, перу Капнистову приличных,
К бессмертью я дойду, в досаду злоязычных.

Я помню это время, и даже до сих пор удержал в памяти эпиграмму, породившую эти стихи Озерова, эпиграмму, ко-

торая, как ядовитая стрела, воткнулась в сердце раздражительного поэта и довела его до такого отчаяния, что друзья его опасались, чтоб он не решился на что-нибудь необыкновенное. Эдип представлен на сцене слепым, и один из тогдашних остряков написал:

Наш Озеров во храм бессмертия идет.
Но скоро ли дойдет? Слепой его ведет!

Вот и все! Шутки и только. Не тронута ни честь поэта, ни даже его талант. То ли вытерпели другие? Эпиграмму эту одни приписывали тогда кн. А.А.Ш., другие капитану С.Н.М.; но кто подлинно написал, неизвестно. Озеров был неутешен, мрачен, еще более недоверчив, жаловался одному приятелю на другого, без всякой причины, подозревал всех в недоброжелательстве, в заговоре против его славы, и многие поверили его жалобам, и перенесли небылицы в потомство. Не только биографы, но и поэты (см. послание В.А.Жуковского к князю Вяземскому и Пушкину) решили, что Озеров погиб от стрел зависти, хитрости, вероломства и всего злого, что попало кстати и под рифму! В самом же деле никто не сделал Озерову существенного зла, а все старались делать ему добро. Нет сомнения, что у него были завистники, потому что это необходимые спутники в жизни истинного таланта, но если бы у Озерова не было клеветников и завистников, то это означало бы, что пьесы его не имели никакого достоин-

ства и успеха. Но ведь эти завистники всегда так ничтожны, так мелки, что человеку с умом и характером не стоит даже обращать на них внимания! Ужели за несколько эпиграмм и пустых шуток не могла вознаградить Озерова любовь к нему публики и уважение всех дороживших народной славой! Самая заманчивая слава – это слава драматического писателя, и ни Расин, ни Кребильон, ни даже Шиллер и Гёте не наслаждались таким торжеством, как наш Озеров. Все это не могло, однако ж, успокоить его и составить его счастье! Везде ему виделись зависть и злоба! Нет никакого сомнения, что это расположение зависело от состояния его здоровья. Биографы его и поэты, завещавшие истории свое сострадание об участи поэта, погибшего от *стрел зависти*, были бы более правы, если бы сказали, что он лишился жизни от болезни печени!

Выше уже сказано о восторге, произведенном трагедией *Димитрий Донской*, в первое представление. Ее играли тогда по два и по три раза в неделю, и восторг не только не охладевал, но возвышался, когда все сильные стихи, имевшие отношение к тогдашнему положению России, были выучены наизусть почти всеми грамотными людьми, когда трагедия, так сказать, слилась с общим чувством. Я помню, что однажды весь партер единогласно повторил последний стих:

Языки ведайте: велик российский Бог! —

и вслед за этим раздалось общее громогласное *ура!* —

Надобно сказать по справедливости, что и великий тогдашний трагический артист много содействовал к успеху трагедий Озерова. Алексей Семенович Яковлев, сын разорившегося ярославского купца, торговавшего в Петербурге, в Гостином Дворе, родился в 1773 году, следовательно, в это время был в полном цвете возраста, будучи только тридцати четырех лет. На седьмом году от рождения он остался круглым сиротой. После родителей осталось весьма мало, и бедный сирота отдан был в опеку зятю своему, купцу Шапошникову, который посылал его в народную школу, благотворительное учреждение императрицы Екатерины II. – На тринадцатом году от рождения кончилось воспитание Яковлева, и его определили сидельцем в лавку (галантерейную), по обыкновению тогдашних купцов и большей части нынешних гостинодворцев, в той уверенности, что купцу больше ничего не нужно знать, как грамоту, разумеется, кое-как и *цифирь!* Нельзя без сожаления смотреть на этих мальчиков по лавкам, которых с детства дрессируют, как искусно заманивать прохожих, показывать товар казовым концом, запрашивать вдесятеро дороже, словом, употреблять все способности ума своего на то, чтобы купить, как возможно дешевле и продать, как можно дороже. Из этих сидельцев едва тысячный выйдет в люди – прочие погибают в ничтожестве, без пользы для себя и для отечества. Природа отказала Яковлеву в этом пуделевом проницании, но наделила любовью к про-

свещению: он ненавидел торговлю, страстно любил чтение, и потому прослыл плохим сидельцем. На восемнадцатом году от рождения (именно в 1796), познакомился он с Григорием Ивановичем Жебелевым⁵¹, сидельцем в шляпной лавке, находившейся неподалеку от лавки, в которой сидел Яковлев, и, нашед в нем то же отвращение от торговли и ту же любовь к словесности, подружился с ним. Дружба эта имела решительное влияние на судьбу Яковлева. Жебелев, побывав в театре, пристрастился к нему, и вскоре та же страсть овладела Яковлевым. Оба они учили наизусть тогдашние трагедии, и разыгрывали втроем, присоединив меньшего брата Жебелева. Наконец и Яковлеву удалось побывать в театре, что тогда для сидельца было сопряжено с трудностью, потому что посещение театра ставилось наряду с посещением трактиров, и означало небрежного купчину. Увидев сценическое представление, Яковлев предался душою поэзии и театру. Он сам начал сочинять трагедии, и писал стихи на разные случаи⁵².

Ах! я двух лет от рождения
Был несом за гробом отеческим;

⁵¹ Бывшим потом комическим актером; он особенно был хорош в роли Трише, в «Модной лавке» И.А.Крылова.

⁵² См. Сочинения Алексея Яковлева, придворного российского актера. СПб. в типографии А.Смирдина. 1827, с портретом. Книгу эту изучал А.Ф.Смирдин и подарил мне рукопись Яковлева, которая и теперь хранится у меня. Поэзии в этих сочинениях не много, но есть ум и благородные чувства. Весьма замечательные стихи, под заглавием: Мрачные мысли, в которых Яковлев описывает свое сиротство в горсть жизни:

На осьмом за доброй матерью
Шел покрыть ее сырой землей.
Горько, горько сиротою жить,
И рукою хладной, чуждою
Быть возвращаему, питаему;
И на лоне нежной матери
Не слышать названий ласковых, и проч.
Это не поэзия, но чувство, излившееся прямо из души!

Зять его, Шапошников, не мог более держать сидельца-книжника, и Яковлев взял свой наследственный капитал, всего 1800 рублей, снял окно в Гостином Дворе, и начал торговать галантерейным товаром. Торговля шла плохо – и Яковлев вскоре сделался в Гостином Дворе *притчею во языщеу*.

Когда под сводами Гостиного Двора раздавались визги, вопли и шарканья сидельцев, запрашивавших и даже насильно тащивших в лавку покупателей (так было в старину), Яковлев и не глядел на них, а читал книгу, или писал стихи! Это поразило одного любителя словесности, Н.И.Перепечина (директора банка), который, поговорив с Яковлевым и открыв в нем необыкновенный ум и пламенную любовь к просвещению, познакомился с ним, пригласил к себе в дом, и руководствовал в порывах его к стихотворству и декламации. В доме Перепечина узнал Яковлева патриарх русской сцены И.А.Дмитревский, полюбил и взялся быть его наставником, а наконец убедил поступить в театр. Яковлев дебютировал 1 июня 1794 года, как трагический актер, в роли *Оскольда* (в

трагедии Сумарокова: *Семира*), и 21 июня, в роли *Доранта*, в комедии: *Ревнивый*; третий раз в роли *Синава*, 29 июля – и принят в придворные актеры. С первого появления его на сцене он был принят публикою превосходно, и с тех пор любовь к нему публики непрерывно возрастала, и наконец, когда появились трагедии Озерова, и для таланта Яковлева открылось поприще во сто раз обширнее прежнего, он достиг высшей степени славы, и любовь публики к нему не имела уже пределов. При каждом появлении его на сцене, он принимался был с громкими рукоплесканиями, и во время игры, каждая тирада, каждый стих, счастливо сказанные, каждый приличный жест и игра физиономии возбуждали в зрителях восторг. Когда играл Яковлев – театр был всегда полон.

Яковлев был прекрасный мужчина, довольно высокого роста (однако ж ниже В.А.Каратыгина), стройный. Черты лица его имели правильный очерк, и с первого взгляда он походил на Тальму. Движения его и позы, когда он не слишком горячился, были благородны и величественны; взор пламенный и игра физиономии одушевленная. В римской тоге, в греческом костюме или в латах, он был в полном смысле – загляденье. Но лучше всего в нем был звук голоса, громкий, звонкий, как говорится серебристый, настоящий грудной голос, исходивший из сердца и проникавший в сердце. Этот необыкновенный дар природы более всего способствовал его успеху. Яковлев был одарен сильным чувством, часто проникался своею ролью, и когда сам был тронут, то трогал зри-

телей до глубины души.

Главный его недостаток состоял в том, что зная вкус *большинства* зрителей, он жертвовал ему изящной стороною искусства – и для возбуждения рукоплесканий и восклицаний слишком горячился, кричал, топал ногами и размахивал руками. – Для истинных знатоков и любителей драматического искусства это было несносно, но *толпа* была в восторге и ревела в исступлении! – Эти проделки употреблял Яковлев в тех пьесах, которые не могли возбудить сильных порывов в публике, но в трагедиях Озерова, особенно когда Яковлев не был в тот день на пирушке, он играл нежно, с надлежащим приличием и глубоким чувством. В *Эдине*, *Фингале*, *Димитрии Донском* он был превосходен! Но мне он гораздо более нравился в драмах. Сколько прошло лет, а я никак не могу забыть Яковлева в роли отца семейства, Вольфа, в драме Коцебу: *Гусситы под Наумбургом*. Жители Наумбурга решились выслать детей своих в стан свирепого предводителя Гусситов, Прокопия, просят пощады и помилования городу, которому он угрожал совершенную погибелью. У Вольфа несколько человек детей – должно выслать одного: он выбирает – и не может решиться на выбор! Все они равно милы, равно драгоценны его родительскому сердцу! Каждый из них в глазах отца имеет свои прекрасные качества. Эта сцена (которую он разыгрывал с матерью Василия и Петра Андреевичей Каратыгиных, Александрю Дмитриевною Каратыгиною, отличною актрисою в драмах) всегда извлекала у

меня слезы, и теперь живо предстоит моей памяти.

Неумеренные похвалы, всегдашние рукоплескания и восторги публики избаловали Яковлева. Самолюбие ослепило его – и он не хотел слушать никаких советов, воображая, что достиг высшей степени искусства. Даже и советы друга и учителя его, Дмитревского, уже не действовали на него – и Яковлев, не получив в юности надлежащего образования, и пренебрегая наукою по вступлении на сцену, руководствуясь одним умом своим, и полагаясь на свое природное вдохновение, не пошел вперед, путем усовершенствования, а остановился на той точке, на которой поставил его Дмитревский.

Купечество подхватило знаменитого артиста, бывшего собрата, и излишними угощениями повредило и таланту его и здоровью. И теперь купечество любит покутить в свободное время, а тогда было в тоне и в моде между купцами, угостить донельзя известного человека. Следствия разгульной жизни Яковлева часто отзывались на сцене – и публика терпеливо переносила уклонения своего любимца от сценической обязанности. Наконец он впал в изнурительную болезнь, которою страдал несколько лет, не покидая, однако ж, сцены. Яковлев играл в последний раз в 1817 году, 4 октября (не помню, в какой пьесе, кажется, в драме: *Смерть Роллы*, уже больной, и не мог кончить пьесы. На другой день он слег в постелью и скончался 3 ноября 1817 года. Он был человек честный, благородный, благодетельный, верный в дружбе, чрезвычайно набожный и пламенный патриот. Послед-

ним рублем делился он с бедными и, при деньгах, выкупал из тюрьмы несчастных должников. Друг его, Г.И.Жебелев, говорил, что последние слова Яковлева, на смертном одре, были:

Языки ведайте: велик российский Бог!

В обществах В.А.Озеров был, как говорят немцы, *zuruckhaltend*, т. е. осторожен, непредупредителен, холоден. Подобно гениальному Пушкину, Озеров в обществах любил говорить более по-французски, думая этим придерживаться *высшего тона*, и весьма дорожил вниманием, так называемых, аристократов и людей высшего круга, похвала какого-нибудь князя для Озерова была выше Похвалы Державина. В этом Озеров и Пушкин совершенно равны. Слышал я, что в дружеской беседе, при хорошем расположении духа, Озеров был очень любезен. Этого я не видал. Мне случилось несколько раз быть в дружеских обществах, где находился Яковлев. Он был довольно разговорчив, вежлив, но в кругу, к которому он не принадлежал, он все смахивал на героя, рисовался и говорил мерно и важно. Когда же лишняя рюмка перепадала в голову, тогда он устранял всякую принужденность. Он любил церковное пенье, и охотно в обществе пел из Бортнянского обедни или из его концертов, и очень был рад, когда находил в обществе людей, которые могли ему вторить. Зная наизусть всю русскую обедню (быв

сам певчим в корпусе), я однажды так угодил ему, пропев с ним херувимскую песнь, что он обнял меня, расцеловал и не отходил от меня во весь вечер. Это было у адъютанта лейб-егерского батальона князя Голицына. Давно уже лежат в могиле и Озеров и Яковлев, и все житейские дрязги, критики, эпиграммы, мелкие страстишки погребены с ними; но память их должна быть и будет всегда драгоценна русскому сердцу! Яковлева заменил нам и даже превзошел его Василий Андреевич Каратыгин, человек, усовершенствовавший свой природный дар наукою и размышлением об искусстве – но место Озерова осталось праздным. Есть у нас драмы и даже некоторые из них очень хорошие, но русской трагедии в новом вкусе и в новом духе – нет! Нет ничего такого, что бы мы могли поставить, хотя на низшей ступени, за Валленштейном, Орлеанскою Девою, Вильгельмом Телем, Дон-Карлосом, *Шиллера*; Эгмонтом и Гецем фон Берлихингеном – *Гёте*! Терпенье – подождем!

Между тем, как мы в Петербурге наслаждались жизнью, среди приготовлений к войне, ожидая ежедневно повелений *выступить*, и когда юные сердца наши томились жаждою битв – братья наши уже дрались с французами, на равнинах Польши, издревле упитанных кровью различных народов. Ни один страстный любовник не ожидает с таким нетерпением нежного письма от своей возлюбленной, как мы ожидали реляций из действующей армии!.. Образованное общество не было погружено в расчеты и спекуляциях – и сло-

ва: Россия, слава, народная честь звучали в ушах приятнее золота, и пробуждали чувство, не уснувшее глубоким сном на лоне эгоизма. – Наконец пришло радостное известие из армии!.. Полилось шампанское в бокалы – и радостное *ура!* раздалось повсюду...

ЭПИЛОГ

Марш русской гвардии 1807 года. Выступление в поход.

Вся сила механики основана на трех существенных началах: точке опоры, рычаге и колесе (вертикальном или горизонтальном). Архимед утверждал, что он рычагом сдвинет с места земной шар, если только дадут ему точку опоры. На основании этих начал сооружаются огромные машины, движущие непомерные тяжести. Но редко механики вспоминают, что есть *сила невидимая*, без которой и рычаг и колесо были бы недействительны. Это сила неосязаемая, не разгаданная умом, тайна природы: *сила тяготения* (gravitation)! – Точно так же и в человечестве есть сила, без которой ничто не подвинется вперед. Это *сила нравственная* (force morale), действующая на ум и на сердце, как *сила тяготения* действует на рычаг и колесо, т. е. на силу грубую (force brute). – Все великие мужи действовали на массы людей *силою нравственною*, зная, что без душевного участия масс невозможно произвести ничего великого, и что все величие состоит в том, чтоб уметь подчинить волю и страсти масс своей воле. Так действовал Наполеон, как уже выше сказано об этом, и так действовал император Александр, в борьбе с Наполеоном. – Все было устремлено, в 1807 году, к воспламенению умов в России к этой гигантской борьбе, и к этой цели упо-

треблено единственное и *специальное средство: литература, или письма*. Литература для *нравственной силы*, есть то же, что рычаг и колесо для *силы тяготения* – т. е. средство к двиганию тяжестей. Кто не понимает меня, о том я крайне сожалею!

Манифесты, прокламации, театр, журналы, брошюры возжигали умы и сердца. В полках русской гвардии песенники пели стихи, сочиненные Сергеем Никифоровичем Мариным, и под голос этой музыки, не знаю кем сочиненной, войско маршировало на парадах и ученьях. Сам удивляюсь, как я, по прошествии многих лет, сохранил твердо в памяти и стихи и музыку этого марша! У брата Сергея Никифоровича, генерал-майора Аполлона Никифоровича Марина, нашелся список этих стихов, искаженный и без трех последних куплетов. О музыке ни слуху, ни духу. Ее забыли! Я восстановил, из памяти, настоящий текст стихов, а даровитый Г.Кажинский с голоса моего написал ноты для фортепиано. Вот этот знаменитый, в свое время, марш.

Марш русской гвардии, в 1807 году

Пойдем, братцы, за границу,
Бить отечества врагов.
Вспомним матушку царицу,
Вспомним век ее каков!

Славный век Екатерины
Нам напомнит каждый шаг,
Вот поля, леса, долины,
Где бежал от русских враг!

Вот Суворов где сражался!
Вот Румянцев где разил!
Каждый воин отличался,
Путь ко славе находил.

Каждый воин дух геройский
Среди мест сих доказал,
И как славны наши войски,
Целый свет об этом знал.

Между славными местами,
Устремимся дружно в бой!
С лошадиными хвостами
Побежит француз домой!

За французом, мы дорогу
И к Парижу будем знать.
Там начальник, понемногу,
Каждому позволит брать.

Там-то мы обогатимся,
В прах разбив богатыря,
И тогда повеселимся

За народ свой и царя!

Стихи эти удивительно характеризуют тогдашнюю эпоху. С.Н.Марин намекает на французские *лошадиные хвосты*, которыми осенены были каски французских кирасиров и драгунов и придавая им ужасный вид, когда они неслись в атаку, производили сильное впечатление в противном войске. – Добыча, в то время, еще входила в расчет воина; но С.Н.Марин, предсказав, что *русские узнают дорогу к Парижу*, не угадал, что великодушный Александр не позволит никому *брать*, и что русское войско, по воле своего государя, подаст всем народам благородный пример воинской дисциплины, бескорыстия и уважения собственности мирного гражданина в неприятельской земле.

Наконец мы дождались блаженной минуты выступления в поход, и Уланский его высочества полк вышел из Стрельни 2 февраля 1807 года, по Рижскому тракту. – Его высочество цесаревич, хотя командовал всем гвардейским корпусом, но, в звании шефа нашего полка, шел с нами, верхом перед полком, не оставляя полка до самой прусской границы.

Началась для *меня новая жизнь* – и самостоятельность! – Одно существо в мире пролило слезы при прощании со мною: добрая сестра моя Антонина, которую я любил более всей моей родни, потому что жил с нею вместе, почти неразлучно, от первого детства до выпуска моего в офицеры, и потому что у нее была ангельская душа. – «Береги себя,

друг мой!» сказала она мне, сквозь слезы: – «ты еще так молод!» – И точно я был дитя: мне был только *семнадцатый* год от роду! Школьные идеи вертелись у меня в голове, и я отвечал, преважно, спартанским выражением: *с щитом или на щите!* – Теперь мне смешно, когда я подумаю об этом! Бедный корнет, я думал, что и мой меч должен иметь свое значение на весах всемирной политики! – Все же лучше, если человек принимается за дело с любовью! Один энтузиаст – искра, а сто тысяч энтузиастов – Везувий!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Иванович Греч, излагая свое мнение о первых двух частях моих Воспоминаний (см. «Северную Пчелу» 1846 г. № 147-й) назвал рассказ мой импровизациею. Это самая верная характеристика моих Воспоминаний. Решившись издать в свете отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни, с тою единственно целью, чтоб представить хотя краткий, но верный очерк чудной эпохи, в которую мне привелось жить, я бросаю на бумагу мои воспоминания, точно так, как бы я рассказывал о былом, в кругу приятелей, без всяких приготовлений и требований. Может быть, иное и было не так, как я рассказываю, но по составленному мною плану это вовсе не мешает делу, потому что, желая представить верный очерк прошлого времени, а говорю так, как мы думали тогда, как верили тогда, и представляю предметы с той точки зрения, с которой тогда на них смотрели. Это именно и должно составлять главное достоинство моих Воспоминаний, если они имеют какое-либо достоинство.

Что же касается до важных исторических событий, то, разумеется, что тогдашние рассказы об них я сверял с новейшими известиями. Впрочем, я уже говорил, что пишу не во-

енную и не политическую историю моего времени, и потому не выставляю себя авторитетом в делах войны и политики. Пишу, что сам видел, и историческими событиями только поясняя виденное.

Когда эта часть моих Воспоминаний уже печаталась, вышло в свет сочинение его превосходительства Александра Ивановича Михайловского-Данилевского: Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах. Сочинение это, сверх всех других достоинств его отличающих, особенно важно тем, что все события в нем рассказаны с необыкновенною искренностью и точностью. Я не мог пользоваться этим сочинением при составлении третьей части моих Воспоминаний и не стал бы им пользоваться, если бы оно вышло и прежде моей книги, ибо не имел намерения составлять полную картину описанной в нем войны.

Желающим знать все подробности этой войны и все военные и политические соображения и события тогдашней эпохи, советую прочесть это сочинение, написанное по официальным документам и с рассказов важных государственных лиц. Лестно мне, что в некоторых заключениях о тогдашних событиях и выводах из происшествий я встретился с знаменитым военным историком, вовсе не зная о его образе мыслей и взгляде на дела.

Импровизируя мои Воспоминания, я никак не мог избежать необходимости говорить о самом себе; иначе они лишились бы современного характера. Противники мои, без вся-

ких доказательств старались внушить читателям моим недоверчивость к моим рассказам, что и теперь, вероятно, не преминут сделать. – Отношения наши не переменились, и некоторые люди в порывах страстей позволяют себе уклоняться от справедливости, чтоб только унижить своего противника! Бог с ними! Всему, что я рассказываю есть наемные свидетели, из старых моих товарищей, и хотя бы я был даже таков, каким стараются изобразить меня мои противники, все же я не осмелился бы говорить неправду в лицо живым людям. – Все здесь верно, или представлено так, как мы верили тогда.

Из свойства моего рассказа читатели убедятся, что Николай Иванович Греч совершенно постиг дело, назвав мои Воспоминания импровизациею. Повторяю, что воображаю себе, будто сижу в зимний вечер перед камином, и рассказываю приятелям, по их желанию, о былом. Кто не желает слушать, может бросить книгу – и делу конец.

ГЛАВА I

Война 1806 года. – Характеристические черты и биографические очерки трех русских полководцев этой войны: генерал-фельдмаршала графа М.Ф.Каменского, генерала от кавалерии барона Л.Л. Беннигсена и генерала от инфантерии графа Ф.Ф.Буксгевдена. – Наступательные действия русских. – Знаменитые сражения под Пултуском и Голымином. – Обе армии расходятся на зимние квартиры. – Первое устройство герцогства Варшавского и формирование новых польских войск. – Смелый и гениальный план Беннигсена. – Намерение Наполеона уничтожить всю русскую армию. – Беннигсен удачно избегает расставленных ему сетей. – Знаменитое сражение под Прейсиш-Эйлау. – Невыгодное впечатление для могущества Наполеона, произведенное этим сражением в Европе и в самой Франции. – Восстание немцев в тылу армии. – Опасное политическое положение Наполеона. – Обе армии снова расходятся на зимние квартиры, и готовятся к весенней кампании, долженствующей решить участь войны и Европы. – Надежда всей Европы на русское могущество и величие души императора Александра. – Учреждение Прейсиш-Эйлауского знака отличия и солдатского Георгиевского креста. – Пенсион вдовам и детям воинов, павших на поле брани. – Выступление в поход Уланского его высочества полка. – Образцовый поход. –

Первые нужды походной жизни. — Уланы-людоеды. — Образ жизни крестьян в Петербургской, Лифляндской и Курляндской губерниях. — Тогдашнее лифляндское и курляндское дворянство. — Дерпт, Рига, Митава. — Несколько идей о евреях и несчастных женищинах. — Благородный поступок уланских офицеров и радость цесаревича. — Достопамятные его слова. — Добрый полковник Чаликов и «фонтеры-понтеры». — Кратковременный отпуск.

Я уже говорил, что весь Петербург и вся Россия с величайшим нетерпением ожидали известий из нашей армии, действовавшей противу французов, и что первые известия наполнили сердца радостью. До выступления нашего в поход, мы торжествовали две полные победы над самим Наполеоном под Пултуском и под Прейсиш-Эйлау, и несколько блистательных побед над его маршалами при Голыmine, Морунгене, под Лопачиным, под Насельском и т. п. Забавно, что в Париже и во всей Франции торжествовали те же самые победы! Французские бюллетени возвещали о разбитии русских, а русские реляции доносили о совершенном поражении французов! Французских бюллетеней мы в России не видали, следовательно, имели полное право торжествовать победы; но Европа была в недоумении. — Теперь, по прошествии сорока лет, можно сказать сущую правду, итак, я скажу, что с обеих сторон удар был силен, но обе стороны неправильно присваивали себе эхо. Победы не было, но нравствен-

ный перевес и слава остались на стороне противников Наполеона.

В сообщаемых мною отрывках из моих Воспоминаний, я, по возможности, стараюсь избегать политики и частных исторических очерков тогдашней эпохи, но исключить их все – почитаю невозможным. Можно ли говорить о плавании, не назвав моря, не определив широты и не сказав о погоде? – Каким образом рассказывать о современности, не представив очерка тех событий, в которых сам рассказчик, так сказать, утопал! Итак, волей-неволей, любезные мои читатели, взгляните на ход военных действий в Пруссии, до прибытия гвардии к армии, и познакомьтесь с людьми, которым поручено было бороться с первым полководцем нашего времени и его учениками, покрытыми славою.

Русское войско, вступившее в Пруссию, разделено было на два сильные корпуса, или, как тогда говорили, на две армии. Первою армиею начальствовал генерал от кавалерии барон Леонтий Леонтьевич Беннигсен, второю генерал от инфантерии граф Федор Федорович Буксгевден. Уже войско наше было в Пруссии, и армия барона Беннигсена уже имела несколько авангардных встреч с неприятелем, когда был назначен (16 ноября 1806 года) главнокомандующим действующею армиею генерал-фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский, который немедленно поспешил к армии и застал Беннигсена на Нареве, в окрестностях Пултуска, а армию графа Буксгевдена, приближающуюся к Висле, по на-

правлению к Остроленке. Приняв армию, граф Каменский рапортовал государю-императору, что вверенная ему армия состоит, по спискам, из 159 000 человек⁵³.

На трех человек обращено было тогда внимание не только России, но и всей Европы: на Каменского, Беннигсена и Буксгевдена.

Графу М.Ф.Каменскому было в то время семьдесят восемь лет (он родился в 1738 г.). Воспитывался он в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе, и выпущен из корпусных сержантов в армию поручиком, в 1757 году, на девятнадцатом году от рождения. В то время корпус был то же, что ныне военная академия, и кадеты получали высокое военное образование, которое М.Ф.Каменский, по выходе из корпуса, непрерывно совершенствовал, занимаясь науками и чтением военных писателей. В том же году он перешел в артиллерию тем же чином, и в следующем году произведен в капитаны. – Любя страстно военное ремесло, скучая бездействием и желая приобрести опытность, Каменский выпросил позволение служить волонтером во французской армии, и пробыл в ней два года, под начальством известного тогда маршала Бролио, сражаясь в рядах французов против союз-

⁵³ Это сказал мне его превосходительство А.И.Михайловский-Данилевский, который уже написал историю войны 1806 и 1807 годов, по официальным документам, до сих пор хранившимся в тайне в архивах. Здесь должно заметить, что между счетом по спискам и счетом на лицо – большая разница. При ускоренных маршах, в позднюю осень, верно из 159 000 по списка, 15 000 человек не было налицо во фронте.

ников Фридриха Великого, в Семилетнюю войну. Когда Россия приняла участие в этой войне, Каменский поспешил в армию Салтыкова, участвовал почти во всех делах 1760 и 1761 годов, и в следующем году произведен в полковники и в звание генерал-квартирмейстера-лейтенанта (соответствующее нынешнему званию корпусного квартирмейстера). На двадцать девятом году от рождения М.Ф.Каменский имел уже блистательное положение в армии и в свете, был бригадиром (в 1767 году), владел родовым имением в три тысячи душ, был милостиво принимаем при дворе и у всех сильных тогдашних вельмож.

По заключении мира с Пруссией, при вступлении на престол императрицы Екатерины II, М.Ф.Каменский был в Берлине, и несколько раз удостоился беседовать с Фридрихом Великим, который, так сказать, проэкзаменовав его в военных познаниях, и удивляясь в нем смеси ума и учености с необыкновенною пылкостью и какою-то дикостью воображения, сказал о нем: "c'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez civilise"⁵⁴, т. е. «это дикарь (канадец), однако ж довольно образованный».

Государыня, выбирая сама лица для беседы с наследником престола, дозволила Каменскому посещать его высочество государя цесаревича Павла Петровича, и это служит лучшим доказательством, что Каменский был на весьма хо-

⁵⁴ В это время ирокойцы и другие дикие племена американские вели жестокую и беспощадную войну с европейскими поселенцами в Канаде.

рошем счету. Но до 1769 года, М.Ф.Каменский был известен только как храбрый и сведущий офицер, а открывшаяся в этом году война с Турциею, дала ему случай выказать свои высшие способности. Он приехал в армию князя Голицына уже в чине генерал-майора, и, начальствуя авангардом, способствовал к разбитию великого визиря крымского хана, и ко взятию Хотина. Перешед под начальство графа Панина, а потом графа Румянцева, он беспрерывно отличался, командуя уже отдельным корпусом, в чине генерал-поручика, и способствовал много к заключению знаменитого мира при Кучук-Кайнарджи.

Имя Каменского сделалось известным во всей России, и он возвратился в Петербург с Георгием 2-го класса, с Аннинскою и Александровскою лентами, с именем искусного полководца и неустрашимого воина. Во Вторую турецкую войну (1788) М.Ф.Каменский явился в армию уже генерал-аншефом, и начальствуя корпусом, разбил и рассеял орды крымского хана, и получил орден Св. Владимира 1-й степени (в 1789 году). Но, невзирая на одержанные им победы и приобретенную славу, императрица Екатерина II, зная крутой нрав его и жестокость с побежденными, не хотела верить ему главного начальства над армиею после кончины князя Потемкина-Таврического (в 1791 году), и подтвердила выбор, сделанный светлейшим князем незадолго перед его смертью, когда он намеревался возвратиться в Петербург. Главнокомандующим назначен генерал Каховский (впослед-

ствии граф), хотя младший, и Каменскому сделан выговор за то, что он, послушавшись посмертного распоряжения князя Потемкина, хотел удержать главное начальство, ссылаясь на свое старшинство. По буквальному смыслу закона, Каменский был, однако ж, прав, потому что армии нельзя передавать по завещанию, как собственное имущество, без особого высочайшего разрешения, и начальство всегда принадлежит старшему, до нового назначения. Каменский обиделся, оставил службу, и жил в своих деревнях. Император Павел Петрович, вступив на престол, вызвал Каменского из его уединения ко двору, пожаловал ему орден Св. Андрея Первозванного (в марте 1797 года), произвел его в фельдмаршалы (5 апреля того же года) в день коронавания, и возвел в графское достоинство, а в декабре 1797 года внезапно уволил от службы. Каменский снова удалился в свои поместья, и с этого времени оставался в бездействии, до 1806 года.

Все биографы графа М.Ф.Каменского и все знавшие его лично согласно описывают его характер. Он бесспорно был человек ученый и искусный тактик. Великий Суворов, с которым Каменский был в вечной и непримиримую вражде, говаривал: "Каменский знает тактику, а я знаю практику". – Личная храбрость Каменского доходила до ослепления, и даже враги его подтверждали истину слов его, когда он говорил о себе, что рад был бы узнать, что такое страх смерти! Ум его был глубокий и проницательный; но все его похвальные качества помрачались необыкновенною

вспыльчивостью, неумеренностью в гневе, доведившими его до жестокости, необыкновенною гордостью, опрометчивостью, нетерпеливостью в сношениях с людьми, которых он оскорблял весьма часто, без всякой причины, по своенравию. Товарищи и подчиненные не любили Каменского и боялись его встречи.

В последний год моего пребывания в корпусе я несколько раз видел фельдмаршала графа Каменского. Он приходил к нам на учење и в рекреационные часы, разговаривал, шутил и даже играл с кадетами. Он был весьма малого роста, сухощав, весь в морщинах, и носил армейский мундир прусской формы, с которым он был отставлен при императоре Павле I. Необыкновенно густые и навислые брови, из-под которых глаза блестели, как раскаленные уголья, придавали его физиономии какую-то свирепость. В речах он был отрывист, в обхождении чрезвычайно странен, подражая ли врагу своему, Суворову, или по природе, и в преклонных летах был бодр и скор во всех движениях.

Что заставило государя назначить его главнокомандующим? Все терялись тогда в догадках, и опытные люди говорили, что это сделано для возбуждения народного духа, для того, чтобы припомнить славное время Екатерины Великой, которой память была священна для народа. В этом духе прославлял назначение Каменского великий Державин, называя его в стихах своих: "мечом, оставленным Екатериною". Каменского употребили в том смысле, как турки употребляют

знамя Магометово – только для вида. Кутузов, которого Екатерина II называла своим генералом, и о котором Суворов писал в донесении о взятии Измаила: "генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был моею правою рукою", Кутузов был устранен, и назначен (в октябре 1806 года) киевским военным губернатором, управляющим и гражданскою частью. – Хотя Кутузов был не виновен в потере Аустерлицкого сражения, но ответственность лежала на нем, и назначением его в главнокомандующие опасались дурного впечатления на войско. Притом же Кутузов, которого почитали человеком чрезвычайно хитрым, имел множество неприятелей, опасавшихся его влияния на дела.

Предстояла великая задача: способен ли Каменский, семидесятивосьмилетний старец, никогда не бывавший главнокомандующим армии, прославившийся только как начальник отдельных отрядов, в войнах с необразованными азиатами, – противостать гениальному Наполеону? Я тогда еще слышал от многих, что, по пылкости характера и по нетерпеливости, Каменский неспособен быть главнокомандующим, в котором одно из важнейших качеств должно быть непоколебимое хладнокровие. Для ограничения пылкости Каменского, кажется, и придумано было средство, которое, однако ж, не удалось, как мы после увидим.

Другой человек, противопоставленный Наполеону, был граф⁵⁵ Леонтий Леонтьевич Беннигсен, на которого полага-

⁵⁵ Беннигсен был тогда бароном. В графское достоинство возведен он импера-

ли тогда всю надежду. Беннигсен был родом ганноверец, из богатой баронской фамилии. В 1806 году ему был шестьдесят второй год (он родился 10 февраля 1745 года). Он вступил в Ганноверскую службу пажом, на десятом году от рождения; четырнадцать лет уже был прапорщиком в Ганноверской пешей гвардии, и в 1762 году, семнадцати лет, капитаном, и в этом чине участвовал в последнюю кампанию Семилетней войны. По заключении мира, Беннигсен вышел в отставку подполковником и женился, приняв во владение богатые свои поместья, по смерти отца. Но он был в душе воином, воином по страсти – и мирная жизнь была для него тягостна. Слава русского оружия прельстила его – и он, в 1773 году, вступил в русскую службу, в чине премьер-майора и определен в Вятский мушкетерский полк, а потом переведен в Нарвский. Нарочно упоминаю названия полков, чтоб они гордились именами знаменитых мужей, служивших в их рядах. Наполеон изобрел превосходное средство к поддержанию воинского духа в полках, приказав, чтоб знаменитые мужи, служившие в них, и по смерти оставались в полковых списках. В 1777 году Беннигсен произведен был в подполковники в Киевский легкоконный полк, а в 1788 году в полковники, и назначен командиром Изюмского гусарского полка.

При императрице Екатерине II командование полком было весьма важно, потому что полковник был не только пол-

втором Александром Павловичем, после Лейпцигского сражения, в 1813 году.

ным хозяином, но, так сказать, властелином полка, выбирал офицеров и распоряжался почти безотчетно хозяйственной частью. В открывшуюся в следующем году войну с турками, он поступил, с полком своим, в знаменитую Екатеринославскую армию, под начальство князя Потемкина, отличился во многих делах, особенно на приступе к Очакову, и был, в 1790 году, произведен в бригадиры. В 1792 Беннигсену поручен летучий отряд в Литве, для прикрытия Белоруссии. Действуя отлично в продолжение всей польской войны, Беннигсен награжден был орденом Св. Владимира 3-й степени, золотой шпагой, украшенной бриллиантами, Георгием 3-го класса; получил в потомственное владение 1080 душ в Минской губернии, и произведен в генерал-майоры.

Ища славы и военных трудов, Беннигсен, по завоевании Польши, перешел в армию графа Зубова, посланного в 1796 году в Персию, содействовал к взятию Дербента, и пожалован за это орденом Св. Анны I – го класса. Десять лет сряду после этого Беннигсен не обнажал меча, и в этот промежуток времени пожалован в генерал-лейтенанты, в 1798 году, и в генералы от кавалерии, в 1802 году. В ноябре 1805 года Беннигсену поручена была под начальство Северная армия, с которою он и выступал в Германию, для соединения с Кутузовым, но не подоспел к Аустерлицу, и по заключении мира воротился в Россию.

И, так, и Беннигсен никогда не действовал на войне не только как главнокомандующий, но даже как корпусный ко-

мандир, и о воинских его способностях, как полководца, нельзя было судить по прежней его службе. Он был храбр, распорядителен, но если взять в соображение, что главные его действия, как начальника отряда, были против польских конфедератов, т. е. восставшей шляхты и малого числа регулярного войска, неопытного, дурно вооруженного, предводимого людьми неискусными в военном ремесле – то прежние успехи Беннигсена не могли служить достаточным ручательством в будущем, особенно в войне с таким полководцем, каков был Наполеон. Всеми, однако ж было признано, что Беннигсен был человек обширного ума, и хотя он не мог получить классического образования, вступив в военную службу почти в детских летах, но приобрел глубокие стратегические сведенья чтением, размышлением и практикой в войне. Природа создала его воином, наделив страстной любовью к военному ремеслу, быстротой соображений, военным глазомером, необыкновенным мужеством, редкой смелостью и дивным хладнокровием. Беннигсен был высок ростом, довольно сухощав, имел выразительные черты лица и быстрый взгляд. Важный, величественный его вид, барская манера и всегдашнее хладнокровие внушали уважение и возбуждали какую-то невольную доверенность к нему в старших, в равных ему и в подчиненных. Говорили тогда, что Беннигсен подал записку, в которой разобрал критически кампанию 1805 года и Аустерлицкое сражение, и представил план будущей войны в Францию. Не знаю, куда де-

вались эти важные документы, но что они существовали, это слышал я от близкого к нему человека, генерала от артиллерии Александра Борисовича Фока, о котором буду говорить впоследствии. Знавшие хорошо Беннигсена, утверждали, что он был человек чрезвычайно тонкого ума и вкрадчивый, когда ему было это нужно, и питал в душе непомерное честолюбие, а потому весьма многие так же боялись его, как и Кутузова.

Граф⁵⁶ Федор Федорович Буксгевден, генерал от инфантерии, родом лифляндец, был в это время пятидесяти шести лет (род. 1750 года, на острове Эзеле), и так же, как Беннигсен, по страсти к военному ремеслу, вступил в службу в 1764 году, в первом юношеском возрасте. О первой службе его нет никаких известий. В 1769 году, участвуя в войне противу турок, без сомнения в малом чине, он, неизвестно по какому случаю заслужил особенную милость генерал-фельдцейгмейстера, знаменитого графа Григория Григорьевича Орлова, который определил его в свою свиту и взял с собой в путешествие по Германии и Италии. В 1783 году он был уже полковником, а в 1787 году флигель-адъютантом ее императорского величества. Это отличие весьма замечательно, потому что число флигель-адъютантов в то время было весьма

⁵⁶ Федор Федорович Буксгевден (VuxhOwden) из старинной лифляндской дворянской фамилии, возведен в графское достоинство прусским королем Фридрихом Вильгельмом (18 декабря 1795 года), а 5 апреля 1797 года император Павел Петрович высочайше повелел внести род графа Федора Федоровича Буксгевдена в список графов Российской империи.

ограниченно, и этим званием облакались только лица, приближенные к государыне, пользовавшиеся особенной ее милостью и доверием. Тогда уже он имел Георгиевский крест 4-го класса и командовал Кексгольмским мушкетерским полком (ныне Гренадерский императора Франца I полк). В 1789 году, в чине бригадира, Буксгевден участвовал в Шведской войне, на гребном флоте, отличился несколько раз, получил Георгия 3-го класса, и произведен в генерал-майоры, сохранив звание флигель-адъютанта ее величества. В 1790 году Буксгевден отличался в сухопутных действиях против шведов, и по заключении мира пожалован Аннинскою лентою. В Польской войне, 1793 и 1794 годов, он командовал дивизией, приобрел доверенность и благосклонность великого Суворова, который, за отличие на Прагском штурме, назначил его комендантом Варшавы и правителем всей завоеванной Польши. За эту войну он получил Владимирский орден 2-й степени, десять тысяч рублей единовременно, и богатое поместье в Лифляндии, в потомственное владение.

Император Павел Петрович, при вступлении на престол, назначил его С.-Петербургским военным генерал-губернатором (он был тогда генерал-поручиком), но в конце 1798 года Буксгевден получил увольнение от службы и удалился в Германию. Император Александр, вступив на престол, призвал Буксгевдена и назначил его генерал-губернатором Остзейских губерний и главным начальником войск, в них расположенных. В 1805 году повелено было Буксгевдену, с кор-

пусом своим следовать усиленными маршами в Ольмюц, для соединения с Кутузовым, что он исполнил весьма поспешно, и потом участвовал с честью в Аустерлицком сражении, командуя нашим левым флангом. Буксгевден пользовался репутациею храброго воина и распорядительного генерала, но и он также не получил классического образования, никогда не начальствовал целой армией и не действовал самостоятельно против неприятеля. Буксгевден был толст и неповоротлив, довольно крут в обращении с подчиненными, нрава упрямого и непреклонного. Важнейшее его достоинство в армии составляла благосклонность к нему Суворова, который никогда не ошибался в выборе своих помощников. В то время достаточно было сказать о генерале: "он любимец Суворова", чтобы возбудить к нему неограниченную доверенность в войске.

Вот три главные лица, стоявшие на первом плане картины войны 1806 года. Говорили тогда, будто графу Беннигсену и Буксгевдену дана была секретная инструкция насчет военных операций, для противодействия опрометчивости графа Каменского, и что графу Каменскому, хотя и главнокомандующему, повелено или рекомендовано было советоваться в важных случаях с двумя своими помощниками, Беннигсеном и Бухсгевденом, которые командовали отдельными корпусами, под его непосредственным начальством.

Ненастное время года, непроходимость дорог, совершенный недостаток в продовольствии, не воспрепятствовали

русским начать военные движения в ноябре, 1806 года, на берегах Вислы, не в дальнем расстоянии от Варшавы, где был операционный центр французской армии, и куда ежедневно ожидали Наполеона, который был тогда в Познани. Русские, как уже сказано, разделены были на две армии; Буксгевден еще не пришел со своей к Висле, когда Беннигсен уже двинулся вперед, намереваясь быстрым фланговым движением занять Торн, где находился Лесток с пруссаками, или, по крайней мере, открыть с ним сообщение. Но маршал Ней предупредил Беннигсена и вытеснил Лестока из Торна, почему Беннигсен обратным движением пошел к Пултуску, на соединение с Буксгевденом. До 13 декабря между русскими и французами происходили только авангардные стычки, не имевшие никаких важнейших последствий, хотя отпор, данный графом Остерманом, под Насильском, с первого раза доказал французам, что им нелегко бороться с русскими.

С 10-го декабря началось наступательное движение французов на обе русские армии, Беннигсена и Буксгевдена, и произошли в одно время, 13 и 14 декабря, достопамятные сражения: под Пултуском – с корпусом Беннигсена, под Голымином – с отрядом генерал-лейтенанта князя Д.В.Голицына, и около Лопачина – с отрядом генерал-майора графа Петра Петровича фон-дер-Палена. Главнокомандующий, фельдмаршал граф Каменский вовсе не распорядился в эти достопамятные дни. Он был одержим какою-то умственной болезнью, совершенно упал духом, не соглашался сражать-

ся с французами в таком отдалении от всех своих пособий и хотел отступить в Россию. Но видя настойчивость Беннигсена, Каменский разгневался, сказался больным, сдал Буксгевдену армию, 13 декабря, уехал в Остроленку, и после отсюда прошение к государю об увольнении его от службы. К общему удивлению, Беннигсен не подчинился Буксгевдену и начал действовать самостоятельно, со своим корпусом.

Против русских войск, 15 и 14 декабря, действовали с своими корпусами маршалы Ланн, с генералом Сюшетом (под Пултуском), Даву, Мюрат и Ожеро (под Голымином и Лопачином).

Накануне Рождества, 24 декабря (1806 года) император получил в Петербурге донесение Беннигсена о победах и поражении неприятеля под Пултуском и Голымином. Быстро разнеслась по городу радостная весть и произвела самое благоприятное впечатление. Во всех церквях служили сперва благодарственный молебен, а потом панихиду по убитым воинам. Столица была иллюминирована. Вся Россия торжествовала эти победы. Беннигсен утвержден в звании главнокомандующего, а Буксгевден, поссорившись с ним, уехал в Ригу.

Победа точно была, но победа нравственная, а не вещественная, т. е. не материальная. Подробная реляция Беннигсена, напечатанная в прибавлении к "С.-Петербургским ведомостям", 15 января 1807 года, согласна была с тогдашними обстоятельствами. В ней сказано было, что сам Наполеон

предводительствовал войсками, между тем как он, с гвардией своею и резервною конницею успел только приблизиться к Голымину, но не был вовсе в сражении. В реляции объявлено было о совершенном поражении и бегстве неприятеля — а на поверку вышло, что ни русские, ни французы не бежали, но дрались отчаянно, с величайшим ожесточением, до последней крайности. Следствием этих кровопролитных битв было то, что в игре в банк называется: плие, т. е. ничья взяла. Но русские чрезвычайно много выиграли в мнении всей Европы, устояв перед войском, которое, так сказать, одним натиском ниспровергло всю силу Австрии и Пруссии. Удержав порыв аустерлицких победителей, оказав равное им мужество, ту же пылкость в боях и еще большую стойкость и военную субординацию, русские доказали целому миру, что Европа еще имеет надежных защитников своей независимости.

Устоять против войска, привыкшего, со времени Маренго и Арколы, к решительным победам, предводимого первыми полководцами Европы, которых имена сделались столь же славны, как имена героев Гомеровых, было более, нежели в другое время настоящая победа. И то надобно сказать, что Беннигсен имел отличнейших помощников. Не говоря уже о прославившихся прежде генералах, как, например, Багратион⁵⁷, новые имена озарились блеском. В этих важных сра-

⁵⁷ После знаменитой ретирады из-под Кремса, в 1805 году, ходили в Петербурге по рукам следующие стихи в честь Багратиона: Дунул ветр бурный, рушил

жениях впервые стали обрисовываться военные характеры наших полководцев, впоследствии знаменитых: Барклая-де-Толли, командовавшего авангардом, в mine генерал-майора; славного атамана донцев Матвея Ивановича Платова; князя Дмитрия Владимировича Голицына (тогда уже генерал-лейтенанта), начальствовавшего отдельно под Голымином; графа Остермана, генерал-лейтенанта Сакена, генерал-майора графа Н.М.Каменского, генерал-майора Боггогевута, генерал-лейтенанта Тучкова, генерал-майора Дорохова, который делал чудеса со своим Изюмским гусарским полком; принца Евгения Виртембергского, графа Ламберта (шефа доблестного Александрийского гусарского полка), Штейнгеля, генерал-квартирмейстера действующей армии; генерал-майора графа Петра Петровича фон-дер-Палена, шефа прославленного им Сумского гусарского полка; генерал-майора князя Щербатова, шефа храброго Костромского мушкетерского полка, генерал-лейтенанта Дохтурова.

С любовью повторяли во всей России имена отличившихся чудными примерами мужества: генерал-майора Кожина, командовавшего Лейб-кирасирским его император-

препону.Рвет все преграды на поле он (т. е. Наполеон).Русский поставил грудь в оборону:Кто ж сей могучий? – Бог-рати-он (т. е. Багратион).Другие стихи в том же роде.О как велик на поле он (т. е. Наполеон).Могуч и тверд и храбр во брани;Но дрогнул, лишь оставил дланиК нему с штыком Бог-рати-он (т. е. Багратион).Первые стихи приписывали Державину, вторые Капнисту. Не помню, были ли эти стихи напечатаны, и не хочу справляться. Я удержал их в памяти и привожу не в истории, а в своих собственных Воспоминаниях.

ского величества полком, конной артиллерии полковника Алексея Петровича Ермолова (впоследствии генерал от артиллерии), князя Долгорукова, командовавшего Черниговским мушкетерским полком, генерал-майора Чаплица, флигель-адъютанта князя Долгорукова, командовавшего Курляндским драгунским полком⁵⁸, шефа Тенгинского мушкетерского полка полковника Ершова, 11 егерского полка полковника Давыдовского, Конно-польского полка полковника Жигулина, шефа 4 егерского полка полковника Фролова, шефа Конно-татарского полка подполковника Кнорринга, командира того же полка подполковника Улана, 24 егерского полка полковника Властова, Сумского гусарского полка полковника барона Крейца и майора Потапова (ныне генералов от кавалерии), полковника Дука и других, которых теперь не припомню, составивших себе впоследствии блистательную военную репутацию. На театр войны обращено было внимание, как я уже сказал, не только России, но и всей Европы, и каждое отличие громко раздавалось во всех ее концах. От одной России Европа ожидала спасения и усвоивала себе ее богатырей. А как мы завидовали счастьем гвардейских офицеров, которые уже находились при армии и отличились храбростью в боях! В донесениях Беннигсена и князя Д.В.Голицына показаны особенно отличившимися

⁵⁸ Между прочим, он ворвался ночью, с тремя эскадронами, в главную квартиру маршала Бернадота, в Морунген, перебил прикрытые и взял весь обоз маршала.

флигель-адъютанты: полковники Уваров, князь Долгоруков, князь Трубецкой, ротмистр князь Голицын, Лейб-гвардии Преображенского полка поручик Нарышкин, лейб-гусарского полка поручик граф Салтыков, Кавалергардского полка ротмистр Левашев⁵⁹ и корнет князь Волконский. Их отличие, казалось, падало на всю гвардию и еще сильнее воспаляло нас к битвам.

После Пултуска и Голымина вся французская армия пришла в движение. В Варшаве Наполеон приказал формировать польское войско, учредив временное правление нового государства, тогда еще безымянного, а после Тильзитского мира получившего название Герцогства Варшавского. Польские легионы, находившиеся во французской службе, со времени последнего разделения Польши, дали опытных офицеров и унтер-офицеров, и новое войско быстро устраивалось, и через месяц уже сильный отряд нового польского войска поступил в корпус Бернадота. Эта была важная и неожиданная помощь, независимо от всех других выгод в покоренной стране! Обеспеченный в Польше приверженностью жителей, которые везде брались за оружие, отнимали у пруссаков их магазины и изгоняли слабые прусские отряды, Наполеон мог двинуть большее число войск вперед и действовать безопасно, как дома. Но сражения под Насильском, Пултус-

⁵⁹ Василий Васильевич, ныне граф, генерал от кавалерии, член Государственного совета, председатель Комитета государственного коннозаводства и бывший незабвенный генерал-губернатор киевский, подольский и волынский.

ком и Голымином доказали Наполеону, что русскую армию не так легко истребить, как он предполагал, и он с величайшими усилиями начал готовиться к весенней кампании. Из Франции шли непрерывно к армии вспомоществования в людях, артиллерии и боевых снарядах и на операционной линии устраивались огромные магазины и госпитали. Беннигсен, между тем, отступил с армией к Кенигсбергу, чтобы прикрыть все свои запасы, и заняться также устройством войска, претерпевшего много в зимнюю или, правильнее, ненастную кампанию.

Находясь в своей главной квартире, в Варшаве, и не доверяя бездействию Беннигсена, Наполеон приказал укрепить берега Вислы, от Праги до Торна, чтобы обеспечить зимние квартиры своей армии от внезапного нападения русских, и сосредоточил французскую армию между верхнею Вислой и Бугом, протянув левый фланг до самого Эльбинга. Все действия армии своей Наполеон ограничил блокадою Грауденца Кольберга и Данцига и поисками к стороне Кенигсберга, что и заставило короля Прусского переехать, с семейством своим, из древней столицы Пруссии в Мемель, на русскую границу.

Генерал Беннигсен, получив подкрепление из России (корпус генерала Эссена), вознамерился смелым движением нанести внезапный удар французам, и соединившись с прусскими отрядами, под Кенигсбергом, пошел на левый фланг французов, состоявший из корпусов Нея и Бернадота. Этот

левый фланг был слишком растянут и отдален от центра. Беннигсен хотел отрезать корпуса Нея и Бернадота, разбить каждый отдельно и потом освободить от блокады Данциг, Грауденец и Кольберг. План удивительно смелый и был бы назван гениальным, если б удался. Но Наполеон, узнав предварительно о движении русских, немедленно собрал все свое войско, быстро пошел в старую Пруссию, чрез Вилленбург, и послал к Бернадоту повеление маневрировать таким образом, чтоб заманить Беннигсена к нижней Висле, намереваясь с главными силами зайти в тыл русской армии, отрезать ее от сообщения с границею русскою, и с оставшимися позади отрядами, и разбив Беннигсена, пресечь ему ретираду и уничтожить совершенно русскую армию. Нападение на русских Наполеон намеревался произвести с флангов, с тыла и с фронта! Если бы Беннигсен продолжал свое движение к Данцигу, преследуя Бернадота, то гибель русской армии была бы неизбежна. Беннигсен был бы окружен и, так сказать, задавлен превосходными силами. Но, по счастью, русские разъезды схватили французского курьера с письмом Наполеона к Бернадоту – и это спасло Беннигсена. Он немедленно переменяет свой план и двинулся в обратный путь, к Кенигсбергу. Но уже французская армия была в поле, и первая встреча с главными силами Наполеона произошла при Янкове, 22 января, где маршал Султ хотел удержать русских. Суворовский любимец, неустрашимый князь Багратион предводил арьергардом, и, сражаясь на каждом шагу, не только

уничтожал все покушения французов, но сам не давал покоя их авангарду, тревожа его непрерывно нападениями. 23 и 24 января было сильное арьергардное дело у Ландсберга, а 26 Беннигсен остановился в Прейсиш-Эйлау. Здесь он атакован был всеми силами Наполеона, под личным его предводительством. То было первое сражение с русскими, в эту кампанию, в котором Наполеон сам командовал.

Погода была ненастная, мокрый и густой снег шел почти двое суток сряду, земля не замерзала, и воины сражались по колено в грязи и в снегу. Особенно тяжело было артиллерии и коннице. Два дня сряду, 26 и 27 января, Наполеон употреблял все свои усилия, чтобы разбить русских, но не мог. Дрались с обеих сторон с величайшим мужеством и ожесточением, и сражение кончилось в сумерки, 27 числа, без решительных последствий. Обе армии, утомленные и истощенные невероятными усилиями, разошлись на зимние квартиры.

Наполеон был в отчаяньи! Он вывел в поле все свое войско, в самое неблагоприятное время года, в полной надежде разбить и рассеять русскую армию – и возвратился в свою главную квартиру, если не побежденный, то униженный чудным сопротивлением русских⁶⁰, лишившись притом до 16 000 убитыми, ранеными, пленными и почти столько же за-

⁶⁰ L'issuc de celte bataille avail trompe les calculs des deux chefs opposes, ceux de Napoleon qui avail espere rejcler [неразборчиво] Russe sur la rive droite de la Pregel, el s'emparer de Konigsberg; ceux de Bennigsen qui s'elail flette de rcnvoyer l'armee franchise sur ta rive gauche de la Vislule, el de debloquer les places de Danzig, Graudentz et Colderg. Bignon: Histoire de France, etc. Chap. LXVII, page 634.

болевыми и множества военных запасов и лошадей. Все это почти равнялось поражению и произвело весьма сильное впечатление в Европе, благоприятное для России, пагубное для Наполеона⁶¹.

Прейсиш-Эйлауское сражение еще более удивило Европу, нежели Пултуское и Голыминское сражения. Ожившая надежда утвердилась в сердцах покоренных народов, и с этого времени император Александр уже был благословляем. Русских чтили, как героев. Пруссаки, под начальством генерала Лестока, также отлично дрались под Прейсиш-Эйлау. Они доказали, что в них не угасло мужество их предков и что гибель их армии под Иеной и Ауерштедтом произошла от недостатка военных соображений их генералов, а не от недостатка храбрости в народе.

Прейсиш-Эйлауское сражение праздновали в России, как самую блистательную победу, и в память его учрежден особый знак отличия, золотой крест на Георгиевской ленте, которым украшены были отличившиеся офицеры: он прибавлял им три года службы. 13 февраля 1807 года учрежден солдатский Георгиевский крест, и вскоре за сим обнародовано высочайшее повеление, чтоб вдовам и детям воинов, всех

⁶¹ L'indécision de la bataille d'Eylau avait jcté dans Paris une consternation incroyable: l'envie se vengcait des fatigues de l'admiration; le parti ennemi de l'Empire deguisait, sous une feinte douceur la joie que lui causait un desastre public. Une baisse sensible s'était opérée dans les fonds. L'Empereur ne s'abusait point sur sa situation. Биньон, там же. Chap. LXVII, page 637. Следовательно, русские имели полное право торжествовать Эйлауское сражение.

чинов, падших на поле брани, производить жалование их мужей и отцов. И офицеры и солдаты вполне заслужили эти царские милости.

Французская армия не преследовала русских при обратном движении Беннигсена к Кенигсбергу, и только Мюрат шел со своим корпусом за русским арьергардом, более для того, чтобы знать направление, принятое неприятелем. Наполеон расположил все свое войско на зимних квартирах, примыкая левым флангом к заливу Фришгафу, занимая фронтом линию по течению Пассарги, прикрывая центром Остероде, и упираясь правым флангом в позицию между реками Алле и Пассаргой. Главная квартира Наполеона была сперва в Варшаве, потом в Остероде и Финкенштейне, а Беннигсена прежде в Кенигсберге, а после в Бартенштейне (со 2 марта 1807 года).

Обе армии имели крайнюю нужду в отдыхе после изнурительной кампании, которую даже нельзя назвать зимней, потому что с обеих сторон более страдали от грязи, сырости и голода, нежели от мороза. В это время Наполеон произнес знаменитые слова, характеризующие климат Польши: "В Польше есть пятая стихия – грязь". Солдаты обеих армий были оборваны и крайне нуждались в обуви; обе армии лишились множества лошадей и обозов, завязших в этой пятой стихии. Наполеону легче было одеть и обуть свою армию и укомплектовать артиллерию лошадьми в завоеванной стране, в которой брали непомерные контрибуции, деньгами и

натурой. В польских провинциях, занимаемых французами, в течение шести недель устроилось тридцатитысячное войско (из пехоты, кавалерии, конной и пешей артиллерии) и образовалось две дивизии, под начальством опытных и искусных генералов Зайончека и Домбровского. Реки, каналы и все дороги в Польше и Пруссии покрыты были транспортами, подвозившими непрерывно французской армии съестные и боевые припасы, материалы для одежды и обуви. Из Пруссии выжимали последние жизненные силы, чтобы крепить французское войско. В прусских крепостях, сдавшихся французам уже после сражений при Иене и Ауерштедте, в Бреславле, в Глогау, в Бриге, Швейднице, найдены огромные запасы огнестрельных снарядов, мелкого оружия и пороховые магазины. Сильные отряды шли к армии из Франции на подводах. Одним словом, Наполеон имел все преимущества перед Беннигсеном, однако ж не доверял его спокойствию, и к прежним укреплениям на Висле прибавил новые, опасаясь внезапного нападения русских. Наполеон, как я уже сказал, высоко ценил русскую храбрость и при Аустерлице, а Прейсиш-Эйлауское сражение еще более возвысило русского солдата в его глазах. Беспристрастный историк Наполеона, избранный им в заточении, на острове св. Елены, Биньон, говорит (см. Hist, de France, chap., LXW page 638): "Les Russes, pour la guerre, sont des Spartiates", т. е. "Русские на войне Спартанцы!" – Это сказано по случаю зимней кампании 1806 года.

К русской армии также шла помощь из России и в Кенигсберге устроены были огромные магазины. Главные силы Беннигсена сосредоточены были между Бартенштейном и Гейльсбергом, и у последнего города, по обеим сторонам реки Алле, устроен был укрепленный лагерь. Правое крыло, под начальством графа Толстого (Петра Александровича) находилось между Лауеном и Зигбургом; на левом фланге корпус войск содержал непрерывное сообщение между главной армией и корпусом Эссена, расположенным к самой Висле, в окрестностях Остроленки, а весь фронт обеспечивал атаман Платов со своими казаками. На пространстве, разделяющем обе армии, происходили часто стычки между летучими отрядами, разъездами и фуражирами: но от Прейсиш-Эйлауского сражения, до начатия весенних военных действий, были только два серьезные дела, в которых русские, в соединении с пруссаками, действовали наступательно, а именно при нападении генерала Лестока на Эльбинг, для открытия сообщений с осажденным Данцигом, и при движении генерала Эссена к Остроленке, для пресечения сообщения передовых корпусов французской армии с Варшавой. Наполеон довольствовался отражением нападений, а Беннигсен ждал только прибытия свежих войск и государя-императора в главную квартиру, чтоб всеми своими силами начать наступательные действия.

Нельзя довольно надивиться смелости Беннигсена, который во всю эту кампанию действовал наступательно против

сильнейшего неприятеля и не боялся военной репутации Наполеона и его маршалов! Правда, что Наполеон был сильнее Беннигсена не только числом войска, но и пособиями в покоренной стране, однако ж политическое положение Наполеона было таково, что ему надлежало действовать чрезвычайно осторожно. После Пултуска и Прейсиш-Эйлау, Наполеон убедился, что вся власть и все его могущество в Европе зависят единственно от побед, а не от каких-либо взаимных народных выгод, или трактатов, и что при первой жестокой неудаче, все покоренные им народы восстанут против его владычества. Мужественное сопротивление русских, равняющееся самым блистательным победам, возвысило дух немцев – и они, в порыве благородного негодования и народной гордости, принялись за оружие. В Силезии, около 8000 человек, из поселян, граждан и бежавших из плена пруссаков, собрались по призыву принца Ангальт-Плесского. Вооруженные партии нападали на слабые французские отряды, отбивали магазины и транспорты, в окрестностях Кольбера, под начальством прусского поручика Шил я, снискавшего себе впоследствии блистательную славу и честную смерть за отечество. В Гессенском Курфиршестве и в Вестфалии, вооруженные толпы, под начальством офицеров распущенного гессенского войска, привлекали крестьян тысячами к восстанию, и тем уже наносили вред французской армии, что надлежало отделить сильные корпуса для их усмирения. На Австрию Наполеону нельзя было надеяться. В этом поло-

жении он предложил Пруссии мир, предоставляя составить конгресс в Мемеле. Но император Александр твердо решил-ся силою оружия заставить Наполеона отречься от притязаний на диктаторство в Европе, и не успев склонить Австрию к принятию участия в великом подвиге, вознамерился действовать собственными силами, в союзе с богатой деньгами Англиею и с бессильной в то время Пруссиию. – Удивительные величие духа и твердость воли!

Пишу я не военную историю, следовательно не обязан описывать подробности сражений, в которых я не участвовал, но все же должен был представить краткий очерк событий, занимавших тогда весь мир. Товарищи наши, бывшие в Прейсиш-Эйлауском сражении, рассказывали нам чудеса! Тридцать четыре часа сряду (с трех часов пополудни, 26 числа, до двенадцати часов ночи на другой день) продолжалась непрерывно стрельба из пушек и из ружей, в самую ужасную погоду! Снег падал хлопьями на распутившуюся землю; грязь была по колени. Раненые вязли в этой смеси грязи со снегом, и умирали от холода. Конница едва могла на рысях ходить в атаку. Орудия погружались по оси в землю, и упряжные лошади издыхали от изнеможения, в жару действия. Без огней, без пищи воины должны были проводить по несколько часов жалкого отдыха, после кровопролитной резни холодным оружием, и утомленные снова шли в бой. – Прейсиш-Эйлауский крест – это истинный монумент русской славы!

Между тем, пока армия наша отдыхала и оправлялась в Восточной Пруссии, гвардейский корпус, часть милиции, все армейские отряды, шедшие из глубины России, и даже выбранные гарнизонные батальоны поспешали на подкрепление Беннигсена. Я уже сказал, что его императорское высочество великий князь цесаревич Константин Павлович шел с нашим полком, всегда подавая собою первый пример усердия и исправности в службе. — В походе полк наш мог служить образцом порядка для всех европейских армий. Мы шли в дальний путь, как на парад из Стрельни в Петербург. При полку, кроме казенного обоза, определенного воинским уставом, не было никаких повозок и экипажей. Экипажи великого князя цесаревича следовали впереди, на расстоянии одного перехода. Каждый обер-офицер должен был иметь три лошади. На одной ехал он при полку; другую заводную, оседланную, под форменной попоной, вел денщик, сидя на вьючной лошади. Вьюки были форменные: две кожаные, круглые, большие баклаги, по обеим сторонам седла, вместо кубур; за седлом был большой кожаный чемодан и парусинные саквы. — Седло у денщика было старого немецкого покроя. На заводную лошадь, под форменную попоную, можно было положить ковер и кожаную подушку, теплый халат и т. п. Денщики также были одеты по форме: в синий однобортный мундир с фалдами, с синими суконными пуговицами и красным воротником, в рейтузах серого сукна и в треугольной шляпе, без галуна у обер-офицеров и с галуном

у штаб-офицеров. Денщик, кроме того, имел за спиной пехотный ранец, с манеркой, и сверху ранца жестянку с офицерским султаном. Кто из офицеров имел шубу, тот вез ее на заводной лошади, но перед фронтом все были в шинелях на вате, без мехового воротника. На меховые воротники и шубы не было тогда ни формы, ни моды. Офицерам позволено было в походе надевать, сверх мундира, шпенцер на меху, т. е. тот же мундир с шитьем, только просторнее и без фалд. Шпенцер пристегивался на двух пуговицах мундира, на лифе. В походе мы были в серых рейтузах, обшитых кожей, с синими лампасами. У солдат рейтузы застегивались пуговицами, сверху донизу. Галош тогда и в помине не было! Если б военный человек надел кеньги или что-либо подобное – его осмеяли бы! Нам позволено было обвертывать стремяна сукном или крайкой, чтоб уменьшить действие холода на железо. Тогдашние наушники наши были узкие, и прикрывали только уши; уланскую шапку мы носили тогда, по форме, набекрень, к правой стороне и почти вся голова была обнажена.

Морозы, в феврале, доходили иногда до пятнадцати градусов: тогда мы надевали шинели в рукава, подпоясывались портупеей и шарфом, и поверху надевали лядунку. В хорошую погоду, в пять градусов и до семи, мы были в шпенцерах и даже в мундирах, а солдаты накидывали шинели наопашь. Великий князь цесаревич редко надевал шинель; он был почти всегда в шпенцере, и ехал перед первыми рядами,

за трубачами. Чтоб согреться, полк спешилвался по несколько раз на переходе. Песенники распевали песни⁶², трубачи играли легкие военные пьесы, и мы шли бодро и весело. На привале штаб-офицеры и некоторые обер-офицеры приглашаемы были его высочеством к завтраку. В холодную погоду солдатам давали по чарке вина. Во весь поход его высочество был чрезвычайно весел и снисходителен к нам, разговорчив, и обходился с нами, как со своими домашними. Мы так привыкли к нему, что нисколько не женировались в его присутствии и даже не прерывали самых пустячных разговоров, когда он подходил к толпе. Ему это нравилось: он знал, что мы его любим.

Мы шли поспешно. Переходы были велики, от 25 до 35 верст в день, и дневка была через трое суток. Кто бывал в походах, тот знает, что дурная квартира хуже бивака. Мы останавливались на квартирах в крестьянских избах, а всем известно, в каких домах живут крестьяне Петербургской губернии. В сорок лет, в этом отношении ни что не улучшилось! В избе тесно, душно, дымно и грязно. Стены покрыты

⁶² Замечательно, что песенниками управлял и обучал их корнет Драголевский, родом поляк, служивший под знаменами Костюшки. Драголевскому было тогда около пятидесяти лет от роду, но он был молодец собой и отличный кавалерист. Во всякую поездку свою, его высочество привозил по несколько человек в уланы или в конную гвардию, из охотников. Драголевского взял он в Галиции, возвращаясь из итальянского похода, и определил унтер-офицером в конную гвардию, а потом произвел в офицеры в уланский полк, обмундировал и содержал на свой счет. О Драголевском я буду говорить после. Он был не последний чужак между нами!

насекомыми! – Ужели мы никогда не дождемся того, чтоб крестьяне, в северной полосе России, жили в хороших, чистых, уютных домах, как в Новой Финляндии и в Малороссии? Вот уж к этому следовало бы их понудить!

Императорское вольное экономическое общество, за несколько лет пред сим, предложило задачу: "исследовать причины смертности детей в России, в простом народе". Один взгляд на крестьянскую жизнь, в северной полосе России, решает эту задачу! Крестьянские дети в мороз и слякоть бегают в одних рубашонках или в лохмотьях, босые, по двору и по улице, простужаются и впадают в смертельные недуги. Какой присмотр за ними во время болезни? – Не только нет лекарства и свойственной больному пищи – нет даже помещения: больные ребятишки валяются на печи или на скамье! Одно лекарство – баня, которая иногда бывает пагубна, если употреблена не в пору и некстати. Из этого образа жизни выродился смертельный круп в окрестностях Вильны, в 1810 году и созрела злокачественная скарлатина! От этих самых причин между крестьянами так часто свирепствуют тифозные горячки, изнурительные лихорадки и кровавые поносы. Расспросите крестьян, и вы узнаете, что из десяти человек детей, едва вырастает один, много двое или трое. Предрассудки увеличивают зло. Крестьянин боится медика и лекарства, хуже чем болезни, и верит шарлатанам-знахарям. Странно, что и между, так называемым, образованным сословием есть множество людей, неприязнен-

ных медицине и верящих, что, при таком небрежном воспитании детей, русский крестьянин *закаливается*, т. е. делается крепким и сильным. Не так! Возьмите дело наоборот. Дитя чрезвычайно сильное переносит эту звериную жизнь – а слабое, которое бы с годами укрепилось, погибает. Железной природы нет в человеке, как мы привыкли говорить, и силы укрепляются постепенно, с годами, начиная от семилетнего возраста. До тех пор дитя – цветок. Исключения из правила – только исключения. Самая нечистота убийственна! В этих крестьянских избах я впервые принялся курить табак, по совету полкового штаб-лекаря и моего искреннего приятеля Малиновского, чтобы избавиться от зловония и предохранить себя от цинги и даже от лихорадки. А с чего мы видим теперь такое множество курильщиков между молодыми людьми, даже между школьниками, которые не знали и не знают никакой нужды? – Разорительная, вредная мода и обезьянство!

Странная и смешная весть распространилась между крестьянами Петербургской губернии, за Чирковицами, а именно, будто уланы едят детей!!! Крестьяне почитали нас каким-то особенным народом, чем-то вроде башкиров, калмыков или киргизов, в чем их удостоверял невиданный ими до того наш наряд и плохое русское произношение, большей части наших улан, из малороссиян и поляков. Не знаю, кто распространил между крестьянами эту нелепую весть – но почти во всех домах от нас прятали детей, и когда я спра-

шивал у хозяев, есть ли у них дети – они приходили в ужас. Бабы бросались в ноги и умоляли умиловаться, предлагая, вместо ребенка, поросенка или теленка! С трудом приходилось нам разуверять простодушных крестьян, особенно баб, что мы не людоеды! – Но недоразумение было не продолжительно. Через несколько часов водворялись между нами, как говорят крестьяне, лады, т. е. мир и согласие, и наши молодцы уланы весьма скоро приобретали сильных защитниц между крестьянками и приятелей между их мужьями и братьями.

За Нарвой, где начинается эстонское народонаселение, т. е. в стране, населенной чухнами, положение наше сделалось еще несноснее. Чухны, как известно, живут не в домах, а в ригах. В том отделении, где топится печь, для сушки хлеба, живет зимой семья, а на гумне, где хлеб молотят, помещается домашний скот, от коровы до животного, презираемого евреями и мусульманами. Трубы нет, окно в ладонь величиною! Густой дым наполняет жилье, и чтоб избавиться от него, надобно садиться на пол, между грязными ребятишками, поросятами и телятами. Последних чухны берегут едва ли не более, чем своих детей! Народа везде бездна, потому что в одной риге живут три поколения одного семейства, от прадеда до правнуков, с работниками и работницами. Смрад нестерпимый и на немощном полу грязь, как на дворе. – У русских мужиков наши уланы имели, по крайней мере, хорошую пищу, русские щи и кашу, а чухонской пудры

самый голодный не решался есть. Знаете ли, что такое пудра? В большой чугунный котел вливается до половины вода, и когда она закипит, кладут туда репу или брюкву, картофель и морковь, всыпают известное количество ржаной муки, и как скоро овощи разварятся совершенно, болтают все это деревянною мешалкой до тех пор, пока из всего этого не сделается жидкая каша. Тогда подбавляют пресного молока, всыпают соль, снова болтают и снимают с огня. Вся семья садится на пол вокруг котла и хлебает пудру ложками. Это – вседневная пища чухон, круглый год и во всю жизнь! Лакомство Чухон составляют хлеб (большею частью с мякиною), кислое молоко и селедка. За табак, водку и селедку чухонец готов на все решиться! Это его блаженство! Только в свином соленом мясе чухонец находит некоторый вкус, но всякого другого мяса, особенно свежего, он не любит и называет его пресным⁶³.

Нет сомнения, что положение чухон с тех пор чрезвычайно улучшилось, и теперь есть между ними даже люди зажиточные; но образ жизни их не переменился. Достаточный эстонец теперь лучше одевается, выезжает со двора, в церковь

⁶³ Весьма замечательно, что когда, поселившись в Карлове, хотел я улучшить положение рабочих людей на мызе (пастухов, садовых работников и т. п.) и стал их кормить хорошим хлебом, говядиной, щами и кашей, чухны пожаловались на меня в суд, что я морю их голодом, и я должен был, по-прежнему, кормить их пудрою, сельдями и кислым молоком. Вот что называется: не ходи в чужой монастырь со своим уставом! – Добро то, что по нраву человеку!

или в город, не в лаптях и не в бастелях⁶⁴, а в русских сапогах, в хорошем кафтане или тулупе, имеет несколько лошадей, кованую телегу, хороший скот, ест лучший хлеб и употребляет чаще сельди – но живет все по-прежнему, в дымной и смрадной риге, и не может обойтись без своей пудры. Сколько ни было попыток, чтоб заставить чухон жить в светлых домах, с трубами и окнами – все напрасно! Граф Шереметев выстроил, на свой счет, чистые и светлые дома для крестьян (в именье Газелау, близ Дерпта), но крестьяне только на лето переходят в эти дома, а зимою живут в своих ригах, утверждая, что в дыме и вместе со скотом жить здоровее. Дело противоречит, однако ж, этому мнению. Смертность между детьми чухон ужасная, и народонаселение в Эстляндии, в Эстяндских округах Лифляндской губернии и в Старой Финляндии подвигается вперед чрезвычайно медленно. Между пожилыми людьми множество слепых. Хуже не живут ни камчадалы, ни лапландцы, ни эскимосы – и это среди немецкой образованности!

Редкий молодой человек, при вступлении в свет, не ощущал влечения к странствованиям. С каким любопытством рассматривается тогда каждый новый предмет, как хочется все знать, все видеть, все исследовать! – У меня изгладились из памяти города, виденные мною в детстве, до определения

⁶⁴ Бастелями называется обувь из сырой, т. е. невыделанной шкуры, воловьей или коровьей, или из куска сыромятной кожи, без подошв. Куском шкуры или кожи обвертывают ноги по онуче и прикрепляют бечевкою или ремнем.

моего в кадетский корпус, и я, так сказать, сросся с Петербургом. Хотя и малолетние кадеты учатся географии, но в кадетском разговорном языке принято было, что каждая река называется Невою – и каждое дерево березою. "Из какого ты города? спрашивал, бывало, один кадет у другого. – Из Ярославля. – А есть у вас Нева? – Есть и большая: река Волга!" – Мы все измеряли Петербургом.

Ямбург, первый город на пути, не удивил меня своей ничтожностью. Он был и есть то же, что Петербургская сторона или Пески. – Нарва, мало изменившаяся со времен Петра Великого, восхитила нас видом старины и иноземщины. Любимая моя наука, история, представила воображению моему множество картин – и я написал из Нарвы к Лантингу предлинное письмо, на нескольких листах, в котором вывел на сцену и датского короля Вольдемара и наших Ивана Васильевича Грозного и Петра Великого, украсив все моими юношескими мечтами. В городе, однако ж, было скучно – и мы, отдохнув сутки, пошли далее и наконец прибыли в Дерпт.

Теперь Дерпт – прекрасный, чистый, благоустроенный город; в нем около 13 000 жителей, университет, который посещают до 600 студентов, гимназия и другие казенные и частные учебные заведения, и в них до 1000 человек учеников. Теперь в Дерпте лавки великолепные и богатые, в которых достанете все, что продается в Петербурге, Москве и Риге. А что был Дерпт тогда? На большой площади были каменные дома – но весь город состоял из нескольких улиц, застроен-

ных деревянными домиками, и вмещал в себе не более 2500 человек жителей! В новоустроенном университете было не более полутора ста студентов, а во всех других учебных заведениях верно не более трехсот учеников. Студенческая форма одежды удивила нас! Студенты носили тогда колеты кирасирского покроя, длинные ботфорты со шпорами, рыцарские шишаки и огромные палашища. Когда два студента шли по пустым улицам Дерпта, звук шпор и палашей раздавался в комнатах. В этом геройском костюме студенты ходили даже на лекции. Городские жители были вообще бедны. Гостиного двора тогда вовсе не было, лавок было немного, но жизнь в Дерпте была гораздо приятнее и веселее нынешнего.

Лифляндское дворянство, просвещенное и достаточное, не любит жить в своем богатом и торговом губернском городе – Риге, потому что не хочет совместничать в роскоши с рижским купечеством. Значение и важность дворянина состоят в его родовых преимуществах, заслугах, фамильных связях, а значение купца – в деньгах. К деньгам, т. е. к мамонту, привязываются, обыкновенно, как моль к шерстяным изделиям, тщеславие, высокомерие и гордость. А как выказать их? Роскошью и ложною щедростью. Весьма часто, скрепя сердце, купец бросает тысячи, только для того, чтоб об нем говорили! Лифляндский дворянин живет чисто, порядочно, чрезвычайно скромно и более нежели умеренно. Званный гость угощается прилично, по всем правилам аристо-

кратического этикета, но угощается без излишества. У купца, напротив, званый обед или бал – синонимы излишества – совершенно одно и то же. Где у дворянина издерживается полдюжины бутылок вина, там у купца выходит целый ящик. Рига вообще город гастрономический, как Гамбург, с тою разницею, что в Гамбурге можно лакомиться в трактирах, а в Риге в трактирах голод, и роскошь в купеческих домах.

Рижские купцы, по большей части (почти все) комиссионеры, и производят огромные обороты на чужой счет, ничем не рискуя; деньги им приходятся (или, правильнее, приходились) легко, без всякого риска, и они издерживают их весело на гастрономию и волокитство или покупаемую любовь. Лифляндскому дворянству трудно с ними соперничать, и потому дворянство избрало Дерпт для своего зимнего местопребывания. В это время жил в Дерпте патриарх лифляндского гостеприимства, барон Левенштерн, в прекрасном своем доме, на большой площади, возле Ратуши. Высокая немецкая честность и прямодушие, французская любезность и русское гостеприимство были соединены в семействе Левенштерна. Здесь жил тогда известный умом и любезностью, француз родом и баварец по натурализации, граф де Бре, женившийся потом на дочери барона Левенштерна, и бывший долгое время баварским посланником при российском дворе. Граф Бре выехал из Баварии, избегая мщениа Наполеона, против которого он что-то написал. Граф Бре был человек высокого образования и обладал тем редким даром, которым сла-

вились французы XVIII века, – даром вести и поддерживать беседу.

В доме Левенштерна ежедневно собирались, на вечер, все его знакомые, в том числе и ученые. Званные балы и танцевальные вечера бывали у него довольно часто. Время проводили чрезвычайно весело. Старик, отец этого почтенного семейства, уже в могиле. Переселившись из Дерпта и приезжая только по делам, он всегда навещал меня в Карлове, так же как и почтенный сын его. Теперь я потерял из вида это благородное семейство, и знаю только, что достойный сын барона, камергер, находившийся при цесаревиче в Варшаве, продав поместья свои в Дерптском округе, проживает теперь в очаровательном имении своем Кокенгузене, на Двине, близ Риги. Кроме Левенштерна в Дерпте проживало еще несколько почтенных семейств, у которых собиралось общество, по тону, просвещению, любви к изящному не уступавшее высшему обществу любой столицы.

Семейство Криднера (у сына которого я купил Карлово) было музыкальное, по превосходству. Четыре сына старика, Карла Карднера (прозванного Carl der Kluge, т. е. Карл мудрый), были отличные музыканты. Все любители музыки собирались в Карлове, где бывали концерты, в прекрасной, огромной зале, и ныне существующей. – Не только из всей Лифляндии, но из и Эстляндии приезжали в Дерпт дворяне, с семействами, провести время в приятном и просвещенном обществе – и офицеры гвардии, из остзейцев, ездили туда

почти ежегодно, для свидания с родными и милыми кузинами. Во время ярмарки, продолжавшейся целый январь месяц, каждый день был бал и где-нибудь обед, и в эту пору разменивались здесь, во множестве, обручальными кольцами.

Покойный граф де Бре, с которым я познакомился в Петербурге, с восторгом рассказывал мне о тогдашней дерптской жизни, что подтверждали и все знавшие Дерпт в то время. Все это теперь упало! Дворянство разделилось на партии; собрания в домах бывают редко; провинциальный дух, называемый здесь неправильно патриотизмом, занял все умы. На дворян не матрикулированных (т. е. не вписанных в дворянскую книгу остзейских губерний) смотрят как на зачумленных; с учеными не водятся – и в Дерпте водворилась скука, хотя едва ли более где есть материалов к веселой, беззаботной жизни, как здесь, потому что здесь есть и просвещение, и образованность, с хорошими качествами души. Во время постоянного моего пребывания в Карлове (от 1832 до 1837 г.) снова завелись в Дерпте общежитие, веселость в обществах и гостеприимство – смело могу сказать, что и я несколько содействовал к оживлению усыпленного духа общежития. Теперь опять в Дерпте холодно, как в могиле! Вообще в немецком обществе должен быть будильник, француз или славянин, с горячей кровью – а не то немцы скоро задремлют.

При таком расположении общества, какое было тогда в

Дерпте, разумеется, что дворянство обрадовалось прибытию великого князя цесаревича, с любимым его уланским полком. Полк имел дневку в Дерпте, и дворянство, от имени города и провинции, устроило бал, блистательный, в полном значении слова, на который все наши офицеры должны были явиться, по желанию его высочества. Откуда собралось на этот бал такое множество красавиц? – И теперь есть в Лифляндии прекрасные женщины, но такого их множества вместе, я никогда не видывал в остзейских провинциях, хотя бывал на многолюдных и великолепных балах. Говорят, что предположено было дать бал, при первом известии о выступлении в поход гвардии, и что распорядители бала нарочно пригласили из Риги, Ревеля и из поместьев всех красавиц. Царицами бала были две сестры фон-Лиленфельд, настоящие сильфиды, стройные, белокурые, воздушные, с прелестным очерком лица и алмазными глазками. – Его высочество оказывал двум сестрам особенное предпочтение, и сам несколько раз танцевал с ними. – Известно, что немки страстно любят танцы, и нам дан был приказ (разумеется, в шутку): замучить немок танцами. Усердно исполнили мы приказание, и танцевали, в буквальном смысле, до упада и до первого обморока. Прелестные немочки были в восторге! После роскошного ужина, в три часа утра, с сильным возлиянием в честь древних божеств Бахуса и Афродиты, началась мазурка, кончившаяся в семь часов утра. Мы велели нашим уланам отнять у лакеев теплое платье гостей и отправить эки-

пажи домой – и волей-неволей почти все должны были оставаться на балу. – Was ist da zu machen; man muss bleiben! – говорили немцы и немочки – и дело шло своим чередом. В восемь часов раздался под окнами клуба, где был бал, трубный звук, означающий: садись на конь! – Эскадроны уже собрались, под начальством дежурных офицеров и некоторых старых ротмистров; наши ординарцы подвели нам лошадей – и мы прямо из мазурки: на конь, повзводно направо заезжай и шагом вперед – марш!

Пройдя через город парадным маршем, за заставой мы пошли по три справа, и едва прошли версты три или четыре, как увидели за собою погоню: десятка два саней, возков и кибиток. Любезные наши хозяева и, разумеется, милые хозяйюшки бала вздумали провожать нас. Песельники вперед – пой веселую! А мы начали гарцевать на конях, вокруг экипажей, и на прощанье меняться ласковыми словами и нежными взглядами с милыми нашими танцорками. На комплименты и фразы мы не скупились. Пробалагурив таким образом на расстоянии нескольких верст, мы наконец распростились с нашими новыми знакомцами и знакомками; они воротились в город, а мы пошли своим путем.

Итак, Дерпт, в первое мое с ним знакомство, произвел во мне самое приятное впечатление. Не думал я и не гадал тогда, что, по прошествии двадцати двух лет, буду лифляндским помещиком и почти жителем Дерпта! И теперь еще здравствуют в Дерпте некоторые свидетели этого приема,

сделанного его высочеству и его полку, и до сих пор живут две царицы тогдашнего бала, две сестры, девицы фон-Лиленфельд. Не раз припоминал я им об этом бале – и невольный вздох вылетал у нас из груди о прошедшем времени!

За две станции от Дерпта начинается Латышина, страна, обитаемая латышским племенем, Lethland. Латыши во сто-крат смышленее, образованнее и общежительнее чухон, и, что весьма замечательно, никогда с ними не рождаются посредством браков. – Латышский язык, отрасль древнего литовского, мягче и благозвучнее чухонского. Латыши народ красивый, и женский пол их прелестный: есть между латышками истинные красавицы! Латыши живут в домах с окнами и печами, довольно чисто, и одеваются опрятно, особенно женщины. Пища у них хотя убогая, но порядочная. Здесь мы несколько отдохнули, хотя при квартирновании было всегда одно и то же неудобство, потому что и латыши и чухны живут не деревнями, а в отдельных домах, каждый возле своего поля. Почти при всех мызах в то время были квартирные дома (Quartiehauser), нарочно построенные для офицерского постоя; но нам приказано было находиться при своих взводах, и мы тогда только квартировали все вместе, в квартирном доме, когда эскадрон не был рассыпан. Некоторые помещики приглашали офицеров к обеду, на мызу, но это составляло исключение из общего правила. Мы обыкновенно покупали провизию на мызе или у мужиков, и варили на квартире. – Не то, что в России и в Польше, где рады случаю угостить

офицера!

В Риге также дан был для его высочества и его полка бал, даже великолепнее дерптского, но не столь веселый и бесцеремонный. Рига имеет уже все притязания большого города: тут все власти и все чиновничество, следовательно и этикет. – Танцевали мы, но уже не до упада и не до первого обморока, и после ужина, в три часа утра, разъехались по домам, т. е. по квартирам.

Из похода я писал длинные письма к Лантингу, передавая в них мои мысли и ощущения. Хорошо помню, что Рига мне тогда не понравилась, хотя виновата в этом была не Рига, а мое юношеское романтическое воображение. Узкие улицы, дома старинной архитектуры, готические церкви восхищали меня, и я воображал, что перенесся в Средние века, искал везде рыцарей – и встречал на каждом шагу лавки, с немецкими и еврейскими надписями на вывесках, озабоченных купцов и толпы польских жидов. Особенно менялы произвели на меня неприятное впечатление... Возле церквей, на площадях, у знаменитого плавучего моста на Двине, стояли ряды столиков с различной монетой, а за столами сидели жидаы, жидовки, русские безбородые староверы и разный сброд, и криком и визгом приглашали менять русские деньги на иностранные. Здесь мы разменяли свои ассигнации на прусские талеры, гульдены и дидки, которые теперь уже не существуют. Прусская серебряная монета в то время вообще содержала в себе много меди, а дидки – это были маленькие

(с ноготь мизинца) медные посеребренные деньги. Рига завалена была английскими товарами, и хотя с нас брали вдвое в лапках, но все же все мануфактурные изделия были чрезвычайно дешевы. Денег было много в городе и в провинции, потому что все произведения земли, при превосходном урожае, по случаю войны были чрезвычайно дороги и покупались на наличные деньги, а из Литвы требовалось множество товаров. 1806 и 1807 годы были самые счастливые в течение целого столетия для остзейских и литовских помещиков и купцов. С тех пор не было там никогда такого изобилия, таких требований на товары, таких цен и столько наличных денег. Например, бочка хлебного вина продавалась от 60 до 75 рублей ассигн., а ныне продается по 20 рублей ассигн. и менее.

Разврат в Риге был тогда в высочайшей степени! Помня хорошо прочитанное мною сочинение Бартелеми: Путешествие Анахарсиса по Греции и Азии, с присовокуплением известий о Египте – я сравнивал Ригу, в письме моем к Лантингу, с Вавилоном!

Здесь зимовало множество английских кораблей, а известно, как живут на берегу английские моряки. На рижских форштатах был настоящий Содом! День и ночь раздавались звуки музыки, песни, крик и шум. Вино лилось рекою – по золоту! Нимфы радости, соблюдая строгий нейтралитет, разъезжали толпами из одного города в другой, где только собирались или где проходили войска. – Бедные нем-

ки! Страшно подумать, как легкомысленно тысячи несчастных красавиц добровольно повергаются в бездну разврата и крайнего уничтожения, для того только, чтобы украсить разноцветными тряпками и прожить несколько лет в гнусной праздности и лени! И почему во всех портах, во всех столицах между этими несчастными, погибшими существами более всего немок? Важная философическая задача!

Весь образованный мир единогласно сознался, что нет лучших жен и матерей, как немки, и что ни в одной стране нет столько честности, религиозного духа и образованности, как в Германии. Откуда же эта крайность! – Источник зла в самом добре. Простодушная немка легко верит клятвам влюбленного, и если он развратен, не дорожит своею совестью и невинною душою несчастной, то легко ввергает ее обманом в первое преступление, которое влечет за собою самые пагубные последствия. Гнусные люди, большею частью евреи и еврейки, торгующие падшими существами, как демоны хватают немедленно несчастную жертву в свои когти, развращают ее воображение, усыпляют совесть, заглушают стыд и затмевают слабый ум приманками мишурной роскоши и обманчивой будущности – и губят навеки!

В мои лета я могу сознаться, что в молодости, побеждая иногда умом отвращение свое от этих несчастных созданий, я сблизился с ними из любопытства, и лаской и состраданием заставлял их рассказывать мне, каким образом они дошли до такой степени унижения. Почти всегда слезы раска-

нения и даже отчаяния сопровождали этот рассказ: анатомируя таким образом сердце, погрязшее в разврате, я открывал в нем драгоценные капли чести, стыда и совести. Всегда почти причиной падения были обман и клятвопреступничество мужчины! По моему мнению, это то же, что убийство – даже более, нежели убийство, потому что тут убивается душа! – Горе тому, у кого на совести лежит гибель несчастной женщины, вверившейся ему на слово! – Нет сомнения, что в некоторых рассказах могла быть ложь, потому что эти падшие существа привыкают жить ложью – но даже самое то, что и в лживом рассказе обман выставлялся первою причиною к разврату, служит неоспоримым доказательством, что по крайней мере девять десятых совращены обманом с истинного пути. – Этих несчастных было тогда в Риге множество! Вечером, они, как неистовые вакханки, бегали толпами по улицам, нападали на прохожих и тащили насильно в свои жилища! Один из наших молодых офицеров должен был обнажить саблю и даже ранить нескольких из этих гиен, напавших на него между городскими воротами и Петербургским форштатом. Цесаревич, узнав об этом происшествии, посмеялся и пошутил над офицером, но подарив ему новую саблю, велел ту саблю, которая обнажена была против вакханок, бросить в Двину... Черта характеристическая!

Его высочество цесаревич, по особенной любви к своим уланам, приказал выдавать офицерам порционные, т. е. столовые деньги, из собственных сумм. Мы не брали этих де-

нег, не из гордости, но потому, что на первых порах у каждого из нас водились кой-какие деньжонки, и в походе негде было их тратить. По прибытии в Ригу этих порционных денег накопилось до семи тысяч рублей ассигнациями, и полковой командир, полковник Чаликов, намеревался раздать их в офицерские эскадронные артели, или, если кому угодно, на руки. До Риги шел с нами при полку майор Притвиц, жестоко израненный, в голову, при Аустерлице. Он беспрерывно страдал, и мы мало его знали. В Риге болезнь его дошла до того, что он начал мешаться в уме. Надлежало его оставить. Он был отец семейства и человек небогатый; офицеры согласились отдать ему порционные деньги, все 7000 рублей, что и было исполнено.

Его высочество был в восхищении от этого поступка офицеров и хотел знать, кто первый подал к этому мысль. Никто не сознавался. Это еще более тронуло его высочество цесаревича. "Господа", сказал он нам: "я люблю, когда вы откровенно сознаетесь мне в ваших шалостях, но в этом случае охотно прощаю вам ваше заpiresательство! Всех вас прижимаю к сердцу, в лице вашего полкового командира!" – Его высочество со слезами на глазах прижал к груди своей и расцеловал полковника Чаликова.

"Каковы, каковы молодцы!" примолвил он. Эти слова: каковы и какое его высочество имел привычку повторять и в хорошем и в дурном смысле, когда бранил и когда хвалил. "Фонтеры-понтеры!" отвечал полковник Чаликов. Это бы-

ли слова, которые не сходили у него с языка. После, когда он был произведен в генерал-майоры, Чаликов прибавил к своим любезным: "фонтеры-понтеры – дери-дёр-ом, Чаликов генерал-майором!"

Предобрый, прелюбезный, превеселый и презабавный человек был Чаликов! Он жизнь принимал как шутку, в самые серьезные дела умел вплести острое словцо, и хотя на глазах его высочества не легко было управлять полком и притом таким лихим, каков был наш полк, Чаликов умел кстати вытерпеть и кстати отшутиться, и пользовался всегда благосклонностью его высочества. Офицеры и солдаты искренне любили Чаликова, потому что он был человек добродушный и снисходительный, и когда только мог, всегда защищал нас перед его высочеством, выручал из беды, и сам никогда не жаловался. – "Вы, сударь, сегодня не были у развода", говорил Чаликов офицеру. – "Виноват, заспал!" – "Стыдно, сударь; чтобы впредь этого не было, а не то насидитесь на гауптвахте... фонтеры-понтеры, дери-дером, Чаликов генерал-майором!.." отвернулся – и дело кончено.

Рыхлый лед на Двине едва держался, и поверху во многих местах стояла вода. Испробовав крепость льда, мы перешли Двину по одиночке. Сперва перешли трубачи, и пока переходил полк, играли переправу. На берегу была бездна народа – почти вся Рига. Городская конная и пешая гвардия и сословие шварцгейптеров, в мундирах и верхом провожали нас через город, шествуя церемониально перед полком. По

всем улицам, через которые мы проходили церемониальным маршем, окна в домах были открыты, и в окнах стояли дамы. Мы были в парадной форме, с султанами. Уланский полк с пиками и значками – был тогда редкое, невиданное зрелище. Из некоторых окон бросали нам цветы, которые мы ловили на лету и салютовали саблей за подарок. Полк молодецки прошел через Ригу, и как ни тесны улицы, но мы заставляли лошадей наших прыгать и делать курбеты... Вспоминаю об этом, потому что и теперь весело, когда припомнишь – и что лошадь моя чуть не сломила себе ноги, а мне шеи, вскочив на стену, в лансаде...

В Митаве повторено все то, что было в Риге, с тою лишь разницею, что на бале, данном дворянством, между молодыми курляндскими дворянами и нашими офицерами утвердились тесная дружба и братство. Курляндцы вообще лихие ребята, и вовсе не похожи ни образом жизни, ни правилами, ни обычаями, на остзейцев и даже на нынешних немцев. Древние рыцарские обычаи, т. е. удалство, молодечество, гостеприимство, презрение к торгашеству, твердость в слове, страсть к поединкам, к псовой охоте, к разгульной жизни перешли в Курляндию посредством тесной связи ее с старинною Польшею, сохранившею феодальность прав и феодальные нравы до последнего своего издыхания. Многие из молодых курляндских дворян несколько переходов провожали верхом новых своих друзей, офицеров, и ночевали имеете на квартире.

Поселяне в Курляндии, также латыши, трудолюбивы и промышленны и могли бы быть богаты, если бы в Курляндии все пути к приобретению достатка крестьянами не были запружены жидами, которых здесь почти столько же, относительно к христианскому народонаселению, сколько и в польских провинциях. Приняв за правило, чтоб при обвинении человека исследовать прежде побудительные причины к проступку, я уже с давнего времени простил евреям большую часть их прегрешений, и по убеждению должен извинить их во многом. Мы браним жидов за то, что они не весьма разборчивы в средствах к приобретению денег, и чуждаются земледелия, предпочитая ему бедность и праздность. Правда, нельзя этого похвалить, но если мы, положив руку на сердце, исследуем наше обращение с евреями, то должно сознаться, что не одни жида в этом виноваты. Что значит жид без денег, и что значит жид с деньгами? Бедного жидка последний бобыль не впустит на свой двор, а богатого жидка знатные и сильные люди принимают в своем кабинете, а чиновный народ дает ему почать, не справляясь, каким образом он приобрел богатство, и как вел свою торговлю или спекуляцию. Деньги заменяют евреям все возможные привилегии: это их Magna Charta! – А как жиду пуститься на земледелие, которое в выгоднейшем своем результате представляет одну возможность пропитания семейства!

Когда в провинциях, возвращенных от Польши, можно было евреям брать в аренду дворянские и даже казенные

имения, многие евреи занимались сельским хозяйством, но чтоб еврей сам был хлебопашцем – это дело весьма мудрое. По их вероучению, израильтянин должен орошать потом чела своего только землю Израиля. Итак, надлежало бы начать преобразование евреев с просвещения их европейскими идеями⁶⁵. Это одно лекарство от закоренелых предрассудков, оказывающее свое действие только в другом поколении. Этим средством Франция до такой степени преобразовала народ Израиля, что теперь там нет уже евреев, а есть только триста тысяч французов веры Моисеевой, по выражению Виктора Гюго.

Митава в то время была сколком польских городов. Огромные пространства, много пустырей, много домов деревянных, множество жидов-факторов, толпы разносчиков и разносчиц (евреев и евреек) различных товаров по улицам и по домам, шум и обилие в трактирах, нищета в предместьях, грязь по колени – но всюду жизнь и движение. В жилах курляндцев течет кровь, а не сыворотка! Курляндские женщины – прелесть, и красавиц множество во всех сословиях, даже между крестьянками.

Если бы мне предоставлено было избрать для себя какую-нибудь страну во всей Европе, я избрал бы Курляндию, с ее здоровым климатом, плодородной почвой, морскими портами и народом, способным к высокому усовершенствованию. Курляндия, по своему положению, может быть весь-

⁶⁵ Этому положено благое начало в нынешнее царствование.

ма богатой страной! Надобно только капиталов и промышленности.

Из Митавы мы пошли на Шавли. Здесь я отпросился в кратковременный отпуск, чтобы навестить дядю моего, приора Доминиканского монашеского ордена, в Россиенах. Взяв подорожную, я поскакал на перекладных.

ГЛАВА II

Четыре стихии древней Польши. – Две главные пружины общества в Польше, за сорок лет пред сим: женщины и евреи – Еврейские известия о политических и военных событиях. – Дядя, приор Доминиканского монашеского ордена. – Состояние католического духовенства в то время. – Фундуши. – Тогдашнее состояние духовных католических школ. – Обманчивые прокламации Наполеона. – Здравая политика моего дяди. ~ Монастырская жизнь. – Переход за границу и прибытие в армию. – Взгляд на Восточную Пруссию и Самогитию или Жмудз. – Фуражировка. – Насильственное знакомство, превратившееся в тесную женскую дружбу. – Французский бивак в нашей полковой штаб-квартире. – Нежное обращение с французами. – Бездействие Наполеона, удивлявшее всю Европу. – Роскошная жизнь его в Финкеништейне. – Полька утешительница. – Неудачные переговоры о мире. – Начало военных действий. – Взгляд на театр войны. – Очерк главной квартиры. – Провиантские чиновники. – Карточная игра и дуэли. – Жизнь на карте. – Передняя главнокомандующего, – Знакомства с генералом бароном Беннигсеном. – Дежурный генерал, А.Б.Фок. – Обманутые надежды. – Обед у главнокомандующего и занимательная военная беседа за столом. – Французские биваки под Гутштадтом. – Изувеченный. – Дело при Пассарге. – Геройский по-

Двиг Лейб-гвардии егерского полка. – Отчаянное дело тайного советника графа П.Л.Строганова. – Характеристика этого вельможи. – Отступление от Пассарги к Гейльсбергу. – Блистательные подвиги подполковника Кульнева и майора Атаманского казачьего полка Балабина. – Гейльсбергское сражение. – Первый убитый возле меня человек. – Атаман войска Донского, М. И. Платов. – Атаманский полк. – Искусный маневр Наполеона. – Отступление русской армии от Гейльсберга. – Беннигсен в Шипенбеле. – Превосходный план Беннигсена. – Кавалерийское дело под Фридландом, 1 июня. – Геройский подвиг уланского поручика Старжинского. – Несчастный случай, имевший влияние на участь генерального сражения, 2 июня. – Свалка с французскими драгунами. – Наша счастливая атака французских кирасиров и драгун. – Кавалерийское сражение на правом фланге – и победа. – Отчаянное положение нашего правого фланга и всей кавалерии. – Геройское намерение князя Горчакова. – Переход чрез реку Алле, вплавь. – Ретирада. – Переход чрез реку Неман всей русской армии и окончание военных действий.

Добрый мой ротмистр, Василий Харитонович Щеглов, дал мне на дорогу плащ, из солдатского сукна, с башлыком (капюшоном), сшитый нарочно для бивака. Пока я доехал, правильное доплыл по грязи до России, плащ этот сделался жесткий, как кора. Грязь засохла на нем на два пальца толщиной. На последней станции узнал я, что дяди моего нет

в городе, но что его ожидают на другой день, к празднику, не помню какому. Станционный смотритель, знавший все городские сплетни, советовал мне заехать к богатому еврею (не помню его имени), который поставлял вино и пряности в монастырь Доминиканский, следовательно, примет хорошо племянника приора, т. е. настоятеля, Я так и сделал. – Здесь я должен сделать отступление для полной характеристики тогдашнего времени.

В хаосе, называемом древним польским правлением, господствовали четыре стихии или силы, подчиняя себе ход общественных дел. Эти четыре силы принадлежали богатым панам, католическому духовенству, женщинам и евреям, имевшим в руках своих все торговые обороты и все произведения земли, единственное богатство тогдашней Польши. – Влияние панов и духовенства чрезвычайно уменьшилось после падения Польши: но сила жидов и женщин, сила невидимая, сила неосязаемая, действующая скрытно, была еще весьма велика в ту эпоху, о которой я говорю. Евреи действовали умом, хитростью и деньгами; женщины подчиняли все своему влиянию, умом, любезностью и красотой. – Женщина с малолетства дрессировали к интригам (по-польски па *forsy*), как дрессируют канареек делать разные штуки. – На дворянские выборы (*seymiki*), во время суждения тяжб, искатели приезжали в город с женами, дочерьми, кузинами и их приятельницами, которые везли с собой полный арсенал нежных взглядов, сладких речей и всевозможных иску-

шений. Поляки с материнским молоком всасывали в душу рыцарское уважение, повиновение и преданность к женскому полу. – Отказать в просьбе даме – почиталось или совершенной дикостью или непреклонностью Катона, а как Катоны везде и всегда весьма редки, то поляки владычествовали самовластно в своем отечестве.

Евреи составляли особое государство В государстве (Status in Statu). Общественные еврейские дела управлялись общинными правлениями или кагалами, которые имели между собой непрерывные сообщения, и в общем деле действовали всегда общими силами. – Если надобны были деньги для общего дела, кагалы налагали подать на общины, по-стольку, то с души, и в самое короткое время собирался миллион рублей, или сколько было нужно. Эта денежная сила невидимо держала все в своей зависимости. Сверх того, евреи, посредством сношений между кагалами, знали все, что им нужно было знать, потому что богатые евреи, по торговым сношениям с панями, а избранные хитрецы факторством выведывали все тайны, между тем, как шинкари держали в рабстве слуг⁶⁶.

Жиды никогда не переписывались через почту, в важных

⁶⁶ Поляки верили, что беи жидов невозможно обойтись в жизни. Существует старинная поговорка: «Kiedy trwoga, w tedy do Boga, a kiedy bicda w tedy do Zuda», т. е. В тревогу, прибегают к Богу, а в беду – к жиду. – Здесь должно заметить, что trwoga, тревога, означает несчастье, а hieda (произноси беда), т. е. беда – нужду. – Жид всегда поможет человеку в нужде, если надеется, что получит хотя отдаленную выгоду.

делах, но всегда через нарочных посланцев. Газет почти не читали в Польше, не доверяя печатным новостям, и евреи заменяли газеты. — Во время войны или политических переделов и борений, евреи держали всегда ту сторону, от которой надеялись получить для себя более пользы. — В это время Литва и все возвращенные к России от Польши провинции были для евреев гораздо прибыльнее Обетованной Земли, в которой, по закону Моисееву, надлежало добывать насущный хлеб в поте чела, и потому в войне России с Наполеоном евреи держали русскую сторону.

Хотя я приехал в Россиены поздно (часу в одиннадцатом вечера), но еврей, узнав кто я, принял меня весьма хорошо, отвел мне чистые комнаты, велел подать ужин (разумеется, маринованную рыбу, всегда готовую для подобных случаев), сам принес бутылку вина, сыр и т. п., и просил позволения присесть. Началась между нами политическая беседа. — Имя полка, и которым я служил, по видимому, придало мне важность в глазах еврея, и он, быть может, в той надежде, что преданность его к России сделается известной государю, излил передо мною чувства своей приверженности и рассказал о положении края. От него узнал я, впервые, что французы не были разбиты, наголову, при Пултуске, Голыmine и Прейсиш-Эйлау; что в Варшаве учреждено временное польское правление и сформировано польское войско в 30 000 человек; что прокламации Наполеона ходят здесь по рукам, что до двенадцати тысяч польского юношества, из хо-

роших фамилий и мелкой шляхты, перешло в польскую военную службу, из всех польских провинций, возвращенных России и присоединенных к Австрии, особенно из Волынской губернии и Галиции, что главная пружина этого энтузиазма – женщины, и что здесь нетерпеливо ожидают вторжения французов. Обо всем этом я не слыхал в Петербурге и в нашем военном кругу, и потому не весьма доверял приерженному к России еврею.

Проспал я богатырским сном, после дороги, до полудня, и когда проснулся, еврей уведомил меня, что дядя мой приехал, и что экипаж его ждет меня у подъезда. Немедленно отправился я в Доминиканский монастырь.

Дядя мой был человек лет за пятьдесят, высокого роста и красивый мужчина. Он славился умом своим, пользовался общим уважением, хотя светские качества превышали в нем иноческие добродетели. Знанием света и связями с знатнейшими фамилиями и правительственными лицами, он приобрел влияние и в своем ордене и в обществе. Он был из числа тех людей, которые, не предаваясь политическим мечтам, почитали Польшу умершею, и все счастье польских провинций полагали в сближении поляков с Россиею и в беспредельной преданности к русскому престолу. Не знаю, по какому случаю дядя мой сделался известным императору Александру, но как в крае, так и между доминиканами, сохранившими предания своего ордена, известно, что дядя мой пользовался особенною милостью императора. Когда только го-

сударь проезжал через Литву, дядя мой всегда ожидал его на какой-нибудь станции и допускаем был к нему. Кроме того, император позволил ему писать к себе, в собственные руки. – Однажды, в Стрельне, когда я представлялся государю на ординарцы, он, узнав о моей фамилии, спросил: "не родня ли я приору? На утвердительный мой ответ, государь благоволил сказать: "Когда будешь писать к нему, не забудь сказать, что я помню и люблю его". – Это чрезвычайно много!

Дядя мой вступил в духовное звание прежде падения Польши, когда в ней, как и во всех западных католических государствах, дворяне поступали в духовное звание не столько по набожности, сколько по расчету. Дворянству в Польше открывались три поприща для приобретения значения: военная служба, гражданская, или служба по выборам, и духовное звание. Духовенство в Польше обладало несметными сокровищами. Духовные фондуши, т. е. денежные суммы и недвижимые имущества, образовались из пожертвований частных лиц на церкви и монастыри, и в этом случае даже особы королевского дома обогащали церковь только в звании прихожан или богомольцев. Почти все эти пожертвования делаются были с похвальной целью, для блага человечества. Жертвовали духовенству огромные суммы и вотчины на проповедование христианства в странах языческих или магометанских, на выкуп христианских невольников из плена у неверных, на учреждение госпиталей и безвозмездных школ и т. п. Но цель первых учреждений, впоследствии, бы-

ла совершенно забыта или исполнялась весьма слабо, только для вида. Миссионеры не проповедовали христианства в далеких странах, но довольствовались обращением в христианскую веру нескольких из самых превратных евреев или обнищавших татар. Невольников вовсе не выкупали из плена неверных, а, напротив, покупали богатые вотчины. Вместо госпиталей при монастырях содержали по несколько старцев (*koscielnych dziadow*), как вывеску благотворительности. Правда, иезуиты, пиары, доминиканцы и некоторые другие монашеские ордена содержали школы, но и лучшие из них были не в духе времени – и схоластика в этих школах затмевала свет наук и истинной философии. Латынь заменяла всю премудрость.

После учреждения министерства просвещения в России, преобразования Виленского университета и основания уездных школ и гимназий, и после благоразумного изгнания иезуитов, духовные школы совершенно упали и сделались бесполезными, и вся ученая деятельность католического духовенства сосредоточилась в семинариях. Между тем фондуши все возрастали. Некоторые епископы имели более ста тысяч рублей дохода. Каноники пользовались плебаниями (приходами, в которых они никогда даже не появлялись), приносящими по несколько тысяч червонцев. Монастыри имели богатые вотчины и капиталы, и управлялись почти безотчетно. Такой ход дел привлекал многих дворян в духовное звание, для поддержания фамильного значения. Многие

из духовных лиц оставляли богатые наследства своим родным и поддерживали их. Всей Литве известна история одной фамилии, к которой перешли все богатства одного картезианского монастыря близ Слонима. Скажу мимоходом, что хотя дядя мой управлял богатыми монастырями и потом был провинциалом (так называется глава Доминиканского ордена), но не оставил наследства своей фамилии. Он жил хорошо, делал много добра – но не хотел или не умел составить благоприобретенного имения из чужой собственности.

Может быть, некоторым людям не понравится сказанное мной здесь о богатстве католического духовенства: но что же делать – я не умею лгать, и привык излагать мою образ мыслей о каждом предмете по убеждению. Я верю, что обе крайности, богатство и бедность, вредят священному призванию духовенства, и что от него именно должно почерпать благие примеры умеренности.

Дядя принял меня радушно, в разговорах подтвердил все сказанное евреем, и сверх того показал мне прокламации Наполеона, которыми он приглашал поляков к восстанию в прусской Польше, утверждая, что Костюшко прибудет вскоре для принятия начальства над польским войском. – "Это ложь и обман", – сказал мне дядя: "я знаю Костюшку лучше, нежели Наполеон, и твердо убежден, что он никогда не примет на себя роли искателя приключений (*aventurier*), и не нарушит честного слова, данного им императору Павлу: не воевать против России. Костюшко любит отечество, как каждый

честный человек должен любить мать свою; но он убежден, что общая мать наша, Польша, умерла, и что нам остается только чтить память ее в могиле. Это и мой образ мыслей", – примолвил дядя. "Я убежден", – продолжал он, "что Наполеон вовсе не помышляет о восстановлении древней Польши. Ему нужны солдаты, а не народы! Да хотя бы Наполеон и желал, то не в состоянии этого исполнить, потому что для этого надобно уничтожить или довести до последней крайности три первоклассные державы в Европе, Россию, Австрию и Пруссию, которых невозможно победить, когда они будут действовать вместе всеми своими силами. Сверх того, выгоды Англии в сопротивлении могуществу Франции и в союзе с Россиею. Счастье поляков в сердце Александра! Там они должны искать его. Говорю тебе все это для того, чтобы охранить от соблазна, от женского вербунка, примолвил он, улыбаясь. "Наши дамы и девицы (panic и rannu) помешались на патриотических мечтах, и молодому человеку весьма трудно покорить логикою их поэзию!.."

Сознаюсь, в то время я несовершенно понимал всю важность этих слов моего дяди. Последующие события оживили в моей памяти первый политический разговор мой о Польше и убедили в справедливости мнения дяди. Слова его были пророческие!..

Я пробыл в Россиенах трое суток, и только однажды был в обществе, на вечере у богатого помещика Прже...го. Дамы с любопытством смотрели на мой уланский мундир, и явно

провозглашали свои патриотические чувства. Здесь я впервые услышал знаменитую песню польскую, о возвращении из Италии польских легионов. Превосходно пела ее прелестная девица... и многие из присутствовавших проливали слезы.

В тот же день переехал я в монастырь, и поместился в одной из квартир, всегда готовых для значительных помещиков и чиновников. Только однажды обедал я за общею трапезою. Стол был превосходный и блюда такие огромные, что можно было бы насытить вдвое более людей с хорошим аппетитом. Обыкновенно за столом пили одно пиво, а вино подавали только в праздники; но в этот день, хотя будний, подано было вино, ради гостя, племянника приорова. Сколько я мог заметить, монахи были люди веселые и добродушные. После обеда время посвящаемо было разговорам или шахматной игре в кельях. Один старый доминиканец вязал чулки с утра до ночи, другой старик занимался деланьем бумажных коробочек. Ученых занятий я не заметил.

При прощанье, дядя подарил мне, на дорогу, сто червонных и снабдил огромным коробом, наполненным съестными припасами и разным лакомством, не забыв и венгерского вина, и дал мне монастырскую бричку, до Юрбурга. Он был в самых дружеских сношениях с главнокомандующим, генералом бароном Беннигсеном⁶⁷, еще со времени первой

⁶⁷ Барон Беннигсен был женат на польке Андржейковичской. Фамилия наша издавна находилась в близких сношениях с Андржейковичами, и даже теперь один мой родственник женат на Андржейковичской, из той же фамилии.

польской войны, и потому дал мне к нему рекомендательное письмо. Я догнал полк в Юрбурге, где была дневка и где нам розданы были боевые патроны и отдан приказ отпустить (техническое слово) сабли, наострить пики и осмотреть огнестрельное оружие. На другой день мы перешли через границу. Это было 9-го марта, следовательно, в тридцать семь дней мы перешли около 750 верст.

Мы шли поспешно в главную квартиру, имея, однако ж, ночлеги по селениям, и к половине апреля прибыли в окрестности Шипенбейля. Полк наш расположился на кантонир-квартирах, и полковой штаб был в селении Гроссенфельде.

Восточная Пруссия есть древняя Литва, покоренная орденом Меченосцев. Пруссаки до сих пор называют Литвою (Litthau) часть страны, прилегающую к России. По деревням говорят языком самогитским или латышским. Народ, населяющий большую часть Ляфляндии, всю Курляндию (латыши), Самогитию (Жмудины) и восточную Пруссию, происходит от одного Литовского племени, и везде сохраняет свои характеристические черты. Латыши и жмудины трудолюбивы, бережливы, способны к высшему умственному развитию и мануфактурной промышленности, набожны и привержены к своему племени. Во время древнего польского правления не было в Польше провинции богаче Самогитии или Жмуди, и в десять лет, по разделении Польши, т. е. в 1807 году, мы застали еще в Самогитии общее довольство. Тогда жму-

динам позволялось свободно (т. е. с письменным позволением капитан-исправника) возить свои земные произведения в Мемель и Тильзит, и они за лен и пшеницу получали хорошую плату, и вблизи запасались, за весьма дешевую цену, солью, железом и грубыми мануфактурными изделиями. Многие поселяне на Жмуди имели тогда по несколько тысяч талеров в запасе, и все вообще жили хорошо, при обилии домашнего скота и хороших лошадей отличной породы, вроде нынешних финляндских. Когда границу заперли, источник богатства иссяк.

В прусской Литве поселяне были еще богаче, жили в чистых и просторных домах и были вдесятеро более просвещены, нежели их соплеменники в Курляндии, Лифляндии и Самогитии. Даже в это время, когда вся русская армия и остатки прусского войска сосредоточены были в восточной Пруссии, не было еще недостатка в съестных припасах и фураже. Только к весне, именно во время нашего прихода, оказался недостаток в тех местах, где расположена была кавалерия, и мы, стоя на кантонир-квартирах в дружеской стране, принуждены были фуражировать, т. е. разъезжать по окрестностям, искать съестных припасов и фуража и брать то и другое насильно, выдавая, однако ж, квитанции, по которым впоследствии обещана была уплата русским правительством⁶⁸.

Это была крайность: иначе невозможно было прокормить

⁶⁸ По окончании войны, в Кенигсберге учреждена была Ликвидационная комиссия, и по всем форменным квитанциям уплачено наличными деньгами.

войско и содержать кавалерию, потому что хотя в Кенигсберге и были запасы, но доставка представляла большие затруднения. Разумеется, что фуражировка никогда не может быть подчинена строгому порядку, потому что между отрядами фуражиров, посылаемых с офицерами, шатаются всегда шайки мародеров, из денщиков, фурлейтов и т. п. Некоторые молодые офицеры также не весьма хорошо понимали важность фуражировки в дружеской земле, и вместо правильных квитанций за забранные съестные припасы и фураж, давали бедным жителям, на память, русские стишки, песни, или писали плохие шутки. Мне самому случалось видеть в руках шульцев (деревенских старост) и даже помещиков, вместо квитанции, песню: "Чем тебя я огорчила", или: "Предъявитель сего должен получить 200 палочных ударов", и т. п. Эти глупые и вредные для жителей шутки были строго запрещены, однако ж беспрестанно повторялись. Меня, хотя я не знал тогда по-немецки вполонину против нынешнего, однако ж мог говорить, весьма часто посылали фуражировать, и в одну из этих командировок, я свел знакомство, которое едва не имело решительного влияния на всю жизнь мою.

В тылу и по флангам армии было мало поживы. Тут надлежало уже искать добычи по лесам или в ямах. Однажды, я решился пуститься за черту, далее которой нам не приказано было ездить, по направлению к Гутштадту, между Гейльсбергом и Бишофштейном, проехал верст тридцать, и под

лесом увидел деревню. Лишь только мы показались на пригорке, в деревне сделалась суматоха. Часть жителей, особенно женщины и дети, бросилась бежать в лес. Я поскакал во всю конскую прыть в деревню, с уланом Соколовским, знавшим по-немецки, и мы стали кричать, изо всей силы: *Wir sind Freimde, wir sind Russen!* т. е. мы друзья, русские. Но это, казалось, не успокаивало жителей. Несколько стариков и хозяев, из смелейших, стояли толпой перед одним большим домом, и когда я прискакал к ним, они сняли шляпы. В толпе находился шульц. Я стал уверять их, что поселянам не будет нанесено ни малейшей обиды, что ничего не будет тронуто без воли хозяина, что я требую только фуража, за который будет заплачено, что я свято исполняю волю и намерение моего государя, приславшего нас защищать Пруссию и т. п. Поселяне успокоились. Я слез с лошади, и вошел в дом шульца рука об руку с ним, стараясь всеми мерами успокоить и расположить его в нашу пользу, и он послал в лес, чтобы бежавшие воротились оттуда. Между тем уланы мои прибыли в деревню. Я расспросил о неприятеле, и узнал, что верстах в двадцати, по дороге в Зеебург, была накануне стычка французских разъездов с казаками; но поселяне не умели мне сказать, чем это кончилось, и куда пошли казаки и французы. Шульц примолвил, что в деревне приняли нас за одну из этих партий. Юность моя и ласковое обхождение внушили поселянам полную ко мне доверенность, и они сознались, что по пикам нашим приняли нас за казаков,

которых они боятся гораздо больше, чем неприятелей своих, французов... Они совершенно успокоились, когда я сказал, что мы не казаки, а уланы, полка брата русского императора.

Вскоре я был окружен толпой женщин и детей, которые с любопытством рассматривали мой наряд и вооружение. Шульц советовал мне заехать на господский двор, в двух верстах от деревни, под самым лесом, и переговорить с госпожой насчет моих требований. Я последовал этому совету и, поручив моих улан (всего двадцать человек) исправному унтер-офицеру, отправился с одним Соколовским на господский двор. Для предосторожности, я расставил ведеты, и велел одной половине улан кормить лошадей и самим пообедать на улице, а другой половине, не отлучаясь, стоять во фронте, при замунштученных лошадях. Не зная вовсе местности и расположения своих и неприятельских войск, я должен был предполагать, что французские фуражиры также могут попасть сюда. Меня учили, что первое правило военного человека, от которого он никогда не должен отступать, – осторожность. Храбрый и многочисленный отряд может быть разбит меньшим числом, в нечаянном нападении.

Помещица приняла меня на крыльце дома своего, и, кажется, весьма удивилась моей молодости. Хотя мне было уже почти семнадцать лет, но по лицу я казался гораздо моложе. В кратких словах объяснил я помещице причину моего посещения, и просил снабдить овсом, сеном, хлебом и мясом на целый эскадрон, уверяя, что за все будет заплачено, по

существующим ценам. Это была еще первая фуражировка в этом поместье, и потому не было ни в чем недостатка. Помещица, однако ж, начала было отговариваться – но я объявил ей решительно, что если из снисхождения к ее просьбе, не возьму ничего, то другие возьмут вдвое, и притом насильно, без всякого порядка, а с моим свидетельством она может уже отговариваться перед другими, что все взято. После переговоров с шульцем, решено было удовлетворить меня, но для этого надлежало прождать до другого утра, пока успели испечь хлеб, свезти сено и приготовить подводы. Хотя я и так уже был целые сутки в отлучке из эскадрона, однако ж должен был согласиться. Между тем помещица велела подать завтрак.

Она была вдова прусского майора Даргица. На вопрос мой, есть ли у нее дети, она улыбнулась и сказала, шутя, что я издали показался им так страшен, что дети скрылись от меня в лесу, как от волка, но что за ними уже послано. Едва успел я усесться за завтрак, в комнату вошли две девицы... нет... два воплощенные ангела! Это были дочери помещицы... Я вскочил с места, как будто меня обдало кипятком... – "Вот старшая моя дочь, Албертина, а вот младшая, Леопольдина!" – сказала хозяйка. Я поклонился и ничего не мог сказать, а только смотрел на красавиц... Живы ли они теперь, и вспомнили ли хоть раз об нашем знакомстве?.. Много прошло времени с тех пор, и если они живы, то теперь уже почтенные старушки... Старшая, С темно-каштановыми воло-

сами и голубыми глазами, с ярким румянцем на лице, была годом старше меня, а младшая, томная блондинка, годом моложе. Это были пышная роза и нежная лилия. Ничего не видел я прелестнее этих двух сестер! Мать пошла распоряжаться по моему делу и оставила нас одних. Старшая сестра, видя, что в замешательстве я забыл о завтраке, стала приглашать меня шутливым тоном, и продолжая разговор, наконец возбудила и во мне смелость. Мы говорили по-французски. После завтрака девицы предложили мне прогуляться с ними в саду. Постепенно становился я смелее и разговорчивее, и наконец вошел в мой обыкновенный характер. Они показали мне свои цветы, свои любимые деревья, свой птичник, свои любимые места в саду, расспрашивали меня о России, о Петербурге – я расспрашивал их об их житье, занятиях, о книгах, которые им более нравятся – и через два часа, когда нас позвали обедать, мы были так коротко знакомы, как будто прожили несколько лет в одном семействе. Мать удивилась, слыша, что мы за столом называем уже друг друга по имени, шутим и хохочем вместе, как старые знакомые. Особенно была весела и шутлива Албертина, но и томная Леопольдина оставила за обедом свою застенчивость. – Вообще говорят, что немки слишком манерны, застенчивы, неловки, принужденны в обращении (*steif*), неразговорчивы. Все это относится к среднему сословию – но в лучшем кругу весьма много женщин и даже девиц свободного обращения. Г-жа Даргиц воспитала дочерей своих во всей чистоте нравов сельской,

патриархальной жизни, и была так счастлива, что в гувернантке, француженке, нашла и познания и нравственные качества. Девушки, в невинности чувств и понятий, следовали простодушно своим впечатлениям, и с первого знакомства стали обходиться со мной без всякой церемонии, как с родным братом. Очевидно, что моя молодость, откровенность и веселый нрав расположили их к такому обхождению.

На другой день я отправился с богатым транспортом в эскадрон, дав г-же Даргиц формальную расписку в полученном фураже и провианте, и для большей верности обещал доставить расписку ротмистра. Разумеется, что меня пригласили навешать дом, а я, со своей стороны, дал слово приехать при первой возможности.

Около шести недель простояли мы на кантонир-квартирах, в окрестностях Шипенбейля. В это время в главной армии не происходило никаких важных дел, и только отдельные отряды сталкивались с французскими партиями. Атаман Платов летал вокруг нашей армии, со своими казаками, тревожил повсюду неприятеля нечаянными нападениями, разбивал и забирал в плен французских фуражиров, отбивал транспорты и т. п.

Каждую неделю ездил я к госпоже Даргиц, только в сопровождении одного моего ординарца, и проводил в этом доме по два, иногда и по три, а однажды, сказавшись больным, прожил там целую неделю. Ротмистр позволял мне это. — Несколько раз спасал я господский дом и деревню от фура-

жиров и мародеров – и раз дело дошло даже до обнажения сабли. Я называл себя залогом... Наконец, я стал в доме, как родной. Г-жа Даргиц называла меня сыном, и старая гувернантка звала по имени (*monsieur Thadee*), точно так же, как и девицы, не прибавлявшие только *monsieur*. В свою очередь, я называл их просто Албертиной и Леопольдиной, а мать – *maan*.

Это знакомство послужило впоследствии основой к романтическому рассказу, под заглавием: "Первая любовь", напечатанному в первой части, моих Сочинений, несчастного издания книгопродавца Лисенкова. Разумеется, что этот рассказ прикрашен вымыслом и небывальщиной, как в большей части романов и повестей. В нем справедливо только то, что я здесь рассказываю, а именно, что я был влюблен в обеих сестер и никак не мог предпочесть одну другой, ни в сердце моем, ни в голове. Когда я был с одной, мне хотелось видеть другую – а обе вместе они составляли какое-то совершенство, которое восхищало меня и привязывало к ним всею душой. Многим покажется это странным, но так было на деле – и эти психологические случаи хотя редки, но не невозможны. Если б я женился на одной из сестер, я был бы несчастлив, потому что мне не доставало бы другой половины ангельского существа... Кажется, что и обе сестры расположены были ко мне одинаково, т. е. любили меня равно, братнею любовью.

После семейного счастья, нет выше блаженства, как друж-

ба с умной, любезной и прекрасной женщиной. Это настоящий рай души! – Нет спора, что такая дружба не может быть без примеси любви, равно как и любовь не может существовать без дружбы, но все же дружба и любовь различествуют между собой. – Привязанность моя к дочерям госпожи Даргиц было не то судорожное, беспокойное чувство, которое пожирает сердце: но тихое, братское влечение... Быть может, если бы я долее пожил вместе с ними и приехал к ним из России, на несколько месяцев, как я обещал, – то я бы и женился на одной из них и, вероятно, на томной, романической, чувствительной Леопольдине. Но в то время я одинаково любил обеих сестер – и это счастливое, хотя и короткое время составляет одно из сладчайших моих воспоминаний. Это были первые цветы в моей жизни!..

В полковой штаб-квартире его высочество устроил бивак, в котором стояли двадцать четыре французских дезертира, присланных к нему атаманом Платовым. Его высочество разделил этих французов на два капральства, дал им ружья, и приказал им исполнять службу, как во французском лагере, с той целью, чтобы узнать порядок французской службы⁶⁹.

Кроме того, в штаб-квартире находилось несколько пленных французских кавалеристов, которые также должны были ездить верхом перед его высочеством и делать все эволю-

⁶⁹ Эти французские солдаты отосланы были в Стрельну, и по возвращении его высочества из похода, стояли биваком в стрельнском саду. Многие из жителей Петербурга, особенно дамы, приезжали смотреть наполеоновских солдат, одетых и вооруженных по французской форме.

ции. Этих пленных и дезертиров содержали как по четным гостей. Вообще русские обходились, в то время, весьма хорошо с французскими пленными, словно с какими-нибудь гувернерами, и нашим солдатам строжайше было запрещено обижать пленных. Только одни казаки поступали всегда по-своему. Наши офицеры давали пленным деньги и одежду, делились с ними съестным, и вообще не обнаруживали никакой неприязни. – Несколько раз я слышал от французских воинов, и тогда и после, похвалы русской вежливости и человеколюбию, и похвалы эти были заслуженные. Отечественная война разрушила это согласие...

Несколько раз собирался и проситься в главную квартиру, в Бартенштейн, чтобы вручить письма главнокомандующему, генералу Беннигсену, и дежурному генералу, Александру Борисовичу Фоку, старинному другу всего нашего семейства: но не мог расстаться с милыми моими сестрицами, как я называл двух дочерей госпожи Даргиц, с которыми проводил все время, свободное от дежурства или ученья. Наконец, пришлось нам расстаться. В половине мая мы выступили в поход.

Мать, дочери, гувернантка, даже слуги заплакали, когда я только вымолвил, что приехал прощаться. День провели мы печально, и в полночь я уехал в эскадрон, в экипаже г-жи Даргиц. В шапку мою наложили разных сувениров, в коляску набросали цветов. Все провожали меня за ворота. Я прижал к сердцу мать и милых ее дочерей – и не мог вымолвить слова

от слез...

Тогда я имел твердое намерение приехать к ним месяца на три, по окончании войны!..

Кровопролитное Прейсиш-Эйлауское сражение до такой степени ограничило предприимчивость Наполеона, что по сознанию самых приближенных к нему людей, он даже не решался продолжать наступательные движения. Что случилось с этой стремительностью в нападениях, неутомимостью в преследовании, которыми отличались все прежние кампании Наполеона? Почему, со времени Прейсиш-Эйлауского сражения, оставлял он в покое армию Беннигсена, на винтер-квартирах, если почитал ее побежденною и расстроеною, как сказано было в бюллетенях? Зачем он медлил, чего ожидал? Вот вопросы, которые занимали тогда всю Европу. – Данциг, после трехмесячной правильной осады, сдался на капитуляцию французам. Генерал граф Каменский, посланный морем, с двенадцатитысячным корпусом, для спасения Данцига, невзирая на храбрость русских, выдержавших жестокие битвы, должен был возвратиться к армии. Опасались даже за Кенигсберг, который был слишком отдален от средоточия русских сил.

Все благоприятствовало Наполеону. С первых чисел апреля земля уже просохла и покрылась зеленью; погода была прекрасная; войско французское отдохнуло и усилилось – но Наполеон, к удивлению всей Европы, оставался в бездействии, в главной своей квартире Финкенштейне, делал

парады своей гвардии, подписывал декреты по внутреннему управлению Франции, принимал дипломатов и послов, в том числе и персидского, и жил роскошно среди войск своих, как никогда прежде не жывал.

Финкенштейн называли Капуей! Однообразие военной жизни разделяла с Наполеоном одна из первых красавиц высшего варшавского общества, знаменитая г-жа Валевская. Покинув своего старого мужа, и презрев общее мнение, она отдалась Наполеону, который не боялся даже явного соблазна! Она жила в одних с ним комнатах, обедала с ним наедине, смотрела чрез жалюзи на парады гвардии, выезжала прогуливаться одна – и была счастлива своей любовью к герою. Все это противоречило прежнему характеру Наполеона. Между тем, он предлагал мир, и хотел составить конгресс. Сообщения между русской и французской главными квартирами и между Веною были довольно часты: несколько раз в русской армии разносился слух о близком заключении мира. Говорили, что ждут только прибытия императора Александра. Государь прибыл в главную квартиру, в Бартенштейн, 5 апреля, и переговоры возобновились, но вскоре были прекращены, потому что император Александр никак не соглашался на отторжение от Пруссии не только областей, но даже городов, и требовал, чтобы французская армия очистила Германию. Наконец, видя, что Наполеон чего-то выжидает, император Александр решился, во второй половине мая, начать наступательные военные действия.

Иностранные военные писатели обвиняют Беннигсена в том, что он начал военные действия весьма поздно, а именно после падения Данцига, когда двадцатитысячный осадный корпус подкрепил главную французскую армию, когда польское войско получило окончательное устройство, множество отдельных партий пришли из Франции, для укомплектования полков, расстроенных в зимнюю кампанию. Утверждают, что если Беннигсен не мог начать военных действий прежде падения Данцига, то ему надлежало подождать, пока англичане, ганноверцы и шведы, вследствие конвенции, сделают высадку в Померании, и пока князь Лобанов прибудет к армии с тридцатитысячным корпусом. Не знаю причин ни медленности, ни поспешности Беннигсена, и не произношу своего суждения. Должно, однако ж, предполагать, что трудность в продовольствии также могла заставить Беннигсена открыть военные действия. Много говорили о богатстве запасных магазинов в Кенигсберге, но оттуда мало приходило транспортов в армию, вероятно по недостатку подвод. Как бы то ни было, но 19 мая русская армия была уже в движении, для занятия военных позиций.

Наполеон имел под рукою до 180 000 человек отличного войска. Русских и пруссаков было по спискам до 120 или до 130 000, но Беннигсен имел при себе не более 80 000 человек.

Театр войны, на котором должныствовали действовать эти две силы, заключал в себе не более ста квадратных верст от

Прейсиш-Эйлау и за Гутштадт, между реками Пассаргою и Алле. Это небольшое пространство покрыто множеством богатых деревень и малыми городишками, каковы: Прейсиш-Эйлау, Ландсберг, Бартенштейн, Гейльсберг, Шиппенбейль, Бишофштейн, Гутштадт и Фридланд. Местоположение повсюду довольно ровное, изобилующее лесами и в некоторых только местах пересекаемое холмами и оврагами. Грунт почти везде твердый и песчаный. Вообще местность весьма удобная для войны, и представляющая множество хороших позиций.

Река Пассарга прикрывала главную французскую квартиру и армию, которой фронт растянут был почти на сто верст. В первой линии стояли корпуса маршалов Даву, Сульта, Бернадота и Нея, составлявшие около 80 000 человек. Корпус Нея слишком выдался вперед за Пассаргой и стоял близ Гутштадта: Беннигсен вознамерился разбить Нея быстрым нападением, отрезать его, перейти Пассаргу и ударить на другие французские корпуса, прежде чем они успеют соединиться. В главном войске, которое вел сам Беннигсен против Нея, было до 40 000 человек. Авангардом командовал князь Багратион. Гвардейский корпус под начальством его высочества цесаревича, составлял резерв, и шел за главной армиею Беннигсена. Корпуса генерала Дохтурова, князя Горчакова и генерал-лейтенанта Платова, с донскими казаками и отрядом генерал-майора Кноринга, составляли главную армию (le gros de Гагтее), и шли поблизости друг друга, к общему

пункту, по направлению к Гутштадту.

21 мая главная квартира была в Гейльсберге, и я отпросился у полковника Чаликова с биваков в город, для вручения писем главнокомандующему и дежурному генералу. Полковник Чаликов, посмотрев на адреса, воскликнул: "фонтеры-понтеры! Поезжай, братец, поезжай, и вместо протекции, привези нам из главной квартиры хлеба и водки!" – Я взял с собою улана, и в девять часов утра был в Гейльсберге.

Главная квартира, хотя бы в ней и не было царственного лица, есть всегда в армии то же самое, что двор в государстве. Из главной квартиры истекают все милости и награды, следовательно, туда стремятся все желания и туда стекаются все искатели счастья. – Маленький Гейльсберг, когда я прибыл в него, кипел жизнью и многолюдством. Через город, по главной улице тянулось войско, а в городе оставалось множество офицеров разного оружия, чтоб пообедать или заpastись съестным. Почти все дамы были заняты постоем, правильным или неправильным. Для лиц, принадлежащих к штабу, квартиры отведены были магистром, и на этих квартирах хозяева кормили постояльцев; но все приезжающие в город останавливались произвольно в домах, не требуя ничего, кроме помещения, и жители редко сопротивлялись.

Все жители торговали, чем кто мог. На всех улицах продавали хлебное вино, хлеб и разное съестное; в двух или трех трактирах была такая теснота от русских и прусских офице-

ров, что с трудом можно было втиснуться в комнату. Шум был везде оглушительный. В трактирах и во многих домах играли в банк. Кучи червонцев переходили мгновенно из рук в руки. В этой битве на зеленом поле отличались более других провиантские комиссионеры, которым вручены были огромные денежные суммы, для продовольствия войска.

Злоупотребления по этой части были тогда ужасные! Войско продовольствовалось, как могло, на счет жителей, и мы ни разу не видели казенного фуража, а между тем миллионы издерживались казною! Впоследствии, множество комиссионеров отданы были под суд, многие из них разжалованы, и весь провиантский штат лишился военного мундира, в наказание за злоупотребления. Но в то время госиода комиссионеры, находившиеся при армии, не предвидели грозы, жили роскошно, разъезжали в богатых экипажах, возили за собой любовниц, проигрывали десятки и сотни тысяч рублей, и мотали напропалую. Я знал одного из этих комиссионеров, который ставил по тысяче червонцев на карту, дарил красавицам по сто червонцев, не пил ничего, кроме шампанского, и не носил другого белья, кроме батистового – и кончил жизнь в нищете, под судом, на гауптвахте, в Петербурге, выпрашивая у нас, ради Христа, по пяти рублей ассигнациями! А таких примеров было много.

Вино лилось рекой в трактирах. Не постигаю, откуда купцы бедных городишков доставали шампанское, которое русские офицеры пили, как волу. Вследствие карточной игры и

частых попок происходили дуэли, а иногда просто драки с шулерами, для которых здесь была богатая жатва.

С прусскими офицерами, хотя они были наши союзники, русские офицеры жили не в ладах, когда, напротив, французов, как я сказал выше, честили и угощали, где только встречались с ними. – Прусские офицеры никак не хотели предоставить нам первенства, вели себя гордо и даже надменно, немножко прихвастывали, а притом, по немецкой экономии, пили пивцо, когда у нас струилось шампанское, и ставили на карту по гульдену, когда мы сыпали груды золота. Это служило нашим офицерам предлогом к насмешкам, за которыми следовали ссоры и дуэли. Чаще других ссорились и дрались с пруссаками русские гусарские офицеры, за то, что пруссаки, верные преданиям Семилетней войны, почитали свою конницу первою в мире. Где только гусары наши сходились с прусскими кавалерийскими офицерами – кончалось непременно дуэлью. В армии носилось множество на этот счет анекдотов. Расскажу один, за достоверность которого не ручаюсь, но которому мы тогда верили.

Русский гусарский офицер поссорился с прусским, за картами. Дошло до вызова. Прусский офицер был отличный стрелок, бил ласточек на лету, и не хотел иначе драться, как на пистолетах. – "Итак, ты непременно хочешь убить меня!" – сказал русский офицер. – "Одним дерзким будет меньше на свете", хладнокровно отвечал пруссак. – "Быть так", возразил русский офицер: "я плохой стрелок – но мечи банк,

а я поставлю жизнь на карту... Если ты убьешь карту – можешь убить меня, как медведя, а если карта выиграет, я убью тебя". – Прусский офицер сперва не соглашался, но товарищи его, думая, что это шутка, уговорили его принять предложение русского. Прусский офицер начал метать и – дал карту. Все думали, что тем дело и кончится, но русский сказал хладнокровно: "пойдем же в сад – и разделаемся!" Множество офицеров обеих армий следовали толпой за прусским офицером, который шел, улыбаясь, и остановился в большой аллее. Явился русский офицер с охотничьим ружьем, взятым у хозяина.

"– У меня нет с собою пистолетов, но убить можно и этим", примолвил он. – "Становись, в тридцати шагах!" – Прусак и все окружающие его все еще думали, что это только шутка, и прусский офицер, проигравший жизнь, стал на позицию. Русский прицелился, спустил курок, и прусак упал мертвый. Пуля попала в самое сердце. Присутствующие невольно вздрогнули от ужаса, и не знали, что делать... – "Я не шучу жизнью" – сказал русский офицер: – "Если б я проиграл жизнь, то не принял бы ее в подаяние, и заставил бы его убить меня..." Жалобы не было, и, как говорят немцы: *wo kein Klager ist, da ist kern Richler* (т. е. где нет жалующегося, там нет и судии). Дело кажется невероятное, но кто знал графа Подгоричанина (родом серба, убитого под Ригой, в 1812 году), тот поверит этому. Впоследствии спрашивал я его, правда ли это? – "Не помню, братец", отвечал он: "мало

ли что случается в жизни!" – Сказав это, он покрутил усы, отвернулся и запел, любимую свою песню: "Ах, скучно мне, на чужой стороне!" – Я не продолжал расспросов...

Дежурного генерала Александра Борисовича Фока я не застал дома, и отправился в квартиру главнокомандующего. Передняя зала наполнена была адъютантами, ординарцами и свитскими⁷⁰ офицерами из разных отрядов. Я попросил дежурного адъютанта доложить обо мне главнокомандующему, сказав, что имею к нему письмо. – «По службе или частное?» – спросил меня адъютант. – «Частное», отвечал я. – «Так подождите», – сказал он, посмотрев на меня проныцательно, думая верно, что я ищу места при главнокомандующем. Я прождал час. Многие, между тем, входили и выходили из кабинета, но адъютант обо мне не докладывал. Я сошел с лестницы, и отыскав камердинера, попросил его отнести письмо к главнокомандующему, сказав, от кого оно. По счастью, камердинер, родом из Литвы, знал также моего дядю – и взялся доставить письмо немедленно. Я возвратился в залу. Через несколько минут, другой адъютант, работавший в кабинете главнокомандующего, высунул голову в дверь и громко позвал меня. С улыбкой взглянул я на дежурного адъютанта, и пошел в кабинет...

Два адъютанта писали, или, правильнее, переписывали

⁷⁰ Нынешние офицеры Генерального штаба его императорского величества, назывались тогда свитскими. Генеральный штаб назывался свитою его императорского величества.

какие-то бумаги за большим столом, а Беннигсен сидел под открытым окном. – "Очень рад, что вижу племянника моего старого приятеля!" – сказал мне Беннигсен. Я поклонился. – "Это, без сомнения, первая ваша кампания?" – Точно так, ваше высокопревосходительство. – "Вы еще не были в деле?" – Не был. – "Скоро будете – всем будет довольно работы!" примолвил он. – "Приходите ко мне сегодня, в два часа, обедать" – сказал Беннигсен. Я снова поклонился и вышел. Тем кончилась моя аудиенция.

Я снова отправился к А.Б.Фоку, и встретил его у самого крыльца. Он обнял меня, поцеловал, как старого знакомого, ввел в свои комнаты, стал расспрашивать о своих домашних, которых не видал около девяти месяцев, о моих родных, и наконец сказал: "Ни главнокомандующий, ни я, мы не можем ничего для тебя сделать. Если бы ты был в другом полку, а особенно, если бы был в армии, мы взяли бы тебя в главную квартиру или в адъютанты, или хотя в бессменные ординарцы. Но его высочество объявил нам, что он ни за что не согласится дать фронтового офицера из вашего и из Конногвардейского полка в адъютанты или в какую-нибудь командировку, и что его офицеры должны служить при нем, в полку. Мы не смеем распорядиться против его воли. А если в чем другом могу быть тебе полезным – рад стараться!" – Узнав, что я вручил письмо главнокомандующему и приглашен им к обеду. Фок сказал: "И я буду у него обедать... Знакомство с главнокомандующим хорошее дело для корнета!..

Прощай... я так занят, что мне каждая минута дорога. Завтра мы выступаем отсюда..." – Признаюсь, я надеялся попасть в главную квартиру – но слова Фока разочаровали меня.

В назначенный час, я снова явился в приемной у главнокомандующего. На этот раз дежурный адъютант был очень вежлив со мною, предложил мне сесть с ним рядом у окна, и стал выпытывать меня, довольно, впрочем, неискусно, от кого я доставил письмо главнокомандующему, не желаю ли состоять при его особе и т. п. Чтобы отплатить за прежнюю его необязательность, я, с намерением, отвечал загадочно. Наконец Беннигсен, вышел из кабинета вместе с князем Багратионом, за ними следовали А.Б.Фок и несколько генералов. Беннигсен окинув взором все собрание в приемной заде, сказал: "здравствуйте, господа", поздоровался отдельно с некоторыми полковниками и офицерами, и, между прочими, удостоил меня этой чести. Мы пошли за ним в столовую.

Дежурный адъютант не отставал от меня и посадил возле себя. Я почти не слушал, что он шептал мне на ухо, обращая все мое внимание на два лица, которые приобрели уже европейскую славу – на Беннигсена, и на любимца Суворова, князя Багратиона. Князь был в любимом своем мундире Гвардейского егерского полка. Лицо его было совершенно азиатское. Длинный орлиный нос придавал ему мужественный вид; длинные, черные волосы его были в беспорядке; взгляд его был точно орлиный. Разговаривали о довольно

важном предмете, а именно, в какой степени латы и пики полезны для конницы. Князь Багратион был того мнения, что латы полезны преимущественно тем, что производят сильное впечатление в атакуемых и порождают в латнике более смелости, в надежде на защиту от пуль. "Но я приучил моих егерей и казаков не бояться этих железных горшков"⁷¹, сказал князь Багратион. – «Хорошей, стойкой пехоте, как наша», – примолвил он: «не страшна никакая кавалерия. Что же касается до пики, то надобно уметь чрезвычайно ловко владеть ею, чтобы она была полезна: в противном случае, она только спутает кавалериста. Для наших казаков нет другого оружия, кроме пики, потому что это лучшее оружие в погоне за неприятелем. Но в свалке, как обыкновенно действует кавалерия, сабля или палаш лучше».

Полковник Кнорринг, с длинными рыжими усами (Конно-татарского полка, одетого и вооруженного по-улански), доказывал пользу пик для легкой кавалерии. "Ваши татары почти те же казаки" – сказал князь Багратион. – "Но все же для полезного действия пикой надобно быть одетым, как можно легче и удобнее, без затяжки и натяжки, одетым, как наши бесцеремонные казаки". Во время этого разговора, тогда очень важного для меня, потому что говорено было о преимуществе кавалерийского оружия, я беспрестанно смотрел на Беннигсен, к которому князь Багратион часто обращался в разговоре – но Беннигсен молчал. Разговор пе-

⁷¹ Собственные слова князя Багратиона.

решил к вооружению французской кавалерии, к их конным егерям, потом к пехоте, к знаменитым французским стрелкам – Беннигсен все молчал. Но когда разговор склонился к характеру и общим качествам французского войска, Беннигсен сказал: "Французское войско, как ракета – если с первого раза не зажжет, то лопнет сама в воздухе". – Князь Багратион промолвил: "Я люблю страстно драться с французами: молодцы! Даром не уступят – а побьешь их, так есть чему и порадоваться. Как свет стоит, никто так не дрался, как дрались русские и французы под Пултуском и Прейсиш-Эйлау!

Обед кончился. Беннигсен сел под окном, рядом с князем Багратионом, и после кофе поклонился всем и ушел в свой кабинет. Проходя мимо меня, он кивнул головою, как будто в знак того, что помнит меня. Все разошлись, и я поспешил на квартиру, к знакомому комиссионеру, где была моя лошадь. Запасшись различною провизией, я отправился в полк, узнав в канцелярии дежурного генерала, по которому направлению надлежало мне следовать.

Этим обедом кончились все мои надежды на покровительство главнокомандующего и дежурного генерала! Не будь я в Уланском его высочества полку, я непременно был бы взят в главную квартиру, как уверял меня впоследствии А.Б.Фок, и имел бы случай к отличию... Вероятно, вся служба моя, а с тем вместе, может быть, и вся жизнь моя приняла бы другое направление...

Я догнал полк на втором переходе от Гейльсберга. Впро-

чем, мы слышали вдали, вправо от нас, сильную канонаду. — На другой день, часу в седьмом пополудни, мы остановились на биваках, оставленных накануне французами, после жаркого авангардного дела. Верно, французы долго здесь простояли. Это был лагерь, составленный из маленьких, красивых, дощатых домиков, в две линии, с дверьми и окнами. В некоторых домиках были камины. Этот лагерь был гораздо красивее литовских и эстонских деревень. Мы расположились на кавалерийском биваке. Немедленно высланы были фуражиры, а между тем мы устанавливали лошадей в коновязи. Вдруг раздался крик: "Француз! Француз!" Из одного домика вылез человек — без лица!!! Картечью или обломком гранаты ему сорвало все лицо, т. е. обе щеки, нос, челюсти, язык, глаза и подбородок, и виден был один язычок в горле, на котором присохла запекшаяся кровь. Зрелище ужасное и отвратительное! Изувеченный показывал знаками, что его мучит жажда. Вид этого несчастного произвел на меня болезненное впечатление, и я содрогнулся при мысли, что, быть может, и меня ожидает завтра такая же участь. Уланы наши окатили страдальца холодной водой, а он лег на землю, продолжая просить знаками — налить ему в горло воды, что и было исполнено. Наш полковой штаб-лекарь, Малиновский, объявил, что нет средств перевязать раны этого человека, и что для него величайшее благодеяние: скорая смерть. Полковник Чаликов, по совету штаб-лекаря, приказал пристрелить несчастного — но ни один из наших уланов не согласился

на это добровольно. Взятся задело коновал наш, старик Тортус (родом швед)⁷², выпросив вперед стакан водки, любимого своего напитка. Изувеченного француза отвели с полверсты от нашего бивака, в рощу, и одним выстрелом избавили от мучительной жизни.

Всю ночь снился мне этот несчастный француз, который и теперь еще представляется моему воображению. – Это первое зрелище бедствий войны, хотя не погасило во мне страсти к военной службе, но убедило, что война не игрушка, как я мечтал, утешаясь биваками, шумом и беспечностью военной жизни. – Смерть дело одной минуты – и сегодня или завтра – все равно! Но увечье, долговременное страданье, – вот что ужасно! – Как не уважать воина, который охотно идет на смерть и на увечье для славы, чести и пользы общей! – По-

⁷² Этот Тортус, отличный коновал и горький пьяница, был тогда лет шестидесяти, и играл в полку роль Диогена, говоря правду в лицо всем, даже его высочеству, своим ломаным русским языком, и называя всех ты. Тортус любил говорить афоризмами, а иногда и в рифму. Его высочество забавлялся шутками Тортуса. Когда ему показывали больную лошадь, которую он почитал неизлечимую – он, махнув рукой, говорил: «собакам мясо!» и уходил, без всяких дальнейших объяснений. Однажды его высочество, приехав к нам на биваки, спросил Тортуса: «хорошо ли ему при полку?» Голодный Тортус, махнув рукою, отвечал: «В моем полку (произнося с ударением на букву о) – нет толку!» В другой раз его высочество похвалил Тортуса за отличную операцию над хромою лошадью. – «Поменьше хвали, а получше корми!» отвечал Тортус, и цесаревич велел его накормить досыта и напоить допьяна, в своей квартире. Когда его высочество постращал однажды Тортуса палками, он отвечал: «Будешь бить коновала палками, так станешь ездить на палочке». Его высочество никогда не сердился на оригинального старика. Черта замечательная!

раздумайте об этом, господа кичливые ланд-юнкеры и спесивые бароны, и не гордитесь перед русским воином, защищающим ваши картофельные поля! – Внутри России воин в уважении. . .

Предоставляю военным писателям рассказывать в подробности о всех движениях и сражениях нашей армии, на пути от Гейльсберга к Пассарге. Это не мое дело. Я описываю что видел и только объясняю события по последствиям.

Войско наше шло вперед бодро и весело. Уже несколько раз мы слышали впереди канонаду, и досадовали, что нас не пускают в дело. Под Гутштадтом завязалось жаркое сражение, и две дивизии маршала Нея, прикрывавшие ретираду, были разбиты и лишились нескольких пушек. Однако ж. Ней успел примкнуть к Пассарге, устроил на берегу батареи, и на левом фланге укрепил засеками лес, прикрывавший его переправу. Против этого леса, составлявшего ключ французской позиции, действовал корпус генерала Дохтурова. Французы мужественно защищали лес, и батареи их далеко очищали долину, невзирая на сильный огонь нашей артиллерии. Генерал Дохтуров потребовал помощи, после полудня, 25 мая, из резерва, состоявшего под начальством его высочества цесаревича, который выслал немедленно генерал-майора Хитрова, с Лейб-егерским полком, одним батальоном Семеновского, четырьмя орудиями лейб-гвардии конной артиллерии и одним батальоном нашего полка. Часу в четвертом пополудни прибыли мы на поле сражения. С нашей сто-

роны, т. е. от Гутштадта, были возвышения, склоняющиеся к Пассарге – и сражение происходило перед нашими глазами, как на ладони. Картина была необыкновенная! Прямо перед нами гремели орудия с русских и французских батарей, а вправо от нас происходила, под лесом, сильная перестрелка, слившаяся в один непрерывный гул. Засеки под лесом составляли род крепости. Генерал Дохтуров приказал гвардейским егерям атаковать немедленно лес. Тут впервые увидел я геройство русского солдата, предводимого храбрыми начальниками. Полк, построившись в две батальонные колонны, двинулся с места, так же стройно, как на ученье. Одною колонною командовал полковник Сен-При (Sain-te-Priest), а другую полковник Потемкин⁷³.

Приближаясь к лесу, колонны разделились, и выслали вперед стрелков, продолжая быстрое свое наступление. По условленному сигналу, оба батальона крикнули разом ура, и бросились стрелков в штыки: батальон Потемкина прямо на засеки, а батальон Сен-При во флаг неприятеля. – Французы дали залп, но это не удержало храбрых наших егерей – они полезли на засеки, очищая себе путь штыками. В одно мгновение перестрелка прекратилась, и из леса раздались страшные вопли. Потом снова слышались ружейные выстрелы. Французы не устояли и бежали из леса. Егеря преследовали их, невзирая на картечный огонь, по ту сторону леса, и прогнали из селения Ломитена. – Подоспевшие на помощь

⁷³ Впоследствии генерал-адъютант.

к нашим егерям, казаки и батальон Екатеринославского гренадерского полка довершили поражение французов на этом пункте; но прибывшее к французам подкрепление принудило наших остановиться по сю сторону селения.

В донесении главнокомандующего государю-императору, с поля сражения, на берегах Пассарги, 25 мая, сказано; "Лейб-гвардии егерский полк действовал столь отлично, что обратил на себя удивление всей армии". – И точно, все видевшие этот подвиг лейб-егерей были удивлены! Ни на одном маневре не было произведено такого ловкого и стройного движения, как штурм засек и изгнание французов из леса, при Пассарге, гвардейскими егерями. Лейб-гвардии егерский полк был тогда чудный полк, решительно первый полк в русском войске!

Я уже сказал (Часть II, стр. 141), что наш полк был в тесной дружбе с лейб-егерями. Мы более всех радовались блистательной славе, приобретенной лейб-егерями в первом сражении, и вместе ними оплакивали смерть двух отличных офицеров, капитана Вульфа и поручика Огонь-Догоновского. Два брата графы Сен-При (полковник и подпоручик) были ранены.

В этом движении нашей армии от Гейльсберга к Пассарге, другой блистательный подвиг также обратил на себя удивление своей и неприятельской армии. – Говоря о восшествии на престол императора Александра Павловича, я упоминал о графе Павле Александровиче Строганове (единственном

сыне графа Александра Сергеевича), любимце государевом. Граф Павел Александрович был один из благороднейших, честнейших и благонамереннейших людей, какие когда-либо существовали при дворах. Ангел душою, с умом светлым и глубоким, с высоким образованием, граф Павел Александрович любил Россию выше всего в мире, и обожал государя, в котором чтит и высокие дарования и пламенное желание к просвещению и возвеличению отечества. Отец не желал, чтоб единственный сын его, надежда доблестного рода, служил в военной службе – и граф Павел Александрович находился в армии, при особе императора, в гражданском чине тайного советника, по дипломатической части. Но стремясь доказать государю, что не жалеет жизни для пользы и славы его, он выпросил у атамана Донского войска Матвея Ивановича Платова его атаманский полк, переправился с ним, вплавь, через реку Алле, напал, врасплох, на французов, положил на месте до тысячи человек, и взял в плен четырех штаб-офицеров, двадцать одного обер-офицера и 360 человек рядовых. Этот отважный подвиг снискал графу П.А.Строганову общие похвалы и решил его участь. Отец позволил ему перейти в военную службу, и он, в войне 1812, 1813 и 1814 годов, в звании генерал-адъютанта, приобрел репутацию отличного генерала и неустрашимого воина. Единственный сын его, в юношеских летах, убит в сражении, во Франции, в 1814 году – и это сократило жизнь благородного графа Павла Александровича... Он стал чахнуть и скончал-

ся в 1817 году. Знаменитый род графов Строгановых прекратился, и графское достоинство перешло в родственную линию баронов Строгановых. Если когда-нибудь будет написана полная история императора Александра, достойная века и дел его, то граф Павел Александрович Строганов, конечно, займет в ней блистательное место. Император Александр называл его другом своим – и этот друг всегда говорил ему правду, и всегда заступался за безвинно угнетаемых или оскорбленных злою потребителями власти, олицетворяя собою идеал вельможи Державина (в изображении Фелицы):

Ваш долг Монарху, Богу, Царству, Служить и клятвой не играть, Неправде, злобе, мзде, коварству Пути повсюду пресекать!

Так поступал всю жизнь свою истинный вельможа, граф П.А.Строганов, и память его останется навсегда священной и незабвенной.

Русские дрались на всех пунктах с величайшей храбростью, но последствия не соответствовали ожиданиям Беннигсена. Корпус Нея не был отрезан и успел перейти за реку Пассаргу, а корпуса Сульта и Бернадота удержали генерала Дохтурова, при Ломитене, и пруссаков, при мосте Шпаклен, от переправы через Пассаргу. Только донские казаки и знаменитый впоследствии Кульнев (бывший тогда подполковником Гродненского гусарского полка) успели побывать за рекой. Атаманского полка майор Балабин 2-й переплыл через реку с 200 казаков, в двух милях в тыле французов, напал

на шедший к армии транспорт с боевыми снарядами, избил прикрытие, взял двух человек в плен, для засвидетельствования о своем подвиге, и взорвал на воздух сорок фур с порохом и гранатами, посредством пороховой тропинки, проведенной на такое расстояние, чтобы лопающиеся гранаты не могли вредить его команде. Это произвело ужасную тревогу в французском войске. Большая часть кавалерии поскакала, опрометью, на этот треск, и прибыв на место, нашла только обломки фур и тыла убитых. Подполковник Иловайский 9-й и майор Иловайский 4-й также наделали много хлопот неприятелю, переправясь через реку, и перебив несколько отдельных команд, в тыле французской армии, а Кульнев, также переплыв через реку с двумя эскадронами гусар, прогнал несколько эскадронов французской конницы, взял французский обоз, привел его на берег и сжег в виду нашего авангарда. Но все эти блистательные подвиги не принесли нам существенной пользы.

Знаменитый военный писатель барон Жомини говорит⁷⁴, что Наполеон нарочно выдвинул вперед корпус маршала Нея, чтобы выманить Беннигсена из укрепленной позиции

⁷⁴ См. "Vie politique et miliiaire de Napoleon, racontee par lui-meme, au tribunal de Cesar, d'Alexandre et de Frederic. – Я никаким образом не могу постигнуть, как генерал барон Жомини решился говорить от имени Наполеона! – Как можно было взять на себя объяснение всех предначертаний и помыслов величайшего из гениев!!! – Разумеется, что все мнения, изложенные в этом сочинении, должно приписывать автору, генералу Жомини, а не Наполеону. События в книге генерала Жомини могут быть верны – но ум и луша Наполеона только в тех сочинениях, которые он сам диктовал, в заточении своем, на острове Св. Елены.

под Гейльсбергом, и что если бы Беннигсен не атаковал французов, то через два дня Наполеон начал бы наступательные действия. Хотя Ней и был предуведомлен, по словам Жомини, что будет атакован, но подавшись вперед далее, нежели ему было приказано, Ней все же мог быть разбит и отрезан от Пассарги, если бы русские войска быстрее произвели движение и не употребили слишком много времени для обхода одного озера, а бросились прямо из Вольфслора в тыл Нею, на дорогу, ведущую из Гутштадта к Депену, селу на том берегу Пассарги. Наполеон воспользовался остановкою нашею, на берегу реки, 25 мая, собрал всю свою армию, и присоединившись к Нею, с корпусом маршала Ланна, с гвардиею и резервною кавалериею, выслал немедленно, усиленным маршем, маршала Мортье к Морунгену, а маршалу Сульту приказал двинуться к Липштадту и силою перейти через Пассаргу. – 26 мая. Наполеон соединился с Сультсгм в Альткирхе. Этим искусным движением, Наполеон, маневрируя на нашем крайнем правом фланге, почти в тыле, угрожал отрезать всю армию русскую от Гейльсберга и даже занять Кенигсберг, прежде, чем Беннигсен успеет зайти ему вперед, и тем принудил Беннигсена прекратить бой на Пассарге и возвратиться поспешно к Гейльсбергу.

И вот, мы, после блистательных сражений, в которых везде одерживали поверхность над храбрым неприятелем – смело можно сказать, после побед – в полной ретираде! Нет ничего несноснее, мучительнее, как ретирада, хотя бы самая

блистательная! И люди и лошади утомлены и обессилены. – Только что собираются варить кашу, кормить лошадей – раздается команда: мундштучь, садись! Но голод еще половина беды, а целая беда – сон! Все можно вытерпеть, но сна нет сил преодолеть! Кавалеристам еще кое-как сносно дремать на лошади, хотя от этого саднится лошадь: но что делать бедному пехотинцу! Однако ж и пехотинец спит на походе, закинув ружье за плечи или положив на ранец переднего товарища. Я видел это собственными глазами, хотя и до сих пор не понимаю, как можно спать в походе, с ружьем в руках. Лишь только остановятся – все бросается на землю, чтоб уснуть, хоть на несколько минут. Кавалеристы лежат под ногами усталых лошадей, и никто не думает, что одно движение лошади может нанести ему вред или вечное безобразие, как это иногда и случается. Все это мы испытали в быстрой ретираде от Пассарги до Гейльсберга. Арьергард дрался беспрерывно. Французы сильно напирали.

Есть старинная русская песня, начинающаяся словами:

"Сон приятен, без досады,
На утренней, на заре,
На солнечном восходе..."

Мы шли целую ночь, и поутру, когда пригрело солнце, сон овладел мною в высшей степени, и я задремал на лошади. Не знаю, долго ли я спал, но проснувшись внезапно, едва не свалился от испуга... Кругом вода... Не видно ни души...

Лошадь моя забрела в озеро, по грудь, с версту от берега, и напившись вволю, остановилась, а между тем полк, шедший в арьергарде, прошел мимо и скрылся в лесу. От быстрого движения шапка моя упала в воду, и, по счастью, течением прибило к ее берегу. Пришед в себя, я поворотил лошадь, достал шапку и пустился в галоп догонять полк, который прошел уже версты с две. Никто даже не заметил моего отсутствия...

Наконец мы пришли в Гейльсберг. Полк наш расположился на биваках, в тылу, за городом. 29 мая, около 10 часов утра началось сражение, сперва в авангарде, при селении Бевернике, а потом и на всей нашей линии. Французы шли смело, стараясь овладеть нашими батареями, и встречали везде отчаянный отпор. В три часа пополудни уже все войска и часть нашего резерва были в деле. – Земля стонала от грома пушек, и ружейные выстрелы сливались в один протяжный гул. Погода была тихая и ясная – из порохового дыма и пыли, образовалось стоячее облако на поле сражения, так что трудно было видеть в нескольких шагах. Упорство с обеих сторон было удивительное. Обе линии то подавались вперед, то отступали, и батареи переходили из рук в руки. Ядра и гранаты прыгали по всему полю и попадали не только в город, но и за город, по мере приближения неприятеля. В дыму, только по крикам ура можно было судить о движении войск. Русские несколько раз штыками отбивали сильный напор французов. – Кавалерия наша непрерывно должна была драться

с французскою пехотою. Поле покрыто было убитыми; от раненых не было прохода на улицах в Гейльсберге. Почти все дома были заняты под госпитали.

Полк наш стоял на предместье, в тыле сражения, в готовности вступить в бой. Около трех часов пополудни приехал к нам шеф наш, его высочество цесаревич, и за ним следовали две подводы с хлебным вином и сухарями. Он велел полку спешиться и раздать солдатам по чарке вина. Лишь только мы слезли с коней, откуда ни возьмись пушечное ядро – свистнуло и ударило в лопатку флангового улана второй шеренги нашего эскадрона, Котенки (я не забыл имени), в ту самую минуту, когда я протянул к нему руку, чтоб отдать поводья моей лошади. У фланговых уланов были штуцера, на перевязи... Ядро раздробило штуцер и лопатку бедного Котенки и отбросило его на несколько шагов, а меня, забрызганного кровью, повалило силою воздуха. Это было первое близкое знакомство мое с ядрами... Котенку подняли и понесли в город, но он умер, на руках несших его.

Его высочество уехал к резерву, которым он начальствовал, а мы сели на коней и пошли, шагом, вокруг города, на правый фланг.

Здесь же я в первый раз увидел знаменитого атамана Донского войска, Матвея Ивановича Платова (бывшего тогда генерал-лейтенантом и не имевшего еще графского достоинства), которого имя повторялось в каждой реляции. Он пронесся мимо нас на рысях, со своим атаманским полком. Мат-

вей Иванович Платов был сухощавый, уже не молодой человек, ехал согнувшись на небольшой лошади, размахивая нагайкой. За ним шел стройно, по три справа, его геройский полк. Все казаки Атаманского полка носили тогда бороды и не было бороды в полку ниже пояса. Казаки одеты были в голубые куртки и шаровары, на голове имели казачьи бараньи шапки, подпоясаны были широкими патронташами из красного сафьяна, в которых было по два пистолета, а спереди патроны. У каждого казака за плечами висела длинная винтовка, а через плечо, на ремне, нагайка, со свинцовою пулею в конце, сабля на боку и дротик в руке, наперевес. Шпор не знали тогда казаки. Люди были подобранные, высокого роста, плотные, красивые, почти все черноволосые. Весело и страшно было смотреть на них!

Полк наш, вышед за город, стал за кавалерией, которая уже несколько раз ходила в атаку. – Сквозь облака дыма, которые иногда редели, мы видели сражавшихся, и неприятельские ядра переносило часто за наш фронт. Французы непременно хотели овладеть нашими батареями, и лезли на них по трупам своих товарищей. Надлежало отгонять их штыками и кавалерией. Несколько раз перед нашими глазами ходили в атаку кирасиры, драгуны и казаки, но до нас не дошла очередь. Мы только маневрировали на плоском возвышении, в виду неприятеля, то приближаясь к центру поля сражения, то удаляясь от него.

Ничего нет скучнее, как подробности сражения – и пото-

му я не стану повторять их, по реляциям. Дрались под Гейльсбергом весь день, с величайшим с обеих сторон ожесточением. Темная ночь разлучила сражавшихся. Мы остались на поле сражения – французы отступили туда, где началось авангардное дело.

Наполеон провозгласил победу во всей Европе! Какая же это была победа? По собственному его сознанию, он был гораздо сильнее русских, а между тем, русские остались ночевать, и весь следующий день простояли в своей позиции. По здравому смыслу и по правилам логики, победа принадлежит тому, кто удержал за собою поле сражения, а русские удержали его с честью и славою, защищая каждый шаг земли до последней капли крови. С обеих сторон потеря была почти равная. В обеих армиях выбыло из фронта более 20 000 человек. Мы лишились храброго генерал-майора Кожина, убитого в атаке, перед фронтом Кирасирского его величества полка, которым он командовал, и генерал-майора Варнека. Ранены генерал-лейтенант Дохтуров, генерал-майоры: Вердеревский, принц Мекленбургский, Пассек, Дука, Олсуфьев, и дежурный генерал Фок. Александр Борисович ранен был в левую руку. Его высочество цесаревич, узнав об этом, сказал: "Фок ранен в левую руку, а Беннигсен лишился правой руки!" И остроумно, и справедливо.

Но дело мастера боится. Наполеон знал, что Беннигсен весьма дорожит Кенигсбергом, и потому вознамерился движением на Кенигсберг принудить его покинуть свою креп-

кую позицию при Гейльсберге. Оставив корпус Даву перед Гейльсбергом, чтоб прикрыть свое движение. Наполеон, со всеми силами своими, бросился к Ландсбергу и Прейсиш-Эйлау, на Кенигсбергскую дорогу. – Жомини замечает, что если бы Беннигсен решился оставить часть войска в Гейльсбергской позиции, и двинулся быстро вперед, то зашел бы в тыл Наполеона, овладел его сообщениями, и прижал бы всю неприятельскую армию в угол, между нижним Прегелем, морем и русским войском. Это было бы тем, что в шахматной игре называется шах и мат. Что сквозь русские ряды Наполеону не легко было бы пробиться – это испытал он уже под Пултусском, Прейсиш-Эйлау и Гейльсбергом. Но Беннигсен сперва думал, что Наполеон на другой же день, 30 мая, возобновит сражение под Гейльсбергом, и когда французские стрелки корпуса Даву показались под лесом, на нашем правом фланге, Беннигсен выстроил всю армию свою в боевой порядок и продержал почти половину дня под ружьем, в ожидании атаки, между тем, как Наполеон шел вперед, по Кенигсбергской дороге. Французских стрелков скоро загнали в лес, и все удивлялись, что французы вовсе исчезли. Вечером казаки дали знать, что главная французская армия пошла к Ландсбергу, по Кенигсбергской дороге. То же подтвердили перехваченные французские депеши, и Беннигсен, опасаясь за свои сообщения с Кенигсбергом и русскою границею, двинулся немедленно, со всею армиею, по противоположному берегу реки Алле, на Бартенштейн и Шиппенбейль, сжег-

ши мосты под Гейльсбергом. Таким образом обе армии шли по одному направлению, параллельно одна к другой. Французов не было вовсе ни перед нашим авангардом, ни за нашим арьергардом. Только летучие казачьи отряды охраняли шествие наше с левой стороны, т. е. со стороны французов. Странное положение обеих армий, которые опережали одна другую, первая для защиты, другая для взятия одного города. Все мы думали, что идем к Кенигсбергу, и что там встретим французов и дадим генеральное сражение. Это мне подтвердил адъютант Беннигсена, с которым я познакомился в день отдачи письма главнокомандующему. 31 мая главная квартира наша была в Шиппенбейле.

При закате солнца я видел Беннигсена в Шиппенбейле. Он стоял на крыльце занимаемого им дома и смотрел на артиллерию, проходившую чрез город. Мне показалось, что не постарел с тех пор, как я обедал у него, в Гейльсберге. Беннигсена окружали генералы, но он, казалось, никого не замечал и даже не отвечал на салют артиллерийских офицеров. Наморщив лоб и насупив брови, он неподвижным взором смотрел вперед, опершись на саблю. На нем была шляпа с белым султаном и общекавалерийский мундир, с серыми рейтузами. Я стоял насупротив, через улицу, и с четверть часа не сводил с него глаз. Тяжелая дума ясно выражалась во всех чертах лица его. Я имел сперва намерение представиться ему – но не решился, видя его в таком мрачном расположении духа. Когда артиллерия прошла, Беннигсен по-

клонился генералам и вошел в дом.

До сих пор Наполеон играл только в шахматы с Беннигсеном, т. е. оба они маневрировали, чтобы найти место и случай для поражения один другого. Французская армия шла отдельными корпусами к Кенигсбергу. Беннигсен спешил, чтобы предупредить французов, закрыв фронтом своим Кенигсберг и переправу через Прегель. Из Шиппенбейля надлежало поспешить через Фридланд к Велая (Wehlau), где река Алле соединяется с Пергелем, впадающим в море, при Кенигсберге. Французы опережали нас. Когда наша главная квартира была в Шиппенбейле (31 мая). Наполеон был уже в Прейсиш-Эйлау, Ланн, подкрепляемый Неем и Мортье, в Домнау, Сульт под Крейцбергом, а Мюрат и Даву шли прямо на Кенигсберг. Прочие французские корпуса следовали отдельно за главной квартирой Наполеона.

Беннигсен получил известие о быстром движении неприятеля на пути из Шиппенбейля к Фридланду, и удостоверясь в невозможности опередить Наполеона, составил другой план, который имел бы благие последствия, если бы, как говорит Жомини, исполнен был быстро и решительно. Беннигсен вознамерился перейти Алле, начать наступательные действия, и разбить отдельные корпуса французов, не дав им соединиться. Он избегал решительного сражения, до присоединения к нему корпуса князя Лобанова, шедшего к армии, на подкрепление, из Тильзита. В этом корпусе было до 26 000 человек. Действуя таким образом на оконечности непри-

ательской линии, фронтом к морю, утруждая неприятеля отдельными битвами, и прервав его сообщения, Бенигсен поставил бы Наполеона в затруднительное положение и принудил бы его отступить от Кенигсберга, а между тем, соединившись с князем Лобановым и другими отрядами, мог бы выбрать выгодную позицию для генерального сражения. План этот, составленный мгновенно, при быстрой перемене обстоятельств, обнаруживает высокие военные дарования Бенигсена. Конечно, современное общее мнение судит о делах и людях по успехам: но суд истории взвешивает причины и последствия, и будущий историк, без сомнения, поставит Бенигсена в число искуснейших генералов своего времени, хотя бы даже и решил, что он не в силах был бороться с военным гением Наполеона.

Нашей армии, следовавшей от Шиппенбейля к Фридланду, предшествовали резерв, под начальством его высочества цесаревича, и часть резервной кавалерии, под начальством князя Дмитрия Владимировича Голицына. – С утра, 1 июня, наш и Орденский кирасирский полки, с несколькими (кажется, с четырьмя) орудиями конной артиллерии, высланы были вперед, к Фридланду, на рекогносцировку. Начальствовал сам князь Д.В.Голицын. Ему приказано было перейти через реку Алле, на левый ее берег (армия наша шла по правому берегу), остановиться в городе, для охранения моста, и выставить пикеты за городом. Мы никак не надеялись встретить здесь французов, зная направление французской

армии, шли беспечно, и радовались, что отдохнем в городе, хоть одни сутки, и запасемся съестным; но подходя к городу, увидели бегущих к нам навстречу безоружных солдат с криком: Французы!" Это были наши фурлейты (человек десять) из обозов, оставленных в Фридланде, когда этот город оставался в тылу нашей армии, далеко от театра военных действий, т. е. в то время, как мы стояли под Гейльсбергом и ходили к Пассарге. Кажется, что об этих обозах вовсе забыли! – От них мы не могли ничего более узнать, как только то, что французская конница заняла город, что все обозы наши взяты, и что сами они успели спастись на лодках. Французской пехоты они не видели. Решено было немедленно атаковать город. Мы выстроились в две линии, поэскадронно, и пошли на рысях к мосту, но тут встречены были залпом спешившихся французских гусар, засевших за бревнами. Мост был разобран посредине, но наскоро, так, что доски еще лежали в куче, по краям моста. Тут полк наш оправдал надежду на него его высочества, и совершил истинно геройский подвиг, которого честь принадлежит эскадрону ротмистра Владимирова и поручику Старжинскому. Соскочив с лошади и вызвав нескольких храбрецов, Старжинский бросился с ними на мост и стал укладывать доски под градом неприятельских пуль. Несколько десятков гусарских штуцеров метили в него – и ни одна пуля не попала! Через четверть часа мост был починен, и мы бросились стремглав в город.

Старжинский был один из лучших офицеров нашего пол-

ка. Красавцу, с отличным воспитанием и благородному во всех своих поступках, ему не доставало только военной славы – и он приобрел ее подвигом, которого не пропустил бы без внимания ни Тит-Ливии, ни Тацит. В наше время все забывается и важно одно настоящее. Эгоизм заглушил все высокие чувствования. Мы хвалим только то, что нам полезно. Старжинский обрекал себя на явную смерть, и если он остался жив и невредим, то это истинное чудо. Разве Гораций Коклес сделал более! С какою радостью мы прижали к сердцу доброго нашего товарища, когда увидели его снова на лошади!⁷⁵

Он даже удивлялся нашим поздравлениям, почитая подвиг свой ничтожным, и простодушно отвечал нам: "кому-нибудь да надобно же было первому пойти!"

Спешившихся французских гусар, которые не успели спастись через огороды, мы перекололи, и поскакали, по главной улице, на площадь, где встретили нас саксонские драгуны, выстроившиеся в колонне, в числе нескольких эскадронов. Саксонцы храбро выдержали первый наш натиск, но мы врезались в их ряды и опрокинули их фронт. Они поскакали в тыл, а мы за ними, и вскоре уланы наши перемешались с саксонскими драгунами и скакали вместе по улицам, нанося друг другу удары. За городом мы увидели французский

⁷⁵ Я расстался со Старжинским в 1809 году и с тех пор не видел его, но слышал, что он занимает почетное звание уездного дворянского предводителя в Подольской губернии и пользуется общим уважением и любовью. Пусть эти строки напомнят ему нашу молодость!

гусарский полк, в зеленых мундирах, который шел к нам навстречу, на рысях. Саксонские драгуны проскакали чрез интервалы, между гусарскими эскадронами, а мы остановились, чтобы выстроиться. На нашей стороне трубили сбор, и вдруг, из-за реки, несколько ядер из наших легких орудий ударило в неприятельскую колонну. Это остановило ее и дало нам время собраться и выстроиться поэскадронно.

По моему мнению, нет зрелища живописнее и привлекательнее, как кавалерийское сражение! Фланкировка, атаки, скачка по чистому полю, пистолетные выстрелы, схватка между удалцами, военные клики, трубные звуки – все это веселит сердце и закрывает опасность смерти. Погода была прекрасная, поле обширное и ровное, и мы радостно вступили в бой. Орденские кирасиры остались при наших пушках и для защиты моста и города, а наш полк один выступил в чистое поле, на битву с французскими гусарами и саксонскими драгунами. Сперва мы выслали фланкёров, а потом ударили на французских гусар и опрокинули их. Проскакав с версту, они остановились и выстроились за своею второю линиею, т. е. за саксонскими драгунами. Одним натиском мы смяли саксонцев. Несколько раз неприятель останавливался и строился, на расстоянии около семи верст, и мы каждый раз принуждали его к ретираде нашими атаками и наконец загнали в лес. Стало смеркаться, и потому один эскадрон (майора Лорера) остался на аванпостах, растянув цепь под лесом, а прочие эскадроны отступили версты на три и рас-

положились на биваках.

Эта первая встреча наша с французами, столь блистательная, осталась почти не заметною в военной истории. Жомини⁷⁶, упоминая об этом деле, говорит от имени Наполеона: «Un de nos regiments de hussards qui occupait déjà cette ville en fut chasse le meme soir», т. е. «один из наших гусарских полков, который уже занимал этот город, был выгнан из него, и тот же вечер». – О саксонских драгунах и вовсе забыли! Однако ж, мы очень хорошо помним их. Это были рослые, видные люди, с косами, в красных куртках с зелеными отворотами, на крепких и хороших лошадях. Дрались саксонцы не хуже французов. – Мы взяли в плен человек до шестидесяти гусар и драгун, а перекололи и порубили верно с полсотни. От пленных узнали мы, что эти два полка высланы на рекогносцировку, от корпуса маршала Ланна, из Домнау.

Впоследствии я слышал от весьма искусного французского генерала, что если бы мы не остановились под лесом, а перешли через лес и заняли аванпосты по другую его сторону, то генеральное сражение под Фридландом, на следующий день, могло бы иметь другие последствия. Узнав о переходе Беннигсена через Алле, Наполеон двинул свою армию к Фридланду, не всю в одно время, но корпусами, из разных мест, прикрывая движение войск лесом, таким образом, что мы не знали сил наступающего неприятеля, когда он, напротив, мог из-под леса видеть нас в чистом поле и распоря-

⁷⁶ Vie politique et militaire de Napoleon, etc. Tome 2, page 412.

жаться сообразно нашим движениям и местоположению. Но мы не могли занять леса накануне, потому что управились с французами уже поздно, когда стало темнеть, а коннице невозможно было пуститься в лес ночью, не зная местности и сил неприятеля. К вечеру могла подойти французская пехота, и мы попались бы в засаду. Если бы мы раньше, т. е. 1 июня, пришли к Фридланду, и прогнали французов среди дня, то вероятно князь Д.В. Голицын перешел бы за лес. Впрочем, как знать будущее! – Никто не предполагал, что здесь на другой день будет генеральное сражение.

Эскадрон наш остановился бивакировать на том месте, где у нас была жаркая схватка с французскими гусарами. На поле лежало несколько убитых французов; одного из них я притянул за ноги к моему помещению, и как нам не дозволено было ни расседлывать лошадей, ни отвязывать чемоданов, то я употребил мертвого француза вместо изголовья – прилег и заснул преспокойно.

Но мне не дали отдохнуть после сильного движения. Я был очередной на службу, и мне велено немедленно отправляться в город, с командой, дляковки лошадей. Корнет Жеребцов и я повели команду в город. Было около десяти часов вечера.

Не знаю, есть ли теперь фонари на фридландских улицах, но тогда во всей Германии просвещение процветало, как и теперь, но освещение было везде плохое. В городе было темно, как в яме. Кое-где горели свечи. Некоторые из жите-

лей выбирались из города. Мы прямо отправились к ратуше требовать всего, что нам было надобно. Явился испуганный бургомистр и так засуетился, что мы не могли добиться от него толку. Другой немец, вероятно член ратуши, распорядился вместо бургомистра, указал нам три кузницы, приказал выдать овес из магазина, и назначил домохозяев, которые должны были накормить наших уланов. Когда началась работа в кузницах, мы уговорились с Жеребцовым уснуть по два часа, поочередно, и бросили жребий, кому первому идти на покой. Первенство досталось мне, и я отправился в первый дом, который показался мне лучше других. На сильный стук мой у дверей, раздался женский голос: "Wer da?", (кто там). – Русский офицер – на квартиру, отвечал я. – "Gleich!" (тотчас). – Через несколько минут отворились двери, и меня встретила служанка, со свечою. Я пошел вверх, и в первой комнате меня принял хозяин дома, в шлафроке и в колпаке, извиняясь, что не успел одеться. Без всяких околичностей я объявил ему, что голоден и измучен до последней крайности, и просил чего-нибудь поесть и места, где бы мог отдохнуть часа два. Хозяин был виноторговец. Немедленно явилась бутылка вина и закуска, и когда я насытился, хозяин указал мне постель, в другой комнате. Я попросил хозяина разбудить меня ровно через два часа, и сняв куртку, бросился полуодетый, в сапогах со шпорами, на немецкие пуховики, и в одну минуту заснул богатырским сном.

Проснувшись, я протирал глаза и не мог прийти в себя.

Казалось, все чувства замерли во мне: я ничего не видел и не слышал. Машинально умылся я холодной водой, которую налил мне на руки хозяин. Опамятававшись, я увидел, что возле моей постели стоят хозяин мой и наш унтер-офицер, Завьялов. Вид последнего электризировал меня, и кровь моя пришла в движение, когда он сказал: "Пора в сражение, ваше благородие! – В сражение? возразил я и вскочил с постели. Пушечные выстрелы, хотя изредка, но раздавались уже за городом. – А где же команда? – "Ушла с корнетом Жеребцовым", – отвечал Завьялов. – "Мы искали вас и не могли отыскать. По счастью, хозяин пришел в кузницу, где я остался с десятком уланов, не успевших подковать лошадей – и знаками показал, что у него находится русс-офицер, прибавив: кранк. Это я выразумел и тотчас побежал за вами... Да вот бьемся с час и не можем добудиться – что поднимем, то вы снова упадете, как сноп, на постель. Я сам подумал, уж не больны ли вы, ваше благородие!" – Хозяин промолвил, что он никак не мог разбудить меня, и зная, что уланы в кузнице, решился позвать их, полагая, что я болен. Между тем, шум и стук на улице поразили меня. Я подошел к окну, и увидел, что через город проходит наша армия. – "С полночи началась суматоха", – сказал Завьялов: "И мы насилу могли отстоять нашу кузницу... Конница, артиллерия, пехота идут за город, и видно, что передние уже наткнулись на француза – слышите, как жарят!".

Умывшись еще раз холодной водою и выпив стакан пой-

ла, называемого в Германии кафе (кофе), я простился с хозяином и вышел на улицу, где ждала меня остальная команда. С величайшим трудом выбрались мы за город. Все улицы загромождены были идущим войском, пушками, ящиками, парками, обозами. Везде крик и шум. Где покупали, а где брали в долг... Шинки стояли без окон и дверей. У хлебников не осталось ни крохи хлеба... Оборванный немец, который, как шакал, искал добычи после наших солдат, провел нас за город, поперечную улицую, и мы наконец выбрались в чистое поле.

Тут открылась передо мною великолепная картина. Восходящее солнце играло на блестящем оружии наших колонн, шедших в различных направлениях, для занятия позиции. Белые перевязи на зеленых мундирах блестели, как весенний цвет на деревьях. Пушки светились как жаровни! Одним взглядом можно было обозреть огромное пространство, между городом и лесом. Почти вся кавалерия наша была на правом фланге. Три дивизии пехоты, под начальством князя Горчакова, прикрывали кавалерию. Левое крыло, состоявшее почти исключительно из пехоты и артиллерии, занимало позицию между рекой Алле и ручьем, вытекающим из большого пруда, за городом; позади нашего левого фланга устроены были три моста. Мы скоро нашли своих: уланские флюгера пестрели, как маков цвет, на правом фланге. Мы пошли рысью и присоединились к полку.

В первой линии уже виден был пороховой дым, и кое-

где раздавались пушечные выстрелы. Но массы еще не действовали, и только стрелки наши перестреливались с французами, которые ограничивались защитой, высылая беспрерывно новые подкрепления из леса. Почему мы не атаковали французов немедленно всею нашею силою? Почему не вторглись на лес? Почему дали время Наполеону собрать большую часть сил своих? Все это должно приписать счастью Наполеона! – Наконец, около пяти часов пополудни, французы атаковали нас на всех пунктах. Земля застонала от грома пушек, из ружейных выстрелов образовался один непрерывный рев – и настала ужасная битва, каких было и будет немного в мире!..

Как я уже говорил однажды о похождениях моих в этом сражении (см. Собр. сочин., издание второе, часть II, стр. 187), то и теперь должен повторить мой рассказ, хотя другими словами, и с большею историческою верностью. Скажу сперва о том только, что я видел и испытал, а потом расскажу, что узнал впоследствии.

Перед нами, на правом фланге, ближе к центру, была деревня, а за ней тот самый лес, куда накануне мы загнали французов. Наш командирский эскадрон, под начальством ротмистра Василия Харитоновича Щеглова, сперва прикрывал два легкие орудия, которые стреляли в лес и по цепи французских стрелков. Внезапно из леса показалась неприятельская кавалерийская колонна. Фронт ее был не велик, а мы издали не могли видеть толщины колонны. Несколько пу-

шечных выстрелов не остановили ее движения. Эскадронам нашему и ротмистра Радуловича и одному эскадрону лейб-казаков приказано было ударить на эту колонну. Мы пошли повзводно, на рысях, прошли через деревню, повернули налево и выстроились поэскадронно. Наш эскадрон шел впереди. В саженьях ста от неприятеля храбрый ротмистр Щеглов скомандовал: пики наперевес – марш-марш! и понесся вперед, крикнув: ура! Дружно бросился за ним весь эскадрон, повторяя тот же крик, но прискакав на несколько шагов к французской колонне, остановился. Колонна была, по малой мере, впятеро сильнее нас, и стояла неподвижно, как каменная стена. Это были знаменитые французские драгуны генерала Латур-Мобура (Latour-Maubourg). Они стали стрелять в нас, на расстоянии нескольких шагов, из задней шеренги, а передняя шеренга отбивала палашами пики храбрецов наших, которые хотели врезаться в их фронт. Вдруг во французской колонне раздалось: en avant! Vive l'Empereur! (т. е. вперед, да здравствует император!) – и вся колонна ринулась на нас, на рысях, и, так сказать, отбросила нас в тыл своею тяжестью. Мы, однако ж, назад не поскакали, как это обыкновенно бывает в кавалерии, когда атака не удастся, но отступали медленно. Наши фланкёры начали отстреливаться из карабинов, и несколько смельчаков, выехавших из французской колонны, чтобы рубить отступающих, подняты были на пики. Тут, французская колонна быстро сделала пол-оборота направо, и заградила нам обратный путь. Мы бросились

вправо – но здесь непредвиденная беда – крепкий плетень, сработанный сильными немецкими руками! Мы остановились, и пока лейб-казаки, бывшие позади нас, разламывали плетень, французская колонна наперла на нас всею своею силою. Нам нельзя было двинуться ни в какую сторону: пошла ужасная свалка! Сперва французы стреляли в нас из ружей, но через несколько минут мы смешались с ними и сбились в одну толпу; стреляли куда попало, и в своих и в чужих, дрались пиками, саблями, бросались друг на друга, как бешеные... Едва ли есть в военной истории другой пример подобного кавалерийского дела! Это была настоящая резня...

Французам ловчее было в тесноте действовать палашами, чем уланам пиками, и материальный перевес был на их стороне...

Я скакал перед моим взводом, когда мы пошли в атаку, а когда наши повернули лошадей – очутился в тыле. Лишь только мы подались назад – против меня выскочил из фронта молодой французский офицер, выстрелил из пистолета, шагах в десяти, не более, и не попал. Когда наши уланы сбились в кучу у плетня, тот же молодой офицер опять наскочил на меня, с поднятым палашом, и закричал: *rendez-vous, officier!* Вместо ответа, я занес на него саблю, чтобы рубануть его по руке – но промахнулся, потому что он в то же мгновение опустил руку. Сабля моя скользнула по гриве его лошади – она испугалась и быстро повернулась, а я, в это самое время, хватил офицера по плечу... Кажется, что я ранил его. Он от-

скочил и закричал своим драгунам: *tuez-le!* Но, видно, французские драгуны сжалились над моею юностью, и не захотели убить меня наповал. Два ружейные выстрела раздались в нескольких шагах – и я, как сноп, повалился на землю: две пули попали в голову моей лошади. По счастью, в эту самую минуту толпа наша попятилась в тыл, и задние уланы, защищаясь, обернулись к французскому фронту. Я имел время отстегнуть мой чемодан, и вынуть пистолеты из кобур, перелез через плетень, и пустился во весь дух бежать в деревню, перебрался через другой плетень, гораздо выше, и остановился за дровами, сложенными стеною, позади крестьянских домов. Запыхавшись, я бросился на землю отдохнуть, и тут только заметил, что потерял свою уланскую шапку.

Через несколько времени, в деревне раздались громкие крики: *en avant* – и конский топот... Я выглянул из-за угла... Наши скакали по улице, а за ними гнались французские драгуны. Мне делать было нечего. Я прикрепил чемодан к шарфу, за плечами, повесил заряженные пистолеты на ветишкетах, и когда французская колонна проскакала, вышел на улицу, чтобы взглянуть на чистое поле. На улице лежала лейб-казачья пика – я поднял ее... Вдруг вижу, та же французская колонна несется обратно в деревню, и гораздо быстрее прежнего – я опять скрылся в мою засаду, за дровами, и остановился на самом углу. Когда колонна проскакала через деревню, я снова вышел на улицу – и вижу, что наши лейб-казаки и гусары скачут в деревню... Несколько французских

драгун поотстали от своих; один из них слез с лошади, подтянул подруги у седла, вскочил опять на лошадь, и пустился во всю конскую прыть догонять товарищей... Я бросился на него с пикой... Он направил на меня лошадь, перегнулся, чтобы рубануть меня – но мне удалось так метко ударить его в бок пикою, что он свалился с лошади. Пика моя осталась у него в боку, и он повис ногою в стремях. Я ухватил лошадь за поводья, но, испуганная, она стала рваться и становиться на дыбы, и я никак не мог справиться с нею и выпутать ногу убитого мною драгуна из стремях...

В эту минуту прискакали лейб-казаки и лейб-гусары. Наш эскадрон и эскадрон майора Лорера понеслись мимо деревни, к лесу, чтобы отрезать французам ретираду. Я кричу из всех сил: "Помогите, братцы!" Никто не обращает на меня внимания – все скачут вперед. Наконец я успел выпутать ногу драгуна из стремях, и поднял мою пикку – но лошадь не давалась садиться на нее, и я принужден был вести ее за поводья. Несколько казаков уже возвращались на рысях, с добычей – французскими лошадьми и несколькими пленными... "Пособи, братец, сесть на лошадь – она бесится!" сказал я одному лейб-казаку, который вел французскую офицерскую лошадь. – "Некогда!" отвечал он, и пронесся мимо. С тою же просьбою обратился я к лейб-гусару (рядовому Ансонову), который догонял своих, оставаясь прежде в тыле, при раненом товарище. – "Извольте, ваше благородие!" Ансонов слез с лошади, отвязал драгунское ружье от седла,

укоротил стремяна, пристегнул на мундштуке цепочку, которая сорвалась с крючка и звоном своим пугала лошадь, и посмотрев на огромного французского драгуна, который еще шевелился, спросил с удивлением: "Неужели это вы уходили его? – Я, братец, с помощью Божиею! – "Нешто, что Божьей волей", примолвил Ансонов: ада ведь он убил бы вас кулаком, если бы дошло до схватки! – Счастливо, счастливо, ваше благородие!" – Мы поскакали с Ансоновым к своим. Мне никак не хотелось расстаться с казачьего пикой, доставившей мне победу над французским Голиафом, и я приехал в эскадрон, на французской лошади, с обнаженною головою, с казачьею пикою в руке. Товарищи почитали меня убитым, потому что некоторые из улан видели, как в меня выстрелили и как я свалился с лошади. Гусар Ансонов рассказал, в каком положении нашел меня. Еще есть несколько товарищей моих в живых, и есть люди, которые слышали об этом от Александра Ивановича Лорера...

Французские драгуны ушли в лес, а деревню, в которой я, спешенный, укрывался за дровами, заняла наша пехота, и протянула цепь стрелков под лесом. Мы слезли с лошадей, ожидая дальнейших приказаний, и в это время я, с товарищами, стал рассматривать мою добычу, т. е. чемодан французского драгуна. Дай Бог иному пехотному офицеру иметь такой багаж! Белье тонкое, шелковые платки, серебряная ложка, пенковая трубка, две пары белых шелковых чулок, танцевальные башмаки, новый мундир и проч. Вообще

французские солдаты были тогда богаты, получая часто денежное награждение из контрибуцией, налагаемых на покоренные земли, и живя на всем готовом. Я разделил все вещи между Ансоновым и двумя моими драбантами, уланами, которые безотлучно находились при мне, Кандровским и Табулевичем, и оставил для себя ложку, пенковую трубку и два фунта курительного табаку. Взятая мною лошадь была, кажется, нормандской породы, сильная, крепкая на ноги и легкая на бегу, но немного пуглива.

Я просил ротмистра моего, Василия Харитоновича Щеглова, рекомендовать гусара Ансонова полковнику его, князю Четвертине кому, что ротмистр мой исполнил немедленно, потому что гусары стояли от нас в двухстах шагах. Ансонов, после кампании, получил Георгиевский крест за спасение офицера, а потом был произведен в унтер-офицеры. Он хаживал ко мне, в Петербурге. Не знаю, жив ли он.

Приключение мое сделалось известным в гусарском полку, и особенно потому обратило на себя внимание, что я был очень молод...

Французская пехота стала выходить из леса, и на том месте, где мы дрались, и в деревне завязалось пехотное сражение. Нас потребовали на крайний правый фланг. Наш полк, три эскадрона Лейб-гусарского и Александрийский гусарский полк составили отряд, под начальством генерала графа Ламберта: ему поручено было сделать рекогносцировку на крайнем левом фланге французов, который как будто пря-

тался от нас за лесом и селениями. Мы пошли вперед, обогнули лес и увидели сильную пыль. Это были свежие войска, шедшие к маршалу Мортье. Кавалерия прикрывала их движение и стояла, спешившись, перед деревнею. Лишь только мы показались на опушке леса, во французской кавалерии затрубили тревогу, и она двинулась шагом. – Против нас были драгуны и знаменитые кирасиры. Здесь мы впервые встретились с ними. Надобно сказать правду, что вид этих кирасиров, на огромных лошадях, в блестящих латах, с развевающимися по ветру конскими хвостами, на шишаках, производил впечатление. Но мы так быстро ударили на них, что не дали им опомниться, и прогнали их за деревню. В погоне, наши уланы многих кирасиров и драгунов ссадили с лошадей пиками. Я также был в атаке со своею пикою, и два мои любимца, Кандровский и Табулевич, не отставали от меня ни на шаг и беспрестанно повторяли: "Не горячитесь, ваше благородие! Берегитесь, чтобы лошадь не занесла вас в середину французов! Не выскакивайте вперед!" и т. п. Я работал пикою наравне с другими, и вдогонку покалывал дюжих кирасиров а posteriori, а одного даже свалил с лошади, при помощи Табулевича. Но когда мы, прогнав французов за деревню, остановились, я был так измучен, что едва мог держать пик в руках. Отломив острие, я спрятал его в чемодан, на память, и бросил древко. Пика была не по моим силам и утруждала меня.

Французы в больших массах собирались за деревней, и мы

отступили к своим. В нашей первой линии, на правом фланге, было до 35 эскадронов легкой кавалерии. Впереди стоял Гродненский гусарский полк, потом наш, на одной линии с Александрийским гусарским, далее лейб-гусары и лейб-казаки. Против нас вышли из-за леса 50 эскадронов французских драгунов и кирасиров, в трех колоннах: одна ударила в центр, а две во фланги.

Я всегда удивлялся и удивляюсь храбрости тех писателей, которые не видав даже издали сражения, описывают битвы и еще рассуждают о военных действиях! Например, кто не бывал в кавалерийском деле, тот не может иметь об нем ясного понятия. Многие воображают, что две противные кавалерии скачут одна против другой, и столкнувшись, рубятся или колются до тех пор, пока одна сторона не уступит, или что одна кавалерия ждет на месте, пока другая прискачет рубиться с ней. Это бывает только на ученье или на маневрах, но на войне иначе. Обыкновенное кавалерийское дело составляет непрерывное волнение двух масс. То одна масса нападает, а другая уходит от нее, то другая масса, прискакав к своим резервам, оборачивает лошадей и нападает на первую массу, и опрокидывает ее. Это волнение продолжается до тех пор, пока одна масса не сгонит другой с поля. Во время непрерывного волнения, рубят и колют всегда тех, которые скачут в тыле, т. е. бьют вдогонку. Бывают и частные стычки – но это не идет в общий счет. Иное дело в фланкировке. Это почти то же, что турнир. Тут иногда фланкеры вызывают друг

друга на поединок, и каждый дерется отдельно.

Мы дрались с французскою кавалериею несколько часов сряду, с переменным счастьем. То мы их прогоняли, то они нас, а между тем и к ним и к нам приходили подкрепления. Но подкрепления их были гораздо сильнее, и мы должны были бы уступить им поле, если бы не прибыл к нам, кстати, на помощь генерал-адъютант Уваров, с резервной кавалериею и несколькими орудиями конной артиллерии. Мы повели общую атаку целым правым флангом, опрокинули всю французскую кавалерию, устлали поле их латниками и драгунами, прогнали всю массу под лес, и возвратясь на наше прежнее место, выстроились шашечницей (*en échiquier*), и ожидали окончания пехотного сражения. – Итак, на правом нашем фланге была одержана победа: поле сражения было в наших руках, и прогнанный неприятель не смел более атаковать нас⁷⁷.

Между тем, в центре, где находился генерал Дохтуров, и еще более на левом фланге кипела ужасная битва. Особенно тяжело было князю Багратиону, на левом фланге, куда устремлены были все усилия французской пехоты и артиллерии. Выстрелов уже нельзя было различать: гремел беспре-

⁷⁷ Генерал Беннигсен в донесении своем государю императору говорит об этом кавалерийском деле: «Сражение продолжалось несколько времени с равною с обеих сторон жестокостью и отчаяньем, однако ж. успех был еще не решителен». Совершенно справедливо. Наши уланы и гусары отчаянно врубались в средину французов и скакали вместе с ними, нанося удары на все стороны. Я также увлечен был в средину французских кирасиров.

рывный гром и поле покрыто было дымом. Страшный гул разносился по полю и по лесу, земля стонала. Местоположение, занимаемое князем Багратионом, было самое невыгодное. Река Алле изгибается в этом месте в виде буквы С, с острою впадиною в середине. Долина эта острым концом примыкает к городу. На этой-то площади, в 250 квадратных сажень, дрался князь Багратион с величайшим отчаянием и ожесточением, против тройных сил, удерживая штыками густые колонны неприятеля. Тридцать шесть французских орудий непрерывно стреляли картечью на один пункт, на пятьдесят сажень расстояния, между тем как французская пехота неустрашимо лезла на штыки. Намерение Наполеона состояло в том, чтоб перекинув наши левый фланг и центр за реку, овладеть городом, и таким образом отрезать наш правый фланг. Однако ж, пехота наша держалась до вечера, с величайшим мужеством – и каждый шаг вперед дорого стоил французам. Наконец, в шестом часу, Беннигсен приказал князю Багратиону отступать за реку, по мостам, выслав прежде артиллерию и устроив на возвышенном противоположном берегу батареи из 120 орудий, которые сильно громили французов. Беннигсен тогда еще не думал решительно отступать: он намеревался только собрать армию, дать ей отдых, на другой день перейти снова по сию сторону реки и возобновить сражение. При переправе настала жестокая резня – но наши должны были уступить, потому что французы были здесь вдесятеро сильнее и подавляли наших своею

массою. Князь Багратион принужден был идти по зажженным мостам. В то же время французские брандскугели зажгли Фридланд. Мы не знали положительно, что происходит на нашем левом фланге. Уже смеркалось, и зарево пожара осветило горизонт. Бесперывный гром орудий превратился в частые залпы. Мы не предвидели ничего хорошего. Наконец, несколько заплутавшихся пехотинцев известили начальника правого фланга, князя Горчакова, что князь Багратион и Дохтуров перешли через реку, что мосты горят, и что французы заняли город. Положение наше было весьма опасное: мы были отрезаны! Но князь Горчаков решился штыками проложить себе путь сквозь французскую армию. На правом фланге была сильная часть нашей армии, и фланг наш удержат, до последнего часа, поле сражения. Князь Горчаков надеялся еще поправить дело. Пехота пошла обратно в город, а кавалерия прикрывала это движение. Вся французская конница выступила против нас и шла за нами, не смея нас атаковать. Когда мы остановились, и французская кавалерия сделала то же. Между тем, одна наша дивизия ворвалась со штыками в город и бросилась на французов. Настала страшная битва! Французы были вдесятеро сильнее. Корпуса Нея и Виктора удержали напор нашей пехоты, корпуса Ланна и Мортье ударили на нее с тыла – но ни перекрестный огонь, ни нападение в штыки не могли принудить ее к сдаче. Наши дрались, в полном смысле слова, до последней капли крови, успели отбиться и выйти за город. Но куда идти, где

искать спасения, когда мосты уже не существовали, а между нами и другой частью нашей армии были французы? В это время кавалерия их двинулась вперед, выставив перед собою многочисленную конную артиллерию. Ядра и брандскугели посыпались в нас, и по всей французской линии раздались громкие клики: "Victoire! en avant! Vive l'Empereur!" Пожар освещал поле сражения...

Мы видели, что к французской кавалерии подходит колоннами их пехота с артиллерией, и образуя полукруг, прижимают нас к реке Алле. Пушечные выстрелы стали чаще... Под городом, где-то был брод... Пехота правого нашего фланга бросилась в реку... но многие не попали на мелкое место и утонули; другие бегали по берегу, ища брода; иные поплыли – никто не хотел сдаться в плен. Артиллерия наша также пошла в брод... Наконец пришла и наша очередь – мы пошли вплавь через реку...

Легко сказать, переплыть на лошади через реку – но как-во плыть ночью, не зная местности, и когда с тыла жарят ядрами и брандскугелями! На берегу реки был суший ад! Крик и шум ужасный... Тут тонут, там умоляют о помощи, здесь стонут раненые и умирающие... Пехота и конница сбились в кучу... Нельзя пробраться к берегу, а между тем ядра и брандскугели валят в толпы и в реку... Господи, воля твоя!.. Если бы в эту минуту французская кавалерия бросилась на нас, то наделала бы беды; но она помнила, как мы дрались с нею днем, и не посмела напасть на нас! Только криком она

давала нам знать, что она тут...

Я пробился к берегу вместе с поручиком нашего эскадрона Кеттерманом. Берег был крутой и песчаный, хотя и не слишком высокий. Мы стали рассуждать, не лучше ли отправиться в другое место, как вдруг перед нами ударило ядро и засыпало нас песком. Лошадь Кеттермана с испуга соскочила в воду, а я пришпорил свою, приударил фухтелем, и она также прыгнула в реку.

Лошадь моя плыла тяжело, так, что только голова видна была из воды. При первой опасности я приготовился спрыгнуть с седла и ухватиться за гриву или за хвост, потому что в корпусе нас не учили, по несчастью, плавать – а это необходимо военному человеку. Тут же переправлялась и пехота. Пехотинцы плыли, ухватясь за хвост уланских лошадей. У одного пехотинца лошадиный хвост выскользнул из рук, и он, на самой середине реки, схватил меня за ногу. Вот беда! Я стал барахтаться, чтобы освободить ногу, а между тем лошадь моя начала фыркать, пыхтеть, отстала от других, и наконец приметно опустила в воду... Нет спасенья, подумал я... как вдруг стремянка (по-нынешнему штрипка) на рейтузах лопнула, сапог слез с ноги, и пехотинец ухватился за гриву плившей рядом со мною лошади, а я давай жарить фухтелями и даже колоть саблей мою лошадь – она ободрилась и кое-как доплыла до берега. Выйдя на берег, я перекрестился! Наполовину я был в поту, а наполовину мокрый... В голове у меня вертелось...

В некотором расстоянии от берега был лес. Под лесом и в лесу горели огни и собирались полки. Тут раздавались звуки трубы, там били в барабан, здесь громко звали полки по именам, а между тем пушечные выстрелы с противоположного берега не умолкали и ядра прыгали по берегу. Я стал прислушиваться. – "Гей, уланы его высочества, сюда!" Потом труба протрубила сбор... Еду на родной голос – и вот наши флюгера... Ну, слава Богу, я дома!

Надлежало переодеться и обуться. Мой чемодан был подмочен. Уланы стали сушить при огне мое платье и белье; один товарищ дал мне сапоги, другой напоил каким-то адским напитком, горячей водой с простым хлебным вином, чтобы согреть мне желудок – и пока платье и белье мое сушились, я завернулся, *in naturalibus*, в солдатскую шинель, и заснул на сырой земле так спокойно и приятно, как не спал ни один откупщик накануне торгов...

Поработали мы в эти два дня, 1 и 2-го июня! Зато и сам Наполеон и все французские воины, бывшие под Фридрихсдорфом, сознались, что русские дрались превосходно, и что в плен взяты только раненые. Не только ни один полк – ни один русский взвод не положил оружия и не сдался – все дрались, пока могли!

Дрались чудно, а почему же не одержали победы? – Не наша вина. Генерал Жомини, опытный судья (*juge competent*) в военном деле, говорит, что Беннигсен наделал множество ошибок в этом сражении – и главные ошибки его в том, что

утром он не напал сильно на маршала Ланна, которого легко мог бы разбить, до прибытия всей французской армии, заняв выгодную позицию, и что дал сражение на самом невыгодном для нас местоположении, имея в тылу реку, и поместив левое крыло, так сказать, в мешке (cul de sac), в таком месте, где ему нельзя было маневрировать, растянув притом слишком далеко свое правое крыло. Верю генералу Жомини, но думаю, что вся беда произошла оттого, что Беннигсен никак не предполагал иметь дело с самим Наполеоном и со всеми его силами.

Пленные французы, которых наши брали во весь день, на разных пунктах, единогласно утверждали, что противу нас только корпуса Ланна, Нея, Удипо и корпус, составленный из немцев и поляков. Французы сами не знали, что к Фридриху иду́т поспешно все силы Наполеона, и только в 6 часов вечера мы узнали, что Наполеон и вся французская армия (исключая кавалерии Мюрата и корпусов Даву и Сульта) находятся на поле сражения. Наполеон подоспел в сражение не ранее второго часу пополудни, но передние его войска, бывшие уже в деле, не знали об этом. Впрочем, хотя Беннигсен был хороший генерал – но такие генералы были и будут, а Наполеоны, Александры Македонские, Цесари, Фридрихи Великие и Суворовы рождаются веками. У Наполеона при одном взгляде на поле битвы рождались соображения, которых достаточно было бы для десяти отличных генералов. Наполеон был гений! Дело мастера боится!

Кто не проигрывал сражений! Потеря наша была велика, потому что мы дрались отчаянно, с храбрым и почти вдвое сильнейшим неприятелем, и потому что наша пехота левого фланга и центра целый день выставлена была на чистом поле, противу многочисленной и отличной французской артиллерии. До десяти тысяч человек выбыло у нас из фронта, убитыми, ранеными и пленными. Но и потеря французов была велика. Не с овечками они имели дело!

Простояв часа два под лесом, и собравшись, если не полками, то, по крайней мере, отрядами, мы пошли в поход еще ночью, и на другой день перешли через реку Прегель, под городом Велау. Князь Багратион с арьергардом и Платов со своими казаками прикрывали ретираду. 5 июня присоединились к армии Прусский корпус генерала Лестока и отряд графа Каменского, бывшие в Кенигсберге, для защиты его. Чтобы не быть отрезанными, они сдали город маршалу Сульту, без боя, со всеми запасами.

Мы шли чрезвычайно поспешно. Арьергард наш почти ежедневно имел перестрелку с неприятелем, а Платов, с своими казаками, беспрестанно кружил в тыле и останавливал французскую кавалерию. Каждый день слышали мы пушечные выстрелы, и наконец, 7 июля, перешли через Неман, под Тильзитом, после сильного арьергардного дела, в котором князь Багратион и атаман Платов покрылись славой. Резерв его высочества цесаревича, и в том числе наш полк, остановился на биваках при селении Бенискайтен.

В сражении под Фридландом мы не видали нашего шефа, цесаревича. Он был, с гвардейскою пехотой и тяжелою гвардейскою кавалериею, на нашем левом фланге. Знаю, что гвардейские егеря и тяжелая гвардейская кавалерия отличились под Фридландом; но чего сам не видал и чего подробно не знаю, о том и не говорю. – Конногвардейский и гвардейский егерский полки выставлены были в реляции примерными.

Еще мы не знали, что война кончится, и полагали, что получив подкрепление из России, снова перейдем за Неман и отплатим за неудачу. Дух в войске был превосходный. Не только офицеры, но и солдаты вовсе не приуныли – напротив, горели желанием сразиться. Славное было наше войско!

ГЛАВА III

Парламентеры. – Перемирие. – Состояние обеих армий после Фридландского сражения. – Обоюдная потребность мира. – Свидание императора Александра и Наполеона на реке Неман. – Император Александр и его высочество цесаревич переезжают в Мемель. – Отряд русской гвардии занимает часть города. – Обоюдные вежливости и награды орденами. – Тильзитский мир. – Отпуск. – Грустные впечатления. – Еврей Иосель. – Генеалогический очерк последних князей Радзивиллов, знаменитой несвижской линии. – Последние черты феодальности в Европе, или Несвиж при князе Карле Радзивилле. – Черты из жизни князя Карла Радзивилла и анекдоты о нем. – Потомство от брачного союза с Сиреною. – Прогулка на лососе. – Дикий кабан на снурке. – Вызов на поединок покойника. – Последний пан польский князь Доминик Радзивилл. – Пребывание в Несвиже. – Жизнь в замке князя Доминика Радзивилла. – Неприятная история. – Состояние западных губерний. – Возвращение в полк. – Милость и гнев. – Вступление полка в Петербург. – Общее мнение о Тильзитском мире. – Мое мнение о Тильзитском мире. – Благие его последствия вознаграждают временное оскорбление народного самолюбия. – Генерал Савари, Чрезвычайный посол в Петербурге. – Прием его при дворе и в высшем обществе столицы. – Анекдоты о Вакселе. – Политиче-

ские партии. – Русское посольство в Париже. – Современные лица. – Французское шпионство в России. – Похождения с демоном-соблазнителем. – Необыкновенное веселие в Петербурге. – Многолюдство в Стрельне. – Офицеры из всех полков русской кавалерии, для узнания порядка службы. – Трагикомическое происшествие. – Мертвец в маскараде Фельетта. – Несчастные жертвы судебного заблуждения. – Быстрые начала к улучшениям в нравах и управлении.

Еще до перехода нашего через Неман начались переговоры о перемирии, и на третий день выслан был в главную квартиру Наполеона, в Тильзит, генерал князь Лобанов-Ростовский, для предложения условий. В нашу главную квартиру прислан был любимец Наполеона Дюрок, пользовавшийся благосклонностью государя – и после нескольких переездов парламентаров, заключено в Тильзите перемирие, 9 июня.

Кажется, что обе стороны нуждались в мире, и едва ли Наполеон не более императора Александра. – Наполеон привык после решительного сражения разгонять целые армии, забирать в плен целые неприятельские корпуса – а эта война доказала, что русского солдата можно убить, с опасностью, однако ж, быть самому убитым, но что на него нельзя навести панического страха, нельзя искусным маневром принудить к бегству и к сдаче, нельзя быстрым натиском в штыки заставить положить оружие. Русские, в сомкнутых рядах,

дерутся до тех пор, пока держатся на ногах, и русские ряды можно сокрушить ядрами и картечью, но разогнать русских солдат, как стадо – невозможно! – После сдачи Ульма и Аустерлицкого сражения пала Австрия; после Иенского и Ауерштедского сражения почти вся прусская армия рассеялась, все почти крепости сдались, города и провинции покорились! А какие же блистательные результаты приобрел Наполеон в войне 1806 и 1807 годов с Россией! – С обеих сторон было множество убитых и раненых, груды трупов, реки крови – и только! В хвастливой прокламации к своему войску, для ободрения измученных солдат своих, Наполеон, удвоив число убитых, раненых и взятых в плен русских, чего, разумеется, никто не мог сосчитать – сознается, однако ж, что в две кампании взято только семь русских знамен! И мы взяли столько же знамен у французов. – После победы под Фридрихсдорфом, нераненых русских солдат взято в плен только полторы тысячи, по сознанию французских историков – и между тем, целые французские полки, бригады, дивизии совершенно расстроились, полки уменьшились наполовину, целые роты исчезли. Во французской армии было более 30 000 больных. Правда, что взятие Кенигсберга доставило Наполеону большую материальную помощь, огромные запасы фуража и провианта, все нужное для устройства госпиталей, и до 150 000 английских ружей. Но откуда взять людей для укомплектования армии? Франция выслала все, что могла выслать, и рекрутами нельзя было заменить старых солдат,

падших под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, на Пассарге, под Гейльсбергом и Фридландом. Положение Наполеона после победы под Фридландом едва ли улучшилось в существе, хотя военная слава его возросла.

Наше войско торжествовало в войне с турками. Молдавия и Валахия были в наших руках. Возбужденный Францией к войне с Россиею, султан Селим заплатил жизнью за свое упорство. На Турцию Наполеон не мог уже надеяться. К русской армии шли сильные подкрепления, и уже прибыло до 20 000 пехоты и многочисленные толпы башкиров и калмыков. Наполеон знал, что, по одному слову императора Александра, вся Россия вооружится, и что Австрия притаясь устраивает уже новую армию. Знал Наполеон также, что все германские народы кипели ненавистью к Франции и особенно к нему, и желали возобновления борьбы, что, наконец, Франция жаждет мира. Он был необходим Наполеону для упрочения его династии и для утверждения политических преобразований на западе Европы. Дюроку поручены были переговоры о свидании Наполеона с императором Александром – и желание Наполеона сбылось.

Протекут многие века, пока мир увидит вновь такое величественное зрелище, какое мы видели с берега Немана!

На середине реки, французы устроили два парома, с павильонами. – Во втором часу пополудни, по двум выстрелам из пушек, отплыли от двух противоположных берегов два катера. На одном был Наполеон с зятем своим Мюратом, марша-

лами Дюроком, Бертье, Бессиером и любимцем своим обершталмейстером Коленкуром. Гребцами на этом катере были матросы французского гвардейского экипажа⁷⁸.

Император Александр взял с собою его высочество цесаревича, генералов Беннигсена, князя Лобанова-Ростовского, Уварова и графа Ливена (бывшего потом послом в Англии) и министра иностранных дел барона Будберга. На катере государя-императора гребли рыбаки, которых одели, наскоро, в белые куртки и шаровары. Наполеон прибыл несколькими минутами прежде на паром, и подал императору нашему руку, когда он выходил из катера... Рука об руку, они вошли в павильон в виду многочисленных зрителей, которыми усеяны были оба берега...

Судьба и вся будущность Европы, и можно сказать, всего образованного мира, сосредоточены были на этом пароме! – Здесь были два полные властелина Севера и Запада, один сильный высокою душою и общим мнением, другой военным гением и страшным своим именем – и оба могущественные храбрым войском. – В уме невольно возникала мысль о двух империях: восточной и западной. – Англия ничего не значила на твердой земле; другие государства уже не имели никакого голоса. В мире были два самостоятельные государя: император Александр и Наполеон... и вот они держат

⁷⁸ Матросы французского гвардейского экипажа одеты были в синие куртки, с красными гусарскими шнурками наперед и в синие шаровары. Они имели кивера. Этот экипаж подал мысль к учреждению в России гвардейского экипажа.

друг друга за руку, под открытым небом, в виду своих войск.

И я был в эту торжественную минуту на берегу Немана и видел издали очерк фигуры Наполеона... Сколько мыслей играло тогда в моей юной голове!

Свита осталась на меньшем пароме, а государи вошли одни в павильон и пробыли наедине около двух часов. Потом представлена им была свита.

На другой день также происходило свидание, на пароме, в первом часу пополудню. На этот раз присутствовал и король Прусский. Монархи провели полчаса вместе и разъехались, положив, что город Тильзит будет нейтральным и что одну половину его займут французы, а другую русские. Император Александр с его высочеством цесаревичем обедали в этот день, в Тильзите, у Наполеона, и на другой или на третий день переехали в город, на свои квартиры. Туда же перешел первый батальон Преображенского полка, под командованием полковника графа М.С.Воронцова (ныне князь и наместник кавказский); полуэскадрон кавалергардов, с ротмистром В.В.Левашовым (ныне граф и генерал от кавалерии), один взвод лейб-гусар, с ротмистром Рейтерном (умер генерал-лейтенантом) и несколько лейб-казаков.

Начались пиры, смотры, прогулки и конференции о мире и раздача орденов.

Ротмистр мой В.Х.Щеглов рекомендовал меня, особенно, полковому командиру полковнику Чаликову, который также был ко мне весьма благосклонен и рассказал его высочеству

приключения мои под Фридландом. Его высочество призвал меня к себе, приказал рассказать все подробности – обнял, поцеловал и, взамен потерянной мною шапки, удостоил подарить свою собственную, с богатым берлинским султаном, велев переменить генеральский помпон⁷⁹.

Армия стала расходиться. Нашему полку назначено было идти на Жмудзь (в Самогитию), в окрестности Шавель, для откорма лошадей и исправления амуниции после кампании. Я отпраился у его высочества в отпуск, к матушке моей, которой я давно не видел, обещая догнать полк перед вступлением его в Петербург. Его высочество был так милостив, что приказал даже выдать мне прогонные деньги, из собственной кассы.

Наняв крестьянскую подводку до Юрбурга, я купил там легкую бричку и поскакал, на почтовых, через Ковно, Вильно, Новогродек, Несвиж, Слуцк – в Глуск. Прибыв в этот городишко, в 5 часов пополудни, я немедленно отправился в монастырь отцов бернардинов, и просил монахов указать мне могилу отца моего. Некоторые из монахов знали меня ребенком: они поспешили исполнить мою просьбу. На дерновой могиле отца моего лежал простой камень и возвышался деревянный крест... Я бросился на колени и залился слезами... Мало знал я отца моего, но ласки его и нежная привязанность его ко мне не изгладились и никогда не

⁷⁹ Генеральские помпоны (вместо кокарды) были из канители, штаб-офицерские из блесок, а обер-офицерские из серебряных шнурков.

изглядятся из сердца моего и из моей памяти. На смертном одре, в последней борьбе с жизнью, он еще вспоминал обо мне, говорил, что разлука со мною – одна из двух пуль, которые убили его, и что один упрек своей совести уносит он в могилу, а именно, что не оставил мне того состояния, которое досталось ему от предков... Отец мой был добрый и благородный человек – ни с кем не ссорился за деньги, которые презирал, никого не оскорблял умышленно, никогда не входил ни в какие интриги... Пылкость характера, пламенное воображение и горячая, или, как он называл, албанская кровь – и притом общее своеволие и неурядица в крае, были причиною многих его ошибок в жизни – но никто никогда не говорил и не скажет, чтоб он обманул кого-нибудь, изменил слову, дружбе, презрел права человечества. Правда, что, по пылкости характера, он получил прозвание szalony, т. е. бешеный; но он имел искренних друзей, которые пламенно любили его за его честность, прямодушие, самоотвержение в пользу других, веселость и остроумие. Честного человека, какого бы он ни был нрава, нельзя не уважать... и честные люди уважали его – а подлые и низкие ненавидели.

Поплакав, я взял горсть земли с могилы, завернул в платок и отправился в церковь, попросив отцов бернардинов отслужить по отцу моему панихиду, и потом пошел на свою квартиру, в постоялом доме или корчме. До Маковищ, которые снова поступили во владение моей матери, было только несколько верст, но уже был вечер и притом жидовский ша-

баш, следовательно нельзя было скоро достать лошадей. Я не хотел беспокоить матери моей ночью.

Отцы Бернардины сообщили мне приятное известие о здоровье матери моей. У корчмаря, где я остановился, стал я расспрашивать о нашем маковицском корчмаре Иоселе, и с радостью узнал, что он переселился в Глуск и занимается торговлею рогатого скота. Я нарочно надел лядунку, воткнул султан на шапку, и велел проводить меня к дому Иоселя. Все семейство сидело за столом и ужинало. Комната, как водится в шабаш, была освещена люстрами. Отворив двери, я остановился и спросил громко: где Иосель? – Седой старик вскочил с места, и, сделав несколько шагов, поклонился мне в пояс. – "Ты ли Иосель?" спросил я серьезным тоном. – "Я, ваше превосходительство^ отвечал Иосель, поклонившись снова в пояс: "что прикажете?" – "Поди же и обойми меня!" при-молвил я, приближаясь к нему. Бедный еврей испугался и не понимал, что это значит. – "Обойми меня, Иосель: я Тадеушек... из Маковиц". – Иосель подбежал ко мне, заглянул мне в лицо, и повалился в ноги, воскликнув во все горло: "Ой, вей мир! Тадеушек... гроссе пуриц (т. е. великий пан)!.."

Сцена эта была бы комическою, если б не была основана на глубоком чувстве. Я насилу поднял с земли Иоселя; он плакал и гладил меня кругом, как котенка, приговаривая: "Тадеушек, Тадеушек! Ах, если б пан жил... ах, как бы он радовался... нет, он умер бы от радости!.." Я не мог удержать

слез моих.

Наконец мы успокоились. Все семейство Иоселя окружило меня. Жена его охала, качала головою и мерила меня глазами. Иосель предложил мне разделить с ним его трапезу, и я, с особенным чувством, переломил с ним мацу (по-древнему опреснок), который жена вынула нарочно из шкафа. Это означало искренность гостеприимства и братство. Шабашовая стряпня пришла мне по вкусу: огромная щука, жареная баранина были хорошо изготовлены. Иосель откупорил бутылку кошерного вина, которое польские евреи за дорогую цену выписывают из Кенигсберга. После ужина, семейство пошло спать, а Иосель проводил меня до квартиры. Дорогою рассказал он мне о семейных делах наших, не весьма для меня благоприятных. Матушка выиграла процесс, но ее обманули ее поверенные, и Иосель предвидел печальный конец... "Исправить дела нельзя, так лучше молчать, чтоб не огорчить матушку", сказал Иосель. Я послушался Иоселя: молчал тогда, и молчу теперь...

В 6 часов утра Иосель разбудил меня. Бричка моя стояла уже у крыльца, запряженная парюю лошадей Иоселя. Его слуга сидел на козлах. Я приглашал Иоселя ехать со мною, но он отказался. – "На меня гневаются... за высказанную правду", сказал Иосель: "придет время – уверятся, что я желал добра!". Я поехал в Маковищи...

Как билось сердце мое, когда я увидел крышу дома, где проводил беспечные дни детства, высокие липы, под кото-

рыми резвился некогда, в глазах моих родителей. Мать моя не опомнилась, когда я вошел в комнату, но посмотрев на меня пристально, тотчас узнала, по необыкновенному сходству в лице с покойным отцом – зарыдала и бросилась мне на шею. От слез перешли мы к радости, которая снова сменилась грустью, когда я стал осматривать все углы дома, сада, двора, припоминавшие мне отца. Явились старые слуги: нянька моя, любимые стрельцы отца моего, Семен и Кондрат, его любимый кучер... Все они со слезами целовали мои руки, обнимали колена... В эти два дня я выплакал сердце!..

Как много доброго в человечестве, если сердце не отравлено ядом страстей, не окаменело от эгоизма, если изображение не развращено приманками светской роскоши – и главное, если тщеславие и алчность к богатству не заглушили в душе человеческого чувства! Чему радовался Иосель, увидев меня?.. Отчего плакали все эти добрые люди? – В них говорило чувство... Они во мне видели отца моего, мною вспоминали прошлое...

При матери моей находился малолетний, перворожденный сын сестры моей Антонины, мальчик, по второму году, прекрасный собой... Тут я впервые прижал его к сердцу... Он уже в могиле! Мало он знал радостей в жизни и перенес много горя... Погубили его юношеская неопытность и дурные советы. Но он был человек благородный, с жадной познаний и с дарованиями... Мир праху его!

Мать моя несколько раз заговаривала со мною о делах, но

я, зная все от Иоселя, не оказывал особенного любопытства. Из слов ее заметил я, однако ж, что она чувствовала свою ошибку, дав доверенность занимать деньги, продавать и покупать, безотчетно. Бог с ними – дело прошлое!

Из оставшихся и сохранившихся после отца вещей, я взял гербовый его перстень, пару пистолетов, саблю, серебряные английские часы, работы Нортон⁸⁰ и несколько книг, между которыми одна особенно приковала к себе мое внимание, а именно: *Histoire secrete des cours d'Italie, par Gorani, etc.* Книга эта издана была в свет во время французской революции, и заключала в себе множество весьма любопытных фактов и философических выводов. Это была первая прочитанная мною книга о современной политике.

В бумагах отца моего, между которыми хранился акт на крепостное владение родовым нашим именем Гриневицями, мать моя указала на письмо к отцу моему покойного князя Карла Радзивилла (прозванного *panic kochanku*), о котором я говорил в I части моих "Воспоминаний". Письмо было писано чужой рукою, в 1789 году, когда князь уже был слеп, но подписано его рукою. В этом письме, между прочим, были следующие слова: "Очень благодарен за исполнение комиссии, а деньги 300 червонцев возьми в моей кассе, когда будешь проезжать через Вильно – показав сии строки". – Ма-

⁸⁰ Во второй половине XVIII века часы работы Нортон славились столько же, как теперь часы Брегета. Нортон не делал никогда золотых часов, но всегда в серебряной оправе. Об этих часах будет еще упомянуто: они были мне полезны в важном случае.

тушка моя сказала, что отец мой вовсе не получал этих денег, не быв в Вилне, на возвратном пути из Варшавы, и не хотел напоминать князю, который был болен, а по смерти князя относился в опеку, но когда ему отвечали двусмысленно, разгневался, возразил гордо и замолчал. Я взял это письмо и вознамерился попробовать счастья у наследника князя.

Более недели мне нельзя было пробыть у матери, итак, простившись с нею, я поехал в полк. Маршрут был у меня, и я мог рассчитать, где и когда догоню его. Свидевшись в Глуске с Иоселем, я поручил ему поставить кованый железный крест на могиле моего отца и хотел дать деньги вперед, но Иосель не согласился, сказав, что напишет ко мне в Петербург, чего будет стоить памятник.

Из Глуска я поехал в Несвиж, решившись представить молодому князю Доминику Радзивиллу, наследнику Карла Радзивилла, и показать ему письмо его дяди. Попытка не шутка, а спрос не беда, думал я.

Здесь я должен сообщить несколько подробностей о двух последних представителях угасшей линии князей Радзивиллов, богатейшей из частных фамилий в Европе. Это послужит дополнением к характеристике бывшей Польши, и составит последний очерк феодальных нравов в конце XVIII и в начале XIX века. Того, что было, никто уже не увидит на свете!

Происхождение фамилии Радзивиллов, одной из древнейших литовских туземных фамилий, теряется в басно-

словной истории Литвы. Первоначальное прозвание этой фамилии было: Лиздейко, и она была в родстве с первыми князьями литовскими. Радзивиллами стали Лиздейки называться уже по принятии Литвой христианской веры. Первых Радзивиллов находим в актах 1401 года. Радзивилл было собственное имя одного Лиздейки, сына Войшунда. Княжеское достоинство фамилия Радзивиллов получила от римского (т. е. немецкого) императора Максимилиана, на Аугсбургском Сейме, который прислал диплом знаменитому Николаю Радзивиллу, с особым послом, в 1518 году⁸¹.

От древнейших времен, до половины XVIII века, Несвижская линия беспрерывно умножала огромные свои богатства, то староствами, получаемыми за заслуги отечеству, то покупкою недвижимых имений, то наследствами после владетельных особ и знатнейших в Польше и Литве фамилий. Несвижская линия обладала двумя огромнейшими майоратами: Несвижским в Литве и Олыкским в Волынии, имела недвижимые имения во всей Польше, и кроме того, в половине XVIII века получила в наследство княжество Слуцкое, со всеми феодальными правами и привилегиями, которым владели долгое время, известные в русской истории князья Олельковичи, из рода Ягеллов. – Януш Радзивилл, после междоусобной войны с Ходкевичами, женился на по-

⁸¹ Николай Радзивилл получил звание князя Гониондзского и Медельского. По просьбе польского короля Сигизмунда Августа I, женатого на Варваре Радзивилловой, император Карл V пожаловал княжеское достоинство Биржанской линии, в 1549 году Биржанская линия приняла потом прозвание Несвижской.

следней в роде из князей Олельковичей, княжне Софье, в царствование Сигизмунда III. Сын Януша не имел наследников мужского пола. Единственная дочь его, Каролена, сперва вышла замуж за принца Георга Брауншвейкского, а после за известного в истории XVIII века, Карла Филиппа князя Нейбургского, пфальцграфа Рейнского, которому и досталось все имение Януша Радзивилла, с княжеством Слуцким. Князь Иероним⁸² Флориян Радзивилл, которого мать имела в закладе это княжество, за данные ею взаймы суммы княгине Нейбургской, приобрел княжество в потомственное владение, и умер бездетный (в 1760 году), а княжество, с другими его вотчинами, перешло к брату его, Михаилу, великому гетману литовскому, другу польского короля Августа III и противнику Станислава Лещинского.

Князь Михаил Радзивилл, великий гетман литовский, был дважды женат. От первой жены, Урсули Вишневецкой, имел сына Карла (прозванного *panie kochanku*) и две дочери. Старшая дочь вышла замуж за Ржевусского и была матерью графа Адама Станиславовича Ржевусского, сенатора русского, о котором я говорил в I части. Вторую дочь, уже по смерти отца, похитил офицер надворного войска князя Радзивилла, Моравский, и женился на ней. От второго брака

⁸² Князь Иероним Радзивилл был чрезвычайно похож, как две капли воды, на императора Петра Великого. Князь Иероним родился вскоре после пребывания Петра Великого в Слуцке, о чем я говорил в I части моих «Воспоминаний». Польские писатели говорят, что, вероятно, мать князя Иеронима засмотрелась на Петра Великого, в первый месяц своей беременности.

князя Михаила Радзивилла, с Анною Мыщельскою, родился сын Иероним и три дочери. Первая была замужем за Мори-кони, вторая за Чапским, третья сперва за Массальским, потом за Грабовским. Князь Иероним женился на княжне Тур и Таксис (Tour et Taxis), и имел только одного сына, Доминика. Князь Карл (panie kochanku) был женат два раза, но не имел детей. С первою женою, из фамилии Ржевусских, он развелся в скором времени после брака; с другою, из фамилии Любомиреких, хотел развестись, но она умерла – .итак, все наследство Несвижской линии князей Радзивиллов получил племянник князя Карла, сын князя Иеронима, князь Доминик Радзивилл, оставшийся по второму году от рождения после смерти своего отца⁸³.

Вот генеалогия последних князей Радзивиллов, знаменитой Несвижской линии, которая, по родственным связям с домом князей Нейбургских и князей Тур и Таксис, была в родстве или в своячестве почти со всеми владетельными домами в Европе, и имела более влияния в Литве, нежели польские короли. Три четверти литовского дворянства жили Радзивиллами!

Последний феодал в этой фамилии, князь Карл Радзивилл, прославился не только в Польше, но и в целой Европе своими необыкновенными приключениями, щедростью, остроумием, честностью, а притом странностями, страстью

⁸³ Князь Иероним Радзивилл умер в 1787 году, не дожив до тридцатилетнего возраста.

к небылицам и не весьма нравственной жизнью. Впрочем, таков был век! – Разврат в XVIII веке был повсюду, как я сказал прежде, и богатые люди хвастали тем, чего должны были бы стыдиться.

Князь Карл Радзивилл вступил в управление майоратами и другими имениями по смерти отца своего, в 1763 году. Около этого времени он имел с вотчин своих более десяти миллионов злотых польских годового дохода, и как я слышал, до триста пятидесяти тысяч душ крепостных крестьян, кроме множества подвластных ему городов и местечек, плативших ему подати. Он жил обыкновенно в замке своем, в городе Несвиже, в тогдашнем Новогрудском воеводстве (в нынешней Минской губернии). – Соображаясь с тогдашними ценами, не только на земные произведения, но и на колониальные товары и изделия иностранных фабрик, и с монетною системою, тогдашние десять миллионов злотых польских можно смело сравнить с нынешними двадцатью миллионами рублей ассигнациями. Замечу при этом, что многие из его имений не приносили вовсе дохода, потому что отданы были в пожизненное владение родным или заслуженным в радзивилловской службе дворянам. Большая часть имений были в аренде, за весьма дешевую цену, потому что отдача в аренду означала княжескую милость. Некоторые имения находились в закладе (*zastawie*), и доходами пользовались поссессоры, т. е. люди, давшие князю займы денежные суммы или получившие закладное право на известную сумму, за

службу свою или по милости князя. Таким образом, наверное, третья часть доходов оставалась в чужих руках. – Князь Карл Радзивилл содержал сперва 6000 человек надворного регулярного войска и 6000 человек милиции, вроде нынешних германских Ландверов; потом число всего войска уменьшилось до 8000 человек. – Исключая двух эскадронов улан, набираемых из шляхты, пехота, егери и милиция и четыре эскадрона казаков сформированы были из крепостных людей. Артиллеристов всего было сто человек, из вольных людей и даже иностранцев. На реке Уше, близ Несвижа, был пороховой завод, а в городе богатый арсенал⁸⁴.

Исключая жалованья офицерам, унтер-офицерам и вольным людям, содержание войска не много стоило князю, потому что солдат кормили на квартирах и фураж доставляли из имений. Жалованье не могло быть велико, если сообразить, что еще в мое время, весьма искусному эконому или управителю платили в Литве по сто злотых польских в год. Теперь такой эконому не согласится служить и за пятьсот рублей ассигнациями. – Двор князя Радзивилла разделялся на высший и на низший. Высший двор составляли поверенные, старосты (т. е. дворяне, управлявшие городами), секретари для польской и иностранной корреспонденции, маршалек, конюший⁸⁵, подконюший, гардеробмейстер⁸⁶, библиотекарь,

⁸⁴ Пушек на замковом валу и в арсенале было более пятидесяти.

⁸⁵ Лошадей на конюшне князя было около 300.

⁸⁶ По смерти князя Карла Радзивилла, продали с публичного торга гардероб

бухгалтеры, ловчий, пажи и надворная свита или дворяне⁸⁷ (dworzanie). В эти звания шли люди из весьма хороших фамилий, для приобретения покровительства князя и составления состояния, потому что князь награждал верных слуг именьями, пенсиями или капиталами⁸⁸.

Низший двор составляли надворные гусары, гайдуки, стрельцы, скороходы, лакеи, повара, садовники и вся прислуга вообще. К низшему двору принадлежали также шестьдесят человек музыкантов, с отличными капельмейстерами, немцами и итальянцами, труппы драматических и оперных актеров и певиц и труппа балетная⁸⁹.

В Несвиже была высшая, так называемая, Поиезуитская школа, вроде нынешних гимназий, и основанный князем Карлом Радзивиллом Артиллерийский кадетский корпус,

его, состоявший из 300 пар полной богатой одежды и 80 золотых и серебряных поясов.

⁸⁷ При бывшем польском королевском дворе, дворянин (dworzanin) значил то же, что ныне камер-юнкер или что при высоких сановниках чиновник для особых поручений.

⁸⁸ В XVII и даже в начале XVIII века во всей Западной Европе, дворяне хороших фамилий и даже достаточные начинали обыкновенно свое светское поприще надворною службою у вельмож, пользовавшихся сильным влиянием в государстве. Служба эта не почиталась постыдною. В Польше этот обычай оставался до тех пор, пока были вельможи.

⁸⁹ Когда последний король Польский Станислав Август (Понятовский) посетил Несвиж, в 1785 году, между прочими пиесами даны были Моцартов Дон-Жуан и славившийся тогда в Париже балет: Орфей. Этих пиес нельзя было исполнить, если бы в труппах не было талантов. Известно, что король и вся его свита были очень довольны представлениями.

для воспитанников из дворян. Князь Карл Радзивилл содержал, на свой счет, 30 воспитанников в Артиллерийском корпусе, и всем вообще учителям и профессором этого заведения платил жалованье из своей кассы. Из этого корпуса вышло много хороших офицеров, и два воспитанника, Соколовский и Цыбульский, дослужились в русском войске до генеральских чинов. – В несвижской школе князь воспитывал также множество дворян на свой счет, и вообще много жертвовал в пользу учебных заведений.

В Литве, кроме магнатов и высшего дворянства, никто не хотел знать и не знал короля, никто не помышлял о делах государственных. – Солнце, вокруг которого вращалась вся литовская шляхта – это был князь Карл Радзивилл, а средоточие всех надежд – Несвиж. Каждый шляхтич, бедный и богатый, имел право приехать, со всем своим семейством, к обеду, на вечер, на бал или в театр к князю Карлу Радзивиллу, и все были принимаемы с одинаковою вежливостью. Даже во время присутствия короля, в Несвиже не было званых гостей, на балы. Двери отперты были всегда, для каждого дворянина, а князь Карл Радзивилл почитал каждого равным себе. – Кроме служивших, в замке было множество женщин, даже девиц, весьма хороших фамилий, которые назывались резидентками (т. е. поживальницами), и находились или в свите сестер и родственниц князя, или в ведении особых гувернанток. Это были одалиски (или одалыки) князя Карла Радзивилла, составлявшие его сераль, только без назва-

ния. Их выдавали замуж, с хорошим приданым, и заменяли другими. При этом всегда была одна султанша или главная любовница, *maitresse en titre*. – Каждый Божий день, круглый год, был публичный стол человек на шестьдесят, иногда на сто, а вечером – или театральное представление или концерт, а потом бал. Если дамы не хотели танцевать, то заставляли плясать украинских казачков, с бандурами и песнями, или танцовщиков и танцовщиц балетной труппы. Князь Карл Радзивилл весьма любил пушечную пальбу, стрельбу из ружей и фейерверки⁹⁰, и весьма часто тревожил, по ночам, свой Несвижский гарнизон, выводя его в поле, для примерных атак и сражений, с пальбою.

Князь Карл Радзивилл любил пиры, попойки и шумную жизнь. Только за десять лет до смерти, будучи уже слепым, отказался он от крепких напитков. Можно себе представить, что за содом был в несвижском замке, при беспрестанных съездах дворянства, при множестве домашних! Рассказывают чудеса о любовных интригах, поединках, количестве выпитого вина и т. п.

Князь Карл Радзивилл был тверд в данном слове, честен и добродушен в высшей степени, но при этом был чрезвычайно вспыльчив и насильствен в своем гневе. Можно вообразить, какие случались иногда происшествия! Вспыльчивость и вино – это огонь и порох. Беда, кто попадался ему в мину-

⁹⁰ На одном фейерверке он лишился глаза, а за десять лет до смерти ослеп на другой глаз.

ту гнева! Но его скоро можно было успокоить. – В молодости он позволял себе иногда шалости непростительные, посещая, незванный, с шайкою окружавших его развратников, дома, где была красавица жена или дочь. За одно такое приключение он был позван в суд, в 1764 году – и как князь Карл Радзивилл противился избранию в короли Станислава Августа Понятовского и даже составил противу него конфедерацию, в Радоме, то преданная королю партия воспользовалась этим случаем и осудила его на лишение всех занимаемых им званий, на вечное изгнание из отечества и на секвестрацию всего имущества. Он бежал с 200 всадников своих в Турцию, а после того жил в Дрездене, на деньги, присылаемые тайно преданными ему арендаторами. Не долго он оставался в бездействии, и, пристав к барской конфедерации, которой был объявлен главою, в 1767 году, вошел с торжеством в Вильно, с 2000 конной шляхты. Помирившись с королем, князь Карл выхлопотал на сейме 1768 года уничтожение решения 1764 года, и получил обратно чины, староства и собственное имение. Когда король пристал к другой конфедерации, которой и Россия покровительствовала, князю Карлу Радзивиллу пожалован русский генеральский чин, и он с русскими войсками вступил в Варшаву. Но видя, что эта конфедерация стремится к цели, противной его видам, князь Карл ушел тайно в Литву, и стал собирать в Несвиже своих единомышленников. Русские напали на Несвиж и разогнали его приверженцев. После этого происшествия он ушел с сокровищами сво-

ими и значительными суммами в Австрию. Там нашел он одну искательницу приключений, называвшуюся княжной Таракановой, и был так легковверен, что надеялся посредством ее лишить престола императрицу Екатерину II!⁹¹

Кончилось тем, что князь Карл должен был покориться обстоятельствам – испросил прощение у императрицы Екатерины II, и возвратился в Несвиж, решившись отказаться навсегда от всякого участия в политических делах. Он жил спокойно в своих поместьях, довольствуясь прозванием литовского короля, данным ему по чрезвычайному его влиянию на умы шляхты литовской, которая его обожала⁹².

Хотя князю Карлу Радзивиллу старались дать блистательное воспитание, но он мало чему выучился, и недостаток познаний прикрывал своим остроумием. Чтение он не любил, и когда поверенные и секретари подавали ему бумаги к подписанию, он часто повторял: "черт бы взял того, кто меня научил писать!" – Страсть его была, как я уже упоминал, рассказывать о себе небылицы. Это была его поэзия. Например, он говорил, что в одном морском путешествии, поймал сирену, влюбился в нее и женился. Она родила ему пять бочек сельдей – и ушла в море! – Рассказывал он, что купаясь в Немане, поймал руками огромного лосося, и не могши

⁹¹ Но, кажется, имел более в виду досадить государыне прокламациями.

⁹² Путешествие князя Карла Радзивилла в Париж и в Италию наделало в свое время много шума. Он разъезжал с многочисленной свитой. В Париже свита его и лошади заняли целую улицу, получившую с тех пор название *quai Radzivil*.

его удержать, сел на него верхом, проплыл на нем 20 миль до местечка Свержня, и возвратился в Несвиж пешком, в то самое время, когда по нем служили панихиду. Он уверял, что однажды на охоте, увидев двух диких кабанов, бегущих один за другим, – выстрелил в них. Один кабан побежал, а другой остался на месте. Князь быстро подбежал к нему и увидел, что кабан этот слеп и держит в зубах отстреленный хвост другого кабана, своего вожатого. Князь привязал снурок к хвосту и привел, таким образом, домой живого кабана! – Чтоб нравиться ему, окружающие должны были представляться верующими его вымыслам. Рассказывали, что он был весьма суеверен, боялся чертей и мертвецов, и что в его спальне должны были всегда бодрствовать, всю ночь, два лакея. Вот анекдот, которым доказывали, как он верил мертвецам и как боялся их⁹³.

По одной стороне кафедрального католического костела, в Несвиже, находится колокольня, а по другой часовня (kaplica), называемая булгариновскою. Здесь лежит прах деда моего, Булгарина, вотчинника Грицевич, который, как я уже сказал, убил, в пограничном споре, помещика Узловского.

⁹³ Анекдот этот напечатан в польском журнале *Atheneum*, издаваемом одним из первых польских литераторов, Крашевским См. 1845 год, отделение V, тетрадь VI, стр. 215–217. – Впрочем, статья, из которой я заимствовал этот фамильный анекдот, хотя весьма любопытна, но написана в духе неприязненного князю Карлу Радзивиллу, содержит в себе много неверного насчет характера его, и во многом не согласна с историей и преданиями.

Раскаившись в этом поступке, до которого довела его врожденная ему пылкость и вспыльчивость, дед мой выстроил эту часовню, и сделал вклад в церковь, с тем, чтоб его похоронили в часовне и чтоб за душу его еженедельно служили панихиду, на вечные времена. В одно Светлое Христово Воскресенье, князь Карл Радзивилл, едучи к заутрени, услышал, что кучер кричит форейтору: "не бери направо, а поезжай прямо, мимо булгариновской часовни!" – Возвратясь в замок, с многочисленною свитою дворян, и порядочно залив пасху венгерским вином, князь заметил, что в числе гостей, приехавших издалека к празднику, нет ни одного Булгарина. Князь разгневался. Сообщивший этот анекдот в Атенеум не знал побудительной причины происшествия – и для пояснения дела, я должен присовокупить, что в это время двоюродный брат моего отца, Подкоморий Булгарин, вотчинник Щонова, в Новугродском воеводстве, перешел, с политической своей партией, на сторону князя Сапеги, канцлера княжества Литовского, противившегося видам князя Радзивилла. Вот что возбудило гнев князя, при имени Булгарина.

"А по какому праву господин Булгарин поместился возле моего костела?" спросил князь Карл Радзивилл окружавших его. Ему рассказали происшествие. – "Я не хочу, чтоб убийцы лежали возле Радзивиллов! Выбросить, немедленно, в поле Булгарина!" Каноник Госс, священник замка, объяснил князю, что духовные законы запрещают вырывать тела из могил. – "Так подвезть пушки и разбить ядрами часов-

ню!" воскликнул князь. Ему отвечали, что при этом можно сжечь весь город. – "Если так, то я сам поеду и управлюсь с этим Булгариным!.. Запречь лошадей!" – Когда подали карету, князь попросил одного из своих любимцев (Леона Боровского) ехать с ним, и отправился к часовне. Приехав на место, князь просил Боровского, чтоб он вызвал Булгарина, от его имени, на поединок. Надлежало повиноваться. – "Господин Булгарин, его сиятельство вызывает вас на поединок!" закричал Боровский, вошед в часовню. – "А что?" спросил князь из кареты. – "Молчит!" отвечал Боровский. – "Следовательно трус!" примолвил князь. "Скажи ему это!" – "Его сиятельство почитает вас трусом!" прокричал Боровский. – "А что?" спросил снова князь. – "Молчит!" – "Скажи ему: дурак!" Боровский повторил слова князя, который снова спросил: "А что?" Боровский, чтоб кончить фарс, который, вероятно, ему наскучил, отвечал: "молчит, но, кажется, сам идет, потому что в склепе что-то шевелится!" – "Когда так, поворачивай лошадей! – Не хват, когда не отозвался на первый вызов – и я не хочу иметь дело с людьми, которых по три раза надобно вызывать на дуэль". Тем дело и кончилось, и часовня булгариновская стоит невредимой до сего времени.

Впрочем, мне кажется, что этот фарс князь Карл Радзивилл сыграл более для того, чтоб к Булгариным дошла весть о его к ним неприязни, а что он мог струсить, когда Боровский сказал, что в склепе что-то шевелится – об этом не спорю. Иезуитское воспитание распространило в Польше все

возможные суеверия – и тогда весьма многие более верили в мертвецов, чем в живых!..

При конце жизни, князь Карл Радзивилл уже не был так богат, как в цветущих годах. Огромные его вотчины в Белоруссии, по присоединении этого края к России, были конфискованы, потому что он не хотел присягнуть на верноподданство, а между тем, долги его чрезвычайно возросли. Но все же, по смерти своей, в 1790 году, оставил он огромное имение и два майората: Несвиж и Олыку.

Над пятилетним князем Домиником учреждена была опека, под председательством двоюродного дяди его, князя Матвея Радзивилла. Опека сохранила всю движимость, уплатила много долгов и привела управление имениями в некоторый порядок. Князь Доминик, пришед в возраст, хотя не был так богат, как его дядя, но все же был первым богачом в России. Когда я приехал к нему в Несвиж, он был на двадцать втором году возраста, недавно еще вышел из опеки, и вступил в управление огромным своим имением.

Несвиж был тогда очень порядочный город. В нем жило множество старых слуг радзивилловской фамилии, со своими семействами, учителя школы, много семейств, вверивших свои капиталы радзивилловской кассе, и кроме того, непрерывно толпились в городе множество приезжих помещиков. Купеческое сословие, как водится в Польше, главнейше состояло из евреев, между которыми были весьма богатые. Ремесленники всякого рода, разумеется большею ча-

стью захожие немцы, также находили здесь работу и хорошую за нее плату. Были доктора и аптека, что также привлекало в Несвиж окрестных жителей. Лавки богаты были товарами. Контрабанда процветала тогда в западных губерниях, и в жидовских лавках можно было получить самые дорогие произведения иностранных мануфактур. Город показался мне многолюдным и оживленным.

Я приехал в Несвиж утром и остановился в весьма порядочном трактире. Хозяин был шляхтич, а управляла всем жена его, женщина проворная и ласковая, как почти все польки. Явился тотчас жид – фактор, с предложением услуг. За червонец, он достал мне порядочную коляску, с парой лошадей, до вечера, и я в полдень отправился в замок.

Радзивилловский замок был не красив снаружи и не имел никакой архитектурной формы. В середине каменный двухэтажный дом с некрасивым подъездом; по бокам примыкающие к нему флигели. В одном флигеле находилась домашняя церковь, в другом было помещение для служащих. Конюшни и другие строения были в стороне. У подъезда стояли арапы и множество лакеев, в ливрее. По прекрасной и широкой лестнице взшел я в залу, где находилось несколько дворских княжеских, и просил доложить обо мне князю, что и было немедленно исполнено. – "Князь очень рад вас видеть", сказал вежливый дворский, и просил меня следовать за ним. Князь находился в своем кабинете, меблированном со вкусом, по последней моде. С ним было несколько из

его приятелей, почти безвыездно живших в Несвиже. Они стояли вокруг стола и рассматривали какие-то вещи. Когда я вошел в двери, князь тотчас оставил группу, пошел ко мне навстречу, взял меня за руку и сказал, что чрезвычайно рад познакомиться с одним из членов дружеской Радзивиллам фамилии.

Князь Доминик Радзивилл был прекрасный и стройный молодой человек, хорошего роста. Он был белокур, черты лица имел правильные и приятные, и хотя был несколько рябоват, но это нисколько его не безобразило. Во взгляде его и в улыбке выражалась чистая, благородная, кроткая душа. На нем был светло-синий фрак и светлое исподнее платье. Сапоги были с отворотами, по тогдашней моде. На груди князя были знак Мальтийского ордена и звезда Виртембергского ордена св. Губерта, которую он получил, кажется, при рождении, как принадлежащий к фамилии, по матери своей княгине Тур и Таксис. – "Надеюсь, что вы погостите у меня некоторое время", сказал князь. Я отвечал, что рад бы, но что служба обязывает меня догонять полк. – "По крайней мере, останьтесь несколько дней", примолвил князь. Я изъявил согласие наклонением головы. – "Господа, пойдемте завтракать!" сказал князь, и просил нас идти вперед. Меня, как гостя, не знакомого с обычаями дома, он взял под руку.

Мы сошли с крыльца. Князь, увидев мою коляску, сказал: "в моем доме вы не имеете нужды в экипаже", и шепнул что-то на ухо служителю. – Я думал, что мы идем завтракать в

какую-нибудь беседку, в сад – и удивился, что мы идем в конюшню!

У князя Доминика Радзивилла были две сильные и непреодолимые страсти: он любил до безумия женщин и – лошадей, и ничего не жалел на них. – Всех лошадей на его конюшнях было до трехсот, и они, вместе, верно стоили миллион рублей ассигнациями. Парадная конюшня, где стояли отборные верховые лошади, убрана была мрамором, зеркалами, бронзою, шелковыми занавесами, чиста, как стеклышко, проветрена, даже надушена. Никогда не видал я такой роскошной конюшни. Конюхи были прекрасно одеты, одни жокеями, другие по-мамелюкски, третьи по-берейторски. Князь обошел, с хлыстиком в руках, конюшню, называл по имени любимых лошадей, иных стегал, других гладил, утешался ими – и наконец мы взошли на эстраду, где подан был завтрак. Пока мы завтракали, для нас седлали лошадей, и мы, вышед из конюшни, сели на коней и поскакали в галоп за ворота.

Князь Доминик превосходно ездил верхом, сидел крепко и красиво. Проскакав верст десяток, мы возвратились, к обеду, в замок.

Не помню хорошо, был ли тогда князь Доминик женат, на первой жене своей, из знаменитой фамилии Мнишех, с которой он вскоре развелся. Кажется, однако ж, что он уже был женат, но все же жены не было тогда в Несвиже. К обеду съехались гости, и между прочими приехал, с семейством, гене-

рал Моравский, который был женат, как выше мною сказано, на тетке князя Доминика. Тут я в первый раз увидел дочь Моравского, Теофилю, кузину князя Доминика, бывшую потом его второю женою. В это время она была замужем за Старженьским. Тогда она была в первой молодости, прекрасная, ловкая, веселая и весьма приятная в обхождении. Приехало еще несколько семейств, из которых помню Рейтанов и Брохоцких. В числе холостяков помню родственника князя Доминика Радзивилла, Фаддея Чацкого, и двух братьев Антона и Матвея Водзьбунов. – Фаддей Чацкий и Матвей Водзьбун почитались первыми остряками между тогдашнею литовскою благовоспитанною молодежью, хотя Чацкий был выше, Матвей Водзьбун был шутник, но все, что ни делал забавного и что ни говорил смешного – делал это с величайшей флегмою, серьезно, что еще более нравилось. – Тогда была в моде мистификация. Матвей Водзьбун хотел было попробовать на мне своей остроты – но осекся! С этих пор мы подружились.

После обеда, я удивился, увидев между слугами княжескими моего слугу, молодого немца, который под Тильзитом навязался ко мне в службу. Оставив денщика при лошадях моих, в эскадроне, я волею-неволею должен был взять его с собою. Он сказал мне, что служил охотником в прусской армии, немилосердно хвастал своими подвигами, и притом любил фамильяриться, за что я прозвал его: Herr Naseweise. Он сказал мне, что лакей княжеский приехал в моей коляске

в трактир, забрал вещи и его вместе с ними, и что мне отведена в замке квартира.

Некоторые семейства и между ими семейство Моравского остались в замке, на несколько дней. Кузина князя Доминика, госпожа Старженьская, прекрасно и смело ездила верхом, что весьма нравилось князю. День проходил в прогулках, вечером танцевали, играли в карты, в азартные игры, или забавлялись шутками. Каждый день приезжали новые гости. Князь Доминик был веселого нрава, любил шутить и смеяться, соблюдая, однако ж, во всем приличие и хороший тон. В карты он не играл, но весьма часто платил проигрыши своих приятелей. Танцевал он чрезвычайно ловко. На третий день пребывания моего в Несвиже был какой-то праздник и князь Доминик явился в церковь в камергерском мундире императорского российского двора.

Трое суток прожил я в замке и никак не мог найти случая переговорить с князем о моем деле. Он всегда был окружен приятелями или находился с дамами. Наконец, через камердинера, я попросил аудиенции у князя. Утром, в 10 часов, на четвертый день, меня позвали в его кабинет. – "Мне совестно утруждать князя маловажным делом", сказал я: "но в моем положении я должен на это решиться. Вот письмо вашего покойного дяди" – я подал письмо князя Карла Радзивилла к моему отцу, – "по которому отец мой не получил следуемых ему денег. Если б из кассы было уплачено, то опека сослалась бы на квитанцию: но она отвечала двусмыслен-

но, избегая объяснений... и вот письмо главного поверенного..." Князь даже не хотел читать писем и спросил: "в чем же дело?" – "Отцу моему следовало получить триста червонцев..." – "И он не получил?" возразил князь. – "Нет!" – "Так я прикажу уплатить", сказал он, и написал на письме покойного Карла Радзивилла: "выплатить, немедленно, следуемое подателю", возвратил мне бумаги, улыбаясь, и поцеловал. – Поблагодарив князя, я вышел и отправился к кассиру. Он тотчас отсчитал мне деньги. Пришло кстати!

Скажу несколько слов о князе Доминике Радзивилле. Это был если не *dernier des Remains*, то наверное последний пан польский, в таком смысле, как в старину разумели панов или вельмож. – Если б он получил основательное, серьезное воспитание, то сохранил бы свое огромное состояние, жил бы до сих пор и оставил бы по себе неизгладимые следы. Он имел весьма много природного ума и ангельское сердце; был щедр, благотворителен, кроток, человеколюбив, честен, благороден – но все его похвальные качества послужили ему во вред. Воспитание получил он поверхностное, модное. Его выучили болтать на нескольких языках, танцевать, ездить верхом, и с детства внушили, что богатства его неисчерпаемы, что он князь Радзивилл, пан из панов, следовательно, ни в чем не должен себе отказывать, возжгли в нем страсти, чтоб пользоваться его слабостью – и наконец обобрали и погубили! Поверенные его и все пользовавшиеся его милостью составили себе огромное состояние – а князь Доминик часто

нуждался в необходимом – и занимал деньги, где мог и на каких угодно условиях. Я слышал от верных людей, что поверенные давали ему займы собственные его деньги, под заклад его имений, вдвое превышающих данную сумму, и знаю наверное, что те же поверенные продавали именья за бесценок, взяв почти половину магарыча (porekawiczne)⁹⁴. – Теперь дети и внуки радзивилловских слуг разыгрывают роль аристократов! – Друзья и женщины стоили князю Доминику почти половины всего его состояния. Он прожил все, что мог прожить: дарил, покупал ненужное, сыпал деньгами для того только, чтоб не отказывать своим любимцам и любимицам. Но в жизнь свою князь Доминик не оскорбил никого, даже слуги своего, ни словом, ни делом, никогда не отвернулся от страждущего человечества, не присвоил чужой копейки. Все знавшие его, все его слуги, все имевшие с ним дела – обожали его. Ни один человек в Польше не оставил после себя такой благословенной памяти!

Разумеется, что князь Доминик был воспитан в польском духе, и все, что его окружало, дышало польским патриотизмом. Должно вспомнить, что тогда прошло не более десяти лет после последнего раздела Польши, что прошлое было у всех в свежей памяти, и что новый порядок вещей не мог нравиться людям, которые в прежней Польше, только по по-

⁹⁴ Магарыч (слово цыганское) и литки употребляются в России, а по-польски поренкавичне, т. е. рукавичное, называют тот подарок, который купивший какую-либо вещь или именье обязан дать тому, кто был посредником при покупке.

ложению в свете своей фамилии и связям, без всяких заслуг, получали важнейшие звания, титулы и ордена в государстве, и даже богатые староства, когда, напротив, теперь надлежало выслуживать каждый чин и каждую награду. Это была главная причина неудовольствия значительных фамилий в Польше. Прокламации Наполеона взволновали умы, а учреждение княжества варшавского утвердило надежду. Благоразумие велит в каждом деле оглядываться на время, на обстоятельства и на побудительные причины. Поляки народ пылкий и вообще легковверный, с пламенным воображением. Ему непременно нужна какая-нибудь умственная игрушка, для занятия. Патриотические мечтания составляли его поэзию – и Франция была в то время Олимпом, а Наполеон богом этой поэзии. – Наполеон хорошо понял свое положение, и весьма искусно им воспользовался. Он дал полякам блистательные игрушки: славу и надежду – и они заплатили ему за это своею кровью и имуществом. Даже те, которые не верили обещаниям Наполеона, охотно жертвовали ему всем за эти игрушки! – Таков вообще человек, одаренный живым воображением. Он тяжело постигает сущность и легко увлекается тем, что льстит его мечтам!

Я твердо решился избегать политических разговоров, однако ж невольно попал однажды в неприятное положение. За столом у князя Доминика Радзивилла заговорили о прошлой войне. – Энтузиазм, возбужденный Наполеоном и французским войском, доходил до высшей степени. Я сам был всегда

читателем Наполеона, но не мог согласиться с рассказами насчет войны, когда обратились ко мне с расспросами. – "Видали ли вы, как целые полки, даже дивизии бросали оружие и сдавались в плен?" спросили меня. – "Я не мог видеть того, чего вовсе не было", отвечал я. – "Наполеон величайший военный гений, французы превосходные воины – в этом я совершенно согласен: но и русские дерутся славно и никому не уступают в мужестве, чему я был теперь очевидным свидетелем. – Ни один русский солдат не сдался без отчаянного сопротивления. Это верно, как Бог на небеси! Нет спора, что Наполеон одержал победу под Фридландом – но три такие победы кончились бы тем, что при нем едва ли бы осталось столько солдат, чтоб эскортировать победителя до Парижа!" – Эти слова мои произвели неприятное впечатление в некоторых из гостей, и один из их сострил что-то, похожее на сомнение в равенстве храбрости русского воина с французом. Я был молод, от природы нехладнокровен – и честь мундира заставили меня воскликнуть: "В храбрости русских воинов вы легко можете убедиться: один из них перед вами – и готов на всякое испытание..." – Я хотел что-то прибавить, но увидев беспокойство князя, замолчал. Гости пошевелились на стульях и некоторые стали перешептываться. – Князь Доминик весьма деликатно переменял разговор, и дал почувствовать, что ему неприятен этот спор. Все замолчали. После обеда князь Доминик перешел в другую комнату и переговорил с самыми пламенными из приверженцев францу-

зов. После того, старик Рейган подошел ко мне, взял за руку и повел туда же. – "Гость в доме – Бог в доме"⁹⁵, говорили наши предки", сказал Рейган. «Под одною кровлею живут только друзья и братья! Kochaуmy sie!»⁹⁶ Он обнял меня, потом молодого человека, который своею острою заставил меня разгорячиться – и так сказать, столкнул нас. Мы обнялись, поцеловались – и все было забыто. – Князь Доминик был чрезвычайно рад, что дело так кончилось, и на другой день подарил мне пару прекрасных пистолетов, версальской фабрики.

Несмотря на такое направление умов в Литве, все, однако ж, чрезвычайно любили императора Александра. Это верно, как дважды два четыре. Не понимая ни хода дел, ни порядка, ни государственного устройства России, шляхта была убеждена, что все, делаемое не по ее желанию, делается против воли государя. И в самом деле, император Александр делал все, что только мог, для успокоения умов и изглажения из памяти неприятных воспоминаний прошлого, в польских провинциях. Он был истинным благодетелем, ангелом-хранителем края! – Не будь Наполеона, не будь войн с Франциею и непрерывных политических потрясений в Европе – в Литве все давно было бы забыто! Впрочем, вся оппозиция в

⁹⁵ Превосходная древняя польская пословица, означающая врожденное славянскому племени гостеприимство.

⁹⁶ Знаменитая польская поговорка, – т. е. будем дружны, возлюбим друг друга, – повторяемая при тостах.

Литве ограничивалась болтовнёю и частными эмиграциями молодежи в герцогство Варшавское, для вступления в военную службу. Общего ничего не было.

Прожив пять дней в Несвиже, у князя Доминика Радзивилла, я простился с ним и отправился в полк. — О другой встрече с князем Домиником, уже в несчастных его обстоятельствах, будет говорено на своем месте.

Из Несвижа поехал я в Валки, по почтовому тракту, чрез Новогрудек, Минск, Борисов, Витебск, Псков, Верро (в Лифляндии, в Дерптском уезде). Невзирая на войну, рекрутский набор и милицию, везде видел я следы благосостояния и довольства. Хотя тогда не знали во всей России рационального хозяйства, не спекулировали на акциях, не имели понятия о компаниях, но денег было довольно, потому что были хорошие урожаи и хлеб был в высокой цене. Его требовалось и для армии и для отпусков за границу.

Континентальная система только что учреждалась, для лишения Англии торговли на твердой земле, и земледелие в Англии не было тогда на такой высокой степени, как теперь. Англия нуждалась в русском хлебе, и для себя, и для своих колоний. Швеция также питалась русским хлебом. По Неману, Двине и по впадающим в них рекам, Литва высылала свои земные произведения в Мемель и Ригу, а по Днепру в Кременчуг. Канал Огинский соединял торговлю Балтийского моря с торговлею моря Черного.

По несчастью, вся внутренняя торговля была в руках ев-

реев, но туземцы чрез это вовсе не страдали, потому что они от природы не склонны к торговым делам, требующим точности, постоянства, терпенья и уклончивости. Именно в это время шляхта только начала вступать в подряды, на поставку хлеба и других предметов для армии, и хотя подрядчики обогащались, но много теряли в общем мнении. Торговля и торгашество все еще почитались в Польше синонимами и занятиями, неприличными шляхетскому достоинству. Истый шляхтич верил, что он может только продавать свои земные произведения на месте, без унижения себя – и много, если допускал посылку в Ригу или в Мемель, со своим поверенным! И торговля и земледелие были в детстве, но обстоятельства благоприятствовали – и ни в деньгах, ни в хлебе не было нужды, потому что иностранцы ждали жатвы с мешками червонцев в руках.

Первый удар этому благосостоянию нанесла выдуманная Наполеоном континентальная система, которая заставила все государства приступить к мерам, обеспечивающим внутреннее продовольствие. Повсюду принялись за земледелие, везде стали заводить фабрики и мануфактуры, чтоб не зависеть от политических обстоятельств – а Литва осталась в тыле! – Евреи долго еще держались контрабандою; наконец и этот несчастный источник богатства иссяк. – Но война всегда ведет за собою беду! На другой год после войны, открылись в остзейских и западных губерниях болезни и падеж скота, и три года сряду были неурожаи. Эти неожиданные

бедствия, подкрепляемые континентальною системою, привели пограничные провинции в весьма плохое положение.

Полк уже прошел через Валки, и я нагнал его на второй станции от Дерпта, в Тейлице. – Его высочество цесаревич приехал к полку, в Валки, и проводил полк до Дерпта, откуда отправился, на почтовых, в Петербург. Полковник Чаликов с полковым адъютантом Жоке также уехали, по служебным делам, в Петербург, и старшим остался адъютант его высочества, подполковник Ш. Он взял меня к себе, в должность адъютанта.

Казалось, что он любил меня – но мы никак не могли с ним ужиться. Он был истинно добрый человек, но неровного характера. То был он со мною слишком фамильярен, то чрезвычайно капризен и взыскателен, и кажется, находил удовольствие в том, чтоб беспокоить меня. Без всякой нужды он держал меня при себе по целым дням, а иногда нарочно посылал поздно вечером, за приказаниями или с каким-нибудь пустым вопросом к генерал-майору Янковичу, командиру Лейб-гвардии конного полка и нашему главному начальнику в отсутствие его высочества – и я должен был скитаться ночью, из деревни в деревню, отыскивая генерала. – Я выходил из терпенья! – Однажды, на дневке, в какой-то деревне, уже за Нарвой, Ш. осматривал трубачей, в новых мундирах, присланных из Петербурга. Он махнул рукой – и шинель упала с плеч его, в грязь. Я подозвал улана, стоявшего шагах в двадцати, и велел поднять шинель. Ш.

окинул меня взором, с головы до ног, и сказал, с иронической улыбкою: "не велика была бы услуга!". Ему, видно, хотелось, чтоб я подал ему шинель. – "Я слуга Божий и государев!" отвечал я хладнокровно, а пришед домой, оседлал лошадь и уехал в эскадрон, объявив через писаря, что не возвращусь в штаб. Ш. не на шутку рассердился, арестовал меня, и хотел пожаловаться его высочеству, но генерал Янкович, благоволивший ко мне, уладил дело. Я возвратился в эскадрон и остался в самых приятных отношениях с Ш. до самой его смерти. Он был не злопамятен, да, кажется, и не за что было сердиться...

Наконец мы вступили парадом в Петербург. Это было уже осенью. День прошел, пока мы разместились. Эскадроны расположились в казармах, называвшихся тогда домом Горновского, и в конногвардейском манеже. Я освободился от службы только в 7 часов вечера, и полетел к сестре моей, Антонине.

Зять мой жил тогда в Большой Мещанской, в угловом доме, насупротив Заемного банка. На улице и на дворе стояло множество карет. Вхожу в переднюю – и едва могу пробиться чрез толпу чужих лакеев... Перехожу в залу – и первое лицо, которое мне попало на глаза – это русский священник. Я испугался... но вскоре успокоился, когда в другой комнате увидел – купель! – Попал я прямо на крестины племянника моего Александра. Не помню, кто был крестным отцом, но не забыл, что крестною матерью была знаменитая некогда

красавица, милая и любезная женщина, графиня Вера Николаевна Заводовская, урожденная графиня Апраксина, супруга тогдашнего министра просвещения. Помнящие общество того времени верно не забыли вице-адмиральши Варвары Александровны Колокольцевой, также урожденной графини Апраксиной, знаменитой тогда своею откровенностью, ходатайством за всех несчастных, добродушием, страстью к новостям, отличным аппетитом и тучностью. После крестин Варвара Александровна овладела мною, усадила возле себя и стала расспрашивать о всех знакомых. Когда я вспоминал об убитых, она крестилась, приговаривая: вечная память! – Зашла речь о Тильзитском мире, и разговор сделался общим. Я только слушал и молчал. На крестинах было много лиц важных в то время и приобретших важность впоследствии. – Здесь я впервые услышал отголосок общего мнения насчет Тильзитского мира, мнения, существовавшего во всей силе до уничтожения трактата, войною 1812 года.

Тильзитский мир приводил в отчаянье русских патриотов – по моему тогдашнему и теперешнему мнению, вовсе напрасно. – Могли ли мы продолжать войну, после Фридландского сражения? – Конечно, могли, если не наступательную, то оборонительную, и даже с надеждою на успех. Но не лучше ли было переждать! Мы были в войне с турками, персиянами и с присоединившимися к ним кавказскими горцами. Армией нашей, на Дунае, командовал генерал Михельсон, а в азиатской Турции фельдмаршал граф Гудович, люди уже

старые, изжившие свой век. Дела наши шли медленно, без больших потерь, но и без успешных последствий. Не страшна была эта война, но она требовала войска и денег. Шестьсот тысяч милиции вооружалось во всей России – но много ли можно было надеяться на это неопытное, необученное войско! Регулярные полки все были в армии и лучшие люди из гарнизонов уже были повыбраны. Кавалерия наша была вообще в хорошем устройстве, но пехота и артиллерия требовали укомплектования и даже преобразования. Они много пострадали. Конечно, Наполеон, в тогдашнем своем положении, не мог бы решиться на вторжение во внутренность России, как в 1812 году, но это самое бессилие его было для России опаснее безрасчетного похода в Москву. Он мог вторгнуться в провинции, возвращенные от Польши, произвести замешательство, взволновать шляхту, выбрать насильно людей, годных в военную службу, и воспользоваться всеми пособиями, представляемыми краем. Нам пришлось бы ретироваться, чтоб укрепиться в силах, а между тем и Наполеон мог бы получить помощь из Франции. На Пруссию уже не было никакой надежды, на Австрию весьма мало. Англичане хотя обещали сделать высадку в Померанию, но не выслали ни одного человека. Швеция была слаба. Не лучше ли было отложить до времени начатие новой брани с гигантом – и самим усилиться и дать другим укрепиться, между тем как гигант будет ослабевать разлитием сил своих по всем концам Европы! Так и сделал император Александр – и поступил в

этом случае с величайшею мудростью и предвидением.

Надлежало уступить что-нибудь – иначе нельзя было кончить этой брани. Пруссия должна была принести жертву, которую император Александр имел твердое намерение вознаградить, при первом случае. Пруссия лишилась половины своих областей и половины тогдашнего своего народонаселения, а именно более четырех с половиною миллионов подданных, заплатив притом контрибуциями, поборами и поставками на французскую армию более 600 миллионов рублей ассигнациями. Император Александр ничего не лишился – он только признал братьев Наполеона королями, согласился пристать к континентальной системе и объявить войну Англии, а самого Наполеона признал протектором Рейнского союза и Швейцарской конфедерации, разрешив ему действовать свободно на западе Европы, с тем, чтоб Наполеон не мешался в дела России, на Севере и на Востоке. Хотя в трактате и сказано было, что русские войска должны очистить Молдавию и Валахию – но секретная статья в этом же трактате и словесное обещание уничтожали статью явную. – Чтoб доказать императору Александру, что Наполеон никогда не посягнет на провинции, возвращенные от Польши к России, он отдал императору Александру Белостокскую область⁹⁷.

Сила и могущество Наполеона в существе не возросли от

⁹⁷ Замечательно, что французские политические писатели и до сего времени не могут растолковать: почему Наполеон отдал и почему император Александр взял Белостокскую область. Дело ясное. Это была охрана или поручительство (garantie) в неприкосновенности русских владений.

Тильзитского трактата, а возросли только ненависть к нему Германии и страх в других народах. Во всей Европе Тильзитский мир почитали только перемирием, которое Англия будет стараться расторгнуть. В надежде на Тильзитский мир и уничтожение Пруссии, Наполеон вознамерился покорить Пиренейский полуостров – и стал рыть могилу, в которую должно было слечь его могущество.

После Тильзитского мира императору Александру предстояло исполнение двух великих предначертаний Петра Великого и Екатерины II, а именно: присоединение Финляндии к России, для отдаления границы от Петербурга с полным владычеством в Финском заливе – и утверждение границы с Турцией, по устью Дуная, для обеспечения южной России и Крыма. При общем мире, Россия не могла бы на это решиться – но Наполеон, в Тильзите, согласился охотно на распространение пределов России, с тем только, чтоб Россия дозволила утвердиться его династии на Западе. Всем известен конец дела. Финляндия присоединена, на вечные времена, к России – а династия Наполеона не существует... Наполеон был поэтом в политике – и оставил после себя в истории Илиаду; противники же его, действуя для государственных польз, приобрели существенные выгоды.

Но главное в том, что наше народное самолюбие было тронуто и что война с Англией не могла возбудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов, и лишая нас выгод торговли. Вот что породил общий ропот. Слава Наполеона,

так сказать, колола нам глаза – и мы уже доказали, что не боимся ни страшных сил завоевателя, ни его искусных маршалов, и можем даже с меньшими силами не только противостоять ему, но и бить его знаменитые легионы. Неудачи наши, как всегда и везде бывает, приписывали мы нашим генералам (что отчасти была и правда), и непременно хотели еще раз сразиться с Наполеоном, во что бы то ни стало. Таково было общее мнение в Петербурге и в целой России. Свидетельствуюсь современниками...

Французским Чрезвычайным послом прибыл в Петербург бывший адъютант Наполеона, любимец его и доверенное лицо, генерал Савари. Это был выбор неудачный. Не потому ли Наполеон решился отправить в Петербург генерала Савари, что он известен был уже императору Александру, с Аустерлица, посланный к государю с мирными предложениями перед сражением и с благородным предложением перемирия после битвы? – Но Наполеону, желавшему искренно мира с императором Александром, надлежало бы иметь в виду, что русский двор неохотно признавал все созданное Французскою революциею, и что при русском дворе наложен был траур по смерти герцога Ангенского. Следовательно, генерал Савари, как создание революционное, игравшее важнейшую роль в жалкой трагедии, кончившейся смертью принца, одной из древнейших европейских династий, – Савари не мог быть принят хорошо в кругу русской аристократии. Да и зачем было посылать генерала, припоминающего Аустерлиц

и Фридланд? – Наполеон поступил бы благоразумнее, если бы послал в Петербург человека не военного, из старинной французской аристократии, не принимавшего никакого участия в насильственных и противозаконных делах, вынужденных революцией – а у Наполеона было много способных людей из этого разряда. Император Александр весьма ласково принял и хорошо обходился с генералом Савари – но в высшем обществе столицы его принимали чрезвычайно холодно, и некоторые знатные особы обращались с ним, как говорят французы: *cavalierement*, т. е. без околичностей. В некоторые дома вовсе его не приглашали и довольствовались разменою визитных карточек.

Отчаянные люди из молодежи, воспламененные патриотизмом, поступали иногда весьма неблагоразумно, стараясь выказать чувства свои к Наполеону, в лице его посланника. Все служившие в гвардии и в полках, стоявших в Петербурге, при императоре Павле Петровиче и в начале царствования императора Александра, помнят Вакселя, офицера конногвардейской артиллерии, весельчака и большого проказника. В то время носился слух, будто Ваксель нанял карету, четверней, у знаменитого тогда извозчика Шарова, нарочно с тем, чтоб столкнуться с каретой генерала Савари. Рассказывали, что Ваксель выждал, когда Савари возвращался из дворца, и, пустив лошадей во всю рысь, сцепился с каретой французского посла, на Полицейском мосту. Одну карету надлежало осадить. Посланник, высунувшись в окно,

кричал: faites reculer votre voiture (велите податься в тыл вашей карете). – "C'est votre tour de reculer! En avant!" (Ваша очередь подаваться в тыл или отступать. Вперед!) отвечал Ваксель – и генерал Савари, чтоб избегнуть несчастья, велел своей карете осадить и сам вылез из экипажа. За справедливость этого происшествия не ручаюсь, но довольно того, что тогда все об этом рассказывали и верили рассказу⁹⁸.

Генерал Савари терпеливо переносил холодность и даже неприязненный тон петербургского общества, вероятно вследствие своей инструкции, представляясь, будто ничего не замечает, и надеясь, как и Наполеон, что это нерасполо-

⁹⁸ Если Г. Ваксель жив еще, то должен быть уже весьма не молод – и анекдоты, оставшиеся в памяти его современников о его молодости, не могут оскорбить его, потому что в них нет ничего противного чести. Рассказывают, что в царствование императора Павла Петровича, Ваксель побился об заклад, что на вахтпараде дернет за косу одно весьма важное лицо. Ему не хотели верить и побились об заклад, для шутки. В первый вахтпарад, Ваксель вышел из офицерского строя, и подбежав быстро к важному лицу, дернул его легонько за косу. Важное лицо оглянулось – Ваксель, сняв шляпу и поклонившись (как требовала тогда форма), сказал тихо: «коса лежала криво, и я дерзнул поправить, чтобы молодые офицеры не заметили..». – «Спасибо, братец!» сказало важное лицо – и Ваксель возвратился, в торжестве, на свое место. – Рассказывали также, что император Павел Петрович, прогуливаясь верхом по городу, увидел большую толпу народа, стоявшего на Казанском мосту и по набережной канала. Люди с любопытством смотрели в воду и чего-то ждали. – «Что это такое?» – спросил государь у одного из зевак. – «Говорят, ваше величество, что под мост зашла кит-рыба» – отвечал легковерный зритель. – «Верно здесь Ваксель!» сказал государь громко. – «Здесь, ваше величество!» воскликнул он из толпы. – «Это твоя штука?» – «Моя, ваше величество!» – «Ступай же домой – и не дурачься», – примолвил государь, улыбаясь. – Г. Ваксель знал хорошо службу, служил отлично и превосходно ездил верхом – за это спускали ему много проказ.

жение, весьма естественное после Тильзитского мира, пройдет со временем. – Оба они жестоко ошибались в своих расчетах.

Но если к генералу Савари были холодны, то офицеров его свиты принимали везде хорошо. В обхождении с послом была политическая цель, а с простыми офицерами обходились по личным их достоинствам. Да и может ли какое бы ни было чувство или расчет воспрепятствовать торжеству, в европейском обществе, благовоспитанного француза, с известным положением в свете! – В свиту генерала Савари выбраны были отличнейшие офицеры из гвардии и генерального штаба, люди хороших, старинных фамилий, с блистательным воспитанием, лучшего тона, и притом молодцы и красавцы. Дамы взяли их под свое покровительство, и как высшее общество и офицеры гвардии не питали вовсе ненависти к французскому народу, а сердились только на правителя Франции – то французские офицеры встречали повсюду ласковый прием и простодушное русское гостеприимство, и даже подружились с некоторыми офицерами русской гвардии. В центре тогдашнего высшего круга, в доме Александра Львовича Нарышкина, они бывали почти ежедневно, а в политической гостиной княгини Натальи Ивановны Куракиной, отличались между молодыми людьми других посольств.

Весьма замечательно, что в то время, когда во всей Польше пылал энтузиазм к Наполеону, и когда почти все верили его обещаниям, главой политической партии в Рос-

сии, противной Наполеону и союзу с ним был поляк, князь Адам Адамович Чарторийский, который в союзе императора Александра с гордым завоевателем видел унижение России, и при всей своей преданности к государю, вышел в отставку, во время трактаций о Тильзитском мире, сдав дела тайному советнику Будбергу. Уже в двадцатых годах удалось мне прочесть записку, поданную перед Тильзитским миром императору Александру князем Чарторийским. В этой записке, составленной в настоящем русском духе, изображено было опасное положение России, без союзников, между тем, как Англия и Швеция приготавливались к войне, и когда война с Турцией была не кончена, а с Персией начиналась. Князь Чарторийский утверждал, что Наполеон стремится, всеми мерами, ослабить, расстроить Россию, возбудить во всех европейских державах недоверчивость к ней, с тою целью, чтоб успокоив Запад, броситься со всеми своими силами на Россию. – Далее, князь Чарторийский говорил, в своей записке, что русский народ, готовый пролить последнюю каплю крови для славы и чести престола и блага отечества, упадет духом, когда увидит государя своего уступающим человеку, изображенному перед войной, в манифестах, в самом черном виде, даже отступником от христианской веры и т. п. – Видно, что князь Чарторийский, при похвальной своей ревности, не знал всей необходимости мира и дальнейших видов мудрого государя. Природные русские, так сказать, по инстинкту, догадывались, что Тильзитский мир – только перемирие, и

что император Александр, рано или поздно, рассечет этот Гордиев узел. – Главою политической партии, благоприветствовавшей Франции, был граф Румянцев. По наружности и граф В.П.Кочубей принадлежал также к этой партии.

Прочитав записку князя Чарторийского, граф Кочубей улыбнулся и сказал: "Le prince ne veut pas comprendre, que nous reculons, pour mieux sauter"⁹⁹. – (т. е. князь не хочет выразуметь, что мы подаемся в тыл, чтоб вскочить далее).. – Впрочем, на самом деле, в России не было ни английской, ни французской партии, а была одна русская партия – и если граф Румянцев, князь Куракины, граф В.П.Кочубей, граф Строганов, князь Долгорукий и другие приближенные к государю лица казались весьма довольными союзом с Наполеоном, то этого требовали обстоятельства. – По совести, нельзя было во всем оправдывать Англии. Она не исполнила обещанного в 1806 году, не высадила войск в Померании, и наконец нападением на Копенгаген, бомбардированием его без объявления войны и взятием Датского флота нарушила все права народные и права человечества, то есть сделала сама именно то, в чем упрекала Наполеона. Благородная душа императора Александра не могла никогда одобрить этого поступка Англии – и негодование его было искреннее и справедливое.

⁹⁹ Записку князя Чарторийского давал мне прочесть и пересказал графа глава Кочубея покойный друг мой М.Я. ф. Ф-к, служивший прежде при графе Румянцеве, а потом при графе Кочубее и пользовавшийся их милостью и доверенностью.

Граф Петр Александрович Толстой назначен был послом в Париж. Свита его была также весьма блистательная, составленная из молодых людей, отличных во всех отношениях, нежных, благовоспитанных, с прекрасною аристократическою манерою. Нынешний канцлер граф Карл Васильевич Нессельроде был советником посольства. Кавалерами посольства были Александр Христофорович Бенкендорф (впоследствии граф, генерал от кавалерии и шеф корпуса жандармов), светлейший князь Лопухин (сын бывшего председателя Государственного совета), Лев Александрович Нарышкин – других не вспомню. – Русское посольство было принято Наполеоном с величайшими почестями и вниманием, и все тогдашнее парижское общество подражало двору. Покойный Александр Христофорович Бенкендорф любил рассказывать об этой блистательной жизни в Париже, где все стремилось к тому только, чтоб дать русскому посольству высокое понятие о блеске нового французского двора и о возобновлении в обществе старинных форм общежития, прежней французской любезности и гостеприимства. – Деятельное политическое лицо при посольстве был граф К.В.Нессельроде. Здесь было начало того блистательного и долговременного дипломатического поприща, на котором имя его сопряжено со всеми великими событиями чудной эпохи.

Савари у Наполеона был тем же, чем был Сеид у Магомета, т. е. близкий человек, преданный своему покровителю

телом и душою, обожающий его и повинующийся ему, во все не рассуждая, а только буквально исполняя все его приказания. Савари был адъютантом при Наполеоне со времени вступления его на блистательное военное поприще, и был употребляем всегда для самых важных поручений, где требовалась безусловная преданность, скромность и самоотвержение. Савари был человек не гениальный, не дипломат, даже не учено-образованный, но он был человек умный и ловкий. Природа одарила его особого рода умом, т. е. умом полицейским, которого основание составляет чутье, вроде пуделевского. Он был всегда употребляем Наполеоном в тех делах, где надлежало открыть тайну или наблюдать за поступками неприязненных ему людей. Савари заведовал тайною полициею Наполеона, когда он был еще главнокомандующим италийскою армиею, и с тех пор всегда был его невидимым стражем и, так сказать, блюстительным оком. Шпионство превратилось у Савари в страсть. Он непременно хотел все знать и все предугадывать, и разумеется, что руководствуясь людьми продажными и безнравственными, часто видел дела превратно, усматривал заговоры там, где их во все не было, и составлял мнение о лицах и делах совершенно противное истине. – Вскоре после Савари приехало в Петербург множество шпионов, а еще более шпионок, т. е. женщин. Для этого дела были выбраны женщины хитрые, умные, интриганки и недурные собой.

Петербург и Москва наводнены были маркизами, графа-

ми, аббатами, гувернерами, любопытными путешественниками и путешественницами. Разумеется, что в паспорте каждому давали звание, соответствующее роли, которую он или она должны были разыгрывать в России. Одни обязаны были притворяться враждебными Наполеону и его правлению, по связям своим с республиканцами или с Бурбонами; другие, напротив, превознося Наполеона, должны были противодействовать злым толкам, распространяемым английскими журналами и брошюрами насчет Наполеона, и располагать к нему общее мнение. Все должны были извещать Савари о всех толках насчет политических отношений Франции и о тайных намерениях русского правительства. На основании сплетен, переносимых легионом шпионов, Савари писал свои донесения Наполеону, в которых только то было справедливо, что Наполеон был ненавидим в России, что вся Россия желала пламенно войны с ним, и что английские брошюры, наполненные самыми нелепыми лжами и клеветами противу Наполеона, его семейства и противу важнейших лиц французского правительства (в том числе и Савари), не только расходились у нас во множестве, но даже почитались справедливыми. Теперь уже нет ничего тайного в Западной Европе – и архивы должны были открыться свободному книгопечатанию! – Напечатанные современные акты доказывают, что шпионство стоило в то время Наполеону огромных сумм, и не принесло никакой существенной пользы. За сплетни и переносы неприятных толков о себе не сто-

ило платить деньги! – Расскажу, как я попал в сети одной из Наполеоновых сирен.

Во французском театре особенное мое внимание обратила на себя женщина, с прекрасным лицом южного типа. Она всегда бывала в театре с другою пожилою женщиною, помещалась в ложе второго яруса, ближе к сцене, и одевалась с удивительным вкусом и к лицу, хотя не весьма богато. Приезжала она в театр в наемной карете, парой лошадей. У наемного ее лакея, немца, узнал я, что дама – французская баронесса, приехала с теткою в Россию, после заключения мира с Францией, и живет, весьма скромно, в Малой Морской, в доме, принадлежащем ныне г-ну Лепеню. Я не сводил глаз с красавицы, в театре, стоял всегда у подъезда, когда она садилась в карету, и часто, обогнав ее экипаж, появлялся у подъезда ее квартиры, когда она выходила из кареты. Преследования эти продолжались с месяц. Напрасно я расспрашивал о красавице у знакомых мне французов – ни один из них не мог мне ничего сказать, и я уже отчаивался в успехе моих поисков, как счастливый случай (так я тогда думал!) доставил мне знакомство с нею.

Во время представления балета: Зефир и Флора, который тогда привлекал весь Петербург, перед закрытием занавеса побежал я в коридор и поместился близ дверей красавицы. Она вышла, оглянулась и, казалось, не заметила меня, но отошед несколько шагов, уронила шаль. Разумеется, что я поспешил поднять ее и подать красавице. Она поблагодарила

меня с милою улыбкою и сказала, с какою-то удивительною доверенностью: "Вы так вежливы, что я осмеливаюсь просить вас, чтоб вы проводили нас через эту толпу, до подъезда: слуга мой сегодня заболел – и мы одни..." Я был в восторге, не помню, что сказал, верно какую-нибудь глупость, потому что был вне себя – и подал ей руку. Безмолвно пробрались мы через толпу, до подъезда. Тут она сказала мне, что карета ее стоит за Поцелуевым мостом, и мы пошли через площадь, между множеством экипажей. Это было в половине декабря, 1807 года. Ночь была тихая, звездная – и красавица изъявила желание идти пешком до дому, предложив тетушке ехать в карете, сказав, что от жара в театре у нее закружилась голова, и она хочет подышать чистым воздухом. – "Не правда ли, что вы проводите меня?" сказала она, улыбаясь. – "Это будет счастливейший день в моей жизни", отвечал я, и мы пошли рука об руку...

Мне был тогда девятнадцатый год от роду! – Блаженное время! – В этом приключении я видел одно счастье, не подозревая никакого дурного намерения со стороны красавицы. Да и что я мог думать дурного? Тогда я верил, что все красавицы добры, как ангелы, в чем и теперь не разуверился совершенно. Притом же, позволительное, на девятнадцатом году возраста самолюбие, отгоняло от меня всякое подозрение. Дорогою мы говорили, разумеется, о театре, о балетмейстере Дидло, о Дюпоре, о танцовщицах Е.И.Колосовой, Даниловой, о французской труппе – и наконец пришли

к дому Лепеня. Я стал раскланиваться и уже готовил фразу, которую намеревался просить позволения навестить красавицу; но она предупредила меня, сказав: "войдите... отдохнуть и выпить чашку чаю!" Я онемел от радости, и пошел за нею по лестнице.

Знакомка моя, по французскому паспорту, называлось баронессою Шарлотою Р., и показана была вдовою помещика. Ей было тогда около двадцати четырех лет. – Известно, что все француженки от природы превосходные актрисы, если не на сцене, то в частной жизни, и что все они, при самом поверхностном образовании, с величайшим искусством подражают тону и манерам знатных дам. Тон, манеры и язык Шарлоты были прекрасные. Ничто не обнаруживало низкого происхождения, или привычек дурного общества. Не знаю, кто она была всамом деле, но должно полагать, что она принадлежала к хорошей фамилии и стала заблудшею овечкою во время сильных потрясений во Франции, ниспровергнувших существование многих почтенных фамилий и доведших одних до преступлений, а других до разврата. – Как бы то ни было, но Шарлота была восхитительное существо. Пробыв у нее, в первый раз, с час времени, я был совершенно очарован. Она позволила мне навещать ее, когда мне заблагорассудится, не ранее, однако ж, 11 часов утра и не позже 9 часов вечера, когда не бывает французских спектаклей. Разумеется, что я вполне воспользовался ее позволением – и сперва навещал ее по одному разу в день, потом утром и вечером,

а наконец через месяц или более мы сделались почти неразлучными.

В мои лета смешно было бы хвастать любовными интригами! Кто их не имел в жизни! Но, вспоминая прошлое, нельзя же, из ложной скромности, пропускать обстоятельства, имевшие сильное влияние на целую жизнь. Русская поговорка гласит: "Слова из песни не выкинешь!" – Конечно, в Петербурге, и особенно в гвардии, были тысячи людей, которые почли бы себя счастливыми, если бы могли подружиться с такою прелестною женщиною, какова была Шарлота, и она могла бы выбирать из тысячи – но так случилось, что выбор пал на меня. – Кажется, что, в начале нашей дружбы, она забыла политику, генерала Савари, Наполеона, свою инструкцию – и подружилась со мною, как дружатся молодые люди... Наши нравы и характеры чрезвычайно гармонировали. Она была нрава веселого, но любила иногда переноситься в мир фантазии, мечтать – и мы то хохотали, то плакали вместе... Я был всегда с нею вежлив, почтителен, услужлив, старался не причинять ей ни малейшего неудовольствия, предупреждал ее желанья, хотя она формально запретила мне делать какие-либо издержки, и даже гневалась, когда я привозил лакомства, говоря, что она довольно богата, и сама может удовлетворять всем своим прихотям. – Для женщины с нежным чувством – первое достоинство в мужчине – покорность ее воле и пламенная любовь, которая, однако ж, никогда не выходит за пределы почтительности – и это именно

Шарлота нашла во мне.

Я ни перед кем не хвастал моим счастьем, напротив, как скупец, старался скрывать мое сокровище; однако ж эта связь не могла скрыться от пронизательных взоров молодежи. Некоторые товарищи мои видели меня с Шарлотой в театре, потому что она велела мне ходить к нею в ложу, видели меня с нею в маскарадах, на концертах, на прогулках – завидовали, поздравляли... Хотя это мне было крайне досадно, но переменить хода этого дела было невозможно. Раз только, слова одного из офицеров свиты генерала Савари (бессменного ординарца при Наполеоне, полковника Талуэ (Talhouet), отлично принятого в доме Александра Львовича Нарышкина) произвели на меня впечатление. – "Я вас часто вижу с баронессою Р". – сказал он мне. – "Да, я так счастлив, что пользуюсь ее снисходительным вниманием (bienveillance)", отвечал я. – "Советую вам припомнить всю вашу мифологию – историю Калипсы, Цирцеи, сирен и т. п". – примолвил он, улыбаясь. Сперва я принял это за обыкновенную шутку; но когда Г.Талуэ, в другой раз встретясь со мною, сказал мне серьезно: "пораздумайте о том, что я уже сказал вам однажды" – я в самом деле призадумался, но наконец решил, что верно Г.Талуэ предостерегает меня насчет женитьбы, зная о какой-нибудь прежней любовной интриге баронессы. Потом я подумал, что, быть может, Г.Талуэ говорит с досады (par depot) – и перестал думать об этом.

Шарлота рассказала мне целый роман о своей жизни. По

ее словам, она вышла замуж, в весьма молодых годах, за богатого старика, в угодность родителям. Один ненавистный ей человек, но сильный при дворе Наполеона, влюбился в нее и стал ее преследовать, и наконец подговорил какого-то удальца обидеть ее мужа и вызвать на дуэль. Муж не согласился драться, и решился уехать с нею в Америку, но она в это время заболела, а потому муж уехал один, чтоб приготовить все к их водворению в Нью-Йорке – и умер в Гаване, оставив ей завещанием половину своего имения. Выздоровев, она немедленно уехала в Россию, чтоб избавиться от преследований ненавистного ей человека... Я всему верил, да и не имел причины подозревать ее во лжи! Что я был за важное лицо, чтоб для меня нарочно выдумывали сказки!..

Но если сверх чаяния и ожидания, дружба с ловкою и прелестною француженкою не стоила мне денег, то все же она обошлась мне чрезвычайно дорого. Я лишился благосклонности моих добрых и снисходительных начальников, за частые отлучки из эскадрона и упущения по службе. Эскадрон стоял сперва в Стрельне, потом в Петергофе – и офицеры, желавшие ехать в Петербург, должны были проситься у его высочества и получать от него билеты, за его подписью, как я говорил уже об этом. Я по несколько раз в неделю ездил в Петербург, следовательно, не мог так часто просить позволения. Бывало, выеду в 10 или в 11 часов, после развода (назначавшегося обыкновенно в 9 часов) – и возвращаюсь на другой день, к разводу. Иногда случалось опаздывать. В

Петербурге меня видели в маскарадах, в театре, на гульбищах – и наконец все это дошло до начальников, которые, видя, что предостережения и наставления не действуют, стали поступать со мною круто, как я заслуживал. Несколько раз я намеревался отказаться от этой связи – но я был в когтях демона-соблазнителя, усыпившего во мне рассудок и твердую волю. Одно слово, один взгляд волшебницы, записочка ее руки – заставляли меня забывать все.

Невзирая на скопление трудных для России политических обстоятельств, в Петербурге было тогда шумно и весело. Государю угодно было, чтоб столица веселилась, может быть и для показания Европе, что в России нет того уныния, о котором разглашали в Европе противники Наполеона. Балы в знатных домах, у иностранных послов, в дома богатых купцов, чужеземного происхождения, и у банкиров бывали еще чаще, чем перед войной. Почти везде, особенно к купцам и банкирам, чрез полковых командиров приглашаемы были гвардейские офицеры, даже незнакомые в доме. На балы к купцам и банкирам привыкли уже ездить знатные сановники, потому что сам император удостоивал их своим посещением. – Кто не помнит великолепных праздников тогдашнего откупщика Авраама Израилевича Перца и придворного банкира барона Раля, кончивших свою жизнь и поприще, на нашей памяти, в положении весьма близком к бедности! Банкирские дома Молво, братьев Севериных – теперь уже не существуют, а тогда это были колоссы нашей биржи. Контин-

ментальная система висела, как грозная туча над нашей торговлей, но громы слышны были только вдали и еще не разразились над нашею биржею.

Отечественная война 1812 года, богатая славными последствиями, но ниспровергшая многие частные достояния, была видима только пронизательным взорам, как огненная точка на горизонте... Денег и товаров было много в запасе, и новый источник богатства – подряды на поставку различных потребностей для армий – обещал неисчислимые выгоды частным людям. Винные откупа обогащали откупщиков и тех, которые должны были наблюдать за ходом откупных дел. Деньги кругообращались в государстве. Уже курс серебряных рублей начал изменяться, но еще не дошел до той степени, до которой достиг после 1812 года, т. е. ассигнации наши еще не дошли до четвертой части нарицательной стоимости.

В тогдашней бедной Стрельненской слободе было тесно от множества офицеров. Его высочество был инспектором всей кавалерии, и из всех кавалерийских полков призваны были по одному штаб-офицеру и по два обер-офицера, для знания порядка кавалерийской службы, как сказано было в официальной бумаге. Разумеется, что из полков высланы были лучшие офицеры – и потому в Стрельне было самое приятное и самое веселое офицерское общество, какое когда-либо бывало в армии. Кто был в Стрельне в это время, никогда не забудет ее. Здесь завязалась между многими офи-

церами дружба, продолжавшаяся во всю жизнь. – Адьютантами при его высочестве были: Лейб-гвардии конного полка полковник Олсуфьев и ротмистр Федор Петрович Опочинин (ныне действительный тайный советник и член Государственного совета). Они были первые любимцы его высочества и доверенные его лица. Из других адъютантов, ротмистр Шперберг был всегда в откомандировке, за ремонтом. Ротмистр Гинц управлял инспекторскою канцелярией, подполковник нашего полка А.С.Шульгин (переведенный из эскадрона московских полицейских драгунов) употребляем был более для посылок, а полковник Астраханского гренадерского полка граф Миних, потомок знаменитого фельдмаршала, занимался обучением уланов и конногвардейцев пехотной службе, которую тогда плохо разумели в кавалерии. Из Сумского гусарского полка, для изучения порядка службы, прислан был подполковник Алексей Николаевич Потапов (ныне генерал от кавалерии и член Государственного совета), прославившийся подвигами необыкновенного мужества в последнюю войну, и отличный служака, которого его высочество особенно полюбил и взял к себе в адъютанты. В это же время назначен был адъютантом ротмистр князь Кудашев.

Офицеры собирались, по-прежнему, на почтовой станции, потому что другого трактира не было в Сгрельне, а знакомые с графом Станиславом Феликсовичем Потоцким¹⁰⁰

¹⁰⁰ Он все еще был поручиком конной гвардии и непомерно толст. Под конец жизни он лишился своей необыкновенной тучности.

проводили у него время и лакомились его лукулловскими обедами, каких никто не давал в Петербурге. Граф был холост, проживал в год до полумиллиона рублей ассигнациями, и был первый гастроном своего времени, остроумен, весельчак и чрезвычайно любезен в обращении. Граф был ко мне весьма ласков, отчасти, может быть, и по землячеству, отчасти по своему знакомству с графом Валицким, и пригласил меня к себе, раз навсегда. Охотно пользовался я его снисходительностью и часто занимал место за его роскошным столом. У графа Станислава Феликсовича Потоцкого видал я все, что было лучшего в гвардии и между флигель-адъютантами; в его доме познакомился я с графом Александром Христофоровичем Бенкендорфом, который был ко мне необыкновенно милостив и даже более нежели снисходителен, до самой своей кончины. За то и я любил его душевно, и чту память его, потому что знал коротко его благородную, рыцарскую душу!

Со слезами истинной горести положил я цветок на его могиле! Не думал и не гадал я тогда, что мне придется писать его биографию! – Из всех тогдашних собеседников графа Станислава Феликсовича Потоцкого немного осталось в живых, да и из всех тогдашних стрельненских офицеров едва двадцатая часть смотрит еще на солнце! Все слегло в могилу, большею частью преждевременную!..

Однажды, за обеденным столом, граф Потоцкий стал подшучивать над одним флигель-адъютантом, бывшим в корот-

ких связей с знаменитою французскою трагическою актрисою, мадемуазель Жорж, которая была тогда в полном цвете красоты и в полной своей славе. Когда шутки рикошетами обратились на самого графа, он сказал: "Но все же я ужасно боюсь связей с француженками! Это застрельщицы Наполеона – и я готов биться об заклад, что все они, или по крайней мере, три четверти – шпионки... Меня предостерегли люди, которые очень хорошо знают это дело..." – Слова эти, как говорится, я намотал себе на ус. Ослепленный моею страстью – я несколько прозрел!..

Через несколько недель после нашей дружбы, Шарлота хотела знать мнение мое о Наполеоне, и я сказал откровенно, что думал, а именно, что почитаю его величайшим гением нашего века, как полководца и как правителя, сокрушившего гидру революции, которую я всегда ненавидел и ненавижу, восстановившего веру, порядок и безопасность, но желал бы, для блага и славы самого Наполеона, чтоб он укротил свое честолюбие и, довольствуясь Францией и сиротою Италией, оставил в покое другие народы... После этого объяснения, дней за десять до обеда графа Потоцкого, Шарлота стала расхваливать передо мною нашу конницу и спросила у меня, сколько у нас всей кавалерии. Я не мог ей отвечать на память. "А я и забыла тебе сказать", примолвила она, "что у меня есть в Париже двоюродный брат, который занимается составлением общей европейской статистики, и просил меня сообщить ему некоторые статистические известия о Рос-

сии... Труд этот, если будет хорош, доставит ему счастье... Возьмись, любезный друг, собрать сведения. Вот, например, о вашей коннице тебе весьма легко будет собрать известия в канцелярии вашего шефа... Возьми эту бумажку и отвечай мне на вопросы..." Я легкомысленно обещал и взял четвертушку бумаги, на которой было десятка с два вопросов, и не читая положил в карман... Молодо-зелено! – Но как всякие справки в этом роде были для меня трудная задача, то я и не торопился, ожидая удобного случая, т. е. встречи с людьми, которые могли бы отвечать основательно на эти статистические вопросы. Однако ж я прочел их, бегло, дома, но мне и на ум не пришло какое-либо дурное намерение со стороны Шарлоты!

Слышанное от графа Потоцкого возбудило во мне сомнения... Я стал внимательно перечитывать вопросы – и при этом случае вспомнил предостережение доброго Талуэ, насчет Калипсы, Цирцеи и сирен! Это означало явно – погибель от безрассудной любви! – И точно, вопросы, при внимательном рассмотрении, показались мне весьма странными, даже подозрительными, и вовсе чуждыми статистике. Например, в вопросе о кавалерии – надлежало объяснить комплект полка и означить, сколько рекрут поступило в полк, после войны. – Спрашивалось также: какой комплект артиллерии при стотысячной армии?.. Всего теперь не вспомню. Но что более всего меня поразило – это вопрос: каким образом получают и распространяются в России английские

журналы и брошюры, и где именно центр английских приверженцев?.. Почему этот вопрос касался статистики?.. Дело показалось мне ясным – но я все еще не хотел верить дурному намерению, и полагал, что сама Шарлота могла быть обманута. Прежде всего я решился посоветоваться с зятем моим, А.М.И., человеком необыкновенно умным, проницательным и холодным – и на другой день отправился в Петербург.

"Что бы вы подумали, если бы эти вопросы предложены были вам французом?" спросил я у зятя, подав ему бумагу. Он прочел и сказал решительно: "Вопросы эти предложены политическим шпионом недогадливому человеку, который может за это заплатить честью и всею своею карьерою..." – "Недогадливый – это я: однако ж я ничем платить не намерен, потому что отвечать не стану". – "Но ты должен объявить..." примолвил он. – "Вот тогда-то именно я лишился бы чести", возразил я: "потому что вопросы предложены мне женщиной, которую я обожаю до сей минуты..." – "Делай, как хочешь, но я предостерегаю тебя, что это дело весьма опасное", примолвил он: "надобно быть безумным, чтоб не видеть в этих вопросах политической цели..." Я простился с зятем, и поехал к Шарлоте.

Происшествие это до того меня растревожило, что она, по лицу моему, угадала, что со мною случилось что-нибудь весьма неприятное. – "Что с тобою?" спросила она, с беспокойством. – "Садись и переговорим!" сказал я холодно. Мы

сели друг против друга; она на софе, а я на стуле, возле столика. – "Мог ли я думать, что наша дружба должна кончиться – моею погибелью?". – "Не понимаю!" возразила она. – "Что означают твои, так называемые статистические вопросы#... Шарлота... я все знаю... все открылось!". Она побледнела, как полотно, и судорожные движения появились в лице ее. Неподвижными глазами смотрела она на меня. – "Ты погубил меня!", сказала она тихим, прерывающимся голосом – зарыдала и упала на софу, повторяя: "о я несчастная, о я безрассудная!.." Прибежала тетка ее, и мы вместе стали помогать Шарлоте. – "Я не погубил и не погублю тебя... но, ради Бога, успокойся – и выслушай меня!" Через полчаса она успокоилась – но так изменилась в лице, как будто после шестимесячной тяжелой болезни. Видно, что она была неопытна в своем ремесле, и что занялась им вопреки своим чувствам. – "Без объяснений!" сказал я: "уезжай отсюда – и дело этим кончится. Но если ты останешься здесь еще неделю – я ни за что не ручаюсь... Помни, что к России прилегает... Сибирь!" Она снова расплакалась, и даже хотела смягчить меня различными софизмами, особенно надеждами поляков, благодарностью Наполеона и т. п.

"Если б я не почитал Наполеона честным человеком – то при всей его славе и гениальности, я презирал бы его, так как и он, без всякого сомнения, презирает каждого изменника и шпиона... Под русскими знаменами нет чужеземцев – и каждый, кто надел русский мундир – тот уже русский, и дол-

жен быть верен своему государю и России. Насильно здесь не удерживают – но жить, служить в России и употреблять во вред ей чью бы ни было доверенность – это верх подлости!.. И я прошу тебя, в последний раз, замолчать и повиноваться безусловно моему предложению, потому что каждое твое слово есть для меня оскорбление!.. Или обратно во Францию, или в Сибирь... выбирай!". – "Еду во Францию", сказала она тихо, и, бросив на меня самый нежный, т. е. самый убийственный взгляд, примолвила: "но неужели мы расстанемся врагами?" – "Дружбы между нами уже быть не может, после того, как ты захотела употребить ее на мою погибель и бесчестье – а вражду приношу я в жертву прежнему... Прощай – и собирайся в дорогу!". Она хотела остановить меня, но я вырвался и стремглав побежал с лестницы... Должен ли я сознаться в слабости! Я сам заплакал, и сев в сани, велел везти себя, без всякой цели, на Петербургскую сторону, а потом переехал на Крестовский остров и остался там до вечера, расхаживая один по пустой дороге. – Мне было жаль расстаться с Шарлотой... досадно, что это случилось... но делать было нечего! Ночью я возвратился в Петергоф – и с горя принялся за службу. Мой ротмистр удивлялся, что я не выходил из конюшни и из манежа, первый являлся на развод, не пропускал даже унтер-офицерского ученья, ни одной поездки...

Через десять дней после этого происшествия, я получил позволение съездить на сутки в Петербург. Шарлоты уже не

было на ее квартире. Я справился в канцелярии военного генерал-губернатора, и узнал, что ей была выдана, по записке французского посла, подорожная, чрез Москву, до Брод... Она уехала в Вену, сказали мне в магазине г-жи Ксавье, ее приятельницы, где она забирала модные товары. Я сжег все записки – и тем это дело кончилось. – Пусть это происшествие послужит уроком не только молодым людям, но и старикам – любителям коротких связей с иноземками. Иногда безвинно можно навлечь на себя большое несчастье. Хорошо, что я так счастливо отделался!

Припоминаю одно трагикомическое приключение, случившееся со мною в то время, когда я был в дружбе с этою сиреною, которой я повиновался безусловно. Шарлота была в большой дружбе с несколькими француженками, содержательницами модных магазинов, актрисами и некоторыми женщинами-щеголихами, ловкими, умными, которых занятия были мне неизвестны. Между ними особенно памятны мне мадам Ксавье, женщина необыкновенно высокого роста, величественного вида, тогда уже на отлете, но сохранившая следы необыкновенной красоты. Говорили, что во время Французской революции, когда безумцы уничтожали во Франции христианскую веру, г-жа Ксавье, имевшая тогда другое прозвание, избрана была Робеспьером и его сообщниками, составлявшими Комитет общественной безопасности (Comite du salut public), для разыгрывания роли богини Разума – и разъезжала на торжественной колеснице по Па-

рижу. Я однажды спросил у мадам Ксавье, справедливо ли это – и она отвечала мне шуткою: "Et pourquoi pas! (а почему же нет!) Разве я не создана для роли богини!"

Г-жа Ксавье была женщина необыкновенного ума, умела свести весьма короткое знакомство со многими из русских дам, и даже езжала к некоторым из них в дом, когда они принимали только самые короткие и близкие лица. – О связях мадам Ксавье говорили, кажется, более даже, чем было в самом деле – но справедливо, что в ее квартире бывали иногда свидания, между лицами, которые не могли сходиться явно. Другая приятельница Шарлоты, также содержательница модного магазина, была мадам ####. Не могу назвать ее, потому что дочь ее вышла замуж за русского дворянина, человека отличного. Другой короткой приятельницы Шарлоты г-жи #####, я также не должен называть по имени. Дети и внуки их люди порядочные и не должны отвечать за юность своих бабушек или маменек. Шарлоте вздумалось ехать, с дочерью мадам #### и госпожою #####, в маскарад, к Фельету, и мне надлежало быть их кавалером. За неделю вперед говорили, что маскарад будет блистательный, и что там будет весь дипломатический корпус и вся наша знать. Мои дамы собирались мистифицировать важные лица, следовательно надлежало и мне маскироваться, чтоб по мне и их не узнали. Долго рассуждали о костюме и решились, чтоб я оделся диким американцем – а они креолками. У театрального костюмера Г. Натье, я выбрал для себя богатый костюм, трико, коричнево-

го цвета, пояс и головной убор из страусовых разноцветных перьев и плащ из настоящей тигровой шкуры. При этом были, разумеется, колчан с стрелами, лук, булава и несколько снурков кораллов, на шею.

В день маскарада, к вечеру мне принесли мой костюм, и я, нарядившись в него, захотел похвастать перед товарищами и в 8 часов вечера отправился в конногвардейские казармы, к искреннему приятелю моему, поручику Фашу (нашего лейб-эскадрона), домоседу, у которого всегда почти по вечерам собирались офицеры. Поверх моего костюма я надел офицерскую шинель, в один рукав, и уланскую шапку. Пробыв с час у Фаша, с офицерами, я вознамерился ехать к моим дамам. Вышед на лестницу, услышал я звуки шпор внизу. Я остановился на повороте лестницы, возле фонаря – и вдруг его высочество цесаревич взбежал на лестницу, и, увидев меня, остановился... 'Надлежало взяться за козырек шапки... я поднял руку – и мой американский костюм блеснул во всей красе!.. Делать было нечего – попался! – Его высочество велел мне подождать себя на лестнице, а сам пошел в полковую канцелярию, через несколько минут воротился и сказал мне: "Ступай за мною!" Я повиновался. Его высочество был с адъютантом своим полковником Олсуфьевым; они сели в сани – а его высочество сказал мне: "Становись на запятки!" Я исполнил его приказание. – "Пошел в Мраморный дворец!" – и сани понеслись. – Вот те и маскарад – на гауптвахте! – подумал я.

В нижнем этаже Мраморного дворца жил тогда сенатор граф Иллинский, которого его высочество узнал коротко и полюбил, когда граф Иллинский был бессменным дежурным камергером в Гатчине, у высокого его родителя, бывшего тогда наследником престола. Графиня Иллинская, полька, премилая, умная дама, принимала у себя общество, которое нравилось его высочеству – и это развлекало его, когда он приезжал из Стрельни в Петербург. Графиня Иллинская была особенно дружна с княжною Жанеттою Антоновною Четвертинскою (младшей сестрою Марии Антоновны Нарышкиной, вышедшею после замуж за пожилого польского дворянина Вышковского) – и с некоторыми другими польками. В доме графа Иллинского, правильнее графини, потому что сам он мало занимался обществом – был совершенно польский тон, непринужденность, веселость, шутки и откровенное гостеприимство. – Душою этого общества была княжна Ж.А.Четвертинская.

Когда сани подъехали к крыльцу, я соскочил с запяток и ждал, пока его высочество прикажет мне идти на гауптвахту – но чрезвычайно удивился, когда он велел мне следовать за собою в комнаты. Сняв шинель в передней, его высочество велел и мне сделать то же и идти за ним.

В этот вечер было у графини Иллинской общество, которое собиралось ехать в маскарад, к Фельету, несколькими кадрилями. Комнаты были, как водится, ярко освещены. – Я держал в одной руке мою уланскую шапку, а в другой –

мой американский головной убор. Его высочество велел мне надеть его, ввел меня, за руку, в гостиную, представил дамам, сказав: "Voilà, mesdames, un echantillon du regiment que j'ai l'honneur de commander!" (т. е. вот образчик полка, которым я имею честь командовать!) – и примолвил, улыбаясь. "виноват – сам я не успел еще обмундироваться!" Потом обратясь к графине Иллинской, прибавил: "с'est pourtant votre protege!" (т. е. это, однако ж, покровительствуемый вами). – Я поклонился дамам – и в безмолвии ожидал своей участи.

Графиня Иллинская была в хороших отношениях с сестрою моею Антониною и с графом Валицким, знала меня – и даже без моей просьбы и без моего ведома, несколько раз просила его высочество, быть снисходительным к моей молодости. Умные поляки начали хохотать и хотели обратить дело в шутку: но я нарушил законы дисциплины¹⁰¹ – а его высочество не любил этого. Обратясь ко мне, он сказал: «извольте, сударь, идти!» – «На которую прикажете?» спросил я. Эта догадка, что я должен непременно идти на гауптвахту рассмешила цесаревича – а мое сознание в вине смягчило его. – «Можете выбирать!» сказал он, отвернувшись от меня и смеясь. Я вышел, намереваясь возвратиться в Петергоф, но выбежавший за мною лакей сказал мне, от имени графини Иллинской, чтоб я подождал в сенях. Между тем дамы

¹⁰¹ Офицерам позволено было костюмироваться в маскараде – но они должны были не снимать маски и приезжать в маскарад уже замаскированные. Разбегать же по городу в костюме – значило нарушение формы.

стали упрашивать великого князя, чтоб он простил меня – и его высочество согласился. Меня снова призвали в зал – и его высочество, сказав, что прощает мне в последний раз подобную шалость, приказал немедленно ехать в эскадрон.

Я заехал к моим дамам, которые с нетерпением ожидали меня, и рассказал им случившееся со мною. Тщетно уговаривали они меня переменить костюм, ехать с ними в маскарад, и к утру возвратиться в Петергоф – я не согласился, совестясь обманом заплатить его высочеству за великодушное прощение – поехал немедленно в эскадрон, и в Петергофе, на гауптвахте, просил записать час и минуту, когда я прибыл, а потом уже отправился на квартиру. Как я предвидел, так и случилось. Его высочество велел справиться, в какую пору я приехал в Петергоф, и когда ему представили книгу¹⁰², с гауптвахты – он остался доволен.

Говоря о маскарадах, составлявших тогда одно из главных увеселений столицы, я должен рассказать о происшествии, которое наделало, в свое время, много шума, было рассказываемо и даже описываемо различным образом, а именно – о мертвце, в маскараде Фельета. Происшествие это годилось бы в роман А. Дюма или Евгения Сю.

Я уже говорил о доме Кушелева (на Дворцовой площади, где ныне здание главного штаба его императорского величе-

¹⁰² В Стрельне и Петергофе на гауптвахтах были книги, в которые записывались все необыкновенные происшествия. Этот журнал был весьма полезен во многих случаях.

ства), нашем Палерояле, в миниатюре. Комнаты, в которых Фельет давал маскарады, расположены были вокруг коридора. По сторонам, в углублении, были небольшие комнаты, для отдохновения, а для танцев две большие залы. Выходов было четыре. Комнаты меблированы были хотя не так богато, как в доме г-на Энгельгардта, когда там начались маскарады, но со вкусом – и что важнее, в комнатах Фельета было много уютности (комфорта). Веселились тогда шумно. Обедали и ужинали гораздо раньше нынешнего – но когда веселились, то не смотрели на часы. Мы помнили хорошо, что время дал нам Бог на радость, а часы – люди выдумали!

В 11 часов вечера несколько молодых людей оканчивали ужин возлияниями Бахусу. Предлагали различные тосты. – "Я слышал, что ты хотел жениться, в провинции", сказал один молодой человек своему товарищу: "не выпить ли за здоровье твоей невесты!" – "Древняя история!" возразил товарищ. "На всех хорошеньких нельзя жениться. Это была игра фантазии... занятие от скуки: *passé-temps!* – В деревне я нашел премиленькую соседку, вдовушку, и мы подружились, на время моего отпуска... Соседки разболтали, что я жених... и я от страха – бежал из деревни..." – "Но я слышал, что ты дал слово, формальное обещание", возразил молодой человек. – "Любовные клятвы записываются, как говорили поэты, стрелой Амура, на морских волнах... подул ветер – и клятва исчезла!". В это время женская маска (черное домино) приблизилась к столу и ударила молодого чело-

века по плечу. Молодой человек, не кончив речи, оглянувшись – и черное домино, погрозив ему пальцем, прошло мимо. – "Вот, кстати, предлагаю вам последний тост: за здоровье этой маски и за благие надежды!" сказал молодой человек. "Это должна быть прелестная женщина!" продолжал он. "Она мистифирует меня целый вечер – и я решил, во что бы ни стало, узнать, кто она". – Выпив последний бокал, молодой человек, угощавший своих приятелей, отдал одному из них сторублевую ассигнацию, прося рассчитаться, и вскочил из-за стола, извинившись, что должен продолжать свой роман с черным домино. Замаскированная дама, казалось, ждала его, в углу комнаты, и когда он подошел к ней, подала ему руку... Они пошли расхаживать по комнатам.

Маскарадная любовь и вино – родные сестры. Согретый шампанским, молодой человек сделался во сто раз смелее, и стал прямо изъясняться в любви, обещая, разумеется, все... верность, покорность и целое Эльдorado, с золотыми горами! Маска хохотала. "Я слышала, как ты рассуждал о любви и верности", сказала она: "и твой образ мыслей, на этот счет, не может возбудить в женщине доверенности!". – "Ты ничего не слышала", отвечал молодой человек: "мало ли что говорится в приятельской беседе!" – "Но тебя упрекали, что ты дал слово жениться и не сдержал обещания..." – "Какое это обещание! Шутка и только!" – "Но разве можно шутить честью и спокойствием женщины?" – "Полно серьезничать и морализировать – теперь не пора и не место!.. Если бы я

нашел такую умную женщину, как ты, милая маска, и хоть сотую долю красоты, в сравнении с умом – то сдержал бы слово". – "А разве та женщина, которой ты дал слово, была глупа и безобразна?" – "Нет! но слишком чувствительна – а я не люблю плаксивых..." – "А, ты не любишь чувствительных!". – В этом духе продолжался разговор, пока наконец молодой человек решился просить у маски позволения проводить ее до дому, предлагая ей свой экипаж. – "Согласна, чтоб ты проводил меня до дому, но в моем экипаже" – и они вышли в сени.

Молодой человек чрезвычайно удивился, увидев, что и лакей, державший салоп дамы, был замаскирован. Этого он еще не встречал в своей жизни, и потому, ведя даму, под руку, с лестницы, изъявил ей свое удивление. – "Тут нет ничего удивительного; зачем же и маскироваться, если по прислуге и экипажу можно узнать, кто под маской... Вы здесь не одни – и я не хочу, чтоб некоторые люди меня узнали..." Карета, запряженная четверкой лихих коней, стояла на углу Большой Морской; они сели в карету, и дама сказала лакею: "поскорее домой!" Лошади понеслись во всю прыть.

В экипаже молодой человек и дама переменили тон. Они уже говорили друг другу: вы. Молодой человек, почитая себя счастливым, нежничал, дама отвечала чрезвычайно остроумно, как бы ободряя молодого человека и утверждая его в надеждах, но не подавала никакого повода к вольностям: напротив, удерживала его в границах. Напрасно просил он,

чтоб она сняла маску. – "Будет еще довольно времени!" говорила дама. Как она ни занимала молодого человека разговорами, но все же ему показалось, что они едут очень долго, и он не мог удержаться, чтоб не сказать: "вы очень далеко живете!" – "На даче, за городом", отвечала дама. – "Зимою?" – "Всегда!" Там тихо и спокойно!" Это еще более воспламенило воображение молодого человека. Он воображал себе счастье, которым он будет наслаждаться, в уединении, с прелестною и умною женщиною – и сгорал от нетерпенья приехать скорее на место.

Наконец карета остановилась. Лакей отпер дверцы, и молодой человек, вышед после дамы, крайне изумился, когда увидел, что они – на Смоленском кладбище. – "Не бойтесь!" сказала дама. "Здесь я сниму маску, и если я вам понравлюсь, то вы должны дать мне слово на гробе – в верности!.. Иначе я оставлю вас здесь и уеду!". Молодой человек согласился. Они вошли в ограду, и дама привела его к свежей яме, еще раскрытой, и сняла маску... Молодой человек взглянул и обомлел от ужаса... это была мертвая голова!.. Дама протянула руку к молодому человеку – это был – скелет!.. До сих пор дама говорила поддельным голосом, а теперь она заговорила своим – и он узнал голос женщины, им обманутой, которой он обещал жениться... "Обман твой свел меня в могилу!" сказала она важно: – "и я явилась из гроба, чтоб в последний раз упрекнуть тебя в гнусном обмане и предать навеки проклятию!.. Лишить женщину доброго име-

ни – есть преступление выше смертоубийства!.. Ты обманул меня, отравил мое спокойствие, покрыл стыдом единственное дитя мое..." Она не договорила – и уже молодой человек лежал без чувств у ног ее...

Когда он пришел в себя – он лежал в постели, у себя дома. Сердце его сильно забилося, когда он увидел сидящую возле его постели ту самую женщину, которой дал слово жениться и которая явилась ему мертвецом на кладбище. Он хотел говорить, но дама, приложив палец к устам своим, дала знать, что это ему запрещено. Послали поспешно за доктором, который скоро явился и объявил, что кризис кончился, и что он ручается за жизнь больного. Девять суток пролежал он в беспамятстве, в нервной горячке, и обманутая им женщина не отходила ни на минуту от его постели. Наконец настало выздоравливание и примирение – и первый выезд молодого человека был в церковь, под венец. Женившись, он немедленно уехал, с молодою и прекрасною женою, в деревню, чтобы избавиться толков и расспросов.

Так рассказывали этот случай, объясняя дело следующим образом. Молодая вдова знала, что обманувший ее любовник чрезвычайно суеверен, и притом волокита. Начитавшись, вероятно, тогдашних модных романов г-жи Радклейф, в которых мертвецы играли первые роли, она вздумала отомстить романтически неверному. Приехав в Петербург, она разведала о всех привычках его и решилась сыграть с ним шутку, избрав маскарад для ее начала. Она заказала маску,

мертвую голову, и род перчаток, в виде кисти скелета, и надела перед тем временем, как решила выехать из маскарада, прикрыв мертвую голову обыкновенною маскою. Дама думала только напугать молодого человека и высказать ему нравоучение, на могиле, но последствия превзошли ее предположения – и молодой человек едва не лишился жизни. Она сама отвезла его домой, поселилась у него до выздоровления – и потом созналась в своей вине, и просила прощения. Молодой человек, имев время раздумать о своем поступке, решил исправить его – и дело кончилось благополучно. Я слышал недавно, что оба они не раскаивались и дожили счастливо до старости.

Справедливо ли это происшествие или нет – не мое дело. Так рассказывали тогда. – Вообще в то время в обществах не все обязаны были играть в карты, и тогда еще умели беседовать и любили рассказы. Теперь юноши живут и ведут себя, как старики, студенты играют отлично в карты, во все игры; безбородые мальчики пьют шампанское, как воду, и почитают, что делают одолжение хозяйке, когда передвигают ноги, не в такт, под музыку. Дети курят теперь сигары, как негры на табачной фабрике, в Америке! – Тогда юноша и молодая дама не смели сесть за карточный столик; они или танцевали, или занимались разговорами, музыкаю. Хорошие рассказчики высоко ценились, и многие этим качеством вышли в люди, как теперь выходят пикетом и преферансом.

Вот другое совершенно справедливое происшествие, ко-

торое в то же почти время наделало шума в столице. В царствование императрицы Екатерины II, некто титулярный советник Назаров или Лазарев (не помню точно прозвания) имел собственный дом на Екатерининском канале, и отдавал в наймы разные квартиры, с мебелью и без мебели. Наняли у него две комнаты, на дворе, приехавшие из Малороссии, паныч, молодой человек лет восемнадцати, со своим воспитателем, поповичем. В одно воскресенье приезжие пошли в церковь и около полудня воротился один паныч. Хлебосольный хозяин запросил его к себе, на завтрак, и принудил выпить рюмку или две водки. Молодой человек опьянел и пошел спать. Хозяин проводил его в квартиру и оставался там с полчаса времени. Никто не видел, когда возвратился воспитатель паныча; но когда начало смеркаться, на дворе раздался вопль и крик: "убили, зарезали!" Хозяин и многие жильцы выбежали на двор и увидели воспитателя, в отчаянье рвущего на себе волосы и с горьким плачем вопиющего: "убили, зарезали мое детище, моего питомца!" Вошли в квартиру и увидели среди комнаты обезглавленный труп несчастного молодого человека, в луже крови, и возле трупа топор. Комод был разломан и вещи разбросаны по полу. Послали за полицией, и началось следствие.

Где был молодой человек по возвращении из церкви? У хозяина дома, который принудил его выпить с ним водки, хотя молодой человек отговаривался. Это показала служанка хозяина, и сам хозяин сознался. Молодой человек пошел

хмельной в свою квартиру, и хозяин проводил его и оставался с ним наедине. – Каким образом воспитатель вошел в квартиру, когда она была заперта? Он показал другой ключ, который нарочно был им заказан, чтоб одному не ждать другого, если они возвратятся домой не вместе. Хозяин знал об этом и посылал своего дворника к слесарю. – Чей был топор? – Дворника. Это показали жильцы, и сам дворник сознался. Один из жильцов показал, что во время отсутствия воспитателя, видел возле дверей малороссиян сына дворника. – Воспитатель объявил, под присягою, что отец молодого человека поверил ему 15 000 рублей, для уплаты одному малороссийскому помещику, за купленную у него землю, с мельницею, но что этот помещик, служивший в гвардии, был тогда в командировке, а потому деньги лежали в комод. Хозяин не отпирался, что воспитатель говорил ему об этих деньгах, прося, чтоб он приказал присматривать за квартирою, во время их отсутствия. – Молодой человек отлучался часто и проживал дни у своей тетки, на Васильевском острове, а воспитатель проводил время у своих знакомых, старинных совоспитанников семинарии. – После следствия посадили в тюрьму хозяина квартиры, дворника и его сына, и началось уголовное дело.

Когда это дело производилось, уже не было формальной пытки или застенка, но еще существовали, так называемые, допросы, с родительским увещанием, употребляемые в таких только случаях, когда улики были явные и запиратель-

ство приписываемо было ожесточению преступника. Кормили сельдями и запирали в истопленную баню, заставляя терпеть мучительную жажду, и допрашивали под розгами, веря, что розгами костей не изломишь. Благодаря Бога, времена эти прошли! Сын дворника не вытерпел, однако ж, этих человеколюбивых средств к открытию истины – и умер, после нескольких допросов. Самого дворника присудили к обыкновенному наказанию и ссылке, а хозяина дома – к лишению чинов и вечной ссылке на каторжную работу. Дом поступил во владение к дальним родственникам, потому что хозяин был вдовец и не имел детей.

Прошло с лишком двадцать лет. Воспитатель убитого молодого человека определился, между тем, в службу, по гражданской части и уже имел чин коллежского советника. Он служил в Белоруссии или Минской губернии (не помню, где именно, но знаю, что в губерниях, возвращенных от Польши). Поехав, однажды, в отпуск, в Киевскую губернию, он возвращался оттуда с богатым купцом, в дороге зарезал его и похитил значительную сумму денег. По горячим следам преступление была открыто, и он сознался, а при допросе показал, что у него на совести тяготеет другой грех, именно убийство его воспитанника и похищение 15 000 рублей, принадлежавших отцу убитого. – Об этом донесено было государю-императору, который приказал немедленно освободить безвинных и привезти их в Петербург. Отыскивать этих несчастных поручено было тогдашнему иркутскому по-

лицеймейстеру Картанееву. Целый год бился он, пока отыскал следы их. Дворник умер на каторге, а хозяин дома, удрученный летами, измученный тяжкою работою, сделался почти бессмысленным и даже позабыл прежнее свое прозвание. Его привезли в Петербург и отдали на руки одному из первых лейб-медиков, который успел возбудить в нем угасающую искру жизни. Дом его перешел давно в третьи руки и был уже сломан; наследник умер: не с кого было взыскивать. Государь император и вся царская фамилия облагодетельствовали старика, и сверх того, во многих домах открыта была подписка в его пользу. Несчастный пришел наконец в память, и когда его спросили, чего он желает, в вознаграждение своих безвинных страданий – старик отвечал, что был бы счастлив, если бы получил – чин! Его произвели в следующий чин.

Морали тут не нужно. Во всех государствах, где даже в судьи избираются люди, изучившие юриспруденцию – случаются подобные ошибки. Здесь главное не в учености судьи, не в познании законов, не в изучении Римского права, но в изучении человечества и познании человеческого сердца. Характер человека не может быстро переломиться – и честный человек не делается мгновенно злодеем. В гневе, в ослеплении страсти, и честный человек может забыться на минуту и совершить дело противозаконно, даже противунравственное: но честный человек никогда не покусится на жизнь ближнего – из корысти. Первое следствие – осно-

вание дела, и в низших инстанциях, где производится первое исследование, должны быть самые благонамеренные и просвещенные чиновники, каковы Мирные судьи (Juge de paix) во Франции и шерифы в Англии. Сколько бедствий отвращено было бы, если б первое следствие производилось всегда людьми просвещенными, понимающими цену чести и доброго имени!

Вообще в то время в Петербурге было весьма много возвращенных из Сибири. Некоторые из них пробыли по двадцати и по тридцати лет в ссылке, без суда и следствия, быв сосланы, по большей части, временщиками, в царствование императрицы Екатерины II, которая об этом ничего не знала. – У известного откупщика Абрама Израилевича Перца я видел старика, прежнего поставщика провианта на армию, который сослан был светлейшим князем Потемкиным, за ссору с любимцем князя, откупщиком, а потом богатым помещиком могилевским, Янчиным, и пробыл в Сибири восемнадцать лет. – Старик рассказывал при мне, каким образом он попал в ссылку. Князь Потемкин, быв в Могилеве, призвал к себе старика, приехавшего для расчетов с Янчиным, и сказал ему, что он должен кончить дело в 24 часа. – "Кончу в полчаса, если меня удовлетворят", отвечал старик. – "Я верю больше Янчину, нежели тебе", сказал князь. – "Виноват поверенный Янчина, а сам Янчин не прав тем лишь, что доверил плуту, и не только не хочет рассмотреть моих счетов, но и обошелся со мной грубо", возра-

зил старик. – "Ты сам плуг", сказал князь: – "и я тебя проучу, как спорить со мною – отведите его в тюрьму!" Ночью старика посадили в кибитку и повезли прямо в Тобольск, а оттуда сослали в Березов... От него не велено было принимать никаких бумаг... При восшествии на престол императора Александра, учреждена была комиссия и посланы чиновники в Сибирь, для принятия прошений от ссыльных и исследования старых дел – и старика возвратили. Но он лишился всего своего состояния, а родные не знали даже о его существовании. Он появился между ними, как с того света! Вольтер справедливо сказал: "Quand Auguste buvait, la Pologne etait ivre!" Пример царствующего утверждает нравы народа. В то время все в России принимало характер благодости, милосердия, снисходительности и вежливости. Приближенные к государю особы перенимали его нежные формы обращения, и старались угождать его чувствованиям – и это благое направление распространялось на все сословия. Наступил перелом в нравах административных и частных, и мало-помалу начала исчезать грубость, неприступность и самоуправство. Прежде начальник никогда не говорил подчиненному иначе, как ты, и даже проситель никогда не слышал вежливого слова от сановника. У большей части сановников в приемной комнате не было даже стульев, а у иных просители должны были ждать в сенях или на улице. В присутственное место, даже в канцелярию сената страшно было войти! Сальные свечи воткнуты были в бутылки, чернила

наливались в помадные банки, песок насыпался в черепки, в плоски или в бумажные коробки; на полах лежала засохшая грязь, которую скребли иногда заступами; стены были везде закоптелые. В канцеляриях торговались, как на толкучем рынке. Растрепанные и оборванные чиновники навели ужас на просителей! Они иногда, без церемонии, шарили у них в карманах и отнимали деньги. Все это начало быстро изменяться при императоре Александре, и благое просвещение пролило лучи свои туда, где был вечный мрак. Все это было только начало – но в каждом деле оно составляет главное. Никогда не начиная, никогда не кончишь! – Сравнивая нынешнее с тем, что я видел в России, в моей юности – я едва верю своей памяти! Мы прошли огромное расстояние! Для примера я представлю, в будущих томах моих Воспоминаний, несколько картин и случаев прежнего быта, а теперь обращаюсь к важнейшему. – Манифестом 10 февраля 1808 года объявлено было России о войне со Швецией...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Некоторым из моих читателей, ищущим в чтении одной романической занимательности, может быть, не понравятся описания битв в моих воспоминаниях о Финляндской войне 1808 и 1809 годов. Однако я почел это священной моею обязанностью, и исполнил с наслаждением.

У нас есть превосходная история этой войны, написанная нашим знаменитым военным историком, его превосходительством Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским; но то, что не могло и не должно было войти в общую историю, принадлежит частным запискам, и я, как очевидный свидетель и соучастник истинно геройских подвигов русских воинов при завоевании Финляндии, вознамерился сохранить от забвения дела и имена моих храбрых товарищей и даже название полков.

В общей истории представляются только движение масс, соображения полководцев, значительные сражения и громкие дела, т. е. изображается самое яркое. Блистательные подвиги мелких офицеров и малых отрядов остаются в тени, а иногда даже вовсе не помещаются в обыкновенных реляциях с театра войны. Кажется мне, однако ж, что не только для по-

томков храброго офицера, но и для каждого просвещенного патриота должно быть приятно, если современник и очевидец припомнит былое в правдивом рассказе. Военный человек, знакомый с пороховым дымом, оценит мои описания сражений, основанные на познании местностей.

Пишу я только *отрывки* из моих *Воспоминаний*, и благонамеренный читатель поймет и рассудит, насколько я мог распространяться в делах общей политики, государственного управления и о замечательных лицах описываемой мною эпохи. Что приличиями позволено было сказать – сказано; прочее предоставляется потомству. Иногда и благонамеренный намек ведет к важным заключениям.

Едва ли есть один читатель в России, который бы не знал, какими побуждениями руководствуется современная нам журнальная критика. Обрадуются мои благоприятели, что нашелся случай к критике!.. Браните, господа, браните покрепче, собственно для вашего утешения и наслаждения! Ни читать вас, ни отвечать вам – не стану! Благонамеренные замечания приму с благодарностью, и воспользуюсь ими.

Фаддей Булгарин

Мыза Карлова,

возле Дерпта.

3-90 августа 1847 года

ГЛАВА I

Первая награда. – Общая характеристика Финляндской войны 1808 и 1809 годов. – Необходимость завоевания Финляндии. – Первая идея принадлежит Петру Великому. – Опасность близости границ от столицы империи. – Выходка шведского короля Густава IV в начале царствования императора Александра. – Мысль о распространении границы на севере существовала прежде Тильзитского мира. – Анекдот, доказывающий справедливость этого мнения. – Несогласия с Швецией после Тильзитского мира. – Войско собирается на границе. – Граф Буксгевден, назначенный главнокомандующим, вступает в шведскую Финляндию. – Физический очерк Финляндии в стратегическом отношении. – Шведское войско в Финляндии. – Первый падший воин на рубеже Финляндии. – Успехи русского войска. – Трудности похода. – Первая неудача. – Отражение Кульнева. – Истребление отрядов Булатова и Обухова. – Восстание жителей. – Затруднительное положение генерала Тучкова I. – Его отступление. – Бригадир Сандельс занимает Куопио. – Свеаборг и Свартгольм сдаются русским, на капитуляцию. – Шведы занимают снова Аландские острова. – Барклай-де-Толли получает приказание вступить со своею дивизиею в Финляндию.

В каждом звании, в каждом сословии для человека есть счастливые минуты, которые приходят только однажды и никогда уже не возвращаются. В военном звании, которому я посвятил себя от детства, – три высочайших блаженства: первый офицерский чин, первый орден, заслуженный на поле сражения, и... первая взаимная любовь. Для человека, изжившего уже своей век, утомленного жизнью, разочарованного насчет людей и дел, высокие чины, первоклассные ордена и женитьба хотя и составляют цель исканий, но доставляют рассчитанное умом удовольствие, и не трогают сердца. Юноша в первом офицерском чине видит одну свободу, в первом ордене – свидетельство, что он достоин офицерского звания, в первой взаимной любви – рай! Как я был счастлив, получив за Фридландское сражение Анненскую саблю! Не знаю, чему бы я теперь так обрадовался. Тогда ордена были весьма редки и давались только за отличие. Покровителей у меня не было. Сам государь подписывал все рескрипты, и я получил рескрипт следующего содержания, которое в первый день затвердил наизусть:

"Господин корнет Булгарин!

В воздание отличной храбрости, оказанной вами в сражениях 1-го и 2-го июня (1807 года), где вы, быв во всех атаках, поступали с примерным мужеством и решительностью, жалею вас орденом Св. Анны третьего класса, коего знаки препровождая при сем, повелеваю возложить на себя и носить по установлению, будучи уверен, что сие послужит вам по-

ощрением к вящему продолжению усердной службы вашей.

Пребываю вам благосклонный Александр".

Все новые кавалеры собрались в Мраморном дворце, и шеф наш, его высочество цесаревич, вручил каждому рескрипт и орден, и каждого из нас обнял и поцеловал, сказав на прощанье: "Поздравляю, и желаю вам больше!"

Искренно радовались все награде Старжинского, получившего в поручичьем чине Владимира с бантом. Это было тогда чрезвычайно редкое, почти неслыханное событие! Представление к награде орденами отличившихся было нам не известно, и мы получили награду неожиданно, сюрпризом. Все мы были в восторге, обнимались и целовались, и вышед из Мраморного дворца, были в таком расположении духа, что если б нам приказано было штурмовать сейчас Петропавловскую крепость, мы бросились бы на картечи, не рассуждая ни полсекунды. Тогда были другие нравы – и молодые люди не стыдились выказывать свой юношеский пламень и быть благодарными. Теперь мода повелевает казаться со всеми холодным и ко всему равнодушным. Теперь большею частью принимают награду как должное; при получении оглядываются на других, рассчитывая, кто должен был получить более, а кто менее, и почитают неприличным считать награду за милость и быть благодарными за внимание. Мы жили в нашей молодости не в английском духе и в простоте чувств наших радовались хорошему, были благодарны за добро, и если иногда ворчали, то наше неудовольствие бы-

ло мимолетное и проходило, как облако, нагнанное ветром на светлое небо. Обратимся к современным событиям.

Это была эпоха преобразования, нововведений и усовершенствований в России; но, чтобы не сбиваться в повествовании, я прежде расскажу о Финляндской кампании, а потом сообщу, что знаю из тогдашнего времени, богатого событиями и последствиями.

У нас существуют две истории Финляндской войны 1808 и 1809 годов, одна по-русски: *Описание Финляндской войны на сухом пути и на море* в 1808 и 1809 годах, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским, с двадцатью планами и картами (СПб., 1841), другая по-французски: *Precis des evenements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, dans la derniere guerre entre la Russie et la Suede*, par L.-G.C.P. de S### (St. Petersburg, 1827). Сочинение это написано покойным генерал-лейтенантом графом Павлом Петровичем Сухтелен-ом, напечатано в числе 250-ти экземпляров и не было никогда в продаже, но роздано автором приятелям и знакомым в России и в Швеции. Оба сочинения весьма важны. А.И.Михайловский-Данилевский написал Историю по официальным документам, забрав притом все необходимые справки от участвовавших в войне, и описал все события в общем составе, весьма верно и притом занимательно. Граф Павел Петрович Сухтелен сам действовал в Финляндской войне и пользовался сведениями своего родителя, ин-

женер-генерала Петра Корнилиевича Сухтеле-на, принимавшего самое деятельное участие во всех успешных распоряжениях во время этой войны по военной и дипломатической части. Кроме того, граф Павел Петрович Сухтелен, посещая родителя своего в Стокгольме (когда он был русским посланником в Швеции), почерпал дополнительные сведения из шведских печатных и рукописных источников и изустных рассказов шведских высших офицеров, участвовавших в войне. Сочинение графа П.П.Сухтелена особенно важно в стратегическом отношении, потому что он сам был отличный генерал и, участвуя в войне, знал местности края, а кроме того, пользовался советами знаменитого своего родителя, бывшего в армии первым лицом после главнокомандующего. Желаящие знать общий ход войны, распоряжения начальников, успехи войск и описание битв на море и на суше, найдут все, что им нужно, в двух упомянутых сочинениях. Сочинение А.И.Михайловского-Данилевского обширнее, полнее и содержит в себе множество весьма важных и любопытных известий, которые хотя могли быть известны графу П.П.Сухтелену, но в то время еще не подлежали гласности. Около восемнадцати лет перед сим написал я обширную статью под заглавием «Завоевание Финляндии корпусом графа Николая Михайловича Каменского». Это было первое сочинение на русском языке о незабвенных подвигах русских в Финляндии. К этой статье я присоединил тогда (см. Сочинения Фаддея Булгарина, часть двенадцатая, СПб. в тип. А.Смир-

дина, 1830) следующее примечание: "Это краткое начертание войны составлено мной из *официальных* бумаг, которые *поныне не быт напечатаны*, и из собственных моих замечаний во время сей кампании, в которой я имел счастье участвовать. При сем я имел в виду и сочинение графа П.П.Сухтелена: *Precis des evenements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande etc. Подробиностей*, описанных у меня, *не находится в этом сочинении*, но оно послужило мне руководством при общем взгляде на происшествие". Это было напечатано при жизни графа П.П.Сухтелена и семнадцатью годами прежде выхода в свет Истории А.И.Михайловского-Данилевского, следовательно, ни в подражании, ни в похищениях нельзя обвинять меня. Официальными документами снабжал меня, в то время граф А.А.Закревский, бывший во время Финляндской кампании адъютантом при графе Каменском. Ему посвящено мое описание подвигов корпуса графа Каменского. Вводя эту статью в мои Воспоминания, я оставил сущность событий, но изменил изложение, прибавив военные анекдоты и характеристику замечательных лиц, присовокупив частности, которые были б неуместны в историческом рассказе.

Финляндская война, любопытная во всех отношениях, особенно занимательна подробностями, так сказать, частными случаями, потому что войско действовало небольшими отрядами в стране, единственной по своему местоположению, и в этой войне не одни генералы, но и фронтовые офи-

церы имели случаи выказать не только свое мужество, но и военные способности. Финляндская война была практическая школа для военных людей и, так сказать, горнило, в котором закалились и душа и тело русского воина, долженствовавшего бороться и с ожесточенными людьми, и с яростными стихиями, и с дикою местностью. Только войну французов в Испании можно, в некотором отношении, сравнивать с Финляндской войной; в испанской народной войне, однако французы хотя и имели противу себя ожесточенный народ и страдали сильно от зноя, но по крайней мере находили везде пристанище в городах и селах, и были везде в превосходном числе. Мы же претерпевали в Финляндии и африканский зной, и стужу полюсов, страдали от голода, редко (а солдаты почти никогда) отдыхали под крышей, дрались и с храбрым войском, и с ожесточенным народом, в стране бедной, бесплодной, малонаселенной, почти непроходимой – и все преодолели терпением и непреклонным мужеством, отличающими русского солдата. Финляндская война – это блистательный эпизод в русской истории, достойный иметь своего Тацита и своего Гомера.

Не касаюсь вовсе политических причин к разрыву мира между Россией и Швецией, изложенных А.И.Михайловским-Данилевским в его Описании Финляндской войны. Явною причиной к войне было упорство шведского короля Густава IV к соединению с Россией, Францией и Данией противу англичан, и к закрытию для них гаваней, вследствие обя-

зательства, принятого императором Александром по Тильзитскому трактату. Это официальная причина, объявленная в манифесте. Но в существе Россия должна была воспользоваться первым случаем к приобретению всей Финляндии, для довершения здания, воздвигнутого Петром Великим. Без Финляндии Россия была неполною, как будто недостроенною. Не только Балтийское море с Ботническим заливом, но даже Финский залив, при котором находятся первый порт и первая столица империи, были не в полной власти России, и неприступный Свеаборг, могущий прикрывать целый флот, стоял, как грозное привидение, у врат империи. Сухопутная наша граница была на расстоянии нескольких усиленных военных переходов от столицы. В царствование императрицы Екатерины II уже был пример, какой опасности может подвергнуться столица при таком близком расстоянии от рубежа Империи. Шведский Король Густав III, пользуясь затруднительным положением России, воевавшей с Турциею, объявил внезапно войну, и двинул флот и сухопутное войско противу Петербурга, среди лета, в 1788 году. Для защиты столицы было не более 14 000 человек войска. Если б Густав III был такой же отличный полководец, как литератор и музыкант, и если б имел более силы в характере, то не раздробил бы своего войска для овладения в одно время Выборгом, Кексгольмом, Нейшлотом и Вильманстрандом, умел бы усмирить бунт в Финском войске, всею своею массою двинулся бы на Петербург усиленными переходами, и хотя бы

не взял Петербурга, но наделал бы много хлопот, а при счастии мог бы даже овладеть, на короткое время, столицей, из которой уже начали вывозить драгоценности. В начале царствования императора Александра случилось событие, пропущенное без внимания современниками, но сильно поразившее в то время государя, и припомнившее ему опасность близости столицы от рубежа империи и обязанность довершить начатое Петром Великим.

В 1803 году (в год празднования столетия Петербурга) шведский король Густав-Адольф IV, недовольный миром России с Францией, во время дипломатической переписки по этому предмету, в минуту гнева велел пограничный мост, соединяющий Малый Аборфорт с островом Германсари и выкрашенный наполовину русским официальным цветом (белую и черную красками с красными полосками), а наполовину шведским цветом (серою краской), весь выкрасить шведским цветом. Русский посланник в Стокгольме, барон Алопеус, подал шведскому правительству ноту, требуя немедленного восстановления прежней границы. На эту ноту шведское правительство не только не отвечало удовлетворительно, но даже дало почувствовать, что Швеция имеет право удержать не только эту черту, но что и за этой чертой права ее не потеряны. Император Александр повелел немедленно привести Кюменегородскую крепость в оборонительное состояние, воздвигнуть укрепления вдоль реки Кюмени, вооружить наш гребной флот и сухопутным войскам дви-

нуться на шведскую границу. Это образумило шведского короля, и мост по-прежнему был выкрашен наполовину официальными красками обоих государств: – впечатление осталось, и император Александр не мог забыть опасности для столицы от этого близкого соседства.

Что с этих пор у нас уже думали о Финляндии, доказывает анекдот, рассказанный покойным графом Павлом Петровичем Сухтеленом Николаю Ивановичу Гречу, а им сообщенный мне. Около этого же времени отец графа Павла Петровича, граф Петр Корнилиевич Сухтелен, инженер-генерал, пользовавшийся особенной милостью императора Александра, почел себя оскорбленным поступком с ним одного из самых приближенных лиц к государю, и пожаловался его величеству. Государь выслушал милостиво графа Сухтелена, но, не желая выводить дела наружу, сказал ему ласково: "Брось это, Сухтелен!"

– Но чем же это кончится, государь! – возразил граф.

– Посердишься и – забудешь, – отвечал государь, шутя, и тем дело кончилось.

Вскоре после этого прекратился спор со Швецией за граничную черту; но как войску дано было повеление двинуться, то государь и воспользовался этим случаем, чтоб укомплектовать его, привести в военное положение и вооружить флот для предосторожности не от Швеции, а от Франции, которой тогдашний правитель, Наполеон Бонапарт, будучи еще пожизненным консулом, сильно хозяйничал в Западной

Европе. Между северными державами уже переговаривались о союзе для удержания в пределах честолюбия счастливого полководца, принявшего бразды правления во Франции. Император Александр часто собирал в своем кабинете для совещания людей, пользовавшихся его доверенностью, и в одно из этих собраний государь, смотря на карту Европы и указывая на нашу старую границу с Швецией, обратился к графу Петру Корни-лиевичу Сухтелену, и сказал: "Где бы ты думал выгоднее было для обоих государств назначить границу?" Граф Сухтелен, не говоря ни слова, взял со стола карандаш и провел черту от Торнео к Северному океану.

– Что ты это! Это уже слишком много! – сказал государь, улыбаясь.

– Ваше величество требовали *выгодной* границы для обоих государств – и другой *выгодной* и безопасной черты нет и – быть не может, – возразил граф Сухтелен.

– Но ведь мой свояк, шведский король, рассердится, – сказал государь, шутя.

– Посердится и забудет, – отвечал граф Сухтелен, повторив при этом случае ответ государя на жалобу его на одного из его приближенных. Государь погрозил пальцем графу Сухтелену, дав этим почувствовать ему, что он понял применение, и этот разговор не имел дальнейших последствий. Очевидно, однако, что еще перед Тильзитским миром император Александр уже помышлял об утверждении Русской границы на большем расстоянии от Петербурга.

Тильзитский мир представил случай к довершению начатого Петром Великим, и император Александр должен был воспользоваться сим единственным случаем. В другое время европейские державы, на основании так называемого европейского равновесия, могли бы воспротивиться завоеванию Финляндии – но тогда меч Наполеона, брошенный на весы политики, перевесил все права и расчеты, и только две державы, Россия и Франция, имели голос на твердой земле Европы.

Не воспользоваться единственным случаем, представившимся в течение целого столетия, для блага России, было бы более, нежели неблагоприятно. В политике *raison d'Etat* выше всех правил, которыми должны руководствоваться люди в частных между собой сношениях. Петр Великий как отец плакал над заблуждением сына своего, Алексея Петровича, намеревавшегося ниспровергнуть все великие его начинания; но как государь должен был поступить с ним строго и предать суду на основании *raison d'Etat*. – Россия никогда не могла бы быть сильным и неуязвимым государством, каким она теперь, если бы не завоевала Крыма, не назначила реку Дунай границей с Турцией, не приобрела областей по Неману, и наконец присоединением всей Финляндии не отдала б границы с Швецией до Торнео и не овладела всем Финским заливом, восточным берегом Ботнического залива и Аландскими островами. Все эти завоевания были *необходимостью* для утверждения России в натуральных ее гра-

ницах. Это настоящее шекспировское *быть или не быть* (to be or not to be!)! Во многих отношениях приобретение Финляндии даже важнее других завоеваний.

Кто в Тильзите решил участь Финляндии? Ужели Наполеон первый сделал предложение императору Александру приобрести необходимую для России область? Наполеон ненавидел короля Густава-Адольфа IV, но едва ли он мог сделать предложение к усилению России. Мнения европейских политиков на этот счет различны. Как бы то ни было, но в Тильзите решено, что Финляндия должна принадлежать России.

Началось, как водится, бумажною, перестрелкою, дипломатическими нотами: но шведский король никак не хотел верить, что Россия начнет войну, и не делал никаких приготовлений к защите Финляндии. С нашей стороны не было также больших усилий. Когда шведский король не только не соглашался на союз с Россиею и Данией, но даже перестал отвечать на ноты русского двора, император Александр повелел трем дивизиям: 5-й, генерала Тучкова 1-го, 17-й, графа Каменского¹⁰³, и 21-й, князя Багратиона, выступить из Эстляндской и Витебской губерний к границе Финляндской. Всего в трех дивизиях было до 24 000 человек с нестроевыми. Всей кавалерии было: Гродненский гусарский (ныне Клястицкий) полк, Финляндский драгунский, Лейб-казачий (состоявший тогда из двух эскадронов) и Казачий Лоцили-

¹⁰³ Граф Каменский был в отпуске, из-за болезни, и дивизией командовал князь Горчаков I.

на.

Пехотные полки были совершенно расстроены, после последней Прусской кампании (1806 и 1807 годов) и, кроме того, лишились множества людей от болезней (злокачественных горячек), свирепствовавших в Литве. Не успели обмундировать войско, ни снабдить амуницией и обозами. Войска двинулись с зимних квартир в половине декабря, шли поспешно, и в последних числах января уже были в старой Финляндии, в окрестностях Вильманстранда, Нейшлота и Фридрихсгама. Через Петербург полки проходили ночью, чтоб жители столицы не видели расстройств войска. Вслед за полками посылали из Петербурга амуницию, обмундировку и обувь. В старой Финляндии полки преобразовали из трехбатальонных в двухбатальонные, оставляя кадры третьего батальона для укомплектования рекрутами.

Все это делалось так поспешно, что к концу января войско было одето, обуто, хорошо вооружено, полки преобразованы и готовы вступить в сражение. Правда, в полках было много рекрутов, но основание полков было твердое и состояло из старых суворовских солдат и храбрецов, приобретших опытность и привыкших к войне в борьбе с непобедимыми легионами Наполеона в 1805, 1806 и 1807 годах. Важно было то, что все офицеры, исключением весьма малого числа, были уже знакомы с пороховым дымом, и знали, что значит война и битвы. Словом, войско было превосходное.

Надлежало назначить главнокомандующего. Граф Букс-

Гевден почитал себя обиженным, что главное начальство над армией после удаления фельдмаршала Каменского (в 1806 году) утверждено было за Беннигсеном, младшим по производству в чин и, так сказать, присвоившим себе высшую власть в армии. Граф Буксгевден был тогда военным губернатором остзейских губерний и жил в Риге. Его потребовали в Петербург и назначили корпусным командиром над тремя дивизиями, расположенными в старой Финляндии, с полной властью главнокомандующего, по особой инструкции, потому что тогда власть главнокомандующего еще не была определена положительным законом. Дежурным генералом назначен был Коновницын, генерал-квартирмейстером Берг, а инженер-генерал граф Петр Корни-лиевич Сухтелен был определен при главнокомандующем в роде помощника или советника без определенного звания.

Граф Буксгевден с отличием участвовал в последней войне России со Швецией, при императрице Екатерине, и хотя впервые был назначен главнокомандующим, но присутствие в войске графа Сухтелена, известного своими глубокими стратегическими познаниями, высоким умом и твердым, а притом спокойным характером и необыкновенным добродушием, заставляло надеяться, что недостающее главнокомандующему пополнится качествами его помощника. Впрочем, храбрость и распорядительность графа Буксгевдена, как корпусного начальника, не подлежали никакому сомнению, и выбор его в главнокомандующие не мог стяжать

никакой критики. Это был один из отличенных Суворовым генералов, которому и по заслугам, и по старшинству, и по летам надлежало наконец командовать отдельно.

Стоит взглянуть на карту Финляндии, чтобы удостовериться в трудности воевать в этой стране. Только берег Ботнического залива, от Аландских островов до Улеборга, покрыт небольшими равнинами и лугами, и имеет хотя немногочисленные, но порядочные города. Если же провести прямую черту от Або до Улеборга, то вся Финляндия, на восток за этой чертой, состоит из бесчисленного множества озер и скал, в некоторых местах довольно высоких, как будто взгроможденных одна на другую и везде почти непроходимых. Небольшие долины, между скалами, завалены булыжником и обломками гранитных скал, и пересекаемы быстрыми ручьями, а иногда и речками, соединяющими между собою озера. Некоторые долины заросли непроходимыми лесами. Во всей Финляндии в то время была только *одна деревня*, построенная таким образом, как строятся деревни в России и в остальной Европе. Это деревня Лиминго, между Брагештамом и Улеборгом, состоящая из нескольких десятков домов, выстроенных в линию по берегу реки, впадающей в Ботнический залив. Все поселяне Финляндии живут в разбросанных по долинам домах, в местах, удобных для земледелия и скотоводства. Место сборищ народных было обыкновенно при кирках, возле которых находится всегда несколько строений, дома пастора и кистера, шинок и несколько домов,

в которых помещались ремесленники. Господские и казенные офицерские мызы (бостели) стоят уединенно, в лучших местах. Везде дико и уныло. – На севере и северо-востоке есть огромные расстояния, заросшие лесами и затопленные болотами, непроходимые летом даже для туземцев. Вообще в летнее время нет возможности многочисленному войску действовать внутри страны; но зимой глубокие снега покрывают все неровности земли, и превращают замерзшие реки и озера в обширные и гладкие долины. Тогда открываются новые пути для сообщений по всей стране, и производится вся внутренняя торговля.

Шведских и финских войск было тогда в Финляндии до 15 000 человек и до 4000 милиции (*vargering*)¹⁰⁴, и при всей войске было только 800 конников. – 7000 человек находились в крепости Свеаборге, до 700 человек в Свартгольме, следовательно, для защиты края оставалось только 11 300 человек. – Шведским войском в Финляндии начальствовал генерал Клеркер, который, не имея предписаний от своего правительства, не мог делать никаких приготовлений к войне, и войско было расположено на зимних квартирах на огромном пространстве. – Получив известие от шведского посла в Петербурге, что русские намереваются вступить в Финляндию, генерал Клеркер собрал до 5000 человек в Тавастгузе, усилил пограничные посты и велел всем войскам

¹⁰⁴ Здесь мимоходом припоминаю изыскателям происхождения варягов, что это скандинавское прозвание *вольных воинов* и поныне существует в Швеции.

собираться на назначенных пунктах, запасаясь в то же время провиантом и фуражом. Но ни в Швеции, ни в Финляндии все еще не хотели верить, что русские начнут войну в это суровое время года, как вдруг 8-го февраля (1808 года) русские вступили на тот самый мост, на Кюмени, за который возник спор между двумя державами за пять лет перед тем.

Первый из русских, заплативший жизнью своего за приобретение для России Финляндии, был Финляндского драгунского полка капитан Родзянко, бросившийся на мост под неприятельскими выстрелами. С ним пало несколько драгун – и этим открылась война.

Еще не было Манифеста о войне, и главнокомандующий приглашал прокламациями шведское и финское войска не сопротивляться, а жителей оставаться спокойными в своих домах, утверждая, что русские вошли в Финляндию для ее защиты и спокойствия, обещая притом платить наличными деньгами за все припасы для войска, соблюдать строгую дисциплину и уважать местные законы, учреждения и веру. Под рукою велено было разглашать, что русские войска вступили в Финляндию единственно для занятия берегов, чтобы воспрепятствовать высадке англичан. Но ни прокламации наши, ни слухи не склонили шведов и финнов на нашу сторону, и русское войско шло вперед, выгоняя неприятельские отряды из занимаемых ими постов. Главнокомандующий с главными силами, дивизией графа Каменского и отрядами других дивизий, пошел от Аборфорса прямо на Гельсингфорс,

чтобы, заняв его, отрезать Свеаборг. Князь Багратион с отрядом до 5000 человек пошел внутрь края, на Тавастгуз, а Тучков с 3000 человек в самую восточную часть Финляндии, провинцию Саволак, для занятия Куошио и Индесальми. Между тем к шведскому войску прибыл из Стокгольма генерал граф Клингспор, и принял над ним главное начальство. Клингспор, сосредоточивая свои силы, быстро отступал к северу, приближаясь к морю. Его сильно преследовал из внутренних частей края, от Тавастгуза, князь Багратион, а потом по морскому берегу генерал Тучков I в соединении с генералом Раевским. Князю Багратиону предписано было остановиться, чтобы занять огромное пространство края от Або до Вазы и внутрь края до Тавастгуза, а Тучков с Раевским шли за Клингспором, которого знаменитый Кульнев, будучи тогда полковником Гродненского гусарского полка и командующим авангардом, преследовал неутомимо, не давая покоя и отдыха.

На всех пунктах были частые стычки и арьергардные дела с незначительной с обеих сторон потерей. Но если шведы претерпевали нужду и трудности в отступлении, то русские страдали вдесятеро более от тяжелых переходов и недостатка продовольствия. Из Петербурга высылаемы были запасы в большом количестве, но по недостатку подвод не могли поспевать впору. Стужа была сильная, и снега глубокие. Наши передовые войска шли на лыжах. Пушки и зарядные ящики везли на полозьях. Дни и ночи надлежало проводить

на снегу, в мороз и метели – но русские шли без ропота вперед, изгоняя шведов штыками из всех их позиций, и таким образом в конце марта 1808 года вся Финляндия, исключая Улеаборгскую область, была покорена и очищена от неприятельских войск. Важнейший пункт, Аландские острова, занят был почти без сопротивления майором свиты его высочества по Квартирмейстерской части (ныне Генеральный штаб) Нейдгардтом, который с партией казаков прогнал слабые шведские команды с островов. Полковник Вуич занял острова с частью 25-го Егерского полка. Свеаборг был осажден частью отряда графа Каменского. Сам главнокомандующий находился попеременно то в Гельсингфорсе, то в Або. В Куопио, по выходе оттуда Тучкова 1-го, для преследования Клингспора находился генерал-майор Булатов со слабым отрядом. Оставалось только взять Свеаборг и прогнать Клингспора за Торнео, чтобы кончить полное завоевание Финляндии, и в этом граф Буксгевден нисколько не сомневался. В Петербурге и во всей Европе почитали Финляндию уже покоренной.

Должно заметить, что почти все наши военные неудачи происходили от нашей самонадеянности. Будучи даже сильнее неприятеля, мы всегда вступаем в дело с меньшим против него числом войска, надеясь на храбрость и стойкость русского солдата. Это совершенно противно правилам Наполеона, который громил неприятеля большими массами и многочисленной артиллерией. Военное его искусство состо-

яло в том, что, имея даже менее войска, нежели неприятель, надлежало маневрировать таким образом, чтоб сосредоточенными массами ударить неожиданно на слабую сторону неприятеля, или выманить его из крепкой позиции, или заставить переменить фронт. Мы почти всегда дрались начистоту, грудь против груди! Однако после изобретения огнестрельного оружия самая пылкая храбрость должна иногда уступить искусству. Каким образом граф Буксгевден надеялся опрокинуть, разбить и даже отрезать Клингспору ретирату от Улеборга, и принудить к сдаче, когда у Клингспора было под ружьем до 13 000 человек с значительной артиллерией, а у генерала Тучкова 1-го, высланного для его преследования, было всего (в 21-й дивизии и части 5-й под начальством Раевского) 4600 человек, и когда в отряде генерала Булатова, выступившего из Куопио внутренностью края на Инде-сальми в Улеборг для отрезания Клингспора, было всего 1500 человек!¹⁰⁵

Можно ли было наверное полагать, что наши 6000 человек, утружденные тяжкими переходами и всякого рода лишениями, побьют и опрокинут 13 000 храбрых солдат, защищающих последние пределы отечества! Но ведено действовать, и Булатов выступил из Куопио, оставив там слабый отряд и преследуя Саволакскую бригаду генерала Крон-штедта, отступавшую перед ним, прибыл 12-го апреля в Револакс,

¹⁰⁵ Два батальона Пермского, один батальон Могилевского мушкетерских полков, два взвода гродненских гусар, 50 казаков и 3 орудия.

несколько впереди Брагештадта, только в 18-ти верстах от Сикайоки, где находился авангард Кульнева. Корпус Тучкова стоял в Пикайоки, а Клингспор со всеми своими сосредоточенными силами у Лиминго и Лумиоки. Это место составляет крайнюю точку перед Улеборгом, и было последним оплотом шведов в Финляндии.

Здесь дела приняли совершенно другой оборот и разрушили все надежды графа Буксгевдена.

В конце марта Тучков 1-й с Раевским начали наступательные движения от Гамле-Карлеби против Клингспора, который отступал медленнее прежнего, ожидая прихода Саволакской бригады Кронштедта и присоединения различных команд, следовавших к нему с тыла и боковыми путями. Кульнев, разбив Шведский арьергард у Пикайоки, сильным натиском сбил с поля Клингсдора у Брагештадта, принудив его отступить до Сикайоки, где он остановился на позиции, получив подкрепление и поджидая Саволакскую бригаду Кронштедта. Полковник Адлеркрейц, занявший место начальника главного штаба при Клингспоре после взятия в плен под Пикайоки полковника Левенгельма, употребил все свое красноречие, чтобы пробудить в семидесятидвухлетнем генерале Клингспоре уснувшую энергию и заставить его дать отпор русским, которых смелость даже оскорбляла храбрых шведов, принужденных непрерывно, отступать, с первой встречи с неприятелем. Клингспор, имея королевское предписание избегать генерального сражения, не решался после-

довать совету Адлеркрейца, и собрал на совете всех своих генералов и полковников.

Но, пока они совещались, нетерпеливый Кульнев завязал сражение. У Кульнева в авангарде было всего три батальона пехоты, два эскадрона гродненских гусар, триста донских казаков и шесть орудий; но, веря, что шведы нигде не будут держаться и что, стоит только напасть на них быстро, чтобы принудить к ускорению их отступления в Швецию, Кульнев, ободренный прежними успехами, повел атаку прямо на центр шведской позиции, находившейся на высоте между лесами, к которым шведское войско примыкало флангами. Удивляясь, что шведы после первого натиска не отступают, Кульнев разделил свой авангард на три части и с одной частью остался в центре, а двум другим велел обходить шведскую позицию с флангов. Шведские неопытные генералы, изжившие век свой старцы, уже подали голос к отступлению; один лишь пылкий Адлеркрейц настаивал, что должно сражаться, и ручался за успех. Увидев ошибку Кульнева, он немедленно воспользовался ею, выдвинул сильную артиллерию против нашего центра, засыпал наш слабый отряд ядрами и картечью, и потом со свежим войском бросился в штыки в промежутки нашего разорванного фронта. Тут началась свалка. Наши солдаты мужественно сопротивлялись, но были подавлены многолюдством неприятеля, и принуждены отступить. Два отделения авангарда, направленные в обход, на фланги, едва спаслись, и Адлеркрейц мог бы легко отрезать

их и вовсе истребить, если б Клингспор решился ввести все свое войско в дело. У нас выбыло из фронта до 350-ти человек убитыми, ранеными и в плен взятыми, что было весьма много относительно малочисленности отряда. Главная же выгода шведов состояла в том, что этим сражением разрушилось очарование насчет нашей непобедимости.

Клигспор не остановился, однако ж, в Сикайоки, и на другое утро отступил в Лиминго, где собраны были его запасы продовольствия. Наш авангард занял Сикайоки, и Тучков остановился, послав Булатову предписание идти не в Улеаборг, но свернуть с дороги и приблизиться к главному отряду через Револакс. Тогда Клигспор, следуя советам Адлеркрейца, вознамерился разбить отдельно наши слабые отряды, и выслать против Булатова две бригады под начальством генерала Кронштедта и Адлеркрейца. Должно при этом заметить, что хотя Револакс, где стоял отряд Булатова, находится только в 18-ти верстах от Сикайоки, но на этом расстоянии не было никаких постов и в одном отряде не знали, что делалось в другом. 15-го апреля с утра шведы напали неожиданно на Булатова. Пока он удерживал натиск шведов, один батальон Пермского полка, сражавшийся против Адлеркрейца на Лумиокской дороге, был опрокинут и отступил к Сикайоки, бросив бывшее при нем орудие и не предупредив Булатова о своем отступлении¹⁰⁶. Оставшись

¹⁰⁶ Этот батальон, который осуждали современники и осуждают историки и который в свое время был наказан лишением различных преимуществ военного

с горстью храбрецов, Булатов решился драться до последней капли крови, и явил чудеса храбрости. Раненный два раза, он отвечал гордо на предложение к сдаче, что честь русского солдата повелевает умереть с оружием в руках. Отступление батальона Пермского полка облегчило неприятелю путь в тыл нашего отряда, и Булатов был окружен со всех сторон. Он решился пробиться штыками, но раненный в третий раз пулей в грудь навывлет, он упал без чувств, и взят был в плен с остатком неустрашимых своих воинов, сражавшихся до истощения последних сил. Шведы бросились опророметью на малую толпу русских, и в рукопашном бою одолели их числом, или, как говорится, разобрали наших по рукам. Под Револаксом мы потеряли три орудия, девять зарядных ящиков и до 500 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Отряд Булатова совершенно истреблен. Шведы приняли храброго Булатова и пленных его сподвижников с уважением и почестью, отдавая полную справедливость их героическому мужеству.

К Булатову шел из Куопио по той же Индесальмской дороге полковник Обухов с тремя ротами Могилевского пехотного полка и тремя орудиями, прикрывая огромный парк, обо-

звания, в существе провинился не трусостью, а неосмотрительностью и торопливостью командира. Булатов слишком растянул свой слабый отряд, и когда шведы, втрое сильнее, напали на Пермский батальон, стоявший отдельно, была такая сильная метель, что нельзя было видеть на три шага перед собою. Батальон отступил наудачу, и шведы отрезали ему путь к Булатову. Так рассказывали мне офицеры этого батальона, бывшего потом в одном отряде с нашим эскадроном.

зы и транспорт с съестными припасами, Клингспор после поражения Булатова отрядил немедленно полковника Сандельса с 3000 человек и шестью орудиями на Куопиоскую дорогу. Тучков послал к Обухову разъезды и курьера с приказанием возвратиться поспешно в Куопио; но разъезды, встретив неприятеля, воротились, а курьера схватили финские крестьяне, и представили к Сандельсу. Обухов, не зная ничего о происшедшем, шел вперед, и только в Пулхило в пяти переходах от Револакса узнал, что против него идут шведы. Спасти было нельзя, и Обух решил сражаться до последнего. Сандельс присоединил к своему отряду несколько сот вооруженных крестьян, обошел и окружил малочисленный русский отряд, половину перебил, а другую половину взял в плен с тяжело раненым полковником Обуховым. Одно орудие брошено русскими в воду, а с двумя орудиями Могилевского полка штабс-капитан Сербии успел уйти во время замешательства, и примкнул к Тучкову.

После этих событий Тучков находился в весьма опасном положении. Имея всего не более 5000 человек под ружьем, он мог быть обойденным Клингспором, которому после Револакской победы открылся зимний путь на Виганди, в тыл нашей операционной береговой линии. Тучков начал отступать, и 21-го апреля прибыл в Гамле-Карлеби, прошел в тыл без боя более 150-ти верст. Здесь Тучков остановился, но и Клингспор не мог воспользоваться своим преимуществом, потому что в это время наступил перелом в природе, во

время которого в Финляндии все должно уступить ее силе. Началась оттепель, предвестница весны, в этом году весьма ранней. Снега стали быстро таять, и с гор хлынула вода в виде водопадов, долины превратились в озера, ручьи – в огромные и быстрые реки, ниспровергая мосты и плотины. Финляндия представляла первобытный хаос. Все движения войск должны были прекратиться к счастью отряда Тучкова – но нравственное чувство вспыхнуло в финском народе. Во время двухмесячного отступления шведских войск народ в Финляндии упал духом, и многие финские офицеры и солдаты уже намеревались оставить шведское войско и возвратиться в свои семейства. Сельские жители не смели сопротивляться, почитая русских непобедимыми. После неудачи Кульнева под Сикайоки, истребления отрядов Булатова и Обухова и ретирады Тучкова Финляндия как будто воспрянула от волшебного сна. Клингспор раздавал прокламации короля, приглашавшие финнов к восстанию и истреблению неприятеля всеми возможными средствами. – Бунт вспыхнул во всей Финляндии и распространился внутри страны до Таммефорса и на востоке во всей Саволакской области и Карелии, почти до русской границы. Все финские поселяне – отличные стрелки, и в каждом доме были ружья и рогатины. Составились сильные пешие и конные толпы, которые под предводительством пасторов, ландманов (почти то же, что капитан-исправник) и финских офицеров и солдат (распущенных по домам после сдачи Свартгольма) напада-

ли на слабые русские отряды, на госпитали, и умерщвляли немилосердно больных и здоровых. Разъяренная чернь свирепствовала! Множество транспортов со съестными припасами и амуницией и магазины были разграблены. Возмущение было в полной силе, и народная война кипела со всеми своими ужасами.

Полковник Сандельс, отправленный Клингспором в Куопио, шел с торжеством тем самым путем, на котором за несколько времени пред сим следовали Булатов и Обухов, с целью отрезать шведское войско от Улеборга и принудить его к сдаче. Сандельса встречали везде с энтузиазмом, и вооруженные толпы охотников присоединялись к нему на каждом переходе. 30-го апреля слабый русский отряд, после краткой перестрелки, оставив свой госпиталь с 250 больными во власть шведам, выступил из Куопио. Сандельс двинул часть своего отряда вперед, и русские должны были уступить не только Варкгауз, но даже Сант-Михель, почти пограничное место. Шведы решительно торжествовали в северной и во всей восточной Финляндии.

На морском берегу, где находился сам главнокомандующий с главными силами, важнейшее событие было покорение крепости Свеаборга, которую многие писатели называют северным Гибралтаром (хотя без всяких основательных причин), и крепости Свартгольма. Обе крепости после довольно продолжительной осады, сдались на капитуляцию. До появления в свете сочинения А.И. Михайловского-Дани-

левского писатели спорили между собою о причинах, побудивших шведов сдать эти два важнейших пункта, особенно Свеаборг, перед самую оттепелью, когда должно было ждать скорой помощи из Швеции. Даже граф Павел Петрович Сухтелен, в Описании Финляндской войны оправдывает шведов. Но А.И. Михайловский-Данилевский приподнял завесу, скрывавшую тайну: Свартгольм сдался 6-го марта, а Свеаборг 21-го апреля. А.И. Михайловский-Данилевский на стр. 58 говорит; "Из переписки графа Буксгевдена можно вывести догадки, что к покорению Свартгольма были употреблены такие же средства, какие и против Свеаборга, но верных доказательств на то в делах не находится". На представление графа Буксгевдена к награде генералов и офицеров за взятие Свеаборга, военный министр граф Аракчеев отвечал (от 29-го июля): "Государь полагал изволить, что, при взятии крепости, войска не столько участвовали, а успех приписывает единственно благоразумной предусмотрительности вашей"¹⁰⁷.

Дело хотя и неясное, но довольно понятное. Душой переговоров с комендантом Свеаборга, генералом Крошted-том, был инженер-генерал П.К. Сухтелен, и он склонил шведского генерала к сдаче, убедив в бесполезности обороны крепости, которой рано или поздно надлежало пасть от русского оружия. Главнокомандующий получил за Свеаборг Георг-

¹⁰⁷ Описание Финляндской войны в 1808 и 1809 годах, Соч. ген. – лейт. Михайловского-Данилевского, стр. 109.

гия 2-го класса, чем он был недоволен, надеясь получить Георгия 1-го класса. Генералу Сухтелену дано Владимира 1-го класса.¹⁰⁸

Мне кажется, что теперь, по прошествии сорока лет, не для чего спорить, каким образом взят был Свеаборг, почитавшийся неприступным. Довольно, что он взят и остался навсегда русским. В то время вообще говорили не только шведы и финны, но и наши офицеры, что Свеаборг взорвала "золотая бомба". Если б это было и справедливо, то не только не уменьшает заслуги покорителей, а, напротив, увеличивает заслугу, потому что сдача крепости на капитуляцию устранила кровопролитие. Был ли один народ в мире, который бы предпочел взять крепости штурмом мирной ее сдаче? В войне позволены все средства к приобретению выгод, и все главнокомандующие пользовались всем, чем могли, чтоб достигнуть своей цели без кровопролития. Лазутчиков на войне вешают, а между тем употребляют, не стыдясь обращения с предателями, для блага войска и успехов войны. Мне кажется, что в сдаче Свеаборга весьма важную роль играли нелюбовь всех высших шведских чиновников к

¹⁰⁸ Военная добыча в Свеаборге была огромная. Кроме 7503 человек пленных взято 58 медных пушек, 1975 чугунных, зарядов в картузах 9535, бочек пороха 3000, ядер, бомб и гранат 340 000. ружей, карабинов и мушкетов 8650 и множество белого оружия, амуниции и запасов продовольствия; военных судов, большею частью принадлежавших к гребному флоту, 110. – С этими средствами русские оборонялись бы до последнего человека по крайней мере год! Осаждавших было не более осажденных.

королю, почти общее отвращение к войне и весьма вредная для государства система содержания войска, по которой оно вместо жалования, наделяемо было казенными землями. От генерала до простого солдата каждый имел свой участок по чину, и был сельских хозяином. — В уверенности, что Швеция не может противостоять России и защитить отечество, финские генералы, офицеры и солдаты неохотно сражались, когда русские прокламации обещали оставить за ними их участки, т. е. мызы и хутора (бостели и торпы), где находились их семейства. Временный энтузиазм в Финляндии был только метеор в этом общем направлении умов.

В доказательство нашего мнения, что император Александр давно помышлял о покорении Финляндии и что это завоевание почитал довершением великого подвига бессмертного Петра, служит торжество, бывшее в Петербурге по случаю покорения Свеаборга, который называли тогда ключом Финляндии. Все знатные особы и иностранные послы приглашены были в Исаакиевский собор, возле которого стояло под ружьем все войско, бывшее в Петербурге. В 11 часов утра государь император выехал верхом из Зимнего дворца, а вся императорская фамилия прибыла в каретах, и после молебствия в Исаакиевском соборе государь поехал к войску, а императорская фамилия поместилась на эстраде, устроенной вокруг монумента Петра Великого, мимо которого войско проходило церемониальным маршем, отдавая почести творцу новой России, подвинувшему пределы ее до

Балтийского моря и помышлявшему о водворении их на Ботническом заливе. – Скромный Александр не хотел присвоить себе помысла своего великого прапрадеда, довольствуясь исполнением.

Но когда в Петербурге праздновали взятие Свеаборга, и почитали всю Финляндию покоренной – дела наши были в самом дурном положении. Исключая береговую часть от Гамле-Карлеби вниз до Русской границы, почти вся Финляндия находилась во власти шведов. На Аландских островах составилась заговор к изгнанию русских, 24-го апреля прибыли военные суда с отрядом войска из Швеции, и пристали к одному из ближних к шведским берегам островов. В одно время поднялись все жители островов, кроме Кумлинга, где стоял полковник Вуич с главным отрядом, и бросились на русских. На островах было по несколько десятков русских солдат, на иных не более двадцати. Нельзя было долго обороняться, и защищавшихся перебили, а спасавшихся в лесах переловили. 26-го апреля шведские суда прибыли к Кумлингу, и начальник шведского отряда требовал, чтобы Вуич сдался в плен с отрядом. Вуич соглашался оставить острова без боя, но объявил, что если шведы не решатся отпустить его с оружием, то он будет драться до последней капли крови. Вуич пробовал переехать на твердую землю на бывших в его распоряжении лодках, но попытка не удалась, потому что солдаты наши не умели управлять парусами, и он принужден был остаться. У него было всего на Кумлинге не более

600 человек, противу которых 3000 шведов и вооруженных поселян вышли в трех местах на берег с 9-ю орудиями и 28-го апреля атаковали наш слабый отряд. Несколько часов наши дрались храбро, но картечные выстрелы расстроили русские ряды, и наши егеря побежали в беспорядке в деревню, преследуемые шведами и вооруженными крестьянами. Тут еще продолжался несколько времени бой; наконец у наших не стало патронов. Половина была перебита и переранена, всех оставшихся в живых забрали шведы в плен, вместе с полковником Вуичем. – Аландские острова, имевшие тогда до 12 000 народонаселения, легко покоренные нами, перешли в руки шведов.

11-го апреля.

Контр-адмирал Бодиско с отрядом в 1800 человек занял остров Готланд, имеющий в длину 180 верст, 24 гавани или пристани и 33 000 жителей. Три недели русские пробыли спокойно на острове, как вдруг явился шведский флот в пять линейных кораблей с 5000 шведского войска и 20-ю полевыми орудиями. Все жители острова, способные носить оружие, восстали и решились драться с русскими. Не было никакой надежды к защите острова и отражению шведов, и собранный контр-адмиралом Бодиско военный совет согласился на предлагаемую шведским адмиралом капитуляцию. Русский отряд, отдав шведам оружие, возвратился в Россию, удержав свои знамена и дав обещание не служить год противу шведов и их союзников.

Генерала Тучкова 1-го за отступление от Пикайоки и слабое действие противу графа Клингспора, полковника Вуича, не защитившего Аландских островов, и контр-адмирала Бодиско за уступку без боя Готланда отдали первых двух под военное следствие, а последнего под военный суд. Первые двое были оправданы, а Бодиско разжалован в матросы, но вскоре помилован государем императором, рассмотревшим дело, – и Бодиско с чином были возвращены ордена. Кто был виноват во всех наших неудачах? В первых числах апреля, по показанию А.И.Михайловского-Данилевского (писавшего историю войны по официальным документам), всех войск в Финляндии было 23 000 человек. Из этого числа 9054 человека под начальством графа Каменского стояли перед Свеаборгом, занимая уступленные нам острова, в крепостцах Гангоуде и Свартгольме, а 5845 человек под начальством князя Багратиона расположены были на пространстве 500 верст, от Або до Вазы и Тавастгуза. Около 800 человек было на Аландских островах с Вуичем, следовательно, исключая больных, 15 000 человек были в бездействии, и генерал Тучков 1 с отрядом в 6000 человек (считая в том числе отряд Булатова) должен был вытеснить из Финляндии Клингспора с 13 000 регулярного войска и занять Улеаборг. Таково было предписание, данное главнокомандующим генералу Тучкову, и за неисполнение предписания он был лишен командования отрядом, и отдан под военное следствие.

Граф Буксгевден, как я уже сказал, был суворовский гене-

рал, т. е. помнил времена героические. У Суворова не знали отговорок. Приказано – сделай или умри – умри с оружием в руках!

В Австрии Гофкригсрат отдал бы под военный суд Тучкова, если б он дерзнул решиться с 6000 человек отдалиться на огромное расстояние от главной армии без всяких запасов, по непроходимым дорогам с намерением разбить неприятельский корпус в 13 000 человек. Граф Буксгевден верил, что для русского солдата нет ничего невозможного. Так и все тогда верили – и тем оправдывался генерал Булатов, из плена уверяя, что если б Пермский батальон не оставил его и сам он не был тяжело ранен, то он бы непременно разбил шведов под Револаксом, хотя они были втрое сильнее его.

Не знаю почему, но граф Фуксгевден был убежден, что граф Клингспор не станет сопротивляться и отступит до Торнео, если только генерал Тучков сильно будет напирать, и потому почитал Тучкова виновным, что он допустил шведов разбить отдельно Кульнева под Сикаиоки, Булатова под Револаксом и Обухова под Пулкило. Из переписки графа Буксгевдена, находящейся у меня, видно, что он до конца жизни оставался в том убеждени, что Тучков, со своими соединенными 6 000, мог и должен был вытеснить Клингспора до Торнео. Но, по несчастью, надежда Бугскевдена не сбылась, и нам надлежало снова покорять, а теперь уже и умирать возмущившуюся Финляндию.

Граф Буксгевден, поторопившись поздравить государя

императора с покорением Финляндии, должен был сознаться, что ошибся в своем расчете, и просил скорой и сильной позиции. Военный губернатор старой Финляндии, генерал Обрезков, послал поспешно два гарнизонных батальона, которых повезли по приказанию графа Буксгевдена на почтовых к защите Нейшлота и Сент-Михеля, угрождаемым Сандельсом. Генерал Барклай-де-Толли выступил немедленно из старой Финляндии, через Нейшлот, с частью своей 6-й дивизии, т. е. полками: Низовским, Азовским, Ревельским мушкетерскими, 3-м Егерским (которого Барклай-де-Толли был прежде шефом), а из Петербурга высланы к нему два батальона Лейб-гренадерского полка, один батальон лейб-гвардии Егерского, рота Гвардейской пешей артиллерии, один батальон Уланского его высочества цесаревича полка и 300 донских казаков. После примкнули к Барклаю отделенные из Свеаборгского отряда: Белгородский мушкетерский полк и три эскадрона Финляндского драгунского полка. Весь отряд Барклая-де-Толли состоял из 7500 рядовых. Кроме того, в Финляндию выслано: 3000 старых солдат из числа возвратившихся из французского плена, которых Наполеон отделил наново, по русской форме, вооружил и послал в Россию; 2000 отличнейших рекрутов и два полка донских казаков. Таким образом в Финляндию послана помощь в 11 000 человек, и усиленная Русская армия в мае состояла из 34 000 фронтовых.

Все случившееся до сих пор в Финляндии представил я

в общем взгляде, как я слышал и как изобразили дела истории этой войны. Теперь стану рассказывать, что сам видел и что узнал в то время на месте от товарищей. В рассказе моем будут соотноситься с общим ходом дел, и сообщу мои собственные приключения и впечатления и мое нынешнее и тогдашнее мнение о делах и людях.

ГЛАВА II

Второму батальону Уланского его высочества полка внезапно поведено выступить из Петербурга и присоединиться к дивизии Баркляя-де-Толли. – Мы выступаем в поход. – Характеристика офицеров второго батальона Уланского его высочества полка. – Старинные донцы, – Мы соединяемся с дивизией Баркляя-де-Толли. – Первая встреча с шведами под Иорас-Киркой. – Партизанская и народная война. – Взятие Варкгауза. – Разбитие шведского арьергарда, послужившее нам во вред. – Шведские партизаны отбивают у нас подвижной магазин и истребляют понтонную роту. – Занятие Куопио с боя и отступление шведов за озеро в крепкую позицию при Тайвола. – Тогдашнее состояние города Куопио. – Довольство среди общего недостатка. – Даровой трактир для друзей и добрых товарищей. – Веселая жизнь в Куопио.

Мы не думали и не гадали о походе в Финляндию. Эскадрон наш стоял в Петергофе, а я приехал в Петербург погостить. Захожу к приятелю моему поручику Фашу (лейб-эскадрона) и первое его слово было: «Прощай, брат!» – «Разве ты уезжаешь куда-нибудь?» – спросил я – «Читай!» – сказал он, подавая полковой приказ.

"Второму батальону полка моего имени выступить через

трое суток, под начальством полковника графа Гудовича, в Финляндию, для поступления в действующую армию". Подписал: "Константин цесаревич".

Сюрприз! – Захватив в долг деньжонок у фамильного друга нашего Вакара (помещика и потом губернского прокурора Витебской губернии), я закупил нужнейшее для похода, простился с сестрой и отправился в эскадрон. На третий день мы вступили в Петербург в походной форме, переночевали, поместив лошадей в Конногвардейском манеже, и с утра стали переправляться через Неву на мостовых плашкоутах. Лед еще шел по Неве, и мосты были сняты. Второй батальон состоял из пяти эскадронов. Я имел честь служить в 6-м эскадроне полкового командира генерала-майора Чаликова, обыкновенно называвшемся командирским. Наш добрый, храбрый и хлебосольный ротмистр Василий Харитонович Щеглов вышел в отставку после Фридландской кампании, и эскадроном командовал ротмистр Кирцели. 7-м эскадроном командовал ротмистр Радулович, 8-м – майор Лорер, 9-м – князь Манвелов, 10-м – эскадроном полковника графа Гудовича командовал ротмистр Климовский.

Ротмистр Кирцели родился в России, но отец его был итальянец, кажется камер-музыкант, едва ли не при императрице Елисавете Петровне. Наш ротмистр вступил в службу в весьма молодых летах, и переведен в наш полк, при его формировании из Тверского драгунского полка, вместе с генералом Егором Ивановичем Миллером-Зако-мельским. Кир-

цели был уже человек немолодой, лет за сорок, и находился в походах с Суворовым, в Польше и в Италии. Нрава он был тихого, вежлив и чрезвычайно деликатен, но необщителен и при этом экономен. В походе он жил отдельно, своим хозяйством, и виделся с офицерами только по службе.

В эскадроне нашем были офицеры: поручик Каттерман, корнеты: граф Гудович (Михаила Васильевич), я и Драголевский. Поручик Каттерман служил прежде в Фельдгерском корпусе и находился при особе его высочества. Женившись на богатой невесте, воспитаннице Собакина-Яковлева, Каттерман упросил его высочество определить его в наш полк, перед выступлением полка в Прусскую кампанию 1807 года. Человек он был храбрый и благородный, но мы с ним как-то не сошлись. Он убит в Отечественную войну под Бородином.

Драголевский, о котором я уже упоминал, был тогда лет пятидесяти, но сохранил всю свежесть и весь пламень юности. Он служил товарищем (рядовым из дворян) в Польском войске под начальством Костюшки, и после падения Польши проживал в Лемберге. Когда его высочество проезжал через этот город, Драголевский явился к нему, и просил принять его в Русскую военную службу. Драголевский был высокого роста, отличный ездок, и его высочество взял его с собою и определил унтер-офицером в Конную гвардию, потому что Драголевский не мог представить документы о дворянстве. Драголевский скоро обрусел, служил хорошо, и по-

сле Аустерлицкой кампании его высочество представил его к производству в офицеры в наш полк перед кампанией 1807 года, обмундировал и содержал на свой счет. Драголевский давно уже умер, не оставив ни потомства, ни родни, и о нем можно сказать, не запинаясь, что хотя он был добрый человек и исправный фронтовой офицер, но вовсе необразованный, почти дикий. Он сохранил все старинные привычки мелкой польской шляхты и все обычаи унтер-офицерской жизни. Драголевский был нам не товарищ.

Во время похода до Выборга, куда мы шли поэскадронно, я квартировал всегда с добрым, скромным, тихим, образованным и храбрым графом М.В.Гудовичем. Он имел при себе повара, и мы жили, по возможности, роскошно и притом дружно и весело. – Все мои задушевные приятели служили в других эскадронах, и если б не было графа Гудовича в нашем эскадроне, мне было б тяжело.

Командующий нашим батальоном граф Андрей Иванович Гудович, сын фельдмаршала, был тогда молод. Он рано записан был в службу, и рано произведен в офицеры императором Павлом Петровичем, покровительствовавшим всему роду Гудовичей за беспредельную верность и преданность одного Гудовича, дяди нашего полковника, к высокому его родителю императору Петру III. Граф Гудович поступил в наш полк из Конной гвардии. Он соединял в себе все достоинства любезного светского человека со всеми похвальными качествами воина и просвещенного патриота. Граф полу-

чил высокое образование, любил литературу и все изящное; с офицерами обходился он чрезвычайно вежливо, нежно и только с приближенными к нему – фамильярно, и вместе с любовью внушал к себе уважение. Его высочество, который, при необыкновенном добродушии был чрезвычайно горяч и вспыльчив, как всем известно, обходился с графом Гудовичем весьма осторожно. Одним словом, граф Гудович был образцовый полковник не в одной России, но и во всей Европе. Я пользовался особенно его благосклонностью, сам не знаю за что, и он был всегдашним моим защитником. Добрый и благородный человек! После моей службы я только однажды видел его, когда он в звании московского губернского предводителя дворянства приезжал в Петербург. Двадцать лет я собирался навестить его в Москве и не собрался!

Майор Александр Иванович Лорер, человек добрейшей души, умный, благородный, храбрый и притом самого веселого нрава, был любим в полку всеми, от нашего шефа до последнего солдата. Он также был ко мне чрезвычайно благосклонен от первой встречи до конца своей жизни. Думал ли я тогда, что мне придется писать биографию моего доброго Александра Ивановича!¹⁰⁹

Эти строки пишу я на принадлежавшем ему письменном столе и из его чернильницы¹¹⁰. – Александр Иванович Лорер

¹⁰⁹ Она помещена в Полном собрании моих сочинений.

¹¹⁰ Супруга Александра Ивановича Лорера, урожденная Корсакова (Мария Ивановна), родная сестра графини Коновницыной, одна из добродетельнейших

просил графа Гудовича прикомандировать меня к его эскадрону, на время кампании, но граф не решился на это без ведома его высочества, и я, оставшись в командирском эскадроне, обязан отказу графа тем, что попал в корпус графа Каменского, завоевавшего Финляндию.

Ротмистр Радулович, родом из Сербов, старый воин, был в походах с Суворовым противу турок в Польше и в Италии. Радулович был человек чрезвычайно добрый, простодушный, храбрый, отличный служака, и жил со своими офицерами по-старинному, как наш Василий Харитонович Щеглов. У Радуловича всегда накрыт был стол для всех его офицеров, и каждый гость принимаем был, как товарищ. Мы называли старика Радуловича *батькой*, а он нас звал *детками*, и журил иногда порядком. Князя Манвелова я мало знал, потому что наши эскадроны никогда не стояли вместе. Знаю только, что он был храбрый и исправный эскадронный командир и что офицеры его эскадрона любили его. Ротмистр Климовский был отличный служака, храбрый офицер и хороший товарищ.

Я уже говорил, что тогда в кавалерии дуэли, или, как тогда говорили, *рубка на саблях*, были в обычае, или в моде. Рубились за безделицу, потом мирились, и не помнили ссоры. Каждый молодой офицер, вступив в круг товарищей, должен был доказать свое удалство и подраться на саблях со своим

женщин, какие только могут быть, после смерти своего мужа подарила мне его стол и чернильницу.

офицером или офицером из другого полка. Два первых рубаки были в нашем батальоне. Это были поручик Лопатинский и корнет Чесновский, добрые ребята, храбрые, умные, веселые и добродушные молодые люди. Обоих нет уже в живых! Мне суждено было описать смерть Лопатинского, убитого в Финляндии. Чесновский перешел в Волынский уланский полк и умер от ран в Турецкую кампанию. Лопатинский и Чесновский соперничали между собою, и несколько раз рубились с переменным счастьем. Оба были ранены, и Чесновский даже довольно тяжело. Они имели род партий в полку, но я, по какому-то особенному счастью, был дружен с обоими, и они до такой степени любили меня, что когда однажды *единственный* мой неприятель в полку вызвал меня на пистолеты, Лопатинский и Чесновский объявили, что после дуэли со мною противник мой должен будет стреляться с каждым из них, по очереди, и тем заставили нас помириться. Я тогда не умел стрелять из пистолета, и после этого случая Чесновский стал обучать меня стрельбе, выучив прежде рубиться на саблях.

Потому ли, что я был очень молод (мне был девятнадцатый год), или по моему беспечному характеру, веселому нраву, и потому ли, что я был не вовсе глуп, писал стишки про нашу полковую жизнь и был верным товарищем – я имел в полку много приятелей. Особенно дружно жил я с корнетом Францкевичем, лихим уланом в полном смысле слова, который теперь в отставке и помещик; с корнетом Пенхер-

жевским (ныне генерал-лейтенант и киевский комендант), первым красавцем полка; поручиком Фащем, моим искренним другом, который знал меня еще в детстве; с Яковлевым, батальонным адъютантом с корнетами Головиным, Воейковым, богатыми и образованными молодыми людьми; с добрым и храбрым Вульфом, который и теперь жив и расхаживает по Петербургу на деревяшке; с Жеребцовым, умершим вследствие ранения, полученного под Фридландом; с братьями Раевскими; с поручиком Бесединым, отличным товарищем и добрейшим малым; с поручиком Ильиным, с которым мы любили, как братья, однако ж, однажды и порубились; в ладах был я со всеми, исключая *одного*. Странное дело, но я верю в симпатию и антипатию! Этому человеку я не сделал никого зла, и он мне тоже, но при первом взгляде мы друг другу не понравились. Да и за что мне было тогда иметь врагов! Тогда я не был ни журналистом, ни критиком, не писал статей о нравах, не знал, как блюстители честности *благо-приобретают* богатство, никому не стоял на дороге, не задевал ничьего самолюбия, не возбуждал ни в ком зависти! Приятели, напротив, заставляли меня писать сатирические стишки на себя и на других, и никто не только не гневался, а все хохотали и были довольны. Это было счастливое для меня время, и так бы протекла вся жизнь моя, если б судьба за грехи мои не бросила меня на литературное поприще. Если б мне пришлось выбирать для детей моих крайности, в самом несчастном положении я желал бы, чтоб они были луч-

ше всю жизнь простыми солдатами или земледельцами, чем самыми счастливыми писателями, особенно журналистами! Кто хочет узнать вкус *желчи с уксусом* – милости просим к нам, под знамена Аполлона! Для того только я и пишу мои *Воспоминания*, чтоб утешиться прошлой военной жизнью. Итак, обратимся к ней.

От Выборга пошли мы целым батальоном и по сю сторону Сент-Михеля, уже в пределах новой Финляндии сошлись с пехотой, высланной вместе с нами из Петербурга, т. е. с батальоном Лейб-егерским, которым командовал полковник Потемкин (умерший в чине генерала от инфантерии и в звании генерал-адъютанта), двумя батальонами Лейб-гренадерского полка (тогда еще не гвардейского) и одной ротой пешей гвардейской артиллерии. Начальство над этим отрядом принял генерал-майор и командир Лейб-гренадерского полка Лобанов. Перешед старую границу (в конце мая), мы остановились уже на биваках, держали разъезды и пикеты и, приняв вправо от Сент-Михеля, соединились поблизости Иокос-Кирки с корпусом Баркляя–де-Толли, вступившего в одно время с нами в новую Финляндию, с двух пунктов: Нейшлота и Вильманстранда. Эскадрон майора Лорера с пятьюдесятью донскими казаками под начальством сотника Нестерова пошел вперед по Куопиоской дороге перед авангардом для открытия неприятеля. Корпус следовал за авангардом отрядами.

Никогда не забуду сотника Нестерова, потому что в жиз-

ни моей не видал таких длинных усов, как у него, и такой скифской физиономии. Усы у Нестерова достигали до пояса, а брови висели до половины лица. Из этой волосяной заросли торчал огромный ястребиный нос, сияли маленькие глаза, как звезды в тумане, и блестели белые, как снег, зубы. Нестеров искусен был во всех наездничьих проделках, поднимал на всем лошадином скаку малую монету с земли, подвертывался под брюхо лошади и в то же время стрелял из винтовки, вскакивал с одного размаха на лошадь и т. п. Это был старинный донец, какие стали уже выводиться в Донском войске.

Эскадрон Лорера шел повзводно, – по три справа, а казаки Нестерова шли версты за две впереди, врассыпную, и по приказанию своего сотника, обыскивали каждое жилище и забирали все съестное. Наш эскадрон шел в авангарде, верстах в двух за эскадроном Лорера, и Нестеров снабжал офицеров обоих эскадронов съестным. Он особенно подружился с нашим Драголевским по сходству вкусов и характеров – и фляжка Драголевского всегда наполнялась к вечеру приношением Нестерова. Перед нами все было пусто, и дома были покинуты жителями; но казаки по инстинкту отыскивали в лесах и долинах, между холмами, обитаемые жилища. Когда у нас не было съестного, майор Лорер обращался к Нестерову; тот кричал своим казакам: "Ребята, вперед, пошевели!" – и часа через два казаки возвращались с бочонками водки, с лепешками (кнакеб-ре), с баранами, а иногда пригоняли ко-

ров. Нестерова называли мы провиантмейстером авангарда.

От Искоса начали раздаваться неприятельские выстрелы. Меткие Саволакские стрелы высланы были вперед начальником шведского отряда, полковником Сандельсом, чтобы обеспокоить нас в походе. Эти стрелки, зная местность, пользовались ею и, отступая перед нами на большой дороге, высылали малые партии застрельщиков по сторонам, где только можно было вредить нам, укрывшись за камнями или в лесу. Нельзя было свернуть в сторону на сто шагов с большой дороги, чтоб не подвергнуться выстрелам, и это затрудняло нас в разъездах, и препятствовало распознавать местоположение.

Саволакские стрелки, самые опасные наши неприятели в этой неприступной стране, были крестьяне лесистой и болотистой области Саволакса, прилегающей к огромному озеру Калавеси¹¹¹.

Они были одеты в серые брюки и куртки из толстого сукна, и имели круглые шляпы. Амуниция их была из простой черной сапожной кожи. В мирное время эти стрелки жили по домам своим, занимались хлебопашеством, рыболовством и звериными промыслами, и собирались ежегодно на несколько недель на учение. Они дорожили ружейным зарядом, и редко пускали пулю на удалую. Из саволакских поселян был

¹¹¹ Знаю, что пишу неправильно, но должен следовать за нашими историками. *Весипо-фински* значит большая масса воды, то же, что *ярей*, озеро, следовательно, везде, где прозвание соединено с *веси* и *ярей*, надобно пропускать их и писать *озеро*, присовокупляя его прозвание.

один батальон регулярных егерей, а прочие составляли милицию, то же, что ныне ландверы в Пруссии. Все они дрались храбро, и были чрезвычайно ожесточены против русских.

Полковник Сандельс с 2000 регулярного войска и почти таким же числом вооруженных крестьян укрепил позицию под Иороис-Киркой. В десяти верстах перед этим селением (если можно назвать селением несколько домов возле кирки) сходятся две большие дороги в Куопио, главный город Саволакса, из Нейшлота и из Борго. Между озером Калавеси и другим небольшим озером, верстах в трех от первого, по перешейку от одного берега к другому Сандельс провел шанцы и поделал засеки. Позиция была неприступная, и Сандельс думал, что она нам дорого будет стоить.

Сообщу, кстати, анекдот о Нестерове, характеризующий тогдашних казаков. Приближаясь к шведской позиции, майор Лорер запретил казакам рассыпаться на далекое расстояние, и велел им придерживаться большой дороги. Спускаясь с пригорка, майор Лорер заметил, что толпа казаков слезла с лошадей и чем-то занималась в стороне, шагах в двадцати от дороги. Он думал, что, верно, казаки потрошат баранов, и поскакал к ним, чтобы погнать донцев впереди. И что же увидел Лорер? Человек десять саволакских егерей, которых нагнали и забрали казаки, лежали раздетые в яме, а казаки, стоя в кружок, кололи их пиками... Нестеров сидел на лошади, смотрел спокойно на эту ужасную сцену и, сняв шапку, приговаривал: "Слава те, господи! Погубили врагов Белого

царя! Туда и всем им дорога!". Добрый Лорер вышел из себя... Досталось порядком усатому Нестерову – но несчастные погибли... С этих пор майор Лорер отдал казаков и с Нестеровым под начальство нашему офицеру. Не оправдывая поступка Нестерова, должно заметить, что взбунтованные крестьяне так же зверски умерщвляли наших солдат, захватив их врасплох. Нестеров думал, что должно платить тою же монетою – и не мог постигнуть человеколюбия Лорера. – "Баловство!" – говорил Нестеров, покручивая свои богатырские усы.

2-го июня мы пришли к Иороис-Кирке, и встречены были пушечными выстрелами из орудий большого калибра. В нашем корпусе находилось несколько офицеров, уже бывших в этой стране до взятия Куопио Сандельсом, и они сказали Барклаю-де-Толли, что можно обойти малое озеро с правого фланга шведской позиции. Барклай-де-Толли послал отряд в обход с того места, где соединяются дороги Нейшлотская и Боргоская, и когда, по его расчету, обход должен был поровняться с шведской позицией, приказал атаковать шанцы с фронта. Наша пехота с криком "ура" бросилась на шанцы и засеки – и шведы не устояли. Они собрались на возвышении за киркой, удерживая наш натиск пушечными выстрелами; но, увидев наш обходный отряд за озером, начали отступать. Мы бросились на цепь неприятельских стрелков, прикрывавших ретираду, перерезали цепь, и взяли десятка два в плен. Сильно преследовали мы шведов, пока лесная пози-

ция не обеспечила их отступления.

На каждом шагу нам представлялись новые препятствия, а шведам новые средства к защите своей и к нашему вреду. Превосходство нашей численной силы было нам даже в тягость в стране, где нельзя было иначе действовать, как малыми отрядами или сжато, узким фронтом. Дорога шла между лесами, болотами и оврагами, и была пересекаема множеством ручьев. Сандельс в своем отступлении жег мосты, перекапывал дороги, заваливал их засеками, и, как стая хищных птиц, окружил наш корпус вооруженными крестьянами и партиями саволакских стрелков, знавшими все тропинки. Между Иороис-Киркой и Куопио находится селение вроде польских местечек, Варкгауз с киркой и двумя или тремя десятками домов, с лавками, в которых торговали всеми товарами, необходимыми для помещиков и крестьян. Положение Варкгауза на берегу реки и обширного озера Калавеси поблизости от Русской границы (Нейшлота), в стране бесгородной, делало его важным торговым пунктом для областей Саволакса и Карелии. Тут были наши магазины продовольствия до взятия Куо-пио Сандельсом, который по отступлении русских укрепил Варкгауз батареями, вооружил их орудиями большого калибра, и дополнил магазины съестными припасами. Варкгауз казался небольшой крепостью. Здесь Сандельс вознамерился дать нам отпор. Брать приступом это укрепленное место было бы безрассудно, не испытав других средств, и потому Барклай-де-Толли, поставив войско парал-

лельно против Варкгауза и устроив перед фронтом батареи, выслал сильный отряд в обход на правый фланг Сандельса, угрожая отрезать его от Куопио и тем принудил его отступить. Загвоздив несколько пушек большого калибра, Сандельс истребил хлеб в магазинах, взяв с собой и уложив на лодки все, что можно было взять, разобрал деревянные казармы, и двинулся к Куопио. С арьергардом его завязалось жаркое дело, и шведы сильно сопротивлялись, пока все их обозы не вытянулись на большую дорогу. Мы шли по пятам Сандельса, не давая ему ни покоя, ни отдыха, и на половине дороги от Варкгауза до Куопио снова настигли его арьергард, разбили в пух, и часть отрезали. Победа эта принесла нам горькие плоды. Отрезанные от главного отряда, шведы бросились в леса, и ушли от нашего преследования, а после, как мы увидим, наделали нам много зла.

Куопио, столица Саволакса и Карелии (в 460 верстах от Петербурга), единственное место во всей Северной и Восточной Финляндии, которое можно назвать городом. Он состоял в то время из огромной площади, на которой была каменная кирками, с кладбищем и несколькими примыкающих к площади широкими улицами, застроенными порядочными деревянными домами, выкрашенными, по тамошнему обычаю, красной водяной краской. Всех жителей в Куопио было до двух тысяч душ. Город лежит на мысе, далеко входящем в озеро Калавеси. Сандельс укрепил перешеек шанцами и батареями, решившись защищать Куопио.

Но, пока мы победителями подступали к Куопио, Сандельс нанес нам вред, стоивший поражения. За нашим корпусом следовал огромный подвижный магазин с мукой, овсом, солью и хлебным вином. Тут была жизнь наша, потому что в стране, особенно в походе, невозможно было прокормиться. При магазине находилась понтонная рота майора Дитрикса. Сандельс выслал несколько офицеров в тыл нашего корпуса для предводительства вооруженными поселениями и для собрания солдат, отрезанных от арьергарда, приказав им тревожить нас непрерывно и наносить зло по возможности. Эти толпы напали врасплох под начальством шведских офицеров на наш подвижной магазин и на понтонную роту, перебили почти всех наших солдат, сожгли понтоны и все, чего не могли взять с собою, увели лучших лошадей, а 400 остальным подрезали жилы у передних ног, под коленями. Это отзывалось уже Испанией!

Шведы мужественно защищали вход в Куопио. Около пяти часов сряду кипел жаркий бой на всей линии. Наконец наши вытеснили шведов штыками из шанцев, и вошли в город. Но Сандельс, защищая перешеек, успел перевезти на противоположный берег озера Калавеси всю свою артиллерию, багажи, и посадить в лодки большую часть войска. Арьергард его сел в лодки на наших глазах – и мы отрезали и взяли в плен только последних застрельщиков. Это было 7-го июня.

От 2-го до 7-го июня включительно, т. е. от первой встречи с шведами под Иороис-Киркой до вступления в Куопио,

пять суток сряду, корпус Баркляя-де-Толли был в непрерывном сражении, преодолевая величайшие трудности на пути, починяя или строя беспрестанно мосты, паромы и дороги, вытесняя неприятеля из укреплении и засек и подвергаясь беззащитно смерти от пуль партизан, окружавших наш корпус днем и ночью.

Истребление нашего подвижного магазина и понтонной роты Дитрикса и многочисленность шаек возмущившихся крестьян, бродивших вокруг нас, заставили Баркляя-де-Толли привесгь в безопасность наше сообщение со старой Русской границей. Несколько батальонов пехоты и три эскадрона нашего полка заняли посты от Куопио до Нейшлота и Сент-Михеля. Наш командирский эскадрон и эскадрон князя Манвелова остались в городе, и расположились повзводно и пополувзводно в нескольких домах.

Почти все жители оставили город, и дома были пусты. В городе не было никакого местного управления. Дивизионному дежурному штаб-офицеру майору Воейкову поручено было управление городом. Майор Герике занимал должность плац-майора и полицмейстера. Офицерам нашего полка и начальникам полков позволено было занять квартиры в городе, где кому было угодно. Войско, исключая прикрытие главной квартиры, стало на биваках за городом.

По какому-то особенному счастью, я и приятель мой, корнет Францкевич, заняли дом в уединенной улице, которого хозяйка, почтенная старушка, не решилась оставить своего

пепелища. Она имела лавку внутри города, в которой торговала по шведскому обычаю *всем*, от кофе и сахара до дегтя и веревок. Два ее сына ушли из города вместе с другими жителями, ожесточенными против русских, и увезли на другую сторону озера товары. Старушка осталась охранять дом. Он был весьма хорошо меблирован, разумеется относительно бедности края, и был полон всякого рода припасами. По праву завоевателей мы взяли все ключи от хозяйки, осмотрели все уголки дома, от погреба до чердака, списали все съестное и все напитки, велели снести в одно место все относящееся к продовольствию, и оставили ключи от этих сокровищ у себя, а от всего имущества отдали ключи хозяйке, разумеется, не прикоснувшись ни к чему. По городу объявлено было оставшимся жителям, что они должны снабжать постояльцев съестными припасами, следовательно, мы не нарушили военной дисциплины.

При хозяйке оставались работник, кухарка и служанка. Кухарка должна была варить кушанье для нас, для своей хозяйки и для всей нашей прислуги, и чего она не успевала стряпать, то изготавлял ординарец Францкевича, бывший перед службой поваром. Выдавал съестные припасы Францкевич, принявший на себя управление хозяйством. Недоставало в доме мяса, потому что мы не хотели убивать коров хозяйки, но как в лагере войско должно было само промыслить съестные припасы к мы высылали улан на фуражировку, то в мясе у нас не было недостатка. Мы жили роскошно,

имели по несколько блюд за обедом и за ужином, весьма хорошее вино, кофе и даже варенье для десерта.

Только шесть домов во всем городе имели подобные запасы, и по особенному случаю самый богатый дом достался двум корнетам! Была попытка отнять у нас квартиру, но Барклай-де-Толли по представлению Воейкова не допустил до того. "Военное счастье, – сказал он, улыбнувшись, – пусть пользуются!"

Но не одни мы пользовались. Все наши товарищи, приятели и хорошие знакомые наравне с нами наслаждались нашим изобилием. Я уже сказывал, что наш полк жил в приязни с гвардейскими егерями, а я особенно был в дружбе с батальонным адъютантом, князем Голицыным, с поручиком князем Черкасским и с прапорщиком Репнинским (умершим в генеральском чине). Они почти жили у нас в Куопио. Кроме них посещали нас почти все офицеры их батальона. Памятнее всех для меня поэт Батюшков и друг его, поручик Петин. Все эти молодые офицеры были люди образованные, и нас связывала, главнейшее, любовь к литературе. В Ревельском, в Низовском и в 3-м Егерском полках было также множество прекрасных, образованных офицеров и много было благовоспитанных лифляндцев. Я особенно дружен был с капитанами Колином и Фрсйманом (Ревельского полка) и молодыми офицерами Штакельбергом и Вильбоа (3-го Егерского полка). – Ежедневно человек пятнадцать садились у нас за стол, а на вечер собиралось к нам иногда человек до

тридцати. Подавали чай, пунш, глинтвейн, сабойон и потом ужин, играли в карты, иногда призывали песенников и музыкантов. И старики посещали нас. Полковник Иван Васильевич Сабанеев, подполковник Луков, генерал-майор Лобанов, комендант города Воейков и другие начальники полков и батальонов проводили у нас вечера за вистом. У нас был род трактира с той разницей, что все было *даровое* и мы сами, хозяйева этого *дарового трактира*, сделали род вывески, написав на оконных стеклах по-французски: diner et souper, punch, sabaillon, vins et liqueurs pour les bons amis. Это была шалость, впрочем, извинительная по тогдашнему времени. — Я и Францкевич сделались известными этим *даровым трактиром*, в целом нашем корпусе.

Взглянем теперь на общий ход дел.

ГЛАВА III

Генерала Тучкова 1-го сменяет генерал Раевский в командовании передовым действующим корпусом. – Распоряжения главнокомандующего к изгнанию шведской армии из Финляндии. – Невозможность исполнения этого плана. – Барклай-де-Толли выступает из Куопио на помощь Раевскому, оставляя в городе генерала Рахманова только с 3000 человек. – Раевский доведен до крайности, и отступает перед шведским генералом Клингспором. – Шведы делают безуспешные высадки близ Або и Вазы. – Беспорядки в Вазе. – Восстание в Финляндии усиливается. – Полковник Сандельс, пользуясь отсутствием Барклая-де-Толли, нападет два раза на Куопио – но отбит русскими. – Подробности сражений. – Опасное положение Куопийского отряда. – Барклай-де-Толли возвращается в Куопио. – Сандельс в ту же ночь снова атакует Куопио со всею своею силой. – Барклай-де-Толли разбивает шведов. – Блистательные подвиги Лейб-егерского батальона. – Канонирские лодки приходят в Куопио под начальством лейтенанта Колзакова. – Прибытие полковника маркиза Паулуччи в армию для освидетельствования ее, и проезд его в Куопио. – Уважение и любовь войска к Барклаю-де-Толли. Характеристика его и жизнеописание до этой эпохи. – Барклай-де-Толли по болезни оставляет армию. Корпус его поручен генералу Тучкову I. – Отряд пол-

ковника Сабанеева выслан из Куопио к корпусу графа Каменского. – Наш эскадрон поступает в этот отряд.

Отряд генерала Тучкова 1, отданного под следствие, поступил под начальство генерала Раевского. В то самое время, как Барклай-де-Толли двинулся из Нейшлота к Куопио, Раевский стоял близ морского берега, возле Гам-ле-Карлеби в самом опасном положении. Против него, под Брагештадтом, стоял граф Клингспор, с 13 000 регулярного войска и толпами вооруженных крестьян, а по всему берегу шведы угрожали высадкой, и Раевский со своим слабым отрядом легко мог быть отрезан и поставлен между двух огней. Для обеспечения Раевского в тылу поставлен был в городе Вазе генерал-майор Демидов с двумя пехотными полками (Петровским и Белозерским) и одним эскадроном драгун (Финляндского полка), а Севский мушкетерский полк отряжен был Раевским в Нью-Карлеби для поддерживания сообщений с Демидовым. Граф Орлов-Денисов со слабым отрядом (из одной роты пехоты, эскадрона драгун и эскадрона лейб-казачков) наблюдал огромное пространство между Вазой и Христиенштадтом. Прочее войско стояло по морскому берегу от Або до Свеаборга. Главная квартира была в Або. Отсюда распоряжался граф Буксгевден.

Эта диспозиция, или расстановка войска по местности края и положению неприятеля, была бы весьма хороша, если б передовой наш отряд, т. е. корпус Раевского, был по край-

ней мере равносильно шведскому войску, стоявшему противу него. Но после неудачи Кульнева и Булатова, у Раевского со всеми пришедшими к нему подкреплениями было не более 6800 человек, а с этим числом он не мог удерживать десанты и противиться графу Клингспору. — План графа Буксгевдена состоял в том, чтоб Раевский, отступая, завлек графа Клингспора внутрь края, и в то время Барклай-де-Толли, оставя 3000 человек в Куопио, против Сандельса, долженствовал ударить в левый фланг Клингспора и, зайдя ему в тыл, отрезать его от Улеборга. Но если бы Барклаю-де-Толли и удалось даже исполнить предписание графа Буксгевдена, т. е. поспешить из Куопио для совокупного действия с Раевским, то все же у обоих русских генералов было бы не более 11 300 человек противу 13 000 регулярного шведского войска и до 6000 вооруженных крестьян в стране взволнованной и враждебной русским. В Петербурге не одобрили плана графа Буксгевдена, весьма справедливо опровергая тем, что Раевский и Барклай-де-Толли могут быть разбиты отдельно, и Куопио взят Сандельсом при столь слабой защите. Но граф Буксгевден, как я сказал, был непреклонного характера и невзирая на все представления решился действовать раздробленными силами.

По счастью для нас, граф Клингспор был человек нерешительный и, не надеясь на сильную помощь из Швеции, не отваживался на смелые предприятия. После Револакского дела он мог бы разгромить корпус Тучкова, но отговаривался

оттепелю, а потом усталостью войск, и шесть недель не беспокоил Раевского. Только в конце мая, удостоверясь, что к Раевскому не приходит помощь, граф Клингспор двинулся вперед. Раевский, не имея продовольствия, должен был отступать к Вазе, и 5-го июня остановился в Лил-Кирке, в 18-ти верстах от сего города. Между тем единственная надежда Раевского на доставление своему отряду продовольствия исчезла. Граф Клингспор шел берегом, а полковник Фияндт с отрядом партизан действовал на правом фланге Раевского, зашел в тылу, захватил русский магазин, и взбунтовал всех жителей в тыл нашего отряда. Все сообщения Раевского были прерваны, и от не имел ни хлеба, ни подвод для перевозки больных и тяжестей. Наши малые отряды и посты были захватываемы и беспощадно умерщвлены. Но как граф Клингспор шел медленно, ожидая высадки: шведских войск, то граф Буксгевден думал, что он пошел на Куопио, и приказал Раевскому начать наступательные действия. Еще Раевский не успел одуматься, как шведы уже сделали две высадки у Або и у Вазы, а граф Клингспор атаковал авангард Раевского. Не стану описывать подробностей, которых сам я не был свидетелем¹¹².

¹¹² Высадка под Або произошла 8-го июня, пятью днями ранее вазовской высадки. Шведский генерал Фегезак с 4000 шведов вышел на берег, и устремился прямо на город, надеясь на помощь жителей. По счастью, главнокомандующий отменил долженствовавшую быть в этот день ярмарку. Силы были равные, но героическое мужество наших солдат, ободренных примером генералов и офицеров, склонило победу на нашу сторону. Более всех отличился Невский мушкетерский

После жестокой борьбы десанты были отбиты, но Раевский принужден был отступить перед неприятелем, более нежели вдвое его сильнее и притом окруженный со всех сторон шведскими партизанами. Для открытия сообщения между Барклаем-де-Толл и послан был внутрь края полковник Власов с 24-м Егерским полком, которому удалось разбить (21-го июня) партизан Фияндта под Линдулаксом. Раевский двинулся вперед, вытеснил неприятеля из Лаппо-Кирки, и остановился. Здесь атаковал его граф Клингспор, и 2-го июня произошло памятное сражение, в котором русские, оказав чудеса храбрости, должны были уступить числу. Во время наступления Раевского шведские партизаны с оставшими крестьянами бросились в тыл его отряда, жгли мосты, раскапывали дороги, уводили лодки от берега, и отрезали его от всех сообщений, от всякой помощи. Войско было без хлеба, изнурялось от голода, питаясь почти исключительно грибами. Даже боевых снарядов оставалось немного. Положение было отчаянное, и Раевский, достигнув до Кирки-Алаво, собрал на военный совет всех своих генералов и полковников, изложил состояние дел, и требовал решительного мнения. Положено было отступить к Тавастгузу, и 12-

полк, ударив в штыки на неприятеля. Шеф полка, генерал-майор Моглоков, был впереди; генералы Багговут и Тучков 1 (бывший под следствием) сами шли в стрелковой цепи. Офицеры везде были первые, и соревнование было так велико, что даже раненые солдаты после перевязки добровольно возвращались в битву. Войско было чудное, и потому-то оно внушало такую самонадеянность главнокомандующему.

го июля отряд Раевского выступил в поход.

Во время отступления Раевского к Лаппо случились два происшествия, наделавшие тогда много шуму. 12-го июня шведский десант в 2000 человек под начальством полковника Брегштраля вышел на берег для овладения Вазой. Шведы схватили первый русский пикет, и полковник Бергштраль, послав малый отряд прямо на Вазу, сам с главными силами обратился внутрь края по дороге к Лиль-Кирке. Генерал-майор Демидов, не имея положительных известий о движении шведов, пошел со всею своею силою против малого шведского отряда к Сведбю, оставя только две роты для охранения города, и, пока шведы отступали на этом пункте, Бергштраль обратился на проселочную дорогу, и вступил в город. Узнав об этом, Демидов воротился и повел атаку на город, в котором шведы успели уже утвердиться. Жители соединились с шведами. Число русских и шведов было почти равное, но шведы имели то преимущество, что защищались в закрытых местах, и имели на своей стороне жителей, которые стреляли в русских из окон, и бросали все, чем можно было повредить человеку. Штыками русские очищали дома и улицы, и после жестоко боя, продолжавшегося пять часов сряду, шведы начали отступать. Тогда Бергштраль, собрав резерв, бросился в штыки, но был ранен и взят в плен, и это решило участь того дня. Шведы обратились в бегство, к судам своим и отплыли. Наши взяли в плен 17 офицеров, 250 солдат и одно орудие.

Наши солдаты были ожесточены против жителей, сражавшихся вместе с шведскими солдатами, и во время общей суматохи, врываясь в дома для изгнания неприятеля, *подняли город на царя*, как говорили в старину, т. е. разграбили богатейшие дома и лавки. Многие из сопротивлявшихся жителей были убиты, и нельзя было избежать, чтобы при этом не произошло каких-нибудь покушений против женского целомудрия. Когда жители края принимают участие в войне, то всегда должны ожидать жестокой мести. Таковы последствия каждой народной войны! – Шведские и английские газеты возопили противу варварства русских, утверждая, что Демидов *приказал* грабить, убивать и насиловать и что русские умерщвляли женщин и детей. Вазу сравнивали с Прагой. Все это было несправедливо. Демидов вовсе не *приказывал* грабить, но как солдаты дрались толпами, отдельно, во многих местах без офицеров, и должны были брать приступом дома, то и невозможно было наблюдать за порядком. Женщин и детей вовсе не убивали, а убивали взрослых мужчин, противившихся и вооруженных. Все это подтверждено одним из правдолюбивейших людей, какие когда-либо были в России, покойным князем Дмитрием Владимировичем Голицыным, посланным тогда для произведения следствия. Оправдывать этого несчастного события невозможно и не должно, а можно только сожалеть о нем, извиняя наших солдат ожесточением в битве. Кто видел, как берут города с боя, когда жители сопротивляются вооруженной рукой, тот легко поймет

невозможность удержать в порядке разъяренных солдат, сражающихся врассыпную.

Впрочем, поступки жителей некоторым образом извиняли месть русских. Десантное шведское войско привезло с собою многие тысячи прокламаций к финскому народу от имени короля, возбуждавшего всех жителей к восстанию и истреблению русских всеми возможными средствами как разбойников или диких зверей. Пасторы проповедовали в церквях и в поле, что даже частное убийство неприятеля дозволено для защиты отечества, и подкрепляли свои речи примерами из Ветхого Завета. Бунт усилился, и береговые жители, коренные шведы, восстали сильными толпами, и отчаянно нападали на наши малочисленные отряды. Первою жертвой неистовства разъяренной черни были наши храбрые лейб-казаки из отряда графа Орлова-Денисова. Семьдесят человек лейб-казаков захватили поселяне врасплох на морском берегу и мучительно умертвили. Я сам видел яму, в которой под грудой угольев найдены кости наших несчастных казаков. Говорят, что поселяне бросали в огонь раненых вместе с мертвыми. Некоторые пикеты, явно атакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающей силой бунтовщиков, и изрублены топорами на мелкие куски. Находили обезглавленные трупы наших солдат, зарытые стоймя по грудь в землю. Изуродованные тела умерщвленных изменчески наших солдат висели на деревьях у большой дороги.

Народная война была в полном разгаре. Усмирить бун-

товщиков было невозможно. Граф Орлов-Денисов, наблюдавший внутренность края, не имел на то достаточных сил, и сам был в крайней опасности. Он хотел выйти на береговую дорогу, но взбунтованные крестьяне отрезали ему путь к Вазе, и заставили его отступить. Он остановился между Христиненштадтом и Биернеборгом. Самый большой вред наносили нам солдаты Свеаборгского гарнизона, распущенные по домам и обязавшиеся, в силу капитуляции, не поднимать оружия против русских. Эти солдаты предводительствовали толпами крестьян и даже принуждали многих силою оставлять дома и сражаться с русскими. Граф Орлов-Денисов, получив подкрепление, стал действовать против партизан, и объявил, что каждый из этих солдат, взятый с оружием в руках, будет повешен как изменник и каждый крестьянин, уличенный в бунте, – расстрелян. Исполнение этой угрозы вскоре последовало после объявления. Захваченных в плен солдат бывшего Свеаборгского гарнизона вешали на деревьях на большой дороге и при кирках с надписью: "За измену" – но из крестьян расстреливали только самых ожесточенных и начальников шаек. Прочим брили голову и отсылали в Свеаборг на крепостную работу.

Самый опасный враг, нанесший нам более прочих вреда, был партизан Рот (Root), из родом Финляндии, унтер-офицер Биернеборгского полка. Он начал свои действия в тылу корпуса Раевского только с сорока солдатами, самыми отчаянными из всей армии графа Клингспора и знавшими

притом всю местность, а потом вошел в сношение со всеми взбунтованными шайками, сделался их предводителем, и распорядился их движениями. Забирая все транспорты со съестными и боевыми припасами, высылаемые к Раевскому, он довел его корпус до отчаянного положения, замедляя его отступление истреблением мостов, переправ и порчей дорог. Роот первый вызвал солдат бывшего Свеаборгского гарнизона на поле битвы, убедив их в ничтожности данного ими обещания не сражаться с русскими. Роот был везде и нигде, переезжая беспрестанно с места на место по озерам и проходя тропинками через леса и болота. Он едва не взял города Таммефорса в тылу нашей армии, где был склад наших запасов и парки, и только необыкновенное мужество майора Юденева, охранявшего город двумя ротами Петровского мушкетерского полка, спасло корпус Раевского от величайшего бедствия, которое должно было бы его постигнуть по истреблении запасных магазинов и парков.

Курьеры, посылаемые от Раевского к главнокомандующему с донесениями, что он не только не может действовать наступательно, но принужден ретироваться, были перехвачены шведскими партизанами, а граф Буксгевден, с полной уверенностью на успех ожидал в Або известий о начале совокупного действия Баркляя-де-Толли и Раевского против графа Клингспора. В исполнение повелений главнокомандующего Барклай-де-Толли выступил из Куопио, на третий день после его занятия оставив в городе шефа Низовского муш-

кетерского полка, генерал-майора Рахманова с его полком, Ревельским мушкетерским, батальоном гвардейских егерей, одною ротой гвардейской пешей артиллерии, одним эскадроном улан (именно нашим, т. е. командирским) и двадцатью донскими казаками. Сам Барклай-де-Толли пошел для совокупного действия с Раевским, с полками: Лейб-гренадерским, Азовским мушкетерским, 3-м Егерским, полуротой артиллерии, четырьмя эскадронами нашего полка и ста пятьдесятю казаками.

Спрашиваю: мог ли Рахманов с неполными тремя тысячами человек, исполнить поручение Барклая-де-Толли, основанное на предписании графа Буксгевдена? Ему приказано было охранять сообщения с Россией, удерживать Куопио до последней крайности, устрашать неприятеля предприятиями к переправе через озеро, а если удастся, набрать лодок у жителей, нападать на заозерную позицию Сандельса у Тайволы и по прибытии канонирских лодок из озера Саймы в озеро Калавеси решительно переправиться через озеро, разбить Сандельса, овладеть Тайволой, и наконец открыть сообщение с так называемым Свердобо́льским отрядом, т. е. с генерал-майором Алексеевым, шефом Митавского драгунского полка, выступившим из Сердоболя в Карелию только с четырьмя эскадронами драгун и 150-ю казаками для усмирения этого обширного, лесистого и болотистого края! Дела невозможные!

Кажется, будто граф Буксгевден почитал наших солдат

бессмертными или, по крайней мере, неуязвимыми и одаренными тройной силой против неприятеля, поручая генералам такие дела к исполнению! Забывал он также, что самый мужественный человек требует пищи. Разъезжая по берегу, между Гельсингфорсом и Або, или живя в одном из этих городов, граф Буксгевден не видел настоящей нужды войска, не имел надлежащего понятия о положении дел, и до последней минуты своего командования был твердо убежден, что шведы не намерены держаться в Финляндии и станут отступать при нашем сильном натиске. Донесения наших отрядных начальников о восстании жителей и о вреде, наносимом ими, почитал граф Буксгевден преувеличенными, приписывая их успехи нашей неосторожности, не обращая никакого внимания на местность, благоприятную для партизанских действий, хотя в донесениях государю сравнивал Финляндскую войну с *Вандейскою*.

Генерал-майор Рахманов, человек пожилой, старый служивый, храбрый и опытный воин, хотя и не стратег, чувствовал, что данная ему инструкция не может быть исполнена; но он решился защищать Куопио до последней капли крови, и не скрывался в этом. Собрав штаб-офицеров и начальников рот, он сказал им без обиняков: "Господа, внушите своим солдатам, что у нас нет другой ретирады, как в сырую землю. Отступать некуда ни на шаг. Если шведы нападут на нас, мы должны драться до последнего человека, и кто где будет поставлен – тут и умирай!" – Рахманов говорил людям,

которые понимали его, и офицеры передавали слова генерала воинам, которых эти слова радовали, вместо того чтобы привести их в уныние. Никогда я не видел таких отличных полков, каковы были Низовский и Ревельский пехотные, 3-й Егерский (полк Баркляя-де-Толли) и Лейб-егерский батальон. Не только у Наполеона, но даже у Цезаря не было лучших воинов! Офицеры были молодцы и люди образованные; солдаты шли в сражение, как на пир: дружно, весело, с песнями и шутками.

На изгибе мыса, на котором стоит Куопио, была мыза, прозванная нами, по цвету господского дома *желтою мызой*. Тут поставлен был с ротой Низовского полка капитан Зеленка, человек необыкновенной храбрости, одаренный высшим военным инстинктом. Он знал важность своего поста, потому что шведы, овладев *желтою мызой*, зашли бы нам в тыл, и потому решился защищать свой пост до последней капли крови. — Однажды, когда я приехал к нему с разездом, он сказал мне шутя; "Я хотя и не Леонид, но стою в Фермопилах, и меня *вынесут* отсюда, но *не выгонят*" С такими офицерами можно отваживаться на смелые предприятия в войне. Но наша отвага переливалась уже через край!

На третий день по выходе Баркляя-де-Толли полковник Сандельс, собрав множество рыбацких лодок, посадил на них своих солдат, и атаковал Куопио с двух сторон с северной и от *желтой мызы* (10-го июня). Капитан Зеленка мужественно встретил неприятеля и, послав одного казака к Рах-

манову просить помощи, бросился вперед на шведов, шедших кустарниками, оставив один взвод для защиты мызы. Шведов было втрое более, но они приведены были в замешательство движениями Зеленки, и полагали, что шпионы ложно их известили о числе русских, занимавших *желтую мызу*. Зеленка между тем велел оставшимся солдатам лазить по крыше дома, чтобы шведы видели издали, что у него есть резерв. Шведы завязали перестрелку в кустарниках и не напирали сильно на Зеленку. Между тем полковник Потемкин с Лейбегерским батальоном вышел навстречу Сандельсу на северную оконечность мыса, и ударил в штыки. Храбрые лейб-егери бегом устремились на шведов и, выстрелив залпом, с криком «ура!» бросились, как отчаянные, в их ряды. Шведы не устояли и побежали к своим лодкам. Лейбегери остановились только для того, чтобы зарядить ружья, и погнались за шведами, которые, сев поспешно в лодки, отчалили от берега. Два наших взвода шли за егерями, а два посланы были на помощь Зеленке; но мы не могли атаковать шведов, потому что местность не позволяла, и были только свидетелями под градом пуль, чудного мужества наших товарищей. От *желтой мызы* шведы также отступили после неудачи на северной оконечности мыса. Зеленка преследовал их до берега.

Сандельс скрылся со своею флотилией между заламами лесистого берега и 13-го июня вышел на берег, близ Варкгауза, и напал на отряд Азовского пехотного полка, со-

провождавшего транспорт. Азовцы защищались храбро, но должны были уступить числу, и Сандельсу удалось отбить до 75-ти подвод с мукой. Потеря для нас была тем важнее, что открывала ненадежность наших сообщений с Нейшлотом, откуда мы ожидали продовольствия, не имея возможности охранять путь. Лодок у нас вовсе не было.

Набрав еще более лодок, во время своей экспедиции на Варкгауз, Сандельс почти со всеми своими силами и с толпами вооруженных крестьян атаковал Куопио. 15-го июня. День был туманный, и на озере нельзя было видеть ничего в десяти шагах. Сандельс пристал к скалистому берегу, поросшему кустарником, в южном заливе мыса. Наши посты тогда только увидели неприятеля, когда они уже были у самого берега. Некоторые наши пикеты были отрезаны и бросились в лес, другие завязали перестрелку. Несколько казаков прискакали в город с известием, что на нас идет, по казацкому выражению, «*видимая и невидимая сила*».

Оставив в городе только караул и пикеты на берегу озера, Рахманов вышел за город со всем своим отрядом против этой *видимой и невидимой силы*. Число неприятеля было нам не известно, но мы знали, что к Сандельсу сходятся толпами лучшие стрелки из северного Саволакса и Карелии и, как носились слухи, более двух тысяч этих охотников уже были под знаменами Сандельса. Я был послан со взводом для прикрытия свитского офицера, долженствовавшего рассмотреть, какое направление берет неприятель. Подъехав к ска-

листуому берегу, верстах в трех от города, свитский офицер и я взобрались на скалу, и увидели множество лодок, причаливших на большое расстояние от берегу, и шведов, шедших в нескольких колоннах по направлению к северо-западу, чтоб выйти на дорогу, ведущую к Куопио. Толпы стрелков шли вперед колонн, врассыпную. Неровное местоположение, овраги, холмы и кустарники то скрывали, то открывали перед нами неприятеля, и мы в тумане не могли определить числа его, но заключили, что шведов и крестьян было не меньше трех тысяч человек.

Туман между тем поднимался, и шведские стрелки, увидев нас, бросились вперед, чтоб отрезать нас от Куопио. Мы поскакали в тыл, и встретили наш отряд уже в версте от шведов. Рахманов выслал стрелков и стал фронтом перед перешейком, соединяющим с твердой землей мыс, на котором построен город. Началось дело, продолжавшееся с величайшей упорностью с обеих сторон в течение более пяти часов. Нам шло о существование. Если бы шведы вогнали нас в город, то нам надлежало бы или сдаться, или выйти из города по телам неприятеля, пробиваясь штыками, потому что у нас вовсе не было провианта. Избегая блокады в городе, в случае неудачи нам должно было бы броситься в леса, внутрь Финляндии, и идти вперед наудачу для соединения с Барклаем-де-Толли или Раевским, не имея никаких известий об их направлении. Рахманов приказал объявить солдатам о нашем положении и о надежде своей на их мужество. *«Не вы-*

дадим!» – закричали лейб-егери, смело идя вперед. Соревнование сделалось общим. Едва ли когда-либо дрались с большим мужеством и ожесточением!

Капитан Зеленка, получив подкрепление, защищал *желтую мызу* с величайшим упорством противу тройного числа неприятеля, и когда Рахманов уверился, что этот важный пост крепко держится, то, не опасаясь уже обхода, велел Низовскому полку и лейб-егерям ударить в штыки, оставшись сам в резерве с частью Ревельского полка. Наши отчаянно бросились на шведов, которые, однако ж, устояли при первом натиске. Тут началась резня, почти рукопашный бой¹¹³ и шведы наконец уступили нашим. Местоположение позволило выдвинуть вперед наши пушки, и картечи довершили поражение. Шведы обратились к своим лодкам, отстреливаясь и преследуемые нашими на пол-ружейный выстрел. Нашим удалось по камням и оврагам перетащить две пушки на берег. Эти пушки сильно вредили шведам в то время, когда они садились в лодки. Мы провожали их и на озере ядрами, и несколько лодок разбили и потопили при громогласном «ура!» на берегу.

В этом деле отличились в нашем отряде все, от первого до последнего человека, но честь победы принадлежит Низовскому полку и лейб-егерям, словившим шведскую линию

¹¹³ Отметим: «почти рукопашный бой» Это свидетельство исключительной редкости рукопашного боя, даже для такого ожесточенного сражения (Прим. Константина Дегтярева)

штыками и принудившим шведов к отступлению пылкостью своего наступления и стойкостью. Только тяжелораненные оставались на месте, там, где упали, а кто мог идти, шел вперед раненый и окровавленный. Когда шведы уже отплыли, тогда только стали искать тяжелораненных на поле битвы и выносить на большую дорогу.

Победа была полная, но, кроме того, что мы сохранили Куопио, она не принесла нам никакой существенной пользы, и Рахманов был не в состоянии исполнить других поручений Баркляя-де-Толли. Нельзя было и думать о нападении на шведскую позицию у Тайволы, не имея ни одной лодки; сообщения наши с Россией были прерваны, и мы ничего не знали о Сердобольском отряде. Сандельс оставил вооруженные толпы крестьян в лесах, вокруг Купио, под начальством шведских офицеров, приказав им истреблять наших фуражиров и наши отдаленные посты, и беспрерывно тревожить нас в Куопио. Эти партизаны отлично исполняли свое дело. Недостаток в съестных припасах заставлял нас высылать на далекое расстояние фуражировать, чтоб забирать скот у крестьян, отыскивая их жилища в лесах, и каждая фуражировка стоила нам несколько человек убитыми и ранеными. Отдельные посты были беспрерывно атакуемы, и половина отряда капитана Зеленки день и ночь была под ружьем. Почти каждую ночь в Куопио была тревога, и весь отряд должен был браться за оружие. Крестьяне подъезжали на лодках к берегу; в самом городе стреляли в часовых и угрожали ложной

высадкой. Не зная ни числа, ни намерения неприятеля, нам надлежало всегда соблюдать величайшую осторожность. Голод и непрерывная тревога изнуряли до крайности войско. Госпиталь был полон.

Уланы и казаки содержали разъезды, и я почти через день проводил ночь за городом на коне. Но и все офицеры нашего отряда проводили бессонные ночи, не раздеваясь и отдыхая только днем. В моей квартире по-прежнему было общее собрание офицерства. Нужды не знал я в Куопио, и непрерывная деятельность была мне не в тягость. Мы проводили время весело, в офицерском кругу, хладнокровно рассуждали о нашей будущей участи, не предвидя ничего, кроме смерти в бою, если нас оставят надолго в этом положении.

В этой непрерывной тревоге и сражениях прошло шесть дней, и на седьмой день Барклай-де-Толли, получив от Рахманова верное изображение нашего положения, возвратился в Куопио (17-го июня). Трудно описать радость, какую мы ощутили, увидев помощь!

Барклай-де-Толли подвергся упреку, что, не исполнив предписания главнокомандующего, приказавшего ему действовать во фланг графу Клингспору, когда Раевский будет действовать с фронта, он расстроил весь план к изгнанию шведов из Финляндии летом 1808 года и, дав Клингспору время и средства потеснить Раевского., довел его до крайности, и продлил войну. Правда, что Барклай-де-Толли не исполнил приказания главнокомандующего, потому что не

мог исполнить и действовать по плану, начертанному в кабинете главнокомандующего, без малейшего соображения обстоятельств, без всякого внимания на положение северовосточной Финляндии, т. е; Саволакса и Карелии. Легко было главнокомандующему, разложив карту Финляндии, играть в стратегию, как в шахматы; но Финляндия была беспокойная и безмолвная шахматная доска, и возмущенный народ не пешки!

Барклай-де-Толли, выступив из Куопио, для исполнения плана главнокомандующего, пошел по большей дороге, соединяющей Куопио с Гамле-Карлеби (т. е. с морским берегом). 10-го июня Барклай-де-Толли прибыл к кирке Рауталамби, лежащей в семидесяти пяти верстах от Куопио, между озерами Конивеси и Кивисальми. Здесь дорога идет через проливы озер. При селении Тохолас, на широком проливе находился перевоз, а на двух меньших проливах, образующих остров при селении Кивисальми, были два моста. Полковник Сандельс, который для того только и выслан был в Куопио, чтобы сделать нам диверсию, т. е. разделить наши силы и воспрепятствовать совокупно действовать против графа Клингспора, употребил все зависящие от него средства для удержания Барклая-де-Толли в походе. Он дал приказание своим партизанам (образовавшимся из отрезанного нами шведского арьергарда, во время преследования Сандельса до Куопио) истребить переправу и мосты на озерах Конивеси и Кивисальми, перекапывать дорогу, зажи-

гать леса по обеим сторонам узкой дороги и перехватывать или умерщвлять наших фуражиров. Барклай-де-Толли, прибыв в Рауталамби, должен был остановиться. Хотя большая часть лодок на озерах была угнана с севера, но Барклай успел переправить свой авангард в челноках через озера, и велел ему ждать всего отряда в селении Койвиста, в 79-ти верстах от первой переправы при Тохолаксе, занявшись между тем устройством переправы через озера для всего отряда.

В это время Барклай-де-Толли получил самое отчаянное донесение от Рахманова из Куопио. Рахманов извещал, что отряд его находится в крайности, без продовольствия и что он не может удержать сообщений с Нейшлотом на расстоянии 180-ти верст, потому что Сандельс сильнее его и беспрестанно угрожает Куопио и что нельзя ослаблять отряд высылкой партий для провожания подвижных магазинов, которые подвергаются опасности быть взятыми шведами, как то уже и случилось при Варкгаузе. Рахманов изъявлял даже опасение насчет Куопио, донося, что у него скоро не останется патронов и что отряд его может погибнуть в развалинах города, мужественно защищаясь, но едва ли в состоянии будет долго держаться и отбивать неприятеля. Барклай-де-Толли рассудил, что если Сандельсу, которого он почитал сильнее Рахманова, удастся вытеснить наших из Куопио, то весь правый фланг армии будет открыт, граница наша не защищена, и восстание всамо́й воинственной части Финляндии примет новую силу, и в следствие этих соображений решил-

ся взять на свою ответственность неисполнение предписания главнокомандующего. Выслав авангард свой, состоявший из части Азовского мушкетерского, 24-го Егерского полков и сотни казаков под начальством полковника Властова, на помощь Раевскому, Барклай-де-Толли возвратился с остальной частью своего отряда в Куопио, учредив посты между этим городом и Варкгаузом для удержания партизан от нападений на наши подвижные магазины. Лейб-гренадерский полк и три эскадрона нашего полка остались на этих постах, которыми командовал генерал Лобанов.

Барклай-де-Толли вступил в Куопио ночью, уже по пробитии вечерней зари, с 17-го на 18-е июня. Войско расположилось на биваках за городом, и развело огни. Светлая северная ночь омрачена была сильным туманом. Прибытие штаба и множества офицеров в город произвело некоторую суматоху. Кто искал для себя квартиры, кто отыскивал знакомых, товарищей; на улицах стояли повозки и лошади; для больных искали помещения и т. п. У меня на квартире собрание офицеров было обыкновенное. К ужину подали целого жареного барана, которого я накануне купил за два червонца у казака. Мы веселились, шутили, между тем как уланы вносили в соседнюю залу солому, где я располагал уложить моих гостей на отдых... Вдруг раздался пушечный выстрел., и стекла в окнах задрожали... другой выстрел, третий, четвертый... потом ружейные выстрелы... Мы отворили окна – выстрелы раздавались на озере и за городом, а в городе би-

ли тревогу... Все гости мои побежали опрометью к своим полкам и командам; я велел поскорее седлать лошадь, и поскакал на наше сборное место, к кирке. Эскадрон уже строился. Это был полковник Сандельс, который, пользуясь туманом, прибыл из Тайволы, чтобы пожелать нам доброй ночи и спокойного *вечного* сна! Устлав досками несколько лодок, соединенных бревнами, он таким образом устроил две плавучие батареи и, посадив весь свой отряд на лодки, атаковал Куопио с трех сторон: с *желтой мызы*, с южной стороны перешейка и у самого северного предместья, перед которым находится лес. Весь наш отряд выступил из лагеря, и Барклай-де-Толли, не зная, где неприятель и в каком числе, высылал батальоны на те места, где завязывалась перестрелка с нашими передовыми постами и где предполагали найти неприятеля. Из пушек, поставленных на берегу, стреляли наудачу. На большой площади поставлен был резерв в сомкнутой колонне, с двумя пушками. Ружейные выстрелы гремели вокруг города. Везде была страшная суматоха, везде раздавались крики и выстрелы, и ничего нельзя было видеть, кроме ружейного огня...

Наконец, с утренней зарей рассеялся туман, и Барклай-де-Толли, проскакав по всей линии, тотчас распорядился, К *желтой мызе* послана была немедленно помощь. Нашего полка эскадрон князя Манвелова поспешил туда на рысях, взяв на каждую лошадь по одному егерю 3-го Егерского полка. Против главной силы шведов, ломившихся в город с пра-

вой стороны Куопио, выступил сам Барклай-де-Толли с частями Низовского и 3-го Егерского полков и двумя пушками. Полк Ревельский мушкетерский, Лейб-егерский батальон и наш эскадрон составляли загородный резерв.

Битва кипела с величайшим ожесточением на всех пунктах. Перед нами в лесу была сильная ружейная перестрелка. Низовский мушкетерский и 3-й Егерский полки, при всей своей храбрости и не могли противостоять шведам в стрелковом сражении и врассыпную, в лесу. Саволакские стрелки и даже вооруженные крестьяне, охотники по ремеслу, имели перед нашими храбрыми солдатами преимущество в этом роде войны, потому что лучше стреляли и, привыкнув с детства блуждать по лесам и болотам за дичью, были искуснее наших солдат во всех движениях. Притом же туземцы знали хорошо местность, и пользовались ее. Шведы имели несколько маленьких пушек, или фальконетов (без лафета), которые они носили за стрелковой цепью и, положив их на камни, стреляли в наших картечью, когда наши собирались в кучу. – Постепенно выстрелы раздавались ближе, и наконец наши стрелки начали выходить из большого леса на то пространство, где стоял резерв.

Это пространство, между городом и лесом, версты в три в длину покрыто было в разных местах кустарником и усеяно огромными камнями. Выходящим из леса нашим стрелкам приказано было строиться впереди обоих флангов резерва, так, чтобы перед центром, где стояли наши две пушки, было

чистое место. Вскоре выбежали и саво-лакские стрелки из леса, а за нами вышли шведы в колонне. Они были встречены ядрами. Это их не утратило, и они с криком «ура!»¹¹⁴ бросились в штыки на наши пушки и на резерв. Пушечные выстрелы не удержали их. Лейб-егери, предводимые своим храбрым полковником Потемкиным, пошли им навстречу шагом, вовсе не стреляя. За ними Ревельский мушкетерский полк, а Низовский и 3-й Егерский полки между тем строились на флангах, под неприятельскими выстрелами. Наши пушки свезли за фронт, под прикрытием нашего эскадрона. Лейб-егери приблизились к шведской колонне саженой на тридцать, остановились, по команде своего полковника выстрелили залпом, и бросились бегом вперед с примкнутыми штыками, как на учение, с громким «ура».

Тут началась резня, в полном смысле слова! Ревельский полк поддерживал атаку лейб-егерей; Низовский и 3-й Егерский полки удерживали напор шведов на флангах. Шведы не устояли против лейб-егерей, и побежали. Наши пушки снова загремели, провожая бежавших рикошетными выстрелами. Шведы скрылись в лесу, преследуемые нашими. В это самое время Барклай-де-Толли двинул 3-й Егерский полк по берегу, на самом правом фланге, к шведским лодкам. Резерв, бывший в городе с двумя пушками, также быстро бросился на берег, и шведы, опасаясь за свои лодки, побежали к ним.

¹¹⁴ Должно заметить, что шведы также кричат «ура», и не в подражание русским. Это древний воинский крик скандинавов.

Из плавучих батарей стреляли они в нас ядрами, а потом картечью; но наши шли вперед, бросаясь в штыки каждый раз, когда шведы останавливались. Лейб-егеря были впереди.

На всей шведской линии ударили отбой. Шведы в беспорядке бросились в лодки, отчаливали от берега, и прятались от наших пушечных выстрелов за островками, которыми усеяно озеро перед Куопио. В 10 часов утра не было уже ни одного шведа на берегу, и мы с торжеством возвратились в город. Наш эскадрон хотя не ходил в атаку, потому что местность не позволяла, но подвергался опасности наравне с прочими полками. Мы были на такое близкое расстояние от шведов, что различали черты лица их офицеров, бывших всегда впереди.

Сандельс, напав на Куопио со всеми своими силами, не знал, что Барклай-де-Толли возвратился в город в ту же ночь. Трудно сказать, чем бы кончилось это нападение, если б оно произведено было прежде прибытия в Куопио Барклай-де-Толли. Хотя бы Рахманову и удалось удержать город, то все же нам было бы плохо.

Лейб-егерский батальон в *третий раз* был главным виновником победы и удержания Куопио, и ему отдана была полная честь в приказе по корпусу. После этого Сандельс уже не возобновлял нападений на Куопио, достигнув своей цели, а именно, воспрепятствовав Барклаю-де-Толл и действовать на фланге графа Клингспора, и таким образом дал средства главному шведскому корпусу оттеснить операцион-

ный корпус генерала Раевского до нашей последней точки опоры.

Я уже говорил, что не только в России, но и в целой Европе Тильзитский мир почитали только *перемирием*. Император Александр старался приблизить к себе иностранцев, пользовавшихся военной репутацией, имевших связи в своем отечестве с значительнейшими фамилиями, противными порядку вещей, вводимому Наполеоном в покоренных им странах. В числе этих иностранцев был маркиз Паулуччи, принадлежавший к одной из древнейших и знатнейших моденских фамилий. Он был принят в этом году из Австрийской службы в Русскую службу полковником, и пользовался особенной милостью и доверенностью государя. Получая непрерывные донесения от графа Буксгевдена о невозможности покорить Финляндию с такими малыми силами и о бедственном состоянии войска, претерпевавшего голод и всякого рода нужду, государь император выслал полковника маркиза Паулуччи в Финляндию всех донесений главнокомандующего, для исследования причин наших неудач, для осмотра состояния войска и для изыскания способов к продовольствию войск местными средствами. Маркиз Паулуччи крайне удивился положению войска. Всего русского войска в Финляндии (до половины июня) было 26 000 человек, разбросанных малыми отрядами¹¹⁵ на расстоянии 570-

¹¹⁵ В Карелии было 2000, в Свеаборге 3500, у Або 400, на флотилии 2000, в центре Финляндии, у Раевского, 6000, в Куопио, у Баркляя-де-Толли (потом

ти верст между Або и Куопио. И эти 26 000 человек должны были содержать в повиновении более миллиона жителей, непрерывно возбуждаемых к восстанию, на пространстве 3000 квадратных верст в стране, пересекаемой озерами, болотами, лесами и скалами, омываемой с одной стороны морем, соединяющим Финляндию со Швецией, имея против себя шведский корпус графа Клингспора в 13 000 регулярных войск и до 6000 вооруженных крестьян, толпы партизан во всех местах и ожидая непрерывно шведских десантов на всем берегу.

Это была еще половина беды: злейший наш враг был голод. Из Петербурга непрерывно высылали хлеб, а к войску его доставляли весьма редко. В подводах был совершенный недостаток, а, кроме того, партизаны, как я уже говорил, беспрестанно отбивали транспорт по слабости их прикрытия. Хуже партизан были наши провиантские чиновники, как свидетельствует и наш знаменитый военный историк, А.И. Михайловский-Данилевский, приводя пример (см. Описание Финляндской войны 1808 и 1809 годов, глава X, стр. 203), что в кулях, присылаемых из Петербурга, вместо муки находили мусор! Это совершенная правда. Наказание, которому император Александр подвергнул весь провиантский штат за злоупотребления в кампании 1806 и 1807 годов,

у Тучкова), 6000, на берегу морском, между Або и Христиненштадтом, 1000, и для прикрытия транспортов, хлебопеков и содержания отдельных постов 1500 человек.

лишив его военного мундира, вовсе не подействовало к исправлению провиантских чиновников. Было еще и хуже, чем кули с мусором! Провиантские чиновники рады были, когда шведы отбивали подвижные магазины, потому что тогда они избегали всех проверок, расчетов и отчетов. Только на морском берегу солдаты получали иногда хлеб. Кавалерийские лошади вовсе отвыкли от овса, и даже травы не всегда можно было достать вдоволь. Был также крайний недостаток в обуви и в боевых зарядах. Словом, наша армия была в самом дурном положении во всех отношениях, и все недостатки заменяла храбрость. Наши голодные солдаты, питаясь почти исключительно грибами и изредка лакомясь мясом отнятого у крестьян скота, дрались везде прекрасно и были бодры и веселы.

Осматривая войско, маркиз Паулуччи приехал в Куопио на несколько дней спустя после последнего сражения, когда к нам пришли семь канонирских лодок¹¹⁶, под начальством флота лейтенанта Павла Андреевича Колзакова (ныне генерал-адъютанта и адмирала). У нас исстари была флотилия, состоявшая из канонирских лодок на озере Сайме, для охранения границы, которая проходила по озерам, принадлежавшим России и Швеции. Вся восточная Финляндия покрыта озерами, которые то соединяются между собою малыми проливами, то отделяются узкими перешейками. Флотилия эта стояла обыкновенно в Вильманстранде и Нейшлоте. С вели-

¹¹⁶ Впоследствии их было пятнадцать, а может быть, и более.

чайшим трудом перевели эту флотилию на озеро Калавеси, то перенося на руках, то перевозя на лошадях расснащенные и обезоруженные лодки по перешейкам. Сандельс выслал против Колзакова множество вооруженных лодок, чтоб воспрепятствовать нашей флотилии вступить в озеро Калавеси из тесного пролива под Варкгаузом, но Колзаков рассеял лодки, и с торжеством вошел в озеро.

Барклай-де-Толли решился атаковать Сандельса в позиции его, Тайвола, за озером, и для этого маркиз Паулуччи посоветовал сделать плоты, которые бы могли поднимать, по крайней мере, половину роты пехоты с одною пушкой. Два плота начали строить близ моей квартиры, и работами заведовал сам маркиз Паулуччи. Он иногда заходил ко мне отдыхать в знойные дни, и тут я впервые узнал этого необыкновенного во всех отношениях человека, умного, остроумного, ученого, благородного, оказавшего России незабвенные услуги. О нем я поговорю в своем месте.

Два первых плота не удались. Идея была превосходная, но исполнение не соответствовало ей. Нельзя требовать, чтобы каждый знал ремесло, а дело мастера боится. Первый плот с полуротой егерей стал опускаться ко дну, по счастью, только в тридцати шагах от берега. Люди только выкупались, и никто не погиб, а плоты остались без употребления. Маркиз Паулуччи возвратился в Петербург, и по его представлению в Куопио прибыл на почтовых корабельный мастер для постройки перевозных судов. Но пока строили суда, Барк-

лай-де-Толли заболел и уехал в Россию, а начальство над корпусом принял генерал Тучков 1-й, оправданный по следствию.

После последней победы, одержанной нами над шведами, атаковавшими Куопио (в ночи с 17-го на 18-е июня), товарищи, отдохнув от трудов, собрались на вечер в наш *даровой трактир*. Нескольких из них мы недосчитались в нашем дружеском кружке. С чувством помянув погибших и пожелав скорого выздоровления раненым, все мы единодушно провозгласили здравие нашего главного начальника, который возбудил в нас удивление в этом сражении. Распоряжаясь с величайшим хладнокровием, он разъезжал спокойно под пулями и ядрами неприятельскими, как на прогулке; ободрял солдат ласковыми словами, разговаривал с начальниками, и своим спокойствием внушал всем надежду на скорую победу. – Экспромтом я написал тут же, за столом, стишки, которые хотя и не имеют никакого литературного достоинства, но тогда всем понравились, потому что были кстати и выражали наше единодушное чувство:

Скорее финские камни с мест сойдут,
Чем шведы Купио теперь у нас возьмут.
Пусть идут против нас, хотя бы с кораблями;
Победа верная – Барклай-де-Толли с нами!
И с удивлением тогда увидит свет,
Что невозможного для нас с Барклаем нет!

Стишки эти на другой день дошли до Баркляя-де-Толли, и он пригласил меня к обеду, принял ласково, и поблагодарил за *доверенность* к нему (его собственные слова). После этого я несколько раз являлся к нему после развода, и он всегда удостоивал меня ласковым словом, и однажды даже сказал: «Подождем, авось найдем случай отличиться. Война не кончена; еще будет много дел!» – Когда мы узнали, что Барклай-де-Толли оставляет нас, офицеры и солдаты весьма грустили. Я едва не заплакал! Хотя он отъезжал в Россию по болезни, но, кажется, что неудовольствие графа Буксгевдена за неисполнение Барклаем-де-Толли его предписания было главной причиной его удаления. Барклай-де-Толли чувствовал, что ему трудно будет служить под начальством разгневанного главнокомандующего, который, кроме того, не весьма любил его за его дружбу с Беннигсеном.

Барклаю-де-Толли поставлен в столице памятник, как Румянцеву, Суворову и Кутузову; но это награда царская, а в народе русском еще не появился для него историк. К Барклаю-де-Толли до сих пор все как то холодно, хотя и признают великие его заслуги перед отечеством. Холодность эта происходит, может быть, оттого, что он чужеземец. Я уже сказал однажды в "Северной Пчеле", что Барклай должен иметь своего Тацита.

Барклай-де-Толли (Barclay of Tolly) происходил из древней и знаменитой дворянской шотландской фамилии, которой члены прославились в своем отечестве на поприще наук

и в войнах. Один из Барклаев оставил Шотландию во время религиозных преследований в XVII столетии и поселился в Риге. От него возник в Риге род Барклая де Толли. В Лифляндии и Эстляндии в старину города (Sta'dte) соперничали с *земством* (Land), т. е. с оседлым дворянством, и между *городами* и *земством* часто доходило до открытой войны. Каждый город в Лифляндии до сих пор имеет свои отдельные права и привилегии, во многом не согласные с потребностями дворянства, пользуящегося также отдельными правами и привилегиями. Во время этого соперничества между городами и земством образовалось в некоторых городах, особенно в Риге, Ревеле и Пернове, особое высшее сословие граждан, которые называли себя *патрициями* и занимали важнейшие городские должности. Это была городская аристократия память о которой оставала до сих пор. Фамилия Барклая-де-Толли принадлежала к этой гражданской аристократии (burgerliche Aristocratic). Со времени присоединения Лифляндии и Эстляндии к России, когда иностранцев и вообще чужеземников охотно принимали в русскую службу и особенно отличали, преимущественно при могущественном Бироне в царствование императрицы Анны Иоанновны, многие из Остзейских граждан вступили в военную и гражданскую службу, и некоторые из них дослужились до высоких чинов. Остзейских граждан принимали прежде на правах дворян по рекомендации генералов, записывавших их в службу, и даже до половины царствования импе-

ратора Александра остзейские граждане, разумеется высшего сословия, вступали в службу юнкерами, по свидетельству ланд-маршала и нескольких дворян, без всяких справок. Из отставных русских офицеров и чиновников образовалось в остзейских губерниях русское дворянство (russischer Adel), которое, однако ж, не пользуется никакими местными правами и привилегиями остзейского дворянства, если фамилия не принята в члены его и не записана в родословную дворянскую книгу, или Matricel.

Фамилия Барклая-де-Толли разделялась на две отрасли. Одна занималась торговлей, а другая посвятила себя государственной службе. Отец Михаила Богдановича Барклая-де-Толли (впоследствии князя и фельдмаршала) был отставной русской службы поручик. Он скончался в 1775 году, оставив трех сыновей, вступивших в военную службу. Два брата недожили до возвышения третьего. Старший скончался в чине генерал-майора, младший – в чине майора артиллерии. Среднего, Михаила, родившегося в 1761 году, взял на воспитание дядя, брат его матери, бригадир фон Вермелен, и записал, по тогдашнему обычаю, в службу, в детском возрасте, в 1769 году, вахмистром в Новотроицкий кирасирский полк. В 1778 году он произведен в корнеты в Псковском карабинерному полку, в который был переведен из Новотроицкого кирасирского, и через восемь лет, т. е. в 1786-м, в поручики с переводом в Финляндский егерский корпус, имея уже двадцать пять лет от рождения. Получив первый

офицерский чин, Барклай продолжал заниматься науками под руководством своего дяди, изучал историю, военных писателей, артиллерию, инженерное дело. Лучшим доказательством того, что Барклай-де-Толли был на счету ученых офицеров, служит назначение его адъютантом с чином капитана к вступившему тогда в русскую службу генерал-поручиком принцу Ангальт-Бернбургскому, родственнику императрицы Екатерины II. С ним он отправился в блистательную Екатеринославскую армию, состоявшую под начальством знаменитого князя Потемкина, и, при первом случае отличившись, получил за штурм Очакова (6-го декабря 1788) Владимира 4-й степени и чин секунд-майора. Пробыв два года в турецкой армии, Барклай со своим генералом перешел (в 1790 году) в финляндскую армию, в которой ему поручено было важное при тогдашнем устройстве войска звание дежурного майора. Здесь он также отличился при первом представившемся случае. В сражении под Пардакоски (8-го апреля) он ввел в дело резерв в самую критическую минуту и восстановил битву. За отличие в этом деле он произведен в премьер-майоры. Во время действия русских войск против польских конфедератов (1794 года) Барклай-де-Толли снова отличился и получил Георгия 4-го класса и чин подполковника с назначением командиром первого батальона Эстляндского егерского корпуса. После переименования этого батальона сперва в 24-й, а потом в 3-й Егерский полк, Барклай-де-Толли назначен шефом полка (в 1799), и командовал

им до своего производства в генерал-лейтенанты (1807 года). Император Павел I произвел Барклая-де-Толли без очереди в полковники (в 1798) и в генерал-майоры (1799 года), и в этом чине он начал кампанию 1806 года.

Беннигсен знал Барклая-де-Толли еще с Очаковского штурма, и высоко ценил его достоинства. В чудную борьбу с первым полководцем нашего времени, с Наполеоном, Беннигсен поручил Барклаю самый трудный и самый почетный пост начальника авангарда при движении вперед к Пултуску и начальника арьергарда при отступлении к Прейсиш-Эйлау. Барклай-де-Толли выполнил свое дело блистательно, содействовав славе нашего оружия в сражении под Пултуском, и выдерживая с удивительным мужеством напор целой французской армии при отступлении наших к Прейсиш-Эйлау. Барклай-де-Толли выполнил свое дело блистательно, содействовать славе нашего оружия в сражении под Пултуском, и выдерживая, с удивительным мужеством, напор целой Французской армии, при отступлении наших к Прейсиш-Эйлау. Будучи почти разгромлен превосходными силами неприятеля под Янковом и Ландсбергом (23-го и 24-го января 1807 года), он удивил и своих и неприятелей своею стойкостью и непоколебимым упорством. Жертвуя собою и своим корпусом, Барклай-де-Толли дал время нашей армии собраться за Прейсиш-Эйлау, и в знаменитом сражении под этим городом он более всех содействовал нашему успеху, защищая город с величайшим упорством. Здесь он был

ранен пулей в правую руку с раздроблением кости (26-го января), и был принужден оставить армию. За Пултуск он был награжден Георгием 3-го класса, за Прейсиш-Эйлау-Владимиром 2-й степени и прусским орденом Красного орла, а за всю кампанию произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 6-й Пехотной дивизии (9-го апреля 1807 года).

В Прусской войне Барклай-де-Толли приобрел славу не только храброго, но и искусного генерала. Наполеон в Тильзите хотел знать, кто командовал русским арьергардом при отступлении к Прейсиш-Эйлау, и сказал, что это должен быть отличный генерал. И точно, все награды Барклай-де-Толли заслужил отличием. Суворовский авангардный генерал, князь Багратион, после Пултуска и Прейсиш-Эйлау питал высокое уважение к Барклаю-де-Толли, и относился а нему с величайшей похвалой. С этою славой вступил Барклай-де-Толли в Финляндию, и поддержал ее при наступлении на Куопио и при защите этого города.

Барклай-де-Толли был высокого роста, держался всегда прямо, и во всех его приемах обнаруживалась важность и необыкновенное хладнокровие. Он не терпел торопливости и многоречия ни в себе, ни в других, говорил медленно, мало, и требовал, чтобы ему отвечали на его вопросы кратко и ясно. Хотя в это время (1808 года) ему было только сорок семь лет от рождения, но по лицу он казался гораздо старее. Он был бледен, и продолговатое лицо его было покрыто морщинами. Верхняя часть его головы была без волос, и

он зачесывал их с висков на маковку. Он носил правую руку на перевязи из черной тафты, и его надлежало подсаживать на лошадь и поддерживать, когда он слезал с лошади, потому что он не владел рукою. С подчиненными он был чрезвычайно ласков, вежлив и кроток, и когда даже бывал недоволен солдатами, не употреблял бранных слов. В наказаниях и наградах он соблюдал величайшую справедливость, был человеколюбив, и радел о солдатах, требуя от начальников, чтобы все, что солдату следует, отпускаемо было с точностью. С равными себе он был вежлив и обходителен, но ни с кем не был фамильярен и не дружил. Барклай-де-Толли вел жизнь строгую, умеренную, никогда не предавался никакому излишеству, не любил больших обществ, гнушался волокитством, карточной игрой, но на разгульную жизнь молодежи смотрел сквозь пальцы, недопуская, однако ж, явного разврата. От старших требовал он примерного поведения, и не доверял никакой команды гулякам. Бережливость Барклая-де-Толли была в самых тесных границах, и многие упрекали его в скупости. Мне кажется, что только один упрек Барклаю-де-Толли был справедлив, а именно – в излишнем пристрастии к землякам своим, остзейцам. Вследствие привязанности к своей супруге (из дворянской фамилии фон Смиттень), он всегда окружал себя остзейцами, и предоставлял им случаи к отличию. И то должно сказать, что они оправдывали выбор, отличаясь всегда, жертвуя охотно жизнью для славы русского оружия. Исключения так ничтожны,

что о них не стоит упоминать. Мы, молодые офицеры, прозвали Баркляя-де-Толли *квакером*.

Барклай-де-Толли создан был для командования войском. Фигура его, голос, приемы все внушало к нему уважение и доверенность. В сражении он был так же спокоен, как в своей комнате или на прогулке. Разъезжая на лошади шагом в самых опасных местах, он не обращал никакого внимания на неприятельские выстрелы и, кажется, вполне верил русской солдатской поговорке: пуля виноватого найдет. 3-й Егерский полк обожал своего старого шефа, и кто только был под его начальством, тот непременно должен был полюбить своего храброго и справедливого начальника. Он, однако ж, никогда не мог быть народным или популярным начальником, потому что не имел тех славянских качеств, которые восхищают русского солдата и даже офицера, именно веселости, шутовливости, живости, и не любил наших родных *авось* и *как-нибудь*. Русская песня не имела для Баркляя-де-Толли никакой прелести. Быстрые порывы храбрости он старался умерять, зная, что они могут привести к гибели, и приучал солдат к стойкости и хладнокровному мужеству. За нарушение военной дисциплины, за обиды жителей и за ослушание он был неумолим. У нас иногда бывает полезно некоторое фанфаронство или хвастовство, внушая солдату самонадеянность и закрывая перед ним опасность, — а Барклай-де-Толли не мог терпеть никакого фанфаронства и хвастовства. Он вел войско в сражение не как на пир, но как на молитву, и требо-

вал от воинов важности и обдуманности в деле чести, славы и пользы отечеству. Барклай-де-Толли достоин был предводитель легионами Цезаря, и Плутарх или Тацит изображением его характера украсили бы красноречивые страницы своего повествования.

Я не служил под начальством генерала Тучкова 1-го в Куопио. Прибыв на смену Баркляя-де-Толли, он привез с собой приказание главнокомандующего выслать немедленно отряд на подкрепление корпуса генерала графа Николая Михайловича Каменского, который в то же время сменил генерала Раевского. Генерал Тучков отрядил 3-й Егерский полк, один батальон Низовского мушкетерского и два эскадрона нашего полка (наш, командирский, и эскадрон князя Манвелова), поручив начальство над отрядом командиру 3-го Егеревского полка подполковнику Ивану Васильевичу Сабаневу, и мы во второй половине июня выступили из Куопио, по той же дороге, по которой шел прежде Барклай-де-Толли для подкрепления Раевского, а именно через Рауталамби и Койвисто в Сариярви для поступления в авангард графа Каменского, которым в это время командовал полковник Властов. Нам надлежало пройти около *двухсот* верст внутренностью взбунтованного края по местам, нам вовсе не известным, не зная даже, где находится армия графа Клингспора и его отдельные отряды и партизаны. Когда мы вышли за город, Иван Васильевич Сабанеев перекрестился и сказал: «С нам Бог!»

ГЛАВА IV

Тогдашнее состояние Финляндии. – Города. – Отношения Финляндии к Швеции. – Просвещение. – Образ жизни. – Дворянство и духовенство. – Нравственность народа. – Анекдот, доказывающий религиозность и высокое уважение общего мнения в финляндском народе. – Мнение большинства в дворянстве и в простом народе о войне с Россией. – Откомандировка для поимки шведского полковника Фияндта. – Лазутчик. – Добродушие наших врагов. – Политические разговоры с помещиком и с поселянами, – Поход отряда Сабанеева через внутренность страны, из Куопио к корпусу графа Каменского. – Дружба с молодым ученым – финляндским патриотом. – Надежда финского народа. – Чем кончится женский патриотизм. – Характеристика Ивана Васильевича Сабанеева. – Мы примыкаем к корпусу графа Каменского. – Вести с береговых отрядов. – Опасности, которым подвергались граф Буксгевден и граф Каменский.

Взглянем бегло на тогдашнюю Финляндию.

Древнее отечество финского племени, одного из многочисленных в мире, – Азия, от гор Уральских и восточного берега Каспийского моря до моря Охотского и Камчатки, между Ледовитым океаном и полосой гор, перерезающих Среднюю Азию. Племя финское есть отрасль племени монголь-

ского, как доказано даже сходством черепов.

Древние югры, или угры, и гунны были, без сомнения, финские племена. До VI века по Р.Х. финны занимали все пространство средней полосы России, т. е. все страны, обитаемые ныне великороссиянами, и это доказывается финским наименованием рек и урочищ¹¹⁷.

Оттесненные славянскими племенами из средней полосы России, финские племена подвинулись на север, и рассеялись ордами на всем пространстве. Исключая малого числа шведских лопарей, теперь все финские племена входят в состав народонаселения Российской империи, под различными племенными прозваниями, данными им чужеплеменниками. Ижора (или ижерцы в Петербургской губернии), эстонцы (или чудь в губерниях Эстляндской и части Лифляндской), финны и арелы (в Финляндии), лапландцы, чувашаи, черемисы, мордва, – зыряне, вогуличи, вотяки, остяки – все одного происхождения, и везде сами себя называют *туземцами*. Весьма замечательно, что финское племя только в одной Венгрии, или Угрии, образовало государство, но и то в соединении с другими племенами, под руководством германцев и при помощи славян. Аттила, влача за собою смесь всех северных народов, разрушал, а не созидал государства, и везде стоял лагерем. Причина этому в характере финского племени, финны угрюмы, необщительны, любят уединение, живут отдельно, семействами, и никогда не строят ни горо-

¹¹⁷ См. Россия в истор., статист., географ, и литерат. отношениях.

дов, ни больших сел. Лес и вода имеют для финна необыкновенную прелесть, и он тогда только счастлив и доволен, когда может жить в лесу, на берегу большого озера. В глубокой древности они подчинялись родовым старшинам, но не имели никогда владык.

Шведы, покорив окончательно Финляндию (в начале XVI века)¹¹⁸, построили в Финляндии города. Древнейший город в Финляндии – Выборг, основанный, однако ж, датчанами в 1229 году, Кексгольм в 1295 году, а после них Борго в 1346 году и Або, которого время основания относится также к XIV веку. Церковь в Торнео построена в 1350 году, но селение получило право города только в 1621 году. Улеборг построен в 1605 году, Каяна в 1660-м, Брагеш-тадт в 1649-м, Гамле-Карлеби в 1620-м, Нью-Карлеби в 1614-м, Якобштадт в 1653-м, Ваза в 1611-м, Христинен-штадт в 1649-м, Таммерфорс в 1779-м, Биернеборг в 1558-м, Ньюштадт в 1617-м, Ловиза в 1745-м. Гельсингфорс, основанный в 1550 году, сделался значительным городом со времени покорения Финляндии русскими, а прежде был малым местечком. Свеаборг основан в 1749 году, Тавастгуз в 1650-м, Нейшлот в 1475-м, Куопио в 1776-м, Вильманст-ранд в 1656 году. Как большая часть городов построена в XVII веке, то должно полагать, что с этих пор началась прочная гражданственность в Финляндии. В новой Финляндии было в 1808 году около 1

¹¹⁸ Покорение началось с 1157 года, при шведском короле Эрике IX или святом, в цели утверждения христианской веры в Финляндии.

000 000 жителей, и в городах обитало не более 60 000 душ обоего пола, почти исключительно шведов и часть финнов, усвоивших шведские язык, нравы и обычаи. – Только город Або имел около 10 000 и Улеборг до 4500 жителей. Прочие города были тогда, как и теперь, весьма слабы народонаселением, и множество сел и деревень в России многолюднее финляндских городов.

Лучшие места в Финляндии по морскому берегу, т. е. Нюландскую губернию, провинцию Остерботен (Восточную Ботнию) и Аландские острова, заняли покорители края – шведы, и по мере утверждения в Швеции просвещения и гражданственности, распространяли их между туземцами, по возможности. Но просвещение слабо проникало в массы туземцев, по отвращению их от общежительности, по врожденной ненависти ко всем иноплеменникам и по недостатку сообщений между рассеянными на огромном пространстве жителями. Только религия глубоко вкоренилась в сердцах финнов, и одни пасторы сильно действовали умы, говоря с туземцами их языком. Это одна нравственная власть, которую финны признавали по внутреннему убеждению.

Абоский университет в течение двухсотпятидесятилетнего своего существования пролил много света в Финляндии, но более на шведов. Науки преподавались в университете на шведском языке, и хотя в школах обучали финскому языку и при университете был также лектор этого языка, но финский язык не был никогда ни официальным, ни об-

щежительным. Изучали его люди, посвящавшие себя духовному званию и провинциальной гражданской службе. Помещики и купцы знали его из употребления. В течение времени образовалась финская литература, духовная и светская, из сочинений и переводов людей, обучавшихся в университете. Для финнов издавалась официальная газета на финском языке, и все распоряжения правительства всегда издаваемы были на двух языках шведском и финском; но все просвещение, вся гражданственность, вся торговля и промышленность края сосредоточены были на морском берегу и в малом числе городов между шведскими переселенцами и гражданами финскими происхождения, принявшими шведские нравы и обычаи. Те из образованных людей, которые теперь с гордостью или удовольствием называют себя финнами, т. е. финляндцами, тогда бы обиделись, если б их назвали финнами. Каждый, имевший притязание на образованность или на значение, называл себя шведом. Внутри края, там, где господствует финский язык, просвещение и образованность утверждены были только в дворянстве, духовенстве, чиновниках военных и гражданских. Поселяне вообще были грубы, суровы в северной и северо-восточной частях Финляндии (Каянской области, Саволаксе и Карелии), невежественны почти-до дикости, суеверны и мстительны до крайности. На Руси издревле ведется поверье, что все финны колдуны, и Пушкин в поэме "Руслан и Людмила" вывел на сцену финна. Это характеризует финнов.

Швеция извлекала из этой страны великую пользу – все, что можно было извлечь, и ничем не помогала Финляндии, которая претерпевала всегда опустошения в войнах с Россией со времени Новгородского владычества на севере до Петра Великого, и истощалась в дальних войнах шведов, не приобретая никогда никаких выгод. Редукционная система¹¹⁹ при Карле XI (во второй половине XVII века) породила в дворянстве и всех властителях земли ненависть и недоверчивость к правительству, обнаруживавшуюся неоднократно, при каждом случае. Шведское правительство не заводило и не ободряло никакой фабричной и мануфактурной промышленности в Финляндии, предоставляя шведам снабжать эту страну всеми ее потребностями. Мореплавание также было в руках шведов. Подати по бедности края были велики. Финляндия доставляла Швеции строевой и корабельный лес, топливо для Стокгольма, рожь, овес, деготь, смолу, ко-

¹¹⁹ Я говорил неоднократно в «Северной Пчеле» и в отдельных моих сочинениях о редукционной комиссии. Карл X выдумал, а Карл XI начал приводить в исполнение меру, принятую для обогащения обедневшей казны, отнятием недвижимых имений у владельцев, которые не могли доказать формальными актами прав своих на не зависимое от казны владение поместьями. Купчие крепости не принимались в уважение. Даже жалованные властителями страны имения были отнимаемы, если не было ясных доказательств на вечное право. В Лифляндии и Эстляндии это произвело страшное замешательство, потому что многие имения были приобретены правом завоевания первыми рыцарями, и перешли в сотые руки. Это было главной причиной восстания Паткуля против Швеции. В Финляндии многие имения были даны шведским чиновникам в древности для водворения между дикими финнами христианства и шведского порядка. И после нескольких веков стала рассматривать права собственности!

ровье масла и рогатый скот и, что всего важнее, отличнейших матросов и храбрых солдат. Земледелие было тогда на всем севере в плохом состоянии, но все же Финляндия была житницей прибрежной Швеции.

Богатых людей было весьма мало в Финляндии, и те по большей части жили в Стокгольме, по крайней мере часть года, издерживая свои доходы вне страны. Ни в одной стране не живут так скромно и умеренно, как жили даже достаточные люди в Финляндии, во время покорения русскими сей страны. Почти все дома в городах и поместьях были деревянные, самой простой постройки. Дом обыкновенно красился темно-красной водяной краской (извлекаемой из железной руды), а ставни, ушаки, двери, утлы дома и крыша – черной краской. Это единообразие и мрачное сочетание красок возбуждали в нас какое-то неприятное чувство. Мебель красного дерева с бронзой (как тогда было в моде во всей Европе) я видел только два раза. Паркетов вовсе не знали тогда в Финляндии. Мебель была простая, прочная, так сказать, вековая, или березовая, или дубовая, или крашенная сосновая. Картин, статуй я вовсе не видел, хотя был в богатых домах. Свежий хлеб был редкость, и его можно было достать только в городе, а пиво почиталось роскошью. Богатые и бедные ели сушеные лепешки (кнакебре), как в Швеции, и пили напиток, называемый *швадриком*, нечто вроде кваса или слабого пива. Молоко, сушеная и соленая раба, соленое и сушеное мясо составляли обыкновенную пищу бедного и

богатого. Разница была в качестве припасов и приготовлении. Достаточные и роскошные люди на пирах пили крепкие испанские и португальские вина, но вообще в гостях, даже за обедом, под-чивали пуншем, теплым и холодным. Жиденький кофе пили все, даже поселяне, на морском берегу. Водки было много, потому что все крестьяне имели право гнать вино, и почти каждый из них пользовался своим правом, перегоняя в вино часть своей ржи. На морском берегу, особенно в Остерботнии, много было зажиточных поселян, которые жили в двухэтажных деревянных чистых домах. У многих были клавикорды и библиотека. Те крестьяне, которые были избраны на сейм в Стокгольме, всю жизнь носили медали были всеми уважаемы. Почти всегда избирали крестьян на сеймы из шведских переселенцев, потому что внутри края весьма немногие знали шведский язык. Это льстило самолюбию народа, но в существе не приносило никакой пользы, и жалобы финляндцев на сейм замирали, как эхо!

Из истории Швеции видно, что шведское дворянство, вообще бедное, редко противостояло искушению, когда иностранным державам надобны были голоса на сейме. Всем памятна борьба *партии шляп* и *партии шапок* при Густаве-Ш. Бунт в финском войске, возбужденный офицерами из финляндских дворян, когда Густав III хотел вторгнуться в пределы России (как я говорил выше), доказывает, что и в Финляндии господствовал тот же дух, что и в Швеции. Вообще финляндское дворянство не было до такой степени располо-

жено к шведскому правительству, чтоб жертвовать для него жизнью и состоянием, и многие финские офицеры составили уже заговор в армии графа Клингспо-ра во время его отступления до Сиакиоки, для возвращения в свои семейства. Только пасторы сильно были привязаны к Швеции, и они одни удерживали народ от покорности русским, и возбуждали его к защите края и к истреблению неприятеля. Правда, дворянство и горожане вообще не доброжелательствовали тогда русским, вошедшим в страну с оружием в руках, и не желали присоединения края к России; но, исключая Вазу, горожане не вмешивались в войну, а неслужащие дворяне были еще смиреннее. Каждый трепетал за свою собственность, и был рад, когда его не беспокоили и когда он мог продать что-либо на наличные русские деньги.

Вековые войны, происходившие с русскими, и прежний варварский способ ведения войны укоренили в финляндцах предрассудки насчет русских. Нас почитали дикарями, почти людоедами, кровожадными и хищными, и никак не хотели верить нашему европейскому образованию, почитая всех благовоспитанных офицеров иностранцами или иноплеменными подданными России. О русском правительстве также не имели никакого понятия, представляя себе все в самом дурном и преувеличенном виде. Но при всех враждебных к нам чувствах и при общем желании остаться под шведским правительством в высшем, т. е. образованном, сословии не было той народной гордости и того патриотизма, а в простом

народе того фанатизма, которыми одушевился в том же году народ испанский против Наполеона; не было энергии, свойственной южным народам. Энтузиазм в Финляндии вспыхнул, и по мере побед наших стал затихать, и погас. В Испании, напротив, победы французов усиливали ненависть к ним, и возбуждали народ к восстанию и сопротивлению.

Нравственность финляндцев вообще была безукоризненная. Примерные христиане, верные блюстители законов, твердые в слове, честные во всех своих взаимных сношениях, финны могли служить примером для гражданских обществ. И за эти похвальные качества обязаны они своему духовенству, самому просвещенному в Европе. Говоря то, что мне кажется истинной, а должен также высказать, что женский пол, особенно в среднем сословии, не разделял с мужчинами ненависти к нам и что вообще любовь разрешала тогда в Финляндии многое, запрещаемое строгой нравственностью. Но и то должно сказать, что в уединенной, холодной Финляндии так мало развлечений, так мало забав, так все единообразно и скучно, что красавице с живым характером трудно устоять против искушений любви. Эта слабость, однако ж, выкупается тысячью похвальных качеств. Следующий анекдот покажет самое странное смешение противоположностей.

Когда мы с Барклаем-де-Толли заняли Куопио, полковник Сандельс оставил при тюрьме караул с запиской, что он передает охранение преступников и обвиненных в преступле-

нии русским, и уверен, что начальник русского отряда отошлет к нему его солдат. Барклай-де-Толли, разумеется, отослал к Сандельсу шведский караул, и поставил свой. Наряжен был в караул один из моих приятелей, офицер Ревельского мушкетерского полка. На другое утро, проходя мимо тюрьмы, я увидел его перед воротами, и он рассказом своим возбудил во мне любопытство и желание осмотреть тюрьму. Мы вошли во внутренность тюрьмы, разделенной на две половины: женскую и мужскую. Уличенные и уже осужденные преступники содержались отдельно, в малых каморках, а в залах были только обвиненные в преступлениях и подсудимые. Стены в залах были расписаны изображениями Страшного суда, сценами адских мучений. Черти, представленные в виде рогатых и крылатых негров, жарили на вертелах и на сковородах и варили в котлах несчастных преступников и преступниц; дикие звери и гады грызли их... Живопись была хуже самого предмета! В конце каждой залы была кафедра, с которой пастор проповедовал два раза в неделю. Потолок изображал небо для раскаявшихся и сознавшихся в преступлении Осматривая все устройство тюрьмы, я заметил, между обвиненными в преступлении, девушку лет двадцати, необыкновенной красоты. Между караульными солдатами был финляндец из Выборгской губернии, и я через него узнал, что молодая девушка обвинена в детоубийстве, но не сознается и утверждает, что на нее донес, из мщения, один развратный сиделец, за то, что она не хотела быть его любов-

ницей. Красота убедительнее всякого красноречия: я поверил девушке на слова, и уговорил приятеля выпустить ее на волю. Это было легко в военное время, особенно на первых порах, когда не успели ни сосчитать содержащихся в тюрьме, ни передать их в какое-нибудь ведомство. Приятель, такой же молодой ветреник, каким был тогда я, согласился, и мы выпустили девушку, и дали ей несколько рублей на дорогу. В нашем офицерском кругу мы посмеялись этому, и забыли через несколько дней.

Когда в Куопио учрежден был некоторый порядок, стали наряжать офицеров для дежурства по тюрьме и по госпиталю. Пришла очередь и мне; вообразите мое удивление, когда, посетив тюрьму, уже по должности, я увидел выпущенную по моей просьбе девушку! Со мною был переводчик, и я стал расспрашивать девушку.

– Кто тебя посадил снова в тюрьму?

– Я сама возвратилась.

– Зачем?

Когда вы выпустили меня, я пошла к матери, в трех милях отсюда, но ни одна душа не хотела говорить со мною, и даже подруги отворачивались от меня. В воскресенье кре стьяне не пустили меня в церковь. Мать моя повела меня к пастору, чтобы посоветоваться, что мне делать, и пастор сказал, что только суд может выпустить меня на волю и что я прогневаю Бога и буду на всю жизнь несчастна, если избегну суда недозволенными средствами. "Если ты безвинна, – сказал

пастор, – Бог откроет твою безвинность законным судьям, а если ты виновата, то земное наказание, при твоём раскаянии очистить твою душу. Я безвинна, и потому в надежде на помощь Божью возвратилась в тюрьму..."

Это простодушие тронуло меня до глубины души. Немедленно пошел я к генералу Рахманову, рассказал ему откровенно все случившееся, и просил войти в положение девушки, наказав меня за то, что я уговорил приятеля выпустить ее из тюрьмы. Добрый Рахманов также приведен был в умиление поступком девушки. Финского суда не было в Куопио, но он пригласил в Куопио того самого пастора, который внушил страх Божий девушке, и под его председательством составил комиссию из нескольких граждан, оставшихся в городе. По следствию оказалось, что девушка точно родила преждевременно мертвого младенца и от стыда скрыла это. Помогавшая ей при родах женщина подтвердила присягой, что младенец родился мертвый, и девушку оправдали. Добрый пастор взялся уговорить своих прихожан, чтоб они простили кающуюся проступок и не чуждались ее общества, и увез ее с собою. Душевно и искренно обнял я доброго пастора, и поблагодарил других членов комиссии. Наши офицеры сложили до двухсот рублей на приданое прекрасной грешнице.

Вот еще характеристические черты тогдашних финляндцев. Разнесся слух, что полковник Фияндт, командовавший отдельным отрядом на левом фланге графа Клингспора, ранен в сражении, и скрывается поблизости Куопио (где он

имел поместье) у своих родственников. Генерал Рахманов выслал меня со взводом к одному из этих родственников, на которого падало подозрение, что он укрывает полковника Фияндта, приказав мне взять его или, по крайней мере, удостовериться в справедливости этих слухов. Мыза этого родственника, тогдашнего нашего врага, находится верстах в двадцати от Куопио, среди лесов. Исполнение предоставлено было моему юношескому благоразумию. Добрый генерал Рахманов был расположен ко мне, и хотел предоставить мне случай к отличию. В руководители дан был мне гнусный шпион, не известно какого происхождения. Он называл себя отставным шведским офицером. Одни говорили, что он датчанин, другие уверяли, что он жид, перекрест из Гамле-Карлеби. Я отправился с рассветом по проселочной дальней дороге, через леса, чтобы обойти мызу, приняв всевозможные предосторожности, но более всего остерегаясь моего путевода, которого отвратительная физиономия и ремесло возбуждали во мне ужас, недоверчивость и омерзение.

Леса Финляндии навсегда остались в моей памяти; они производили во мне тогда сильное впечатление. Это самый живой образ дикости. Вековые деревья удивительной вышины и объема, сжатые в иных местах в одну массу, а кое-где редкие, позволяющие взору проникать на далекое расстояние, закрывают небо. Огромные камни и высокие скалы, покрытые мхом или поросшие кустарником, выглядывают, как привидения, из чаши леса. Тут глубокие овраги и ло-

щины, далее красивые лужайки, орошаемые ручьями ключевой воды. При безветрии тишина лесов изредка прерывается криком или перелетом птиц или шелестом, производимым крупным зверем, а при порывах ветра слышится шум, как от взволнованного моря; во время бури страшный вой вихря и треск ломящихся сучьев и деревьев наводит какой-то страх на душе. *Es ist schauerlich*, как говорят немцы. Углубившись в эти дремучие леса, чувствуешь, что находишься в недрах первобытной природы, на севере, куда одна крайность могла загнать человека. И вдруг среди этой северной дикости и необитаемости повеет на вас ароматом Индии, запахом ананасов! Что это? Это мамура, самая вкусная и самая душистая в мире ягода. Большие пространства в лесах покрыты этой ягодой и различными грибами, вкусными и ароматными. Это были наши магазины продовольствия во время этой голодной войны. Не известно, по какой причине шведы и финны не употребляют в пищу грибов, хотя шведский знаменитый химик Берцелиус первый доказал, что грибы не только не вредны, но даже заключают в себе питательную силу (*chylus*), что прежде было отвергаемо. Дичи всякого рода, крупной и мелкой, бездна в этих неизмеримых лесах, но и хищных зверей множество, и человек, живя в этих делях, непременно должен одичать и огрубеть в вечной борьбе с суровым климатом, с нуждой и с дикими зверями. Всегдашний вид мрачных лесов и голых камней стесняет воображение и сжимает чувство. Голоса финских песен

почти то же, что печальный крик ночных птиц или грозный вой вихря между деревьями. Народная поэзия финская выражает грусть и уныние.

Около двадцати верст шли мы лесом, по тропинке, и отдыхали однажды при ручье. Косы были у нас всегда с собою. Для лошадей мы накопили сочной травы, а уланы мои набрали грибов, и сварили их с крупой, которая была у нас в саквах. Разумеется, что на отдыхе я соблюдал осторожность, расставил часовых с заряженными штуцерами, и приказал размундштучивать лошадей поочередно.

Находившийся при мне лазутчик говорил хорошо по-немецки, по-шведски, и мог порядочно объясняться по-фински; у меня был, сверх того, проводник финн, который долго жил в России и говорил порядочно по-русски. Его я принял в переводчики. Он казался человеком добрым и простодушным, однако ж, обоим им я не слишком доверял.

Наконец мы выехали на дорогу, пересекающую лес поперек, и повернули по ней налево, от с севера к югу. Проехав еще версты две лесом, мы увидели перед собою поляну, род оазиса в этом лесу, в объеме около шести квадратных верст, и в конце поляны, под лесом, деревушку в пять домов. Это уже называется в Финляндии большим селением! В пяти домах может быть иногда до восьмидесяти душ обоого пола, потому что в каждом доме живет целая фамилия, иногда от деда до правнука, с работниками и работницами. Оставив взвод под лесом, я поскакал к деревушке только с лазутчи-

ком, переводчиком и двумя уланами. Старост или каких бы то ни было старшин нет в рассеянных финских селениях. Каждый хозяин в доме сам себе старшина. В Пруссии мы обыкновенно обращались с требованием к старшине в деревне, к шульцу, а здесь надлежало собирать всех хозяев. При нашем появлении сделалась суматоха в селении, но мы не заметили никаких неприязненных покушений. Несколько мужчин вышли на дорогу навстречу мне. Зная, что расспросы мои о шайках партизан будут напрасны и что поселян не только не скажут правды, но даже могут навести меня на неприятеля, я запретил моим толмачам всякие расспросы и потребовал только съестных припасов и фуража за наличные деньги. Мне было отпущено двести рублей ассигнациями, мелкой серебряной монетой, именно для того, чтобы не раздражать жителей фуражировкой, а, напротив, привлечь деньгами на мою сторону. Поселяне, кажется, сперва усомнились в истине моего обещания, но я велел унтер-офицеру развязать кожаный мешок с деньгами. Звон серебряной монеты смягчил угрюмых финнов. Нам вынесли хлебного вина, кислого молока, лепешек (кнакебре), масла и собрали около двух четвертей ячменя. Я велел моим уланам приблизиться и спешиться на ружейный выстрел от деревни. Тут они пообедали, накормили лошадей поочередно, а потом рассыпали ячмень по саквам. Все это происходило с величайшими предосторожностями. Между деревней и уланами стояли часовые: с заряженными штуцерами, и у всех уланов

были заряженные пистолеты за кушаком, на снурках, т. е. на витишкетах, а крестьянам запрещено было приближаться к часовым и переходить за линию. Я вошел в дом, вооружась, как в сражении. Искренний мой приятель, поручик Лопатинский, смеялся, когда я рассказывал ему о моей предосторожности, а потом заплатил жизнью за свою неосторожность! Я отвечал за жизнь 25-ти человек. Крестьянам было объявлено, что при первом неприязненном поступке с их стороны я сожгу дотла деревню, и перебью беспощадно всех, кто нам ни попадется. Старики стали уверять нас, что мы не должны ничего опасаться. В избе подан был мне обед: соленая рыба, яичница и кислое молоко. Я сел за стол, а вокруг избы уселись на скамьях, без всякой церемонии поселяне. Беспреестанно приходили новые, и как не было для всех скамей, то остальные стояли у стены, и все они пристально смотрели на меня и на лазутчика, который обедал за одним столом со мною. Между мною и одним из поселян начался политический разговор.

– Вы, верно, возвращаетесь домой, в Россию, господин офицер? – спросил меня седой старик, которому все поселяне оказывали большее уважение.

– Нет, я еду для соединения с нашими, в Рауталамби, – отвечал я.

– Однако ж, вы, господа русские, не долго у нас буде те гостить, как слышно.

– Пустой слух! Вам было объявлено, что вся Финлян-, дня

присоединена к России, а что сказал русский государь – то свято!

А разве вы не знаете, что русское войско идет назад, от Гамле-Карлеби, а шведское идет вперед? – сказал старик, устремив на меня глаза и лукаво улыбаясь.

Очень хорошо знаю¹²⁰, но знаю и то, что из России идет сильное войско, которое пойдет снова вперед, а шведское войско пойдет назад, в Швецию, и там навсегда останется.

Но ведь где проходит шведское войско, там везде жители вооружаются, и сам король пришел с кораблями к нам на помощь. Разве вы изобьете всех жителей, чтобы приобрести нашу землю; иначе нельзя покорить ее. Так сказал король.

Избивать жителей мы не станем, потому что они сами скоро образумятся и убедятся, что лучше принадлежать богатому и сильному русскому государю, чем шведскому королю, и что гораздо выгоднее быть братьями русских, нежели шведов.

– Но ведь мы одной веры со шведами, – сказал важно старик.

– Какая нужда! У нас в России всякой вере равное покровительство, и у нас есть целые провинции вашей веры... Я сам вашей веры, лютеранин, (в этом случае я позволил себе солгать), хотя я не швед и не финляндец.

– Как! Вы нашей веры, вы лютеранин, – воскликнул ста-

¹²⁰ О ретираде генерала Раевского мы не знали, однако ж, ничего верного, но жители знали и преувеличивали события.

рик, – и сражаетесь против лютеран!

– Ведь мы сражаемся не за веру, а за то, чтоб, присоединив вас к нам, составить ваше счастье, избавить от тяжких налогов, от войны, которой вы будете всегда подвергаться, живя в нашем соседстве; чтоб помогать вам хлебом, которого в России бездна, деньгами, которых у русского государя множество; чтоб открыть вам торговлю с Россиею. А до веры никто не смеет прикоснуться! Напротив, во всех городах русских есть прекрасные лютеранские церкви, а в Петербурге, где живет русский государь, есть даже и финская церковь. Ваш земляк (т. е. переводчик) подтвердит это. У нас многие графы, князья и генералы лютеране, и даже тот генерал, с которым мы пришли в Куопио, – лютеранин...

– А вот я вам покажу печатное объявление, что русские хотят уничтожить нашу веру... – Старик подал мне печатную прокламацию на финском языке.

– Кто это написал, тот согрешил перед Богом, потому что солгал. Разве до сих пор русские предпринимали что–либо против вашей и моей веры, разве не уважали святыни, разве препятствовали богослужению? Вас обманывают, друзья мои!

– Но если вы пришли к нам с добрым намерением, зачем же хорошие и честные люди не хотят верить и помогать вам? Вот, например, этот господин, который приехал с вами (старик указал на лазутчика), известен мне! (Лазутчик повернулся на стуле, и хотел что-то говорить, но я велел ему мол-

чать, а старику продолжать.) Этот господин был приказчиков в Гамле-Карлеби у купцы Перльберга¹²¹ и за что-то некрасивое посажен в тюрьму, из которой он выкарабкался, не знаю как, когда пришли русские...

Лазутчик вскочил с места, и с громкой бранью бросился к старику, но я взял негодя за ворот, и вытолкнул за двери, приказав улану, который сторожил под окном, чтоб содержать его под караулом. Крестьяне, казалось, были довольны моим поступком, и некоторые из них вышли из избы, шепча что-то между собою.

– Мы не знали, что он дурной человек, – сказал я.

– Надобно знать с кем связываешься, – возразил старик важно. – Я хорошо знаю его, и знаю, что он содержался в тюрьме за воровство, что он не финляндец и не швед, а Бог его знает, кто таков; знаю и то, потому что бываю в Куопио, что он шпион, получает от русских да ром деньги, лжет и клеветает на кого попало, и ничего верного не знает, потому что ему никто не скажет правды и каждый его остерегается. Вот такие люди вредят русским; а вам, господин офицер, мы готовы верить, особенно если правда, что вы лютеранин... Вы еще так молоды, что если обманываете нас, говоря, что русский государь желает нам добра и не станет принуждать нас переменить веру, то кла дете страшный грех не только на душу вашу, но и на душу ваших родителей, которые от-

¹²¹ Перльберг содержал тогда трактир и лавку в Гамле-Карлеби, и когда мы там были, он подтвердил мне показания старика.

вечают перед Богом за пороки, которых они не истребили в детях! Солгать то же, что украсть, и обманывать бедный народ ложью хуже воровства и разбоя...

Старик говорил торжественно и с таким чувством, что тронул меня. Я встал с места, поднял руку, сложил три пальца, и присягнул, что русский государь не намерен вовсе трогать их веру, и желает им блага, мира, тишины и довольства, а потом обнял старика, и поцеловал его седую голову.

Все с шумом встали с места и, говоря что-то, чего я не понимал, стали обнимать меня. Многие утирали слезы. Из всего понял я только, что меня называли добрым барином (гювагерра) и зывали к Богу (Юмаля). Переводчик не имел времени переводить.

Эта сцена кончилась еще дружественнее., когда я, спросив, что стоит все забранное мною, заплатил за все без торга, и дал целую горсть мелкой серебряной монеты старику для раздачи убогим и калекам от имени русского государя. Старику на память нашей дружбы, я подарил курительную трубку, купив ее тут же у моего унтер-офицера.

После этого показались и женщины, и нас провожали до леса целой гурьбой. Я просил старика зайти ко мне в гости, когда он будет в Куопио, сказав, что мы вместе пойдем в лютеранскую церковь.

После всего, что я узнал о лазутчике, я не позволил ему ехать со мною рядом. Он ехал в замке, т. е. за взводом.

Ночь была светлая, но в лесу было темно, и хотя в этих

местах я не предполагал засады, все же соблюдал возможную осторожность. От деревни до мызы было около десяти верст, и я вознамерился отдохнуть несколько часов в лесу, чтоб прибыть на мызу на рассвете. В деревне я нарочно расспрашивал о другой дороге, на Рауталамби, куда пошел Барклай-де-Толли, чтобы рассеять в крестьянах всякое подозрение.

Солнце взошло прекрасно, утро было восхитительное; мыза; выкрашенная светлой краской, красовалась в версте передо мной, и я невольно вздохнул, подумав, что еду не на радость в этот дом, что, может быть, расстрою семейное счастье, будущие надежды!.. Война и дисциплина! Этим двум словам должно уступать всякое чувство и всякое рассуждение!.. Мы въехали на рысях во двор. Ворота были отперты: пастух выгонял стадо в поле. В одну минуту дом был окружен. Спешившиеся уланы стали со стороны сада. Что никто не выйдет из дома, в том я был уверен, потому что ставни и двери тогда только растворялись, когда часовые уже были расставлены.

Я вошел в дом. В зале встретил меня довольно пожилой человек почтенного вида в утреннем сюртуке. "Чему я обязан вашим ранним посещением?" – сказал он мне, по-французски.

Я крайне обрадовался, что не буду иметь нужды в переводчике. "Прошу извинить меня, что беспокою вас, но это делаю не я, а служба..." – отвечал я.

Помилуйте! Я сам служил в военной службе, и знаю хорошо ее обязанности. Но могу ли знать, что вам угодно?

Генерал наш известился, что полковник Фияндт находится в здешних местах, и приказал мне представить его...

Вашего генерала обманули этим известием, – сказал помещик. – Знаете ли вы в лицо полковника Фияндта?

– Я не знаю, но вот этот господин знает, – сказал я, указывая на лазутчика, который стоял позади меня.

– И так он удостоверится, что здесь нет полковника Фияндта. Под этою крышей я, жена моя, две взрослые дочери, два сына, один взрослый и один малолетний, и учитель его. Можете поверить... Только позвольте предуведомить дам: они не одеты...

– Прошу покорнейше!

Помещик вышел, а лазутчик сказал мне, чтоб я позвал в комнаты несколько улан, потому что если полковник Фияндт здесь, то станет защищаться. "Тогда явятся и уланы, – отвечал я, сухо, – сквозь землю не провалится, а вокруг дома часовые.

Через четверть часа все семейство вошло в комнату. Я вежливо всем поклонился, и пошел за хозяином, который повел меня по всем комнатам.

Скажу в нескольких словах, что мы осмотрели весь дом, все людские избы, все хозяйские строения, сад, и шарили по чердакам и погребам, в гумне, даже в конюшне и на скотном дворе, рылись в стене и соломе, и не нашли никаких при-

знаков, чтоб кто-либо укрывался. Все было на своем месте, в обыкновенном порядке. Когда я возвратился в комнаты, на столе был кофе, и меня пригласили сесть вместе с семейством. Я приказал уланам собраться, вывести лошадей за ворота, стать на большой дороге, и прежним порядком кормить лошадей, т. е. размундштучивая через лошадь. Людям я не велел отлучаться от лошадей. Повторяю это в наставление молодым офицерам, которым случится быть в отдаленных командировках в неприятельской земле, и вообще в военное время. Осторожность! – Лазутчик хотел остаться в комнате, я приказал ему выйти.

Удивляюсь, кто мог выдумать, что полковник Фи яндт здесь, что он ранен! – сказал помещик. – Правда, он мой родственник и более еще, он мой искренний друг, но если б он и приехал ко мне раненный, то я проводил бы его немедленно к Сандельсу, и не подвергнул бы опасности быть захваченным. Вы военный человек, следовательно, понимаете всю важность *честного слова*. Уверяю вас *честным словом* моим, что полковник Фияндт вовсе не ранен и находится в армии графа Клингспора, что он не был здесь и не будет, пока война чем-нибудь не кончится. Вы можете смело уверить в этом вашего генерала, и, вероятно, официальные известия с театра войны скоро подтвердят справедливость слов моих.

– Я исполнил по совести мое поручение; искал, где мне было приказано, не нашел, и дело кончено. Остальное представляю моему генералу, – сказал я.

Началась между нами политическая беседа. Это единственное утешение жителей в странах, покоряемых сильным неприятелем. Не будучи в состоянии сопротивляться оружием, жители воюют логикой, когда находят между неприятельскими офицерами людей снисходительных. Я испытал это впоследствии в Германии и Испании. "Если бы я находился теперь в военной службе, — сказал помещик, — то я бы дрался с вами до последней капли крови; но, признаюсь откровенно, что принадлежу к числу тех людей, которые не одобряют упорства и вообще поведения нашего короля и этой войны. Швеция бедна и бессильна, и она должна быть или нейтральной в европейских войнах, или придерживаться искренно сильного союзника. Нашему королю надлежало бы не увлекаться политической ненавистью к императору французов, и придерживаться Франции, а если он не хотел держать стороны Франции, то должно было следовать политике России и держаться ее искренно. Вопрос в том: что может сделать одна Швеция, и какую надежду можно полагать на Англию? Англичане обещали сделать высадку в Финляндии, и не исполнили обещания; намеревались помогать нам в Норвегии, и не помогли; прислали несколько тысяч ружей для вооружения наших поселян, и ружья оказались негодными. Вот каковы наши союзники! Как можно бороться Швеции с Россией, и воевать в то же время с Данией? С одной Данией мы бы справились, но Россия непременно подавит нас своею силой, и если император Александр решился твер-

до отнять Финляндию у нашего короля, то непременно отнимет; в этом я убежден. Но признаюсь также, что мне бы не хотелось быть свидетелем присоединения моего отечества к России, хотя бы это было для нас и выгоднее. Язык, вера, старые законы, обычаи..."

Тут я прервал его: "Но разве император Александр не обещал Финляндии сохранение всего этого? – сказал я, а что он сказал – то верно! Ничто не изменится в нравственном состоянии Финляндии, а что изменится, то к лучшему и по вашему же желанию. Вся разница в том, что вам не надобно будет ездить, по делам вашим за море."

– Будущее известно одному Богу, – сказал помещик, – а с настоящим каждому больно расстаться, если оно было не слишком тягостно. Предки наши были шведами, и мы бы хотели остаться тем же, чем были они... Впрочем, да будет воля Божья! В доказательство, что я не предвижу счастливого для нас конца этой войны, вот сын мой, которому я не позволил вступить в военную службу...

Молодой, прекрасный собою человек покраснел, и сказал: "Я и теперь сожалею об этом!" Я дружески пожал руку молодому человеку, примолвив: "Вы делаете честь себе вашими чувствами, а русскому офицеру вашею откровенностью". Я заметил, что моя выходка понравилась всему семейству и даже молодому патриоту.

Я просил помещика накормить улан и дать фуража лошадям за наличные деньги. "Это уже сделано, – отвечал он, – а

о расчете поговорим после".

Я пробыл в этом доме до 11-ти часов утра, уснул часа два, и после завтрака отправился в путь, взяв проводника. Помещик взял деньги за фураж, но за съестное не согласился взять плату, и даже снабдил меня на дорогу запасом. В Куюпио мы прибыли к рассвету, сделав 55 верст в полутора сутки. Лошади устали, но не похудели, потому что от вступления нашего в Финляндию они никогда не пировали так, как в эту командировку. Когда я рассказал генералу Рахманову приключение с лазутчиком, генерал расхохотался и сказал: "Черт его побери, а впрочем, откуда же взять лучших!"

Вот каков был дух в Финляндии в самом разгаре народной войны. Образованные и богатые люди хотя и досадовали на вторжение русских в Финляндию и хотя не любили русских, но еще более негодовали на свое правительство и явно роптали против короля. Из помещиков весьма немногие вмешивались в войну, а поселян возбуждали к восстанию различными вымыслами, а более уверением, что русские введут в Финляндии свою веру, как ввели ее в Карелии. Где было знать финским поселянам, что православная вера введена в части Карелия еще новгородцами в XIV веке и что они крестили язычников! То, что я видел в эту мою командировку, было характеристикой целой Финляндии, разумеется с некоторыми исключениями. Были и фанатики политические и религиозные, которые противились всеми силами покорению Финляндии, и после покорения ее ушли в Швецию, и

остались в ней навсегда. Между ними есть один достойный муж, с которым я тогда подружился, и возобновил дружбу во время поездки моей в Стокгольм, в 1838 году. Это ученый Арвидсон, хранитель Королевской библиотеки в Стокгольме.

В Истории А.И. Михайловского-Данилевского и в Сочинении графа П.П. Сухтелена не сказано ни слова о походе Сабанеева. Упомянуто только, что он выслан был из Куопио на подкрепление корпуса графа Каменского с четырьмя батальонами и двумя эскадронами. Историкам, представляющим общий ход войны, некогда заниматься подробностями в движениях малых отрядов, но эти подробности были для нас тяжелы, и остались нам памяты. Если б граф Каменский, не дождавшись Сабанеева, принужден был отступить к Таммерфорсу, то мы, прибыв в Сарияр-ви, могли бы быть отрезаны от Куопио отрядом полковника Фияндта и уничтожены армией графа Клингспора, как был истреблен отряд Булатова. Без сомнения, граф Клингспор был извещен жителями о нашем походе и нашей малочисленности. Сабанеев не скрывал от офицеров опасности нашего положения, советуя нам внушать солдатам, что наше спасение зависит от нашего мужества и что если мы наткнемся на неприятеля, то должны сражаться до последней капли крови.

Мы шли большими переходами и усиленными маршами, но в Рауталамби должно было дневать, потому что люди и лошади наши крайне устали. Рауталамби, о котором часто упо-

минается в историях этой войны, вовсе не местечко, а кирка, т. е. церковь, возле которой жилище пастора (пасторат) и несколько домов. Тут содержал военный пост эскадрон майора Лорера с двумя ротами пехоты, охраняя переправу через три рукава на озерах Конивеси и Кивисальми. Рауталамби – один из богатейших пасторгатов в восточной Финляндии. Дом пастора был обширный, пастор был человек просвещенный и добродушный, и семейство его любезное. Дочери пастора были красавицы. К пастору ездили в гости соседние помещики и земские чиновники, с семействами, и наши офицеры проводили время весьма приятно; все они были влюблены для препровождения времени. Александр Иванович Лорер имел порядочный запас съестных припасов и вина. Он задал нам славный пир, и мы всю ночь протанцевали, вместо того чтобы отдыхать после похода.

Шведки и финляндки – прелестные создания! В них соединены германское простодушие и сердечная вежливость с каким-то особенным пиитическим чувством, которое чарует душу. Даже в их веселости есть оттенок меланхолии, привлекающей сердце. Откровенность их, следствие простоты нравов, увлекательна. Редкий из русских офицеров, бывших в кампании 1808 и 1809 годов, не был влюблен или, по крайней мере, не готов был влюбиться. Пересчитайте, сколько русских со времени покорения Финляндии женились на финляндках! Финляндки (говорю о дворянстве и гражданском сословии) все вообще хорошо образованы, религиозны

и хорошие хозяйки. Управление хозяйством входит в состав женского воспитания. Финляндская девица из образованного сословия – это ягодка маму-ра, краса Севера! Здесь я должен, однако, заметить, что красота есть принадлежность готского (германского) племени и что все красавицы в Финляндии из фамилий шведских или смешанных с шведским племенем. Финское племя некрасиво. Исключения не идут в расчет.

Арвидсон, о котором я говорил, был юноша моих лет. Не знаю, в какой степени родства он был с Рауталамбс-ким пастором, но он жил в рауталамби. На дневке мы подружились с ним, как дружатся молодые люди, сходные характером. Он стал превозносить шведов; я не только не спорил, но даже подтверждал его похвалы, и он полюбил меня. В юности дружатся в минуту, а на старости охлаждаются даже и к старым друзьям. Это, по несчастью, я испытал на себе! После обеда мы пошли прогуливаться в поле. Арвидсон завел со мною политический разговор. Я охотно уступил ему в логике, но предоставил себе защиту истолкованием русской поговорки: что сила солому ломит. Мы оба болтали тогда кое-как по-немецки. Наконец, в излишнии юношеских чувств мы решили гадать, кто останется победителем – шведы или русские. Он представлял собою Швецию, а я Россию; он стал на холм, а я атаковал холм. Я взобрался на холм, поборол Арвидсона – и разрешил загадку. Мы обнялись братски, но слезы блестели в глазах благородного Арвидсона. "Неужели это

предзнаменование сбудется!" – сказал он, печально. В Стокгольмской королевской библиотеке мы вспомнили о Рауталамби!.. Скажу раз навсегда, что я уважаю всякое *искреннее* чувство в друге и враге. Совесть отвечает только перед Богом, и убеждение уступает только в силе разума.

Жар был несносный, и от Рауталамби (переправившись через рукав Конивеси) мы шли ночью и отдыхали днем. Пройдя верст до ста тридцати от Куопио, мы пошли местами, где еще не были русские. Тут мы находили на мызах у пасторов и даже у крестьян съестные припасы, а иногда и фураж, которые забирали под расписки. Между тем поселяне восстали, и несколько раз завязывали с нами порядочную перестрелку. Важно было то, что при каждом первом выстреле мы не знали, с кем будем иметь дело, ожидая встречи с армией графа Клингспора, и что непрерывная бдительность изнуряла солдат. Чем далее мы шли вперед, тем более встречали ненависти к нам и надежды на скорое очищение Финляндии русскими. В Куопио мы не знали хорошо всего случившегося с генералом Раевским., но на пути на мызах и в пасторатах нам изображали в преувеличенном виде победы шведов, гибель целых корпусов наших, и говорили, что ждут самого короля, который с сильным флотом и армией находится на Аландских островах. Радовались, вовсе не стесняясь нашим присутствием. Нам предсказывали верную гибель, и некоторые добрые люди, особенно женщины, даже сожалели о нас! Разумеется, мы вполнину верили этим рассказам,

хотя и знали, что положение наше незавидное.

Представлю пример, до какой степени жители не скрывали своей ненависти к нам. Два взвода нашего эскадрона шли в авангарде с двумя ротами 3-го Егерского полка. И.В.Сабанеев находился с нами. Около десяти часов утра мы подошли к порядочной мызе. Сабанеев приказал остановиться, и с несколькими офицерами пошел на мызу позавтракать. Хозяин принял нас вежливо, хотя важно и холодно, и все семейство его вышло к нам. Сабанеев сказал через переводчика, что мимо мызы будет проходить отряд и что для избежания беспорядков он даст помещику *залогу*, офицера с шестью рядовыми, с условием, чтоб помещик дал честное слово, что отвечает за их безопасность, и когда пройдет наш арьергард, отошлет залогу на поводах к отряду. Это предложение расположило помещика и его семейство в нашу пользу, и он сделался приветливее. После завтрака помещик сказал без обиняков, что мы идем на явную смерть, потому что русский отряд, действовавший против графа Клингспора, теперь верно уже не существует, если не успел уйти к Русской границе. Помещик пресерьезно советовал Сабанееву возвратиться поскорее в Куопио. Сабанеев возразил шуткой, сказав, что мы, русские, так полюбили Финляндию, что намерены остаться в ней и пожить весело, а за смертью пойдем в другие страны, может быть во Францию. Потом, обратясь к дочери хозяина, девочке лет десяти, удивительной красавице, Сабанеев представил ей Штакельберга, прапорщика 3-го

Егерского полка, юношу лет семнадцати, также красавчика, и сказал, не угодно ли ей русского жениха. Вообразите наше удивление: девочка побледнела, как полотно, задрожала всем телом и, сжав зубы и грозя кулаком, сказала по-шведски: «Смерть русскому!» Отец улыбнулся, а мать поцеловала девочку, и увела в другую комнату. Разумеется, что девочка выражала чувства родителей, и повторяла, что слышала, но мы за это не гневались. Сабанеев сказал нам по-русски: «Все перемелется, мука будет!»

Он угадал. Я помнил прозвание мызы и фамилию помещика, и во время пребывания моего в Гельсингфорсе (в 1838 г.) рассказал этот анекдот моему покойному приятелю, дерптскому уроженцу ст. совет. Витту (принявшему фамилию Вейсенберг с поступлением в финляндское дворянство). Признаюсь, я удивился, когда он сказал мне, что прежняя неприятельница наша, девочка, впоследствии вышла замуж за русского, и теперь русская барыня говорит хорошо по-русски и весьма преданна России! *Ainsi va le monde!*

В издании под заглавием *"Император Александр I и его сподвижник, и прочее"* напечатана биография Ивана Васильевича Сабанеева, дослужившегося до чина генерала от инфантерии и блистательно участвовавшего в Турецкой и Отечественной войнах. В этой биографии Сабанеев изображен человеком угрюмым, недоверчивым, почти нелюдимым, Может быть, он сделался таким в старости и в высоких чинах. *Honores mutant mores!* В Финляндии в чине подполковник

3-го Егерского полка Иван Васильевич был человек прелюбезный, снисходительный и предобрый. Он любил даже шутки, и не гневался за них. Его удивительная храбрость, хладнокровие и распорядительность в битвах уже тогда снискали ему уважение и доверенность опытных генералов, каковы были Барклай-де-Толли и граф Каменский. Иван Васильевич Сабанеев был небольшого роста, довольно плотен, и до такой степени близорук, что ничего не видел в нескольких шагах, но не хотел носить очки. Мы, молодежь, иногда подшучивали над нашим добрым командиром. На походе запрещено было стрелять. Вдруг один из нас, бывало, закричит: «Иван Васильевич, утки, утки! Позвольте выстрелить!» Хотя на самом деле не видно было ни одной утки, но Иван Васильевич, чтоб не показаться слепым, поднимет голову, и скажет: «Да, уток много, но стрелять нельзя – будет тревога в авангарде!» Однажды Иван Васильевич едва не заплатил жизнью за то, что скрывал свою слепоту и не хотел носить очки. При переправе через реку (мост сожжен был бунтовщиками) он не хотел, чтобы егеря поддерживали его, когда он садился в лодку, прыгнул с высокого берега, но не в лодку, а в воду, и пошел прямо ко дну. Река при берегу была весьма глубока, но как егеря чрезвычайно любили своего начальника, то человек десять бросились за ним в воду, и вытащили его уже в полубесчувствии. Иван Васильевич уверял, что он поскользнулся, хотя все видели, что он прыгнул на

два шага от лодки, на пук плававшего камыша¹²², который он принял за лодку. На самом рассвете Сабанеев однажды остановил отряд под лесом и приказал отдыхать и варить кашу. «Здесь будет прохладно, – сказал Сабанеев – и люди могут выкупаться в озере», – промолвил он, указывая на поле, засеянное гречихой, над которой лежал легкий туман. Когда ему сказали, что здесь нет не только озера, но и капли воды, он велел отряду подняться и идти далее. Весь этот день добрый Иван Васильевич был в дурном расположении духа, ехал один, и ни с кем не разговаривал.

На одном ночлеге прискакал к Сабанееву уланский унтер-офицер из арьергарда с известием, что он, быв в разъезде, видел с холма огни и войско на биваках, но в темноте по болоту не мог подъехать близко и узнать, свои ли это, или неприятель. Сабанеев командировал немедленно наш эскадрон для рекогносцировки. Мы были на один переход от Сариарви, где надеялись найти отряд полковника Властова, следовательно, появление войска в нашем тылу было для нас не понятным. В конце июля ночи уже становятся темными около полуночи, часа на два, а в эту ночь небо было покрыто черными облаками. Мы шли вперед, ни зги не видя. Проводника наши, унтер-офицер и бывшие с ним уланы, поехали с нами, но не могли вспомнить, в котором месте они повора-

¹²² К челнокам мы подвязывали по бокам пуки хвороста или камыша, чтобы челнок не перевернулся. Лошадей мы перегоняли обыкновенно вплавь. Когда не доставало лодок, мы делали плоты, связывая бревна лозою.

чивали вправо с большой дороги. Мы поворотили наудачу, прошли лесом верст пять, и вышед на поляну, увидели вдали зарево. Тотчас один взвод понесся вперед на рысях. Под кустарником нас встретил радостный оклик: "Кто идет?"

– Русские!

– Стой на месте или *убью!*

Наши! Русские! Слава Богу! Это был отряд полковника Эриксона на походе к селению Кеуру. Мы остановились и известили Сабанеева, а утром оба отряда соединились. Немедленно послан был офицер к графу Каменскому с извещением о нашем приходе, и отряду нашему приказано было отделиться от полковника Эриксона и идти на наш крайний левый фланг к кирке Руовеси. И вот мы наконец в корпусе графа Каменского!

Соединившись с корпусом графа Каменского, мы узнали от товарищей много такого, о чем к нам доходили в Куопио неверные слухи и неполные известия. Офицеры прибывших на усиление корпуса графа Каменского войск рассказали нам, что граф Каменский едва не был захвачен в плен партизаном Ростом на пути из Гельсингфорса к своему назначению, и спасся проселочными дорогами и тропинками, блуждая по лесам и пустыне, и что сам главнокомандующий со всем своим штабом едва избегнул плена. Желая видеть морское сражение, бывшее в заливе при острове Сандо (19-го июля), граф Буксгевден отправился на берег острова Кимито с генералами П.К.Сухтеленом и Коновницыным.

После одержанной нашей флотилею победы, граф Буксгевден обозрел сухопутную позицию, где шведы делали высадку, и возвратился на мызу Вестаншер, где для него приготовлен был обед. Думали, что сражение кончено, видя отступление шведской флотилии. Отряд, бывший на острове Кимито, отдыхал; на биваках варили кашу, артиллерийские лошади были на пастбище. Главнокомандующий преспокойно сидел за стол, как вдруг раздался на дворе крик: "Шведы, Шведы!" Все бросились к окнам, и увидели, что две шведские колонны идут прямо к мызе... Сделалась тревога. Караул, бывший при квартире главнокомандующего, бросился вперед с конвоем навстречу неприятеля, а между тем было дано знать в наш лагерь, в котором находились четыре роты пехоты.

При самом начале морского сражения шведский адмирал Гельмшиерна высадил на берег острова Кимито 1100 человек пехоты и шесть орудий под начальством полковника Палена с тем, чтоб он ударил в тыл наших батарей. По берегу стояли казачьи ведеты, но их сняли, чтоб сформировать почетный конвой для главнокомандующего, и это помогло Палену высадить войско, не быв замеченным нашими. Когда жители донесли Палену, что шведская флотилия ретировалась и что русский главнокомандующий с генералами отправился на мызу, располагаясь там пообедать и отдохнуть, полковник Пален вознамерился захватить их. Жители провели его тропинками к самой мызе. Ударь он быстро и пусти бе-

гом своих солдат, главнокомандующий и бывшие с ним генералы были бы непременно взяты или погибли б защищаясь. Но шведы, храбрые и неустрашимые от природы, отвыкли от войны, и образованные их офицеры руководствовались всегда теорией. Полковник Пален, вместо того чтобы бежать бегом на мызу, выстроил свое войско во фронт, и выслал застрельщиков, которых удерживал перестрелкой караул главнокомандующего, пока прибежали во весь дух на мызу наши четыре роты из лагеря, и привезли с собою два единорога большого калибра. Началось сражение, и пушечная пальба известила роту егерей, высланных прежде того на малые острова для рекогносцировки, об опасности их товарищей на Кимито. Эта рота поспешила на выстрелы, и случайно пристала к берегу в тылу отряда полковника Палена. Если б он имел более твердости и решительности, или по крайней мере более опытности в военном деле, то, будучи вдвое сильнее русских, опрокинул бы и передовой отряд, и роту, зашедшую ему в тыл; но, придерживаясь старинной стратегии, Пален, как в шахматной игре, видя свое войско между двух огней, начал отступать к пристани, и когда наши наперли сильно на шведов, они поспешно бросились в лодки. Три лодки сели на мель второпях; остальные поспешно отплыли, и шведы не успели даже увезти свои шесть пушек, которые были взяты нашими. 200 человек шведов, бывших на трех лодках, не будучи в состоянии снять их с мели и подвергаясь жестоким пушечным выстрелам с берега, сдались военнопленны-

ми. Будь на месте Палена кто-нибудь из наших молодцов, например Сабанеев, Кульнев, Властов или Эриксон, дело кончилось бы иначе! Главнокомандующий и его прикрытые были бы непременно в плену или в могиле.

Не видев сам действий нашего парусного и гребного флотов, не стану повторять того, что весьма подробно и прекрасно описано его превосходительством А.И.Михайловским-Данилевским. Обращаюсь к тому, чему я сам был свидетелем.

ГЛАВА V

Состояние русских войск к 1-му августу 1808 года. – Маркиз Паулуччи привозит из Петербурга проект перемирия с шведами до зимы. – Любопытная встреча маркиза Паулуччи с главнокомандующим, характеризующая обоих. – Верный очерк маркиза Паулуччи. ~ Главнокомандующий не соглашается на перемирие, и избирает графа Каменского для изгнания шведского войска из Финляндии. – Характеристика графа Николая Михайловича Каменского. – Геройский дух времени, припоминающий древнюю Спарту и блистательную эпоху Рима. – Положение дел во время принятия начальства графом Каменским над корпусом генерала Раевского. – Число шведских войск, – Состав корпуса графа Каменского. – Начало наступательных действий графа Каменского. – Блистательное авангардное дело полковника Властова. – Местность и подробности сражения. – Властов разбивает наголову полковника Фияндта. – Неудача полковника Эриксона. – Геройский подвиг майора Гласкова. – Кровопролитное трехдневное сражение при Куртане. – Местность и подробности сражения. – Шведы после мужественного сопротивления уступают настойчивости русских. – Преследование шведов нашим авангардом. – Характеристика знаменитого Кульнева, командовавшего авангардом в чине полковника. – Участие двух эскадронов нашего полка в сраже-

нии при Куртане. – Новый стратегический план графа Каменского. – Обходы, опасность обходного отряда Козачковского под Ньюкарлеби и под Нидергерми. – Знаменитое сражение под Оровайси. – Чудеса храбрости русских воинов. – Граф Каменский исторгает победу у шведов своею решительностью, и заставляет их отступить. – Местность и подробности сражения. – Адъютант графа Каменского капитан Арсений Андреевич Закревский. – Вступление графа Каменского в Гамле-Карлеби. – Перемирие. – Главная квартира переносится в Гамле-Карлеби.

С самого начала войны император Александр имел мысль выслать отряд через Ботнический залив по льду в Швецию, но главнокомандующий представлял, что это будет только бесполезный *набег*, если невозможно будет утвердиться на шведском берегу, а чтоб удержаться в Швеции и в то же время действовать в Финляндии, граф Буксгевден требовал вдвое более войска, нежели было тогда под его начальством, уверяя между тем государя, что мы завоюем Финляндию без больших усилий. Когда обстоятельства переменились в пользу шведов, граф Буксгевден писал к государю, что он вовсе не надеется изгнать неприятеля из Финляндии, усмирить восстание жителей и удержать страну в повиновении, имея под ружьем только 24 500 человек, и что ему надобно по крайней мере вдвое более войска; а если государю угодно, чтоб вторжением в Швецию принудить короля к уступ-

ке Финляндии, то для этого должно прислать сверх находящихся уже в Финляндии 24 500 человек еще по малой мере 50 000 человек. Граф Буксгевден рассуждал справедливо, но не было возможности удовлетворить его требование. Армия наша была в Турции, и остальное войско после трех кровопролитных кампаний (1805, 1806 и 1807) было малочисленно. В иных полках не было и полного батальона. Надлежало комплектовать полки рекрутами. Собрали, что можно было собрать из третьих батальонов полков, находившихся уже в Финляндии, присоединили части войска из гвардии, устроили два отряда, и выслали их в конце июля в Финляндию. В отряде графа Витгенштейна было до 8800 фронтовых, а в отряде князя Д.В.Голицына до 6500 человек разного оружия. Кроме того, пришло несколько тысяч солдат из французского плена и рекрутов, и таким образом собралось русских войск в Финляндии к 1-му августу до 44 000 человек пехоты, 5000 конницы, и при них 186 орудий. Но к этой армии было множество больных от недостаточного продовольствия и изнурения, и госпитали были в самом плохом положении.

Маркиз Паулуччи передал верно государю положение войска и состояние дел в Финляндии, и вследствие того в Петербурге был составлен оборонительный план войны до зимы, благоприятной для военных операций в этой стране. По этому плану русские войска должны были занять линию от Биернеборга через Таммерфорс, Оривеси, Рау-таламби,

Куопио до Кеми на пространстве более 500 верст, и укрепиться в селениях и в лагерях, а с другой стороны расположиться на морском берегу, от Биернеборга же до Сварголма под защитой нашего гребного флота. С этим планом отправлен был в главную квартиру, в Або, маркиз Паулуччи. Сколь важно было поручение, данное маркизу Паулуччи, и какую доверенностью государя он пользовался, видно из собственноручного письма государя к главнокомандующему¹²³.

"Если, до получения оборонительного плана успехи подвинут нас вперед, и позиция, занимаемая войсками, будет выгодна, то не приводить плана в действие, а объяснив подробно все обстоятельства маркизу Паулуччи, прислать его с оными обратно ко мне".

Здесь я должен сообщить анекдот, характеризующий графа Буксгевдена и маркиза Паулуччи. Этот анекдот рассказан мне почтенным Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским. Его превосходительство позволил мне напечатать этот рассказ и сослаться на него¹²⁴.

Со времени падения Римской империи почти все писатели, говорившие об Италии, изображают нам итальянцев хитрыми, уклончивыми, вкрадчивыми, скрытными и даже вероломными. У всех европейских народов итальянец есть си-

¹²³ См. описание Финляндской войны 1808 и 1809 годов, Сочинение генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского, стр. 204.

¹²⁴ Важность, требуемая от истории, не дозволила почтенному Александру Ивановичу внести этот анекдот в свое описание войны.

ноним хитрости и вероломства. Однако ж, это мнение во- все несправедливо, и в Италии есть много людей с прямым характером, с возвышенной, пламенной душой и благород- ными чувствами. Эту справедливость отдал им один из са- мых просвещенных мужей в Европе, граф Сергей Семено- вич Уваров¹²⁵.

Первообраз, или тип итальянцев времен гвельфов и джи- беллинов, был маркиз Паулуччи, Он был храбр, откровенен, даже к собственному вреду, решителен, и мстил своим про- тивникам одними эпиграммами. Чтоб любить его и уважать искренно, надлежало знать его коротко и судить о нем по де- лам, а не по словам. В остзейских провинциях, где он был двадцать лет генерал-губернатором, он оставил незабвенные следы своей умной, твердой и честной администрации. Мно- гие дворяне не любили его за то, что он частенько сбивал крылья неумеренной гордости ни на чем не основанной, а ко- гда не стало маркиза Паулуччи, все отдали ему полную спра- ведливость, и теперь вспоминают о нем с любовью. Маркиз Паулуччи был со всеми ласков и даже фамильярен, но недо- пускал никого забываться перед ним, и громил высокоме- рие и гордость своими убийственными сарказмами, в кото- рых только один Вольтер мог с ним сравняться. Во всем мар- киз Паулуччи был оригинален, и я в жизни моей не знал че- ловека занимательнее, любезнее и умнее его. Что он добрее душой, это скажут вам все до единого в Лифляндии, Курлян-

¹²⁵ См. брошюру, изданную графом С.С.Уваровым.

дии, Эстландии и в Псковской губернии, особенно же в Риге, постоянном его местопребывании. Но затронуть его было опасно, эпиграммы его клеймили навеки!

С величайшей поспешностью прибыл маркиз Паулуччи в Або и, даже не переодеваясь, поспешил к главнокомандующему с поручениями государя императора. Я уже говорил, что граф Буксгевден был непомерно горд, самовластен, не терпел никакого возражения, и выходил из себя при малейшем отступлении от его воли. Прием его ужасал многих. Все боялись его и избегали по возможности встречи с ним.

Маркиз Паулуччи входит в приемную комнату и просит дежурного адъютанта доложить о нем. Адъютант отвечает, что главнокомандующий занят делами в своем кабинете и не приказал ни о ком докладывать. Несколько генералов и полковников уже с час дожидались в приемной комнате, пока главнокомандующий выйдет или позволит доложить себе об имеющих к нему надобность. Но маркиз Паулуччи, имея с собой *слово государя*, справедливо полагал, что он не обязан ждать, и стал побуждать адъютанта к докладу. Адъютант наконец решился пойти в кабинет, и доложил графу Буксгевдену о маркизе Паулуччи, прибывшем с депешами от государя. – «Пусть подождет!» – отвечает граф Буксгевден. Адъютант сообщил ответ маркизу Паулуччи. Маркиз изумился этим ответом, и сказал адъютанту: «Пойдите и скажите графу, что я требую свидания с ним не для приятного препровождения времени, но для выслушания высочайшего пове-

ления, и что я не могу, не должен и не намерен ждать». Адъютант говорил с маркизом шепотом, все молчали, а он говорил громко, для того чтобы слышно было в кабинете. Невзирая на все доводы маркиза Паулуччи адъютант объявил, что он не смеет в другой раз докладывать о нем. Маркиз Паулуччи настаивал и горячился – и вдруг дверь в кабинет быстро растворилась, и в приемную вошел главнокомандующий. – «Кто здесь осмелился шуметь!» – спросил он грозно. – «Я прошу доступа к вашему сиятельству по делу, не терпящему отлагательства, и прибыл к вам с высочайшим повелением», – отвечал маркиз Паулуччи. – «Как вы осмелились шуметь, говорю я вам, – возразил в гневе граф Буксгевден. – Я прикажу вас немедленно расстрелять заслушание моей воли!». Маркиз Паулуччи отступил на три шага, заложил руки на груди, и со своей саркастической, неподражаемой и убийственной улыбкой возразил: "He, he! Прикажите, ваше сиятельство, расстрелять! Мне будет весьма занимательно взглянуть, как расстреливают полковника, прибывшего в армию с высочайшим повелением от лица государева с приказанием и за *объяснением* к главнокомандующему! He, he, he! Этого я еще не видел в моей жизни!". Граф Буксгевден поспешно возвратился в кабинет, сильно хлопнув дверью; но через пять минут, когда еще все бывшие в приемной зале не успели опомниться, маркиз Паулуччи был позван в кабинет. Эта странная встреча не имела дальнейших последствий. Во все пребывание маркиза Паулуччи в главной квар-

тире он был принимаем главнокомандующим отлично.

Почти на целом свете так бывает, что, если человек имеет право сам составлять проекты, планы и предположения и приводит их в исполнение, то он неохотно принимает чужие проекты и планы, когда ему должно их исполнять, потому что даже при самом счастливом успехе надобно разделить славу между изобретателем и исполнителем. Граф Буксгевден, который перед этим писал к государю, что он не может даже ручаться за удержание завоеванной части Финляндии, вдруг стал противником оборонительного плана, и представил весьма основательные причины, которых я не привожу, потому что они изложены подробно в описании войны А.И.Михайловским-Данилевским. Положение наше немногим улучшилось от прибытия отрядов графа Витгенштейна и князя Голицына, затруднив еще более продовольствие армии. Но граф Буксгевден решился действовать наступательно, принимая на себя всю ответственность, и с этим решением отправил маркиза Паулуччи к государю.

Войска наша расположены были в это время следующим образом. Граф Витгенштейн занял полуденный берег Финляндии; князь Голицын двинулся в середину ее в той цели, чтоб быть готовым подкрепить своим содействием те из отрядов, которые будут нуждаться в помощи. Князь Багратион с отрядом своим стоял у Або; генерал Тучков 1-й в Куопио. Небольшой отряд графа Орлова-Денисова боролся внутри края с партизанами и восставшими крестьянами. Ге-

нерал-адъютант князь Петр Петрович Долгорукий с 4000 вошел из Сердоболя в Карелию, а действующий корпус генерала Раевского, состоявший из 6000 человек, отступал перед графом Клингспором к Таммерфорсу.

Граф Буксгевден избрал графа Николая Михайловича Каменского, стоявшего с отрядом в Гельсингфорсе, для наступательных действий против главной шведской силы, бывшей под начальством графа Клингспора, и, выслав для принятия начальства над отрядом Раевского, дал графу Каменскому следующее предписание: "Атака ваша должна быть решительна и устранить худые последствия, которые нас от отступления Раевского ожидают; словом, *невзирая на малое число войск наших* вы должны разбить неприятеля. Боже помоги успехам вашим. От действия вашего зависит теперь внутреннее положение Финляндии в рассуждении спокойствия жителей и внешнее положение войск для защиты берегов. Буду с нетерпением ждать от вас известий. Взоры всей армии устремлены на корпус ваш".

Читая это, переносишься мыслью во времена Древней Греции и в блистательнейшую эпоху Рима! Вместо продовольствия, инструкции и операционного плана от главнокомандующего получено одно приказание *победить, и помоги Боже!* Что бы сказал об этом Венский гофкригсрат во время Суворова? Но граф Буксгевден знал, кому поручает дело.

Граф Николай Михайлович (младший сын Фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского) родился в 1776 году, сле-

довательно, тогда (в 1808 году) ему было только тридцать два года от рождения. Он воспитывался в том же Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, в котором получил воспитание и отец его, но рано вышел из корпуса, и дополнил образование дома под руководством своего родителя. Император Павел Петрович, быв чрезвычайно милостивым к отцу его, в начале своего царствования быстро двинул сына по службе, и в Итальянскую войну Николай Михайлович был уже полковником и командовал прославившимся под его начальством Архангелогородским гренадерским полком. Суворов, желая предоставить случаи к отличию сына своего старого товарища, с которым он, однако ж, не ладил, посылал графа Николая Михайловича в самые опасные места, и молодой полковник всегда отличался, и заслужил чин генерал-майора и несколько орденов на поле брани. В русской армии и в народе из всей итальянской кампании остался в памяти только знаменитый *Чертов мост*. Этот мост, полуразрушенный, висящий над ужасной пропастью в горах Альпийских, надлежало проходить под градом французских пуль, связывая офицерскими шарфами распадавшиеся бревна. С этим вечно-памятным делом сопряжено имя графа Н.М.Каменского. Он взял штурмом этот мост в главе храброго своего полка, бросившись первый вперед, со шпагой в руке, Суворов прозвал графа Н.М.Каменского в шутку *Чертов генерал*. В кампании 1806 и 1807 годов граф Н.М.Каменский отличился под Данцигом, и хотя не мог освободить этого города от

осады, но обратил на себя внимание обеих армий отчаянной храбростью и распорядительностью. Прибыв в Кенигсберг уже во время нашей ретирады из-под Фридланда, он искусным движением успел соединиться вовремя с главной армией, и тем избавил ее от сильного натиска неприятеля. Кампанию кончил он в чине генерал-лейтенанта.

Граф Н.М.Каменский наследовал от отца своего непоколебимое мужество и пылкость характера. Он был вспыльчив, строг в наказаниях, но добр душою, щедр, бескорыстен, снисходителен, справедлив и ласков к офицерам и солдатам, горд с равными и холоден со старшими. Природа наделила его умом глубоким и проницательным, и он образовал себя чтением и основательным изучением всего, относящегося до военного ремесла. Граф Н.М.Каменский, как все генералы суворовской школы и как граф Буксгевден, не терпел никаких возражений и советов, и требовал безусловного повиновения своей воле. "Извольте делать, что я приказываю, – я отвечаю!" – был всегдашний его ответ на все представления генералов или начальников отрядов.

Граф Н.М.Каменский был среднего роста, сухощав, и являлся всегда перед фронтом с лицом важным и серьезным. Глаза его блестели, как алмазы, а в сражении пылали. Он был ловок и скор во всех движениях. Во всю кампанию он носил военный сюртук с бирюзовым воротником (Архангелогородского полка) и фуражку с таким же околышком, и только в городах, на параде и на балах, которые он любил давать жи-

телям, надевал мундир и ордена. В руках у него всегда была казачья нагайка, Войско любило и боялось его. Он заботился о нуждах солдата, но требовал самой строгой дисциплины, и если б червонцы рассыпаны были на дороге, никто не дерзнул б поднять ни одного, если бы граф Каменский запретил это. За ослушание – пуля в лоб или самое жестокое наказание. Граф Каменский оживлял собой Суворова в памяти стариков. У него была одна слабость, которой, впрочем, не чужды были величайшие герои древних и новых времен: граф Н.М.Каменский, которого твердости не могла поколебать никакая опасность, не мог равнодушно выдерживать нежные взгляды красавиц, любил прекрасных женщин и умел им нравиться. Но слава была первою и главною его любимицей – и он жертвовал для нее всеми своими склонностями.

Не постигаю причин, почему он в звании главнокомандующего претерпел столько неудач в войне с турками! Опытные генералы говорили мне, что в войне с турками весьма часто и храбрость и искусство не помогают, потому что местоположение края, в котором обыкновенно ведется война с турками, и зловредный климат этой страны уничтожают почти все расчеты стратегии, и представляют непреодолимые препятствия самой пылкой храбрости. Говорят, если бы граф Н.М.Каменский дожил до знаменитого 1812 года, он был бы главнокомандующим, и тогда бы история определила в нем решительно качества полководца. Что бы-

ло б в борьбе его с Наполеоном – неизвестно; но в Финляндии он показал высокие военные способности, основательные познания стратегии, применяемой быстро к местности, искусство продовольствовать войско в неприятельской взбунтованной стране, возбуждать в воинах самонадеянность, непоколебимое мужество и презрение всех опасностей. Это важнейшие качества главнокомандующего. Бесспорно графу Н.М.Каменскому принадлежит вся слава покорения Финляндии.

Теперь перейдем к его подвигам.

Финляндская война была в одно время ученой, народной, наступательной, оборонительной и во всех случаях чрезвычайно упорной с обеих сторон. Успех столько же зависел от тонких соображений военных действий, от маневров в стране, почти непроходимой для наступающего войска по причине теснин, болот, гор, рек, озер и мрачных лесов, встречающихся на каждом шагу, как и от быстрого натиска и решительности. Отчаянное сопротивление шведского войска и жителей Финляндии, возможность, представляемая неприятелю озерами переменять свою позицию и переноситься за позицию наступающих, трудность сообщений, недостаток крепостей для учреждения операционного центра внутри земли, малое народонаселение, рассеянное на большом пространстве, и вообще страна бесплодная, без больших городов и селений, не представляющая возможности продовольствовать войско местными средствами, – все это проти-

вопоставляло чрезвычайные трудности к скорому и успешному окончанию войны. Почти на каждом переходе надлежало брать приступом крепкие позиции, наподобие природных крепостей, не надеясь других последствий, как возможности подвинуться далее в пустыню, и, удаляясь от своих запасов, терпеть еще большую нужду.

В самую решительную эпоху граф Н.М.Каменский выслан был со своим корпусом как представитель русского воинства; он должен был вытеснить шведское войско из самых неприступных мест, из сердца Финляндии, и принудить его отказаться от дальнейших покушений к обратному завоеванию сей страны.

Шведских регулярных войск в это время было на твердой земле Финляндии около 18 000 человек, и при них 40 орудий. Из сего числа 4000 человек под начальством полковника Сандельса находились в Тайволе против генерала Тучкова 1-го; 4000 человек под начальством генерала Де-бельна расположены были в Христиненштадте против Або. 10 000 лучших войск под начальством фельдмаршала Клингспора и помощника его, генерала Адлеркрейца, расположены были в окрестностях Лаппо-Кирки, т. е. на дороге в Вазу, из середины Финляндии, от Куопио и Тавастгуса. Всего с вооруженными поселянами, из коих саволакские и карельские стрелки почитались лучше регулярных солдат, было до 30 000 человек.

Превосходство в числе не давало нам существенного пре-

имущества над неприятелем, потому что большая часть наших войск должна была сторожить берега от высадок, в тылу операционной линии, и занимать провинции, волновавшиеся при каждом нашем отступлении. Действующие силы были равные. Графу Каменскому поручено было только с 10 000 человек пехоты, 1200 кавалерии и 38-ю орудиями действовать против фельдмаршала Клингспора, опрокинуть его до самой Лапландии, и очистить Финляндию. Клингс-пор имел на своей стороне все преимущества генерала, защищающего свое отечество. Все жители держали его сторону, укрепляли в тылу его позиции, доставляли подводы и продовольствие, и старались, по возможности, вредить нам. Русскому генералу, действовавшему наступательно, не на что было надеяться, как только на мужество своих войск и на свой собственный гений. Шведы и финны при этом последнем усилии дрались, как герои, в неприступных своих местоположениях. Граф Каменский с равными силами победил героев и преодолел самую природу!

Граф Каменский одобрил постановление совета, созванного генералом Раевским, как выше сказано, и, следуя ему, решился отступить к Тавастгусу, чтобы сосредоточить свои подкрепления и приблизиться к центру продовольствия. Корпус отступил двумя колоннами, и достигнул до Кумялякса и Кумоиса, не быв преследуем неприятелем. Граф Каменский, чтоб скрыть от неприятеля настоящие свои намерения и свое положение и выиграть время для собрания своих под-

креплений, отделил от себя три небольших отряда для наступательных движений на двух своих флангах. Полковник Властов действовал по дороге к Сариярви на правой стороне главного шведского корпуса; полковник Сабанеев – на левой, близ Оривеси, а Эрик-сон около Этсери. 2-го августа граф Каменский уже был в состоянии двинуться вперед с главным отрядом, и 5-го числа он занял позицию при Ивескиле. Отсюда начинаются наступательные действия корпуса графа Каменского. Тогда отряд полковника Властова составлял авангард всего корпуса. Этот отряд, состоявший из 7-ми батальонов пехоты, 2-х эскадронов кавалерии, партии казаков и 7-ми орудий¹²⁶, подвигаясь вперед и прошед Сариярви, был встречен отрядом шведских войск из 2000 пехоты с 8-ю орудиями под начальством полковника Фияндта в крепкой позиции при Карстуле. Это авангардное дело заслуживает того, чтоб сказать о нем подробнее; оно имело большое влияние на тогдашние военные обстоятельства.

Местоположение, занимаемое шведами, было следующее: озеро Пее, или Пее-ярви, образует несколько заливов. Между главным разливом вод и одним из этих заливов находится узкий перешеек. Здесь лежит селение Кальмари, через которое идет большая Линдулакская дорога мимо кирки Карсту-

¹²⁶ Два батальона 24-го Егерского полка, один гренадерский и один мушкетерский батальон Севского мушкетерского, один гренадерский и один мушкетерский Белозерского мушкетерского, один мушкетерский батальон Низовского, один эскадрон Гродненского гусарского и один эскадрон Финляндского драгунского полков.

ла. На проливе, соединяющем залив с главным озером, находится мост. Шведский отряд расположен был за сим мостом поперек пролива, примыкая флангами к заливу и большому озеру. На обоих флангах неприятельских были возвышения, на которых устроены были батареи. Кроме того, целая линия и левый фланг у залива, кроме батарей, прикрыты были шанцами. Шведская позиция уподоблялась крепости.

Пикет неприятельский встретил русский авангард у самого входа в перешеек, где поделаны были засеки. 24-й Егерский полк под начальством подполковника Сомова вытеснил шведов до деревни Кальмари, где они, засев в домах и за заборами, мужественно защищались, получив подкрепление от главного своего отряда. Между тем как в этом месте продолжалось сражение, полковник Властов, осмотрев позицию неприятеля, сделал свои распоряжения, приносящие большую честь его глазомеру и военным соображениям. Он отрядил из первого пункта вступления в перешеек (деревни Сюстямяки) майора Римана (Севского мушкетерского полка) с шестью ротами сего полка и двумя ротами Низовского в обход главной неприятельской позиции, малой дорогой по ту сторону залива, мимо левого неприятельского фланга. Командира Севского полка, подполковника Лукова, послал с двумя батальонами Белозерского полка (состоявшими под начальством майора Алексеева и капитана Макарова) и двумя орудиями противу левого неприятельского фланга, где залив был столь узок, что через него можно было перестре-

ливаться. Сам полковник Пластов с остальным отрядом двинулся прямо на главную позицию, вытеснил шведов из деревни Кальмари и, преследуя, опрокинул за мост, который тотчас был зажжен неприятелем. Очистив поле по сю сторону главной шведской позиции, полковник Властов с большим искусством воспользовался выгодным своим местоположением, и устроил тотчас батарею из пяти орудий на возвышении (противу правого неприятельского фланга), командовавшем неприятельскою позицией. Канонада и перестрелка продолжались без умолку на всей неприятельской линии, но успех был еще сомнителен. Шведы имели большое преимущество перед нашими, сражаясь в шанцах, тогда как наши действовали в открытом поле.

Подполковник Луков, обойдя озеро, встретил неприятельских стрелков во сю сторону залива в засеках. Их вытеснили оттуда, а прогнали в шанцы, в брод через пролив. Стремление наше в этом месте было удержано маскированной неприятельской батареею.

Между тем как огонь продолжался на всей линии и на самом близком расстоянии, полковник Фиядт известился от своего пикета, поставленного в тылу, при переправе через малую речку, что наш отряд (майора Римана), посланный из деревни Сюстямяки, стремится в тыл шведского корпуса, вскоре займет Линдулакскую дорогу, и таким образом отрежет ретираду. Приведенный в смущение этой вестью, и не будучи в состоянии отразить жестокого нападения наших с

фронта и с левого фланга, полковник Фи-яндт вознамерился отступить в порядке к другой позиции.

Лишь только с другой стороны заметили первые приготовления шведов к отступлению, вдруг на всей нашей линии раздался радостный вопль: "Ура! Вперед!" Картечи и пули посыпались из шведских шанцев и батарей; но русские воины, презирая явную смерть, бросились на горящий мост и вброд, достигли бегом до неприятельских шанцев, устремились на них со штыками, и принудили шведов к бегству. Подполковник Сомов и капитаны Гаев и Никифоров 24-го Егерского, капитан Шиддовский и штабс-капитан Колин Севского пехотного полков были впереди и подавали собою пример мужества и решительности. Белозерский полк, находившийся на левом неприятельском фланге, не хотел оставаться равнодушным зрителем столь блистательного подвига своих товарищей. Капитан Макаров бросился в то же время со стрелками вброд через залив, взбежал на шанцы, и штыками выгнал оттуда шведов. Майор Алексеев поспешил к нему на помощь, и овладел батареями. Шведская позиция, заранее укрепленная и почитаемая непреодолимой, была взята в одно мгновение приступом. Храбрые шведы должны были уступить почти невероятному мужеству русских. Майор Ридигер с эскадроном Гродненских гусар и подполковник Притвиц с Финляндским драгунским бросились вброд, через пролив, и довершили поражение изумленного неприятеля.

Отчаяние воспламенило шведов; они собрались за небольшою речкой, пересекающей дорогу, и, имея непроходимые болота на флангах, вознамерились в этом месте удержать быстрый натиск русских, и заставить их кончить сражение. Наши стрелки и кавалерия опрометью бросились на неприятеля и, не дав ему опомниться, вытеснили из этого выгодного местоположения. Шведы снова отступили, будучи преследуемы нашими стрелками и кавалерией.

Между деревней Метенен и мызой Олькар находится озеро Уйтонское, или, лучше сказать, большой разлив реки, выходящей из Пее-ярви. На реке при самом разливе лежит длинный мост, называемый Уйтонским. Здесь также заранее приготовлены были шанцы и батареи для шведов по ту сторону реки. Наши встречены были картечными и ружейными выстрелами. Шведы приготовились к сильной обороне. Тот же самый, 24-й Егерский полк и те же две роты Севского полка, которые взяли приступом позицию, бросаются стремглав с примкнутыми штыками на Уйтонский мост, летят прямо на шанцы, и рукопашным боем оканчивают сражение. Мужество шведов поколебалось: они обратились в бегство и рассыпались. Ночь и усталость наших войск спасли их от совершенного истребления. Полковник Властов приказал авангарду нашему остановиться на мызе Олькар, а сам с главным отрядом расположился в деревне Метенен. Войско требовало отдохновения. Русские сражались беспрерывно в продолжение 16-ти часов; они должны были брать с боем

каждый шаг на расстоянии 18-ти верст и вытеснять неприятеля из пяти укрепленных позиций, в которых он останавливался, защищаясь с необыкновенным упорством. Блистательная победа увенчала невероятные труды и усилия наших. Беспорядок водворился в шведском отряде: солдаты разбрелись по лесам, и полковник Фияндт, отступив к Линдулаксу, едва мог собрать третью часть своего отряда¹²⁷.

Сражение при Карстуле названо *было офицерским делом*. Необыкновенное соревнование одушевляло всех офицеров отряда полковника Властова. Они наперерыв друг перед другом бросались в величайшие опасности, и собою подавали пример подчиненным. Император Александр щедро награждал офицеров этого отряда.

На левом фланге графа Каменского дела приняли весьма неблагоприятный оборот. Полковник Эриксон, вытеснив шведский авангард из Алаво и соединившись с полковником Сабаневым, вознамерился держаться в этом месте до дальнейших последствий. Но шведы воспользовались отдалением Эриксона от главного корпуса и слабостью его отряда, и генерал Адлеркрейц ударил на него с превышающими силами 5-го августа, в час по полудни. Сражение было кровопролитное и упорное. Русские не уступали ни превышающему числу, ни сильному и непрерывному натиску

¹²⁷ В этот достопамятный день неприятель потерял убитыми и ранеными 700 человек. С нашей стороны убиты два офицера и 46 солдат. Ранено офицеров 13, нижних чинов 182.

шведов. Оба начальника соединенных отрядов, полковники Эриксон и Сабанеев, были ранены, но для поддержания мужества в своих подчиненных не оставляли поля сражения, и находились во весь день в рядах под выстрелами. Все усилия шведов, чтобы привести в беспорядок и обратить в бегство русских, не имели успеха: ни картечные выстрелы, ни нападения на всю линию с примкнутыми штыками не могли расстроить русской дисциплины. Наши ряды были неподвижны, как железная стена. Сражение продолжалось до 7 часов вечера. Полковник Эриксон, опасаясь быть окруженным и отрезанным целым корпусом фельдмаршала Клингспора, решил отступить к графу Каменскому. Но генерал Адлеркрейц уже отрезал ему дорогу вправо на Тейс, обойдя лесом наш фланг. Полковник Эриксон обратился на дорогу к Таммерфорсу и, перейдя через рукав озера Руовеси, сжег мост и деревню Херанен для удержания стремления неприятеля. Эриксон не мог воспользоваться прикрытием озер. Шведы имели в своем распоряжении лодки жителей, переправили отряд через Тулиоки, и принудили Эриксона продолжать свое отступление¹²⁸. Невзирая на разбитие

¹²⁸ В сражении при Алаво урон с нашей стороны был следующий: убито два офицера, нижних чинов 75; ранено два штаб-офицера, 9 обер-офицеров, нижних чинов 226. Из сего числа один офицер и 67 человек, тяжелораненные, остались на месте сражения. Отличились все офицеры и солдаты этого отряда, а особенно 28-й и 3-й Егерские полки. Шведы по собственному сознанию потеряли около 600 человек убитыми и ранеными; в числе последних находился генерал графа Кронстедт

отряда полковника Фияндта при Карстуле шведские дела находились теперь в самом выгодном состоянии. Перед фельд-маршалом Клингспором открыт был путь не только до Таммерфорса, но даже до Та-вастгуса. Правое крыло Клингспора прикрыто было отрядами генералов Дебельна, Фегезака и полковника Гилен-бегеля. Двинувшись вперед, он мог заставить графа Каменского отступить, единственно из опасения быть отрезанным от своих сообщений; а отступление графа Каменского, предавая во власть неприятеля обширное пространство хлебородной провинции в самое время жатвы, доставило бы средство Клингспору запастись продовольствием для своего войска, лишить русских всех средств, и даже истребить наши запасы в Таммерфорсе и Тавастгусе. Между тем шведский король Густав угрожал высадкой в окрестностях Або и Христиненштадта, что лишало возможности наши береговые войска приступить к каким-либо движениям внутри страны. Вооружение поселян в Карелии сделалось бы тогда весьма важным, и полковник Сандельс (стоявший в Тайволе против генерала Тучкова, находившегося в Куопио) при наступательном действии Клингспора, получил бы большие выгоды в своей неприступной позиции. Преимущество, одержанное генералом Фегезаком на правом фланге Клингспора при Лаппо-Кирке над отрядом полковников Бибикова и Ансельма-де-Жибори, обеспечивало Клингспора с самой опасной для него стороны. Казалось, что все ему благоприятствовало, и если б он немедленно воспользовался сво-

их положением и удержал русских до осени за чертой, идущей от Або, через Тавастгус до Куопио, то занятие Финляндии русскими не воспоследовало бы в этом году. Неизвестно, какой оборот взяла бы европейская политика через год, и участь Финляндии могла бы решиться иначе. Все зависело от действий графа Каменского: он своей решительностью рассек этот Гордиев узел, и расстроил все ученые соображения шведских генералов.

Когда Клингспор с нетерпением ожидал известия об отступлении графа Каменского из Ивескиля, вдруг пришла к нему весть, что граф Каменский поспешно двинулся вперед. Оставив полковника Властова преследовать Фиянтда, граф Каменский при первом известии об отступлении Эриксона от Алаво, почувствовал критическое свое положение, и вознамерился уничтожить в самом начале выгоды, полученные неприятелем. Надеясь на мужество русских, он решился немедленно напасть на шведов открытой силой, твердостью и настойчивостью переманить военное счастье на свою сторону.

Быстро устремился граф Каменский к Алаво, и 8-го августа встретил шведский авангард при Этсари¹²⁹.

Русские с нетерпением ожидали встречи с неприятелем;

¹²⁹ Граф Каменский выступил из Ивескиля с Петровским и Калужским полками, одним батальоном Азовского, одним батальоном Вели-колуцкого мушкетерского полка, двумя эскадронами Гродненского гусарского, одним эскадроном Уланского его высочества, т. е. нашим командирским, и несколькими орудиями. Три батальона пришли из отряда Властова, и соединились с нами в пути.

после жаркого дела шведский авангард был разбит и опрокинут.

Здесь случилось происшествие, которое стоит того, чтобы упомянуть о нем, потому что оно произвело сильное впечатление на шведов.

Майор Гласков с двумя ротами 23-го Егерского полка, отступая на Ивескиль после занятия Алаво шведами, был остановлен неприятелем, имевшим два орудия, при Этсари. Не будучи в состоянии противиться превышающей силе, он, однако ж, продолжал отступать. На пути присоединилась к нему партия рекрутов; весь отряд его состоял из 269-ти человек. Для отдохновения утружденных походом солдат майор Гласков остановился в одном выгодном для защиты местоположении. Вдруг неприятельская пехота в 300 человек появилась в тылу на большой дороге, а другая, столь же сильная колонна обходила его лесом. Шведы кричали, чтоб русские положили оружие и просили пощады. Майор Гласков, разделив свой отряд на две части, вместо ответа на приглашение к сдаче бросился на неприятеля в штыки, пробился рукопашным боем через его ряды и, пробежав сто сажень, остановился, собрал людей, построил во фронт, и начал отступать в порядке, отстреливаясь. Толпа вооруженных крестьян также заступила ему дорогу; он разогнал ее и, преодолев все усилия неприятеля, хотевшего взять его в плен, соединился с графом Каменским. Сами неприятели отдали справедливость чудесной храбрости горсти русских! На каждого наше-

го солдата приходилось по четыре шведа, и невзирая на это они, даже окружив наших, не могли взять их в плен!

Граф Каменский быстрым своим движением изумил шведов, и принудил Клингспора сосредоточить рассеянные свои силы. Фельдмаршал Клингспор избрал крепкую, или, лучше сказать, неприступную, позицию при Курта-не, из которой он мог иметь свободное сообщение с правым своим флангом и с отрядом полковника Фияндта. Лишь только граф Каменский двинулся вперед, то все русские отряды, рассеянные на большом пространстве, пришли в движение, сосредоточиваясь по направлению к Алаво. Генерал-майор Ушаков, с отрядом своим¹³⁰ находясь на левом фланге, следовал вперед на Кухаиоки; Властов находился в Линдулаксе. Отряд полковника Эриксона шел к Алаво, куда граф Каменский вступил 14-го августа, пере-шед в семь дней 290 верст. Шведы едва верили появлению Каменского!

Граф Клингспор должен был почувствовать свою ошибку в том, что он упустил случай истребить малочисленный корпус генерала Раевского, и после того отряд Эриксона при Алаво. Мужественное сопротивление наших войск и искусное отступление в самых неблагоприятных обстоятельствах лишили шведов тех выгод, которые, кажется, представляла им сама судьба. Теперь наступала решительная минута: от успеха действий Каменского зависела участь целой кампа-

¹³⁰ Отряд этот состоял из Литовского и Могилевского мушкетерских полков, 25-го Егерского и эскадрона нашего полка, князя Манвелова.

нии. Фельдмаршал Клингспор надеялся, что он, с равными силами, если не разобьет Каменского, то, по крайней мере, при выгодах своего местоположения, успеет отразить его нападение, и ослабив его потерями, неразлучными с атакой укрепленных постов, принудить к отступлению. Не только шведское войско, но и жители Финляндии разделяли надежду Клингспора. Они предсказывали, что граф Каменский поспешает на погибель¹³¹.

В Алаво граф Каменский остановился, чтоб собрать все отдельные отряды и подкрепления, заготовить продовольствие на несколько дней вперед, и дать своим солдатам отдохнуть и приготовиться к новым трудам. 17-го августа он возобновил наступательные действия¹³².

Авангардом, состоявшим из трех батальонов пехоты¹³³, с достаточным числом кавалерии командовал Гродненско-

¹³¹ Я был послан в разъезд около Этсари и заезжал в дом пастора и одного помещика. Когда я возвратился, то был позван к графу Каменскому, "Что говорят шведы? – спросил граф. – «Они говорят, что мы идем на свои похороны», – отвечал я. – "А ты что думаешь? – сказал граф. – «Я думаю, что мы побьем шведов». – «В добрый час! – промолвил граф, улыбаясь, – предсказание твое сбудется!»

¹³² Весь корпус графа Каменского в это время состоял: из 3-го, 23-го и 26-го Егерских полков, Петровского, Белозерского и Азовского мушкетерских, одного батальона Калужского и одного батальона Валиколуцкого, двух эскадронов Уланского его высочества, командирского и эскадрона майора князя Манвелова, трех эскадронов Гродненского гусарского полка, двухсот казаков и до 20-ти пущек, 20-го числа пришел Пермский мушкетерский полк.

¹³³ В авангарде были: 3-й Егерский полк, три роты Петровского мушкетерского полка, два эскадрона Гродненского гусарского и сотня казаков.

го гусарского полка полковник Кульев. За ним следовал отряд Эриксона¹³⁴, после того шел под начальством генерал-майора Демидова главный отряд, при котором находился и сам граф Каменский. Дорога от Сарвика к Куртане идет по правой стороне реки. Генерал-майор Козачковский отряжен был с Калужским мушкетерским полком и нашим эскадроном на левый берег реки. Голова колонны его шла наравне с авангардом, и он должен был угрожать флангу и тылу неприятеля.

Шведы удержали наш авангард при переправе через реку у Сарвика. Мост был сожжен. Перестрелка продолжалась целый день, но наконец неприятель был сбит и опрокинут. Переправа осталась в наших руках.

19-го августа авангард наш достигнул до Каухаламби, где неприятель снова остановился в укрепленной позиции, и двумя орудиями очищал большую дорогу. Егеря наши бросились со штыками вперед, а Гродненского гусарского полка ротмистр Гротгус и лейб-гвардии Конного полка штабс-ротмистр князь Кудашев устремились с кавалерией на шанцы, овладели ими, и обратили в бегство неприятеля. Шведы жгли все мосты по дороге, но наша пехота с такой скоростью починивала их, что артиллерия не отставала от пехоты, которая почти от Каухаламби до Куртане бегом пресле-

¹³⁴ Отряд генерала Эриксона состоял: из 23-го и 26-го Егерских полков, трех рот Азовского мушкетерского, одного эскадрона Гродненского гусарского, одного эскадрона Уланского его высочества князя Манвелова и части казаков.

довала неприятеля, останавливаясь только при починке мостов и при перестрелке. Неприятель тщетно покушался удержать стремление нашего авангарда при деревне Мяснея, где за небольшой речкой заблаговременно приготовлены были шанцы за сожженным мостом. Здесь держались шведы довольно долго; наконец наша кавалерия и пехота бросились вброд через реку, и угрожая неприятелю напасть на него с тыла, принудили его оставить свою позицию. Авангард наш преследовал неприятеля штыками и беспрестанно перестреливался до самой Куртанес-кой позиции. Здесь опять завязалось жестокое сражение. Неприятель снова был опрокинут, и наша пехота, гоня перед собою неприятельских стрелков, взбежала вместе с ними на мост длиной во сто сажень, защищаемый батареями. Сильная канонада и наступившая ночь удержали быстрый наш натиск, и принудили авангард остановиться. Шведы тотчас зажгли мост. Успехами этого дня обязаны полковнику Кульневу. – Здесь, кстати, почитаю сказать несколько слов об этом герое, прославившемся в Финляндии и падшем со славой в Отечественную войну 1812 года.

Кульнев был правой рукой и глазом графа Каменского в Финляндскую войну. Кульнев совершенно понимал виды своего начальника, и исполнял его предначертания с суворовскою быстротою. В преследовании неприятеля Кульнев был неутомим: он беспрестанно был на коне, впереди с пехотными стрелками, первый в кавалерийских атаках.

Он первый поднимал свой отряд, и последний предавался отдохновению. Кульнев припоминал собой суровых воинов древней Спарты и времен Святославовых. Он не любил квартир: ненастные дни и бурные ночи проводил всегда на биваках, возле огня, окруженный солдатами. Бурка составляла все его прикрытие от непогод. Он был высокого роста, сухощав и несколько сутуловат. Имел черные волосы, лицо бледное и смуглое. Большие черные глаза и орлиный нос составляли отличительные черты его физиономии. Длинные усы и бакенбарды висели на опушке его черного доломана с черными шнурами. Голова его покрыта была почти всегда, а особенно в сражении, красным шерстяным колпаком по обычаю финских поселян. Он не носил фуражки и редко надевал гусарский кивер. Исподнее платье его было широкое казацкое. В руках у него всегда была казацкая нагайка, служившая ему вместо оружия. Кульнев был обожаем солдатами, невзирая на строгость, с которой он наказывал отступление от военной дисциплины. Он жил с солдатами, питался одной с ними пищей, и разделял с ними все труды и опасности. Несколько раз в ночь он садился на коня, и объезжал все посты, приближаясь всегда к неприятельским часовым. Оплошный не оставался без наказания, и немедленно бывал схвачен, часто самим Кульневым. Целая шведская армия знала его; он первый извещал ее о начатии военных действий, и появление его на шведских передовых постах было сигналом к битве.

Но обратимся к военным действиям.

Большая дорога из Таммерфорса в Вазу идет по правому берегу озера Куртане, мимо кирки того же названия. В трех верстах за киркой протекает река, выходящая из озера Нисаламби, лежащего в версте от озера Куртане. По обеим сторонам реки и вокруг озера Нисаламби простираются болота, идущие за Нисаламби на две с половиной версты. В середине болота протекает небольшая река, впадающая в Нисаламби. Кругом болота большой лес, примыкающий с обеих сторон к озеру Куртане. Под лесом за рекой возле селения Руона простираются поля и возвышения. На реке, которой озеро Нисаламби вливается в озеро Куртане, построен мост длиною во сто сажень, называемый Руонским.

Вот местоположение, на котором подвизались два храбрых воинства.

Шведы расположены были между озером Куртане и Линдулакской дорогой, между селениями Руона и Такала, вдоль болота, простирающегося за реками и за озером Нисаламби. Позиция их составляла тупой угол, коего оконечность была в селении Переля, против озера Нисаламби, и разделялась таким образом на две части. Первая часть позиции (или правый фланг) была неприступна, примыкая вправо к озеру Куртане и находясь за широким болотом, рекой и озером Нисаламби. На возвышениях за рекой устроены были три сильные шведские батареи: одна – перед селением Руоне, другая – под лесом, а третья – против самого моста Роунского. Вторая часть позиции (или фронт с левым флангом) тянулась

вдоль болота за речкой, от озера Нисаламби до селения Такала, и прикрыта была на всем протяжении своим шанцами и засеками, между которыми устроены были на возвышениях батареи, одна впереди селения Переля, другая между этим селением и Такалой, третья впереди этого последнего селения, четвертая правее за ними, против большой Линдулакской дороги. Все дорожки и малейшие тропинки завалены были засеками и оберегаемы стрелками. Кроме того, лес сам по себе был почти непроходим, наполнен камнями и густыми кустарниками. Шведы находились, как в крепости¹³⁵.

В военной истории трудно найти, чтоб войско занимало позицию, столь выгодную и неприступную, как Куртанеская.

Распоряжения графа Каменского при Куртане доказывают военный его гений, и должны сохраниться в истории как пример для военных людей. Зная, что Линдулакская дорога идет лесами, мимо неприступной позиции при мосте Руона, и проходит за левым флангом неприятеля близ деревни Такала, граф Каменский послал (из отряда полковника Властова) подполковника Лукова с Севским мушкетерским полком, полуэскадром Гродненского гусарского полка и

¹³⁵ Корпус фельдмаршала Клингспора составляли: Абовский пехотный полк в 1800 человек, Ниландский в 1400 человек, Остерботенский в 1000 человек, Остерботенских егерей 300, батальон Упландского полка, 500 человек, батальон Саволакского, 500 человек, батальон Эмсапского полка, 300 человек; кавалерии, и в том числе три эскадрона Конной гвардии, всего 600 человек; артиллерии 30 орудий. Всего регулярных войск было 7000 человек. Вооруженных крестьян, устроенных поляками и разделенных на три бригады, всего до 6000 человек. С 1-го августа 1808 года крестьяне поступили на жалованье короля.

партией казаков, чтоб он, обойдя левый фланг, устремился в тыл неприятельский, к деревне Сальми. Генерал-майор Козачковский с Калужским мушкетерским полком и нашим командирским эскадроном следовал по левому берегу озера Куртане мимо правого неприятельского фланга, также по дороге к деревне Сальми в тыл неприятеля. В ночи с 19-го на 20-е августа граф Каменский велел устроить две батареи из восьми орудий против неприятельского фронта; пушки иначе нельзя было провозить на батареи, как под неприятельскими картечными выстрелами, и потому для сбережения людей выбрали для работы ночную пору. Батареями командовал майор Брек-линг. Против самой оконечности правого неприятельского фланга, на мысу, устроена была также батарея из двух 12-фунтовых орудий. Авангард полковника Кульнева, состоявший из 3-го Егерского и трех рот Петровского мушкетерского полка, поставлен был за батареями против фронта неприятельского. Все наши усилия устремлены были на левый неприятельский фланг. Отряд полковника Эриксона, состоявший из 23-го и 26-го Егерских полков и трех рот Азовского мушкетерского, и отряд генерала Янковича, состоявший из Белозерского, однако батальона Азовского и одного батальона Великолуцкого мушкетерского полков, отданы были под начальство генерала Раевского, которому генерал граф Каменский приказал обходить неприятельскую позицию и теснить левый его фланг. По невозможности провозить орудия лесом, тропинками и бо-

лотами разобраны были два орудия, которые несли на руках наши егеря; при них был артиллерии поручик Бендерский. Резерв наш состоял из Пермского мушкетерского полка и одного батальона Петровского мушкетерского полка. Он был под начальством генерала Демидова, и стоял на большой дороге за авангардом Кульнева.

Генерал Раевский отправился в 10 часов утра (20-го августа) в обход, как скоро известились, что подполковник Луков приблизился к деревне Сикила. в недалеком расстоянии от Такала. Ничто не может сравниться с трудностями, которые надлежало преодолеть генералу Раевскому на этом пути! Камни, стремнины, болота, топи и непроходимый лес замедляли шествие его отряда. Для перехода пяти верст надлежало употребить четыре часа времени! Наконец, когда генерал Раевский вышел на то место, с которого надлежало произвести нападение, граф Каменский велел открыть со всех наших батарей сильную канонаду во втором часу по полудни, и на правом нашем фланге тотчас завязалось сражение.

Генерал Раевский вышел на дорогу, с которой должно было вести атаку на левый неприятельский фланг, нашел ее заваленной засеками, и потому пошел вперед болотами с отрядом полковника Эриксона, присоединив к нему часть отряда генерала Янковича¹³⁶, которому велел оставаться в деревне Сипола по сю сторону озера Нисаламби. Открытое бо-

¹³⁶ Генерал Янкович остался с одним Белозерским полком и двумя орудиями при поручике Бендерском.

лото отделяло отряд генерала Раевского от неприятеля, и лишь только русские показали из опушки леса, пули и картечи посыпались градом, и принудили наших остановиться в лесу. Шведы, пользуясь первым изумлением наших войск, построились за шанцами в две колонны, и быстро устремились на отряд полковника Эриксона, переменяв таким образом оборонительное положение в наступательное. Превосходство сил неприятеля и сжатое, невыгодное место, на котором наши не могли развернуть колонны, поставляли отряд полковника Эриксона в затруднительное положение. Одна отчаянная храбрость могла спасти русских. Нападение шведов было отражено штыками, и наши, опрокинув их, преследовали до самых укреплений, где сильный картечный огонь удержал наступающих. Полковнику Эриксону снова отступил в лес, и расположился по опушке.

Шведы, будучи безопасны от всякого покушения на своем правом фланге, перевели лесами почти все силы свои на левый фланг против генерала Раевского, и стали действовать наступательно. Подкрепив две прежние колонны свои третью, они снова устремились на отряд полковника Эриксона, выслав четвертую колонну для занятия селения Хероя лежащего перед деревней Спиола (на левом фланге полковника Эриксона), защищаемого отрядом 24-го Егерского полка. Это движение могло иметь решительные последствия, потому что, если бы шведы заняли деревню Хероя и потеснили полковника Эриксона, то он был бы отрезан от нашего лево-

го фланга, и отряд его был бы истреблен превосходным числом неприятеля. Положение генерала Раевского было отчаянное. Он приказал генералу Янковичу отрядить один батальон Белозерского полка к защите деревни Хероя, для обеспечения левого фланга полковника Эриксона, который должен был выдерживать до самой крайности натиск шведов. Между тем генерал Раевский послал к генералу графу Каменскому просить помощи.

Шведы сражались с ожесточением и, желая воспользоваться своим превосходством сил, повели атаку с невероятною быстротою, чтоб расстроить наш правый фланг до прибытия подкрепления. От защиты деревни Хероя зависело весьма многое и, по счастью, батальон Белозерского и отряд 26-го Егерского полка не только успели удержать стремление неприятеля, но, бросившись в штыки во фланг, смяли его и опрокинули. Это удачное действие поддержало равновесие сражения.

Между тем граф Каменский, находившийся на нашем левом фланге, где наши батареи продолжали действовать без умолку, приметя, что с неприятельских батарей свозят несколько орудий и что движение войск производится по направлению на левый неприятельский фланг, выслал в подкрепление генерала Раевского два эскадрона кавалерии: эскадрон князя Манвелова, нашего полка, и эскадрон Гродненского гусарского полка майора Силина. Нашей кавалерии нельзя было иначе достигнуть своего назначения, как про-

скавав под самыми батареями неприятельскими. С наших батарей дано три залпа, и кавалерия по этому сигналу пустилась во всю конскую прыть. Шведы, думая, что наша конница намерена броситься на шанцы через болото, выслали целые толпы стрелков. Шведские батареи в то же время усиливали свое действие, но наша кавалерия под пулями и ядрами пролетела через опасное место и, к удивлению всех, без урона; убита одна уланская лошадь.

Вслед за этим пришло известие от генерала Раевского о его затруднительном положении. Граф Каменский отрядил из авангарда часть 3-го Егерского полка и пять рот Костромского, приказав по надобности подвигаться вправо и прочим полкам, пополняя авангард резервом, так что наконец у генерала Демидова в резерве остался только один батальон Пермского полка. Пока подкрепление подоспело, положение отряда генерала Раевского постепенно становилось опаснее. Отряд полковника Эриксона, упорно защищаясь, принужден был отступить к деревне Херое, а генерал Янкович, оставшийся с одним батальоном Белозерского полка в деревне Сипала, был атакован шведами с такой быстротой, что одна только отчаянная решительность – погибнуть на месте – спасла его! Удачное действие двух наших орудий (перенесенных на руках) под начальством поручика Бендерского удержало первый натиск шведов. Стрелки наши, пользуясь этим случаем, заняли неприятеля перестрелкой, пока не подоспело подкрепление, которое тотчас переменяло вид

сражения.

С восклицанием: «*Ура! Вперед!*» – бросились наши на шведов. Генерал Янкович и полковник Эриксон двинулись со своими отрядами прямо на неприятеля. Стрелки наши устремились вперед, бегом, перед колоннами, следовавшими скорым шагом с примкнутыми штыками и с барабанным боем. Вдруг вся равнина покрылась отступающими шведами, которые скрылись в своих шанцах и за батареями, оставив поле сражения, усеянное телами убитых и раненых. Наступившая ночь и усталость обеих сторон прекратили сражение.

Генерал-майор Козачковский, отряженный на другой берег озера Куртане, также дрался целый день. Шведы сильно сопротивлялись, но генерал Козачковский успел выгнать их открытою силой из трех деревень. Наш эскадрон преследовал стрелков, лишь только из вытесняли из домов. Мы перекололи их множество¹³⁷.

Хотя шведы были гораздо сильнее отряда Козачковско-го, но открытое место, позволив действовать нашим уланам, послужило в нашу пользу, а шведы вовсе не имели кавалерии в этом месте. Шведский отряд был загнан в дремучий и болотистый лес, где он и остановился, а генерал Козачковский, заняв позицию в последней из деревень, Койпяла, послал разьезды до самой Сальмы, на оконечность озера Куртане, в

¹³⁷ А.М. Михайловский-Данилевский в своем описании Финляндской войны говорит на стр. 235: «Успеху Козачковского содействовал особенно находившийся в его отряде эскадрон уланов», – Весьма справедливо; мы работали и за себя и за пехоту!

тыл неприятельской позиции. Таким образом правое неприятельское крыло было обойдено.

Подполковник Луков, следуя по Линдулакской дороге с небольшим своим отрядом, выступил 20-го числа из Сикалы. Неприятельский отряд, бывший против него, отступая, пользовался каждым выгодным местоположением, чтоб задерживать отряд Лукова перестрелкой, жег мосты, и всячески замедлял его шествие. Подполковник Луков едва к ночи успел дойти до леса, занимаемого шведской армией, и остановился, не достигнув до неприятельской позиции однако ж, этим движением его левый фланг неприятеля угрожаем был обходом.

Русские сражались весь день, 19-го числа, и, кроме того, сделали большой переход. 20-го числа они также весь день были в движении, и выдержали самое кровопролитное сражение. Не было времени подумать ни о пище, ни об отдыхе. Оба полководца были в затруднительном положении. Граф Каменский по упорному сопротивлению шведов думал, что они станут защищать свою позицию до последней крайности. Усталость войск и отдаление отряда Козачковс-кого, которого почти невозможно было подкрепить, возбуждали в нем опасения. Превосходство шведов на всех пунктах было ощутительно; но граф Клингспор, удостоверившись, что ни шанцы, ни батареи, ни засеки, ни болота не могут удержать русских и отвратить их от наступательных действий, и опасаясь также быть обойденным отрядами генерала Ко-

зачковского и подполковника Лукова, вознамерился бросить укрепленную свою позицию при Руоно и Такале, и отступить к другому, заранее укрепленному местоположению при Сальми. Таким образом распоряжения графа Каменского столько же, как и храбрость наших войск, содействовали к отступлению графа Клинг-спора. В ночи когда наши обозы уже вытягивались на большую дорогу к Алаво, чтоб быть готовыми к отступлению в случае необходимости и когда граф Каменский, получая известия от разных отрядов, делал свои соображения к следующему дню, полковник Кульнев привез радостную весть, что огни на шведских биваках редуют и тухнут один за другим. Граф Каменский сделал немедленно распоряжение, чтоб на другой день возобновить нападение и начать преследование неприятеля.

21-го числа, на самом рассвете, неутомимый Кульнев переправил вброд через залив озера Куртане казаков и егерей, занял оставленные шведами укрепления, и начал строить мост, который искусством инженерного поручика Теша скоро был кончен. Авангард тотчас переправился, и разъезд наш открыл неприятеля в одной версте, на большой дороге к Сальми. Шесть рот 3-го Егерского полка под начальством майора Худинского устремились на неприятеля, и тотчас начали перестрелку, а ротмистр Конной гвардии князь Кудашев (бывший волонтером при корпусе) с двумя ротами того же полка пошел лесом вправо, чтоб выйти на большую Линдулакскую дорогу и открыть отряд подполковника Лукова. В

трех верстах от Руонского моста Лин-дулакская дорога выходит на большую Таммерфорскую. В углу соединения находится возвышение. Шведы, отступая медленно, остановились здесь, растянули цепи стрелков по обеим сторонам дороги, и поставили пушки на возвышениях.

К майору Худинскому послан был на подкрепление батальон Пермского полка и две роты Петровского. Прочие войска авангарда оставались между тем в брошенных неприятелем укреплениях. После упорного, хотя непродолжительного боя, неприятель был вытеснен из своей позиции, и отступил к Сальми. Отряд подполковника Лукова в то же время соединился с авангардом¹³⁸, который быстро преследовал неприятеля.

Шведы держались крепко в Сальми. Сражение продолжалось три часа, и сперва успех был сомнителен. Наконец полковник Кульнев решился на отчаянное предприятие. Он послал шесть рот 3-го Егерского полка, две роты Севского и две роты Пермского под начальством майора Худинского, в обход левого неприятельского фланга, а две роты 3-го Егерского и две роты Петровского мушкетерского с майором Кузминским отрядил для защиты нашего левого фланга. Сам Кульнев, устроив остальные войска в боевой порядок, остановился против центра неприятельской позиции. Лишь

¹³⁸ Авангард состоял: из Севского мушкетерского и 3-го Егерского полков, батальон Пермского, 2-х рот Петровского мушкетерского полков, 2-х эскадронов Гродненского гусарского и партии казаков. Начальствовал авангардом Кульнев.

только майор Худинский достигнул до своего назначения и показался на левом фланге неприятеля, Кульнев дал знак к общей атаке. В то же время показался отряд генерала Козачковского по ту сторону озера, в тылу у неприятеля. Шведы производили жестокий ружейный и картечный огонь, но авангард наш, вышел из опушки леса, с криком: "Ура!" бросился в штыки на шанцы и батареи. Шведы едва успели увезти свои орудия. Защитники шанцев, не успевшие спастись бегством, были исколоты на месте, крепкая позиция взята, и наши гусары преследовали неприятеля на десять верст. Авангард остановился в Сальми.

Этим кончилось трехдневное упорное сражение, в котором два храбрых воинства почти в равном числе оспаривали друг у друга победу и славу. Шведы имели большое преимущество, защищаясь в неприступной позиции. Они едва верили этому событию! Сражение при Куртане, делающее столько же чести побежденным, как и победителям, достопамятно в военной истории России и Швеции!

Потеря с обеих сторон была значительная, судя по малочисленности войск. С нашей стороны убит один штаб-офицер, ранено 15 обер-офицеров¹³⁹, нижних чинов убито 128, ранено 648. без вести пропал 51 человек. Неприятель потерял убитыми 1500 человек, в плен взято до полутораста ря-

¹³⁹ В том числе нынешний генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, бывший в то время поручиком и бригадным адъютантом при храбром полковнике Эрикссоне.

довых и несколько офицеров.

Разбитый неприятель бросился к морскому берегу для соединения с находившимися в разных местах отрядами и для спасения своих запасных магазинов. Граф Клингспор пошел на Лилькиро к Вазе, а часть его корпуса под начальством генерала Грипенберга взяла направление через Нидергерми к Ньюкарлеби. Граф Каменский пошел сам вслед за корпусом графа Клингспора, а генерала Козачковского с Калужским мушкетерским, 26-м Егерским полками, батальоном Азовского мушкетерского, нашим эскадроном и двумя орудиями послал на Нидергерми, приказав ему занять в этом месте переправу через реку. Полковнику Властову велел следовать от Линдулакса к Гамлекарлеби, и стараться быть в сообщении с генералом Козачковским. Граф Каменский надеялся, что, действуя в тылу неприятеля обходными отрядами Козачковского и Пластова, принудит его к отступлению без боя от Ньюкарлеби.

Я уже сказал, что во время ретирады графа Клингспора жители под надзором шведских инженерных офицеров, благовременно укрепляли позиции в тылу шведского войска, и оно всегда останавливалось в безопасности от нечаянного нападения, отдыхало спокойно, и находило на месте продовольствие. Кроме того, те же крестьяне подвозили заранее фураж и провиант, истребляли мосты, делали засеки на дороге, и все это избавляло солдат от лишних трудов, давало большое преимущество шведам перед нами, и не

только затрудняло графа Каменского в движениях, но и подвергало войско большой потере людей при штурмовании укрепленных шанцами и засеками позиций. Для лишения шведов этих преимуществ граф Каменский составил *особый план войны*, а именно, вознамерился действовать *обходными*, назначив для этого отряд генерал-майора Козачковско-го. Этот слабый отряд состоял до занятия нами Гамлекарле-би из Калужского мушкетерского (которого генерал Козач-ковский был шефом), имевшего 806 человек фронтовых под ружьем, 26-го Егерского полка в 602 человека фронтовых, одного батальона Азовского мушкетерского полка в 300 человек и нашего эскадрона, в котором было не более 75-ти человек улан. Наш отряд претерпевал гораздо более трудно-стей, нежели прочее войско, потому что мы беспрестанно должны были идти проселочными дорогами или тропинка-ми, и соблюдать величайшую осторожность, как передовой пост авангарда. Но передовые посты сменяются для отдыха, а мы были бессменными! Этот план войны удался графу Ка-менскому, должно, однако, и то сказать, что он рисковал на-шим отрядом, подвергая его опасности быть отрезанным и уничтоженным. Эта участь непременно бы постигла нас, е-сли б шведы действовали смелее, решительнее и не следовали неотступно школьным правилам стратегии. Однажды отряд наш едва не подвергнулся разбитию.

Преследуя неприятеля, граф Каменский имел жаркое авангардное дело при Илистаро 29-го августа. На другой

день присоединился к графу Каменскому отряд генерала Ушакова, бывший в Кухайоках. Неприятель не останавливался в укрепленной заранее позиции при Лилькиро, где соединились с ним разные рассеянные отряды. Батареи и шанцы были брошены без боя. Здесь граф Каменский узнал, что часть неприятеля пошла к Вазе для спасения своих госпиталей и магазинов, а главный корпус взял направление к северу вдоль морского берега, по дороге к Ньюкарлеби. Граф Каменский послал немедленно генералов Раевского и Янковича к Вазе для завладения сим городом, а сам устремился за неприятелем, и 1-го сентября расположился в виду его позиции при Оровайсе.

Между тем генерал Козачковский, идя боковой дорогой на Кюкарлеби, встретил у кирки Нидергерми (верстах в 35-ти от Ньюкарлеби) шведский отряд генерала Грипенберга в укрепленной позиции за рекой. У Козачковского всего было под ружьем 1782 человека, а у Гриненберга регулярного войска было 2000 человек и столько же отличных стрелков из жителей Саволакса и Карелии. Атаковать шведскую позицию с фронта было невозможно, и потому Козачковский вознамерился действовать по примеру своего начальника, и послал в обход левого неприятельского фланг подполковника 2-го Егерского полка Карпенкова (командовавшего 26-м Егерским полком) со стрелками Азовского и Калужского полков и одним батальоном 26-го Егерского полка, а наш эскадрон с ротой пехоты выслал на правый неприятельский

фланг для ложной атаки. Удивительно, как генерал Грипенберг не разбил в пух наши обходные отряды и не принудил Козачковского к отступлению при первой встрече! Мы фланкировали на правом фланге с неприятельскими стрелками, делая вид, что намерены дебордировать их фланг, и когда их стрелки усиливали ружейный огонь, мы скакали к лесу, где стояла рота нашей пехоты. Шведы останавливались от выстрелов нашей пехоты, не зная ее силы, а мы снова начинали гарцевать врассыпную, всегда заступая им во фланг. Между тем и Карпенков завязал на левом фланге перестрелку. Это устрасило шведского генерала, и он начал отступать. Мы преследовали шведов, но они два раза дали нам сильный отпор, и даже принудили отступить до Нидергерми, где мы провели ночь. На другое утро мы снова пошли вперед по дороге к Ньюкарлеби.

В нескольких верстах от этого города с правой стороны дороги протекает река в крутых берегах, а с другой стороны находятся возвышения, покрытые лесом. Тут остановился генерал Грипенберг. Генерал Козачковский завязал сражение. Стрелки наши вогнали шведов в лес, и весь отряд двинулся вперед, но это была только уловка (стратагема) со стороны шведов. Они имели с собой фальконеты (маленькие пушки, переносимые на руках), и расположили их на холме, покрытом лесом, между камнями. Картечи и сильный ружейный огонь из-за камней принудил наших стрелков отступить, и высланные на подкрепление им два батальона пехо-

ты также не могли устоять. Когда стрелки наши, отступая, стали выходить на лощину, а шведы шли за ними с криком "Ура!", провожая выстрелами отступающих, Козачковский выдвинул две свои пушки на большую дорогу, и поставил наш эскадрон для прикрытия орудий, *рядом* с пушками шагах в двухстах от крутого холма, заросшего густым лесом, с тем чтобы мы пустились в атаку, когда шведские стрелки выйдут на лощину. Генерал Козачковский был храбрый воин и старый служака, но он никогда не командовал конницей, и не умел употреблять ее в дело. Наш ротмистр объяснил ему, что в этой узкой лощине нет места для атаки, и что мы напрасно, без всякой пользы подвергаем опасности людей и лошадей, потому что шведские стрелки стреляют в нас из леса с высоты, как в мишень, и мы стоим перед ними, не имея возможности защищаться. Но Козачковский не убедился этим справедливым замечанием, и мы оставались под сильным ружейным огнем, пока не начало смеркаться, и пока наши стрелки не собрались. Тогда мы отступили и остановились на половине дороги к Нидергерми. Генерал Грипенберг не преследовал нас, но если бы он послал часть своего войска в обход, другим берегом реки, чтоб отрезать нас от Нидергерми, а сам напал на нас ночью, то Бог знает, чем бы кончилось! У нас уже недоставало патронов, а ретироваться нам было некуда. Но Грипенберг доволен был и тем, что отбил нас от Ньюкарлеби, потому что, если бы мы взяли его, то армия графа Клингспора приведена была бы в самое опасное

положение. За тем и высланы мы были графом Каменским.

Предположения графа Каменского не сбылись. Однако же он не хотел предпринять обратного похода на Каухава, чтоб оттуда устремиться к Ньюкарлеби, и потому решился напасть немедленно на неприятеля, и открытым боем заставить его очистить приморские провинции. Крайность заставляла шведов держаться при Оровайсе до последней капли крови, ибо полковник Фияндт, уходя перед отрядом Властова, сжег мост при Химанго, и тем лишил фельдмаршала Клингспора средств к безопасному отступлению на Гамлекарлеби.

1-го сентября, авангард¹⁴⁰ наш под начальством полковника Кульнева, ночевал в виду неприятельских постов в 5-ти верстах от Оровайса. Подкрепление¹⁴¹, под начальством генерала Демидова находилось в четырех верстах от авангард, а граф Каменский, с отрядом¹⁴² генерала Ушакова остановился в Веро. В целом корпусе графа Каменского не было более 6000 человек под ружьем. Шведский фельдмаршал Клингспор имел 7000 отборных воинов и более 3000 вооруженных поселян. Шведскими полками командовал генерал Фегезак, а финскими и крестьянами – Адлерк-рейц¹⁴³.

¹⁴⁰ В авангарде были: Севский мушкетерский и 3-й Егерский полки, два эскадрона Гродненских гусар и казаки.

¹⁴¹ Пермский и Петровский мушкетерские полки.

¹⁴² Полки Литовский и Могилевский, батальон 25-го Егерского, полуэскадрон Гродненских гусар и казаки.

¹⁴³ Шведские полки: Упландский, Гельзингский, Вестманландский и Вестер-

Я уже сказал выше, что не числом войск должно определять важность сражений, но мужеством и следствием победы. В таком отношении сражение при Оровайсе должно быть причтено к знаменитейшим подвигам русского оружия в XIX столетии. Читатель увидит отчаянную храбрость обеих сторон и последствия сего кровопролитного сражения.

Между селениями Оровайсом и Карват, Ботнический залив образует небольшую губу, довольно протяженную внутрь земли острым своим концом. Вдоль морского берега пролегает большая дорога из Вазы в Ньюкарлеби, и поворачивает влево в конце губы. На этом-то повороте была укрепленная шведская позиция. В море впадает в этом месте небольшая речка, протекающая через болота. Вдоль болот от моря далее внутрь земли, по лесам тянутся возвышения и каменные утесы, перед которыми растет на болотах мелкий кустарник. Кирка Оровайси лежит за позицией, также на возвышении. Шведы примыкали своим правым крылом к утесистому берегу моря, где имели несколько канонирских лодок. На горе, в центре позиции, на большой дороге устроены были их батареи. Отсюда тянулись шанцы по полям и лугам до возвышений и утесов, прикрывающих левый фланг, оканчивающийся в непроходимом лесу, заваленном засеками. Первая черта позиции была выше упомянутая речка и

ботенский; Финские: Остроботенекий, Саволакский, Биернеборгский и часть карельских егерей. Два эскадрона Конной гвардии и часть Упландских драгун. Кроме орудий тяжелых батарейных и бывших на флотилии шведы имели 21 пушку в деле.

болота, а кроме того, в разных местах были засеки, оберегаемые стрелками. Нельзя было приблизиться к позиции иначе, как под картечными выстрелами, в разных направлениях очищавшими ровное и незакрытое место, через которое надлежало проходить. Перед этой главной позицией была другая, также укрепленная, возле небольшого озера, из которого вытекает другая речка, также впадающая в море. За мостом находится мельница, за которой устроена была батарея, а вдоль реки поделаны засеки. В этом месте завязалось сражение, в двух верстах от кирки Оровайси.

Шведские посты были сначала сбиты, и отступили к мосту. Стрелки наши растянулись правым флангом за озеро, а левым примкнули к морю, и намеревались обойти озеро. Но в самое это время, батальон 3-го Егерского полка, бывший на левом фланге (к морю), был атакован превосходным числом неприятеля, и принужден податься назад, Кульнев подкрепил его батальоном Севского полка, под начальством храброго майора Римана, которой после жестокого боя едва успел остановить сильный натиск неприятеля. Подполковник Луков подоспел на помощь с остальным батальоном Севского полка, и в то же время Кульнев выдвинул на дорогу 12-фунтовое орудие при поручике Бендерском. Несколько часов сряду храбрый поручик Бендерский¹⁴⁴ действовал из сво-

¹⁴⁴ Об этом храбром офицере упоминается здесь часто, он лишился ноги в Отечественную войну, и был после того комендантом в Виль-не. Не знаю, жив ли он, но во всяком случае дети должны гордиться заслугами родителя. Кроме того, что Бендерский был храбр, он был также добрый человек и отличный товарищ.

его орудия с величайшим успехом под ружейными неприятельскими выстрелами, и тем удерживал натиск шведов. Наконец, почти все его артиллеристы были перебиты, и не осталось ни одной лошади. Он был сменен другим офицером и орудием того же калибра. Шведов потеснили за мост. Но в это время на нашем левом фланге сделана высадка из канонирских лодок; помощь, пришедшая из главной шведской позиции, дала перевести шведам на целой боевой линии, и они с ужасным криком бросились в штыки, и стали обходить наш правый фланг. Авангард наш принужден был к отступлению, но прибытие отряда генерала Демидова снова удержало его, а Петровский и Пермский полки подкрепили наши фланги. Неприятель остановился и потом стал отступать. Тогда артиллерии штабс-капитана Башмакова, выдвинув четыре орудия на дорогу, производил убийственный огонь, заставивший неприятеля уступить на нашем центре. Но в то же время шведы, оставляя лучшие войска для наблюдения в центре, устремились с новыми силами на наши фланги, и когда они подались, ударили в штыки на ослабевший наш центр, и принудили к отступлению. Граф Каменский должен был ввести в дело все свои войска. Сражение на целой линии продолжалось непрерывно, с величайшим ожесточением с обеих сторон, которые то отступали, то подавались вперед, то перестреливались, то действовали штыками. Артиллерия не умолкала, и кровопролитие было ужасное!

К вечеру наши войска, будучи принуждены сообразно ме-

стоположению сражаться врассыпную, устали до невероятности. Не стало даже патронов. Перестрелка с нашей стороны сделалась слабее, и мы с трудом удерживали нападения неприятеля. Тогда шведские генералы Адлеркрейц и Фегезак, наблюдавшие центр с отборными и свежими войсками, стремительно сошли с возвышений на большую дорогу, и стройными колоннами бросились в штыки на русских. Наши фланги, рассеянные в стрелках на обширном расстоянии, должны были поспешно отступать, чтоб не быть отрезанными от центра, подавшегося назад. Вся наша боевая линия обратилась в тыл, и шведы с радостными восклицаниями шли вперед, провозглашая победу, которая казалась несомненной. Гений графа Каменского и личное его мужество спасли честь русского оружия, и исторгнули победу из рук неприятеля!

В начале сражения граф Каменский послал приказание четырем батальонам Могилевского и Литовского полков (всего около 1500 человек) поспешить из Вазы к Оровайси. Подкрепление это прибыло в ту самую минуту, когда шведы шли с криком вперед, а наши отступали, слабо отстреливаясь и едва успевая собираться в колонны. Ужасная картина! Уже темнело; туман ложился на землю; мелькающий блеск от выстрелов показывал направление отступающих и нападающих; вопли вторили выстрелам; шведы кричали «*Ура!*», а наши скликались по полкам и батальонам. Граф Каменский находился в это время на большой дороге под выстрела-

ми. Он был по обыкновению в сюртуке Архангелогородского полка, в фуражке, с нагайкой в руках. На лице его видны были гнев и негодование. Почти все адъютанты и офицеры, бывшие при нем на ординарцах, были разосланы. Адъютант его, штабс-капитан Арсений Андреевич Закревский¹⁴⁵, пролетев сквозь град пуль, возвратился к нему с правого фланга с печальным известием о повсеместном отступлении. Только батальон 25-го Егерского полка и две роты Литовского стояли твердой стеной у моста, и удерживали сильный натиск неприятеля на центр, который он хотел прорвать, чтоб воспрепятствовать соединению стрелков. За этим батальоном собрались Севский и Петровский полки.

Никто не догадывался о намерении графа Каменского, и все предполагали, что уже бой кончен. В это время появляются на дороге четыре резервных батальона Литовского и Могилевского полков. Нетерпеливо ожидал граф Каменский их прибытия, и лишь завидел, тотчас посмешил к ним, остановил, сошел с лошади и, обратись к солдатам, сказал: "Ребята, за мной! Наши товарищи устали; пойдем, выручим их, и покажем шведам, каковы русские! Вы знаете меня! Я не выйду отсюда жив, если мы не разобьем шведов впух. Не выдайте, ребята!" – "Рады стараться, ваше сиятельство! Рады умереть!" – "Ружья наперевес! – скомандовал граф. – За мной! С нами Бог! Вперед, ура!" – "Ура!" – раздалось в ря-

¹⁴⁵ Ныне в отставке генерал от инфантерии, бывший генерал-адъютант и министр внутренних дел, граф Великого Княжества Финляндского.

дах; ударили в барабаны, и четыре батальона бросились бегом на неприятеля.

Ничто не может сравниться с удивлением шведов при этом неожиданном нападении; они воображали, что дело уже кончено, и победа одержана. Граф Каменский сам вел колонну в атаку, и наши солдаты, как отчаянные, бросились с прикнутыми штыками на отряды Адлеркрейца и Фегезака, уже овладевшими полем сражения. Настала резня, а не битва! Дрались врукопашную; на штыках. Голос графа Каменского возбуждал в наших новый жар к битве. "Ребята, не выдавай! Вперед! Коли!" – кричал граф Каменский, и наши солдаты бросались в ряды, и вырывали ружья у шведов. Между тем на всей линии нашей ударили в барабаны поход; раздалось «*Ура! Вперед!*» и все полки снова обратились на неприятеля. В пылу сражения граф Каменский, недовольный медленностью в исполнении его приказаний и возражениями, *переменил всех начальников*, правый фланг поручил полковнику князю Сибирскому, левый – полковнику Бистрому, центр – Кульневу. Набегу успели раздать солдатам патроны, в которых был совершенный недостаток. Снова завязалась сильная перестрелка, и в то же время граф Каменский со своими четырьмя батальонами успел сломить шведов, опрокинул их и обратил в бегство. Фланги неприятельские также обратились вспять. Шведы поспешили к главной своей позиции, и наши преследовали их в свою очередь с воплями, выстрелами и с барабанным боем, часто устремляясь бегом в штыки. Снова

все наши полки вошли в дело, и тогда правый фланг поступил под начальство генерала Демидова, левы – под начальство генерала Ушакова, в центре был сам граф Каменский. Лишь только шведы вошли в свою позицию, тотчас загремели все их батареи, а из шанцев началась жестокая ружейная стрельба. Картечи, ядра, пули сыпалась, как снег на голову; кровопролитие возобновилось с новой силой. Граф Каменский не хотел довольствоваться нерешенной победой. Он послал немедленно наш правый фланг в обход левого неприятельского фланга. Через засеки, камни и непроходимый лес наши добрались до места назначения в 10 часов вечера, а между тем на всей линии дрались непрерывно во мраке, потому что от густого тумана только по выстрелам знали, где неприятель. Лишь только граф Каменский получил известие, что наш обход уже на месте, тотчас дал сигнал к повсеместной атаке и наши, с криком «*Ура!*» бросились в штыки на неприятельские шанцы и батареи, и тотчас овладели ими. Храбрые, но изумленные этим неожиданным и отчаянным нападением русских шведы обратились в бегство в величайшем беспорядке. Их преследовали штыками две версты, за кирку Оро-вайси, где граф Каменский должен был остановиться, потому что от усталости солдаты наши едва двигались. Невзирая на это Кульнев с авангардом пошел вслед за неприятелем, который остановился за сожженным мостом в пяти верстах от Оровайси.

Это сражение было самое кровопролитное в продолжение

всей Шведской войны, или, лучше сказать, это была резня, а не сражение. Шведы потеряли в этой битве всех лучших своих офицеров, и более 2000 человек солдат пали на месте. По сознанию всех беспристрастных военных писателей, сражение при Оровайси было последним ударом шведской армии (*coup de grace*). Но Шведы дрались с величайшим мужеством, и едва одно сражение в Европе, в течение нынешнего века – Бородинское может представить пример такого ожесточения и постоянства в оспаривании победы, как сражение при Оровайси. Дрались непрерывно с 7-ми часов утра до 12-ти вечера в стрелках, колоннами, в шанцах, на штыках и в ручную схватку. С обеих сторон все были в деле, от генерала до солдата. С нашей стороны убит один офицер, ранено 25, без вести пропал один; нижних чинов убито 120, ранено 640, без вести пропало 108 человек.

В присутствии одного шведского генерала сравнивали сражение при Оровайси с сражением при Маренго, в котором Наполеон точно так же, как граф Каменский, личным мужеством восстановил сражение с батальоном консульской гвардии, и исторгнул победу у австрийцев. Храбрый шведский генерал улыбнулся и отвечал: "Уважаю Наполеона, и сражение при Маренго почитаю великим подвигом; но... противу него были не шведы!"

Наши войска провели ночь возле кирки Оровайси. Солдаты так были измучены, что не хотели даже варить пищи. Граф Каменский обошел кругом биваки, благодарил офице-

ров и солдат, и посеял в них новый жар к битвам. С солнечным восходом войска уже были готовы к походу. С радостью смотрели наши на шведские батареи, шанцы и засеки, оставшиеся в тылу, и вспоминали о преодоленных трудностях, как о веселой пирушке. Все благодарили графа Каменского за победу, и радостные восклицания раздавались при его появлении. Таков русский солдат! Он любит, как отца, начальника, который ведет его в опасности, если видит, что начальник разделяет с ним все трудности, и стоит крепко за честь России. Граф Каменский знал дух русского солдата, любил его, и заставлял переносить то, что другие почитали невозможным, а это-то именно и нравилось солдатам и офицерам. "Господа, и вы, ребята, я на вас надеюсь!" – говорил граф Каменский перед трудным делом. – "Не ошиблись, ваше сиятельство!" – отвечали офицеры. "Рады стараться", – повторяли солдаты – и трудности исчезали. Победа была постоянной спутницей корпуса графа Каменского!

В то время, как происходило кровопролитное сражение при Оровайси, генерал Козачковский сражался при Ни-дергерми и при Ньюкарлеби, желая завладеть переправой, а полковник Властов преследовал от Индесальми шведский отряд полковника Фиянтда по дороге к Гамлекарле-би, и далее, к северу за Ньюкарлеби. Фиянтд, не зная положения дел главного корпуса, опасался быть отрезанным, если замедлит в маневрировании, а между тем сильный натиск Властова и несколько удачных стычек заставили его отступить. Таким

образом Властов занял без боя Гамлекар-леби, и остановился в тылу неприятельской армии на большой дороге. Но когда корпус графа Клингспора и отряд генерала Грипенберга приблизились к Гамлекарлеби, Властов отступил к Кроноби, т. е. в сторону, и дал шведам пройти, ибо с отрядом в тысячу человек он не мог отрезать ретирады вдесятеро сильнейшему неприятелю, и только напрасно пожертвовал бы людьми. Однако движение Властова на Гамлекарлеби, так же как и подступление генерала Козачковского к Ньюкарлеби, т. е. в тыл шведской армии, много принесло пользы тем, что заставило шведские отряды сосредоточиться по одному направлению, и угрожало пресечением ретирады графу Клингспору в случае совершенного разбития отделенных от него отрядов. После сражения при Оровайси граф Клингспор поспешно ретировался за Ньюкарлеби, сжег мост (3-го сентября), и остановился на позиции при Сундби, чтоб успеть вывести из Якобштата свои запасы и госпитали. Кульнев перешел в брод реку Карлеби-Эльф, овладел Ньюкарлеби, где найдены огромные военные запасы, и принудил Клингспора поспешно отступить к Гамлекарлеби. 7-го сентября занят русскими Якобштат. Отряд Козачковского соединился с корпусом графа Каменского в Ньюкарлеби.

Граф Каменский между тем поспешно переправлял свой корпус через множество рек и протоков, перерезывающих пространство, через которое надлежало проходить, преследуя неприятеля. В Пурмо устроен был наскоро мост; реку

Эссеру перешли в брод там, где шведы имели дело с нашим авангардом. Переправясь через семь рек и ежедневно сражаясь с неприятелем, граф Каменский достигнулся до Гамлекарлеби 10-го сентября; в тот же день наш авангард в 6 часов вечера перешел через город, и остановился в пяти верстах за ним у сожженного моста. – На другой день авангард наш исправил мост, и пошел на неприятеля; но, пройдя три версты, снова должен был остановиться у другого сожженного большого моста, за которым находились неприятельские батареи. 12-го сентября прибыл к корпусу графа Каменского главнокомандующий финляндской армией граф Буксгевден, и главная квартира перенесена из Або в Гамлекарлеби.

Граф Каменский приказал строить понтоны для переправы своего корпуса под сильным неприятельским батарейным огнем, а между тем генерал Козачковский, Ушаков и Властов должны были действовать на левом фланге неприятельском. При таком положении дел начались переговоры сперва о размене пленных, и вслед за тем о перемирии. Малочисленность отряда генерала Тучкова в окрестностях Куопио, и отряда князя Долгорукова в Карелии; успехи, одержанные в восточной Финляндии над этими отрядами шведским полковником Сандельсом; недостаток продовольствия и позднее время года заставили графа Буксгевде-на склониться на перемирие, которое и заключено 17-го сентября. Корпусу графа Каменского обеспечен переход через широкую реку Гамлекарлеби, и демаркационная линия назначе-

на в нескольких милях за нею. Шведы должны были оставаться в своей укрепленной позиции при Химанго. В восточной Финляндии Сандельс должен был оставить неприступные дефилеи Палоис, и сосредоточиться в Индесальми. Перемирие послано на утверждение в Петербург.

ГЛАВА VI

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ. ЭПИЗОД¹⁴⁶

В каждом вымысле много правды; в каждой правде есть вымысел, или для прикрасы, или для связи. – Великий Тацит писал картину при помощи своего воображения, когда изображал Агриппину, вступившую на отечественную землю с прахом Германика. – То же самое, что делают великие писатели, делают и малые. И великолепный храм, и скромное жилище гражданина, хотя и не схожи между собой, должны иметь основание и крышу.

Иное дело литературная статья, иное дело рассказ очевидца или действовавшего лица, пишущего историю или правдивые записки. Расскажу теперь с исторической точностью то, что уже рассказано было с примесью литературных цветов. Но как самое дело противно военной дисциплине, то представлю действующателя в *третьем лице*, не называя по имени. Я тысячу раз говорил и скажу, что в мире гораздо более добра, нежели зла; что добрых людей вдесятеро более, нежели злых, и что даже много зла происходит не от злости, а от глупости, заблуждения и невежества. Для определения побудительных причин зла выдуманы во француз-

¹⁴⁶ В какой-то степени автобиографичность этого рассказа подтверждает Н.Греч в своих воспоминаниях. (прим. Константина Дегтярева).

ских *супах*, *облегчительные обстоятельства*, условие высокое, благородное, истинно христианское, достойное нашего просвещенного века невзирая на злоупотребления, сопряженные с каждым делом человеческим. Воля ваша, господа: но *умысел* и мгновенный порыв чувства или страсти не одно и то же, хотя последствия могут быть одинаковы. Но уж зато, если человек зол от природы и завистлив, то он во сто раз хуже и ужаснее самого лютого и кровожадного зверя; хуже, ужаснее, и притом опаснее! У хищного зверя есть сила, когти и зубы; у змеи есть только яд или сила мускулов, а у злого человека есть орудие, сильнее всего этого – клевета! *Salve domine!*

Сорок лет прошло со времени описываемого здесь происшествия, но это еще не ограда от клеветы. Клевета протачивает веки, а злоба превращает чистую ключевую воду в яд. И так вот вам верное, но *безыменное* событие.

В Финляндскую войну конница претерпевала более от откомандировок, нежели от сражений. В стране взбунтованной надлежало соблюдать осторожность во всех направлениях и при каждом тревожном слухе высылали конные отряды для скорейшего осведомления о настоящем состоянии дела. Разъездам и рекогносцировкам не было конца, а кавалерии было мало. По несчастью, многие пехотные генералы, как я уже говорил, принимают кавалерийских лошадей за почтовых, и не рассчитывают того, что конница не может исполнять службы на *рысях* и в *галоп* (разве в сражении), и в Фин-

ляндии многие пехотные генералы не принимали даже в соображение дурных, каменистых дорог и недостатка в фураже. – "Послать *поскорее!* Велеть возвратиться *поскорее!*" – вот как обыкновенно приказывали. Отправленный в откомандировку офицер получал всегда два приказания: от начальника отряда – исполнить поручение *поскорее*, а от своего эскадронного командира – *не торопиться* и беречь лошадей. Мудрено было угодить обоим!

– Господа, кто на очереди на службу? – спросил ротмистр.

– Такой-то.

– Велите взводу седлать и готовиться в командировку, а сами поезжайте в штаб.

– Слушаю-с! – И очередной офицер поехал трюшком в корпусную квартиру.

Граф Н.М.Каменский квартировал в большом крестьянском доме. Было около семи часов вечера. Дежурный адъютант доложил об офицере и потом ввел его в комнату. Граф сидел за столом, на котором лежала развернутая топографическая карта Финляндии. Он повернулся на стуле, взглянул быстро на офицера, и сказал: "Вы знаете последнее происшествие. Вzbунтованными мужиками, которые разбили наш транспорт с продовольствием и перерезали прикрытие, начальствовал пастор. Меня известили, что пастор теперь дома, верстах в пятнадцати отсюда, и пробудет у себя до завтрашнего дня. Поезжайте туда, и захватите его. Долго мы гладили по головке этих господ, но они не унимаются, и на

этом разбойнике я покажу первый пример!". Глаза графа при этих словах засверкали. "Вы приедете в пасторат около полуночи, – продолжал он, – и если пастор дома, то его легко схватить. Может быть, у него в доме находятся и его сообщники; берите всех, кого застанете, и возвращайтесь как можно скорее. Не думаю, чтоб вы встретились с шведами на этой дороге, а встретите вооруженных мужиков – бейте! Подойдите ближе. Вот вам на карте этот пасторат; запишите название его и этого геймата... Дорога прямая, а в геймате возьмите проводника. Если исполните хорошо поручение, я вас не забуду, а оплошааете, строго взыщу – Прощайте!"

Это было в первой половине сентября, когда ночи в Финляндии уже темные и холодные. Дорога была не дурная, но пролежала большею частью через леса. В геймате (т. е. крестьянском доме) офицер нашел хлебное вино, которым поподчивал своих солдат, и взял насильно проводника на крестьянской лошади. Уже с вечера носились тучи, а ночью полил проливной дождь, холодный, с крупинами града, и завыв страшный ветер в лесу. Для подобного поручения это была благоприятная погода, потому что вой бури заглушал конский топот, и дождь усиливал мрак. Но и офицер, и солдаты продрогли и промокли до костей. – Наконец залаяли собаки. Вот и пасторат! Двор огорожен был палисадом и ворота заперты. В одно мгновение уланы выломали несколько палисадин, вошли на двор и сняли с крюков ворота, а между тем офицер с унтер-офицером побежали к крыльцу пастор-

ского дома. Лай собак выманил из людской избы работника; его схватили и связали арканами, так же как и проводника. Немедленно окружили дом пастора, и офицер постучался у дверей.

Полуодетая служанка отперла двери, и едва удержалась на ногах, увидев русских. Офицер успел, однако ж, выхватить у нее свечу из рук, и вошел в комнаты. За офицером шел унтер-офицер с заряженным пистолетом. Первая комната была пуста, дверь в другую комнату заперта. Офицер постучался. Послышался звук огнива, и раздался женский голос: "Сейчас!" Вышла пожилая женщина со свечей и, увидев офицера, задрожала и отступила до дверей.

– Где пастор? – спросил офицер по-шведски.

– Не знаю... его... нет... здесь!

– Вы мать его?

– Нет... теща!. – Офицер хотел перейти в другую комнату, но пожилая женщина заступила ему дорогу на пороге, крича: "Луиза, Луиза! Русские русские, за твоим мужем!" – При всем уважении к женскому полу офицер дол жен был оттолкнуть почтенную старушку, и быстро вошел в спальню.

В углу стояла двуспальная кровать с ситцевыми занавесями. Офицер бросился к кровати, и увидел, что два места явно означали, что на постели покоились недавно два человеческие существа. На стуле лежало мужское платье. У изголовья кровати помещался огромный, высокий шкаф дубового дерева, а возле шкафа стояла женщина с грудным мла-

денцем на руках, в одном белье, с наброшенным на грудь платком. Офицер остановился...

Легко вымолвить – женщина... но какая женщина! Ничто не переносит так быстро мысли и чувства с земли на небо, как женская красота. Прочь гнусная чувственность! – В женской красоте я вижу крайний предел того изящества, которое разлито в различных видах во всей природе; вижу ту дивную гармонию, которая связует невидимо все существа, и понимаю, что это то самое блаженство, которого жаждет и к которому стремится душа высокая! Какое из небесных светил действует на душу человека сильнее взгляда красавицы? Есть ли музыка сладостнее голоса прекрасной женщины, и что трогательнее, убедительнее ее покорного молчания? – Офицеру был двадцать один год от рождения – и перед ним стояла красавица... нет, более, нежели красавица... стояла мать и с трепетом, с отчаянием во взгляде, с полуоткрытыми устами ожидала решения своей участи...

– Говорите ли вы по-французски или по-немецки? – спросил офицер.

– Говорю на обоих языках, – отвечала женщина, не спуская глаз с офицера и прижимая младенца к груди.

– Где ваш муж?... Он должен явиться к нашему генералу, – сказал офицер по-французски.

Молодая женщина смешалась.

– Его здесь нет...

– Генералу донесли, что он дома.

– Он уехал с вечера.

– Куда?

– Не знаю.

– Постель и платье изобличают вас, – возразил офицер.

Женщина опустила глаза. На бледном лице ее выступил румянец, и она наконец проговорила шепотом:

– Я спала с маленьким...

– А платье?

– Оставлено перед отъездом.

Офицер сделал шаг вперед, и тут собачонка стала лаять, то оглядываясь на шкаф, то бросаясь на офицера. Молодая женщина снова побледнела и едва держалась на ногах... но вдруг, как вдохновенная, приблизилась на шаг к офицеру и сказала с сильным выражением чувства:

– Если б даже муж мой и был дома, то неужели вы решились бы взять его от жены и ребенка, и передать на явную погибель? Мы знаем, что ожидает его... мы читали ваши прокламации! Погубя его, вы убьете весь род его, отца его, мать, меня и это несчастное дитя! Я не переживу его ни одной минутой и брошусь в воду с этим несчастным сиротой!.. – Молодая женщина воспламенялась с каждым словом. – Камень у вас или сердце? Есть ли у вас отец, если ли мать, сестра или брат? Неужели вы их обнимаете теми же руками, которыми умертвите целое семейство?.. Хотите крови, хотите видеть смерть человека – убейте меня!.. – Раздражительность молодой женщины дошла до высочайшей степени; глаза ее пыла-

ли, лицо покрылось не румянцем, а багровым цветом, голос дрожал, грудь силь но вздымалась... Офицер боялся за нее...

– Успокойтесь! – сказал он, прерывая речь ее. – Зачем же ваш муж подвергал такой страшной участи себя и свое семейство? Зачем он не оставался спокойно в своем доме?

– Клянусь вам Богом, и прошу его, чтоб он настолько был милостив ко мне и к этому младенцу, насколько я говорю правду; клянусь Богом, что муж мой никогда не думал вмешиваться в восстание народа! Его принудили, взяли насильно! Ландсман пришел сюда с толпой вооруженных, хмельных крестьян, и как ближние к пасторату крестьяне не хотели вооружиться, то это приписали внушению моего мужа, его и принудили идти с ними невзирая на мои просьбы и слезы. Ландсман враг моего мужа, и как я ничего не хочу скрывать перед вами, то скажу, что вражда их происходит от соперничества. Ландсман – сватался за меня... он хотел скомпрометировать моего мужа, и он же верно известил вашего генерала об участии его в восстании... Муж мой невиновен; он не хотел сражаться с русскими, не стрелять в них, не предводительствовал... он был между крестьянами, как в плену...

– Ужели все это правда?

– Клянусь! – сказала торжественно женщина, подняв ребенка и устремив глаза к небу.

Можете ли вы дать мне честное слово за вашего мужа, что он не только не примет никакого участия в войне, но и удалится немедленно в Швецию? Теперь еще пора. Ваше войско

верстах в тридцати отсюда...

Могу дать честное слово и даю его, и притом уверяю вас, что он и без того завтра же будет в шведском войске, и при первом случае переедет в Швецию.

– Итак, вашего мужа нет дома? – промолвил офицер. Молодая женщина снова опустила газа, и тихо произнесла: "Я уже вам все сказала..."

– Итак, прощайте! – сказал офицер, взглянув в последний раз на молодую женщину; но она бросилась к нему, как испуганная, и схватив за руку, воскликнула: "По стойте! Скажите мне вашу фамилию?"

– Зачем? Это лишнее!

Нет, счастье мое, счастье всего нашего семейства будет неполное, если мы не будем в состоянии произносить вашего имени при каждой молитве, благословлять вас! О, скажите, скажите, ради Бога, как вас зовут?

Офицер сказал свою фамилию.

– Еще одна просьба, – прибавила молодая женщина, – Возьмите на руки этого младенца, благословите и поцелуйте! Это будет ему на память и принесет счастье!

Офицер взял младенца на руки, перекрестил и прижал к сердцу. Мать залилась слезами и, положив руку на плечо офицера, сказала сквозь слезы: "Да воздаст вам Бог добром, благородный человек!". Она не могла долее выдержать, и бросилась в кресло, рыдая...

Офицер сам прослезился, отдал ребенка матери молодой

женщины, взглянул еще раз на красавицу, еще раз поцеловал младенца, и вышел из комнаты.

– А что, ваше благородие; ведь разбойник-то, кажет ся, дома? – сказал унтер-офицер, ожидавший развязки в первой комнате.

– Вишь как все перетрусили!

– Нет, братец, я обыскивал; ушел сегодня к шведам, да и нам пора скорее убираться в лагерь, чтоб не попасть к ним же в руки. Вели скорее садиться на кон!

Ветер не переставал бушевать, дождь лил по-прежнему, но офицеру было душно. Кровь его была в волнении. Он был растроган и не в ладах с самим собою. Хорошо ли он сделал, или дурно, этого не мог он разрешить, потому что увлекся чувством, а не рассудком, поверив на слово жене и матери... Точно ли пастор спрятан был в шкафу, к которому приступ защищала собачонка? А если пастора там не было? Если пастор в самом деле невиновен и увлечен был насильно, мог ли бы он это доказать, да и стали ли бы его слушать в такую пору, когда нужен был пример строгости; а против него было показание? Граф Н.М.Каменский был добр, но он был скор и притом выведен из терпения. Одним словом, он мог решить участь человека! Такими мыслями обуреваем был офицер, когда возвратился в лагерь. Надлежало отдать отчет графу Каменскому.

– Не застал дома пастора, ваше сиятельство; он с вечера отправился в шведский лагерь.

– Быть не может! Мне донесли наверное, что он дома и до сегодня будет ждать отца...

– Верно, донесение несправедливо, ваше сиятельство! А впрочем, жена его уверяла меня под присягой, что пастор вовсе не намерен был действовать против нас, но что был увлечен насильно взбунтованными мужиками, которыми предводительствовал враг его, Ландсман!..

– Шашни и сплетни! А вы и поверили! Ландсман донес на пастора; пасторша сваливает вину на Ландсмана – а вы и уши развесили!.. Верно, пасторша хороша собой?

Офицер молчал.

– Отвечайте!

– Не дурна.

– Ну вот и беда посылать молокососов!.. Извольте идти на гауптвахту... под арест!

Тем дело и кончилось. На другой день выступили в поход; через три дня завязалось сражение, и офицеру возвратили саблю.

На возвратном пути из Улеборга в Петербург, в Гамле-карлеби офицеру отведена была квартира в весьма хорошем доме. Хозяйка была зажиточная и пожилая вдова. Едва офицер успел переодеться, служанка пришла просить его к хозяйке в гостиную. Офицер исполнил желание хозяйки. Она сидела на софе, а возле столика, в креслах помещались две ее дочери, прекрасные собою и в полном цвете юности. Когда офицер вошел в комнату, все встали, и хозяйка подо-

шла к нему, взяла за руку и посадила возле себя на софе. Офицер заметил, что дамы были встревожены, и не понимал причины.

– Ваша фамилия N, как мы узнали от вашего слуги? – спросила хозяйка.

– Точно так, – отвечал офицер, не постигая, к чему это клонится.

Хозяйка взяла офицера за руку, пристально смотрела ему в лицо, и сказала с чувством: "Вы добрый человек, господин N, и мать ваша должна быть счастлива!" Офицер все еще не догадывался, в чем дело, но, взглянув на девиц, увидел, что они утирали слезы... Он смешался. В двадцать лет от роду сердце восприимчиво.

– Признаюсь, я не понимаю всего этого! – сказал офицер.

– Помните ли пасторшу Луизу N? – сказала хозяйка.

– А, а! Теперь догадываюсь, – возразил офицер. – Жива ли она, здорова ли; где муж ее?

На другое же утро после вашего посещения они уехали из пастората, и отсюда, из моего дома, отправились на военном бриге в Швецию, в Стокгольм. Пасторша – моя племянница; она мне все рассказала, и мы записали вашу фамилию. Все, что сказала вам моя племянница, совершенно справедливо. Муж ее точно насильно уведен был крестьянами, и вовсе невиновен. Вы спасли безвинного! Когда ваша армия шла вперед, меня здесь не было. Мы боялись русских, и я уехала вовнутрь края с моими детьми, а если б я была

в городе то непременно отыскала бы вас. Случай! Нет, промысел Божий послал мне в постояльцы того, кого я жаждала видеть! Вы возвращаетесь в отечество – молитвы добрых людей дошли до Бога, и вы вышли из войны невредимы!.. Вы так еще молоды, что можете принять мой совет: будьте всегда добры, будьте всегда счастливы!..

Кажется, в этих словах не было ничего трогательного, но голос, которым говорила хозяйка (по-французски), чувство, которое все смягчает, произвели на офицера сильное впечатление. Мать и дочери ее плакали от умиления. Как ни крепился офицер, но выронил слезу...

– Сын мой служит поручиком в шведской артиллерии. Его не было в Финляндии; он на Норвежской границе. Как бы он был счастлив, если б мог обнять вас!..

Хозяйка упросила офицера пробыть в ее семействе все время пребывания полка в городе. На другой день была дневка. Офицер провел в этом доме один из счастливейших дней в своей жизни. К хозяйским дочерям собрались на вечер подруги. Все обходились с ним, как с другом, как с братом, откровенно, даже нежно. Откровенность дошла до того, что девицы пели перед офицером патриотические песни и переводили их по-французски, и наконец советовали остаться навсегда в Финляндии и сделаться... шведом! Милые, добрые, простодушные существа!

В 1838 году этот самый офицер, давно уже инвалид, был в Стокгольме. Он вздумал прогуляться по Финляндии и Шве-

ции единственно из любви к шведам и финнам, потому что, объехав всю Европу, нигде не нашел столько похвальных качеств, как у этих двух народов. Офицер имел при себе дерптского студента, сына своего приятеля. На третий или на четвертый день после приезда бывший офицер вышел рано со двора, обедал у русского консула за городом и поздно возвратился домой. Студент сказал бывшему офицеру, что приходил какой-то швед, человек в цвете возраста, приятной наружности, и распрашивал: служил ли бывший офицер в Финляндскую войну? Студент слышал во время путешествия рассказы бывшего офицера о войне и потому отвечал шведу утвердительно. На другое утро явился тот же самый швед, и после первого приветствия сказал бывшему офицеру: "Я давно вас знаю... со времени Финляндской войны... и почитаю себя счастливым, что могу прижать вас к сердцу... Позвольте обнять вас!"¹⁴⁷

Они обнялись и поцеловались.

– Я возвращаю вам поцелуй, которым вы удостоили меня в первом младенчестве... Помните ли вы пастора N?

Бывший офицер совершенно забыл о происшествии и тогда только вспомнил, когда перед ним произнесли фамилию пастора.

– А вы?

– Я сын его... тот самый младенец, которого мать держала на руках, когда вы вошли в спальню!

¹⁴⁷ О приезде офицера швед узнал из газет.

Они снова бросились друг другу в объятия. На земле есть предвкушение райского блаженства: не в богатстве, не в чинах не в знатности... а в чувстве?..

Молодой человек сказал, что родители его уже в могиле. "Если б вы приехали за два года перед сим, вы бы еще застали их в живых! Ах, какая была бы радость! Матушка только полгодом пережила батюшку... она умерла от тоски... У меня есть сестра, замужем в Готтенбурге – и больше у нас нет родни здесь..."

Я никого не смею назвать по фамилии, потому что есть еще в Финляндии родные Ландсмана. В честном обществе, где господствуют вера и нравственность, дела отца озаряют светом или омрачают детей. Есть у нас люди, которые живут по смыслу стихов Державина:

"Мне миг спокойствия моего Дороже, чем в потомстве веки!"

Есть люди, которые живут по правилу:

"Гори все в огне, Будь лишь тепло мне!"

Эти люди, которые думают составить счастье детей, оставляя им много денег и память своего звания и значения, полагают, что молчание современников перейдет и к потомству, о котором они, впрочем, не заботятся! Страшная и пагубная ошибка! С родовым именем сопряжены воспоминания дел предков, и эта изустная история переходит из рода в род, и наконец оживает и увековечивается в печати. Малюта Скуратов, верно, не думал, что его имя будет синонимом злодей-

ства, точно так же, как большие воры и малые воришки, лихоимцы и надутые нули, презирающие талант и нравственное достоинство человека, не воображают, что со временем завеса приподнимется, и их потомки будут стыдиться своего наследия: родового прозвания!

Покойный Н.А.Полевой из романтического повествования, напечатанного в *Северной Пчеле* о рассказанном теперь правдиво событии, составил театральную пьесу под заглавием: "*Солдатское сердце*". Пьеса не имела успеха, хотя и была умно составлена, потому что в самом событии нет драмы, а есть одна только драматическая сцена. Пьесу эту Н.А.Полевой (с которым наши дружеские отношения уподоблялись барометру) посвятил мне. В память даровитого писателя и для взаимности, я назвал этот рассказ именем его драмы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА I

Нужда во время войны. – Отдых в Гамлекарлеби во время перемирия. – Шумная жизнь. – Неудача нового Париса – Балы графа Н.М.Каменского. – Любимый его адъютант А.А.Закревский. – Полковник (впоследствии генерал) Эрик-сон; его характер и происхождение. – Страшная ночь. – Благородство простого народа в Финляндии. – Комитет министров в отсутствие государя императора не утверждает перемирия. – Причины. – Участие в военных распоряжениях графа Аракчеева. – Достопамятные его слова. – Государь император утверждает решение Комитета министров.

Маленький городок Гамлекарлеби, имевший не более двух тысяч жителей, показался нам раем после двухмесячной бивачной жизни и всех возможных лишений. С выступления нашего из Куопио мы ни одного дня не были под крышею, а некоторые пехотные полки не знали квартир с первого вторжения в Финляндию. Я уже говорил, что в этой стране невозможно поставить на квартирах в одном месте даже полк, не только дивизию. Куопио был пуст, исключая несколько домов. Через Ньюкарлеби мы только прошли,

не останавливаясь, следовательно, Гамлекарлеби был первый городок, в котором мы нашли все в порядке в устройстве, лавки с товарами, трактир с огромными запасами вин и съестных припасов, и всех жителей в домах своих. Кажется, что многие из купцов рассчитывали на войну, и запаслись вперед всем нужным для войска. Всего было вдоволь и даже недорого, в сравнении с петербургскими ценами.

Едва ли какое войско (исключая французское, в 1812 году) терпело более нужды, как корпус графа Каменского в Финляндии, хотя граф непрерывно заботился о его продовольствии. Что можно было купить, покупали или брали реквизициями под росписки, но, по несчастью, редко удавалось достать столько, чтобы удовлетворить нужды всего корпуса, по крайней мере на несколько дней. Крестьяне и помещики угоняли стада свои в непроходимые леса; зерновой хлеб прятали в ямах. Иногда мы находили стада по следам, и открывали ямы с рожью и ячменем, но молоть нам было негде и некогда. Парили рожь и ячмень в котлах, и ели, как кашу, а иногда толкли на камнях, когда доставало на то времени. Более всего мучил нас недостаток соли. Даже мясо без соли было безвкусно. О печеном русском хлебе и помину не было! Иногда раздавали нам горсти по две солдатских сухарей и по несколько шведских лепешек (кнакебре), и тогда был праздник на биваках, особенно когда при этом было хлебное вино. Для курильщиков тяжело было без табаку, и многие курили хмель.

В августе ночи были холодны и туманны, и шли часто дожди, а нам в обходном отряде генерала Козачковского весьма часто приходилось проводить ночи без огня, промокать до костей, и отдыхать на мокрой траве. Одежда погнила на нас, и в обуви был недостаток у офицеров и солдат. Белье мыли мы на привале, и сушили на походе. Страшно было взглянуть на нас, небритых, загорелых, оборванных, обожженных, забрызганных грязью! – Во всем корпусе графа Каменского только новопривывший и переформированный Пермский мушкетерский полк был в новых мундирах и в шинелях тонкого сукна. Полк этот сформирован был из солдат, бывших в плену во Франции, которых Наполеон одел, вооружил и возвратил государю, как я уже говорил выше. Солдаты эти изнежились во Франции, и как говорили старые служивые других полков, *развольничались*. Пермский полк хуже других переносил трудности этой кампании, и не так охотно и весело шел в сражение, как другие полки. Только в этом полку слышен был иногда между солдатами ропот, и за то другие солдаты прозвали их *мусье*...

По заключении перемирия войско расположилось вокруг Гамлекарлеби, по селениям, в тыл до самого Ньюкарлеби. Нашему эскадрону были отведены для квартиры две порядочные деревушки, всего домов двенадцать, верстах в пятнадцати от Гамлекарлеби. Дома, как во всей береговой Остерботнии, были хорошие и крестьяне зажиточные, хотя и полуразоренные войною, не грабежом, но реквизициями, т. е. без-

денежными поставками провианта и фуража для шведов и русских. Новая жатва помогла нам. Лошади наши имели по крайней мере вдоволь сена, а люди кашу, овощи и молоко. Офицеры запасались предметами роскоши из города, куда мы ездили почти через день и все время проводили в трактире, который содержал некто Г.Перльберг. К нему перешли почти все офицерские деньги корпуса графа Каменского и главной квартиры, которая перенесена из Або в Гамлекарлеби на другой день после нашего вступления в этот город, именно 12-го сентября.

Не постигаю, как Перльберг успевал удовлетворять все потребности множества офицеров, толпившихся день и ночь в его трактире! Столы накрыты были не только в комнатах, но и на чердаке, в сарае, в чуланах. Огромные котлы не сходили с огня, и в трех кухнях (две из них были в соседних домах) беспрестанно варили, пекли и жарили. Пунш приготавливали в ведрах. В двух комнатах играли беспрерывно, день и ночь, в банк. Шум в трактире был ужасный от говора, хохота, а иногда и пения! Около дюжины ловких, вертлявых, хорошеньких шведочек прислуживали нам с величайшим искусством и проворством, не хуже парижских прислужников (*garçons*), а буфетом управляла дочь хозяина, молодая, прекрасная девица, в которую были влюблены *все*... Она вела себя чрезвычайно скромно, благородно, и возбуждала к себе уважение, – однако ж, не избежала неприятного приключения.

Явился новый Парис для этой прекрасной Елены – наш старый проказник Драголевский и, вспомнив времена Костюшки и польских конфедераций, вздумал похитить красавицу по праву завоевания. Он приготовил повозку, запряженную парюю лихих коней, улучил время ночью, когда красавица вышла в свою маленькую комнату, схватил ее в охапку, обвернул шинелью и понес под мышкой из трактира, как цыпленка. Девушка стала кричать изо всех сил (об этом не подумал прежде новый Парис), и все офицеры сбежались, чтоб освободить прелестную пленницу из когтей коршуна. Но Драголевский одною рукой держал свою добычу, а другою обнажил саблю, закричав грозным голосом: "Прочь, пехота!" Не предвидя никакой опасности от вооружения полусотни человек, главнокомандующий позволил городской гвардии (вооруженным гражданам) содержать в городе ночные патрули вместе с нашими караулами для большего порядка. В это самое время гражданский патруль проходил мимо трактира, и услышав крики и вопли, вбежали на двор. Граждане, видя свою землячку в руках страшного усача, бросились на него, но наш Драголевский разогнал их, сделав несколько мулинетов (крестовое движение) саблей. В то же время явился русский патруль; командовавший им офицер объявил решительно Драголевскому, что если он не выпустит из рук девушку, то по нему станут стрелять, как по медведю, и вызвал вперед двух унтер-офицеров со штуцерами. Мы стали уговаривать Драголевского, и он, убедясь нашими

доводами, освободил девушку, но не хотел по требованию дежурного по караулам штаб-офицера, сдаться, говоря, что умрет на месте, но не отдаст сабли *пехоте!* Драголевский почитал кавалериста высшим существом, и говаривал всегда: "Прежде пулю в лоб, а потом в пехоту" Явился знакомый Гродненского гусарского полка ротмистр Гротгус, и Драголевский отдал ему саблю, и пошел за ним на гауптвахту. Главнокомандующий хотел расстрелять его немедленно; но сама девица и отец ее подали просительные письма; Кульнел принял в нем участие, и Драголевского только отдали под военный суд. С этих пор его не видали в полку. Он содержался с год на гауптвахте. По решению суда он подвергнулся лишению чинов и ссылке, но по ходатайству его высочества арест вменили ему в наказание, и его перевели в ненавистную ему пехоту, в Кронштадтский гарнизонный полк, где он окончил и службу и земное свое поприще, не оставив ни родни, ни даже известия о роде своем и племени. — Чудак был покойник!

Девушка заболела от страха, пролежала несколько дней в постели, потом выздоровела, и все пошло в трактире прежним порядком. Только она после этого сделалась осторожнее и при ней всегда был дюжий швед, лакей, а кроме того, несколько из самых пламенных обожателей красавицы сторожили ее с удивительным постоянством, не отходя от буфета.

Граф Каменский давал несколько балов, на которые при-

глашены были почетные жители города, помещики и даже пасторы с их семействами. Никто не отказывался от этой чести. Хозяин был приветлив со всеми, и особенно любезен с дамами, между которыми было множество красавиц. Распоряжался любимый адъютант графа Каменского, капитан Арсений Андреевич Закревский, который заведовал всем у графа: походною канцелярией, казенными и собственными его деньгами и целым домом, а в сражениях всегда бывал при нем, ловя на лету его приказания и передавая их с быстротою вихря, под неприятельскими ядрами, картечами и пулями. Слово А.А.Закревского было слово графа Николая Михайловича Каменского, и где, бывало, покажется А.А.Закревский, солдаты говорят: "Вот графская душа; куда-то велит идти!"

Весьма занимательно было видеть в_ярко освещенных комнатах, в толпе красавиц, при звуках музыки людей, уже перешедших за возмужалый возраст и с юношеских лет прошедших жизнь в кровопролитных битвах, покрытых честными ранами, готовых каждую минуту на явную смерть, которые заохочивали нас, молодых людей, веселиться. Шведы, особенно шведки, с каким-то особенным любопытством, смешанным с ужасом, смотрели на Кульнева, которого знали так же хорошо в шведской армии, как и в нашей. В шведском войске называли его *будильником*, потому что он всегда поднимал от сна их авангард и арьергард. Грозный Кульнев также умел любезничать с дамами, привыкнув к польскому

свободному обхождению¹⁴⁸, и танцевал полонезы с маменьками, возбуждая к танцам молодых офицеров. Храбрый полковник Эриксон (впоследствии отличный генерал), не излечившись еще от раны, разделял со всеми и опасности битв и удовольствия. Свиду он казался угрюмым, но был добр до крайности и обожаем подчиненными. Он был небольшого роста, полный, краснощекий, и ловче был на поле сражения, чем на паркете. Жизнь его представляет удивительное сцепление счастливых и несчастливых обстоятельств. Эриксон происходил из самого простого звания; он был сын мельника, верстах в двух от Дерпта. Городовой магистрат оказал ему какую-то несправедливость, и он с горя пошел добровольно в солдаты. Честностью, хорошим поведением, усердием к службе и отличною храбростью он вышел в офицеры, постепенно дослужился до полковничьего чина, и командовал тем же полком, в котором начал службу солдатом. Свободные часы от службы Эриксон употреблял на свое образование; еще в солдатском звании выучился русской грамоте, и читал сперва, что ему попадалось, а потом по выбору. Он совершенно обрусел, и когда я узнал его в Финляндии, он похож был на старинного, умного степного помещика. Он весьма любил употреблять в речах русские коренные поговорки. Привычное его слово в обращении к солдатам было:

¹⁴⁸ Кульнев родился в Витебской губернии в городе Люцин. Проезжая через этот город в 1835 году, я видел дом, принадлежавший родителям Кульнева. Дом деревянный, красивой постройки, над водою, с садом.

козлы. «Вперед, вперед, мои козлы!» – говорил он в сражении, и хваля и браня, всегда прибавлял козлы. Оттого и его самого прозвали *козлом*. Весьма замечательна черта его характера, о которой я упоминал, однажды, в «Северной Пчеле». Будучи уже генералом, он пришел в Дерпт с полком. Никто не подозревал и не догадывался, что это тот Эриксон, который лет за тридцать пять перед тем пошел в солдаты, но Эриксон помнил всех своих родственников и приятелей, и приказал их собрать на своей квартире. Бедные эти люди не знали, зачем их требуют к генералу. Эриксон сказал им, кто он таков, угостил, и всех обдарил... Разумеется, что родителей его уже не было в живых... Выходя из Дерпта, он послал в магистрат несколько сот рублей для раздачи бедным при изъявлении благодарности за оказанное ему неправосудие, без которого он был бы до сих пор мельником.

Сам главнокомандующий не оставался долго на этих балах; он был стар и любил покой; но весь штаб его не оставлял бала до конца, зная, что граф Каменский любил, чтоб гости не разъезжались до ужина. Генерал Коновницын (впоследствии граф), генерал Раевский, прославившийся в Отечественную войну, были тогда в цвете лет; они обходились с молодыми офицерами чрезвычайно ласково, и возбуждали к себе доверенность и любовь. Инженер-генерал Сухтелен (также впоследствии граф) был уже и тогда пожилой человек. Это был Нестор нашей войны. Все его уважали за его глубокие познания и любили за благородный характер и лю-

безность в обхождении.

Увидевшись в городе с несколькими приятелями моими из Гродненского гусарского полка, я дал слово погостить у них несколько дней. Квартиры их были в деревне, также верстах в пятнадцати от города, но не по одной дороге с нашими квартирами, а в сторону. Приятели мои уехали из города, а я возвратился в эскадрон, отпросился у ротмистра, и снова приехал на другой день в город, чтоб оттуда ехать на квартиры Гродненского гусарского полка. Я не взял с собою ни улана, ни моего денщика, и поехал один. Переночевав у артиллерийского штабс-капитана Молченки, я вознамерился победать в трактире, и потом отправиться на ночь к друзьям моим, гродненцам. На беду мою, один из приятелей моих, Севского мушкетерского полка капитана Коллин¹⁴⁹, праздновал в этот день свое рождение, и мы пропирали до сумерек. Зная, что товарищи меня не выпустят, я ускользнул потихоньку из трактира, побежал к лошади, велел оседлать ее, и пустился в путь. Долго ли проскакать верст пятнадцать! На улице я поймал какого-то оборванца финна, дал ему полтинник, с тем, чтобы он проводил меня за город, на дорогу, ведущую в селение, которое я ему назвал, потому что оно у меня было записано. Город невелик, и через четверть часа я уже несся во всю рысь по дороге...

¹⁴⁹ Родом лифляндец, умный, благовоспитанный офицер. Он дослужился до генеральского чина, был комендантом в Варне, в войну 1828-29 г., и умер от чумы.

Помните, что это было в половине сентября и в Финляндии, в 1123-х верстах от Петербурга, на севере, и притом в земле неприятельской. Шведские солдаты во время перемирия не тронули бы русского офицера, если б он попался им невзначай, но за поселян нельзя было поручиться. Было темно, небо покрылось черными тучами, и холодный ветер продувал насквозь мою ветхую шинель на вате. Проехав верст пять, я въехал в лес. Тут стало теплее; я поехал шагом, и вдруг передо мною открылись две просеки, т. е. две дороги. Которую надобно ехать? Провожавший меня из города финн болтал что-то и махал руками, но я не расслышал его второпях и не понял, зная едва несколько слов по-фински. Я привел на память местоположение города, и подумал, что направо не должно быть русских квартир, потому что с этой стороны стоят шведы, и поехал влево. Еду то шагом, то рысью – нет конца леса. Внезапно овладел мною ужас!..

Я не хвастаю моею неустрашимостью, но всем известно, что у самых неустрашимых людей бывают минуты слабости, когда мужество оставляет их и опасность представляется в увеличенном виде. Ни один правдивый человек не скажет, чтоб он в жизни ни разу не струсил. Действие ли это нервов на воображение, или воображения на нервы, но только иногда человек сам не свой. – Точно ли тут были волки, или мне показалось, что глаза их блестят в кустах – не знаю, но лошадь моя несколько раз фыркала и пятилась. При каждом шелесте меня мороз подирал по коже! Я вынул из кобуры

пистолеты – они были не заряжены! В ладунке не было патронов! Если б в эту минуту был со мною мой денщик – досталось бы ему за то, что он без спроса разрядил и вычистил пистолеты... Нечего делать, еду далее, и вдруг полил дождь, как из ведра, холодный, как лед. К довершению беды, я попал на топкое место, и лошадь моя с трудом вытаскивала ноги из болота... Я остановился...

Бывали ли вы, любезные читатели мои, в не известном вам лесу, в осеннюю ночь, во время дождя? Ужасное положение! Я не мог придумать, ехать ли мне вперед, или воротиться. По моему расчету, я уже проехал более пятнадцати верст, и надеялся приехать в какое-нибудь селение. А если попаду к злым людям, которые захотят убить меня? Да будет воля Божия – и я поехал вперед!

По болоту я выехал на лужок. Что-то чернелось передо мною. Я думал хижина – а это был стог сена. На лугу исчез след дороги, и я объехал кругом луг, чтоб попасть на нее... С этих пор дорога сделалась так узка, что я должен был прижаться лицом к лошадиной шее, чтоб какой-нибудь сук не размозжил мне голову. В этом положении я как-то неловка подался на бок, седло перевернулось – и я свалился... в лужу!

Я хотел оседлать лошадь – но подпруги лопнули. Что тут делать! Как в математике два минуса составляют плюс, так и в жизни человеческой усиленное несчастье пробуждает в человеке уснувшую твердость. Я сел на пень и задумался.

Сильная жажда мучила меня после шведского обеда, в котором соль играет всегда первую роль. Передо мной была лужа; я напился из нее в три приема, несмотря на то, что глотал грязь вместе с водой – и как будто ободрился. "Чему быть, того не миновать", – сказал я про себя, и принялся за работу. Шведы и финны, как известно, употребляют длинные кушаки (или шарфы), которыми они обвязываются при зимней одежде, сперва на груди крестом, а потом два раза по талии. По счастью, у меня был этот кушак, и я привязал им седло к лошади, поверху, подвел лошадь к пню, и с пня вспрыгнул на нее. Надлежало держаться на балансе, потому что при малейшем неровном движении седло снова бы перевернулось, и я, балансируя и придерживаясь за гриву, пустился в путь.

Я ехал всю ночь. Тучи прошли, и начало светать. Земля и деревья покрылись тонкою корою льда, и я щелкал зубами от стужи; руки у меня почти окостенели. Проехал я более часа времени. И солнце уже показалось над деревьями мне стало как-то веселее. Вдруг вдали послышался лай собак – и сердце у меня вздрогнуло. Наконец должна решиться моя участь! Ехать рысью было невозможно, потому что седло вертелось подо мною, и лошадь от усталости едва передвигала ноги. Я вперил взор вдаль, и духом рвался вперед... и вот конец леса! Слава-то Господи! Я остановился на опушке, и осмотрелся. Передо мною была обширная равнина, оканчивающаяся горами, покрытыми лесом. В версте от леса был большой крестьянский дом со всеми службами; за этим домом

вдали дымилось. Казалось, вся долина была населена. Перекрестясь, я поехал к первому дому.

Когда мы подружились с Арвидсоном в Раутламби, он откровенно сказал мне, что если я хочу, чтоб меня хорошо принимали, я должен называться немцем и хвалить шведов, и при этом написал мне несколько шведских фраз, которые я вытвердил наизусть. Во время одного разъезда я до того разнежил моими заученными фразами пастора, у которого пробыл часа два, что он подарил мне книгу: Самоучитель немецкого языка, с шведским переводом. В этой книжонке, старой и избитой, которая служила некогда сыну пастора (в это время уже взрослому), было собрание употребительнейших слов и разговоры на немецком и шведском языках. От скуки я выучил наизусть все слова и разговоры, и болтал по-шведски, разумеется дурно и неправильно, когда хотел сам составить фразу, но все же я понимал много, отгадывая половину по известным мне словам. Когда я подъезжал к дому, собаки бросились ко мне, и на лай их хозяин дома, несколько женщин и работников вышли на крыльцо и смотрели с удивлением на меня, приближавшегося медленно. Когда я остановился у ворот, мальчик отпер их; я въехал на двор, и поздоровался с толпою по-шведски. Это успокоило семью. Я соскочил с лошади, подошел к хозяину, человеку лет сорока, приятной наружности, в котором я узнал старшего в семье, потому что он стоял впереди всех, пожал ему руку, повторив приветствие, и поклонился женщинам, которые по швед-

скому обыкновению отблагодарили меня книксеном. Скажу мимоходом, что шведки вообще, даже из простого звания, чрезвычайно вежливы и любят книксены. Если вы встретите на дороге толпу поселянок, идущих пешком в церковь или на работу, и скажете им приветствие, они посреди дороги ответят вам книксеном. – Начался между нами разговор по-шведски.

– Вы шведский офицер? – спросил меня хозяин.

Наставление Арвидсона пришло мне на память, и я отвечал чисто заученной фразой: "Нет, я русский офицер, но родом немец, из старинной шведской провинции, завоеванной русскими..." Крестьянин проворчал обыкновенное шведское ругательство: Tusan Diefla (тысяча чертей), но по взглядам его я заметил, что это не ко мне относилось.

– Вы говорите по-шведски? – спросил крестьянин.

– Я так люблю славный шведский народ (Det vackra Svenska Folk), что учусь по-шведски, хотя во время войны и не успел еще выучиться, – отвечал я, также заученной фразой.

– Но вы говорите прекрасно! – возразил он.

– Иное говорю хорошо, а иное не могу вовсе объяснить, – сказал я.

– Откуда же, куда вы едете, и зачем?

На первую фразу вопроса я мог отвечать, а на две остальные мне не достало слов. Я не знал, как сказать по-шведски, что я заблудился в лесу, потому что этого не было в моей

книжке. Однако ж, произнеся слова: *лес, нет дороги, ночь*, и дополняя остальное знаками, я успел объяснить, что я сбился с дороги, и потом назвал селение, где стоял наш эскадрон. Все семейство беспрестанно повторяло свое *всезнающее*: *ja so, ja so*¹⁵⁰.

Объяснив хозяину мое положение, я подошел к нему, положил одну руку ему на сердце, а другой указал на небо, и, как умел, сказал, что Бог видит нас, и я прибегаю к сердцу доброго шведа, и прошу его помощи...

Старуха, мать хозяина, подошла ко мне, и погладив меня по лицу, сказала: "Бедное дитя!" – Я был не ребенок, но молод и что более, моложав. У меня тогда только пробивался пушок на том месте, где после были богатырские усы... У жены хозяина навернулись слезы... Я промолвил довольно понятно, хотя неправильно: "У меня есть мать, которая ждет меня, и, может быть, никогда не дождетя!.." Добрый швед тронулся, пожал мне руку, и сказал: "Вы здесь, как дома!" Я от души обнял его и прижал к сердцу...

Всю жизнь я прожил так, что если доверял человеку, то доверял вполне, неограниченно, а если не верил, то уж ни на волос! Светская премудрость не одобрит этого правила, но это не правило, а следствие характера, и я нередко дорого заплачивался за это! Пословица справедливо утверждает:

¹⁵⁰ В моей прогулке по Финляндии и Швеции в 1838 году я говорил уже, что у шведов *ja so* (т. е. да, да) означает *все*, и что смысл зависит от тона, которым произносятся эти слова. *Ja so* означает и *утвердительное, иотрицательное*, и гнев и любовь.

каков в колыбельке, таков и в могилку, и И.И.Дмитриев сказал великую истину:

"Гони природу в дверь, она влетит в окно".

Я вверился совершенно шведу.

День был воскресный, и вся семья с прислужниками, была дома. В церковь не ездили, потому что во всех пасторатах стояли русские¹⁵¹, с которыми не хотели встречаться, хотя наши солдаты стояли смиренно на квартирах. Напившись кофе (т. е. пошла, называемого кофе), я показал хозяину мое несчастное седло, просил его починить, и накормить меня и моего коня, обещая за все заплатить, а между тем отвести уголок, где я бы мог выспаться. Хозяин повел меня в верхний этаж, и указал чистую комнату с опрятною постелью. Платье на мне было сыро, и я был забрызган грязью, от шпоры до шапки. Швед покачивал головою, и пособив мне раздеться, взял все платье мое в охапку, а вместе с ним сапоги и саблю, сказав, что прикажет вычистить... Вот я совершенно безоружен, и баба с ухватом могла бы взять меня в плен или убить. Но я верил шведу!

Я приехал в седьмом часу утра, и проспал до двух часов пополудни. Хозяин успел уже пообедать и отдохнуть. Отворив дверь моей комнаты, я стал звать его, называя *другом*. Друг явился с платьем. Оно было высушено и вычищено;

¹⁵¹ После узнал я, что селение, в которое я заехал, освобождено было от постоя, потому что доставило фураж и провиант натурой в городской магазин для главной квартиры.

сабля моя блестела как зеркало. Я оделся и без сабли сошел в нижнее жильё, где было собрано все семейство хозяина и вся челядь, человек двадцать мужчин и женщин. Теперь только заметил я, что жена моего доброго хозяина красавица. Это была вторая его жена, и он представил мне сына и дочь от первого брака. Сыну было восемнадцать, а дочери пятнадцать. Брат и сестра были прекрасны собой. Все обходились со мной с уважением, а старуха, мать хозяина, беспрестанно ласкала меня и гладила по лицу. С тех пор я люблю добрых старушек. Хорошая старушка в семье – благословение Божье, пример добра для молодого поколения.

Для меня был приготовлен обед, весьма вкусный для голодного. Хозяин сказал мне, что сам отвезет меня в эскадрон, который стоял только в двух милях от его дома. Не знаю, каким образом я до такой степени сбился с дороги, что, ехав в сторону Гамлекарлеби, попал в тыл его! Я не мог понять, что толковал мне хозяин на этот счет, но кажется, что в лесу я должен был повернуть вправо, а не влево. Я проехал в эту ночь около трех шведских миль (до двадцати восьми верст)! У меня была донская лошадь. Отдохнув и поев порядочно, она как ни в чем не бывала!

На дворе стояла порядочная крашеная одноколка, запряженная лихой лошадыю. Моего коня я привязал сзади, на недоузке. Я спросил хозяина, что я ему должен, но он решительно отказался от денег, говоря, что я у него был в *гостях*. Как я ни уговаривал его взять деньги, он не соглашался, а

женщины отмахивались руками. У меня в кошельке был заветный червонец с изображением Божьей Матери (венгерский червонец времен Марии-Терезы), данный мне на счастье моей матерью. Я упросил хозяйку взять его на память. Работникам за чистку платья, починку седла и уход за лошадью я дал несколько рублей на вино, и этому хозяин не противился. Простившись с семейством и обняв всех, я сел в одноколку с хозяином, и поехал в эскадрон.

Ротмистр и товарищи удивились моему возвращению, потому что я отпросился на три дня. Я рассказал мое приключение и благородство шведа, которого мы обласкали и угостили. Я принудил его взять весь мой запас кофе и сахара, поручив отдать от меня его жене и матери. – Эта ночь, в которую я столько вытерпел, и нравственно и физически, не имела, однако ж, никакого влияния на мое железное здоровье, но следствием этой ночи было то, что я дал себе обет никогда не разъезжать одному в не известной мне стороне по проселочным дорогам, особенно по ночам, стал прилежно учиться шведскому языку, беспрестанно записывая слова и целые фразы, и после купил себе несколько шведских книг, облегчающих изучение языка. До сих пор весьма многое осталось в моей памяти, а тогда я изрядно болтал по-шведски, и все понимал.

Недолго мы наслаждались перемирием и довольством. Государь император был тогда в Германии, в Эрфурте, для свидания с Наполеоном и для решения на конгрессе дел общей

европейской политики. Управление делами империи было поручено государем Комитету министров с правом объявлять высочайшие поведения в случаях, не терпящих отлагательства. Душой Комитета был военный министр граф Аракчеев, особенно по военным делам. Он весьма не благоволил к графу Буксгевдену, который беспрестанно требовал свежего войска, денег, амуниции и продовольствия, противился всем планам, составленным в Петербурге, и вел дело медленно, по мнению графа Аракчеева. В Петербурге в это время находился генерал от инфантерии Кнорринг, бывший генерал-квартирмейстером в последнюю Шведскую войну при императрице Екатерине II. Граф Аракчеев часто совещался с Кноррингом по делам, касающимся до Финляндской войны, и на этот раз пригласил его на заседание Комитета министров. Кнорринг никогда не соглашался с планами графа Буксгевдена, и сильно восстал против перемирия, когда граф Каменский занимал Гамлекарлеби, а Тучков беспокоившую нас позицию Тайвола (против Куопио), которую упорный Сандельс должен был оставить по отступлении графа Клингспора за Гамлекарлеби, боясь быть отрезанным. В Комитете единогласно решили предписать графу Буксгевдену именем государя прервать немедленно перемирие и опрокинуть армию графа Клингспора за Торнео, а Тучкову велено теснить Сандельса по Индесальской дороге, и стараться разбить его и отрезать. В то же время Комитет решил составить два резерва, один из трех батальонов Роченсальмско-

го и Фридрихсгамского гарнизонов под начальством генерала Аникеева, другой из двух батальонов Преображенского и Измайловского полков под начальством генерала графа Павла Александровича Строганова, и отправить их немедленно в Финляндию. Граф Буксгевден, не разрывая перемирия, написал оправдание на высочайшее имя; но Комитет министров не убедился его доводами, и повторил высочайшее повеление начать военные действия. Государь император, получив в Эрфурте донесение Комитета, одобрил и утвердил его постановление. 7-го сентября граф Буксгевден получил решительное повеление начать военные действия беспрекословно, под строжайшею ответственностью за сопротивление высочайшей воле.

Кто был прав, кто виноват? Главнокомандующий беспрерывно жаловался на трудности войны, на малочисленность войска для занятия обширного взбунтованного края, и для охранения берегов, угрожаемых высадками, на недостаток продовольствия и свирепствование, оттого болезни в войске, и когда по уважению всех этих причин в Петербурге решились на заключение со шведами перемирия до зимы граф Буксгевден не согласился на эту меру. Когда же граф Каменский принудил графа Клингспора к отступлению из внутреннего края, и Сандельс должен был оставить свою неприступную позицию, при Тайволе, и выступить на Линдулакскую дорогу, а между тем отряды графа Витгенштейна и князя Голицына, сильно подкрепив действующую армию, подавляли

восстание крестьян. Комитет министров, в свою очередь, судя по событиям, имел полное право не соглашаться на перемирие и требовать продолжения успешных действий против графа Клингспора и Сандельса для очищения Финляндии к зиме от шведских войск. Граф Буксгевден не представлял ничего нового Комитету министров, и в оправдание свое на Высочайшее имя повторил только прежние жалобы, отчасти уже недействительные после успехов графа Каменского. Следовательно, и Комитет министров и граф Буксгевден имели основательные причины придерживаться своего мнения, но граф Буксгевден тем казался неправ, что, не соглашаясь на заключение перемирия при самых неблагоприятных обстоятельствах, заключил его во время успехов наших и после получения значительной помощи, увеличившей русское войско целою третью. Те же самые умствования и расчеты, которые граф Буксгевден представлял прежде в опровержение перемирия, Комитет министров употребил теперь против перемирия, заключенного графом Буксгевденом. А что Комитет министров рассчитывал верно, это доказывается успехом его предположений.

Будучи уже литератором и журналистом (в двадцатых годах), я сказал однажды, кстати, графу Алексею Андреевичу Аракчееву, что Россия много обязана ему в деле покорения Финляндии. В этих словах не было ни лести, ни комплимента с моей стороны, а была сущая правда, повторенная и знаменитым нашим военным историком, А.И.Михай-

ловским-Данилевским, по смерти графа Аракчеева. Графу Алексею Андреевичу приятны были мои слова. "Так есть еще люди, которые отдадут мне справедливость, – сказал граф, – спасибо братец, спасибо! Я не *воевода* (собственные слова графа) и не брался предводить войсками, но Господь Бог дал мне столько разума, чтоб различить правое от неправого. – Бог знает, чем бы кончилось, если б мы отложили изгнание шведов из Финляндии до следующего года! – Буксгевден почитал меня своим личным врагом – и крепко ошибался. За что мне было враждовать с ним? Тот мой враг, кто не исполняет своего дела, как следует. Я воевал с Буксгевденом его собственным оружием – его *резонами* (слова графа), противу предложенного им перемирия, и если б слушал всех, да не *столкнул* Баркляя (собственные слова графа) на лед, прямо в Швецию, то мы еще годика два пробились бы в Финляндии... Жаловались на недостаток продовольствия, но ведь я посылал из Петербурга сколько было нужно; зачем не умели сберечь и доставить куда следует?.." На этих словах графа Аракчеева я основал мое заключение, приведенное выше.

ГЛАВА II

Беглый взгляд на политическое состояние Европы в 1808 году. – Войны Наполеона. – Байоннская драма, или Лишение престола Бурбонов испанской линии и плен их. – Характеристика испанского королевского семейства. Король Карл IV. Королева. Принц Астурийский, впоследствии король Фердинанд VII. – Королева Этрурии и дон Антонио. – Эмануил Годои, князь Мира. – Несогласие в королевском семействе. – Взятие под стражу и отдавание под суд принца Фердинанда. – Проект разделения Португалии. – Французы идут через Испанию в Португалию. – Португальская королева Мария-Франциска-Елисавета и регент Дон-Жуан. – Лишение престола Браганцской фамилии. – Французская армия занимает почти половину Испании. – Народное возмущение в Мадриде и Аранжуэсе. – Что значит народ в Испании. – Низвержение князя Мира. – Карл IV отказывается от престола в пользу Фердинанда, и тайно протестует против отречения, прося защиты у Наполеона. – Мюрат с французским войском вступает в Мадрид. – Испанское королевское семейство приезжает в Байонну для свидания с Наполеоном. – Первое свидание Карла IV и Королевы с их сыном. – Первое возмущение испанцев в Мадриде против французов. – Битва и казни. – Второе свидание королевской испанской фамилии. – Фердинанд принужден отречься от престола в пользу отца, а

Карл IV передает права на престол Наполеону. – Единственный посторонний зритель байоннской драмы, князь Александр Иванович Чернышев. – Испанский король Иосиф, брат Наполеона. – Начало общего возмущения в Испании. – Англичане делают высадку в Португалии. – Неудачи французов. – Маршал Жюно сдает Португалию англичанам. – Англичане берут в Лиссабоне русский флот адмирала Сенявина. Огромная помощь Испании со стороны Англии. – Межевание Европы Наполеоном. – Общее негодование народов и государей. – Волнение умов в Германии. – Добродетельный союз (Tugendbund). – Надежда Европы на Россию. – Эрфуртский конгресс и его последствия. – Наполеон и Сперанский.

Прежде, нежели я обращусь к военным действиям в Финляндии после разорванного перемирия, должно взглянуть на ход европейских дел, отклонявших внимание Европы от подвигов русских в Финляндии. 1808 г. – самый достопамятный в новой истории, потому что в этом году Наполеон, достигнувший высочайшей степени славы и могущества, сам начал подрывать фундаменты своего величия, подчинив политику Франции и стараясь подчинить политику всей Европы личным своим выгодам и возвышению своего семейства. Войны Наполеона можно разделить на войны *политические* и *исемейные*. До 1807 года он должен был вести войны для утверждения нового порядка во Франции, для упрочения ее границ, приобретенных войнами, которые вела Французская

Республика, и наконец для признания Франции империею в ее новых пределах и императорского звания в своем лице. До этой поры Наполеон всегда предлагал мир своим противникам перед началом военных действий, и всегда старался помириться с Англией. С 1808 года Наполеон задумал овладеть всей Западной Европой, лишить престола всех Бурбонов, а с ними и дом Браганцкий, и на место бурбонской фамилии поставить членов своей фамилии. Неаполь был уже в его власти, и отдан брату его, Иосифу. Теперь Наполеон решился овладеть Пиренейским полуостровом, к чему давно уже стремились его помыслы, и наконец, в этом году, когда три главные державы в Европе: Россия, Австрия и Пруссия, должны были уступить ему, совершилось событие, которое история прозвала *байоннскою драмою*. Драма эта кончилась для Наполеона, бывшего в ней главным действующим лицом, как драма Дон-Жуан.

В Испании царствовал Карл IV, человек образованный, умный и добродушный, но государь слабый, бесхарактерный, легковверный, имевший отвращение к занятиям государственным. Две непобедимые страсти господствовали в нем и поглощали все его время: музыка и псовая охота. Ему тогда было пятьдесят девять лет от рождения. Королева Луиза-Мария (урожденная принцесса неаполитанская) была только тремя годами моложе своего супруга, но сохранила в душе весь пыл южных страстей и в теле всю силу пламенного темперамента. Подчинив короля своей власти, она

управляла его волею. Королевское семейство составляли: младший брат короля, Дон-Антонио, человек благородный и твердого характера; три сына: Дон-Фернандо, или Фердинанд, принц Астурийский, наследник престола двадцати трех лет от рождения, Дон-Карлос двадцати двух лет и Дон-Франциско де-Паула четырнадцати лет. У короля были три дочери: Карлота, замужем за наследником португальского престола, Мария-Луиза-Иозефина, правительствующая королева Этрурии, и Мария-Изабелла в замужестве за наследником престола обеих Сицилии.

Делами государства и двором управлял самовластно и безотчетно любимец королевы, или как мы говорим, временщик, Эмануил (Мануэль) Годои (Godoi), человек низкого происхождения. Иные говорят, что он был сперва погонщиком мулов, другие утверждают, что он был тореадором, т. е. бойцом на воловьих травлях. Прекрасный собою, ловкий, ума хитрого и вкрадчивого, Годои определился в роту королевских телохранителей, и вскоре обратил на себя внимание королевы, которая предалась ему совершенно, и заставила короля произвести ее любимца в первые министры, в председатели Кастильского совета, в адмиралы и в генералиссимусы. Постыдная уступчивость французскому правительству, погубившая испанский флот, все ее военные средства, и расстроившая финансы для сохранения постыдного мира, доставила Годои фантастический титул князя *Мира* (Prince de la Paix). Господствовавшая страсть в князе Мира

была алчность к деньгам, и он для того только любил власть, что она представляла ему средства к обогащению и к грубому разврату. Вся королевская фамилия, все дворянство и весь народ испанский ненавидели и презирали князя Мира, но королева любила его более собственного своего семейства, и король ради своего спокойствия до такой степени поверился хитрому любимцу, что поручил ему все дела политики и внутреннего управления, и никого другого не хотел слушать. Князь Мира употреблял все средства, чтоб развратить наследника престола и дать ему превратное воспитание, надеясь после смерти короля овладеть престолом. Во время болезни короля в 1806 году уже пущены были в народ вести о перемене династии будто бы по завещанию короля – но он выздоровел, и в народе ненависть к любимцу усилилась еще более. В мудрое правление Карла III, предшественника Карла IV Испания начала пробуждаться от летаргического сна, и везде водворялся порядок вследствие постепенных усовершенствований. При князе Мира все обрушилось в прежнюю пропасть – и Испания представляла настоящий хаос. Правосудие, чины, места, привилегии продавались с молотка. Государство не имело флота, войско было в жалком положении, торговля ничтожная, фабрики и мануфактуры в совершенном упадке, народ почти одичал в глубоком невежестве и суеверии. Все зло приписывали корыстолюбивому любимцу, князю Мира, и полагали всю надежду на наследника престола, окруженного людьми умными и почтенными, между

которыми главную роль играли воспитатель принца, каноник Эскойкис (Escoiquis), герцоги Инфантадо и Сан-Карлос. Народная партия, окружавшая наследника престола, ожидала только случая, чтоб свергнуть князя Мира с высоты власти для общего блага. Князь Мира, противодействуя партии, старался посвятить раздор между наследником престола и его родителями, и до того успел в своем намерении, что возбудил ненависть к нему в сердце его матери и недоверчивость в короле. Начались придворные интриги, основанные на клевете и сплетнях, беспрестанно усиливавшие ненависть родителей к сыну, а в сыне желание избавиться от своего врага.

Война Наполеона с Пруссией и Россией в 1806 году обрзумила на время Испанский двор, долженствовавший предвидеть, чем кончится его раболепное послушание Наполеону, когда он изгнал Бурбонов из Неаполя. Наш посланник при Испанском дворе, барон Строганов, и английский посланник успели убедить князя Мира в пользах Испании от союза со всею Европою против властолюбия Наполеона, и князь Мира начал собирать войско, и издал сильную прокламацию, приглашая народ к вооружению, не назвав, однако ж, неприятеля. Если бы Наполеон претерпел поражение на севере, тогда бы до 100 000 войска испанского, португальского и английского вторглось во Францию через Пиренеи; но победа при Иене переменяла ход дел, и князь Мира, испугавшись своего смелого поступка, удвоил свою уступчивость и

раболепство перед Наполеоном. Наполеон не показал вида, что предполагал измену в князе Мира, но решился ускорить изгнание Бурбонов из Испании. Внутренние интриги Испанского двора. послужили ему к тому предлогом.

Как первое доказательство преданности, в которой князь Мира уверял Наполеона, он потребовал лучших двух корпусов из испанской армии, собранной против него. Князь Мира согласился, и один корпус испанских войск под начальством генерала Офарильи послан был в Тоскану, а другой, в 14 000 человек, под командою генерала маркиза Ла-Романа в Данию. Выбраны были лучшие солдаты и офицеры, чтобы лишить Испанию надежнейшей опоры. Между тем 24 000 французов под начальством маршала Жюно выступили через Испанию в Португалию (в половине октября 1807 года).

Корпус маршала Жюно состоял из рекрутов. Едва по три человека старых солдат приходилось на роту. Кавалеристы были не более четырех месяцев на службе, не умели даже ездить и обходиться с лошадыю. Пехота не знала вовсе своего дела. Это было самое плохое войско, какого Франция никогда не выставляла противу неприятеля. В этом корпусе лучшие солдаты были пиемонтцы и ганноверцы, которые, однако ж, шли неохотно на войну, и ненавидели французов. Наполеон приказал Жюно, как возможно поспешить в Лиссабон, чтоб взять португальский флот и задержать королевскую фамилию, и Жюно шел торопливо, малыми отрядами, оставляя в тылу множество больных и мародеров. 30-го но-

ября 1807 года, он вступил в Лиссабон только с 1500 человек. Остальные пришли после, но из 24 000 человек, перешедших за Пиренеи, в Португалии собрались только 14 000 человек, оборванных, усталых и ненадежных в бою солдат.

Маршал Жюно еще из Испании разослал по Португалии прокламации, извещая, что он идет ей на помощь против англичан, которые намерены поступить с Португалией, как поступили с Данией, и увещевая португальцев принимать французов, как друзей и союзников. И между тем как Жюно уверял португальцев в великодушных и бескорыстных намерениях Наполеона, англичане сообщили принцу регенту португальскому лист официальной французской газеты «*Монитор*», в котором напечатано было решение Наполеона, что «Дом Браганцкий перестал царствовать в Португалии». (La maison de Bragance avait cessee de regner). Это та же самая фраза, которою лишена престола фамилия неаполитанских Бурбонов!

В Португалии царствующею королевою была вдова короля Педро III, Мария-Франциска-Елисавета, урожденная принцесса португальская. Она жила уединенно, посвятив жизнь свою богомолью, а государством управлял около двадцати лет в звании регента сын ее Дон-Жуан, человек добрый, но слабый, бесхарактерный, совершенно похожий нравом на испанского короля, но не имевший ни его ума, ни образованности. Несчастный в супружестве, испытывавший несколько раз измену и неблагодарность любимцев, он жил

уединенно, и соглашался на все требования Франции, чтоб только сохранить мир. Но это не спасло его. В последней крайности, когда маршал Жюно уже вступил в Португалию, он предался англичанам. В Лиссабоне носились преувеличенные слухи насчет числа войска маршала Жюно; однако ж, старая королева хотела, чтоб выслали против него войско и решили спор оружием. Английский адмирал, знаменитый Сидней Смит, уговорил и королеву и принца-регента оставить Лиссабон, удалиться в Бразилию и ожидать там, пока англичане возвратят им Португалию. За день до вступления маршала Жюно в Лиссабон, вся королевская фамилия отправилась на английский флот, к которому присоединился и флот португальский, и со всем двором и сокровищами отплыла в Америку. Жюно, повторив приговор Наполеона об отрешении от престола Браганцской фамилии, начал управлять Португалиею от имени французского императора, заменив португальский герб французским орлом и вывесив над дворцом трехцветное знамя. – В Париже почитали Португалию покоренной, и дело конченным.

Испанская корона в то же время, так сказать, сама падала в руки Наполеона. Наследник престола Фердинанд, надеясь на помощь Наполеона, по совету своих друзей просил его в самых покорных выражениях выдать за него замуж одну из принцесс императорской фамилии, и принять его в особенное свое покровительство, обещая быть послушным, как сын отцу, и в то же время представил родителю своему за-

писку, в которой изложил все дурные поступки и качества князя Мира, просил удалить его от дел и от двора. Записка эта написана была воспитателем и первым советником Фердинанда, каноником Эскойкисом в самых сильных выражениях. Князь Мира, узнав через своих шпионов о том, что принц Фердинанд писал к Наполеону, представил это дело королю и королеве в виде заговора не только против королевской власти, но и жизни. Королева, ненавидевшая сына за его вражду с ее любимцем, уговорила короля действовать сильными мерами, и король приказал арестовать принца и его советников, и отдать их под суд за измену и покушение на жизнь короля и королевы, известив в то же время Наполеона о раздоре, терзавшем его семейство, и о своем несчастном положении, требуя совета и помощи.

Это происшествие произвело сильное впечатление в Испании. Никто не верил в справедливость обвинения принца Фердинанда, и все были уверены, что это интрига князя Мира. Хотя суд и не находил никаких доказательств заговора, но принц Фердинанд, зная, что решение суда не избавит его от мести матери и князя Мира, согласился помириться с ним через посредство сестры своей, королевы Этрусской, и даже дал ему почувствовать, что готов жениться на его свояченице; написал сознание в своей вине, не означая ее, и просил прощения у родителей, свалив всю вину на своих советников. Князь Мира, видя, что это дело произвело дурное впечатление в народе, посоветовал королю и королеву простить

виновного сына, обнародовав, однако же, вместе с прощением и сознание принца, чтобы сделать его ненавистным, как предателя друзей своих и как неблагодарного сына. Советников принца наказали ссылкой.

Во время раздоров и семейных интриг Испанского двора, Годои искал покровительства Наполеона, и император французов, чтоб заставить действовать князя Мира согласно со своими видами, заключил с Испаниею тайный трактат в Фонтенбло в 1807 году, по которому Испания обязывалась помогать Франции к завоеванию Португалии. Ее предполагали разделить. Одну часть долженствовал получить князь Мира, и как независимый государь принять титул князя обеих Алгарвий; другая часть предоставлялась королеве Этрурии взамен этой области; третья часть долженствовала оставаться в руках Наполеона до дальнейших распоряжений, а король испанский принимал звание, *американского императора*. Испанский король соглашался на все с условием, чтобы друг его *Мануэлито*, как он обыкновенно называл Годои, был счастлив и доволен!

Между тем до 85 000 французского войска вошли в Испанию под предлогом поддержания завоевания Португалии, хотя в Фонтенблоском трактате допускалось не более 40 000 человек. Вместо того чтобы идти в Португалию, войско остановилось в Испании (в январе 1808 года), от Пиренеи по Эбро, овладев самыми непростительными хитростями всеми крепостями. Народ негодовал и роптал против князя Ми-

ра, зная, что французы дошли в Испанию с его согласия. Английские агенты сильно действовали, возбуждая в народе недоверчивость и ненависть к Наполеону и Франции и страшая двор примером Неаполя и Португалии. Наконец и сам князь Мира испугался, видя, что Наполеон медлит исполнением Фонтенблоского трактата касательно раздела Португалии. Он решился послать в Париж свое доверенное лицо, Искиердо, от имени короля, для объяснений насчет поведения французских генералов, занявших обманом крепости, и прося исполнения Фонтенблоского трактата, без всяких других условий. Король соглашался отдать французам на время одну или две крепости, но решительно протестовал против занятия всех крепостей. Англичане советовали князю мира отправиться с королевскою фамилиею в Мексику, и там ждать восстановления спокойствия в Европе, усилиями всех держав. Этот проект нравился князю Мира, который страшился месте народа после смерти короля и боялся лишиться своего богатства. Известия, сообщенные из Парижа Искиердом, утвердили его в этой мысли. Искиердо писал, что Наполеон оказывает величайшую ненависть ко всем Бурбонам, и намерен сделать изменение в Фонтенблоском трактате, отдавая Испании всю Португалию и требуя присоединения к Франции почти половины Испании, от Пиренеев до реки Эбро, как было при Карле Великом.

Тогда князь Мира решился удалиться с королевскою фамилиею в Севилью, за горы Сьерра-Моррена. Король пред-

писал войску испанскому собираться за эту чертою, выслать доверенных людей в Англию, требуя совета и помощи в случае, когда надобно будет спасаться в Америку. В Аранжуэсе предписано было собираться гвардии и лучшим полкам для охранения королевской фамилии, и при дворе начались приготовления к отъезду. Это было в начале марта 1808 года. Весть, что король оставляет столицу и даже Испанию, встревожила народ и войско. Все явно кричали, что ненавистный Годои продал Испанию французам. Народ собирался толпами на площадях, а солдаты в казармах, и толковали о несчастье отечества, обвиняя во всем Годои. Дворянство, чиновники и офицеры разделяли общее негодование, и все предвещало близкое возмущение. Наконец, когда 6-го марта войско выступило из Мадрида в Аранжуэс, народ толпами пошел за войском, и прибыв на место, окружил дворец, произнося ругательства и проклятия против Годои, требуя его головы и понося королеву. Против короля не было ни одного оскорбительного слова, а принцу Фердинанду кричали *виват*, называя его избавителем и хранителем чести Испании. Войско отказалось действовать против народа, и вместе с ним проклинали ненавистного Годои, cortejo старой королевы. Наконец, нижний этаж дворца наполнился народом, угрожавшим вторгнуться в королевские комнаты для отдыха своего врага, продавшего, как говорил народ, Испанию Франции.

Если говорится о возмущившемся *народе* испанском, то не

должно разуметь под этим именем богатых помещиков, купцов, фабрикантов и поселян. Эти люди участвуют только духом в народных смятениях. Но едва ли какая другая страна вмещает в себя столько стихий к продолжительному мятежу, как Испания. Испанские города и даже селения наполнены людьми бездомными и без всякого состояния, живущими день за днем чем попало и как попало, и принимающимися за работу только тогда, когда голод превозмогает лень. К этим бобылям принадлежат также контрабандисты, составляющие особую касту, люди смелые и даже отчаянные, рискующие жизнью за несколько рублей, которые при недостатке работы занимаются разбоем, укрываясь в горах и пустынях, где известны им все тропинки; погонщики мулов, расхаживающие непрерывно по Испании, разносящие вести и находящиеся в связях с разбойниками, контрабандистами и всеми тунеядцами; мелкие чиновники и писцы из бывших студентов, терпящие вечный голод; толпы нищих, называющих себя студентами, и сыскивающих пропитание милостынею; ремесленники, которые принимаются за работу только в крайности, когда есть нечего; оборванные и голодные, но гордые *хидалгосы*, вроде прежней беспоместной польской шляхты, и наконец, монахи, или, как их называют в Испании, фрайле (*frayle*), т. е. *братья*, составляющие, так сказать, душу испанского народа. Эти фрайле, суеверы и невежды, расхаживают по всей Испании, из монастыря в монастырь, из дома в дом, проводят время в праздности, председателъ-

ствуют в шинках, и от скуки готовы на все. Они не были врагами князя Мира, потому что только тот враг их, кто вводит порядок, истребляет злоупотребления и просвещает народ; но князь Мира был приверженцем Франции, которую фрейле называли *землею безбожия* и *отечеством Антихриста*, и потому, когда французские войска заняли часть Испании, то и фрейле восстали против князя Мира. Этот-то *народ* в Испании ужасен своей воспламенительностью, своим невежеством и кровожадностью. У каждого человека длинный нож в кармане (навахо), и при малейшей ссоре – драка на ножах. Убить противника для этих людей то же, что у нас выбрать! Простить обиду почитается малодушием, а отмстить кровью – молодечеством. Несколько десятков тысяч этих отчаянных головорезов собрались в Аранжуэсе, и ревели под окнами королевскими: «Смерть Годои, cortejo неаполитанки; виват Фердинанду!»

Король, который никогда не занимался ни одним важным делом, и состарился в спокойствии и совершенном бездействии, вовсе лишился присутствия духа, а королева с воплями отчаяния призывала своего Мануэлито (т. е. князя Мира), чтоб укрыть его от ярости народной. Но он уже спрятался в своем доме, на чердаке, под кучей матрацев. Народ, ворвавшись в дом, изломал и разграбил все, но не отыскал Годои. В доме поставили часовых, но мятеж не утихал. Тогда королева призвала ненавистного ей сына, принца Фердинанда, и сказала: "Спаси Мануэля (Годои) от смерти, и король

сей же час отречется от престола в твою пользу". Уже в Королевском совете сам король предложил эту мысль, почитая венец царский тяжким бременем, без помощи друга своего *Мануэлито*, и самому Фердинанду повторил слова королевы. Наследник престола, который свиду не принимал никакого участия в мятеже, отвечал родителям, что он готов исполнить их приказание и повиноваться их воле. Уже прошли тридцать шесть часов со времени начала мятежа, но князя Мира не могли отыскать. Наконец, томимый жаждою, он вылез из своего убежища, и стал просить стакан воды у часового, королевского телохранителя, обещая ему столько золота, сколько он сам весит. Но часовой предал его народу, который готовился растерзать его, как внезапно появился принц Фердинанд, и приказал не трогать преступника, а отвести в тюрьму, чтоб судить по законам. Народ повиновался. На другой день король объявил отречение от престола в пользу Фердинанда; народ, войско и все сословия были в восторге.

Но на другой день по отречении от престола, когда Годои был уже в безопасности от народной мести, король по совету королевы, написал протест против своего отречения, утверждая, что был принужден к тому силою, желая избежать кровопролития, и послал свой протест французскому посланнику в Мадрид, графу Богарне. В то же время он написал письмо к Наполеону, уведомляя о насильственном отречении от престола, и просил покровительства и защиты, предавая себя, семейство свое и друга своего, князя Мира,

его воле, и ожидая от него решения судьбы своей.

Мюрат, великий герцог Бергский, назначен был главнокомандующим армией в Испании, и во время происшествий в Аранжуэсе находился только в нескольких переходах от Мадрида. 12-го марта Мюрат торжественно вступил с войском в столицу ^Испании, и в тот же вечер получил от короля Карла IV письмо, в котором он, извещая его о насильственном своем отречении от престола, просил покровительства для своего семейства и для друга своего, князя Мира, находившегося в тюрьме. Новый король Фердинанд VII, извещая Наполеона о своем восшествии на престол, в следствие добровольного отречения отца, также уверял императора французов в своей неизменной преданности, и также просил его покровительства. Таким образом королевское семейство добровольно предавало свою участь воле Наполеона!

Наполеон, не признавая Фердинанда в королевском звании, но не порицая явно всего случившегося, послал к нему своего любимца, Савари, чтоб уговорить на свидание в Байонне, уверив, что все затруднения кончатся при личных переговорах. Приближенные к Фердинанду советовали ему не оставлять Испанию и не доверять Наполеону; но он, долго колеблясь, наконец согласился отправиться к Байонну с несколькими из своих приверженцев. Наполеон прибыл туда 3-го апреля, а Фердинанд позже тремя днями. Наполеон встретил дружески Фердинанда, хотя избегал случая го-

ворить с ним о делах до приезда короля Карла IV, который прибыл к Байонну 18-го апреля с королевой и князем Мира, освобожденным из тюрьмы по требованию Наполеона.

Тут началась так называемая байоннская драма. Фердинанд чрезвычайно удивился, когда Наполеон предложил ему через Савари, отказаться от испанского престола и получить взамен Испании королевство Этрурское, данное Наполеоном сестре его, а потом отнятое, и отвечал, что он прибыл затем только, чтоб быть признанным королем испанским, а не для замены владений. Но Наполеон объявил решительно, что как Карл IV протестует против своего отречения от престола, и обвиняет Фердинанда в том, что он произвел мятеж, и за это лишает его прав к наследованию испанским престолом, то он будет трактовать с самим королем о делах. Между тем под названием почетной стражи приставили караул к квартире Фердинанда и прибывшего с ним брата его, дон Карлоса, и назначили множество полицейских агентов для наблюдения день и ночь за ними, чтоб воспрепятствовать их возвращению в Испанию, а Наполеон начал переговоры со старым и немощным королем Карлом IV, или, правильнее, с королевой и князем Мира.

Сцена первого свидания королевской фамилии в присутствии Наполеона представила ужасное зрелище. – "Доволен ли ты, доведя меня до этого горестного положения! – сказал Карл IV Фердинанду дрожащим от гнева голосом. – Откажись от престола, с которого ты меня свергнул, отдай мне

мою корону, я требую этого, и, если ты не захочешь повиноваться, я поступлю с тобой, как с возмущившимся подданным; слышал ли!" – "Я не изменник, – отвечал Фердинанд, – испанская корона принадлежит мне, потому что вы, родители мой, отреклись от нее, а кроме того, я спас жизнь Мануэля (Годои), который преследует меня..." – "Отдай мне мою корону!" – воскликнул король в бешенстве, и будучи прикован подагрой к креслам, привстал с усилием, и устремился к сыну, грозя ему тростью. Наполеон удержал короля. Королева ругала Фердинанда самыми низкими выражениями, забыв все приличия, и потом обратясь к Наполеону, стала умолять его, чтоб он отдал его под суд как изменника и бунтовщика, заслуживающего публичной казни. Фердинанд спокойно отвечал: "Я согласен отказаться от престола, но с тем условием, чтобы ваше величество не брали с собою в Испанию людей, ненавистных народу (намек на князя Мира), и если вы по слабости здоровья не можете сами управлять, то чтоб вы мне поручили управление государством. Что же касается отречения от престола, то это дело должно быть подвергнуто суждению чрезвычайного собрания кортесов или Кастильскому совету..." Наполеон, видя, что дело принимает неожиданный оборот, поспешил окончить это свидание.

Насильственное задержание Фердинанда в Байонне возбудило во всей Испании сильное негодование и удвоило ненависть к французам. Народ явно роптал и говорил об отмщении. Везде готовились к восстанию и к истреблению

французов. Ждали только случая, и он открылся. Наполеон, чтобы иметь в руках все королевское семейство, приказал Мюрату выслать из Мадрида в Байонну младшего брата Карла ГУ, дон Антония, председателя правительственного совета (юнты) в отсутствие Фердинанда, младшего принца дон Франциска де-Паула и бывшую королеву Этрурскую. Это привело народ в бешенство, и 20-го апреля (2-го мая н. ст.) внезапно вспыхнуло возмущение в Мадриде. В восьмидесяти двух церквях ударили в одно время в набат, и все мадридское народонаселение бросилось из домов на улицы, вооружившись чем кто мог. Каждого встречавшегося француза умерщвляли на месте. Французское войско выступило из казарм и заняло важнейшие посты. В толпы народа стреляли беглым огнем из ружей и картечами вдоль улиц; но ожесточенные испанцы бросались с ножами в ряды французов и лезли, как слепые, на пушки. Разумеется, что регулярное войско одержало верх, и к вечеру городское начальство успело усмирить восстание. У французов убито 500 человек, большею частью поодиночке в домах и на улицах. В народе также убито несколько сот человек, и несколько сот взято в плен из значительнейших жителей столицы. Мюрат в гневе и для устрашения столицы велел в ту же ночь расстрелять всех их без всякого суда и расправы.

Один из моих приятелей, служивших в то время в гвардии Наполеона и бывший свидетелем этой экзекуции, рассказывал мне следующее: "Всех пленных, связанных по ру-

кам, привели на знаменитое гульбище Прадо при свете факелов. Шум и крик были ужасные. Большая часть пленных клялись, что они не принимали никакого участия в возмущении, и просили следствия. Другие умоляли, чтоб им позволили исповедоваться и причаститься Святых тайн. Не слушали ни жалоб, ни просьб. Всех пленных граждан поставили в одну шеренгу при стене, и батальон в десяти шагах выстрелил в них залпом. Но как многие были только ранены, то велено их прикалывать. Пронзительные крики и стоны раздирали душу; но французские солдаты до того были ожесточены, что не давали никому пощады. Когда не осталось ни одного в живых, французы возвратились в казармы, оставив трупы на месте. На другой день городское начальство убрало их и похоронило за городом. Народ толпился на похоронах, но французская кавалерия разогнала его.

Наполеон, получив известие о мадридском возмущении, решился немедленно закончить дело с королевскою фамилиею. Призвав к себе князя Мира, он обещал ему свое покровительство, возвращение всего его богатства, оставшегося в Испании, и огромную пожизненную пенсию, если он уговорит короля, чтоб он принудил Фердинанда отречься от престола. Король должен был угрожать Фердинанду судом за измену. Князь Мира согласился на все, и на другой день король Карл IV снова призвал к себе своих сыновей, Фердинанда и Карлоса. Второе свидание происходило также в присутствии Наполеона. Хотя при этом свидании не было посторонних

лиц, но некоторые из свиты Наполеона были помещены в соседних комнатах таким образом, что могли все слышать и видеть. Известный политический писатель Прадт сохранил в памяти эту сцену.

Король Карл IV сидел в креслах, держа свою трость. По одной стороне его сидела королева, по другой сидел Наполеон. Вошли два принца. "Имеешь ли ты известие из Мадрида?" – спросил король Фердинанда грубовым голосом, задыхаясь от гнева. – "Нет, государь", – отвечал Фердинанд. – "Так слушай же", – сказал король и, рассказав ему о мадридском возмущении, стал обременять его самыми сильными упреками: "Для того ли ты свергнул меня с престола, – сказал он между прочим, – чтоб проливать кровь моих подданных! Кто тебе это присоветовал? Говори!" – Фердинанд молчал, а король горячился, и наконец снова замахнулся на него тростью, крича: "Говори же!" Фердинанд молчал. "Ты бы и нас подвергнул гибели, если б мы были в это время в Мадриде, – продолжал король. "Как бы ты мог воспротивиться во время бунта! Говори, кто тебя подучил на этот новый бунт?" – Фердинанд молчал. Королева вскочила с кресла, подбежала к нему, и подняв руку, чтобы дать ему пощечину, воскликнула: "Говори же!" – Фердинанд все молчал. Тогда Наполеон обратился к принцу, и сказал важно: "До сих пор я не имел на ваш счет никакого твердого намерения, но после случившегося в Мадриде объявляю вам, что я никогда не признаю испанским королем того, кто таким образом на-

рушил союз со мною. Мадридское кровопролитие есть дело партии, от которой вы не можете отречься. Вот следствия пагубных советов! Я не знаю никого, кроме его величества, вашего родителя, – и его только признаю испанским королем. Если ему угодно, я сам провожу его в Мадрид!" – "Не хочу! – воскликнул король. – Он (т. е. Фердинанд) вооружил против меня все страсти, и я не хочу бесчестить моей старости, ведя войну с моими подданными и сооружая эшафоты..." После этого король сказал Фердинанду: "Пошел вон!" – и принц удалился, не промолвив слова во все время.

Савари последовал за ним и объявил, что если он не отречется от престола без всяких условий, то король решился назначить над ним суд, следствием которого будет или смерть на эшафоте, или вечное заключение. Фердинанд наконец согласился, написал акт и отослал его к отцу.

Трактат с королем Карлом IV был уже готов. Он был короток и ясен. Карл IV, законный король Испании и Индии, уступал Наполеону все свои права на испанский престол с тем, чтобы Испания оставалась нераздельною и составляла особое государство, независимое от Франции.

Наполеону предоставлялось на волю избрать короля испанского, который обязан хранить римско-католическую веру господствующую, без всяких в ней изменений, и возвратить имущество всем лишившимся его во время возмущения в Аранжуэсе. Это относилось к князю Мира, который только этого и желал. Королю дан в пожизненное владение

замок Компьень и имение Шамбор вроде потомственного поместья и 30 000 реалов в год пенсии. Каждому принцу назначено пенсии по 400 000 франков. С Фердинандом заключен был особый договор насчет пенсии, и он повторил отречение свое от прав на испанский престол. Тем кончилась драма байоннская, и Наполеон возвратился в Париж, веря, что он везет в кармане Испанию с ее богатыми колониями. Он отдал их брату своему Иосифу, назначив на его место в неаполитанские короли зятя своего, Мюрата. При дворе Наполеона повторяли фразу Людовика ГУ, произнесенную им в то время, когда он посадил на испанский престол внука своего, Филиппа V, родоначальника бурбонской испанской линии: *il n'y a plus de Pyrenes!* (т. е. нет больше гор Пиренейских).

Европейские дипломаты не предугадывали судьбы Испании и испанских Бурбонов. Основываясь на их покорности воле Наполеона, все полагали, что возникшие несогласия в испанской королевской фамилии кончатся браком Фердинанда с одной из родственниц Наполеона, и занятием берегов Испании французскими войсками, как в Германии, для утверждения континентальной системы противу английской торговли. Иностраннных дипломатов не было в Байонне, и все происходило там в тайне, в кругу доверенных и преданных Наполеону лиц. Первую догадку о судьбе Испании представил императору Александру молодой русский офицер, штаб-ротмистр кавалергардского полка Александр Иванович Чер-

нышев (ныне князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии и военный министр).

Место, занимаемое князем Александром Ивановичем Чернышевым в государстве, заставляет меня противу моей воли быть чрезвычайно скромным в рассказе о его подвигах и заслугах, чтоб слов моих не почли лестью. Знающие меня коротко знают также отвращение мое от всякой лести и похвал и принятую мною систему *отмалчиваться*, когда нельзя сказать сущей правды. Но как о князе А.И.Чернышеве много печатано было в чужих краях несправедливого, а в России вовсе не напечатано ничего, то я по долгу совести и из бескорыстной преданности к князю, от которого вовсе независим, любя и уважая его как русского патриота и любителя просвещения, скажу несколько слов о блистательном его поприще, почти беспримерном и тем более заслуживающем внимания, что князь всем обязан своей службе, своему усердию, своим дарованиям и правосудной милости русских государей.

Князь Александр Иванович Чернышев принадлежит к старшей линии фамилии Чернышевых, из которых младшая линия приобрела заслугами графское достоинство при императрице Екатерине II, и жалованные поместья. Отец князя Александра Ивановича Иван Львович дослужился до генерал-поручьего чина, и вследствие ран, полученных в войнах, должен был оставить военное поприще. Ему дано звание сенатора в Москве. По смерти родителя своего князь

Александр Иванович остался с двумя своими сестрами при матери, урожденной Ланской, бывшей фрейлиной при императрице Екатерине II, сестре Ланского, пользовавшегося особенною милостью государыни и скончавшейся в молодых годах. Одна сестра князя Александра Ивановича умерла в девицах, а другая в замужестве за князем Петром Сергеевичем Мещерским (сенатором). Сын их, князь Эллим Петрович, снискал блистательное имя в литературе всемирной поэтическими произведениями на французском языке, в которых отражается пламенная любовь к отечеству. Родительница князя Александра Ивановича не хотела расстаться с единственным своим сыном и воспитывала его дома, вверив надзор за обучением французскому аббату Перрену. В то время лучшие достойнейшие люди оставляли Францию, чтоб удалиться из страны, обуреваемой бессмысленною и кровожадною революциею, и аббат Перрен был из числа самых образованных и ученых мужей своего отечества. До вступления своего в духовное звание аббат Перрен готовился на военную службу и знал превосходно военные науки. Заметив в питомце своем страсть к военному званию, он сам преподавал ему все науки, входящие в круг военного образования. По быстрым успехам во всех науках и по самостоятельности характера князь Александр Иванович на шестнадцатом году возраста уже вступил в свет и был отлично принимаем во всех московских обществах высшего круга. Во время коронации императора Александра государь благоволил почтить

своим присутствием бал, данный князем Александром Борисовичем Куракиным. На этом бале был и князь А.И.Чернышев. Необыкновенная ловкость, счастливая открытая физиономия и красота юноши обратили на него внимание монарха, который соблаговолил вступить с ним в разговор в экосезе и остался доволен его присутствием ума и знанием приличий. Тогдашний президент Военной коллегии Ламп, одолженный некогда родителем князя Александра Ивановича, просил государя о принятии его в службу. Ему предлагали камер-юнкерство, доставлявшее тогда прямо чин 5-го класса, но князь Александр Иванович хотел непременно служить в рядах русских воинов. Нельзя было поступить в офицеры гвардии, и потому князь Александр Иванович принят прямо в камер-пажи. Это первый и единственный тогда пример!

В 1802 году 20-го сентября князь Александр Иванович произведен в корнеты в Кавалергардский полк шестнадцати лет от роду (он родился в декабре 1786 года). В 1804 году 29-го сентября произведен в поручики, а в 1805 году восемнадцати лет от роду поступил в адъютанты к генералу Уварову, шефу Кавалергардского полка, пользовавшемуся особенною милостью государя императора. В этом звании князь Александр Иванович выступил в поход с гвардией в 1805 году в так называемую Аустерлицкую кампанию. На поле векового сражения он нашел свое счастье! Князя Александра Ивановича послали к государю в пылу сражения с донесением о действиях нашего правого фланга. Государя нашел

он под неприятельскими выстрелами возле колонны генерала Милорадовича, полуразбитой и едва удерживавшейся на позиции. При государе императоре не было ни одного человека из его адъютантов и свиты, и его величество обрадовался появлению князя Александра Ивановича, велел остаться при своей особе, и посылал несколько раз с приказаниями в разные места. Приятно было государю, что князь Александр Иванович, исполнив поручение, всегда возвращался к нему, и извещал о происходившем на поле битвы.

После несчастного и кровопролитного сражения государь император прибыл около полуночи в селение Годьежиц. С трудом, как говорит правдивый историк кампании 1805 года, генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский, нашли комнату для государя, потому что в домах толпились наши раненые, мародеры и обозные. Из всей свиты государевой при нем были только лейб-медик Виллие, берейтор Иене и фельдъегер Прошницкий¹⁵². Разговаривая с восемнадцатилетним поручиком о событиях того достопамятного дня и коснувшись даже предварительных распоряжений, государь удивился необыкновенным военным познаниям молодого офицера, его дальновидности и основательности суждений, и с этих пор государь обратил особенное внимание на князя Александра Ивановича Чернышева. – «Сослужи мне сегодня последнюю службу: отыщи Кутузова», – сказал госу-

¹⁵² См. описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, Соч. Г.Л.Михайловского-Данилевского.

дарь Александру Ивановичу¹⁵³, и он пустился в темную ноябрьскую ночь между толпами отступавших солдат отыскивать Кутузова, и нашел его. После этого князь Чернышев возвратился к своему шефу, генералу Уварову. При раздаче наград сам государь назначил ему Владимира 4-й степени с бантом, орден, в то время редко даваемый поручикам; но что было выше всего, это милость государева, которую его величество явно оказывал князю Александру Ивановичу Чернышеву.

В 1806 году 1-го ноября князь Чернышев произведен в штаб-ротмистры, и в этом чине и в том же звании адъютанта при генерале Уварове выступил в Прусскую кампанию. Здесь снова счастье дало ему случай к блистательному отличию. Когда наша армия, сбитая с поля сражения под Фридландом, должна была перейти по другую сторону реки Алле, последняя колонна и вся наша кавалерия правого фланга уже не застали мостов, которые были сожжены. Послали офицеров в разные стороны отыскивать броды, и первый из них найден князем Александром Ивановичем Чернышевым; по этому броду и перешла тяжелая кавалерия. За этот подвиг он награжден Георгиевским крестом и обласкан государем, который поручил ему в начале Тильзитских переговоров почетную обязанность эскортировать с отрядом казаков королеву прусскую во время приезда ее величества в Тильзит.

Когда граф П.А.Толстой назначен был послом в Париж,

¹⁵³ См. там же.

князь А.И.Чернышев был в числе молодых офицеров, долженствовавших составлять посольскую свиту, но государь оставил его, избрав для дружеских сношений с Наполеоном, выходявших из круга официальной дипломатии. Большой чести не мог никто достигнуть в чине и в летах князя А.И.Чернышева! Едва наше посольство успело прибыть в Париж, он был отправлен государем с письмом к Наполеону, и представлен ему нашим послом, графом П.А.Толстым. Наполеон был чрезвычайно разговорчив, когда бывал в хорошем расположении духа, и в этот день заговорил о действиях корпуса Нея в Прусскую кампанию. Спрошенный по сему предмету Наполеоном, князь А.И.Чернышев изложил свое мнение, которое чрезвычайно понравилось Наполеону, и он с этой поры оказывал ему особенную благосклонность, а в ответ государю на письмо упомянул с похвалою о князе А.И.Чернышеве. Он пробыл в Париже только одиннадцать дней, и в это время генерал Савари показал ему по велению Наполеона все военные заведения столицы Франции. Князь А.И.Чернышев был один из первых красавцев своего времени, отличался всегда необыкновенною ловкостью и любезностью в обхождении, и зная французский язык, как свой природный, сделал большое впечатление в тогдашнем высшем парижском обществе и при дворе Наполеона. С этих пор князю А.И.Чернышеву в Париже не было другого имени, как: *le beau rasse*.

Отправленный в другой раз с собственноручным письмом

государя императора к Наполеону, князь Александр Иванович Чернышев не нашел его в Париже, и отправился к нему в Байонну. Наполеон жил поблизости города, в замке Марак (Магас), сделавшемся историческим местом после байоннских событий. Князь А.И.Чернышев был принят Наполеоном чрезвычайно милостиво, как старый знакомец. В ожидании депешей провел он четверо суток в маракском замке, и однажды удостоился чести быть приглашенным к столу Наполеона, чести, которую должно отнести к особенному личному уважению, оказываемому Наполеоном князю Александру Ивановичу, потому что к столу Наполеона не приглашались даже и иностранные послы. Дела велись в тайне, но князь А.И.Чернышев, одаренный необыкновенным умом и проницательностью, отгадал по предпринимаемым предосторожностям относительно членов испанской королевской фамилии будущую их судьбу. Возвратясь в Петербург, князь А.И.Чернышев сообщил догадки свои государю-императору, и предсказал падение Бурбонов испанской линии.

При открывшейся войне Наполеона с Австрией" в 1809 году князь А.И.Чернышев был снова послан с письмом к Наполеону, и находился при нем во время бомбардирования Вены, в знаменитых сражениях при Асперне и при Ваграме, и за неустрашимость получил Золотой крест Почетного легиона, который вручил ему лично Наполеон. В 1809 году 6-го июня князь Чернышев получил звание флигель-адъютанта; в том же году 9-го октября произведен в ротмист-

ры, в 1810-м в полковники, и в этом же году послан в Париж с тайным поручением, чтоб узнать подлинные намерения Наполеона насчет России и для собрания сведений, какие силы может употребить он в войне, к которой явно готовилась Франция. Известно, что князь А.И.Чернышев исполнил успешно эти важные поручения. Находясь беспрестанно в высшем парижском кругу и принятый отлично в семействе Наполеона, князь А.И.Чернышев был покровительствуем всеми дамами двора и высшего общества, был, как говорится, в моде и умел пользоваться своим счастливым положением для исполнения поручений. Принужденный жить в свете, он работал, когда все покоились, и составил в это время план, как вести войну с Наполеоном, если он устремится в Россию. Этот план был одобрен и послужил основанием при соображении оборонительной войны в 1812 году. – О дальнейших блистательных подвигах князя А.И.Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах и далее буду говорить в своем месте, когда дойдет до них очередь по хронологическому порядку.

Нет сомнения, что немногим людям счастье так благоприятствовало, как князю А.И.Чернышеву. Этим упрекали князя Чернышева! Когда и Суворова стали упрекать счастьем, он сказал: "Сегодня счастье, завтра счастье, послезавтра счастье... помилуй Бог, да ведь надобно же сколько-нибудь и ума!" Правда, счастье приблизило князя АИ.Чернышева к государю под Аустерлицем, но если б он не имел существен-

ных достоинств, то не приобрел бы доверенности государя, и не был бы отличен Наполеоном, великим знатоком в распознавании людей! Даже чужеземная клевета не могла помрачить заслуг и достоинств князя А.И. Чернышева, а кто знает его близко, тот не только чтит его, но и любит, как человека правдивого, любителя просвещения, нежного отца семейства, правосудного ценителя заслуги и таланта. Высказал я то, что было у меня на душе, и что совершенно справедливо. Если б я думал иначе, то как человек независимый, не ищущий и не желающий ничего в свете – я бы молчал!

Европа ужаснулась, узнав о развязке, байоннской драмы. При лишении Бурбонов неаполитанского престола был какой-нибудь предлог, тесный союз их с англичанами, объявление войны Франции и т. п. Но испанская династия, со времени последней революционной войны предалась совершенно Франции, и принесла ей величайшие жертвы. Какое же право имел Наполеон без объявления войны занять Испанию и завладеть древним ее престолом, заманив, так сказать, в засаду всю королевскую фамилию? Все владетельные особы второстепенных государств испугались этого самоуправства и столь наглого попрания народного права – и эта формула Наполеона: *La maison de Bourbon (или de Bragance) a cessee de regner* – страшно звенела у всех в ушах. Ужели престолы будут раздаваться и сниматься *приказами* по воле диктатора? Все частные благомыслящие люди в Европе вознегодовали на измену. Если б Наполеон войною покорил Испанию

и лишил престола враждебную фамилию, тогда бы он нашел еще защитников; но в этом случае и приверженцы его должны были молчать, тем более что общее мнение всегда склоняется в пользу угнетенных, и что оно обслуживает политические дела как частные, взвешивает правду на весах здравого рассудка, и отвергает все умствования, противные честности и справедливости. Победа Наполеона, сильные контрибуции и тягость военных постоев и без того раздражали умы против завоевателя, и народы рады были найти в нем черную сторону, которая, напротив, казалась светлее солнца его приверженцам.

Еще новый король Иосиф не ступил ногою в Испанию, а уже вся она объята была пламенем возмущения против его власти. Кроме двух испанских корпусов, находившихся вне Испании (корпуса генерала Офарильи и маркиза де ла Романы), внутри государства было еще до 60 000 регулярного войска, которое восставший народ принудил присоединиться к нему, умерщвляя офицеров, сопротивлявшихся его воле. Началась жестокая борьба. Португалия также возмутилась против французов, требовавших 100 000 франков контрибуции, и в это самое время до 40 000 англичан с сильною артиллериею под начальством генерала Веллингтона сделали высадку в Португалию для содействия народному восстанию на всем полуострове.

Французская армия в Испании в это время состояла из 95 000 человек, и разделена была на четыре корпуса. В Порту-

галии было до 24 000 человек. Во французской армии, находившейся в Испании, было не более 20 000 надежных солдат. Остальные были рекруты, необученные, не привыкшие к военным трудностям. В армии было 6 батальонов поляков Надвислянского легиона, 8 полков итальянских и три полка швейцарских. Это были лучшие солдаты вместе с частью старой гвардии. Можно смело сказать, что никогда не было такого дурного войска, как французская армия в Испании и Португалии при *первом* вторжении в 1807 и 1808 годах. Способности главнокомандовавших вовсе не соответствовали их высокому назначению и притом в таких трудных обстоятельствах, когда надлежало завоевывать и управлять страной, умирять непокорных и успокаивать умы. — Мюрат был отличный кавалерист, рубака, отчаянный наездник, превосходный для блистательной кавалерийской атаки, но вовсе неспособный начальствовать армией. Маршал Жюно был храбрый воин, превосходный дивизионный командир под начальством Наполеона, которому он был предан всей душою, но без военных способностей, и притом колеблющегося характера, иногда слишком отчаянный и твердый, иногда вовсе нерешительный. Французские войска должны были действовать в Испании отдельно корпусами и отрядами, весьма часто не имевшими с собою никакого сообщения в стране, которой местоположение было не известно начальникам, среди возмущенного народа. Маршал Бессьер, командовавший лучшим корпусом, в котором была гвар-

дия, разбив испанского генерала Куэсту под Рио-Секко, ввел торжественно короля Иосифа в Мадриде, но это не укрепило его власти. В то же время генерал Дюпон, зашел в горы Сьерра-Морены и будучи окружен со всех сторон неприятелем, должен был сдаться со всем своим орпусом в 28 000 человек, положив оружие при Байлене. Это событие, неслыханное во французской армии, возбудило новый жар в испанцах, и обрадовало всех врагов Наполеона во всей Европе. – Маршал Жюно также не мог устоять против англичан и португальских инсургентов, и после упорного сражения при Вимиере, где французы дрались превосходно, он, отрезанный от всех своих сообщений, не надеясь получить никакой помощи, заключил знаменитую конвенцию при Синтре, по которой англичане обязались перевести на своих судах весь французский корпус с оружием во Францию. – В Таге находился в это время русский флот под начальством адмирала Сенявина, пришедший из Средиземного моря. Сенявин, видя невозможность сопротивляться англичанам, сдал им корабль с условием, чтоб они перевезли людей в Россию. Корабли эти были потом возвращены России, но полусгнившие. Почти в то же время маркиз де ла Романа с 10 000 из своего корпуса успел уйти из Дании на английских кораблях, и прибыв в Испанию, подкрепил инсургентов столько же личными своими достоинствами, как и отличными солдатами. Неудачи быстро следовали одна за другою со времени плена Фердинанда, который во всей Испании был провоз-

глашен торжественно королем, а новый король, Иосиф, под защитою французского войска должен был удалиться из столицы и поселиться в Бургосе в 30-ти милях от французской границы. Словом; в начале сентября дела Наполеона на Пиренейском полуострове находились в самом дурном положении. Англичане были в восторге, что Наполеон открыл им самое выгодное для них поприще на твердой земле для борьбы с ним, и употребляли всевозможные средства к вооружению испанского народа, к внушению ему ненависти к Наполеону и к французам, к возбуждению мести и жажды французской крови. В Испании не было денег; арсеналы были пусты, и английское золото полилось туда рекою: на всем берегу выгружали оружие, и все военные потребности для испанской армии и инсургентов¹⁵⁴. Нет никакого сомнения, что без этой помощи испанцы не могли бы долго противостоять французам, и возмущение утихло б по недостатку средств. Но в Испании воевала Англия, а испанцы были только ее

¹⁵⁴ Чтоб дать понятие читателям, как сильно Англия помогала Испании, прилагаю список вещей, доставленных Англиею в Испанию от мая до конца 1808 года. Деньгами 76 000 000 франков, пушек 98, пушечных зарядов с ядрами 31 000, единорогов 38, зарядов к ним 7200, каронад 80, зарядов каронадных 40 000, ружей 200 177, штуцеров 220, сабель 61 300, пик 79 000, ружейных патронов 23 477 000, пуль 600 000, бочек пороха 15 400, полной одежды для пехоты 39 000, палаток 40 000, военных повозок 10 000 оков (мера около полутора аршина); холста 113 000, сукна 125 000, бумажных тканей 82 000, кусков сукна 4000, кусков стамеда 6400, готовых шинелей 50 000, готового платья 92 000 пар, рубах 35 000, ситца кусков 22 000, башмаков 82 000 пар, подошв 15 000, малых аптечных ящичков 50 000, ранцев 34 000, шляп и шапок 16 000, подкладочной ткани кусков 760.

орудию к сокрушению могущества Наполеона до сих пор непобедимого. Наконец, открылось уязвимое место в этом несокрушимом колоссе – пята Ахиллесова!

Но не одно самоуправство Наполеона в Испании беспокоило народы и их государей. После Тильзитского мира, Наполеон, не опасаясь сопротивления, начал межевать Европу по своему произволу, без оглядки на трактаты и на народное право. 22-го декабря 1807 года присоединены к Франции города Кель (Kell), Везель, Кастель при Майнце и Флиссинген в Голландии, с их округами. 2-го февраля 1808 года занят Рим французами, и в тот же день издан декрет, которым присоединена к Французской империи Северная Италия, примыкающая к Альпам и разделенная на департаменты под названием Заальпийских; 27-го февраля занята Остфризия с прилежащими к ней графствами, на имя Людовика Бонапарта. 2-го апреля декретом Наполеона разделена Папская область, и четыре легатства (губернии) ее присоединены к Итальянскому королевству; 5-го мая княжество Мюнстер, графства Марк, Линген и Текленбург отданы Мюрату, и вошли в состав созданного для него герцогства Бергского, которое после назначения Мюрата в неаполитанские короли поступило в собственность Наполеона. Кроме того, множество казенных поместьев во всей Германии объявлены собственностью Наполеона, из которых он составил аренды (dotations) для своих генералов и государственных людей, учредив сверх того в сердце Германии Вестфальское коро-

левство для брата своего, Иеронима. – В значительнейших прусских крепостях стояли французы, и Пруссия управлялась в финансовом отношении французскими чиновниками, под главным начальством гоф-интенданта (Intendant de la liste civile) Дарю до уплаты Пруссией военной контрибуции. Вольные приморские города Германии и все ее порты были заняты французами, и берега обставлены французскими таможенными стражами для приведения в исполнение ненавистной континентальной системы. Французская полиция действовала во всей Германии, и держала умы в оковах. Исключая нескольких преданных Наполеону лиц, вся Германия пылала к нему ненавистью и желанием освободиться от чужеземного ига. Пример Испании разбудил Германию. Все взоры устремлены были на Испанию, все сердца желали ей успеха, все с нетерпением ожидала известий из Испании, и эти известия англичане доставляли контрабандой в Германию вместе со своими товарами.

Австрия, вспоможествуемая Англией, начинала вооружаться, учреждала милицию во всех областях, комплектовала армию и приводила крепости в оборонительное положение, уверяя Наполеона, что происшествия на Востоке, т. е. в Турции, требуют с ее стороны предосторожностей, а между тем во всей Германии, особенно в Пруссии, пламенные патриоты воспаляли умы, и приготавливали народ к восстанию.

Вся Испания вооружилась на возглас: *отечество и Фер-*

динанд, но Германия не могла восстать иначе, как духом, при священных словах «Тевтония» и «Германия», произнесенных знаменитым Коцебу, который своим журналом «Der Freimuthige» сосредоточивал умы и давал им направление. Профессор Грейфевальдского университета (в Померании) Арндт своею сатирой «*Aust с детьми*», устремленную против Наполеона и Рейнского союза, возбудил во всех сословиях ненависть к Наполеону, а своею книгой «*Дух времени*», привлек и высокие умы к размышлению о постыдной участи Германии, покорной чужеземному завоевателю. Наконец прусский министр Штейн и австрийский стадион основали тайное политическое общество «Tugendbund» (добродетельный союз), цель которого состояла в стремлении к освобождению Германии от чужеземного ига. Все государи Германии тайно покровительствовали этому союзу, к которому пристали лучшие офицеры прусской армии, и между прочими – знаменитый Блюхер, Гнейзенау, Шиль, профессора и студенты всех университетов, все дворянство и все образованные граждане. Оппозиция была многочисленная, но бессильная против могущества Наполеона. Я вообще не верю, чтоб тайные общества могли когда-либо быть полезными государству и произвести что-либо порядочное и основательное. Примеры перед глазами. «Tugendbund» только ставил в затруднительное положение слабые правительства перед Наполеоном, доставляя членам союза детское наслаждение бранить за глаза Наполеона и его приверженцев, распевать

патриотические песни, и если при вступлении русских войск в Германию в 1813 году доставил несколько тысяч воинов для союзных армий, то это еще не великая услуга: и без «Тугендбунда» молодые люди в Германии взяли бы за оружие по призыванию государей. Общество карбонариев в Италии, стремясь к ее освобождению, наделало множество зла, и не оставило никаких следов добра. Умные и степенные люди между врагами Наполеона были убеждены, что без России невозможно восстать Германии в тогдашнем ее положении и взоры всех были устремлены на императора Александра, все сердца обращены были к нему. И для Наполеона страшен был только император Александр с его верною, преданною Россиею и храбрым войском, о котором сам Наполеон сказал, что это войско можно истребить, но не победить.

При этих обстоятельствах Эрфуртский конгресс был весьма важен для всего образованного мира. Наполеон хотел видаться только с императором Александром, и потому не приглашал формально других европейских союзных государей. Император австрийский и король прусский не приехали сами, но послали своих министров. Императору Александру надобно было приехать в Германию, чтоб лично убедиться во всем, о чем его извещали, и удостовериться в окончательных намерениях Наполеона. Прибыли в Эрфурт как вассалы Наполеона короли: саксонский, виртембергский, баварский и вестфальский, двадцать семь герцогов и князей Рейнского союза с супругами и до пятидесяти первых европейских

вельмож. С императором Александром приехал его императорское величество цесаревич, и в свите его несколько генералов и флигель-адъютантов.

Для дипломатических дел находился при государе граф Н.П.Румянцев с канцеляриею Министерства иностранных дел и М.М.Сперанский по делам внутреннего управления. В звании статс-секретаря был при государе князь Александр Николаевич Голицын. Из Парижа прибыл посол наш граф П.А.Толстой, с советником посольства графом К.В.Нессельраде. Кроме того, явились в Эрфурт некоторые из русских посланников при германских дворах, советники, секретари посольств и русские дипломатические консулы для сообщения сведений, которые от них требовались. В свите Наполеона кроме его адъютантов и придворных были: маршал Бертье, маршал Дюрок, Тальран, в звании великого камергера (*grand chambellan*), министр статс-секретарь Маре, министр иностранных дел Шампаньи, генералы: Савари и Лористон. Из французских войск в Эрфурте находился лучший корпус пехоты, гренадеры старой гвардии, полк гусарский и лучший полк кирасирский.

Из Парижа прибыла труппа актеров первого Парижского театра (*theatre Francais*) с Тальмой, г-жами Жорж, Дюшенуа, Бургоэнь, Марс и множеством прекрасных танцовщиц и актрис. Из Тюльерийского дворца привезли мебель, гобеленовые обои, драгоценную посуду. Наполеон хотел угостить по-царски своих гостей.

Маршал Ланн, Ахиллес французской армии, выслан был для встречи императора Александра на берега Немана. Под Веймаром на большой дороге всадник остановил экипаж императора Александра: это был Наполеон, выехавший встретить своего гостя, и оба императора вместе выехали в Эрфурт при многочисленном стечении народа.

Вот дела, решенные на Эрфуртском конгрессе в отношении к *Турции*. России нужна была граница по Дунаю, и она объявила большие притязания, которые Наполеон сперва оспаривал, но наконец согласился на занятие русскими Молдавии и Валахии. В отношении к *Швеции* Наполеон предлагал разделить это государство между Россиею и Данией таким образом, чтобы границу между Россией и Данией составляла река Мотала. – Император Александр это отвергнул, и объявил, что берет только необходимую ему Финляндию. В отношении к *Польше* Наполеон обязался *никогда* не восстанавливать ее в прежнем виде, и даже герцогству Варшавскому не давать самостоятельного бытия, но подчинить его королям саксонским. В отношении к *Испании*, *Неаполю* и *Этрурии*, император Александр одобрял все, сделанное Наполеоном. В отношении к *Австрии*, император Александр обязался выставить 50 000 вспомогательного войска, если Австрия объявит войну Наполеону без согласия России. В отношении к *Пруссии*, император Александр убедил Наполеона вывести войско из этого государства и устранить всякое вмешательство французских чиновников в управле-

нию государством. Наполеон, соглашаясь на желание государя, настоял, однако ж на том, чтоб удержать три прусские крепости до уплаты контрибуции и чтоб Пруссия содержала не более 40 000 войска. Были попытки со стороны Наполеона насчет родственного союза с Российским двором, потому что со времени принятия императорского титула он уже намеревался развестись с Жозефиною. Это дело устранено под благовидным предлогом, что в семейных делах должна решать вдовствующая императрица.

Наполеон откровенно объявил императору Александру, что в Европе должны быть две системы: *северная* и *западная*. Север должен принадлежать императору Александру, а Запад – Наполеону. Между двумя системами, посредничающими державами должны были быть Пруссия и Австрия до тех пор, пока они добровольно не пристанут к той или другой системе. Это было почти то же, что Западная и Восточная империи в средние века, т. е. две власти для целого мира. Мысль была великая, но время и люди были не те, что в средние века! Тальран был прав, сказав, что Наполеон при всей своей гениальности был всегда поэтом в политике.

Не стану описывать царских забав на Эрфуртском конгрессе. Михаил Михайлович Сперанский рассказывал мне много подробностей, весьма занимательных, но уже отчасти описанных. Скажу только то, что лично касается до этого незабвенного для России мужа. Однажды прогуливаясь пешком в зимнее время по Петербургу, я встретил М.М.Спе-

ранского возле сената. Это было в пятницу, а он тогда каждую неделю обедал в этот день на Васильевском острове у известного всем отставного корнета Яковлева. Я вызвался сопутствовать Михаилу Михайловичу, и как было еще часа полтора до обеда, то мы пошли бродить по Васильевскому острову. Покойный Михаил Михайлович (тогда он еще не был графом) был ко мне чрезвычайно милостив, и его правосудию и личному заступлению обязан я тем, что мои родственники выиграла долголетний и запутанный процесс, в котором я принимал участие и по чувствам, и по материальным выгодам. Бывший его доверенным лицом и секретарем, находившийся при нем почти безотлучно в течение двадцати двух лет К...ма Г...ч Р...кий (ныне действительный статский советник) засвидетельствует¹⁵⁵, какое участие принимал во мне покойный граф Сперанский, и как был ко мне милостив и снисходителен. Я всегда говорил с ним откровенно о делах и лицах, говорил, что думал. Во время прогулки, мы встретили купца, который с необыкновенною радостью бросился к М.М.Сперанскому и поцеловал его руку, промолвив: «Отец и благодетель наш!» – «Это мой си-

¹⁵⁵ Ссылаюсь на этого почтенного человека потому, что непримиримые и ожесточенные литературные враги мои, употребляя все средства к унижению меня в глазах публики, печатали, будто я *хвастаю(!)* связями с *умершими!!!* Я уже отвечал на это в предисловии к 1-й части моих Воспоминаний, и потому не повторяю теперь моего опровержения на *подобные обвинения*; но для улики моих врагов буду или ссылаться на живых людей, или прилагать документы. Злоба ослепляет! Ужели враги мои хотят, чтоб я рассказывал анекдоты о *живых людях* и говорил о моих к ним отношениях? Бессмыслие – и только!

бирский знакомец», – сказал Сперанский. Тут речь зашла о Сибири, и наконец о причинах постигшего его несчастья. М.М.Сперанский сказал мне: "Несчастье мое начинается с Эрфурта. Наполеон был чрезвычайно ласков со мною и часто обращался ко мне с вопросами. Однажды после обеда, когда государь-император изволил разговаривать с королем саксонским, Наполеон подвел меня к окну и спросил, каким образом можно было устроить сосредоточение всех дел (централизацию) в такой обширной империи.

В коротких словах я объяснил ему нашу систему управления и растолковал превосходное учреждение о губерниях императрицы Екатерины II. А как я тогда уже занимался проектом нового государственного учреждения, то все существующее у нас, изученное мною, было у меня в свежей памяти. Наполеон был очень доволен моим объяснением, и подведя меня к государю императору, сказал в шутку: "Не угодно ли вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство?" Это была шутка, но она перешла в Россию к моим недоброжелателям и послужила им орудием против меня. Это я знаю наверное".

Кажется, мудрено было из этой шутки составить что-нибудь: но зависть из паутины вьет канаты! Это я испытал на себе.

Другой анекдот хотя известен, но я не могу умолчать о нем, потому что он мне всегда приходит на ум, когда я вспоминаю о Наполеоне. За большим обедом в Эрфурте, на ко-

тором присутствовали все владетельные особы, зашла речь о знаменитой *золотой булле*, незабвенном памятнике средних веков. Хотели знать настоящее время, год и число этого акта, и князь Примас привел их неверно. Наполеон поправил ошибку, и сказал точно год и число издания буллы. Все стали изъявлять удивление, что Наполеон среди столь важных занятий помнит числа, превозносили всеобъемлющий его гений, а он прехладнокровно сказал: «*Когда я был подпоручиком....*» Все изумились, замолчали и не смели поднять глаз. Наполеон, заметив это, нарочно повторил фразу, но уже с изменением: "*Когда я имел честь быть подпоручиком*, и стоял в Гренобле, я жил возле книжной лавки, и прочел несколько раз все книги, которые в ней были, а потому и неудивительно, что, имея хорошую память, я помню числа".

Этот человек, который *имел честь быть подпоручиком*, и потом подчинил своей власти народ, сокрушивший законный престол, и наконец раздавал по своей воле престолы, без сомнения, был великий муж, что ни говорили бы о нем его неприятели!

Если б меня в то время спросили, что я думаю о байоннских событиях, я отвечал бы знаменитой фразою Тальрана, произнесенною им после казни герцога Ангенского: *C'etait plus qu' un crime, c'etait une faute* (Т.е. это было более нежели преступление: это была ошибка)! Испания была бы гораздо полезнее Наполеону, если б он удержал на престоле покорную ему династию, и ласкал самолюбие народа, а не

раздражал его. Не будучи Наполеоном, можно было предвидеть, что при первом восстании народа в Испании англичане бросятся туда со всеми своими средствами, потому что они до того времени везде искали точки опоры на твердой земле для борьбы с Наполеоном. В Неаполе им не удалось; в Швеции они не нашли участия в народе к видам короля, напротив, склонность к союзу с Наполеоном, и потому оставили и Неаполь и Швецию; в Испании же они нашли именно то, что им было надобно. Что касается до присвоения других стран Наполеоном, раздела их в противность трактатам, то на это ответ во всемирной истории! От Сезостриза до Наполеона – все сильные пользовались случаем к распространению своих владений и увеличению могущества. Трактаты и народное право тогда тверды, когда ограждены штыками и пушками. Не говорю, что Наполеон был прав, заставляя немцев, голландцев и итальянцев быть французами против их воли. Это почти то же, что желать кошку превратить в собаку, и наоборот! Вероятно, он надеялся, что время сделает везде то же, что сделано в Алзаци: но и тут видна *поэзия* Наполеона в политике. Когда к Франции присоединена была Алзация, она была на низшей степени образованности и не имела никакого понятия о народности, не имела своей истории. Во время Наполеона Европа была уже не та, что при Людовике XIV. Гениальный *подпоручик* помнил числа: но, может быть, мало обращал внимания на общий дух истории, доказывающей математически, что одинаковые при-

чины производят всегда одинаковые последствия и что дух времени дает всему направление. Не распространяюсь. Император Александр все видел, все знал, все постигал, но в это время он не мог ничего предпринять. Надлежало следовать выжидательной системе. Быть может, и полученное им в Эрфурте донесение Комитета министров о заключении перемирия в Финляндии, и рапорт графа Буксгевдена о трудностях войны имели влияние на его уступчивость. В Европе не знали о трудностях войны в Финляндии, и даже не обращали на эту войну внимания, почитая Финляндию уже завоеванной и дело конченным, между тем как война была в самом разгаре. Во всей Европе не было тогда прочного мира, а только перемирие; общая война могла вспыхнуть с каждым днем, и тогда англичане поддержали бы шведов. Надлежало торопиться покорением Финляндии. Государь, одоббив решение Комитета министров, возвратился к первой своей мысли: изгнав шведов из Финляндии, принудить шведского короля к миру перенесением войны в самую Швецию. Графу Буксгевдену уже нельзя было ничем отговариваться, и он должен был начать немедленно военные действия наступательно. Такова была воля государя.

ГЛАВА III

Граф Буксгевден просит увольнения от звания главнокомандующего. – Положение обеих армий перед началом военных действий. – Граф Клингспор сдает начальство генералу Клеркеру. – Наступательные действия русских войск. – Неудача генерала Тучкова I при штурме Индесальмских дефилей. – Смерть князя Петра Петровича Долгорукова и его характеристика. – Граф Каменский идет вперед. – Знаменитый обход графа Каменского при Калаиоки. – Ночное нападение Сандельса на лагерь генерала Тучкова I. – Барон Матвей Иванович фон-дер-Пален (ныне генерал от инфантерии, а тогда ротмистр), спасает наш авангард от истребления. – Новый блистательный подвиг Лейб-егерского батальона. – Переход графа Каменского через реку Пигаиоки. – Новая конвенция со шведами при Олькиоки, по которой генерал Клеркер уступает русским всю Финляндию до Торнео. – Перечень трудов и подвигов корпуса графа Каменского. – Отъезд графа Каменского в Петербург и прощание его с подчиненными. – Перечень моих воспоминаний о перенесенных трудах и нуждах в этом походе. – Отравление. – Соединение с корпусом генерала Тучкова I в Лиминго. – Известие о смерти Лопатинского. – Вступление в Улеаборг. – Приятная жизнь в этом городе, после военных трудов. – Военные анекдоты. – Воспоминание о храбром Голешеве. – Смерть

Вильбоа и Штакельберга. – Весъ-гом. – Благородное обхождение с пленными в обеих армиях. – Две ужасные сцены, которых я был свидетелем. – Капитан Фукс и его саволакские драгуны. – Возвратный поход в Петербург. – Опасность, которой я подвергался в Нейшлоте. – Характеристика графа Ф.И.Т...го, прозванного Американцем. – Несчастливая дуэль и смерть А...ра И...ча Н...на. – Наше торжественное вступление в Петербург. – Результаты кампании 1808 года.

Граф Буксгевден не изменил, однако ж, своему неуступчивому характеру. Получив повеление разорвать перемирие, он подал прошение об увольнении его от звания главнокомандующего, а между тем приказал начать военные действия в исполнение высочайшей воли и вопреки своей.

Во время перемирия граф Клингспор, получивший чин фельдмаршала за поверхность, одержанную над слабым отрядом Тучкова, а потом Раевского, возвратился в Стокгольм, сдав начальство над войском генералу Клеркеру, также престарелому теоретику. Граф Клингспор намеревался убедить короля к заключению мира, представив ему невозможность удержать Финляндию. Хотя в конвенции о перемирии и положено было, чтоб в обеих армиях не передвигать войск, но обе стороны не соблюдали этого условия. К генералу Клеркеру пришло до 3000 человек подкрепления, и он поддержал Сандельса, стоявшего в крепкой позиции у Индесальми. Из нашего корпуса (графа Каменского) пошли на подкреп-

ление Тучкову в Куопио 3-й Егерский полк, Азовский мушкетерский и батальон Низовского мушкетерского полка. К Тучкову же посланы батальоны Преображенского и Измайловского полков, пришедшие из Петербурга с графом Строгановым. К корпусу графа Каменского примкнула бригада генерала Тучкова 3-го, состоявшая из Бресткого и Вильманstrandского мушкетерских полков. На берегу в тылу корпуса графа Каменского расставили полки: Тульский – в Ньюкарлеби, Половецкий – в Вазе, Рязанский – в Христиненштадте. Эти полки, отданные под начальство князя Д.В.Голицына, должны были в крайнем случае составлять резерв графа Каменского.

Граф Буксгевден старался по возможности заpastись продовольствием: повсюду были разсланы комиссионеры покупать у жителей, что только можно было достать, а между тем сильные команды фуражировали на большом расстоянии, забирая насильно, что можно было взять: скот, хлеб, вино и даже огородные овощи, и выдавая расписки, по которым обещано уплачивать наличными деньгами. Но при этих усиленных средствах все же нельзя было собрать столько продовольствия, сколько было нужно, а огромные транспорты, высылаемые из Петербурга, не доходили к нам из-за распутицы. Однако ж, надлежало действовать, и граф Буксгевден обратился к прежнему своему плану, а именно: графу Каменскому приказал теснить графа Клеркера, как прежде теснил он графа Клингспора, а генералу Тучкову 1-му в соединении

с князем Долгоруковым, начальником Сердобольского отряда, принудить Сандельса отступить от Линдулакса для соединения с армией Клеркера, и потом действовать во фланге шведам, угрожая отрезать их от Улеборга.

У генерала Клеркера было под ружьем 9000 пехоты, 500 человек конницы и 37 орудий; у Сандельса кроме вооруженных мужиков до 4000 человек. Следовательно, русских было вдвое больше в Финляндии; но по невозможности прокормить войско нам нельзя было действовать сильными корпусами в одном месте, и притом опасно было оставить берега и внутренность обширного неприятельского края без войска. И потому корпус графа Каменского, назначенный действовать после перемирия, состоял только из 9000 пехоты, тысячи с небольшим конницы при 46 орудиях. У Тучкова 1-го против Сандельса было до 7000 (с новоприбывшими батальонами, Преображенским и Измайловским) до 900 конницы и 57 орудий. Кроме артиллерии, которой у нас было более, силы были почти равные с тою разницей, что нам надлежало брать приступом каждую неприятельскую позицию, укрепленную природой и искусством, и следовать вперед в стране, уже опустошенной самими шведами. В этом отношении шведы имели перед нами большое преимущество.

Генералу Тучкову 1-му приказано было начать военные действия прежде графа Каменского, чтоб принудить Сандельса к отступлению, и стать по крайней мере на одной линии с корпусом графа Каменского, обеспечивая таким обра-

зом правый его фланг. Генерал Тучков 1 атаковал 25-го октября Сандельса в дефилях при Индесальми. наших было числом более, но местоположение благоприятствовало шведам, а военные дарования Сандельса были важнее численной силы войска. Сандельс извлекал выгоды из малейшей ошибки неприятеля, и знал местность, умел ею пользоваться. Наши были отбиты с большою потерею. При штурме Индесальмских дефилей убито и пропало без вести в корпусе Тучкова 764 человека, и в том числе лишился жизни любимец государя, генерал-адъютант князь Петр Петрович Долгоруков.

Он воспитывался вместе с императором Александром, и с детства приобрел привязанность своего царственного со-воспитанника, любившего его, как брата. Князь Долгоруков своими редкими качествами умел стяжать особенное благоволение всего августейшего семейства. Получив основательное образование, он разделял все высокие идеи государя императора, и любя пламенно отечество и славу его, обожал государя, своего благодетеля, читая ежедневно в душе его любовь к России, которую он стремился возвысить просвещением и мудрыми постановлениями. При возвышенности чувств и доброты души князь Долгоруков очаровывал всех своею любезностью, игривостью ума и каким-то духом рыцарства. Говорили тогда и те, которые помнят прошлое время, верят и теперь, что государь предназначал князю Долгорукову жребий, до которого не возвышался ни один поддан-

ный в России со времени Петра Великого. Князь Долгоруков приобрел известность в новой истории Европы Аустерлицкою битвою. Все историки, описывающие это знаменитое сражение, должны упоминать о нем, потому что его настойчивости приписывают отвержение совета Кутузова не давать генерального сражения до полного соединения всех сил. Будучи выслан для последних переговоров с Наполеоном, князь Долгоруков оскорбил его самолюбие гордым ответом и обращением. Князь пламенно желал сражения по пылкости своего характера и по ненависти своей к Наполеону, которой он не умел или не хотел скрывать. Государь император, решившись следовать выжидательной системе в сношениях с Наполеоном и согласясь на свидание с ним, не мог взять с собою в Эрфурт князя Долгорукова, бывшего при нем всегда, безотлучно, и он выпросился в Финляндию. Замечательно, что, дав ему Сердобольский отряд, государь предоставил ему действовать по его благоусмотрению, не следуя ничьим предписаниям, и только извещать старших генералов и главнокомандующего о событиях. Через два дня после его смерти пришло высочайшее повеление о назначении его корпусным командиром на место генерала Тучкова 1.

Князь Долгоруков был прекрасный мужчина, ловкий во всех воинских упражнениях, храбрый до ослепления. Он командовал авангардом генерала Тучкова 1 при штурме укрепленной позиции в Индесальмских дефилеях. Когда 4-й Егерский полк, взяв сперва шведские шанцы, был опрокинут

штыками, а в отступлении увлек с собою Тенгинский и Навагинский мушкетерские полки, князь Долгоруков бросился вперед, чтоб остановить отступающих и повести их обратно на шведов. Уже на голос его отступавшие начали собираться и строиться, как неприятельское ядро поразило его в ту самую минуту, когда он хотел слезть с лошади и идти на шведскую батарею во главе собранных им солдат... Не только при дворе, но и в войске оплакивали его смерть. Ему было тогда тридцать лет от рождения, т. е. он одним годом был моложе государя императора.

Граф Буксгевден, получив донесение о неудачном Индесальмском деле и быв в то же время ложно извещен о высылке новой помощи Сандельсу генералом Клеркером, велел Тучкову оставаться в оборонительном положении, наблюдая Сандельса, а графу Каменскому приказал выступить вперед и *угрожать* Клеркеру нападением чтоб принудить его или к отступлению, или к возвращению отрядов, высланных на усиление Сандельса.

20-го октября граф Каменский выступил из Гамлекарлеби. Вместо того чтобы *стращать* генерала Клеркера по предписанию главнокомандующего, граф Каменский решился начать военные действия с прежнею энергиею, надеясь на своих воинов, мужество и любовь которых к себе он уже испытал. «Мы начали бить, мы и добьем!» – сказал граф Каменский авангарду, остановив его на походе. – «Рады стараться!» – отвечали солдаты. – «С вами в огонь и воду!» И точ-

но по его слову мы шли в огонь и в воду в настоящем значении этих слов!

Позиция при Химанго между озером и морем, за рекою и болотами, почиталась неприступной. Здесь устроены были батареи, правильнее сказать, сооружена настоящая крепость, защищавшая фронт позиции. Кроме того, неприятель имел здесь канонирские лодки, которыми мог бы делать диверсию и беспокоить наш левый фланг. Граф Каменский, не зная намерений неприятеля, приготовился к новому сражению, подобному Куртанскому и Оровайскому, или лучше сказать, к штурму позиции. 21-го октября посланы были от авангарда нашего разьезды для открытия неприятеля. К удивлению всех, разьезды сообщили известие, что шведы оставили свою укрепленную позицию при Химанго, и, сжегши пять мостов, остановились за рекою Калаиоки. Корпус графа Каменского двинулся вперед.

Оставив главные силы свои перед неприятелем, граф Каменский с отрядом генералов: Козачковского (в этом отряде был и наш эскадрон), Тучкова 3-го и Ушакова, пошел вправо в обход неприятельской позиции, пробираясь непроходимыми болотами, лесами и утесами. Большую части пути мы вели лошадей за поводья, а сами шли пешком. Иногда приходилось спускать лошадей с стременин, и вытаскивать из болота. Лошади чуть двигались, люди были утомлены до крайности, но шли без ропота за своим любимым начальником.

Пушки переносили на руках через утесы и топи. Граф Каменский шел впереди и подавал собою пример, припоминая переход через Альпийские горы с Суворовым и рассказывая о нем окружающим. Ручьи мы переходили вброд. Продолжая утомительный поход около полутора суток, граф Каменский, 27-го числа к полудню прибыл на предположенное место, преодолев величайшие трудности. Тотчас устроили две переправы через реку при Питкайсе и Рако, а между тем Кульнев приготавливал материалы для моста на большой дороге. Это смелое движение принудило неприятеля к отступлению, и 28-го числа в 5 часов вечера наши уже были в Калайоках, позиции, неуступающей Химангской.

При этом, так сказать, торжественном шествии впереди графа Каменского от Тучкова снова получено было неприятное известие. Граф Буксгевден, дав ему повеление действовать оборонительно, через четыре дня послал приказание начать наступательные действия в уверенности, что он уже получил подкрепление и продовольствие. Две недели стоял Тучков в бездействии при Индесальми, в 20-ти верстах от укреплений позиции, занимаемой Сандельсом, который получил от генерала Клеркера предписание идти поспешно к Улеборгу, чтоб поспеть туда прежде отрядов, посланных графом Каменским для отрезания ему ретирады и взятия запасов в Улеборге. Храбрый Сандельс прежде отступления вознамерился нанести удар Тучкову и захватить его авангард, стоявший в 5-ти верстах перед корпусом, рас-

положенным в землянках за проливом, соединяющим озера Иден-Ярви и Поровеси. Мост на проливе защищали 120-ть орудий. Фланги корпуса Тучкова примыкали к болотам и озерам. Позиция была неприступная, и только одна тропинка пролегла через топкое болото на наш правый фланг. По этой тропинке положены были мостики. Когда болото начало крепнуть от морозов, адъютант Тучкова I, барон Матвей Иванович фон-дер-Пален¹⁵⁶ узнал, что шведы делают рекогносцировки на нашем правом фланге, и предложил своему генералу поставить две роты пехоты в лесу, при входе в болото. Тучков согласился, хотя и был убежден, что это лишнее, потому что по донесению свитского офицера, высланного для осмотра болота, его нашли непроходимым для войска. Сандельс выслал партизан Мальма и Дункера по болоту с саволакскими стрелками, привыкшими к подобным дорогам, с тем, чтоб подкрасться к мосту, сжечь его, и отрезать нашему авангарду отступление к главному отряду, намереваясь в это время ударить на авангард. Партизаны вовсе не надеялись встретить русских при выходе из болота, но, наткнувшись на две наши роты, поставленные бароном Паленом, бросились на них, принудили к быстрому отступлению, вместе с ними вбежали в наш лагерь, и стали колоть солдат в землянках. Можно себе представить суматоху, какая про-

¹⁵⁶ Он был тогда ротмистром, а ныне генерал от кавалерии и член Государственного совета, бывший генерал-губернатор лифляндский, эстляндский и курляндский, оставивший после себя благословенную память в этих губерниях.

изошла в лагере от этого нечаянного нападения в темную осеннюю ночь! Офицеры и солдаты полуодетые выбегали из землянок, брались за оружие, но не знали, где и как строиться. Между тем шведские партизаны, произведя тревогу в лагере, бросились к мосту, чтоб зажечь его, а наши строились поротно и побатальонно. И тут-то присутствие духа и предусмотрительность барона Палена спасли отряд. Прежде всех изготовился к бою гвардейский Егерский батальон. Барон Пален, предвидя, какое может быть несчастье, если неприятель разрушит мост, соединяющий лагерь с авангардом, именем генерала Тучкова повел гвардейский Егерский батальон к мосту. Батальон ударил в штыки с тыла шведским партизанам, которые, видя, что им нет спасения, бросились в ряды гвардейских егеров, чтоб пробиться силою. Начался рукопашный бой, в котором шведские партизаны не могли устоять. Немногие спаслись бегством, пользуясь темнотою ночи. Один из самых отчаянных начальников партизан, Мальм, взят в плен, и 200 человек самых храбрых из его саволакцев пали на месте. Гвардейскому Егерскому батальону суждено было спасти Куопиоский корпус! находчивости и верному военному предположению барона Палена, и храбрости лейб-егерей принадлежит вся честь спасения авангарда от верного истребления. Сандельс после этой неудачи немедленно отступил к Улеборгу, слабо преследуемый генералом Тучковым, который находил на каждом шагу препятствия. Сандельс сжигая мосты и заваливая и без того дурные доро-

ги, ушел из вида нашего авангарда.

Генерал Клеркер также отступал перед графом Каменским, и также жег мосты, делал засеки и сражался на каждом переходе/Наши следовали за ним по пятам, вытесняя его из позиций обходами и быстрым натиском. Позднее время года, непроходимые дороги, недостаток в продовольствии изнуряли войско, которое, однако ж, весело переносило трудности и нужду. Граф Каменский умел в каждого перелить свой пламень и свою неутомимость.

Быстрая река Пигаиоки, одна из значительнейших в северной Финляндии, представляла шведам защиту от стремительного натиска графа Каменского. Но и здесь они ошиблись в расчете. 2-го ноября река покрылась легкой ледяной корою, и граф Каменский велел настлать солому по льду и положить доски. Наши солдаты бросились бегом по одиночке на этот живой мост: лед хрустел и дрожал под ногами, но солдаты шли смело и весело. Кавалерия прорубила лед, перегнала вплавь лошадей и перевезла седла на нескольких лодках. Вскоре отряд Козачковского, в котором был наш эскадрон, и отряд Ушакова появились в тылу неприятельского фланга и начали перестрелку. Шведы, удивленные этим неожиданным появлением русских, принуждены были оставить эту крепкую позицию. Быстрота движений, неутомимость в преследовании и настоятельность графа Каменского, изнулив шведов, привели их в уныние. Наступили жестокие морозы. Шведы не могли получать запасов морем, а

во внутренности земли, истощенной войною, и при быстром отступлении, невозможно было собрать достаточного количества продовольствия. Замерзание рек, озер и болот облегчило движение русских, и шведские укрепленные позиции потеряли свою силу. К довершению несчастий, болезни открылись в шведской армии, не привыкшей к военным трудам и к таким быстрым движениям. В этом отчаянном положении шведский генерал Клеркер, оставив город Брагештадт во власть русским, отступил от Пигаиоки к Сигаиоки, и послал снова повеление к генералу Сандельсу соединиться с ним при Улеборге. Таким образом победы графа Каменского, искусные движения и быстрый натиск в береговой части Финляндии были причиною очищения и той страны, где шведы имели преимущество над нашими войсками. 4-го ноября генерал Клеркер заключил перемирие на два дня для размена пленных и для отдыха войск, в чем нуждались и русские; шведский авангард отступил в Олькиоки.

В это время вдруг сделалась оттепель, ввергшая шведов в большую еще опасность, нежели морозы. Все, казалось, клонилось к их бедствию. Внезапно лед потрескался на быстрой реке Сигаиоки, и снес мост, по которому шведам надлежало отступить. Если бы граф Каменский напал в это время на шведов, то вся их армия была бы истреблена или принуждена сдаться. Но верный чести и данному слову, граф Каменский не нарушил перемирия и позволил шведам построить мост. Наконец генерал Клеркер, видя, что войско

его, утомленное быстрым преследованием графа Каменского, не в состоянии более противиться пылкой храбрости русских, собрал военный совет, на котором положено было войти в переговоры с графом Каменским. 23-го ноября заключено условие в Олькиоках, по которому шведы обязались очистить всю Финляндию, и занять зимние квартиры по берегам реки Торнео. Шведская главная квартира учреждена в городе сего имени, а русская в Улеборге. Можно смело сказать, что победы графа Каменского довели русских до предлогов обитаемого мира, потому что за Торнео лежит уже дикая Лапландия, примыкающая к Северному океану.

Таким образом кончилась кампания 1808 года, которой вся слава и все успехи принадлежат бесспорно графу Каменскому. До принятия им под начальство действующего корпуса дела наши, как было изложено в начале этого обзора, находились в самом неблагоприятном положении. С равными, а часто и с меньшими силами, без всякого вспомоществования в продовольствии граф Каменский одержал под личным своим предводительством две знаменитые победы, взяв штурмом укрепленные неприятельские позиции и сражаясь почти ежедневно, преследовал шведов с невероятною быстротою по местам непроходимым, через реки, болота, утесы, леса, часто оспаривая каждый шаг штыками. Все распоряжения принадлежат графу Каменскому, который составлял свои планы почти всегда на месте битвы, соображаясь с положением неприятеля. В сражениях граф Каменский

обыкновенно устремлялся в опаснейшие места, зная, что появление его одушевляло солдат и офицеров; в трудных переходах он был перед колонною, и подавал собой пример. Он терпел нужду наравне с солдатами, и тогда только был доволен, когда мог доставить войску какие-нибудь жизненные удобства. Исключая малого времени во время первого перемирия, корпус графа Каменского провел все время на биваках, в палящий зной лета, в ненастную осень и в жестокую зиму, и, невзирая на недостаток в продовольствии солдаты были бодры и здоровы. Какой-то веселый дух, молодечество поддерживали войско и заставляли его все переносить охотно с добрым начальником. Многие плакали, когда граф Каменский по расстроенному здоровью отказался от начальства и отправился в Петербург из Улеборга. Кажется, что, расставаясь с ним, подчиненные его осиротели. Офицеры и солдаты, принадлежавшие к корпусу графа Каменского, гордились этим, ибо вся армия с удивлением внимала известиям о подвигах чудной храбрости, об опасностях и трудах, прославивших этот корпус. "Господа! – сказал граф Каменский офицерам, прощавшимся с ним. – Мы завоевали Финляндию; сохраните ее. Сожалею, что не могу с вами оставаться!" – Слезы навернулись на глазах героя при этих словах. Суровые воины плакали как дети!

Главнокомандующий финляндской армиею граф Буксгевден, исполненный уважения к графу Каменскому и чувствуя всю важность его заслуг, написал к нему при отъезде следу-

ющее письмо:

"Поставляю себе обязанностью засвидетельствовать Вашему Сиятельству усерднейшую мою благодарность за все труды, мужество и благоразумные распоряжения по части вам вверенной, с коими вы для пользы отечества и к славе оружия, Его Императорское Величество, содействовали мне при завоевании Великого герцогства финляндского до последних рубежей оногo. Вменяя себе в приятнейший долг ценить заслуги, я не упустил и ныне не упущу случая свидетельствовать о них государю императору, дабы тем доказать вам мою признательность и уважение, с коими я всегда пребуду. При сем препровождаю также к Вашему Сиятельству ведомость, изъясняющую десятимесячные наши потери и приобретения в той надежде, что выгоды полученные нами в сию войну, останутся всегдашним памятником для тех воинов, кои в оной участвовали".

Так говорил главнокомандующий, а что чувствовали, что говорили подчиненные графа Каменского, того нельзя передать словами. Героя давно уже нет в живых: лезть не нужна!

Теперь, когда мы имеем полное и прекрасное описание Финляндской войны, составленное его превосходительством А.И.Михайловским-Данилевским, мне излишне было бы распространяться о военных действиях. Изображал я более то, что сам видел и испытал и что тесно связано было с действиями корпуса графа Каменского, и пропускал иногда собственные впечатления, чтоб не прерывать и не затемнять

повествования. Теперь представлю краткий перечень своих воспоминаний в общем виде об этой войне. Подобно последним лучам заходящего солнца, прошлое скользит по моей памяти, освещает ее и оживляет в воображении многое из забытого.

Не числом войска должно определять важность сражений и побед, но трудностями и последствиями войны, в этом отношении ни одна европейская война не может сравниться с войной финляндской, и ни одно войско с корпусом графа Каменского. – Справедливо сказал граф Каменский в Улеаборге, прощаясь с нами: *"Мы завоевали Финляндию"*. Точно *мы* (т. е. корпус Каменского) завоевали эту страну, и притом в три месяца! Это подтвердил и знаменитый наш историк А.И.Михайловский-Данилевский, рассмотрев подробно и беспристрастно все события, исследовав все официальные известия. Смерть – ничто! К ней должен быть приготовлен каждый воин с той минуты, как надел мундир: но нужда – вот что может поколебать мужество в самом неустрашимом воине, разрушая его физические силы. Мы претерпевали величайшую нужду! В Финляндии узнали мы тцету золота! Было много таких дней, что каждый из нас отдал бы все свои деньги за кусок хлеба, за несколько часов сна в теплой избе на соломе! Уже с октября настали морозы, а в ноябре зима была во всей своей силе, и притом в этом году жестокая. Северный ветер жег, как пламя. Почти у всех нас щеки покрыты были струпьями. Нельзя было уберечься, потому что

каждое дуновение ветра обжигало кожу на лице. Я сделал всю кампанию без шубы, в шинели на вате, без мехового воротника. Галоши, как я уже сказал однажды, тогда не были еще выдуманы. На биваках мы, бывало, закроемся от страшного севера кучами снега, вроде вала, подложим под ноги пуки сосновых сучьев, разведем большой огонь, и спим покойно, даже переодеваемся и переменяем белье. Дежурные должны были обходить кругом и будить офицеров и солдат, когда заметят следы отмораживания. Тогда мы вскакивали и поспешно натирали лицо снегом. В 17 градусов мороза мы даже брились на биваках! Самое роскошное кушанье наше – это была тюря из солдатских сухарей, в которую подливали немного хлебного вина (если он было), чтоб согреться. Кто мог достать оленьих шкур, тот обвязывал ими ноги. Иные делали род маски из оленьей шкуры, чтоб закрывать ознобленное лицо, вымазав его сперва жиром. На кого мы походили тогда! – Весьма часто нашему эскадрону, как я уже говорил, приходилось стоять всю ночь на аванпостах, без огней, в жестокую стужу, в открытом месте. Тогда мы закрывались от северного ветра срубленными елками в виде веера и плясали, т. е. перепрыгивали всю ночь с ноги на ногу, размахивая руками.

Шведы и финны, местные жители, не устояли, хотя их нужда в сравнении с нашей была роскошь, потому что они, отступая, забирали все, что можно было взять у крестьян и имели притом подводы. В шведской армии генерала Клер-

кера открылись болезни: кровавый понос и горячка. После Олькиокского перемирия, большая часть финнов начали дезертировать и приходили к нам толпами. На каждом переходе мы поднимали множество больных шведов и финнов, валившихся на дороге. Мы пеклись о них столько же, как о своих, и наши солдаты разделяли с ними последние крохи своей скудной пищи. Удивительно, что в корпусе графа Каменского было весьма мало больных. Солдаты шли бодро и весело, и русская песня часто оглашала пустыни Финляндии. Бодрость духа, внушенная нам графом Каменским, поддерживала изнуренное нуждой тело. В Брегештадте, который шведы уступили нам без боя, мы несколько отдохнули.

Здесь я едва не лишился жизни с несколькими из товарищей. В городе мы запаслись французским вином (medoc) и всем, что можно было достать для стола. На другой день на аванпостах мы купили превосходную рыбу у поселянина, и я предложил товарищам сварить матлот (т. е. рыбу в красном вине с пряностями и проч.). Моя стряпня понравилась товарищам, а потому оставшееся в кастрюле мы сохранили на ужин. После ужина, в полночь, все мы жестоко заболели. По счастью, доктор поспел вовремя и открыл все следы отравления. Зная из шведских газет о происшедшем в то время в Испании, некоторые из нас подумали, что мы отравлены жителями, и велели сохранить для исследования все припасы, купленные нами в городе. Но когда доктор расспросил нас, что мы ели в тот день, он велел принести посуду, в которой

варилось кушанье, и тотчас узнал причину нашей болезни, увидев ярь в кастрюле, образовавшуюся от действия на медь красного вина и пряностей. Я не догадался, что в кастрюле не было никакой полуды! Нам поданы были всевозможные пособия и, по счастью, вовремя, а если бы мы не нашли скоро доктора, то к утру все б отправились на лоно Авраамле. Однако же, все мы с неделю были больны.

После перемирия, или конвенции, заключенной графом Каменским в Олькиоки (7-го ноября) с разрешения главнокомандующего, по которой шведы обязались уступить русским *всю* Финляндию до Торнео, мы шли вперед уже прогулкою, соблюдая, однако ж, в авангарде предосторожности, чтобы какой-нибудь отчаянный партизан, не признававший конвенции, не напал на нас нечаянно и не наделал хлопот. Но шведы, особенно финны, совершенно упали духом и уже не помышляли о войне, поспешая выбраться из Финляндии на зимние квартиры или в дома. С генералом Клеркером перешло через реку Кеми не более 3000 финнов; все прочие разошлись по домам или отдались нам добровольно. В единственной большой деревне в Финляндии, Лиминго (в 27-ми верстах от Улеборга), выстроенной по обоим берегам реки, где у нас была дневка, мы соединились с Куопиоским корпусом генерала Тучкова 1-го, и свиделись со старыми сослуживцами и друзьями. Тут мы узнали о смерти доброго нашего товарища, поручика Лопатинского, который посмеивался в Куопио над моей осторожностью во время разъездов и

командировок. Посланный со взводом на рекогносцировку со свитским офицером (по нынешнему Генерального штаба), он пренебрег необходимой осторожностью во взбунтованном крае. Партизаны напали на него на ночлеге и как он не хотел сдаться в плен, и защищал вход в избу, то его подняли на штыки. Я описал характер и смерть его в особой статье, напечатанной в полном собрании моих сочинений. – 18-го ноября в сильную стужу, доходившую до 20 градусов, мы вступили церемониальным маршем в Улеборг, *предпоследний* город обитаемого мира. За Улеборгом на севере только один город, Торнео (в 151-й версте), а далее лапландские юрты, пустыни до самого Ледовитого океана, и конец умственной жизни и растительности. Там уже начинается царство белых медведей! Авангард наш немедленно выступил на реку Кеми, и невзирая на жестокую стужу стал биваками: но улан пощадили и поместили на квартирах в самом городе. Главнокомандующий, который ехал в экипаже за нашим корпусом в нескольких переходах, не вмешиваясь вовсе в распоряжения графа Каменского, прибыл в тот же день в Улеборг, где и назначена была главная квартира финляндской армии.

В нашей эскадроне осталось не более пятидесяти лошадей, а около восьмидесяти околело от голода и невероятных трудов. Спешенные уланы, вооруженные карабинами, прикнули к пехоте, к арьергарду. Седла и пики мы оставляли в городах. Гвардейский Егерский батальон, пришедший с генералом Тучковым 1-м, был также оборван и без обуви,

и главнокомандующий решил отправить к Русской границе все гвардейские батальоны и эскадроны. Нам позволено было отдохнуть и велено приготовиться к обратному походу.

Вообразите мое удивление, когда в 1840 году в Гельсингфорсе, где я находился с семейством для купания в море, явился ко мне старик и спросил по-шведски, помню ли я его. Я не мог припомнить. Он объявил мне, что он почтмейстер из Улеборга, бывший и в 1808 году в том же звании, и хозяин моей давнишней улеборгской квартиры. Тогда я припомнил его, потому что он был добрый хозяин и угождал мне, как мог. Он тогда еще записал мою фамилию и читал мои сочинения в переводе на шведский язык, особенно все, что я писал о Финляндии, всегда вспоминал о своем старом постояльце, с которым расстался дружески. Узнав, что я в Гельсингфорсе, куда он приехал как финский патриот и старый питомец Абовского университета праздновать трехсотлетие его существования, он не мог воздержаться, чтобы не повидаться со мною. Мы обнялись дружески, и я повторил ему мою благодарность за угощение в Улеборге. Старый почтмейстер весьма удивился, что я разучился говорить по-шведски, полагая, что с тех пор, как я *лепетал* на этом языке, должен говорить на нем не уступая природному шведу. «Скажите по совести, – спросил я старого моего хозяина, – правду ли сказал я тогда в вашем доме, что вам будет не хуже после соединения с Россиею, как было при шведском правлении?» Старик отвечал: «Предсказание ваше сбылось,

и мы совершенно счастливы!» – «Вы этого и стоите!» – при-
молвил я, и старик пожал мне дружески руку.

Улеборг небольшой, чистенький городок, застроенный
порядочными деревянными домами, почитается в Финлян-
дии важным городом, лучшим после Або и Гельсингфорса.
В Улеборге строятся (по крайней мере строились) купече-
ские суда отличной доброты. Наделяя фабричными и ману-
фактурными товарами чужеземного производства и колони-
альными товарами всю северную Финляндию (а тогда и се-
верную Швецию), Улеборг имел большие запасы их к зиме,
когда обыкновенно бывают везде ярмарки. Не думали и не
гадали в Улеборге, что мы придем к ним в гости на зиму;
следовательно, мы нашли в городе все, что нам было нуж-
но. Хозяева знакомили постояльцев в кругу своих родных и
приятелей, и мы приглашаемы были на вечеринки, на кото-
рых проводили время чрезвычайно весело, потому что уле-
боргские женщины славятся своей красотой и образован-
ностью, а без женщин лучшее общество – казарма. В горо-
де была даже книжная лавка, в которой находились книги
на разных языках, и библиотека для чтения, выписывавшая
французские, немецкие и английские газеты. Словом, в Уле-
борге Европа отражалась ярко.

Жители были раздражены против шведского короля, и
исключая нескольких упрямых патриотов, оставивших го-
род, все беспрекословно присягнули на верность императору
Александрю. В Улеборге мы забыли претерпенные нами

нужды и не весьма рады были обратному походу, хотя нас и уверяли, что мы пойдем прямо в Петербург. Поход около 800 верст зимой, через голодную и разоренную страну не представлял нам много приятностей, и мы желали бы до весны простоять в Улеборге. Мы жили здесь, как обыкновенно живут военные люди в городах в военное время, жили шумно и весело. По *тогдашнему обычаю*, если у одного были деньги, то все его приятели и близкие товарищи веселились за его счет. Нашлись добрые люди между улеборгскими купцами, которые давали русским офицерам в долг товары и даже деньги взаймы.

В столице Лапландии (она входила в состав Улеборгской области, по-шведски Lan) мы почти ежедневно лакомились оленьим мясом в разных видах, которое привозили лапландцы на санях, запряженных оленями. Копченые олени языки – настоящее лакомство *delicatesse!* – Тут же многие из нас запаслись на дорогу оленьими шубами, с капюшоном шерстью вверх (парками), и лапландской обувью которая одна из всех обуви может противостоят северным морозам. Это род кенег, шерстью вверх, сшитых чрезвычайно плотно нитками, сделанными из оленьих кишок, правильнее – струнами. Устлав эти кенги соломой (лучше сухим мхом), их надевают на босые ноги, вымазанные сперва жиром. Некоторые из нас купили лапландские маски, также из оленьих шкур, которыми лапландцы закрывают лицо в самые сильные морозы, когда отправляются на промыслы в море.

Повторяю и готов повторить сто раз: славные офицеры были тогда в армии! Читайте описание Финляндской войны А.И.Михайловского-Данилевского, и вы увидите, что самые блистательные сражения названы офицерскими делами. Никогда я не видел здесь офицера за фронтом! Где была сильнее перестрелка, где шли на штыки, где была резня – там всегда были впереди офицеры. Они вели солдат в самые опасные места. В Калужском мушкетерском полку был поручик Голешев гигантского роста и необыкновенной силы. В одной рукопашной схватке со шведами они изорвали на нем шинель штыками. Голешев носил после этого солдатскую шинель, доходившую ему до колен, и в сражениях брал солдатское ружье, работая и штыком и прикладом. Когда во время Куртанского сражения мы действовали с генералом Козачковским по другую сторону озера, чтоб зайти неприятелю в тыл, к Сальми, Голешев шел впереди со стрелками своего полка, которых подкреплял наш эскадрон. Шведы засели в кустах, за небольшим заливом, примыкая правым флангом к скалам. Обходить правый их фланг было далеко, да и не с кем; карабкаться на скалы было невозможно, и Голешев, перекрестясь и крикнув: "За мной, ребята!" – бросился в озеро, и по грудь в воде, под жестоким неприятельским огнем, перешел через залив, ударил в штыки на шведов, и прогнал их. – Солдаты Голешева несли сумы на штыках. Мы перешли вброд за стрелками. "Знаешь ли ты пословицу: не спросясь броду, не суйся в воду, – сказал я Голешеву, – ведь ты мог

бы утонуть!" – "Казенное ни в огне не горит, ни в воде не тонет!" – отвечал мне шутя Голешев. Во время одной перестрелки (а они происходили по нескольку раз в день), шведы задержали нашу стрелковую цепь картечными выстрелами из фальконета, поставленного в лесу между густыми зарослями. Голешев с двумя своими любимыми солдатами, которые не отходили от него ни на шаг, подкрался ползком к шведам, и когда они выстрелили из фальконета, бросился на них, повалил человек двух прикладом, а потом, отбросив свое ружье, схватил обеими руками фальконет и размозжил голову третьему шведу, крича своим: "Сюда, ребята! ура!" Изумленные шведы, которых было тут до двадцати человек, побежали в тыл, а между тем наши стрелки подоспели на помощь. Голешев возвратился в полк, неся фальконет на плече!

Я упоминал о двух молодых лифляндцах, прапорщиках 3-го Егерского полка, Вильбоа и Штакельберге. Земляки и едва ли не родственники, они были неразлучны. Все офицеры любили их за скромность, благородство и необыкновенную храбрость. В одном авангардном деле шведы перестреливались с нашими егерями, засев за камнями. Сражающихся разделял не широкий, но быстрый ручей, с шумом и пеной текущий по острым камням. На берегу ручья стояло высокое и толстое дерево. Под градом пуль Вильбоа и Штакельберг, командовавшие в этом месте нашею цепью, велели срубить дерево, и когда оно перевалилось через ручей, они

первые бросились на него, чтоб перебежать на другую сторону. Вильбоа шел впереди, и на половине дерева поражен был пулей в грудь. Он упал в объятия друга своего Штакельберга, и в ту самую минуту, когда тот хотел отдать драгоценную ношу егерям, вторая пуля ударила в висок Штакельберга, и оба друга, обнявшись, уже мертвые упали в воду. Наши егеря, чтобы отомстить за смерть своих офицеров, без начальников бросились по дереву на другой берег, ударили отчаянно в штыки и перекололи всех, кто не успел уйти. Тела храбрых офицеров отнесло течением за версту. Их похоронили с честью, и в безлюдной долине между скалами поставили деревянный крест над могилою, скрывшей блистательные надежды!

Во время одной перестрелки две роты пехоты и полэскадрона улан поставлены были в лощине, чтобы поддержать нашу стрелковую цепь, если бы она подалась в тыл. Пули перелетали безвредно над нашими головами. Капитан Верещагин (не помню Низовского или Азовского полка), лихой малый, сел на камень, поставил перед собою барабан и сказал: "Господа, я закладываю банк – не угодно ли поиграть перед смертью?" Нашлись охотники, и началась игра, которая продолжалась с полчаса, пока выстрелы не стали усиливаться. Тогда Верещагин попросил одного из неигравших товарищей дометать за него банк, и сказав: "Пойду взглянуть, что наверху делается", – взшел на возвышенную окраину лощины, взлез на камень и посмотрев в поле, обернулся к нам ли-

цом и сказал игравшим: "Конец игре..." Шведская пуля не дала ему кончить, и он свалился в лощину. Лекарь, игравший также в банк, подошел к нему, осмотрел рану и сказал: "Убит сонник!" Пуля раздробила несчастному Верещагину череп и засела в мозгу. Игра кончилась, игравшие рассчитались, и деньги Верещагина взял старший капитан для отдачи полковому казначею на сохранение, а между тем прибежал унтер-офицер из стрелковой цепи, требуя помощи. Резерв вступил в дело, и Верещагин остался навеки на месте. Ужасно, когда видишь человека здорового и веселого, который через минуту уже не существует! Но наконец и к этому привыкнешь. Бывало, когда полки и команды сойдутся на биваках, после сражения, приятели ищут друг друга, и получив в ответ: "Приказал долго жить", – безмолвно возвращаются к своему огню с грустью в сердце, с мрачной мыслью в душе. Но спустя несколько часов все забыто, потому что подобная участь ожидает каждого!

В корпусе графа Каменского присланы были из Петербурга военным министром, графом Аракчеевым, поручики Белавин и Брозе, не помню какого пехотного армейского полка. Они общими силами написали сатирические стишки под заглавием "Весь-гом"¹⁵⁷. Надобно знать, что прежде командо-

¹⁵⁷ У меня остался в памяти один куплет, и по прошествии сорока лет можно привести его: "Пришли к Фридланду мы местечку, Тут, к несчастью и с стыдом, Побросали пушки в речку, Сами сделали весь-гом". Господа поэты стояли наказания, потому что сказали неправду. Стыда тут не было: по сознанию самого Наполеона, русские дрались превосходно под Фридландом. В этом роде были все

вали: «Весь-кругом», – и что это движение, фронтом в тыл, делалось медленно, в три темпа, с командой: раз, два, три, а потом стали делать в два темпа по команде в два слога: весь-гом. Эта маловажная перемена послужила армейским поэтам предметом к критическому обзору Аустерлицкой и Фридландской кампаний. В службе не допускаются ни сатиры, ни эпиграммы, и молодых поэтов наказали справедливо и притом воински. Военный министр прислал их к графу Каменскому без шпаг, т. е. под арестом, предписав: «Посылать в те места, где нельзя делать весь-гом». Эти офицеры были прекрасные, образованные молодые люди. В первом сражении граф Каменский прикомандировал их к передовой стрелковой цепи, однако ж, без шпаг. Поэты отличились, и не смея прикоснуться ни к какому оружию, потому что считались под арестом, вооружились дубинами и полезли первые на шведские шанцы. Граф Каменский после сражения возвратил им шпаги, и написал к военному министру, что «стихи их смыты неприятельскою кровью». Граф Аракчеев позволил им возвратиться в полк, но они не согласились и остались в корпусе графа Каменского до окончания кампании, отличаясь во всех сражениях.

Русские и шведы дрались отчаянно, но взаимно уважали друг друга. Граф Каменский, узнав, что шведы не грабят наших пленников, запретил нашим солдатам пользоваться военною добычей, и приказание его соблюдалось свято и нена-

рушимо. О пленных и раненых мы пеклись едва ли не более, как о своих. С пленными шведскими офицерами мы обходились, как с товарищами, разделяя с ними последнее. Однажды у пленного шведского офицера пропали часы на биваках. Швед промолчал из деликатности. Когда стали собираться в поход, наш улан, отыскивая что-то, нашел в песке часы, которые, вероятно, выпали из кармана у шведа во время беспокойного сна, и отдал их ротмистру. Он, держа часы над головою, спросил, кому они принадлежат. Тогда швед объявил, что часы его, признался откровенно, что не смел объявить о пропаже часов, и просил в этом извинения. Он сознался, что наше с ним обхождение и этот случай истребили в нем совершенно невыгодное мнение, внушенное ему с малолетства о русских, промолвив, что где бы он ни был, всегда с уважением будет отзываться о русских воинах.

Но каждая война сопряжена с бедствиями, которые оставляют глубокие следы в памяти пострадавших. Я был свидетелем нескольких ужасных сцен, которые до сих пор живо представляются моему воображению. Мы стояли с егерями 3-го Егерского полка на аванпостах. Один из передовых пехотных часовых стоял на опушке леса на вершине. Внизу протекала речка, а за него стоял шведский пикет, также укрытый в лесу. Русский часовой увидел шагах в полтора-ста шведского солдата, который переправлялся на лодке с нашей стороны на свою. Это показалось нашему егерю подозрительным: он подкрался между кустами, прицелился, вы-

стрелил, и шведский солдат, правивший лодкою стоя, упал в нее. На выстрел выбежали шведы из лесу, и наш пикет стал под ружье, но с обеих сторон не начинали перестрелки, видя, что ни шведы, ни русские не наступают. Между тем лодку, оставленную на произвол воды, прибило течением к нашему берегу. В ней лежал в предсмертных судорогах шведский солдат, а возле него сидели двое детей: один мальчик лет пяти, другой лет трех. Старший плакал, а младший дергал за мундир отца, как будто желая его разбудить. Пуля пробила череп несчастного шведского солдата, и он в страшных мучениях и беспомощности зажал пальцем рану; мозг с кровью тек по руке... Лицо его страшно искривлялось судорогами, глаза выкатились из-под век, на губах застыла пена, но он еще шевелился... Ужасное зрелище!.. Вдруг из леса выбежала молодая женщина и опрометью кинулась к умирающему, с пронзительным воплем. Это была жена солдата, мать малюток, которые ухватились за нее с криком и плачем... Я не мог выдержать и ускакал. После сказали мне, что шведский солдат, родом финн, находясь поблизости своего дома, решился навестить семейство, и не смея долго оставаться, взял с собой двух своих малюток, чтоб натешиться ими, сказав жене, что оставит их у приятеля, дом которого находился в нескольких стах шагов от шведского пикета по ту сторону реки. Жена провожала его до опушки леса и видела, как он упал... Пехотный офицер, командовавший нашим пикетом, велел отвезти тело солдата на своей верховой лошади в его

дом, находившийся в версте от нас... Жену его вынуждены были связать и нести на носилках, потому что она впала в бешенство и бросалась на наших солдат со страшными проклятиями... Несчастные!..

После жаркого авангардного дела, в котором шведов вытеснили картечью из засек, я шел со взводом в голове авангарда, постоянно имея в виду отступающего неприятеля. Возле самой большой дороги стоял порядочный крестьянский дом. Я поскакал вперед, чтоб посмотреть, не засели ли тут шведы, и увидел на дворе шведскую таратайку, запряженную в одну лошадь, и верховую лошадь, а при них двух шведских драгун верхом. Когда они увидели меня, один из них, вывесив белое полотенце на палаш, стал махать им и кричал изо всей силы: "Мир, мир!" Я дал знак рукою, чтоб он приблизился, и саволакский драгун спешился, вышел безоружный за ворота и сказал мне, что в доме лежит раненый шведский офицер, при котором оставили лекаря и двух драгун для конвоя. Я вошел в избу. На окровавленной кровати лежал молодой шведский офицер с закрытыми глазами; возле кровати стояла на коленях женщина, не сводя глаз с больного, а подле нее мальчик лет пяти... Шведский лекарь без мундира, с засученными рукавами рубахи мыл и вытирал инструменты; ему помогал фельдшер. Доктор говорил по-немецки и сказал мне, что этому офицеру раздробило картечью обе ноги, что он в эту минуту кончил операцию, отрезал обе ноги, и поручает больного человеколюбию русских, на-

деясь, что его и драгун отпустят без задержания к шведскому войску. "Офицер родом финляндец, – примолвил доктор, – а это жена его с сыном; она следовала за своим мужем..." При этом лекарь сделал сомнительный знак, показывавший, что положение больного весьма плохое. Я подошел к женщине и сказал ей по-французски, что с нашей стороны будут употреблены все средства к спасению ее мужа... Но она быстро отскочила, страшно взглянула и обеими руками оттолкнула меня от кровати, сказав тихо, каким-то диким голосом: "Прочь, прочь отсюда, русский! Прочь или я убью и тебя, и себя!.." Я содрогнулся от этого взгляда, и молча вышел в сени, растроганный положением несчастной. Доктор вышел за мною, и я велел ему поскорее убираться со своею свитой, приставив к воротам конного улана, чтоб известить обо всем Кульнева, когда он прибудет на место с авангардом. – Женщина была прекрасная, но страшный взгляд ее и звук ее голоса, в которых выражались ненависть, жажда мести и отчаяние, превращали ее в какое-то ужасное существо. Такова должна была быть Медея, когда готовилась из мщения убить собственных детей!.. Но ни Жорж, ни Дюшенуа, ни Семенова никогда не возвышались до такой страшной натуры!

Шведскою кавалерией, т. е. саволакскими драгунами, командовал капитан Фукс, человек лет за сорок, храбрый воин, веселый и откровенный. Он подружился с Кульневым, и часто приезжал к нему на аванпосты. Неустрашимый, неутомимый Кульнев был по душе Фуксу, и если он мог достать

курительного табаку, рому или другого аванпостного лакомства, то или присылал Кульневу через своего драгуна, или сам привозил на наши пикеты. Саволакские драгуны одеты были в синие куртки, а голову покрывали железными круглыми шляпами. Амуниция у них была желтого цвета. Лошади их были малорослые, финской породы, но крепкие и быстрые. — Капитан Фукс был всегда в синем сюртуке и в круглой пуховой шляпе. Наши казаки гродненские гусары и уланы так свыклись с саволакскими драгунами, что в авангарде вовсе с ними не перестреливались без крайней нужды, т. е. когда не надлежало дать знак к наступлению. Через час явился ко мне саволакский драгун с письмом к Кульневу от капитана Фукса, в котором он просил своего великодушного противника приберечь раненого офицера. Кульнев похвалил меня за то, что я отпустил немедленно шведского лекаря и конвойных солдат.

Гвардейские батальоны и эскадроны пошли разными путями в Петербург. Наш эскадрон пошел берегом до Вазы, а оттуда через Куопио и Нейшлот в Выборг. На этом пути мы уже находили магазины с провиантом и фуражом. В Куопио я навестил нашу добрую хозяйку. Сыновья ее возвратились в город вместе с прочими жителями, и в городе был порядок, как в мирное время. На мое изъявление благодарности и на извинение, что мы слишком самовластно распоряжались в ее доме, хозяйка и ее сыновья отвечали еще большим изъявлением благодарности за наше ласковое с ней обхождение

и сбережение собственности в военное время. Финны думали прежде, что мы идем грабить их, как бывало во времена древних войн с Великим Новгородом!

В Нейшлоте жизнь моя подвергалась опасности, не легче, чем в самом кровопролитном сражении. Возвращаясь поздно на квартиру, я нашел калитку незапертою, и лишь только просунул голову, огромный водонос свистнул перед моим лицом на палец расстояния, так что меня обдало ветром. Поспешно вскочил я на двор, запер калитку, и став при ней, начал скликать улан, чтоб отыскать разбойника. Денщик убежал на крыльцо со свечою, и в это самое время слышался робкий голос возле забора: "Простите, ваше благородие, виноват, без умысла!" – Мы схватили виновного. Это был сын хозяина, русского торговца, парень лет двадцати двух. Он бросился мне в ноги и стал умолять о пощаде. Я ввел его в мою комнату и стал расспрашивать о причине покушения на мою жизнь. Он клялся и божился, что вовсе не имел против меня злого умысла и рассказал мне свою историю. В доме у них жила вдова с дочерью, красавицею, в которую молодой купчина был страстно влюблен. Красавица не чуждалась его любви, пока не вмешался между ними писарь гарнизонного батальона, которому она отдала преимущество. Мало того что этот писарь похитил у него сердце красавицы, он еще два поколотил купчину, когда тот не хотел впускать его в дом, и донес адъютанту о поздних отлучках писаря. Мучимый ревностью и злобой, купчина решился *проучить* свое-

го соперника, и подслушав, что красавица обещала писарю оставить в эту ночь калитку отпертой, засел с водоносом у забора, чтоб *попотчевать* писаря, не зная, что я в городе, а может быть, и не подумав обо мне в разгар страстей. Писарь не явился, вероятно, по какому-нибудь необыкновенному случаю, и я едва не получил определенного ему гостинца. – «Знаешь ли, чему бы ты подвергнулся, если бы убил меня или писаря?» – спросил я купчину. – "Помилуйте, ваше благородие; я вовсе не хотел убивать ни вас, ни писаря; я хотел только *пострацать* его!" – Купчина не мог постигнуть, что ударом водоноса со всего размаха можно убить человека. Я разбудил его отца, рассказал о случившемся, и советовал на другой же день спровадить красавицу со двора, и простил купчину, приняв в уважение, как французские присяжные, облегчительные обстоятельства (*circonstances allenuantes*), а именно? любовь, ревность и – глупость соперника.

Гвардейский отряд, соединившись за один переход до Петербурга, расположился в деревнях, ожидая новой обмундировки. Ежедневно привозили из города мундиры, обувь, амуницию, примеряли ее, перешивали и т. п. Это было в марте 1809 года, следовательно, мы почти год были в походе. Из Петербурга к нам приезжали гости, но нам запрещено было отлучаться от команд. Офицеры часто съезжались по вечерам и проводили время по-военному. Тут случилось в нашем отряде трагическое происшествие, глубоко тронувшее всех нас. Кто из современников не знал графа Ф.И.Т###, про-

званного Американцем, или кто не слышал о нем! Он служил тогда поручиком в Преображенском полку, в том батальоне, который был в Финляндии. О графе Ф.И.Т#### можно было бы написать целую книгу, если бы собрать все, что о нем рассказывали и рассказывают, хотя в этих рассказах много несправедливого, особенно в том, что относится к его порицанию. Так обыкновенно ведется на свете: о хорошем умалчивают, а к дурному прибавляют выдумки, чтоб серое сделать черным! Граф Т#### был, как ныне говорят, человек *эксцентрический*, т. е. имел особый характер, выходивший из обыкновенных светских форм, и во всем любил одни крайности. Все, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда было в моде и в нравах, как я уже говорил, молодечество – и граф Ф.И.Т#### довел его до *отчаянности*! Он поднимался на воздушном шаре с Гарнеренем, и полонтером пустился в путешествие вокруг света с Крузенштерном. Вмешавшись в спор Крузенштерна с капитаном Лисянским, он довел доброго и скромного Крузенштерна до того, что тот вынужден был оставить графа Ф.И.Т#### в наших американских колониях, и не взял с собою на обратном пути кораблей «Надежда» и «Нева» в Россию. Граф Ф.И.Т#### пробыл некоторое время в Америке, объездил от скуки Алеутские острова, посетил дикие племена Галошей, с которыми ходил на охоту, и возвратился через Петропавловский порт сухим путем в Россию. С этих пор его прозвали Американцем, потому что дома он одевался по-алеутски, и стены его увешаны были

оружием и орудиями дикарей, обитающих по соседству с нашими американскими колониями. Граф Т### много рассказывал о своих американских похождениях, а между прочим и то, будто Галоши предлагали ему быть их царем!

Страсть его была дуэли! Но он был опасный соперник, потому что стрелял превосходно из пистолетов, фехтовал не хуже Севербрика (общего учителя любителей фехтования того времени) и рубился мастерски на саблях. При этом граф Ф.И.Т### был точно храбр и, невзирая на пылкость характера хладнокровен и в сражении и на поединке. Тогда велась повсюду большая карточная игра, особенно в войске; играли обыкновенно в азартные игры, и граф Ф.И.Т### всегда был в выигрыше. Он играл преимущественно в те игры, в которых характер игрока дает преимущество над противником и побеждает самое счастье. Любимые игры его были: квинтич, гальбецвельве и русская горка, т. е. те игры, где надобно прикупать карты. Поиграв несколько времени с человеком, он разгадывал его характер и игру, по лицу узнавал, к каким мастям или картам он прикупает, а сам был тут для всех загадкой, владея физиономией по произволу. Этими стратегемами он разил своих картежных совместников, выигрывал большие суммы, жил открыто и роскошно.

Не знаю, есть ли подобный гастроном в Европе, каким был граф Ф.И.Т###. Он не предлагал большого числа блюд своим гостям, но каждое его блюдо было верхом поваренного искусства. Столовые припасы он всегда закупал сам. Несколько

раз он брал меня с собою при этом, говоря, что первый признак образованности – выбор припасов кухонных и что хорошая пища облагораживает животную оболочку человека, из которой испаряется разум. Например, он покупал только ту рыбу в садке, которая сильно бьется, т. е. в которой более жизни. Достоинства мяса он узнавал по его цвету, и т. п.

Граф Ф.И.Т### был небольшого роста, плотен и силен, имел круглое, полное, смуглое лицо и черные волосы. Черные глаза его блестели, как раскаленные уголья, и когда он бывал сердит, то страшно было заглянуть ему в глаза. Он был прекрасно образован, говорил на нескольких языках, любил музыку, литературу, много читал и охотно сближался с артистами, литераторами и любителями словесности и искусств. Умен он был как демон и удивительно красноречив. Он любил софисмы и парадоксы, и с ним трудно было спорить. Впрочем, он был, как говорится, добрый малый; для друга готов был на все, охотно помогал приятелям, но и друзьям и приятелям не советовал играть с ним в карты, говоря откровенно, что в игре, как в сражении, он не знает ни друга, ни брата, и кто хочет перевести его деньги в свой карман, у того и он имеет право их выиграть. Граф Ф.И.Т### дослужился до полковничьего чина, но за дуэли и проступки противу субординации был разжалован несколько раз в солдаты; находясь в отставке солдатом, пошел в ратники в 1812 году, и отчаянною храбростью снова заслужил полковничий чин и ордена, которых лишен был по суду. С окончанием вой-

ны граф Ф.И.Т### поселился в Москве, а летом проживал в своей подмосковной деревне. Мне пришлось с ним свидеться в Могилеве в 1836 году, когда я ездил в мою белорусскую вотчину, а потом я часто виделся с ним в Петербурге, где он прожил около года в 1840 году со своим семейством.

Следуя во всем своему оригинальному взгляду на свет и на дела человеческие, граф Ф.И.Т###, поселившись в Москве, женился на цыганской певице и был с нею счастлив. Теперь графа Ф.И.Т### нет уже в живых, и я вспоминаю о нем, как о необыкновенном явлении даже в тогдашнее время, когда люди жили не по календарю, говорили не под диктовку, и ходили не по стрункам, т. е. когда какая-то рыцарская необузданность подчиняла себе и этикет и образованность.

Преображенский батальон стоял в Большом Парголове, и множество офицеров собрались к графу Ф.И.Т### на вечер. Разумеется, что стали играть в карты. Граф Ф.И.Т### держал банк в гальбецвельве. Прапорщик Лейб-егерского полка И.А.Н., прекрасный собою юноша, скромный, благовоспитанный, образованный, пристал также к игре. В избе было жарко, и многие гости по примеру хозяина сняли мундир. – Покупая карту, Н### сказал графу Т###: "Дай туза!" Граф И### положил карты, засучил рукава рубахи и, выставя кулаки, возразил с улыбкой: "Изволь!" – Это была шутка, но неразборчивая, и Н### обиделся грубым каламбуром, бросил карты и, сказав: "Постой же, я дам тебе туза!" – вышел

из комнаты. Мы употребляли все средства, чтоб успокоить Н###, и даже убедили графа Ф.И.Т### извиниться и письменно объявить, что он не имел намерения оскорбить его. Но Н### был непреклонен и хотел непременно стреляться, говоря, что если б другой сказал ему это, то он первый бы посмеялся: но от известного дуэлиста, который привык властвовать над другими страхом, он не стерпит никакого неприличного слова. Надобно было драться. Когда противники стали на место, Н### сказал графу Т###: "Знай, что если ты не попадешь, то я убью тебя, приставив пистолет ко лбу! Пора тебя кончить!" – Первый выстрел принадлежал графу Т###, потому что он был вызван, и он вспыхнул от слов Н###. – "Когда так, так вот же тебе!" – отвечал граф Т###, протянул руку, выстрелил, и попал в бок Н###.

Рана была смертельная: Н### умер на третий день.

Это происшествие наделало много шума в городе. Графа Ф.И.Т### посадили в крепость и выписали, не помню, в армию или в дальний гарнизон. Через несколько дней мы вступили в город торжественно, как победители. После Аустерлицкой и Фридландской кампаний гвардия впервые вступала в столицу с победою из завоеванного края.

Вот результаты кампании 1808 года, какие сообщил главнокомандующий граф Буксгевден дежурному генералу П.П.Коновницыну 23 декабря того же года. В течение десяти месяцев завоевана вся Финляндия, состоявшая из шести губерний, вмещающая в себя около 300 000 квадратных верст

и более миллиона жителей, 6 губернских городов, 17 уездных и купеческих с 18-ю пригородными портами, в которых находилось до 200 купеческих судов, принадлежавших жителям. Покорено пять крепостей: Свеаборг, Швартгольм, Кронсберг, Абовский замок и Гангеуд. В это время кроме ежедневных почти перестрелок и аванпостных дел русское войско дало 34 сухопутных и 6 морских прибрежных сражений, а из этого числа два сражения были для нас несчастные (Вуича на Аландских островах и Булатова) и 5 неудачных. Русские взяли 61 медную пушку и 3 316 чугунных пушек, шведских знамен" 14, ружей 17 464; в плен взято 12 042 человека, а сколько убито наверное неизвестно, но полагают до 20 000 человек¹⁵⁸. Мы лишились двух знамен (Могилевского мушкетерского полка, бывшего с Булатовым), 4-х медных пушек и на канонирских лодках 4-х чугунных пушек и 9-ти Фальконетов; ружей 6424. Русских в плен взято и без вести пропало 1394 человека, убито 1943, ранено 5459 человек. Взято, сожжено и затоплено шведских судов 199. У нас потонули в сражении 2 кононирские лодки и отбита одна яхта. О делах морского флота, действовавшего вне Финляндии, здесь не упоминается.

После этого можно повторить слова главнокомандующего из приказа его по армии от 4-го декабря 1808 года в Улеаборге: "Изъявляя мою благодарность *всем чинам армии* от гг.

¹⁵⁸ Предположение графа Буксгевдена, не основанное, однако ж, ни на каких данных.

генералов до *последнего солдата*, за мужество одних, за расторопность и решительность других, за храбрость последних и ревность к славе отечества *всех вообще* повелеваю по всей армии 12-го числа сего месяца в высокаторжественный для России день, Богу нашему, содетелю всех благ, нам в боях благоволившему, принести благодарственное с коленопреклонением молебствие и провозгласить в новозавоеванной стране многолетие монарху".

ГЛАВА IV

Перемены в финляндской армии. – Заслуги графа Аракчева. – Переход Баркляя-де-Толли по льду через пролив Кваркен в Швецию. – (Эпизод.) – Какие чувства остались во мне к народам, с которыми мы воевали.

Находясь в Улеаборге, мы не знали, что государь император недоволен был Олькиокской конвенциею, по которой генерал Клеркер уступил нам Финляндию. Высочайший рескрипт государя к графу Буксгевдену по этому предмету напечатан в описании Финляндской войны А.И.Михайловским-Данилевским. Весьма справедливо, что если бы граф Буксгевден усилил корпус графа Каменского хотя половиною отряда князя Голицына, и не согласился на перемирие, а приказал действовать, то все остальное войско Клеркера или положило бы оружие и сдалось, или было бы истреблено. Может быть, генерал Сандельс, решительный и мужественный воин, успел бы спастись, идя на пробой с отчаяннейшими из шведов, но все же корпус Клеркера, состоявший только из 8000 человек, был бы уничтожен. В то же время государь император приказывал перейти немедленно в Швецию, занять провинцию Вестерботнию и принудить короля к миру.

Но граф Буксгевден упорствовал, представляя невозможность исполнения этого предначертания, и потому на его ме-

сто был назначен главнокомандующим генерал от инфантерии Кнорринг, который, находясь в Петербурге, критиковал все планы графа Буксгевдена, а особенно заключенное им перемирие, генерал Кнорринг приехал в Улеборг во второй половине декабря 1808 года с повелением двинуть войска в Швецию и с полною инструкциею и принял армию от графа Буксгевдена.

Состав русской армии был тогда следующий: Улеборгский корпус генерала Тучкова I имел под ружьем всех чинов 11 358 человек и 20 орудий; Вазский корпус князя Голицына, 13 197 человек и 22 орудия; Абоский корпус князя Багратиона, 10 284 человека и 20 орудий; Наландский графа Витгенштейна, 9 245 человек и 25 орудий; Куопиоский отряд состоял в ведении генерал-губернатора старой Финляндии, генерала Обрезкова, и имел 1373 человека и 12 орудий; резервной артиллерии, расположенной в Тавастгусе, было 104 человека и 28 орудий; Морского ведомства 2917 человек. Всего 48 478 человек, в том числе 2730 конницы и 127 орудий.

Граф Каменский, как я уже упомянул, уехал в Петербург. После него сказались больными и оставили армию генералы Тучков I, князь Голицын и граф Витгенштейн. Все они, основываясь на недостатке продовольствия и полагая число войска недостаточным для внесения войны в самую Швецию, не хотели принять на себя ответственности в столь важном деле. На место Тучкова I назначен корпусным команди-

ром генерал-адъютант граф Шувалов, князя Голицына заменил Барклай-де-Толли, а графа Витгенштейна генерал Багговут (правильнее Баггогевут). Главнокомандующий генерал Кнорринг, осмотревшись на месте, стал повторять то же самое, что прежде критиковал в графе Буксгевдене, т. е. отказывался от всякого действия, требуя для войска отдыха, продовольствия и одежды.

План вторжения в Швецию, утвержденный государем императором, был следующий. Граф Шувалов с 5000 должен был следовать на Торнео, разбить остатки войска генерала Клеркера, взять его магазины и идти быстро в Умео, город, лежащий на шведском берегу, в прямой линии против Гамлекарлеби. Барклай-де-Толли должен был с 5000 человек перейти по льду через пролив Кваркен в Умео и соединиться с графом Шуваловым. Князю Багратиону с 20000 человек назначалось выйти из Або и, пройдя по льду на Аландские острова, истребить находившееся там под начальством генерала Дебельна шведское войско, обезоружить жителей и идти на шведский берег. Три корпуса, соединяясь на шведском берегу, должны были быстро проникнуть к Стокгольму, сжечь зимовавший здесь шведский флот, и занять такую позицию, в которой можно было бы держаться и по вскрытии льда. Корпусных командиров повелно было снабдить деньгами и печатными прокламациями на шведском языке, в которых было объявлено, что русские войска вступили в Швецию не для покорения страны, но для завоевания мира, вы-

годного для обоих государств.

Это решительное предприятие не могло быть исполнено иначе, как зимой, когда лед надежен; но главнокомандующий представлял государю императору различные к тому неудобства, из которых главнейшим приводил недостаток продовольствия, и провел в бездействии драгоценнейшее время, а именно половину декабря 1808 года, весь январь и начало февраля следующего года. Государь требовал настоятельно исполнения своей воли, но Кнорринг решительно отказался и написал государю: "Привыкши, как добрый и послушный солдат, исполнять все повеления Вашего Императорского Величества, я в долге, однако ж, признаться в недостатках моих, и для того, ежели Вам, Всемиловитейший Государь, угодно настоятельно требовать исполнения плана, то осмеливаюсь всеподданейше просить о Всемиловитейшем моем увольнении от службы".

Вот второй главнокомандующий оставляет службу, почитая себя не в силах исполнить высочайшую волю! Оба старика, изжившие свой век, они видели одни опасности предприятия, не рассчитывая выгод, и управляли армией, как говорится, по бумагам, не входя лично в исследование всех донесений. Государь выслал военного министра с повелением исполнить немедленно высочайшую волю, двинуть войско в Швецию и следовать с ним. 20-го февраля граф Аракчеев прибыл в Або, где была главная квартира, перенесенная из Улеборга.

Главнокомандующий генерал Кнорринг, граф Шувалов и Барклай-де-Толли представили свои возражения против удобоисполнимости плана. Граф Аракчеев сбил все их доводы, нашел и продовольствие на месте, и определенное число людей к переходу в Швецию, и приказал немедленно действовать. Замечательны слова графа Аракчеева в его опровержении возражений Баркляя-де-Толли, который, между прочим, жаловался на недостаток наставлений от главнокомандующего. "Насчет объяснения вашего", – писал граф Аракчеев, – что вами очень мало получено наставлений от главнокомандующего, то генерал с вашими достоинствами в оных и нужды не имеет. Сообщу вам только, что государь император к 16-му марта прибудет в Борго, и я уверен, что вы постараетесь доставить к нему на сейм шведские трофеи. На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход Кваркена провидение предоставило одному Баркляю-де-Толли". Воля ваша, а это отзывается Древним Римом!

На представление главнокомандующего об опасности для войска во время пребывания на льду в жестокий мороз в течение шести суток граф Аракчеев отвечал: "Усердие и твердость русских войск все преодолеют".

Графу Шувалову, представлявшему о недостатке продовольствия и о затруднениях в Швеции, где весна бывает позже, граф Аракчеев отвечал: "Для 5000 человек продовольствие сыскать нетрудно, и вы, верно, уже им запаслись, а о

будущих затруднениях беспокоиться не следует заранее. Тогда напишете, когда они встретятся на месте".

Читая это и исследовав действия графа Аракчеева в это время в Финляндии, нельзя не удивляться твердости его характера, безусловному повиновению воле государя и пламенной любви к славе русского имени! В этом отношении граф Аракчеев безукоризнен.

Из всех генералов только ученик Суворова и его авангардный генерал князь Багратион не представлял никаких возражений. Когда граф Аракчеев объявил ему повеление идти на Аланд и спросил, что он на это скажет, князь Багратион отвечал хладнокровно: "Что тут рассуждать – прикажете – пойдем!" А.И.Михайловский-Данилевский справедливо говорит, что графу Аракчееву принадлежит слава перенесения русского оружия в Швецию. Точно, что без его понуждения и решительных мер переход верно бы не состоялся; однако ж, и исполнители этого предначертания имеют право на славу.

Обратимся теперь к исполнению самого затруднительного перехода. Повторяю, что я ни у кого не заимствовал, и первый в России напечатал о переходе через Кваркен за одиннадцать лет до появления в свете Описания Финляндской войны 1808 и 1809 годов генерал-лейтенанта АИ.Михайловского-Данилевского, написав по рассказам очевидцев, товарищей моих в Финляндской войне, и по официальным бумагам, которыми я пользовался только для чисел. Ушло с тех пор много времени – и я рассказываю этот подвиг с некото-

рыми изменениями.

Ботнический залив, начинающийся у города Торнео, расширяясь постепенно в обе стороны при своем начале, суживается между финляндским городом Вазою и шведским Умео, и образует род пролива шириной около 100 верст, называемого Кваркен. Между обоими берегами находятся группы островов; большая часть их состоит из голых необитаемых скал. Летом Кваркен опасен для мореходцев по множеству отмелей и по неровности дна; зимой он замерзает и представляет сухопутное сообщение между противоположащими берегами. Но этот зимний путь всегда опасен и затруднителен: огромные полыньи и трещины во льду, прикрываемые наносным снегом, на каждом шагу угрожают сокрытыми безднами. Часто случается, что внезапные бури разрушают этот ненадежный помост суровой зимы и уносят его в море. Даже в этом году (1809) лед два раза ломался на Кваркене от вихрей и морского волнения.

До вступления генерала Барклая-де-Толли в командование Вазовским корпусом, начальствовавший им генерал-лейтенант князь Голицын 5 посылал через Кваркен войска донского старшину Киселева 2 с 10-ю отборными казаками для разведки о неприятеле и собрания сведений об этом пути. Сей отличный офицер, с величайшей трудностью спешившись, пробрался по льдинам к острову Гадепу, напал нечаянно на шведский пикет (ночью 15-го февраля), взял всех в плен, возвратился благополучно с пленными и меж-

ду прочими известиями донес, что переход сопряжен с величайшими трудностями, и должен почитаться невозможным для целого отряда с обозами и артиллерией. Так думали сами шведы и жители Финляндии. Опыт доказал противное и удостоверил, что для русских воинов ничего нет невозможного.

Когда генерал Барклай-де-Толли заступил на место князя Голицына (23–24 февраля), весь Вазовский корпус составлял не более 5500 человек пехоты под ружьем; при нем находилось 300 человек казаков и 32 орудия разного калибра. Из этого числа для перехода через Кваркен нельзя было употребить более 3000 человек. Ожидали подкрепления из Улеборгского корпуса, но оно не могло прийти в надлежащее время по причине трудностей пути и дальности.

По слухам и полученным от пленных известиям в Умео неприятельские силы состояли из 4-х рот регулярных войск и 400 человек милиции; но ежедневно ожидали из окрестностей Торнео от 3-х до 4-х тысяч войска, которое не могло оставаться там по недостатку продовольствия. Сверх того, поселяне могли вооружиться и составить сильные воинственные отряды, чему видели уже примеры в Саволаксе, Карелии и на Аландских островах.

Но генерал Барклай-де-Толли, которого предвидение простиралось на дальнейшие следствия экспедиции, помышлял не о числе врагов, а о средствах удерживаться в неприятельской земле в том случае, если б вскрытие льда на Кварке-

не отрезало его от сообщения с Вазой. Тогда недостаток в продовольствии и трудность переправ через широкие реки в земле неприятельской, при отступлении от Умео для соединения под Торнео с графом Шуваловым могли бы привести отряд в величайшую опасность. Генерал Барклай-де-Толли, тщательно скрывая от своих подчиненных все эти опасения, откровенно изложил перед начальством свои мысли и заключения насчет затруднительного положения, в котором бы он находился, если б ему надлежало оставаться для дальнейших операций с столь малыми силами на шведском берегу по вскрытии Кваркена. Но за получением решительного предписания выступить в Швецию Барклаю-де-Толли нельзя было медлить, и он приступил к исполнению высочайшей воли, объявленной графом Аракчеевым.

Диспозиция генерала Барклая-де-Толли была следующая. Отряд для перехода через Кваркен разделялся на два отделения: первое под начальством полковника Фелисова состояло из сотни казаков с войсковым старшиной Киселевым, 2-х батальонов Полоцкого мушкетерского полка и двух орудий артиллерии; второе отделение под начальством генерал-майора Берга составляли полки: Лейб-гренадерский и Тульский мушкетерский, две сотни казаков и 6 орудий артиллерии. Всем этим войскам надлежало собраться на прилежащие к финскому берегу Кваркенские острова 5-го и 6-го марта.

В городе Вазе оставался шеф Лейб-гренадерского полка генерал майор Лобанов с Пермским мушкетерским полком.

Он должен был занять город и Кваркенские острова, наблюдать за спокойствием жителей, и по прибытии в Вазу идущих на помощь Навагинского и Тенгинского мушкетерских, 24-го 25-го Егерских полков, приказать им немедленно переходить через Кваркен на шведский берег для соединения с отрядом генерала Барклая-де-Толли. Сверх того генерал Лобанов должен был содействовать комиссионерам к успешному заготовлению продовольствия для войска, чтоб при первом требовании немедленно доставить в Умео, а обо всем прочем относиться к главнокомандующему в главную квартиру в городе Або.

Вследствие диспозиции отряд собрался в назначенное время на Кваркенских островах: один лишний день надлежало промедлить в ожидании подвод, проводников и продовольствия. Войско провело 7-го марта на биваках на необитаемом острове Вальгрунде, лежащем в 20-ти верстах от берега. Взор терялся в необозримых снежных степях, и остров Вальгрунд, составленный из одних гранитных скал, казался надгробным камнем мертвой природы. Здесь не было никакого признака жизни и прозябания: ни одно деревцо, ни один куст тростника не оживляли этой картины бесплодия. Зима царствовала здесь со всеми ужасами, истребив все средства к защите от ее могущества. Стужа простиралась до 15-ти градусов, и войско оставалось на биваках без огней и шалашей.

За 36 часов до наступления в поход всего отряда выслана была передовая партия из 60-ти казаков и 50-ти отбор-

ных стрелков Полоцкого мушкетерского полка на санях, под начальством войскового старшины Киселева 2-го, уже знавшего путь через Кваркен. Киселеву поручено было сделать нечаянное нападение на передовые неприятельские посты, расположенные по островам, прилежащим к шведскому берегу, отрезать их и захватить в плен, и таким образом скрыть движение целого отряда.

8-го марта в 5 часов утра весь отряд выступил с острова Вальгрунда в открытое море. Первое отделение шло впереди, за ним второе, при котором находился сам Барклай-де-Толли. Вся артиллерия следовала за вторым отделением. Резерв состоял из батальона Лейб-гренадерского полка и 20-ти казаков.

С первого шага в замерзшее море открылись трудности, которые для всякого, кроме русского войска, показались бы непреодолимыми. Свирепствовавшая в эту зиму жестокая буря, сокрушив толстый лед на Кваркене, разметала его на всем пространстве огромными ледяными обломками, которые, подобно диким утесам, возвышались в разных направлениях, то пересекая путь, то простираясь вдоль его. Вдали эти гряды льдин представляли необыкновенное зрелище: казалось, будто волны морские замерзли мгновенно, в минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждом шагу. Надлежало то карабкаться по льдинам, то сворачивать их на сторону, то выбиваться из глубокого снега, покрытого обломом. Пот лился с чела воинов от крайнего напряжения

сил, и в то же время пронзительный и жгучий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу, возбуждая опасение, чтоб, превратившись в ураган, не взорвал ледяной твердыни. Кругом представлялись ужасные следы разрушения, и эти, так сказать, развалины моря напоминали о возможности нового переворота.

Артиллерия замедляла движение отряда. К шести орудиям, поставленным на полозьях, отрядили 200 человек рабочих, и наконец оставили пушки позади под прикрытием резерва. После этого распоряжения отряд быстро продолжал свое шествие.

Между тем передовая партия под начальством войскового старшины Киселева 2-го уже была в деле. Киселев напал ночью (3-го марта) на неприятельский пикет, находившийся на острове Гросгрунде, разбил его и взял в плен несколько человек. В следующую ночь Киселев напал на другой офицерский пикет, состоявший из 50-ти человек финляндских войск. Они защищались отчаянно, и все погибли на месте, исключая взятых в плен одного офицера и девяти человек солдат. Это происшествие возбудило тревогу в шведском отряде, находившемся в Умео, и показало русским, что неприятель намерен упорно защищаться. Наши воины пылали желанием сразиться.

Наконец после изнурительного перехода в продолжении 12-ти часов отряд к 6-ти часам вечера достиг островов, лежащих у шведского берега. Первое отделение расположилось

биваками на острове Гросгрунде, второе на Гадене. Артиллерия едва пришла в полночь и примкнула к первому отделению.

Эти острова так же бесплодны, как и лежащие у финского берега. С трудом можно было достать несколько дров для согревания воинов, усталых и ослабших от чрезвычайных трудов. Все войско провело ночь без огней.

Генерал Барклай-де-Толли вознамерился сделать нападение на город Умео с двух сторон. Первому отделению приказано было следовать прямым путем на твердую Землю через остров Гольмо, завязать дело с находившимся там неприятелем, и не напирать сильно, рассчитывая время таким образом, чтоб второе отделение успело между тем прибыть к устью реки Умео. В полночь второе отделение, при котором находился сам генерал Барклай-де-Толли, выступило с острова Гадена.

Все представлявшиеся доселе трудности казались забавой в сравнении с этим переходом: надлежало идти без дороги, по цельному снегу выше колена, в стужу свыше 15-ти градусов, и русские перешли таким образом 40 верст в 18 часов!!! Достигнув устья реки Умео, изнуренные воины едва могли двигаться от усталости. Невозможно было ничего предпринять, и войско расположилось биваками на льду в версте от неприятеля, находившегося в деревне Текнес. Из числа шести кораблей, зазимовавших в устье, два были разломаны на дрова, и войско оживилось при благотворной теплоте би-

важных огней, которые почитались тогда величайшею роскошью. Казаки того же вечера вступили в дело и после сильной перестрелки отошли в свой лагерь.

Между тем первое отделение, при котором оставалась вся артиллерия, нашло неприятеля, готового к сильной обороне, на острове Гольме. Меткие карельские и саволакские стрелки и Вазовский полк занимали крепкую позицию в лесу, защищаясь окопами, сделанными из снега. Русские напали на них с фронта (9-го марта в 5 часов утра), и встретили отчаянное сопротивление. После сильной перестрелки полковник Филисов послал две роты grenадер в обход, чтобы напасть на шведскую позицию с тыла. Тогда шведы начали быстро отступать по дороге к Умео, теряя множество убитыми и ранеными. Но трудность в движении артиллерии препятствовала первому отделению быстро преследовать неприятеля, и оно едва успело к вечеру достигнуть селения Тэфте, лежащего на твердой земле в 15-ти верстах от города Умео.

Дав отдохнуть утружденным воинам, генерал Барклай-де-Толли с утра (10-го марта) повел атаку вторым отделением на деревню Текнес, и после жаркого дела принудил шведов к отступлению. Казаки и стрелки, выбившись из глубокого снега, с необыкновенной радостью и быстротою преследовали неприятеля по ровной проселочной дороге. Когда русский авангард находился в версте от города Умео, прибыл парламентер от шведского главнокомандующего с объявлением желания его вступить в переговоры. Генерал Барк-

лай-де-Толли отвечал, что войско русское не может быть удержано в своих успехах никакими предложениями или колебаниями; но если шведы желают получить пощаду, то сам генерал их должен немедленно явиться к нему и объявить условия. Вследствие такого решительного ответа прибыл к Барклаю начальник шведских войск, граф Кронштедт, убедительно просил его прекратить военные действия, уверяя, что вся Швеция желает мира, что король Густав, упорствовавший в войне, лишился престола, и дядя бывшего короля, герцог Зюдерманландский вступил в управление государством. Печатные манифесты убедили генерала Барклая-де-Толли в этой истине, и он, жертвуя собственным славобием общей пользе, достиг цели предназначения своего без пролития крови. Ему легко было одержать блистательную победу над изумленным неприятелем, но он предпочел средства человеколюбивые. По заключенному с графом Кронштедтом условию город Умео и вся Вестерботния, составляющая почти третью часть всего шведского королевства, уступлены русскому оружию. Того же дня (10-го марта) русское войско вступило с торжеством в город; в стенах его в первый раз развевались победоносные неприятельские знамена, и впервые слышались звуки русского голоса. Шведы с удивлением смотрели на русских: каждый воин казался им героем.

И в самом деле, одни только герои могли совершить этот подвиг, единственный в военной истории. Русские перешли

в двое суток около ста верст через ледяные громады, глубокие снега, без всякого следа в жестокую стужу; опрокинули неприятеля при первой встрече, и одним появлением своим покорили целую область.

Граф Кронштедт признался чистосердечно, что он ошибся в своих стратегических расчетах, и никогда не полагал, чтоб русские могли с такой быстротою и смелостью совершить этот переход, который он почитал *чудесным*.

Наш век – век чудес и славы воинской! Революционная война Франции и знаменитая борьба России с могуществом Наполеона отвратили внимание удивленной Европы от посторонних подвигов, которые не имели особенного влияния на участь большого европейского семейства. История, поэзия, живопись, ваяние истощились в изобретении памятников славы и доблести. Но придет время, что художники обратят свое внимание и на чудесное покорение Финляндии. Тогда *вспомнят* и о Кваркене. Надежнее и вернее всех искусственных памятников самый Кваркен сохраняет предание о неимоверной неустрашимости русского воинства. Благородные потомки не забудут славных дел; они станут повторять с гордостью имена героев, прославивших русское оружие, и с благодарностью скажут: *Его предок был с Барклаем на Кваркене* (Генерал Барклай-де-Толли признал отличившимися особенно в общем отличии: генерал-майора Берга и полковника Филисова, начальствовавших особыми отделениями; полковника Лялина (Навагинского мушкетерского

полка), подполковника Шевнина, майоров: Албрехта и Воейкова (Лейб-гренадерского), майора Тюревникова (Тульского мушкетерского), артиллерии майора Андерса, и более прочих войскового старшину Киселева 2.)!

Не имея намерения писать историю Финляндской войны, я умалчиваю о всех военных действиях 1809 года до заключения Фридрихсгамского мира. Занятие Аландских островов князем Багратионом, подвиги Кульнева, счастливые действия графа Шувалова, принудившего шведского генерала Гриппенберга положить оружие с 7000 корпусом, и наконец появление снова в Финляндии героя этой войны графа Н.М.Каменского и блистательные его подвиги в самой Швеции – все это прекрасно, верно и занимательно описано А.И.Михайловским-Данилевским. Я описал только то, что сам видел и испытал, что передано мне друзьями моими и товарищами и что осталось навсегда запечатленным в моей памяти. Скажу в заключение о Финляндской войне, что из Финляндии вынес я уважение и даже более, любовь к шведскому и финскому народам, удостоверюсь в их храбрости и честности, и до сих пор сохранил ненарушимо эти чувствования. В 1838 году я нарочно ездил в Финляндию и Швецию, чтоб доставить душе моей наслаждение, и лестный прием, оказанный мне почетнейшими гражданами, учеными, литераторами и даже военными людьми, еще глубже утвердил в душе моей привязанность к шведам и финнам. Финляндия уже счастлива – дай Бог, чтоб и Швеция была всегда благопо-

лучной, и я уверен в этом, потому в обеих этих странах укоренены твердо важнейшие начала народного благоденствия: вера, нравственность и уважение к законам.

ГЛАВА V

Достопамятные преобразованиями и усовершенствованиями годы 1808, 1809 и 1810. – Народное просвещение. Основание его в главном правлении училищ. – Университеты, гимназии и школы. – Общий порыв к содействию правительству в деле просвещения народного. – Уничтожение преимуществ придворных званий. – Условия производства в гражданские чины. – Государственный совет. – Министерства. – Главные сановники и чиновники, деятели тогдашней эпохи. – Граф Н.П.Румянцев. – Комиссия о составлении законов с высшим училищем правоуказания. – Комиссия прошений. – Почтовое управление. – Исполнительная часть в столице. – Важнейшие посольства. – Высочайший двор. – Военный двор его императорского высочества, цесаревича, великого князя Константина Павловича. – Особы при воспитании их императорских высочеств, государей, великих князей. – Генерал-адъютанты. – Флигель-адъютанты. – Гвардия. – Словесность. – Театр. – Писатели. Ученые. Художники. – Педагогический институт. – Осип Петрович Козодавлев. – Михаил Леонтьевич Магницкий. – Окончательное устройство Государственного совета. – Перемены в министерствах и в других высших правительственных местах. – Перемены в гвардии. – Граф Василий Васильевич Орлов-Денисов. – Краткая характеристика тогдашней эпохи. – Биографический и

1808, 1809 и 1810 годы доставят будущему историку России весьма важные материалы. В эти годы утверждены многие существенные преобразования в государственном управлении, составлялось предположение о новом государственном устройстве, и делались попытки для приведения в исполнение некоторых частей нового предположения. Эти три года были также переходным временем к новой системе, которая наконец изменила весьма многое из прежнего и затерла даже его следы.

Император Александр, воцарившись в первом цвете молодости, намеревался осуществить все, что внушали ему теплое юношеское чувство и светлый ум, образованный гениальною Екатериною. Желая развить все силы России, распространить ее могущество, создать и упрочить ее благосостояние твердым государственным законом, император Александр начал преобразования с народного воспитания, важнейшей части государственного управления, основания народного счастья и богатства, источника славы престола и отечества. – Только просвещенные народы могут понимать, хранить и исполнять законы; только люди, знакомые с науками, могут возвысить промышленность и земледелие; только люди образованные, постигающие цену добра, могут чувствовать истинную любовь и преданность за оказываемые им благодеяния.

Основав Министерство просвещения, государь учредил при нем главное правление училищ. Теперь немногим известно, что это управление учреждено на правилах, на которых основывалась в последнее время бывшей Польши воспитательная комиссия (Kommissya Edukacya). Это было единственное учреждение прежней Польши, перешедшее после падения ее в живое государство. Князь Адам Чарторийский, граф Северин-Потоцкий и ученый Фаддей Чацкий были первыми составителями проекта об устройстве главного правления училищ. Членами его должны были быть попечители университетов и все известные ученые и педагоги, под председательством министра просвещения. Главное правление училищ должно было рассматривать учебные книги, программы курсов и наблюдать за исполнением всех предположений посредством своих визитаторов. Для приведения народного воспитания в систему и сообщения ему полноты единства и постепенности оно имело четыре последовательных отдела: школы приходские, школы уездные, гимназии и университеты. Тогда во всей России был только один Московский университет и одна высшая школа в Вильне, носившая название "Академия" (основанная в 1599 году) и долгое время управляемая иезуитами. Император Александр основал университеты в Харькове, в Казани, в Дерпте (в 1804 году), и дал новое устройство Виленской академии (1803 года), переименовав ее в университет. Предполагалось учредить университеты в Киеве, Устилуге и Тобольске; но как

при таком быстром распространении народного воспитания требовалось множество способных людей и педагогов, а в них был недостаток, то в то же время учрежден в Петербурге (1804 года) Педагогический институт для образования русских профессоров и учителей. Между тем их выписывали из Германии и преимущественно из Венгрии и Австрийской Галиции из племени карпато-россов. В каждом губернском городе учреждена была гимназия, а в губернских и уездных городах – уездные училища; при каждой приходской церкви долженствовала быть приходская школа, в которых обучали русской грамоте, арифметике, религии и нравственной науке.

Умножено число военно-учебных заведений, и внутри государства учреждены кадетские корпуса. Основаны специальные учебные заведения, как-то: Институт путей сообщения, Кораблестроительные училища, Коммерческая гимназия в Таганроге и т. п. Духовные академии получили преобразования. К тридцати семи существовавшим семинариям прибавлены семьдесят три духовные училища. Все духовных школы поручены комиссии духовных училищ, основанной на тех же правилах, как и главное правление училищ.

Одним словом, преобразование и распространение народного воспитания шло быстро, сильно и усердно, и только недостаток профессоров и учителей замедлял его ход и успехи. К концу 1810 года все новые учреждения были уже в действии. Этот высокий порыв государя императора нашел

сочувствие в сердцах русских. Граф Безбородко учредил на своей счет высшее училище в Нежине (ныне лицей), а знаменитый патриот Демидов, пожертвовав сперва 500 000 рублей в пользу училищ, предоставил еще миллион рублей на заведение высшего училища в Ярославле (ныне лицей). Московское купечество основало на свой счет коммерческие училище; дворянство губерний Киевской, Подольской и Волынской учредило на своем иждивении Кременецкий лицей, и кроме того, дворянство Киевской губернии пожертвовало для подобной же цели 500 000 рублей. Дворянство Слободско-Украинской (ныне Харьковской) губернии принесло в жертву 400 000 рублей, а купечество ее 300 000 рублей для Харьковского университета. Тульское дворянство учредило на своем иждивении Кадетский корпус, а Г.Неплюев основал Военное училище в Оренбурге. Умалчиваю о меньших пожертвованиях. Давали что могли – и деньги, и книги, и дома под училища.

Прежде званиям камер-юнкеров и камергеров присваивался чин 5-го и 4-го классов. Нигде не служа, но получив придворное звание, баловень счастья переступал одним шагом через самые трудные ступени службы. Император Александр уничтожил это указом 3-го января 1809 года, установив, чтоб придворные звания не давали никаких чинов и преимуществ по службе государственной, и обязав камер-юнкеров и камергеров служить в ней действительно, если желают сохранить свои звания при высочайшем дворе.

Наконец 6-го августа того же года был издан знаменитый указ, воспрещавший производство в чин коллежского асессора, дававший потомственное дворянство, и в статские советники чиновников, не имевших ученого звания или не выдержавших экзамена в науках в университете. Этот указ был то же, что внезапное освещение мрачной бездны благотворными лучами солнца! Чиновничий мир встрепенулся, зашевелился и завопил. Просвещение поднялось, невежество поникло головою.

Взглянем на тогдашних деятелей, на которых опирался государь, приступив к великим преобразованиям, и в числе тогдашних молодых людей заметим тех, которые последующей своею службой достигли высоких степеней. Одним словом, поднимем завесу прошлого и посмотрим на тогдашнюю сцену русского мира и его действующих лиц.

Петр Великий, преобразовав Россию, ввел по совету знаменитого философа Лейбница коллегиальное управление. Для каждой части была особая коллегия, и президент коллегии был то же, что министр. Дела обсуждались в общем присутствии всех членов коллегии, назначаемых самим государем. Президент не имел права удалять членов, следовательно, они были независимы при подавании голосов. В случае разногласия дело решал государь. Этот порядок государственного управления продолжался до вступления на престол императора Александра.

Государь учредил министерства в 1802 году, но без насто-

ящего определения отношений их между собою и к существовавшему порядку вещей. Коллегии: военная, иностранных дел, коммерции, юстиц-коллегия, еще существовали, управляемые министрами. Только два министерства: просвещения и внутренних дел действовали по особым постановлениям. В 1810 году дано общее учреждение всем министерствам. Государственный совет, издавна существовавший при высочайшем дворе, не имел постоянного назначения, собирался по призыву царствующей особы и судил о делах, какие ему были предложены. Император Александр, учредив в 1802 году из лиц, им избранных, определительный состав государственного совета, повелел ему собираться в известные дни и обсуждать дела и проекты, поступающие на высочайшее разрешение. Государственный совет устроен окончательно в 1810 году и воспринял с сего времени свое настоящее назначение. Комиссия о составлении законов также получила новое устройство, и деятельно занялась своим делом. Финансовая система совершенно изменилась. Словом, все, что только посеяло в прежние года, начало уже приносить плоды в три последних года до начала разрыва с Франциею и общей европейской войны. – Я указал только на главнейшие изменения, из которых проистекали местные улучшения и преобразования во всей империи.

В 1808 году государственным министром иностранных дел был действительный тайный советник граф Николай Петрович Румянцев. Он тогда был 55-ти лет от рождения

(род. 1753 года). Сын кагульского героя фельдмаршала графа Петра Александровича, муж высокой образованности, обладавший огромным состоянием, человек приветливый, ласковый, приятный в обхождении, страстный любитель наук и художеств, граф Николай Петрович если б даже и не занимал высокого звания, то имел бы всегда большое влияние на общество. Девятнадцати лет от рождения он был камер-юнкером, т. е. в 5-м классе; но прежде вступления в действительную службу уехал за границу для окончания своего образования, пробыл там пять лет, свел знакомство с первыми европейскими учеными и, возвратясь в Россию, произведен в камергеры, т. е. получил чин действительного статского советника. Следовательно, граф Н.П.Румянцев, не проходя через низшие ступени службы, не знал всего ее механизма, которого сила сокрыта для неопытного глаза, и потому окружавшие его чиновники, пользовавшиеся его доверенностью, всегда имели большое влияние на дела, которые были им обдумываемы. Дипломатическое свое поприще граф Н.П.Румянцев начал посольством при германском сейме (кажется в 1780 году) во Франкфурте на Майне. В 1791 году он был уже тайным советником и находился в звании посла в Кобленце при братьях несчастного Людовика XVI графе Прованском (потом Людовик XVIII) и графе Артуа (впоследствии Карл X). При императоре Павле Петровиче граф Румянцев занимал звание обер-гофмейстера, произведен в действительные тайные советники, был некоторое вре-

мя главным попечителем вспомогательного банка и сенатором. Император Александр при учреждении Государственного совета, назначил графа Румянцева в члены его, и при учреждении министерств в 1802 году дал ему Министерство коммерции. Это министерство сохранил граф Румянцев и в звании министра иностранных дел, приняв его в 1807 году после генерала от инфантерии барона Будберга. Кроме того, граф Румянцев был главным директором новоучрежденного Департамента водяных коммуникаций.

При всем своем праводушии и пламенной любви к общему благу, граф Румянцев, обремененный множеством дел и не углублявшись никогда в канцелярские тонкости и счетные дела, не мог прекратить укоренившихся беспорядков в управлении, которым ворочали прежние чиновники. Насчет высших чиновников коммерц-коллегии не только рассказывалось во всей России, но и печатаемы были за границей анекдоты, которые показались бы невероятными, если б эти господа чиновники не изумляли столицы своей роскошью и даже мотовством. Я знал одного из этих господ, который начал службу писцом в Могилевском магистрате (происходя из могилевских мещан) и был женат на могилевской торговке калачами, а потом имел несколько каменных домов в Петербурге и несколько тысяч душ в Белоруссии! Столовые часы в гостиней его жены, осыпанные крупным жемчугом, стоили 60 000 рублей!!! Но Господь правосуден! Исчез с лица земли весь род и племя этого господина, и сын его, пустившись в

подряды, лишился по залогам всего своего достояния, добытого отцом! При работах по части водяных коммуникаций, огромные суммы также расходились по рукам, и строители вместе с подрядчиками богатели.

Как мог входить в подробности и мелочи такой вельможа, как граф Румянцев! Он смотрел на дела с высшей точки зрения, распоряжался, приказывал исполнять и не мог наблюдать за исполнителями. Жалоб не было, а что говорили и писали, это, разумеется, представляли графу в виде клеветы и зависти, от которых граф почитал своей обязанностью защищать преданных ему людей, усердных на службе, и дельцов. Графа Румянцева обвиняли в излишней привязанности к Наполеону, который чрезвычайно ласкал его в Эрфурте и в Париже. Обвинение вовсе несправедливое. Хотя для русской торговли и тяжел был разрыв с Англиею, но после Аустерлицкой и Фридландской кампаний нам надлежало жить в мире с Наполеоном до окончания дел с Турцией, Персией и Швецией, до поправления наших финансов, упрочения преобразований внутри государства и устройства армии. Воевать без оглядки было молодечество, похвальный дух в народе, которого самолюбие было оскорблено, но все разумные люди, начиная от государя, были убеждены, что надобно переждать насильственное возвышение могущества Франции. Граф Румянцев был истинный патриот и предан искренно своему государю и отечеству. Ими не пожертвовал бы граф Румянцев ни для какой посторонней привязанно-

сти. Наполеону он удивлялся, как удивлялись даже явные его враги, потому что это был гений. Граф Румянцев был прав, не советуя с ним воевать наудалую. Вообще граф Н.П.Румянцев был человек рассудительный и не упорствовал в своем мнении, когда убеждался в справедливости предлагаемых ему доводов. Нет спора, что он был не гений, но был человек умный, начитанный, образованный, действовавший в духе своего века. – При всех своих заслугах граф Н.П.Румянцев не заслужил бы бессмертия своей службой, если б не был великодушным и просвещенным покровителем наук. – Девизом своего герба он принял латинский афоризм: "Non solis armis", т. е. "Не одним оружием" – и науки воздвигли ему памятник, столь же прочный, какой победы соорудили его великому родителю. Никто из частных людей не сделал более для отечественной истории, как граф Румянцев, и его богатый музей, завещанный им отечеству, стоящий напротив монумента его отца через реку, навсегда сохранит память просвещенного вельможи и благородного человека.

Помощником графа Румянцева в управлении Министерством иностранных дел, по нынешнему товарищ министра, был Александр Николаевич Салтыков, вельможа, всеми уважаемый. Военный министр граф Алексей Андреевич Аракчеев отличался строгой исполнительностью и взыскательностью по службе. Все знают, что в обращении он был чрезвычайно крут, пренебрегая вежливостью и разборчивостью в обхождении с подчиненными. Но зато справедливость за-

ставляет сказать, у него, как говорится, дело горело в руках, и в самых трудных обстоятельствах он всегда находил скорые средства к исполнению высочайшей воли. Русская артиллерия, почитаемая одной из лучших в мире, обязана графу Аракчееву своим усовершенствованием. Он завел ловкую упряжь, легкие лафеты, колеса и ящики, довел литейную часть до высокой степени совершенства, и привел в порядок оружейный и пороховые заводы. Даже и враги отдавали ему в этом справедливость. Как военный администратор граф Аракчеев был человек высокого достоинства. Друзей он не имел и действовал один в своем управлении. О личном его характере я буду говорить в другом месте. Морской министр адмирал Павел Васильевич Чичагов сделался известен в 1812 году командованием сухопутными войсками при переходе Наполеона через Березину. П.В.Чичагов был искусный моряк и уже отличился на флоте. Англоман в душе, он ненавидел Наполеона и французскую систему.

Министр юстиции, действительный тайный советник князь Петр Васильевич Лопухин и министр внутренних дел князь Алексей Борисович Куракин, вельможи старинных боярских родов, приобрели опытность и навык к делам долговременной службой. Министр просвещения граф Петр Васильевич Завадовский, родом из Малороссии, сын небогатых родителей, получил основательное и ученое образование в иезуитском коллегиуме в Польше, поступил потом на военную службу и дослужился до полковничьего чина. Фельд-

маршал граф П.А.Румянцев употреблял его в армии по письменным делам. Императрица Екатерина II, получив однажды бумагу от фельдмаршала, желала знать, кто писал ее, и приказала фельдмаршалу прислать сочинителя при первом случае в Петербург. Это был Завадовский. Императрица приблизила Завадовского к своей особе, возвысила до первых чинов, обогатила, и он службою своею вполне оправдал ее благодеяния. Граф П.В.Завадовский искренно любил науки, был усердным поборником просвещения, и в начале учреждения министерств действовал сильно и умно при введении всех преобразований. Ученые и литераторы всегда были ласково принимаемы в его доме и находили у него защиту и покровительство. Человек он был добрый, ласковый, вежливый, хлебосол и вообще любимый и уважаемый.

Управлявший Министерством финансов государственный казначей, тайный советник Федор Александрович Голубцов, принадлежал к числу людей практических, или, как говорится, канцелярских. Министром уделов¹⁵⁹ был действительный статский советник Дмитрий Александрович Гурьев (впоследствии граф), управляя в то же время кабинетом, а помощником его был действительный статский советник Алексей Николаевич Оленин, добрый, благородный человек, любитель наук, словесности и художеств, о котором я буду говорить подробно.

¹⁵⁹ Министр уделов не назывался государственным министром, как все прочие министры.

В Государственном совете председателя не было. Кроме всех министров членами совета были: Сергей Петрович Румянцев, Александр Андреевич Беклешов, генерал от инфантерии, пользовавшийся особенной милостью покойного императора Павла Петровича, и бывший в его царствование генерал-прокурором; граф (после князь) Виктор Павлович Кочубей, действовавший в духе нововведений и преобразований, человек высокого ума и сильного характера; действительный статский советник Василий Степанович Попов, бывший правителем канцелярии при светлейшем князе Потемкине-Таврическом, человек необыкновенного природного ума и опытности в делах; князь Адам Адамович Чарторийский. Неприсутствующими членами были: фельдмаршалы граф Николай Иванович Салтыков и Михаил Федотович Каменский; действительный тайный советник князь Александр Борисович Куракин, посол в Вене; князь Платон Александрович Зубов, находившийся в отпуску; Граф Александр Сергеевич Строганов и генерал от инфантерии Михаил Михайлович Философов также члены совета, редко в нем присутствовали. Правителем канцелярии совета был государственный секретарь, тайный советник Иван Андреевич Вейдемейер. – Канцелярия совета разделялась на четыре экспедиции. Первой по части иностранных дел и коммерции управлял действительный статский советник Федор Иванович Энгель; второй по части военных сухопутных и морских сил статский советник Николай Николаевич Лесниц-

кий; третий, по части гражданских и духовных дел действительный статский советник Михаил Михайлович Сперанский; четвертою по части государственного хозяйства Алексей Николаевич Оленин.

Было тогда весьма важное звание: при *особо порученных, от его императорского величества делах*, которым облечен был тайный советник Николай Николаевич Новосильцов (впоследствии граф). При нем состояли: статский советник Яков Александрович Дружинин и нынешний министр финансов, тогда надворный советник, Федор Павлович Вронченко.

Комиссией прошений управлял действительный статский советник Петр Степанович Молчанов, человек деловой и опытный, а при нем производителем дел находился статский советник Николай Николаевич Анненский, делец в полном значении слова. – Процесс моей матери еще не был кончен, и я должен был знать всех дельцов...

Комиссия о составлении законов обращала тогда на себя общее внимание, потому что от нее ожидали полного издания законов со всеми переменами. В комиссии присутствовали: князь Лопухин и Н.Н.Новосильцов. Секретарем присутствия и рефендарием 1-й экспедиции был известный учеными изысканиями по части русской истории и древнего законодательства Густав Андреевич Розенкамф. Старшими помощниками его были: надворные советники Федор Павлович Вронченко и Александр Иванович Тургенев, о котором

я буду говорить подробно, когда придет дело до литературы. Редакторскими помощниками были: 8-го класса Григорий Иванович Карташевский и Иван Андреевич Старынкевич (оба впоследствии сенаторы). Второй экспедицией управлял и был редактором законов 7-го класса Михаил Андреевич Балугьягский, бывший в то же время профессором в Педагогическом институте, недавно, к общему сожалению, скончавшийся в чине действительного тайного советника.

При комиссии о составлении законов было высшее училище правоведения, которым управляя в звании помощника директора (директором был А.Н.Оленин) Г.А.Розенкампф. Право естественное преподавал в училище Петр Дмитриевич Лодий, право римское Василий Григорьевич Кукольник (отец нынешнего поэта), право гражданское Григорий Иванович Терлаич, все родом карпато-россы, состоявшие в чине 7-го класса и в звании профессоров Педагогического института. В этом высшем училище начал свое образование двадцатипятилетний друг мой и товарищ Николай Иванович Греч.

Президентом главного почтового правления был тайный советник Григорий Павлович Кондоиди, а с. – петербургским почт-директором – действительный статский советник Николай Иванович Калинин. – Почтовая часть тогда была плохо устроена, и сравнивая ее с нынешним ее состоянием, нельзя не удивляться, до какой степени она теперь усовершенствована. Господа журналисты узнали бы цену порядка и

бескорыстия нынешнего почтового управления, если б имели дело с прежним! Н.И.Греч еще застал конец старых злоупотреблений.

Военным генерал-губернатором в С.-Петербурге был генерал от инфантерии князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, а обер-полицейместером – генерал-майор Александр Дмитриевич Балашов, оба люди строгие, взыскательные, быстрые исполнители.

Важнейшие посольские посты занимали: в Париже – граф Петр Александрович Толстой, при котором находился советником посольства, управлявший всеми его делами, действительный камергер граф Карл Васильевич Нессельроде; в Вене – действительный тайный советник князь Александр Борисович Куракин, и при этом в посольстве находились камер-юнкер Сергей Семенович Уваров (ныне действительный тайный советник, граф и министр просвещения), и покойный с. – петербургский почт-директор, которого все любили и уважали, Константин Яковлевич Булгаков; в Берлине – граф Густав Оттонович Штакельберг; в Мадриде – тайный советник барон (ныне граф) Григорий Александрович Строганов; в Неаполе – тайный советник Александр Александрович Бибииков. В Лондоне не было тогда посольства, но при тамошней миссии считались надворный советник Николай Михайлович Лонгинов (ныне Д.Т.Сов.) и камер-юнкеры: Константин Христофорович Бенкендорф (брат покойного графа Александра Христофоровича) и светлейший князь

Александр Сергеевич Меншиков (ныне адмирал и начальник морского штаба).

Высочайшим двором управлял любимец государя, бывший при нем неотлучно, обер-гофмаршал граф Николай Александрович Толстой. Камергеры и камер-юнкеры носили это звание без различия чинов и рода службы, и между ними были и военные. Так, например, полковник Преображенского полка, граф (ныне князь и кавказский наместник) Михаил Семенович Воронцов был в то же время камергером.

Военный двор его императорского высочества цесаревича великого князя Константина Павловича составляли: в должности гофмейстера полковник Петр Иванович Озеров; адъютанты: полковники конной гвардии Николай Дмитриевич Олуфьев, Федор Петрович Опочинин, Астраханского гренадерского полка полковник граф Сергей Христофорович Миних, ротмистр конной гвардии Александр Андреевич Жандр, инспекторский адъютант, ротмистр того же полка Иван Яковлевич Шперберг и конной гвардии полковник Иван Григорьевич Лагода, бывший ремонтером всей гвардейской кавалерии.

При воспитании их императорских высочеств государей великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича находились: главный начальник генерал-лейтенант граф Ламсдорф; кавалеры генерал-майор Николай Исаевич Ахвердов, полковники Павел Петрович Ушаков и Павел Иванович Арсеньев. Наставником был статский советник барон

Пюже.

Генерал-адъютантов было всего восемь, а именно: Федор Петрович Уваров, генерал-лейтенант и шеф Кавалергардского полка; граф Евграф Федотович Комаровский, генерал-майор; князь Павел Гаврилович Гагарин, генерал-майор, князь Василий Юрьевич Долгоруков 5-й, генерал-майор и шеф Черниговского мушкетерского полка; Илларион Васильевич Васильчиков, генерал-майор и шеф Ахтырского гусарского полка; князь Василий Сергеевич Трубецкой, генерал-майор и действительный камергер; князь Михаил Петрович Долгоруков, генерал-майор и шеф Курляндского драгунского полка и граф Адам Петрович Ожаровский. Флигель-адъютантов было девятнадцать. Из них, сколько мне известно, находится в живых фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский, князь варшавский, бывший тогда капитаном Преображенского полка и имевший Владимирский орден с бантом. Не знаю, жив ли князь Павел Петрович Лопухин, бывший тогда поручиком Кавалергардского полка. Покойный граф Александр Христофорович Бенкендорф был тогда полковником и флигель-адъютантом.

Полками гвардии командовали: Преображенским, генерал-майор Михаила Тимофеевич Козловский; Семеновским по отъезде за границу генерал-майора Николая Ивановича Вердеревского полковник Карл Антонович Криденер; Измайловским после отставки генерал-лейтенанта Петра Федоровича Малютина генерал-майор Павел Яковлевич Башуц-

кий. Шефом гвардейского Егерского полка считался генерал-лейтенант князь Багратион, а полком командовал старший полковник граф Эммануил Францович Сент-Приест (правильно Сен-При, Saint-Priest). Батальонным командиром гвардейской артиллерии считался граф Аракчеев, командовал батальоном полковник Василий Григорьевич Костенецкий, знаменитый своей храбростью и оригинальностью. Кавалергардским полком командовал генерал-майор Николай Иванович Допрерадович. В этом полку служили в то время: ротмистром Василий Васильевич Левашов (ныне граф, генерал-адъютант, и генерал от кавалерии) и штаб-ротмистром Александр Иванович Чернышев (ныне князь, генерал-адъютант генерал от кавалерии и военный министр). Павел Петрович фан Сухтелен (в последствии граф и генерал-губернатор оренбургский), был в этом полку поручиком, а известный писатель Михаила Федорович Орлов – корнетом. Конной гвардией под непосредственным начальством его высочества цесаревича командовал генерал-майор Иван Федорович Янкович. – Поручиком в этом полку был тогда нынешний генерал-адъютант, генерал от кавалерии Владимир Карлович Кнорринг и имел Анну 3-й степени и Золотую шпагу, а нынешний генерал-лейтенант, инспектор запасных гвардейских эскадронов, Петр Иванович Кошкуль, имевший Анну 3-й степени, был корнетом. Лейб-гусарским полком командовал генерал-майор граф Петр Крестьянович Витгенштейн. Знаменитый поэт-партизан Денис Иванович Давы-

дов был в этом полку ротмистром и имел Владимира 4-й степени и прусский Пур-ле-мерит, а Алексей Федорович Орлов (ныне граф, генерал-адъютант и генерал от кавалерии) был поручиком, и имел тогда, орден Анны 3-й степени и Золотую саблю. В этом же полку служил тогда поручиком мой близкий родственник и истинный друг граф Михаил Михайлович Тимман, командовавший в Отечественную войну с честью и славой, отличным Изюминским¹⁶⁰ гусарским полком и скончавшийся в генерал-майорском чине. Это был храбрый, умный и благородный человек, заслуживший общую любовь и уважение.

Науки, словесность и искусства были уважаемы общественным мнением. Словесность хотя не была на такой высокой степени, как в государствах, издревле пользующихся просвещением, но можно сказать, что процветала и имела достойных представителей.

Театральных групп было пять: русская, французская, немецкая, итальянская и балетная. Дирекцией театров управлял по-прежнему Александр Львович Нарышкин. Директором музыки был О.А.Козловский. Экономической частью заведовал действительный статский советник Аполлон Александрович Майков; репертуарной – камер-юнкер князь Александр Александрович Шаховской, лучший комик наш после Фонвизина и Грибоедова, которому в следующем году дан в помощники автор трагедии "Царь Эдип", Александр

¹⁶⁰ Сейчас его принято называть Изюмским (прим. Константина Дегтярева)

Николаевич Грузинцев. Переводчиком был Николай Степанович Краснопольский, которого имя не сходило с афиш. Он перевел почти все пьесы Коцебу, любимую в то время легкую волшебную оперу "Русалка" (Donauweibchen) и множество различных пьес. Краснопольский был одним из самых неутомимых литературных работников.

Президентом российской академии, утвержденной императрицею Екатериною II на честь, славу и пользу русского языка, был действительный статский советник Андрей Андреевич Нартов, отец которого находился некогда при Петре Великом помощником при его токарном станке. Членов было пятьдесят шесть, в числе их пятнадцать писателей, и именно: Гавриил Романович Державин, Иван Иванович Дмитриев, Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, Николай Яковлевич Озерецковский, Василий Васильевич Капнист, Алексей Николаевич Оленин, граф Дмитрий Иванович Хвостов, Николай Петрович Николаев, Александр Семенович Хвостов, Александр Семенович Шишков, Иван Степанович Рижский, Иван Афанасьевич Дмитриевский (знаменитый актер), Павел Иванович Голинищев-Кутузов, Петр Матвеевич Карабанов, Павел Юрьевич Львов, Иван Иванович Мартынов, князь Дмитрий Петрович Горчаков и Александр Сергеевич Никольский. Любимейшие публикой писатели: Николай Михайлович Карамзин, князь Иван Михайлович Долгоруков, Владислав Александрович Озеров, Матвей Васильевич Крюковской и князь Александр Александрович

Шаховской не были членами академии.

Академия наук славилась во всей Европе своими учеными членами. Тогда еще жил знаменитый натуралист Паллас (Петр Семенович), физик Логин Юрьевич Крафт, математик Николай Иванович Фусс, астроном Федор Иванович Шуберт, политический эконом Андрей Карлович Шторх, химик Александр Николаевич Шерер, статистик Иван Филиппович Герман. Из природных русских приобрели известность: натуралист Николай Яковлевич Озерецковский, минералог Василий Михайлович Севергин, химик Яков Дмитриевич Захаров, физик-математик Семен Емельянович Гурьев, анатом и физиолог Петр Андреевич Загорский, математик Василий Иванович Висковатов и почетные члены: математик капитан-командор Платон Яковлевич Гамалья и гидрограф капитан 2-го ранга Иван Федорович Крузенштерн.

Университета в С.-Петербурге не было, но попечителем округа и начальником Педагогического института¹⁶¹ был Н.Н.Новосильцев, а при нем правителем дел надворный советник Федор Павлович Вронченко. Знаменитости Академии художеств были: скульптор Иван Петрович Мартос и Доминик Рашет. По части исторической живописи: Григорий Иванович Угрюмов, Василий Кузьмич Шебуев, Алексей Егорович Егоров; по части ландшафтной живописи: Ге-

¹⁶¹ В этом институте воспитывались К.И.Арсеньев, А.П.Куницын, М.Г.Плисов, Н.И.Бутырский, И.К.Кайданов, В.Н.Клоков и другие русские профессора, оказавшие услуги русскому просвещению.

рард Кегельхен, Федор Михайлович Матвеев; Гравер Иван Васильевич Чесский. По части орнаментной скульптуры Павел Иванович Брюллов (отец нынешних знаменитых художников Александра и Карла Брюлло). Знаменитый архитектор был Андрей Никифорович Воронихин, строитель Казанского собора. Литейного и чеканного дела мастером был Василий Петрович Якимов. Президентом академии был граф А.С.Строганов. Произведения этих знаменитых художников останутся навсегда памятником процветания художеств в России.

В 1809 году государственному устройству дано сильное движение возвышением двух необыкновенных людей в званиях, где они могли свободнее действовать на пользу общую. М.М.Сперанский назначен был товарищем министра юстиции, членом комиссии о составлении законов и членом комиссии об управлении духовных училищ. Товарищем министра внутренних дел назначен был тайный советник Осип Петрович Козодавлев. О М.М.Сперанском я буду говорить подробно, а о Козодавлеве скажу только, что он бесспорно заслуживает благодарной памяти всех русских патриотов. Осип Петрович был потом министром внутренних дел, управлял некоторое время Министерством просвещения и почтовой частью; заседал в сенате и в Государственном совете, при высоком уме и основательном образовании, везде отличаясь усердием к общему благу, необыкновенною деятельностью, стремлением к пресечению злоупо-

треблений, праводушием и правосудием. Страстный поборник просвещения, истинный любитель и покровитель отечественной литературы, он принимал у себя и покровительствовал писателей. По несчастью, я не имею материалов для полной его биографии: но такой вельможа заслуживает, чтоб соотечественники почтили его память. Весьма замечательное лицо в будущей истории России в первой четверти XIX века Михаил Леонтьевич Магницкий был тогда статским советником и начальником отделения в Министерстве внутренних дел, по части государственного благоустройства. Как человек необыкновенного ума и способностей, получивший отличное образование в Московском университетском пансионе, лучшем в то время учебном заведении, Магницкий пользовался особенным благорасположением и покровительством О.П.Козодавлева и М.М.Сперанского, употреблявших его в важных государственных делах.

По части дипломатической весьма замечательным обстоятельством было назначение посла к новому вестфальскому королю, Иерониму Бонапарте: место это занял генерал-майор князь Николай Григорьевич Репнин, между тем как князь А.Б.Куракин в начале 1809 года оставил Вену, потому что отношения России и Австрии доходили до разрыва. Вместо Куракина в Вене остался только поверенный в делах, статский советник, барон Иван Осипович Анстет.

1810-й год был обилен переменами. Государственный совет получил окончательное устройство с назначением пред-

седателем его графа Н.П.Румянцева, уже возведенного в звание государственного канцлера вскоре по заключении мира со Швециею в Фридрихсгаме. Совет разделен был тогда на четыре департамента с особым председателем в каждом. В первом, Департаменте законов, назначен председателем граф П.В.Завадовский; во втором, военном, граф Аракчев; в третьем, *дел гражданских и духовных*, князь П.В.Лопухин; в четвертом, *государственной экономики*, Н.С.Мордвинов, знаменитый патриот, ревнитель славы отечества и его просвещения. В министерствах также произошла перемена. Морским министром назначен адмирал маркиз Иван Иванович Траверс, министром просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский, министром финансов Дмитрий Александрович Гурьев (тогда еще не граф), военным – генерал от инфантерии М.Б.Барклай-де-Толли, юстиции – знаменитый писатель Иван Иванович Дмитриев, бывший тогда в чине тайного советника. При Дмитриеве был секретарем сатирический поэт Михаил Васильевич Милонов. – М.М.Сперанский, уже тайный советник, назначен государственным секретарем и директором комиссии о составлении законов и остался товарищем министра юстиции. Покровительством М.М.Сперанского М.Л.Магницкий произведен в действительные статские советники и переведен в государственную канцелярию с назначением статс-секретарем в Департаменте законов. – В комиссию прошений определен председателем действительный тайный советник Ро-

дион Александрович Кошелев. – Главное управление водяных и сухопутных сообщений совершенно преобразовано; главным директором назначен его императорское высочество принц Георгий Голштейн-Ольденбургский, супруг великой княгини Екатерины Павловны. Первым членом совета управления был гениальный инженер-генерал Франц Павлович Деволант. – Генерал-майор, получивший звание генерал-адъютанта, А.Д.Балашев исправлял в 1809 и 1810 годах должность с. – петербургского военного генерал-губернатора, и обер-полицмейстером был генерал-майор Петр Афанасьевич Папков, человек весьма замечательный, оставивший по себе благодарную память своим прямодушием, строгий с блюстителями порядка и снисходительный к гражданам. Он оставался недолго на месте, и в 1810 году назначен с. – петербургским обер-полицеймейстером генерал-майор Павел Васильевич Кутузов (впоследствии граф, генерал-адъютант и генерал от кавалерии). Главкомандующим в Грузии на место фельдмаршала графа И.В.Гудовича назначен в 1810 году генерал от кавалерии Александр Петрович Торماسов. Это изменило судьбу мою, потому что я намеревался проситься в Грузию под начальство родителя, благосклонного ко мне нашего полковника графа А.И.Гудовича.

К замечательным изменениям по военной части принадлежит переименование Финляндского батальона в Лейб-гвардии Финляндский полк, которого командиром назначен генерал-майор Андрей Андреевич Трошинский. Генерал-май-

ор граф Василий Васильевич Орлов-Денисов, отличившийся личною храбростью и умными распоряжениями в Финляндскую войну, назначен командиром Лейб-казацкого полка (после генерал-майора Чернозубова). Граф Орлов-Денисов, покрывшийся славою в войнах 1808, 1812, 1813 и 1814 годов, – человек весьма замечательный не одними военными подвигами и храбростью, он был искренним любителем просвещения и литературы. Прежде на Дону чуждались школьного образования, и граф В.В.Орлов-Денисов, сын войскового атамана Орлова и внук знаменитого Федора Петровича Денисова, возведенного императором Павлом за заслуги в графское достоинство, вступив на службу на двенадцатом году от рождения, не знал ничего, кроме русской грамоты. Будучи уже войсковым старшиною и находясь в Петербурге, граф Василий Васильевич, получая скудное содержание от богатых своих родителей, начал учиться в частном пансионе (на Кирочной улице, близ Аннинской лютеранской церкви), вместе с другими воспитанниками прошел весь курс школьный и изучил языки французский и немецкий. Пример единственный благородной страсти к образованию! Державин любил графа В.В.Орлова-Денисова и, узнав, что он не в состоянии платить учителям на дому, присоветовал ему вступить в пансион, сказав, *чоучиться никогда и нигде не стыдно*. Граф В.В.Орлов-Денисов был удивительный красавец и притом самый добродушный и благородный человек. Все любили и уважали его. Память храброго вои-

на, любителя просвещения – священна! – Граф Витгенштейн произведен в генерал-лейтенанты, а полковым командиром Лейб-гусарского полка назначен генерал-майор Иван Егорович Шевич. Граф Павел Александрович Строганов назначен командиром Лейб-гренадерского полка. Командиром лейб-егерского полка сделан полковник (скончавшийся в чине генерала от инфантерии) Карл Иванович Бистром, прославившийся отчаянной храбростью в Отечественную войну. Он также был страстным любителем литературы, как свидетельствует биограф его, Г. Лукьянович. – Нынешний фельдмаршал граф эриванский и князь варшавский Иван Федорович Паскевич произведен в этом году в полковники, а граф (ныне князь) Михаил Семенович Воронцов – в генерал-майоры. О них я буду говорить в свое время, и докажу их искреннюю любовь к просвещению и литературе. Нынешний директор всех императорских театров, действительный тайный советник Александр Михайлович Гедеонов, который так усердно и искренно покровительствует русскую драматургию, был в это время переведен из свиты Е.И.В. в чине подпоручика в Кавалергардский полк. О некоторых упомянутых здесь лицах я буду говорить еще в своем месте; о других умолчу, подчиняясь латинской поговорке: «De mortuis aut bene aut nihil».

Большая часть изчисленных мною лиц, действовавших в это время на военном, или гражданском поприще, уже покоится в могиле; некоторые доживают свой век, и только немногие, бывшие тогда в молодых летах, еще действуют.

Многие из людей нового поколения, которые тогда или вообще не родились, или были в детстве, или еще не служили и не действовали, перебирая все выставленные мною имена, и увлекаясь самолюбием, может быть, спросят: что же сделали эти люди? Сделали много, а важнейшее из дел их в том, что если вы почитаете нынешнюю эпоху лучшею, то люди предшествовавшей эпохи приготовили ее для вас. Скажу беспристрастно, что как прошлая эпоха была приготовительная, то в ней много было несовершенного. Мед не сладок, пока пчелы не окончат работы. – По гражданской части все преобразовывалось к лучшему, по новым планам; но исполнение надлежало поручать людям, привыкшим к прежнему порядку, и хороших, образованных чиновников было немного до издания указа 6-го августа 1809 года, до умножения университетов и вообще до облегчения средств к приобретению необходимейших в государственной службе познаний. Превосходные учреждения можно скоро создать, но способных людей создать нельзя. На это надобно много времени. Подьячие, опытные дельцы и ловкие крючкотворцы, воспитанные в канцеляриях, по большей части управляли делами, брали взятки с правого и с виноватого и грабили казну, когда только могли. По нашему фамильному процессу я имел случай в этом удостовериться! Поступки провиантских чиновников того времени засвидетельствованы историей¹⁶².

¹⁶² См. Описание войн 1806, 1807, 1809 и 1810, Соч. А.И.Михайловского-Данилевского.

В таможняx при откупах, подрядах было еще хуже. Цены всем прибыльным местам были известны. Страшно, когда вспомнишь о том, что осталось в памяти, и я мог бы составить несколько томов из одних анекдотов о прежних проделках, которые тогда всем были известны, потому что делались явно. В моем «*Иване Выжигине*» я изобразил только тень прошлого времени. Не хочу распространяться в исчислении злоупотреблений; скажу только, что, между тем как благонамеренные и праводушные начальники истощали все свои силы и средства для пресечения и искоренения злоупотреблений, некоторые смотрели на них равнодушно, а другие даже сами пользовались своим положением и обогащались! Спрашиваю: какими средствами можно нажать на службе пять, десять, пятнадцать, двадцать тысяч душ крестьян? Как можно скопить миллионы? А примеров много! Не поднимаю завесы. И за «*Ивана Выжигина*» меня чуть не заклевали, и теперь еще иногда щиплют – а если бы я рассказал сотую долю того, что знаю, хоть без имен, то пришлось бы или улечься в могиле, или скрыться в лесу! Важнейшею защитою злоупотреблений было и есть распространение злоупотреблениями мнения, что *доносить бесчестно!* А разве присяга не обязывает нас к этому? Если не бесчестно поймать ночного вора и разбойника, то мне кажется, что даже почетно указать *явно и громко* на взяточника, похитителя казны или пройдоху, увлекающего свои выгоды из дел общественных. Но на| добно *доказать*. А имеет ли частный человек средства к произведе-

дению следствия и подкрепления улик свидетеля? Во Франции генерал-прокурору предоставлено право позвать в суд человека, если общее мнение указывает на него. И у нас были прокуроры и стряпчие для той же цели, но они были безмолвны. Не даром существует пословица: «Рука руку моет!»

Нет никакого сомнения, что тогда не было такого множества прекрасных, образованных, честных и бескорыстных чиновников, как ныне в министерствах и в высших присутственных местах, и что теперь несравненно лучше пишут в канцеляриях, чем писали прежде, и чем пишут в некоторых нынешних журналах. Справедливо и то, что теперь чиновники ведут себя скромнее, приличнее. Но и то правда, что в тогдашнем *образованном круге*, в молодежи было более жизни, более энергии, более стремления к высокому, более рыцарства, и что патриотизм в юношестве окрылен был любовью к славе и к умственным успехам. Все молодые люди, получившие образование, особенно военные, читали, слушали, рассуждали, а видя благое направление правительства, радовались и благословляли его. Направление к лучшему было очевидное, так сказать осязаемое, и только загрубелое невежество и любостяжание роптали, как вопят гады при осушении болота. Мы не имели Пушкина и Грибоедова, но прекрасное дарование В.А. Жуковского было тогда в полном своем развитии, и мы имели Державина, Карамзина, Дмитриева, Озерова, князя Шаховского, Д.В. Давыдова. Крылов начал в это время писать свои басни, а Батюшков свои изящные стихо-

творения. Никогда не занимались так усердно очищением и возделыванием языка, как в это время. Если бы нынешние литераторы изучали труды Шишкина, Востокова, Соколова, Борна, Никольского, Мерзлякова, то не писали бы таким диким слогом и таким искаженным языком. Какой из нынешних журналов может сравниться с «Вестником Европы», основанным Карамзиным в 1802 году и издаваемым в 1808, 1809 и 1810-м ВАЖуковским вместе с М.Т.Каченовским! Литературные общества, в которых литераторы читали свои сочинения сперва между собою а потом при собрании публики, распространяли вкус и любовь к литературе и, что весьма важно, сближали литераторов. В обществах: *С.-Петербургском любителей словесности, наук и художеств* (основанном в 1803 году) и в *Беседе любителей российского слова*, имевшей свои заседания в доме основателя (в 1810 году), знаменитого Державина, встречались литераторы, находили одобрение или благонамеренную критику своих сочинений, а в публичных собраниях делались известными лучшему обществу столицы. В Москве, в Казани, в Харькове также были общества словесности, истории и наук, и деятельному уму нельзя было ни дремать, ни совращаться с истинного пути. Благородное соревнование одушевляло всех любителей литературы и возбуждало к деятельности всех имевших призыв к ней.

Но кто более всех обращал на себя внимание на гражданском поприще, кто более всех действовал и произвел из

всех сподвижников императора Александра в великом подвиге преобразований и усовершенствований? Это, без всякого сомнения, Михаил Михайлович Сперанский. О нем тогда везде и все говорили, им более всех занимались. Сообщаю о нем что *знаю* от его рождения до кончины. Теперь можно говорить о нем откровенно и справедливо. Если на могиле заслуженного мужа не высказать правды – то уж лучше отречься от нее!

М.М.Сперанский родился в 1771 году и происходил из духовного звания. Он был сын священника Владимирской губернии и уезда, села Черкутина. Первоначальное образование получил он во Владимирской семинарии. Фамилия отца Михаила Михайловича Сперанского была *Грамотин*, но в семинарии дано ему название Сперанского (от латинского слова *spes*, надежда, *sperans*, находящийся) по необыкновенным его успехам в науках, по способностям и характеру, возбуждавшим в профессорах большие надежды насчет будущей судьбы их питомца. Они не обманулись в своих надеждах. Мы имеем многие примеры перемены фамилий в семинариях. Образование свое М.М.Сперанский кончил в С.-Петербургской Александро-Невской духовной академии. Он изучил основательно в школах языки латинский и греческий, а современным языкам: немецкому, английскому и французскому, обучался у частных учителей на собственный счет, уже занимая в академии звание профессора словесности, а потом и математики, к которой он имел непре-

одолимую склонность. Когда я, однажды, спросил М.М.Сперанского, почему он предпочел математику другим наукам, он отвечал мне, со своею обыкновенною услаждавшею душою улыбкою: «Потому что положительные истины только в одной математике». Я никогда расспрашивать, да и не смел его о том расспрашивать, каким образом он вошел на поприще гражданской службы и оставил ученое звание. Известно, однако ж, что он преподавал уроки в доме князя Алексея Борисовича Куракина, занимавшего важную должность при генерал-прокуроре князе Вяземском. Князь Куракин, часто разговаривая с профессором, был очарован его глубокими и разнородными познаниями и возвышенными идеями, и предложил ему место частного своего секретаря, которое М.М.Сперанский принял охотно. Когда при восшествии на престол императора Павла Петровича князь А.Б.Куракин произведен был в генерал-прокуроры, он немедленно предложил М.М.Сперанскому перейти на гражданскую службу (в 1797 году) под его начальство. Сперанский был тогда по двадцать шестому году возраста.

Необыкновенные дарования, глубокие познания и ясное, чистое изложение трудных дел, поручаемых Сперанскому, сделали его вскоре известным всем лицам, занимавшим важные должности. Он занимал место секретаря при трех генерал-прокурорах князе А.Б.Куракине, Беклешове и Обольянинове, и дослужился в этом звании до чина статского советника. Всех лучше оценил его граф Виктор Павлович Ко-

чубей. При восшествии на престол императора Александра Сперанский в 1801 году, на тридцатом году от рождения, будучи уже статским советником, назначен статс-секретарем в Государственном совете, не имевшем тогда никакого определенного устройства. Я слышал, что граф В.П.Кочубей ходатайствовал за Сперанского и просил о назначении его на это место. Почти все важные государственные акты, вышедшие в свет до 1812 года, написаны Сперанским. При образовании министерств в 1802 году Сперанскому высочайше поручено было составить под надзором графа В.П.Кочубея, первого министра внутренних дел, план устройства этого министерства. Этот план долженствовал служить образцом для всех других министерств. Сперанский исполнил поручение с величайшим успехом и доказал свои глубокие познания в деле государственного управления. Годовые отчеты Министерства внутренних дел, составляемые Сперанским и печатаемые в *С.-Петербургском журнале*, им учрежденном и издававшемся при этом министерстве (с 1804 до конца 1809 года), обратили на себя внимание не только всей России, но и всей Европы, в которой они сделались известными по сочинению академика Шторха: *Russland unter Alexander I* (т. е. Россия при Александре I). Кроме высоких идей и выражения благого направления правительства, заключающихся в этих отчетах, они, равно как и все статьи *С.-Петербургского журнала*, были и навсегда пребудут образцами канцелярского слога, каким должны писаться официальные бу-

маги в государстве просвещенном. *С.-Петербургский журнал* составляет эпоху не только в русской администрации, но и в русской письменности; он произвел самое благодетельное влияние во всех отраслях управления. В 1803 году государь поручил Сперанскому, также через графа В.П.Кочубея, составление плана образования судебных и правительственных мест в империи, что исполнено им превосходно, хотя некоторые части плана и не приведены в исполнение в ожидании общего преобразования.

Узнав способности Сперанского, император Александр назначил его товарищем министра юстиции и директором комиссии о составлении законов и приблизил его к своей особе (в 1808 году). Государь поручал ему обработку всех важнейших дел и планов по части высшего государственного управления, и передавал ему все поступавшие к нему проекты по этому предмету. В конце 1808 года Сперанский стал уже весьма близким к государю лицом. Государь император сам прилежно занимался делами, и проводил целые вечера со Сперанским в своем кабинете в чтении различных сочинений, относящихся к государственному устройству и управлению, и наконец поручил ему составление плана государственного образования по собственным своим идеям. План был составлен, и государь, рассмотрев его подробно, вознамерился привести его в действие по частям, чтоб не вдруг все ниспровергнуть, основываясь на одной теории. Из этого плана приведены в исполнение образование Государ-

ственного совета, устройство министерств и устав каждого из них с определением порядка их сношений между собою, и в следствие этого же плана учреждены два новые министерства: полиции и государственного контроля. Преобразование правительствующего сената и другие важные изменения в управлении остались неисполненными. В комиссии о составлении законов Сперанский составил две части гражданского уложения, и внес их в совет. Третья часть, заключающая в себе коммерческий устав и уголовное право, требовала только отделки. В этом труде Сперанский не имел ни одного помощника, и все составил один, не обращая никакого внимания на представленные ему проекты Г.Розенкампом и другими. По покорении Финляндии Сперанскому было поручено управление этого края и новое его устройство, и в то же время он был назначен канцлером Абоского университета (ныне Гельсингфорского), который навсегда будет помнить заслуги Сперанского, исходатайствовавшего от щедрот государя императора умножение его доходов и другие важные преимущества. В то же время Сперанскому дано поручение преобразовать все духовные училища в России, и устроить прочное их управление, что исполнено им с величайшей мудростью.

Но важнейший труд Сперанского – это изменение финансовой системы. В конце 1809 года ассигнации начали упадать в курсе, и в смете на 1810 год представлен был недостаток в 105 миллионов рублей. Войны истощили казну, а необ-

ходимость быть готовым к новой войне требовала скорой помощи. Положение финансов беспокоило государя императора. Все представленные государю планы заключались в умножении ассигнаций! Император Александр поручил наконец Сперанскому составить план к прикрытию издержек и восстановлению кредита. План Сперанского основывался на четырех началах. Он предложил: 1) Прекратить выпуск ассигнации и для убеждения в этом народа, сделать эту меру гласной. 2) Уменьшить число ассигнаций учреждением капитала погасительного и прочного посредством увеличения налогов. 3) Учредить постоянные доходы для прикрытия государственных расходов, определить с точностью расходы, сократить и привести в порядок издержки. 4) Подвергнуть все сметы министерств контролю Государственного совета, а все издержки контролю государственному. План этот хотя был одобрен государем императором и Государственным советом, но не был исполнен во всех своих частях самими исполнителями. Однако ж, он принес величайшую пользу, и приносит ее до сих пор предварительным рассмотрением смет и последовательною проверкою издержек в государственном контроле, который был страшен при покойном бароне Бальтазаре Бальтазаровиче Кампенгаузене (государственном контролере), человеке с необыкновенным умом, деятельностью, беспристрастием и правдивостью.

Со вступления своего на поприще гражданской службы с 1797 по 1812 год, т. е. в течение пятнадцати лет, Сперанский

достиг важного звания государственного секретаря, был тайным советником, александровским кавалером, и что всего драгоценнее, пользовался милостью и доверенностью государя императора. Но между тем, как он, по воле и по мыслям государя, работал неутомимо, под ним копали пропасть, в которую наконец он обрушился.

Всем известно, что самые благодетельные нововведения находят всегда и везде множество порицателей, и что каждое частное лицо, вышедшее из своей сферы в высший круг своими личными достоинствами и заслугами, должно иметь завистников, следовательно, и врагов. Это ведется везде на свете с тех пор, как люди образовали гражданское общество. Даже самый скромный ум, чуждый всякого честолюбия, имеет непримиримых врагов, если дерзнет выглянуть на свет, а клевета старается предварительно заградить ему путь к высоте. Как же можно было Сперанскому не иметь врагов! Все нововведения и все проекты приписывались ему. Указ 6-го августа 1809 года воспламенил против него ненавистью всех чиновников, для честолюбия которых предел назначался только до чина титулярного советника, а для перешедших за эту черту прежде издания указа – только до чина коллежского советника. Высшее прохождение чинов назначалось только людям, посвященным в таинства наук! – спрашиваю, чего более в каждом государстве: невежества или просвещения? Целые легионы чиновников с чадами и домочадцами вопияли против Сперанского, и обновляли свою злобу при

каждом производстве образованного товарища. Мало того что все вопияли, были и такие, которые рассевали клеветы, и во всем, едва ли не в дурной погоде или повальной болезни, обвиняли Сперанского. Купцы приписывали ему упадок торговли, происшедший вследствие континентальной системы, веря мнимой его приверженности к Наполеону. Учреждение контроля также наделало ему непримиримых врагов, а главная причина самой опасной для Сперанского вражды – это была милость и доверенность к нему государя, передававшего на его обсуждение многие представляемые ему бумаги и доклады и требовавшего часто откровенного мнения о делах и лицах. Собрано было все, чтоб очернить характер Сперанского, и представить его человеком вредным и опасным. Его скромность и ласковость называли притворством и лицемерием; искреннюю душевную его вежливость и снисходительность именовали умышленною вкрадчивостью; его планы к улучшению всех частей государственного устройства – средствами к возбуждению негодования в народе против правительства в пользу Наполеона, высоко ценившего его достоинства. Набожность Сперанского, твердую, потому что она была основана на высшей философии, называли ханжеством. Выводимый часто из терпения, Сперанский иногда смело и правдиво отзывался о некоторых лицах – и это названо было злонамеренностью, а суждения его о недостатках прежних форм в администрации почитаемы были якобинством.

Всю эту хитросплетенную клевету, прикрашенную мни-

мым усердием, представляли государю в различных формах, от разных лиц и из разных мест в самое опасное время, при начале Отечественной войны, когда государю некогда было заняться рассмотрением и исследованием многосложного и ужасного доноса, и государь, полагая, что уступает необходимости и что удалением Сперанского успокоит раздраженные умы народа, решился на устранение его от дел. Не было, нет и не будет человека, как говорит Шекспир, "от жены рожденного", которого бы нельзя было обмануть хотя однажды в жизни, и неудивительно, что мудрый, благодушный, истинно благословенный император Александр если и не поверил совершенно клевете, то, по крайней мере, усомнился в человеке, которого никто не смел защищать перед ним, и притом в такую опасную годину, когда даже нельзя было колебаться между отечеством и одним подданным!..

Не смею называть главных виновников несчастья Сперанского, хотя они уже все в могиле, там, где и жертва их злобы. Но могила не все прикрыла! Добрые и злые дела остаются, и громко возопиют в потомстве!

Сперва Сперанский был удален в Нижний Новгород, в котором он прожил спокойно шесть месяцев. Когда французы заняли Москву, Сперанскому назначен для жительства город Пермь, в 1500 верстах от Москвы. Эта мера огорчила его, потому что она некоторым образом подтверждала подозрение о сношениях его с врагом отечества, отдаляла от малого числа друзей, оставшихся ему верными в несчастье, и

поставляла в затруднение насчет издержек при ограниченном состоянии. Но он вскоре утешился, удостоверясь, что император Александр, которого он обожал, помнит о нем, потому что он назначил ему значительную пенсию. В Перми Сперанский провел все время Отечественной войны, а в январе 1813 г. осмелился написать к государю письмо, в котором изложил вкратце все свои действия, и опровергая клевету, просил исследовать доносы, а между тем позволить ему провести остаток жизни в забвении в имении жены¹⁶³ его в деревне Великополье, восьми верстах от Новгорода. Письмо это Сперанский послал с дочерью своею¹⁶⁴, чтобы оно верно поступило в руки государя.

¹⁶³ М.М.Сперанский женат был на англичанке, девице Стюэнс (Stewenss), которой мать была воспитательницей детей графа Андрея Петровича и Катерины Петровны Шуваловых. Одна из питомиц ее, графиня Прасковья Андреевна, вышла замуж за князя Михаила Андреевича Голицына, а другая, графиня Александра Андреевна, за князя Франциска Дитрихштейна. Дети княгини П.А.Голицыной, урожденной графини Шуваловой, служат с честью в генеральских чинах, пользуясь общей любовью и уважением. Князь Андрей Михайлович Голицын, генерал-лейтенант, облечен ныне в важное звание витебского, могилевского и смоленского военного губернатора, а князь Михаил Михайлович Голицын, генерал-майор Главного штаба его императорского величества, обер-квартирмейстер отдельного корпуса внутренней стражи. Супруга М.М.Сперанского, воспитанная в семействе, отличавшемся всеми похвальными качествами души и ума, была образцом кротости, ласковости и всех христианских добродетелей, но жила недолго. М.М.Сперанский никогда не мог утешиться в этой невозвратной потере, и хотя ему впоследствии предлагали многие выгодные партии, он из уважения к памяти покойной жены и из любви к дочери остался вдовцом.

¹⁶⁴ Елисаветой Михайловной, бывшей в замужестве за сенатором тайн, советы. Александром Васильевичем Фроловым-Багреевым.

Государь император дозволил ему жить в имении жены своей, обещая при первой возможности рассмотреть дело и все бумаги, оставшиеся в кабинете Сперанского.

М.М.Сперанский с необыкновенным удовольствием вспоминал о пребывании своем в Великополье. "Там нашел я, наконец, тихую пристань после бурного плавания, – сказал он мне однажды. – исполнив долг мой государю и Отечеству, по совести и крайнему разумению, – продолжал он, – я наконец мог жить для себя и для моего семейства, быть полным хозяином моего времени, заниматься тем, что составляло мою радость и услаждение, не зная никакого принуждения. Я сам давал уроки моей дочери, кончил и пересмотрел перевод мой *«О подражении Иисусу Христу, сочинение Фомы Кемпийского»*, начатый еще в Перми, и до того начитался Тацита, что почти выучил его наизусть. Все изученное, прочитанное и написанное мною в течение всей моей жизни, я, так сказать, уложил в порядке в моей памяти, и составил выводы (результаты). Я был совершенно спокоен в убеждении, что государь помнит обо мне, что истина непременно обнаружится и проникнет в общее мнение, и что оно, наконец, перестанет быть мне враждебным". Так и случилось! В 1816 году (в августе) последовал именной указ, в котором император Александр, назначая Сперанского пензенским гражданским губернатором, оправдал его перед Россией и Европою, сказав в указе, что, получив важные доносы в то самое время, когда отправлялся в армию, он не мог рассмотреть их с

надлежащею точностью и по важности обвинений благоразумие требовало удалить от дел обвиненного; но что по произведенному следствию обвинения оказались неосновательными. Этого было довольно, и хотя звание губернатора не соответствовало занимаемым им до его удаления местам, Сперанский принял его с благодарностью, сожалея только о своем тихом убежище. В то же время государь пожаловал ему 7000 десятин земли. Правосудием, бескорыстием, снисходительностью и ласковостью своею Сперанский приобрел беспредельную любовь и глубокое уважение жителей всех сословий Пензенской губернии – и управление его названо золотым веком. В 1819 году император Александр назначил Сперанского сибирским генерал-губернатором и председателем двух комиссий. Первая должна была исследовать законным порядком все злоупотребления, которым Сибирь подвергалась в прежнее управление, а вторая комиссия должна была составить план для управления этой обширной страны, населенной различными народами. М.М.Сперанский назначен был генерал-губернатором после тайного советника Ивана Борисовича Пестеля, и после отрешения от должности известного иркутского гражданского губернатора, Николая Ивановича Трескина.

М.М.Сперанский оставил по себе незабвенную память в Сибири. Он был достойным представителем мягкосердия императора Александра, его правосудия и любви к народу. Пока будет существовать Сибирь, до тех пор будут там вспо-

минать с умилением о Сперанском, как об ангеле-хранителе, ниспосланном самим Богом, внушившим Своего Помазанника. Я сам видел, и неоднократно, слезы сибиряков при произнесении имени Сперанского! Каждый сибиряк, приезжавший в Петербург, ходил к Сперанскому, как к отцу, чтобы взглянуть на него и услышать звуки его голоса. Это была отрада для каждого! Представитель правительства, возбуждая к себе общую приверженность и доверенность при исполнении своих обязанностей, оказывает правительству величайшую услугу, заставляя любить его.

В два года Сперанский изъездил всю Сибирь, чтобы узнать нужды и средства края, познакомиться на месте с образом жизни, промыслами жителей и управлением, и наконец, в 1821 году составил план управления Сибирью, который приведен в действие под именем *Сибирского уложения*. Характеристическое достоинство этого уложения состоит в том, что в нем не забыты нужды и отношения всех сословий народа – от диких инородцев, коренных жителей Сибири, до богатых граждан и чиновников.

В 1821 году Сперанский призван был в Петербург. В девять лет его отсутствия из столицы все переменялось! Клевета была забыта, и заслуги Сперанского ярко сияли. Император Александр принял Сперанского не только милостиво, но с чувством, и Михаил Михайлович до своей кончины всегда с умилением вспоминал об этом свидании. "Я хотел говорить, изъявить благодарность мою государю, – сказал мне

Сперанский, – и не мог... взглянул на него... и залился слезами!" Государь обнял меня и сказал: "Забудем прошлое". – "Нет, государь, отвечал я сквозь слезы: я помнил всегда и никогда не забуду Ваших милостей и Вашей благодати. Вы человек – следовательно могли ошибиться"... Император Александр назначил Сперанского членом Государственного совета и членом комиссии о составлении законов, и он снова начал усердно трудиться на пользу общую.

Ныне благополучно царствующий государь император Николай Павлович почтил высокие заслуги и достоинства Сперанского, поручив ему исполнение величайшего и бессмертного подвига своего царствования – составление *свода законов*, и наградил истинно по-царски. Сперанский произведен в действительные тайные советники, получил Андреевскую ленту, графский титул, обеспечение состояния, а в знак своей доверенности государь император предоставил Сперанскому преподавание законодательства его императорскому высочеству государю цесаревичу, наследнику престола.

Всеми любимым и уважаемым граф Михаил Михайлович окончил земное свое поприще в январе 1839 года, на шестьдесят восьмом году от рождения. Труды и внутренние страдания расстроили крепкое его здоровье. Он мог бы еще долго жить для пользы отечества. К общему сожалению, Сперанский не оставил наследника своего имени, которое будет ярко сиять в умственной части народной русской истории!

Сперанский был высокого роста и отлично сложен. Прекрасное лицо его выражало ум и кротость. Высокое чело его запечатлено было гениальностью. Звук его голоса производил какое-то очарование, улыбка проливалась в сердце усладу; кроткий взгляд его проникал в душу и возбуждал к нему доверенность. Ничто не могло противостоять его красноречию. Он выражал свои мысли просто, ясно, кратко, а когда был одушевлен, то озарял речь свою лучами поэзии. Никто не говорил по-русски лучше Сперанского, и никто не знал так основательно письменного языка, как он. В каждой его работе виден практический ум математика. Все имеет основание, постепенность, систему, и потому выводы и заключения ясны. Не знаю, может ли быть человек с лучшим сердцем, какое было у Сперанского. Кто только знал его, тот его любил до обожания. Никому не сделал он умышленного зла, и великодушно прощал своим врагам. Россию Сперанский любил выше всего в мире – и только человечество ставил выше отечества, т. е. он не желал бы, чтобы слава его основана была на бедствии человеческого рода. Он был вовсе чужд предрассудка, который порождает ненависть или недоброжелательство к иноплеменникам или чужезычным племенам, составляющим народонаселение России. Религиозность его была высокая, и он был враг ханжества и нетерпимости (intolerance), желая чтобы каждый поклонялся создателю по своему внутреннему убеждению. Сперанский был человек истинно европейский, который бы в самых просвещенных

странах мог занимать первые государственные должности. Даже враги его не могли ничего выдумать на счет его бескорыстия! Никогда не осквернил он рук своих неправым стяжанием. Все, что он имел, было даром государей, которым он служил верно и усердно. Не было и не будет человека бескорыстнее и честнее Сперанского.

Государственные труды отвлекали его от принятия деятельного участия в отечественной литературе, которую он любил страстно, читал много, и уважал и ласкал писателей, которых труды почитал полезными. Однако ж, среди государственных трудов, он успел написать и издать: 1) Избранные места из разных творений Фомы Кемпийского, перевод с латинского. Сиб., 1819. 2) "О подражании Иисусу Христу, Фомы Кемпийского" и проч., перевод с латинского, 1819, 1821, 1844. 3) Правила высшего красноречия, напечатано в 1844 году. 4) Обзорение исторического сведения о Своде законов и проч. 1833 года и 5) Руководство к познанию законов (напечатано в 1845 г.). Последнее сочинение есть перечень уроков, которые преподавал М.М.Сперанский его высочеству цесаревичу, так сказать его собственная тетрадь, по которой он развивал изустно начала, находящиеся в ней. Влияние М.М.Сперанского на русский язык было сильное и благодетельное. Н.И.Греч в *Опыте краткой истории русской литературы* (первое издание 1822 года, стр. 253) говорит: "Образцами дипломатического слога могут служить манифесты, указы и другие важные акты, изданные с самого

вступления на престол ныне царствующего императора (писано при жизни Александра); в числе оных особенно отличаются: манифесты о подтверждении прав дворянства и градских обществ, о кончине великой княгини Александры Павловны, о милиции 1806 года и мн. др. В них нельзя не узнать пера М.М.Сперанского, которому сверх того литература и христианское нравоучение обязаны превосходным, переводом творения Фомы Кемпийского: «*О подражании Иисусу Христу*». Примеры чистого, правильного и благородного слога можно найти в С.-Петербургском журнале (1804-9), издававшемся при Министерстве внутренних дел". Все статьи этого журнала, как известно, были писаны или пересмотрены и переправлены Сперанским.

Не только враги, но даже и многие приверженцы М.М.Сперанского упрекали его в слабости характера. Ложное обвинение! Каким образом человек без силы душевной мог дойти до такого высокого звания, без всяких связей, без интриг, одними своими достоинствами? В счастье Сперанский не был горд, и несчастье претерпел с Сократовым мужеством, никогда не унижаясь и всегда действуя прямодушно. Разве это не сила характера? Многие требовали, чтобы он рвался, кричал, подавал планы к изменению того, что казалось недостаточным, Указывал на зло, и т. п. Это беспокойство и движение некоторые называют силой *характера*. Ложное мнение! Сперанский, не имея на что опереться в случае неудачи, принял за неизменное правило, от которого он никогда

не отступал: говорить тогда только, когда его спросят, и писать о том, что представлялось его суждению по его званию или что ему особенно поручено, не вмешиваясь в чужие дела. Это вовсе не означает слабости характера, как многим кажется, но это истинная мудрость. Полагаю даже, что у нас и не должно делать иначе, чтоб не произошло столкновений, недоразумений. Пусть только каждый на своем месте поступает так совестливо и с таким познанием дела, как поступал Сперанский – был бы доволен! Сперанский был в полной мере человек добродетельный и мудрый в жизни общественной и семейной, в кругу своих приверженцев, которым он был предан душою, и между своими врагами и завистниками, о которых он только сожалел, и никогда даже не помышлял о мести. Ни одно пятно не пало на его светлую, тихую, примерную жизнь – и о нем можно сказать то, что сказал Тацит об Агриколе:

"Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporam, fama rerum. Nam multos veterum, velut inglorios et ignabiles, oblivio obraet: Agricola, posteritati narratus et traditus, superstes erit. Т. е. Все, что мы любили и чему удивлялись в Агриколе, живет и будет вечно жить в сердцах вместе с памятью дел его. Многие из пользовавшихся в старину известностью, погибнут в пучине забвения, в бесславии и ничтожестве; Агрикола, перенесенный в потомство повествованиями и преданиями, – останется бессмертным".

Я представлен был Сперанскому Александром Ивановичем Тургеневым в 1823 году, когда я издавал Северный архив. М.М.Сперанский любил отечественную историю, прочел все, что было о ней писано по-русски, по-немецки и по-французски, и составил о многих трудных и неразрешенных вопросах истории собственные свои мнения. – Позволив мне навещать его, особенно по утрам, от 7-ми часов до 10-ти, когда он не принимался еще за дела, и вечером от 9-ти часов, Михаил Михайлович в несколько посещений моих, так сказать, проэкзаменовал меня. Потом он всегда принимал меня ласково, хотя я и не беспокоил его часто. Я ходил к нему, как к оракулу, для разрешения моих сомнений о разных предметах, за советом, а иногда за утешением. Взгляд его и звук голоса действовали на меня магически. В тот день, когда я видел Сперанского и слышал его голос – я был счастлив! Он одобрял меня в ратовании за исторические истины, за чистоту языка и изящное, почитал статьи мои о нравах полезными – и это придавало мне силу и мужество. Вражда пигмеев-гордецов, которым я не хотел покориться, казалась мне ничтожною после ласкового слова Сперанского! Мои мысли насчет русской истории, изложенные в моем сочинении *«Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях»* были одобрены Сперанским, принимавшим живое участие в этом моем труде. Во многом я прибегал к его советам. Искажение русского языка, начавшееся в журналах и теперь дошедшее до высшей степени безумия,

сильно огорчало Сперанского. Не хочу повторять его суждений насчет искажителей, чтоб не приписали его слов мне.

Когда фамильный процесс мой вошел в Государственный совет на разрешение в 1825 году, М.М.Сперанский жил на даче в Парголове, в доме графов Шуваловых, которых он был попечителем. Против меня была сила. Я явился к М.М.Сперанскому и сказал только: «*Защитите!*» – «Любезный друг, – отвечал мне Сперанский, – если вы правы, я буду защищать вас всеми зависящими от меня средствами, а если неправы, то искренно пожалею о вас – и буду против вас. Я велел доставить ко мне все дело, и нынешним летом рассмотрю его во всех подробностях». К.Г.Р#####ский, бывший тогда при его особе, знает хорошо, как занимался моим делом Сперанский, он рассмотрел его во всей подробности, поверил все подлинные акты, подал мнение, с которым согласились почти все господа члены Государственного совета, – и я выиграл тяжбу! Никогда не дерзнул я спросить предварительно, что думает Михаил Михайлович о моем деле – и никогда он мне не сказал ни слова! Когда я стал благодарить его, он отвечал: «Радуюсь, что ваше дело правое!»

Однажды во время прогулки (а я ловил его на прогулках, боясь беспокоить часто на дому) речь зашла о постигнувшем его несчастье, и я изъявил мое удивление, что не нашлось защитников истины. – "Если б я был в фамильных связях с знатными родами, – сказал Сперанский, – то, без сомнения, дело приняло бы другой оборот. Кто хочет держаться в све-

те, тот должен непременно стать на якорь из обручального кольца". Эту фразу я ввел в роман мой "Петр Иванович Выжигин", и М.М.Сперанский сказал мне после того в шутку: "Вы человек опасный – печатаете приятельские беседы!" Не могу привести здесь всего, что говорил Сперанский о русской литературе, потому что мои *благоприятели* могли бы подвергнут сомнению верность слов моих.

Сперанский – это редкое явление, которое, вероятно, не повторится в течение долгого времени! Почитаю себя счастливым, что я знал его и даже заглядывал в его высокую душу, и что дожил до того времени, в которое отдана ему была полная справедливость. Эта справедливость в награде Сперанского есть неувядающий лавр в венце нашего доброго государя! Дай Бог ему за это во всем счастья!

Теперь перейдем к общественным событиям и моим приключениям.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА I

Кронштадт за сорок лет пред сим. – Наружный вид. – Женское общество высшее и низшее, или Правая и левая сторона. – Вечеринки. – Дикий француз и своякья его жена. – Старый воин времен румянцевских, потемкинских и суворовских.

Если б жизнь моя протекла, как тихий ручей или даже как протекает искусственный водопад по размеренным ступеням, тогда бы я не вздумал печатать *отрывков* из моих *Воспоминаний*. Много испытал я в жизни горя, но, чтоб, по словам Крылова, «гусей не раздразнить», умалчиваю о многом, и представляю только то, что характеризует эпоху в отношении нравов и обычаев. В сорок лет Россия совершенно изменилась – и все сказанное мною перешло в древнюю историю.

Едва ли был город в целом мире скучнее и беднее тогдашнего Кронштадта! Ни один город в Европе не оставил во мне таких сильных впечатлений, как тогдашний Кронштадт. Для меня все в Кронштадт было ощутительнее, чем для другого, потому что я, как аэролит упал из высшей атмосферы об-

щества в этот новый мир. В Кронштадте сосредоточивалась, как в призме, и отражалась полуобразованность чужеземных моряков в их своевольной жизни.

В Кронштадте было только несколько каменных казенных зданий: казармы, штурманское училище, таможня, дома комендантский и главного командира и несколько частных домов близ купеческой гавани. Деревянных красивых домов было также мало. Даже собор и гостиный двор были деревянные, ветхие, некрасивые. Половина города состояла из лачуг, а часть города, называемую Кронштадтскою (примыкающую к Водяным воротам), нельзя было назвать даже деревней. Близ этой части находился деревянный каторжный двор, где содержались уголовные преступники, осужденные на вечную каторжную работу. На улицах было тихо, и каждое утро и вечер тишина прерывалась звуком цепей каторжников, шедших на работу и с работы в военной гавани. Мороз, благодетель России, позволял беспрепятственно прогуливаться по улицам Кронштадта зимою, но весною и осенью грязь в Кронштадтской части и во всех немощеных улицах была по колено. Вид замерзшего моря наводил уныние, а когда поднималась метель, то и городской вал не мог защитить прохожих от порывов морского ветра и облаков снега.

В Кронштадте не было не только книжной лавки или библиотеки для чтения, но даже во всем городе нельзя было достать хорошей писчей бумаги. В гостином дворе продавали только вещи, нужные для оснастки или починки кораблей, и

зимую почти все лавки были заперты. Магазинов с предметами роскоши было, кажется, два, но в них продавали товары гостинодворские второго разбора. Все доставлялось из Петербурга, даже съестные припасы хорошего качества. Город был беден до крайности. Купцы, торговавшие с чужими краями, никогда не жили в Кронштадте, а высылали на лето в Кронштадт своих приказчиков. Кронштадт населен был чиновниками морского ведомства и таможенными офицерами флота, двух морских полков и гарнизона, отставными морскими чиновниками, отставными женатыми матросами, мещанами, производившими мелочную торговлю, и тому подобными. Между отставными чиновниками первое место занимали по гостеприимству барон Лауниц и Афанасьев (не помню в каких чинах). У обоих были в семействе молодые сыновья, офицеры, и дочери-девицы, а потому в этих домах были собрания и танцы. Был и клуб, в котором танцевали в известные дни. Бахус имел в Кронштадте усердных и многочисленных поклонников! Пили много и самые крепкие напитки: пунш, водку (во всякое время); мадера и портвейн уже принадлежали к разряду высшей роскоши. После Кронштадта никогда и нигде не видал я, чтоб люди из так называемого порядочного круга поглощали столько спиртных напитков! Страшно было не только знакомиться, но даже заговорить с кем-нибудь, потому что при встрече, беседе и прощании надлежало пить или поить других! Разумеется, что были исключения, как везде и во всем. Пили тогда много и

в Петербурге, но перед Кронштадтом это было ничто, капля в море. Удивительно, что при этом не бывало ссор, и что в Кронштадте вовсе не знали дуэлей, когда они были тогда в моде и в гвардии и в армии. Впрочем, настоящим питухам, осушающим *штурмовую чашу* (как называли в Кронштадте попойку), некогда было ссориться! Бедняги работали – до упада!

Оставшиеся в живых из нашего литературного круга *двадцатых* годов помнят мои миролюбивые и веселые споры с одним литератором-морьяком (уже не существующим), бывшим в свое время кронштадским Дон-Жуаном, споры о кронштадтской жизни, и особенно об обычаях прекрасного пола в Кронштадте. Хотя в начале двадцатых годов (то есть лет за двадцать пять пред сим) многое уже изменилось в Кронштадте, но все же приятель мой, литератор-морьяк, преувеличивал свои похвалы, утверждая, что в кронштадтском высшем обществе был тот же светский тон и те же светские приемы и обычаи, как и в петербургском высшем круге. Тона высшего круга невозможно перенять – надобно родиться и воспитываться в нем. Сущность этого тона: непринужденность и приличие. Во всем наблюдается середина: ни слова более, ни слова менее; никаких порывов, никаких восторгов, никаких театральных жестов, никаких гримас, никакого удивления. Наружность – лед, блестящий на солнце. Фамильярность и излишняя почтительность равно неуместны. Подражатели высшего круга всегда впадают в крайно-

сти – и с первого слова, с первого движения можно узнать человека, который играет несвойственную ему роль. Особенно заметно это в женщинах. Воспитание в высших учебных заведениях может сообщить девице прекрасное образование, но не тон и не манеру, потому что только в домашней жизни и в кругу своего знакомства приобретается то, что французы называют *la contenance, les manieres, le bon ton*, и что заключается в русском слове светскость. Наглядное подражание порождает жеманство и неловкую принужденность (*affectation*). В целом мире только француженки, особенно парижанки, рожденные и воспитанные в кругу швей и служанок, одарены от природы высочайшею способностью перенимать тон и манеры высшего общества, и только между француженками есть прекрасные актрисы для ролей светских барынь и девиц высшего общества. В старину наши моряки, принужденные зимовать в портах, в которых не было никакого общества, не слишком были разборчивы в женитьбе, и хотя их дочери воспитывались в высших учебных заведениях, знали французский язык, музыку и танцы, но, возвратясь в родительский дом, подчинялись окружающему их, сохраняя память школьных наставлений: *tenez-vous droite et parlez fransais* (то есть держитесь прямо и говорите по-французски). Следовательно, в Кронштадте тон высшего круга был тогда в полном смысле провинциальный, с некоторыми особыми оттенками, – а где принужденность и жеманство, там смертная скука.

Вторую половину кронштадтского женского общества, левую, или либеральную, сторону (принимая это слово вовсе не в политическом, а в шуточном смысле) составляли жены гарнизонных офицеров, констапельши¹⁶⁵, шпипершы, штурманши и корабельные комиссарши с их дочками, сестрами, невестками, племянницами и проч. проч. – Это было нечто в роде женского народонаселения островов Дружества, преимущественно Отаити, при посещении его капитаном Куком. В этом обществе было множество красавиц, каких я не видал даже в Петербурге. Не знаю, как теперь, но тогда город Архангельск славился красотой женского пола, и по всей справедливости: почтенные водители наших кораблей, штурмана и шкипера, и хранители морской корабельной провизии, комиссары выбирали для себя жен в этой русской Цитере. Но вся красота заключалась в чертах лица, и особенно в его цвете (carnation) и в глазах. Красота ножек и рук – *cosa rara*, величайшая редкость во всей России, и даже в остзейских провинциях, но не скажу на всем Севере, потому что стокгольмские красавицы обладают этим преимуществом. В роде человеческого есть странные отличия пород. Прелестная нога и рука – это принадлежности Франции, Испании, Польши и Швеции.

Тон и обращение второстепенного кронштадтского общества были мещанские или, пожалуй, русского иногороднего

¹⁶⁵ В то время офицеры морской артиллерии были в том же разряде, что комиссары и шкипера, и почитались ниже флотских офицеров.

купечества, проникнутого столичною роскошью и не подражающего дворянству. Собрания в этой половине кронштадтского общества, называвшиеся *вечеринками*, были чрезвычайно оригинальны, забавны и даже смешны, но нравились молодым волокитам. Красавицы, разряженные фантастически (то есть с собственными усовершенствиями моды) в атлас и тафту, садились обыкновенно полукругом, грызли жеманно каленые и кедровые орехи, кушали миндаль и изюм, запивая ликером или наливкою, непременно морщась при поднесении рюмки к губам. Молодежь увивалась вокруг красавиц, которые с лукавым взглядом бросали иногда ореховую шелуху в лицо своих любимцев, в знак фамильярности или легким наклоном головы давали им знать, что пьют за их здоровье. Ни одна вечеринка не обошлась без того, чтоб дамы не пели хором русских песен и не плясали по-русски, или под веселый напев, или под звуки инструмента, называемого клавикордами, прототипа фортепиано и рояля. Иногда танцевали даже английскую кадрили, но никогда не вальсировали, если не было ни одной немки на вечеринке. Старухи и пожилые дамы садились отдельно и занимались своими, то есть *чужими*, делами, попросту сказать, сплетнями. В их кружке можно было, наверное, узнать, кто в какую влюблен, которая изменила кому, кто добр, то есть щедр, а кто *пустячный* человек, то есть скуп или беден, и тому подобное. Почтенные отцы семейства, и, как сказал И.ИДмитриев, «мужья под сединою», – беседовали обыкновенно в другой комнате, кури-

ли табак из белых глиняных трубок, пили пунш или грог и играли в горку, в три листика, а иногда и в бостон. Вечеринки эти давались всегда на счет обожателя хозяйки дома или ее сестрицы. За двадцать пять рублей ассигнациями можно было дать прекрасную вечеринку, которой все были довольны. В этом обществе сосредоточивались оттенки нравов и обычаев всех заштатных городов России. Сколько тут было богатых материалов для народного водевиля и юмористического романа! Вот в какой мир брошен я был судьбою в первой юности! Надлежало или прилично скучать в одной половине общества, или неприлично веселиться в другой половине, чтоб не попасть в жрецы Бахуса, потому что от юноши невозможно требовать совершенного *уединения*.

Первые из молодых людей, с которыми я познакомился в Кронштадте, были мичман Селиванов (помнится, Александр Семенович) и друг его лейтенант Семичевский, добрые и, как говорится, лихие ребята. Селиванов жил открыто, по своему состоянию, и часто приглашал приятелей на солдатские щи и кашу. У него познакомился я с диким *французом*, как называет его знаменитый адмирал И.Ф. Крузенштерн (в своем Путешествии вокруг света в 1803–1806 годах, в первой части), Жозефом Кабри¹⁶⁶.

Этот *дикий француз* говорил ломаным русско-французским языком, примешивая слова дикарей, между которыми

¹⁶⁶ Крузенштерн в своем Путешествии неправильно называет его Кабрит или Лекабрит. Одичалый француз назывался Кабри.

жил долгое время, и объясняя знаками, чего не мог выразить словами. Однако ж, основание его языка было французское, и он был весьма рад, когда находил человека, с которым мог говорить по-французски, и потому он искал моего знакомства. В этом 1809 году вышел в свет первый том Путешествия вокруг света Крузенштерна, и в этой книге, знаменитый путешественник весьма невыгодно отзывается о характере Кабри. Но любопытство превозмогло предубеждение насчет него, и я познакомился с ним покороче, чтоб слушать его рассказы о его пребывании между дикарями.

Кабри был юнгой на французском корабле, приставшем к острову Нукагива, который до того времени едва несколько раз был посещаем европейцами. Остров Нукагива один из незначительных в Тихом океане, населен жестокими, прожорливыми и сладострастными людоедами. Крузенштерн нашел на острове двух европейцев, англичанина Робертса и француза Кабри; они были непримиримые враги между собою. Англичанин сказал Крузенштерну, что он высажен на остров матросами, взбунтовавшимися против своего капитана, не желая пристать к их стороне, и что Кабри добровольно остался на острове, быв часто наказываем капитаном корабля за свои проказы. По словам Крузенштерна, англичанин был гораздо умнее француза, и пользовался большим уважением между дикими, хотя Кабри почитался лучшим и искуснейшим воином между дикарями, даже по сознанию врага его, Робертса, и превосходил всех в нукагивской добродете-

ли – в воровстве! Оставшись в весьма молодых годах между дикарями, Кабри совершенно одичал, принял все их обычаи, поклонялся их божеству, почитал первым наслаждением убить неприятеля, хотя и утверждал явно, что не ел человеческого мяса, но променивал тела убитых неприятелей на свинину. Крузенштерн говорит, что он нечаянно или принужденно взял с собою Кабри, который находился на корабле "Надежда" в то время, когда внезапный шквал угрожал кораблю разбитием о камни и когда надлежало отрубить поспешно кабельтов и выйти в море (в мае 1804 года). Но Кабри не верил этому, и утверждал, что Крузенштерн сделал это по просьбе врага его, англичанина Робертса. Кабри ненавидел европейские обычаи и образованность, и просил Крузенштерна высадить его на какой-нибудь из ближних островов, обитаемых дикими. Он хотел остаться на острове Овейги, но не поняв языка жителей острова по разности произношении с нукагивским языком (хотя оба языка одного корня), Кабри упросил Крузенштерна везти его далее, на что наш знаменитый моряк согласился единственно из сострадания, не любя дикого француза. Таким образом Кабри привезен был на Камчатку, где и остался вместе с графом Федором Ивановичем Толстым и с ним приехал сухим путем в Петербург.

Кабри был небольшого роста, сухощавый, смуглый, неправильного очерка лица, изуродованного наколотыми узорами (tatoe) темно-синего цвета. Взгляд его выражал врожденную свирепость, и он имел все кошачьи ухватки. Ко-

гда он улыбался, то казалось, что хочет укусить человека. Ум его был во всех отношениях ограниченный, и он мог говорить порядочно только о своем любезном острове Нукагива. Впрочем, весь остальной мир казался ему недостойным внимания. Удивительнее всего, что этот одичалый урод имел прелестную жену, француженку из одного петербургского модного магазина! Не знаю, кто достал ему место учителя плавания в штурманском училище, но, кажется, и в этом деле помогал ему граф Толстой. Хотя госпожа Кабри была со мной довольно откровенна насчет своего мужа, но она не признавалась мне в том, что заставило ее избрать в мужа дикаря. Она всегда отвечала мне: "C'etait une idee! c'est comme ca!" (то есть: Так! не знаю, как это случилось! Пришла идея!)

Я почти ежедневно навещал Кабри, и проводил у него вечера. Не знаю, что привлекало меня более в этот дом: оригинальность ли мужа, или прелестные глаза жены! Столько наслушался я о жизни и обычаях нукагивцев, что мне не нужно было читать описания Кука, Ванкувера и Крузенштерна! Прочитав, однако ж, в Крузенштерне, что Кабри слыл лучшим воином на острове, я усомнился, судя по слабому его телосложению, и спросил его однажды, каким образом он мог побеждать островитян, одаренных геркулесовой силой, не имя огнестрельного оружия. "Я брал не силою, но ловкостью, – отвечал Кабри – я умею ползать на брюхе и прыгать лучше тигра и выдры. Подкравшись – в траве к неприятелю,

я вспрыгивал внезапно на него и, свалив на землю ударом моего каменного топора по голове, перекусывал горло. На бегу ни один нукагивец не мог догнать меня. Даже бросившись в толпу неприятелей, я увертывался от них как угорь и, имея по ножу в обеих руках, порол им брюхо. Все знали меня и боялись... Придет весна, я покажу вам мое искусство!" При имени Крузенштерна Кабри скрежетал страшно зубами, негодуя на то, что он, поверив врагу его, англичанину, увез с блаженного острова и представил в дурном виде в своем сочинении, уверяя притом, что, обвинение его в том, будто он хотел взбунтовать островитян против русских, во все несправедливо, и что король Нукагивы свалил на него вину, по внушению англичанина, чтоб самому оправдаться пред Крузенштерном. Кабри ничего не мог рассказать ни о вере¹⁶⁷, ни о законах нукагивцев, утверждая, что кроме верования в Создателя и в Злого духа, нукагивцы не знают никаких догматов, и в распрях своих руководствуются старинными обычаями, повинуюсь одной физической силе или проворству. Это чрезвычайно нравилось Кабри. У него остались на Нукагиве жена и дети, но он вспоминал о них без всякого сердечного чувства. Хотя между нукагивскими красавицами господствовал величайший разврат в отношениях между двумя полами, но муж там полновластный господин жены;

¹⁶⁷ Иезуиты, бывшие тогда в Петербурге, обучали Кабри забытой им христианской вере, но Кабри ничего не понял и сознался мне, что остался при прежнем мнении.

он может торговать ею, но если она нарушит без его позволения супружескую верность, то муж имеет право убить жену и съестъе. Этот обычай восхищал Кабри, и он, будучи ревнивее всех турок вместе, приходил в восторг, когда рассказывал об этом нукагивском обычае, поглядывая притом с улыбкой на свою жену. Можно себе представить, как это нравилось милостивой француженке! В Кронштадте комендантом и шефом гарнизонного полка был генерал-майор Иван Иванович фон Клуген, старик лет под семьдесят, воин времен румянцевских, потемкинских и суворовских. Генерал фон Клуген был холост, казался холодным, проводил время в уединении, и почитался вообще человеком странным, не созданным для общества. Он ездил в гости только на официальные обеды и никогда не приглашал к себе гостей. Судьба свела меня с ним. Когда я явился к нему в первый раз, он после официального приема спросил меня:

– Не родня ли вам Михаил Булгарин, бывший послом в сейме 1773 года?

– Это дядя моего отца, – отвечал я.

– А как зовут по имени вашего отца?

– Венедикт.

– Он был гражданско-военным комиссаром (komissar-zei sivilno-woyskowym) в Новогрудском воеводстве в Костюшковскую войну?

– Точно так!

– Живы ли они оба?

– Дед мой жив, а отец скончался.

– Я знал их обоих, а с вашим Gross-Onckel был даже дружен, – сказал генерал. Я стоял с полком в Варшаве в 1773 и 1774 годах, и был свидетелем благородного поступка вашего деда и товарищей – Рейтана, Богушевского и нескольких других... С тех пор уплыло тридцать шесть лет; я состарился... мне уже за шестьдесят лет; но все же не забыл того, что меня тронуло до глубины души в моей молодости и привязало к вашему деду. Мы видались с ним после в Гродне, и я даже гостил у него в его имении Рудавке. Если будете писать к нему, напишите, что я помню его, и не перестал любить и уважать. Отец ваш был также добрый и благородный человек – но горяч и немного упрям... Кажется, что яблоко не далеко упало от яблони – промолвил генерал ласково, с улыбкой. Вы и лицом похожи на отца, только поменьше ростом. Прошло не более двенадцати лет, как мы виделись с ним в Несвиже, но с тех пор много воды утекло?

Генерал замолчал, и стал закуривать трубку, которую он дома никогда не выпускал из рук. Генерал оставил меня у себя к обеду. За столом он был весел и разговорчив, расспрашивал меня о Финляндской войне, сказав, что и он воевал в Финляндии при императрице Екатерине; рассказал нам несколько анекдотов о Суворове, под начальством которого он служил в Польше, и был на штурме Праги. После обеда он пошел отдыхать, сказав мне, что дом его должен быть для меня то же, что дом друга его, моего деда.

Благодарю моего Создателя, что он хотя и не освободил меня от многих слабостей, свойственных природе человеческой, но не дал мне двух несноснейших пороков: *чванства* и *фанфаронства*, которыми я гнушаюсь. Жалко и больно смотреть на человека, когда он все, что для него ни делают другие, приписывает своим достоинствам и принимает, как должную дань! Скажу раз навсегда, что, пока я не вступил на тернистое литературное поприще, я был чрезвычайно счастлив в людях без всякой с моей стороны заслуги, не будучи в состоянии отплатить добром за добро, находил в людях и любовь, и дружбу, и утешение, и сострадание, и помощь. Безбожно лгут те, которые изображают род человеческий в дурном виде, на каждом шагу находят злодеев и обманщиков, и водворяют в простодушных людях недоверчивость и холодность к своим собратьям. Утверждают ученые и философы, что старость, влекущая за собою опытность, должна непременно породить в человеке эгоизм. Испытал я много и весьма много в жизни, но благодаря Богу не дожил до эгоизма, страшась его более, чем чумы! Есть злые и коварные люди – в этом нет сомнения, но они составляют меньшее число (*la minorite*). Зла, кажется, больше нежели добра, оттого что зло, как громовой удар, сильно раздается и имеет продолжительное эхо, а коварство действует, как яд, когда, напротив, добро во всех видах своих не обращает на себя внимания, как благодетельные лучи солнца, как прохладный ветерок. Зло сильнее, это правда! Десять человек злых мо-

гут погубить десять тысяч людей добродушных, и один коварный клеветник отравит счастье многих семейств. Но из этого не следует, чтоб злых людей было больше, нежели добрых. Немыслящих более, нежели мыслящих, и бесхарактерных более, нежели людей с характером – в этом я совершенно согласен. Оттого-то и все беды на свете!

Жизнь моя протекала тихо между литературными занятиями и несколькими приятными знакомствами. Доброго И.И. фон Клугена я посещал почти ежедневно и полюбил его искренно. Вечера проводил я часто у Кабри, потому что беседа с его миловидною, веселою и остроумною женой мне чрезвычайно нравилась. Даже невежество ее забавляло меня! Кабри привязался ко мне, и вопреки своему нраву, не оказывал никакой ревности.

ГЛАВА II

Нечто вроде сцены из страшной мелодрамы. – Зверские инстинкты одичалого француза. – Приглашение на нукагивскую трапезу. – Примирение супругов. – Перемена квартиры. – Оригинальный хозяин. – Очерк старинных мещанских нравов. – Поездка морем в Петербург. – Буря. – Судокрушение.

Однажды ночью в апреле месяце, когда уже лед начинало ломать в заливе, едва только я заснул, стук у дверей моей комнаты разбудил меня. В моей трактирной квартире не было передней. Мой крепостной мальчик спал в хозяйской людской.

– Кто там?

– *Ai nom de Dieu ouvrez, ouvrez vite!* (то есть ради Бога отойдите, отойдите скорее).

Я узнал голос госпожи Кабри. Можно себе представить мое удивление. Накинув на себя халат, я зажег свечи, и поспешил отпереть дверь. Госпожа Кабри опрометью вбежала в комнату, и сказала торопливо:

– *Fermez vite, fermez bien!* (то есть закройте скорее, закройте покрепче), – и, бросившись на стул, воскликнула:

– *Oh, mon Dieu, топ Dieu!* (Боже мой, Боже мой), – и залилась слезами.

Я стоял перед нею в ожидании развязки.

– Он едва не убил меня! – сказала госпожа Кабри.

– Кто такой?

Кто же другой может покуситься на это, как не дикий Кабри!

– По какому случаю?

– Из ревности!

– Не думаю, чтоб вы подали к тому случай...

– Разве я могу отвечать за поступки мужчин? Вы знаете, что уже несколько месяцев NN (это был молодой и красивый офицерик первого морского полка) волочитя за мной (*me fait la cour*) против моей воли и желания; я вам жаловалась на это, и просила вас прекратить это волокитство всеми зависящими от вас средствами. Сегодня, когда я была на вечере у капитанши Тесницкой, этот проклятый NN принес в наш дом письмо, разумеется, любовное объяснение, и отдал его нашей глупой кухарке для отдачи мне, а она отдала письмо Кабри. Не знаю, кто прочел письмо, но он с отчаяния напился пьян, и когда я возвратилась домой, бросился на меня как бешеный, держа в одной руке топор, а в другой письмо. По счастью, я не потеряла присутствия духа, вырвала у него письмо, и толкнула его изо всех сил; он упал, а я заперла дверь йа ключ снаружи, выбежала из дому... окольную дорогой пришла к вам!..

– Чрезвычайно неприятное происшествие и весьма затруднительное положение, – сказал я, стараясь принять

хладнокровный вид.

– Вы должны спасти и покровительствовать меня, – сказала настоятельно госпожа Кабри: потому что вы друг мой и что мне не к кому прибегнуть, кроме вас. *Un lache seulement peut abandoner une femme dans la detresse, quand elle se confie a lui!* (то есть только подлец может оставить беспомощную женщину, прибегающую к нему с доверенностью в постигшем ее бедствии).

– Подобно вам, я презираю подлецов и трусов, – сказал я, но здесь дело не в подлости и не в трусости, а в том, каким образом я могу вмешаться в домашнее дело между мужем и женою, и как могу защищать вас! Сабли и пистолетов здесь недостаточно! Тут вмешаются законы – и что еще страшнее, общее мнение...

Госпожа Кабри не дала мне кончить.

– Что бы тут ни вмешалось, все равно вы должны быть моим защитником, потому что я избрала вас! Если угодно, можете убить меня, но я не выйду отсюда...

Удивительные создания – француженки! Страсти у них скользят по душе, как облака по небу. Трагическая сцена нечувствительно превратилась в комическую, и госпожа Кабри, следуя веселому своему характеру, представила мне в самом смешном виде то самое, что испугало ее до смерти. Однако ж, страх лежал на дне ее сердца, и госпожа Кабри ни за что не хотела воротиться домой. Мы провели время в совещаниях и разговорах до пяти часов утра, и наконец над-

лежало на что-нибудь решиться.

– Il faut pourtant sauver les apparences, – сказал я. Пойду и упрошу мою добрую хозяйку, чтоб она приняла вас к себе.

– Это было бы превосходно! – отвечала госпожа Кабри. Я разбудил хозяина, старшего Делапорту¹⁶⁸, и упросил его убедить жену свою принять к себе госпожу Кабри, рассказав все дело. Добрая моя хозяйка согласилась, и мы расстались с очаровательной француженкой. Я бросился в постель, и заснул богатырским сном.

Проснулся я в десять часов утра. Мальчик мой, ожидавший моего пробуждения на лестнице у дверей, сказал мне что Кабри был уже два раза и обещал воротиться. Едва я уселся за чай, он явился ко мне. На лице его, искаженном узорами и рябинами, нельзя было заметить ни бледности, ни краски, но в глазах его пылало пламя, и он улыбался, как тигр на добычу.

Я сидел за чайным столиком. Он сел напротив меня; ерошил волосы на своей голове, вертелся на стуле, то улыбался, то бросал страшные взгляды, и наконец сказал:

– Я почитаю тебя честным человеком, и потому требую, чтоб ты сказал мне откровенно: нравится ли тебе жена моя!

– Послушай Кабри, – сказал я с притворным хладнокровием, – ты никогда не должен предлагать вопросов, на кото-

¹⁶⁸ В Кронштадте был тогда только один порядочный трактир, который содержали два брата, итальянцы Делапорты. Кроме того, они торговали разными мелочными товарами. Старший брат был женат. Это были люди добрые и услужливые.

рые нельзя отвечать. Что значит нравится? Жена твоя молодая, недурна собою, так разумеется, что она не может возбуждать к себе отвращения в молодом человеке. Но это не ведет ни к каким последствиям!..

– Полно! – воскликнул Кабри. – Спрашиваю, нравится или не нравится тебе жена моя?..

– Она очень милая особа, но она жена твоя, принадлежит тебе, и я не имел и не имею никаких видов на нее...

– Не в том дело! – воскликнул Кабри. – Если жена моя нравится тебе, так я – *подарю* ее тебе, если ты pomoжешь мне в одном деле!..

– Ты не имеешь права подарить жены, – сказал я.

– Подарю, отдам, уступлю, все что тебе угодно, только помоги мне! – сказал Кабри.

– В чем же помочь тебе?

– Помоги мне убить NN (то есть офицера, возбудившего ревность в Кабри).

– Убить!.. Ты сошел с ума, Кабри! Ведь мы здесь не на острове Нукагива. За убийство тебя накажут, как убийцу, – а ты знаешь, как у нас наказывают смертоубийц... Ты видел каторжный двор...

– Но можно сделать так, что никто не узнает... для этого-то я и требую твоей помощи...

– Ты говоришь: никто не узнает! Узнает Бог – и накажет и в здешней и в будущей жизни!..

– На Нукагиве Бог позволяет убивать врагов!.. – сказал

Кабри.

– На Нукагиве не знают истинного Бога...

Кабри стал возражать, и я, видя, что все мои усилия к отвлечению его от злого умысла будут напрасны, пока бешенство его не утихнет, вознамерился обходиться с ним уклончиво и, обещая мою помощь, промедлить исполнение его замысла, пока не удастся вовсе отклонить его.

– Из первых слов твоих догадываюсь, что ты подозреваешь жену свою в связи с NN, – сказал я. – Убедился ли ты в этом?

– Он написал к ней любовное письмо, советовал бросить меня, обещал развести меня с ней и жениться на ней...

– Но это писал *он*, а не *она*, так чем же *она* виновата?

– Как бы он смел писать к ней это, если б не был обнадужен? – сказал мне Кабри.

– Ты мелешь вздор! Молодой человек может Бог весть что написать к женщине, и это означает только его самолюбие, фанфаронство и дерзость, а не преступление женщины... Тебе кто-нибудь натолковал вздор... кому ты показывал письмо?..

– NNN, – отвечал Кабри.

– Он сам приволакивался за твоею женою, и гневается за то, что она осмеяла его.

– Но все же NN виноват, и я должен убить его! – сказал Кабри.

– Это дело мы обдумаем с тобою спокойно, на досуге, а

теперь скажи, что случилось с женой твоею.

– Она бежала из дому. У NN ее нет; может быть, он где-нибудь спрятал ее. Отыщи ее и возьми себе, – сказал Кабри прехладнокровно. Не ручаюсь за себя, и могу убить ее в припадке гнева.

– Жена твоя здесь! Кабри вскочил со стула.

– У тебя? – спросил он быстро.

– Как можно, чтоб она была у меня! Но ведь здесь трактир, а ты знаешь, что в трактире двери для каждого отперты. Жена твоя у хозяйки, которая сжалилась над нею и призрела ее.

Кабри заложил ногу на ногу, согнулся, подпер голову руками и задумался. Наконец он поднял голову и сказал:

– Пожалуйста, возьми себе эту женщину! Ты избавишь меня от больших хлопот!

– Это невозможно, – возразил я. – Как я могу взять к себе чужую жену! Это у нас не позволено и не водится, и я подвергнусь нареканию товарищей и начальства. Да и захочет ли жена твоя перейти от тебя ко мне? Силою нельзя ее к тому принудить; да и что скажет твой друг и покровитель граф Толстой...

Кабри стал бранить и графа и жену.

– Напрасно ты гневаешься на жену, любезный Кабри, – сказал я, – она ни в чем не виновата, а виноват один NN. Помиришь с женой, попроси у нее прощения в том, что ты обидел ее, а с NN мы после справимся.

Тут я начал льстить Кабри, припоминая ему, что он не нукагивец, но француз, что женщины в его отечестве – Франции, пользуются уважением и снисходительностью мужчин, и что только трусы и подлецы обижают бедных, беспомощных, слабых женщин. Наговорил я ему много, давая притом чувствовать, что я готов помогать в отмщении NN за нанесенную обиду, и наконец мне удалось успокоить дикаря, склонить его к примирению с женою, и даже возбудить к ней сожаление и прежнюю привязанность.

– Быть так! – сказал Кабри. Послушаюсь тебя; ты умнее меня и лучше знаешь, что здесь должно делать. Пойдем к жене!

– Зачем нам свидетели! я приведу жену сюда, – сказал я.

– И это правда! – возразил Кабри. – Вижу, что без тебя я наделал бы много глупостей, и не сделал бы главного. Ступай за женою!

Госпожа Кабри знала, что муж ее у меня, и со страхом ожидала развязки этого свидания. Разумеется, что мы условились с госпожою Кабри не говорить мужу, что она заходила ко мне в комнату, и она пошла со мною, взяв с меня слово защищать ее от мужа. Лишь только госпожа Кабри переступила через порог, дикий француз бросился на колени, и простирая к ней руки, возопил "pardon (прости)!" Они примирились. Я велел подать завтрак, угостил супругов и, заставив Кабри поклясться, что он примирился искренно и не обидит жены, отпустил их домой.

Кабри, как я уже говорил, не признавался перед Иваном Федоровичем Крузенштерном и перед офицерами корабля "Надежда", что он ел на острове Нукагива человеческое мясо, но графу И.О.Толстому и мне он сказал под секретом, что он участвовал в пиршествах людоедов, и даже уверял, что человеческое мясо чрезвычайно вкусно и походит на буженину. После трагического происшествия с женою Кабри стал мне часто выхвалять человеческое мясо и приглашал съесть вместе с ним NN, которого он непременно хотел убить. Положение мое было весьма затруднительное! Видя, что дело идет не на шутку и что мне невозможно отклонить Кабри от его намерения, я рассказал все доброму генералу фон Клугену, прося его уладить дело тихо. Генерал решил, что одного из двух соперников надлежало выслать из Кронштадта. Кабри был нужен для обучения плаванию воспитанников штурманского училища и для отпирания подводных шлюзов, а без одного подпоручика легко можно было обойтись. Я полагал, что если вздумают страшать Кабри, то этим еще более раздражат его, и генерал согласился с моим мнением. Он поехал к инспектору морских полков, генералу Ширкову, рассказал ему все дело, и генерал Ширков через несколько дней выслал NN в Вологду на смену офицера, находившегося там при команде для приема рекрутов и обучения их на походе военным приемам и эволюциям. Таким образом кончилось это дело, которое могло иметь весьма дурные последствия.

Море вскрылось. Флот выступил на рейд, морские полки

вышли в лагерь, и в Кронштадт прибыли для разъездов казаки и два эскадрона Уланского его высочества полка. В числе уланских офицеров был искренний друг мой Жеребцов и несколько добрых приятелей. В Кронштадте водворилось веселье. Генерал Ширков, хлебосол в высшей степени, давал обеды и балы, на которые съезжались гости и дамы из Петербурга. Его Высочество удостаивал иногда своим посещением балы Ширкова. Многие богатые люди останавливались в единственном кронштадтском трактире братьев Делапорта, в котором я жил, и чтобы не стеснять его, я нанял квартиру поблизости комендантского дома, хотя и на другой улице, в доме мещанина Голяшкина.

Этот мещанин Голяшкин был один из самых оригинальных людей, каких мне удалось встретить в жизни. Он остался навсегда в моей памяти. Голяшкин был лет пятидесяти от рождения, сухощав, хром, пил хлебное вино, и распевал песни с утра до ночи, всегда был весел, и беспрестанно балагурил то с домашними, то с прохожими. Если б напечатать все песни, сказки, присказки, пословицы и поговорки, которые Голяшкин знал наизусть, то вышло бы, наверное, двенадцать томов. Кроме того, он знал множество текстов из Священного Писания, и часто вмешивал их в свои речи. Некоторые тексты, пословицы, поговорки и песни он повторял всегда при известных случаях. Так, например, раскупоривая с восхождением солнца свой любезный полуштофик с вином, Голяшкин всегда приговаривал: "Не упивайтесь вином, бо

в нем есть блуд". Потом ставил чайник; и подошел к моему окну, затягивал всегда одну и ту же песню, начинающуюся словами:

Сон приятен без досады,
На утренней на зоре!
На солнечном восходе и прочее.

Разбудив меня, он вносил чай и начинал балагурить. Но если я поздно ложился спать, то он не будил меня с зарею. Часу в девятом, а много в десятом, Голяшкин ел каждый день яичницу, и всегда приносил мне половину на тарелке с поклонами, ужимками, с припевами и поговорками, начиная всегда священным изречением:

"Спаси Господи люди твоя, и благослови достояние твое!" Голяшкин полюбил меня и даже привязался ко мне, и я, видя доброе его сердце и притом находя развлечение в его веселости, позволял ему балагурить. Он был вдов и имел двух взрослых дочерей, дебелих дев, совершенно в купеческом вкусе, то есть толстых, жирных, белых и румяных. Они жили в вышке, а мы с Голяшкиным занимали весь нижний этаж его небольшого, но красивого домика, при котором был садик и огород.

Немногие из моих читателей знают, что значить кокетство в мещанском звании, особенно такое, какое тогда было в Кронштадте. Это были нравы времен Петра Великого, когда он быстро и внезапно отпер двери в теремах, в которых рус-

ские женщины были заключены, как древние гречанки в своих гинекеях. Разница с прошлым временем была та, что жеманство и притворство заступили место прежней искренней стыдливости и целомудрия. Сердце изменилось, наружные формы остались. Дочери Голяшкина, встречаясь со мною, никогда не платили мни поклоном за поклон, но потупляли глаза, отворачивались или закрывались платком, и отвечали на все мои вопросы только: «да-с» или «нет с», а отбежав несколько шагов, останавливались, лукаво посматривали и смеялись вполголоса под платком. Когда я был дома, особенно когда у меня были в гостях товарищи, дебелие девы, сидя под окном в своей светелке, распевали нежные песни громким и пронзительным дискантом. Иногда старик водил меня в их комнаты, и тогда они *сгорали* от стыда, склоняли голову, закрываясь своею работою (они беспрерывно шили для себя платье и *приданое*), и казалось, готовы были провалиться от робости сквозь землю. Две комнаты их были содержаны весьма чисто; пол усыпан листьями зори или другой пахучей травы; перед образами всегда теплилась лампада, и постели их со множеством подушек и пуховиков доходили почти до потолка. Но все эти кронштадтские тигрицы были дики только до тех пор, пока ловец бегал от них! Голяшкин вовсе не заботился о том, что делают его дочери, и был счастлив тем, что они жирны и веселы. Он сам ходил на рынок закупать съестные припасы, сам пекся с кухаркою и работником остряпне и чистоте в доме, о всем хозяйстве, предоставляя

дочерям толстеть, наряжаться и распевать песни.

Голяшкин не рассказывал мне истории своей жизни в последовательном порядке, но из его отрывчатых рассказов узнал я, что он родом олончанин, пришел в Кронштадт мальчиком-сиротою; был сперва золотарем, потом дрягилем (носильщиком), грузильщиком судов, перевозчиком, потом стал торговцем корабельных снастей, и наконец, как он говорил, вышел в отставку от всех дел, и стал жить припеваючи (это было буквально правда) доходами с небольшого своего капитала. Из рассказа его я догадался, что он, будучи лодочником или перевозчиком, занимался контрабандою, как почти все тогдашние кронштадтские жители. Теперь только для забавы он имел свою собственную английскую гичку, на которой прогуливался в хорошую погоду, и часто возил меня на рейд или в конец кронштадтской косы.

Говоря о высшем кронштадтском обществе, я не сказал, каким образом я имел случай узнать его. Главным командиром кронштадтского порта был вице-адмирал Иван Михайлович Колокольцев, которого жена Варвара Александровна (урожденная графиня Апраксина) была задушевной приятельницею сестры моей Искрицкой, как я уже говорил об этом. И.М.Колокольцев и в Петербурге и в Кронштадте жил чрезвычайно скромно и уединенно, и Варвара Александровна, добрая и умная женщина (смотри часть V, стр. 261 моих Воспоминаний) не любила принимать у себя гостей. Это делала она не из скупости, но по характеру. В Кронштад-

те, однако ж, И.М.Колокольцев по званию своему должен был давать обеды и вечера, хотя весьма редко. Добрая Варвара Александровна, которая славилась своею откровенностью и простотой обращения, говорила правду в глаза и начальникам и подчиненным, и старым и молодым, обходилась со мною, как с сыном. Я заходил к Варваре Александровне иногда по утрам, но она принудила меня быть у нее на нескольких вечерах в кругу кронштадтской аристократии. Я уже сказал причину, почему мне было скучно в этом кругу. Кто привык к крепким напиткам, тот при их недостатке предпочтет чистую сивуху подмешанному виноградному вину (*vin frelate*). Мне казалось, лучше *de m'encanailler*¹⁶⁹, чем томиться скукою и быть последним в жеманном обществе.

Однажды подъехала к дому Голяшкина коляска главного командира и лакей Варвары Александровны вызвал меня к ней.

– Сестра твоя очень больна, сказала мне она: я сама намерена навестить ее, а между тем нельзя ли тебе отпроситься в Петербург, чтоб повидаться с больной? Ко мне пишет Александр Михайлович, зять твой, что доктор Гассе отчаивается в ее жизни...

Варвара Александровна ухала, а стоял на улице, как гром пораженный. Искренно и душевно привязан я был к сестре моей Антонине, с которой почти не разлучался от самого детства, и решился во что бы ни стало навестить ее. Я

¹⁶⁹ Выражение, непере译имое, почти то же, что *опростонародиться*.

сказался больным.

Пароходы были еще в голове Фультона. Ни промышленная и умная Англия, ни гениальный Наполеон не поняли Фультона. Наполеону казалось невероятным, чтоб можно было плавать по морям против течения и ветров, без парусов и весел, и опыты Фультона на реке Сене, впрочем не весьма блистательные, не могли убедить французских механиков в важности изобретений. Идея, возникшая в голове Фультона, была гениальная, но для исполнения ее надобно было сноровки и опыта в большом размере. За это не принялись в Европе, и вся слава изобретения пароходов принадлежит североамериканцам. Нью-йоркский гражданин Брун построил первый пароход в 1807 году, и разрешил задачу Фультона. Покойный Павел Петрович Свиньин (основатель журнала "Отечественные записки", оправдывавшего под его редакцией свое заглавие), возвратясь из Северной Америки в 1813 году, куда он в звании чиновника Министерства иностранных дел послан был с депешами к генералу Моро, привез чертеж и рисунок Броунова парохода, а англичанин Берд построил первый пароход в Петербурге. Никакая заслуга не должна быть забываема соотечественниками, и П.П.Свиньин кроме полезных своих литературных трудов приобрел право на благодарность потомства за привезение чертежа парохода и за внушение предприимчивому Берду мысли к заведению в России пароходства. До того времени сообщение Петербурга с Кронштадтом происходило на па-

русных больших ботах и на двадцатичетырехвесельных катерах. Чтоб получить место на них, надлежало подвергнуться многим формальностям, но я решил дело иначе.

– Послушай, Голяшкин, – сказал я моему эксцентрическому хозяину: аще еси муж доблий¹⁷⁰, свези меня в Петербург на своей гичке.

– Благо есть! – отвечал он.

– Итак едем завтра!

– Едем! – промолвил Голяшкин: и это будет первая моя поездка в Петербург в течение двадцати лет, – сказал он.

В пять часов утра мы выехали из Кронштадта. Из гавани мы вышли на веслах, а когда обогнули Кронштадт, то поставили парус. Я сидел на руле, а Голяшкин под парусом. Солнце сильно припекало, и на горизонте мелькали черные пятна, которые непрерывно сливались в одну массу. Северозападный ветер благоприятствовал нам; это был по морскому выражению бейдевинд, то есть боковой. Голяшкин распевал песенки, и каждую из них запивал вином. Кажется, однако ж, что в море забыл он свое правило: "Душа меру знает", – а может быть, и ранний морской воздух подействовал на него, но я заметил, что язык его начал путаться и что он смешивал и слова и голоса разных песен. Между тем ветер крепчал и дул порывами. Волнение становилось сильнее, и я увидел явления, которых прежде не видывал. Половина неба покрылась

¹⁷⁰ Ничто так не нравилось Голяшкину, как церковный язык, – несколькими фразами славянскими можно было побудить его ко всему.

черными облаками, а другая половина была светлая, и радуга красовалась не на небе, а в море. Внезапные порывы ветра быстро громоздили огромные валы, и вихрь разносил брызги длинными полосами, которые светились, как алмазы. Настала буря, а между тем Голяшкин – опьянел совершенно. Он, однако ж, имел столько силы и присутствия духа, что успел снять парус по сильному моему настоянию. Страшнее всего для меня было то, что Голяшкин не сидел смирно на своем месте, вскакивал, перегибался через борт, и мог опрокинуть гичку, которая быстро перепрыгивала с вала на вал. Слушая рассказы моряков о бурях и морских опасностях, я запомнил, что в бурю надобно убирать паруса и плыть поперек валов, и теперь воспользовался уроком. Помнил я также хорошо *«Всемирного Путешественника, аббата Прево»*, мою любимую книгу, и знал, что когда нет надежды выдержать шторм в открытом море, то лучше разбиться у песчаного берега. Рулем я умел править, то есть знал, как поворачивать судно, а потому, вместо того чтоб править прямо, я плыл ко-сою линиею, к правому (от Кронштадта) берегу. В это время дождь полился ливнем, и стало так темно, что едва можно было видеть за несколько шагов. Только по ужасному шуму волн, разбивавшихся о камни и о берег, догадывался я, что земля близко. Страх и сырость выгнали половину винных паров из головы Голяшкина. Он смотрел на меня осовелыми глазами, ворчал что-то про себя, но уже сидел смирно. Вдруг раздался треск, и гичка наша, сброшенная с вершины вала

на огромный камень, – разбилась... Мы упали в море...

Я уже говорил, что не выучился плавать. Но, по счастью, это случилось в виду берега, на мели. Вода была по грудь. Поднявшись на ноги, я стал искать глазами Голяшкина... Он стоял возле камня, держась за острый его угол, и подал мне один конец весла, которое он машинально схватил в руки, когда наша гичка разбилась. Оба мы, упав в море нечаянно, хлебнули порядочно воды, и это произвело операцию, которая совершенно отрезвила Голяшкина. – Мы стояли за камнем на подветренной его стороне, и волны переливались через нас. Голяшкин сказал мне, чтоб я пособил ему взобраться на камень, что я и исполнил. Он разделся донага, связал свое платье в узел, и спрыгнул в море. Бояться ему было нечего, потому что он плавал, как утка. Испытывая глубину веслом, Голяшкин пошел вперед к берегу, и приказал мне держаться за кушак, привязанный одним концом к его руке, и нести его платье, сказав, что если случится глубокое место, то он переплывет и перенесет меня на себе. Не знаю, сдержал ли бы он свое обещание, но, по счастью, в этом не было нужды, и мы дошли, хотя с величайшим трудом, до берега. Почти без сил бросились мы на землю. – Мы прошли в воде по грудь и по шею, может быть, с версту, но если б еще пришлось идти столько, я бы не выдержал. Я был в одежде и в сапогах... Шинель я сбросил и тащил за собой в воде. Отдохнув несколько, я снял с себя сапоги, разделся, и только прикрытый мокрою шинелью, пошел искать убежища. Го-

ляшкин тоже пошел нагой, прикрывшись кафтаном.

Теперь физиономия всего берега от Петербурга до Ораниенбаума совершенно изменилась. Тогда не было столько дач; иные деревни стояли на других местах, а много чухонских семейств жили по своему древнему обычаю отдельно. Мы прибрели в одну чухонскую деревушку всего в три двора, находившуюся поблизости моря на так называемой нижней дороге. Разумеется, что нас приняли радушно, затопили тотчас печь, чтоб высушить наше платье и обогреть нас самих, уложили на свежей соломе, и покрыли хорошими новыми тулупами. Первый вопрос Голяшкина был: есть ли поблизости кабака? К досаде Голяшкина, кабака не было вблизи, и он отправил парня за вином в двухколесной таратайке. Я дал денег на целое ведро вина и на полсотни калачей, чтоб угостить всех жителей этой деревушки, и заснул от изнеможения. Голяшкин последовал моему примеру.

Голяшкин разбудил меня часу в седьмом по полудни. Он был уже одет и навеселе. Мое платье также высохло. Пока я спал, Голяшкин успел от моего имени угостить всю деревню, всего человек пятнадцать и с бабами, и сам порядком подгулял.

– Куда теперь ехать, в Кронштадт или в Петербург? – спросил Голяшкин.

– Разумеется, в Петербург, – отвечал я.

– А мне зачем туда! – возразил Голяшкин: гичка моя пропала, а вы доедете и без меня сухим путем. Я ворочусь в

Кронштадт через Рамбов (то есть Ораниенбаум).

– Делай как хочешь и как знаешь, – сказал я.

Я нанял лошадей с таратайкой до Петербурга, и простился с Голяшкиным, приказав ему никому не говорить о нашем приключении, и если спросят обо мне, отвечать всем, что я поехал на рейд или на косу к доктору. Мы расстались.

По счастью, верстах в трех от деревушки на большой дороге я нашел у харчевни извозчицью карету, возвращавшуюся в Петербург без седоков, и поехал покойно в город.

В Петербурге я пробыл только сутки, не выходя из дому моего зятя. Болезнь сестры моей благодаря Богу приняла благоприятный оборот. У нее был нарыв в горле, который прорвался накануне. Но доктор для избежания всякого волнения запретил мне видеться с сестрою. Я только взглянул на нее из дверей, во время ее сна, и отправился в обратный путь на галиоте с пенькою.

ГЛАВА III

Нежные чувства старого воина, моего начальника. – Его особенная ко мне милость. – Польша в конце XVIII века. – Рассказы моего начальника о Суворове и о Пражском штурме.

На другое утро явился я к моему доброму генералу И.И. фон Клугену. Он редко улыбался и всегда казался угрюмым и серьезным, и надобно было знать его коротко, чтоб постигнуть всю мягкость и все благородство его души.

– Чем вы были больны? – спросил он меня.

– Я страдал головною болью, – отвечал я.

– Из всего я замечаю, что вы подвержены частым головокружениям, и я советую вам серьезно лечиться, потому что это может довести вас до большого несчастья, возразил генерал, отвернувшись, чтоб скрыть от меня улыбку.

Я молчал, поняв намек.

– Что ж вы делали во время вашей болезни? – спросил генерал, шуточным тоном.

– Спал, – отвечал я.

– А что вам снилось? – промолвил он.

– Мне снилось, будто сестра моя была при смерти больна, будто я отправился в Петербург на ялике, будто ялик разбился во время бури, и я едва не утонул.

Я рассказал генералу мое приключение во всех подробностях, как будто все это было во сне.

– Любезный друг, сказал генерал: кто наяву делает глупости, тому снятся страшные сны. Надеюсь, однако ж, что этот сон о поездке в Петербург будет последний...

Нежнее и благороднее нельзя было поступить, и я дал слово, что этих снов больше не будет, и сдержал мое обещание.

С одной стороны, судьба тяготила меня, а с другой – нежила. Отец родной не мог бы нежнее обходиться со мною, как обходился мой добрый генерал Иван Иванович фон Клуген! Внезапно он заболел от простуды после бала у генерала Ширкова. На старости каждая болезнь сопряжена с опасностью жизни. Я поместился у него и не отходил от его постели. По счастью, камердинер его был мне предан и позволил это. В первые дни у генерала были припадки горячки, при совершенном упадке сил. Он часто забывался и даже бредил. Я сам давал ему лекарство, сидел при нем ночи напролет, подавал питье, и наблюдал, чтоб он не раскрывался. Доктор предписал трения, и я сам натирал его по всему телу. Дней через десять опасность прошла, но я так утомился непрерывным бдением, и так расстроился внутренним потрясением, что сам должен был прибегнуть к советам врача. Генерал чувствовал мое самоотвержение и привязанность, но не сказал мне ни одной обычной благодарственной фразы. Когда он впервые встал с постели в присутствии врача и нескольких из своих любимых офицеров, он не хотел ничьей помо-

щи, и оперся на меня, пожав при этом крепко мою руку.

– Я не обманулся в тебе, – прошептал он.

С этих пор он начал называть меня "ты", а до того всегда употреблял "вы".

Во время выздоровления (convalescence), генерал часто проводил вечера в разговорах со мною. Как все старые войны, он любил вспоминать о походах и сражениях, в которых сам участвовал. Да и может ли быть иначе! Ничего нет приятнее и сладостнее, как воспоминание минувших трудов и опасностей. Кто не терпел нужды, не рисковал жизнью, не бедствовал, тот не может иметь понятия о счастье.

Генерал мой, Иван Иванович фон Клуген, не получил основательного школьного образования, потому что по тогдашнему обычаю вступил в весьма молодых летах в военную службу. Но он наделен был от природы здравым рассудком, которого нельзя приобрести ни в какой школе, и находясь при нескольких штабах во время своей службы, как говорится, понатерся возле людей высшего образования. Он даже был в приятни со знаменитым германским писателем и единственным практическим философом Зейме. Тогда я во все не знал этого писателя, и слушал хладнокровно рассказы генерала об этом необыкновенном человеке, бывшем сперва воспитателем детей у генерала графа Игельстрема, потом исправлявшем должность его секретаря в звании подпоручика русской службы. Генерал говорил мне о великом Суворове такие вещи, каких я не нашел ни в одной книге, и, вероятно,

это мнение сообщено И.И. фон Клугену знаменитым Зейме.

"Теперь еще рано судить о Суворове, – сказал мне однажды генерал. (Это было говорено только девять лет спустя после смерти героя, скончавшегося 12 мая 1800 года.) – Все ставят Наполеона выше Суворова, и весьма многие не только из чужеземцев, но и из своих, даже не признают в Суворове великих качеств полководца, и называют его храбрым гренадером, который побеждал быстрым натиском и решительностью, не сберегая жизни своих храбрых солдат. Говорят, из всех кампаний Суворова нельзя извлечь ни одного правила для тактики и стратегии, и что все его искусство ограничивалось: "Ура, вперед, в штыки!" В обвинениях может быть несколько истины, но обвинители не исследовали причин, которые заставляли Суворова действовать так, а не иначе. Суворов только одного Кутузова (Михаила Илларионовича, впоследствии фельдмаршала и святейшего князя) почитал генералом, способным к высоким стратегическим соображениям. Всем другим генералам он не доверял. Любимцев своих князя Багратиона и генерала Милорадовича, молодых¹⁷¹, храбрых, пылких воинов, Суворов называл своими орлами, штыковыми генералами – но боялся основывать успехи на их соображениях. Он уважал генералов Дерфельдена, Буксгевдена и некоторых других, но доверял вполне

¹⁷¹ В Итальянскую кампанию 1799 года князю Багратиону было тридцать четыре года от рождения (род. в 1765 году), а Милорадовичу двадцать девять лет (род. в 1770 году).

только русской храбрости и побеждал ее, умев возбудить в солдатах неограниченную к себе доверенность. – «Бог наш генерал!» – повторял часто Суворов. Но те, которые близко знали Суворова и с которыми он говорил серьезно (а таких было весьма немного), утверждают, что Суворов не уступал ни одному полководцу в военном искусстве с той разницею, что он не любил раздроблять войско на отдельные отряды, но действовал совокупными силами. Хотя Римский-Корсаков и не виноват был в претерпенном поражении под Цирихом, потому что, вопреки общему плану, оставлен был австрийцами, но Суворов подкреплял этим несчастным событием свою недоверчивость к отдельным корпусам. – «Германа съели в Голландии, а Корсакова недоели в Швейцарии», – сказал однажды Суворов генералу Дерфельдену, от которого я слышал это: а будь он при мне со своим корпусом – мы бы через четыре месяца воспевали вместе в Париже: «Тебе Бога хвалим!» – Суворов был великий муж в полном смысле слова, но он хотел действовать везде один, со своими солдатами, и все свои победы приписывал Богу и солдатам!"¹⁷²

Это суждение о Суворове осталось навсегда в моей памяти, и когда впоследствии я стал изучать кампании этого великого полководца, то вполне удостоверился в справедливости сказанного генералом фон Клугеном. Суворов точно не любил делиться с другими славою побед, и действовал более

¹⁷² Это доказано теперь собственноручными письмами Суворова к разным лицам, отчасти напечатанным, и свидетельством Фукса в его анекдотах о Суворове.

солдатскую храбростью – натиском и быстротой, чем маневрами. Жаль, что Суворову не пришлось сражаться против Наполеона! Я убежден, что Суворов против маневрирования Наполеона изобрел бы противодействие.

Рассказывая о Финляндской войне, я упомянул о происшествии в Вазе, искаженном и преувеличенном в иностранных газетах. – "Это царапина в сравнении с тем, что я видел в моей жизни! – сказал генерал. – Император Александр заслужил на вечную славу и на благословение потомства за уничтожение старинного варварства и введение человеколюбия в войнах. В старину каждый город, взятый штурмом, был отдаваем солдатам на их произвол в награду за их мужество. Таков был обычай! А чего можно ожидать от разъяренного, взбешенного солдатства! Грабеж, насилия, убийства оканчивали всегда победу. Ты помнишь слова в тактике Суворова: "Взял город, взял лагерь – все твое!" Признаюсь тебе, что я сам тогда не постигал, чтоб могло быть иначе! В жизни моей я был два раза в аду – на штурме Измаила и на штурме Праги... Страшно вспомнить!.."

По моей просьбе генерал рассказал мне некоторые подробности о штурме Праги и предшествовавших событиях в Варшаве. Сообщая воспоминания очевидца, я считаю необходимым присовокупить некоторые предварительные известия о тогдашних польских делах, почерпнутых мною не из книг, а из рассказов моего генерала и других начальных свидетелей.

В политике не имеют места поэзия и чувствительность. Когда идет дело о пользе, спокойствии, благоденствии отечества — хоть плачь, а делай, что нужно. Чудовищное устройство прежней Польши посреди трех самодержавных государств, России, Австрии и Пруссии, не могло существовать без возбуждения в соседях беспокойства и крайней осторожности. Польское королевство называлось *Речью Посполитою*. Это была эпитафия на республику и на королевство. Король не имел в королевстве никакой власти, а польского народа вовсе не существовало в республике, потому что среднего сословия из туземцев вовсе не было, а поселяне были в угнетении и в рабстве. В городах немцы и жида занимались ремеслами и торговлей с весьма малыми исключениями. Мнимую республику составляло шляхетство, то есть дворянство, присвоившее себе всю власть, и между шляхетством богатство заменяло все достоинства. Бедное дворянство было подвержено такому же угнетению, как мещане и поселяне. Религиозный фанатизм, возбужденный иезуитами, погасившими истинное просвещение в Польше, возжег взаимную ненависть и раздоры в дворянском сословии, которое и явно и тайно вредило общему делу, желая погубить личных врагов своих. Все чувствовали недостатки государственного устройства, но никто не мог предпринять улучшений, потому что дворянство не хотело уступить прав своих, и сеймы не соглашались на увеличение податей. Какое же можно предпринять улучшение без денег, без войска,

без повиновения властям? Знаменитый польский писатель Нарушевич в своих бессмертных сатирах верно изобразил нравы польского шляхетства в восемнадцатом веке.

Все польские писатели, даже эмигранты, писавшие по внушению страстей о делах Польши, единогласно сознаются, что в восемнадцатом веке разврат (соггуптион) политический и правительственный (административный) был в Польше на высочайшей степени! Жаловались и жалуются на вмешательство иностранных держав в дела тогдашней Польши, а кто ж приглашал к этому чужеземные державы, если не сам король польский и не польские паны!

Значительнейшие вельможи из корыстных видов, предлагали свои услуги иностранным державам противу выгод собственного отечества; другие действовали в цели свержения с престола короля Станислава Августа и приобретения для себя королевского достоинства. Вся Польша была разделена на партии, без единства власти и воли. Обвинять некого – сами поляки во всем виноваты! Не стану повторять уже известного и возобновлять упреки, руководствуясь правилом умного Капфига (Capefigue): "le respect du malheur est un des plus nobles instincts de la mature humaine".

Само по себе разумеется, что и в тогдашней Польше, как и в каждом человеческом обществе, были люди умные, честные и благомыслящие; но они везде, хотя бы даже составляли большинство, не могут противостоять буйным порывам страстей, возжигаемых в массе народа интриганами, прой-

дохами, корыстолюбцами и эгоистами.

К стыду человечества благородный Андрей Замойский, предложивший на сейме 1780 года уничтожение *liberum veto* (*nierozwalam*) и подтверждение прав для среднего и сельского сословия, был объявлен изменником отечества! И где же? В Польше, называвшейся республикою! Французская революция 1789 года вскружила умы воспламенительных поляков, и в Польше составила сильная партия под влиянием аббата Гугона Коллонтая для преобразования всех государственных учреждений. Но за дело принялись не так, как следовало, и вместо учреждения сильных монархических начал, могших успокоить соседние государства, принялись распространять якобинские правила, и учредили политическую пропаганду, которая угрожала соседним государствам. Свобода книгопечатания, не зная никаких пределов приличия, оскорбляла личность всех и даже соседних государей, угрожая всем престолом. Такое положение государства не могло быть терпимо тремя сильными соседями, и решено было по плану, составленному прежде Фридрихом Великим, уничтожить гнездо раздора и пропаганды в Восточной Европе.

Не стану описывать народного восстания, избравшего в начальники Костюшку. Добродетельный, благородный, но мягкий и добродушный Костюшко был неспособен к управлению народом в это время. Всю власть присвоили себе якобинцы, вопреки общему мнению, предоставляя Костюш-

ке борьбу с иноземными войсками в открытом поле. Боясь лишиться любви народной и его доверенности (popularite), Костюшко, хотя неохотно, утверждал все действия временного революционного правления, которое подражало рабски Французскому национальному конвенту. Непостижимо, как умные и степенные люди в Польше могли подписывать без смеха публичные акты с заголовками: *вольность, равенство, независимость* (в подражание французским: *liberte, egalite, fraternite*), и как порядочные люди могли читать это без негодования! Стоило только оглянуться кругом или вспомнить о польских селах и городишках или местечках, чтоб убедиться, что все это вздор и одна болтовня!

Двоюродный дядя мой Станислав Булгарин, староста яловский, человек умный и положительный, отличавшийся в зрелых годах искренней преданностью к русскому правлению и поставивший даже в обязанность четырем своим племянникам (детям двух своих сестер), графу Михаилу Тиману и трем Гоувальтам (Северину, Жоржу и Христофору) служить в русской военной службе под опасением лишения наследства, – рассказывая мне многое о последнем восстании под начальством Костюшки, сообщил между прочим следующий анекдот: "Не могу вспомнить без жалости и без смеха, сказал мне дядя: "до какой степени мы, молодые люди тогдашнего времени, были глупы и заблуждены! Я служил волонтером в войске, и находился в свите Костюшки, при его особе. Однажды, когда у Костюшки стоявшего лагерем

возле Воли (близ Варшавы), было много гостей, за обедом получен пук парижских газет, провезенных тайно через Германию. Костюшко вскрыл пакет и, заглянув в газеты, бросил их на пол, воскликнув: "Робеспьер погиб!" Мы верили тогда в величие и филантропию этого кровожадного эгоиста, и надеялись, что он, сделавшись диктатором Франции, вышлет нам на помощь войско! Глупее и несбыточнее этого ничего не могло быть на свете, но мы верили, потому что тогдашние правители Польши уверяли нас в этом! Смерть Робеспьера, которого я растерзал бы теперь собственными руками, до такой степени поразила меня, что я вышел из-за стола, удалился в садик, примыкавший к квартире Костюшки, и заплакал навзрыд! Сам по себе я был *ничто*, но я выражал мнение высшего круга..." Спрашивается после этого, какими глазами должны были смотреть Россия, Австрия и Пруссия на Польшу, ожидавшую спасения от Робеспьера?

Французская революция до такой степени ослепила тогдашних польских политиков, что они вообразили, будто Польша может, подобно Франции, бороться с тремя державами! В подражании Франции недоставало в Польше только самоуправления черни и кровопролития – и это сочинили польские якобинцы в Варшаве!

В Варшаве было около восьми тысяч русских войск, введенных по желанию короля и партии панов, искавших русского покровительства. Русское войско было под начальством генерала барона Игельстрема, который в то же время

был русским послом при короле Станиславе Августе.

Двуличие, нерешительность и слабодушие короля не могли возбудить к нему уважения русских сановников, находившихся при нем в разное время в звании послов. Князь Репнин, граф Штакельберг и барон Игельстрем обходились с королем не только без обиняков, но часто весьма круто, не соблюдая ни в бумагах, ни в словах ни в поступках, известных дипломатических форм, отличающихся утонченностью и вежливостью, даже в самых неприятных отношениях между Дворами. Польское общество основано было в то время на интригах, и почти каждый польский дворянин, участвовавший в общественных делах по выборам или по королевскому назначению помышлял более о себе, чем об отечестве, стремясь единственно к приобретению старосте или доходных мест. Барон Игельстрем, находясь в тесной связи с одной из первых красавиц того времени, графиней Залусской (урожденною Пиотровичевой), на которой впоследствии женился, увлечен был в борьбу партий и вмешивался в частные и в административные дела Польши, не имевшие никакого отношения к политике, действуя самовластно, то есть заставляя короля поступать по желанию графини Залусской. Она господствовала в Польше, раздавала места, староства, орден и денежные награды. Восстала против этой власти сильная партия, и началась явная борьба.

Европейские писатели истожились в изображении характеров, и наконец должны были прибегнуть к уродливым вы-

мыслам; но есть еще некоторые характеры, ускользнувшие от пронизательности авторов. Самый любопытный характер – это характер *деловой польки*. Первый польский поэт, Мицкевич, в Литовской балладе «Три Будрыса» (Trzech Budrysow), воспевая любезность полек, сравнил их с молодыми кошечками. Я принимаю это сравнение в полном и настоящем его смысле. Все звери кошачьей породы, от кошки до тигра и леопарда, чрезвычайно красивы и ловки во всех движениях – но это самая коварная порода из всех хищных пород. Кошка укрощена человеком, и сделалась домашним животным, но она сохранила много инстинктов своей породы, особенно коварство; она боится человека, равнодушного к ней, и царапает только тех, которые ее любят, ласкают и играют с ней. Каждый Самсон, пришедший в Польшу, нашел свою Лейлу, каждый Геркулес имел свою Деяниру.

Среди интриг, возбуждаемых корыстью и самолюбием, образовался заговор к всеобщему восстанию в Польше и к избавлению ее от всякого чужеземного влияния, то есть предпринято дело, и нравственно и физически невозможное. Заговорщики вознамерились подать пример истреблением русских войск, находившихся в Варшаве. Гугон Колонтай, душа заговора, почитается человеком умным, но где был ум его, когда он выдумал это?! Ужели он и его сообщники не предвидели, какие последствия повлечет за собой поступок, который ничем не мог быть оправдан?! Заговорщики должны были предвидеть, что честь России потребует при-

мерного отмищения за изменническое избиение воинов, без предуведомления о начале военных действий, и что слабая Польша должна погибнуть... Удивительное ослепление!

Основание этого заговора казалось генералу Игельстрему так глупо, что он сперва вовсе не верил предостережениям графини Залусской, полагая, что ее страшат, чтоб заставить его удалиться с войском из Варшавы. В этом мнении он еще более укрепился, когда король посоветовал ему выступить из Варшавы для предупреждения кровопролития. Однако ж, барон Игельстрем приказал войску быть осторожным, и в некоторых местах удвоил караулы, дал им пушки и наконец по сильным просьбам польских панов, приверженцев России, решил взять под стражу самые подозрительные лица. Это долженствовало быть 6/18 апреля (1794 года).

Бунт в Варшаве вспыхнул накануне, 5/17 апреля, в три часа утра. Польские регулярные войска вместе с взбунтованными гражданами напали внезапно на русские караулы, овладели арсеналом и пороховым магазином, раздали оружие и боевые патроны народу, и сражение сделалось общим. Генерал Игельстрем не предвидел такой скорой развязки. Русское войско было раздроблено на малые отряды, между которыми пресечено было всякое сообщение. Это именно способствовало успеху восстания. Дом, который занимал генерал Игельстрем, был атакован и защищаем с величайшим с обеих сторон упорством, и наконец взят бунтовщиками. Генерала Игельстрема спасла графиня Залусская и пере-

одетого вывезла из Варшавы. Русские, пробиваясь штыками через толпы мятежников, должны были выступить из Варшавы. По отступающим русским стреляли из окон и с крыш домов, бросали на них бревна и все, что может причинить вред, и из 8000 русских погибло 2200 человек, а в плен взято 260, кроме нескольких русских дам и дипломатических чиновников. Несколькими днями позже, то же самое повторилось в Вильне, где было русских до 3000 человек под начальством генерала Арсеньева, который был убит во время мятежа.

Поляки, бывшие в Варшаве во время бунта, говорят, что если б русский отряд был сосредоточен, имел при себе всю свою артиллерию, и если б арсенал и пороховой магазин были во власти русских, что было весьма легко, то восстание было бы усмирено при самом его начале.

Революционеры не довольствовались событиями 5/17 и 6/18 апреля; им надобно было повторить парижские сцены *времени ужаса* (*temps de la terreur*) во всей их красе – и это сбылось 16/28 июня. Взбунтованная клубистами варшавская чернь потребовала наказания польских панов, взятых под стражу 5/17 и 6/18 апреля по подозрению в преданности русскому правительству и вследствие сношений с русским посольством, что обнаружилось по пересмотре бумаг, найденных в доме генерала Игельстрема. Когда революционное правление отказалось наказывать без следствия и суда, чернь, предводительствуемая клубистами, ворвалась в тюрьму и повесила всенародно до двенадцати польских панов. В

Вильне повторилось то же. Там не пощадили даже епископа из значительной литовской фамилии. Едва ли не первый пример в католическом государстве, что епископ предан был всенародно позорной казни!

К чести Костюшки должно сказать, что он не только не одобрил этого зверского самоуправства революционеров, но даже приказал повесить в Варшаве семерых главных зачинщиков мятежа, и обезоружить варшавских граждан, а тайным предписанием временному правлению велел составить отряд национальной гвардии из самых отчаянных забияк и поместить на опаснейших пунктах пражских укреплений. В прокламациях к народу Костюшко изобразил резко всю гнусность поступка черни и е, е поджигателей, и угрожал беспощадным наказанием за всякое самоуправство, равно как и за оскорбление пленных.

Но три соседние державы уже решили участь Польши. Костюшко, разбитый сперва под Щекотинами пруссаками, а потом под Мацевицами генералом бароном (потом графом) Ферзенем, взят в плен. Краков находился уже во власти пруссаков, а Суворову поручено было кончить дело раз навсегда.

Разбив отдельные отряды в Литве, Суворов быстро подступил к Праге, где собрано было лучшее польское войско и находились все самые пламенные патриоты, решившиеся победить или умереть. Начальником народа вместо Костюшки был избран Фома (Thomas) Вавржецкий, также литовец

родом.

У Суворова было от 22 000 до 25 000 всего войска и 80 орудий. Защитники Праги никак не полагали, чтоб с этими силами Суворов решился на приступ укреплений, защищаемых 200 пушками и до 30 000 храбрых воинов и охотников. Думали, что Суворов ограничится осадой или блокадой Праги, – и не унывали, надеясь, что всеобщее восстание народа и дипломатическое вмешательство Франции даст другой оборот делу. И вдруг (22 октября/3 ноября) русское войско неожиданно появилось под стенами Праги, и стало лагерем на пушечный выстрел от укреплений.

Теперь приведу рассказ очевидца, генерала фон Клугена в таком виде, как это повествование осталось в моей памяти.

"Когда мы остановились в виду укреплений, поляки выстрелили в нас залпом из всех своих пушек. Это был сигнал, чтоб все варшавские охотники и народная гвардия собрались в Праге и вместе с тем чтоб показать нам свою силу. На земляном валу чернелись толпы народа, блестело оружие, и раздавались громкие клики. Несколько сот наездников выехали из Праги, и стали фланкировать с нашими казаками и легкоконцами. Тем дело и кончилось в тот день. В сумерки отдан был приказ готовиться к штурму и вязать фашины. Всю ночь провели мы, не смыкая глаз. Все наше войско разделено было на семь деташементов, или, как теперь говорят, колонн. Наша артиллерия выстроилась впереди. В пять часов утра, когда было еще темно, в воздухе взвилась

сигнальная ракета и войско двинулось вперед. Перед каждым detachmentом шла рота отличных застрельщиков и две роты несли лестницы и фашины. На расстоянии картечного выстрела наша артиллерия дала залп и потом начала стрелять через пушку. С укреплений также отвечали ядрами. Когда мрак прояснился, мы увидели, что пражские укрепления во многих местах рассыпались от наших ядер. Вокруг Праги грунт песчаный, и невзирая на то что укрепления обложены были дерном и фашинами, они были непрочны.

Вдруг в средней колонне раздался крик: "Вперед! ура!" Все войско повторило это восклицание и бросилось в ров и на укрепления. Ружейный огонь запылал на всей линии, и свист пуль слился в один вой. Мы пробирались по телам убитых и, не останавливаясь ни на минуту, взобрались на окопы. Тут началась резня. Дрались штыками, прикладами, саблями, кинжалами, ножами – даже грызлись! Лишь только мы взлезли на окопы, бывшие против нас поляки, дав залп из ружей, бросились в наши ряды. Один польский дюжий монах, весь облитый кровью, схватил в охапку капитана моего батальона, и вырвал у него зубами часть щеки. Я успел в пору свалить монаха, вонзив ему в бок шпагу по эфес. Человек двадцать охотников бросились на нас с топорами, и пока их подняли на штыки, они изрубили много наших. Мало сказать, что дрались с ожесточением, нет – дрались с остервенением и без всякой пощады. Нам невозможно было сохранить порядок, и мы держались плотными толпами. В неко-

торых бастионах поляки заперлись, окружив себя пушками. Мне велено было атаковать один из этих бастионов. Выдержав картечный огонь из четырех орудий, мой батальон бросился в штыки на пушки и на засевших в бастионе поляков. Горестное зрелище поразило меня при первом шаге! Польский генерал Ясинский, храбрый и умный, поэт и мечтатель, которого я встречал в варшавских обществах и любил, – лежал окровавленный на пушке. Он не хотел просить пощады, и выстрелил из пистолета в моих гренадеров, которым я велел поднять его... Его закололи на пушке. Ни одна живая душа не осталась в бастионе – всех поляков перекололи...

Та же участь постигла всех, оставшихся в укреплениях, и мы, построившись, пошли за бегущими на главную площадь. В нас стреляли из окон домов и с крыш, и наши солдаты, врываясь в дома, умерщвляли всех, кто им ни попадался... Ожесточение и жажда мести дошли до высочайшей степени... офицеры были уже не в силах прекратить кровопролитие... Жители Праги, старики, женщины, дети, бежали толпами перед нами к мосту, куда стремились также и спасшиеся от наших штыков защитники укреплений – и вдруг раздались страшные вопли в бегущих толпах, потом взвился дым и показалось пламя... Один из наших отрядов, посланный по берегу Вислы, ворвался в окопы, зажег мост на Висле, и отразил бегущим отступление... В ту же самую минуту раздался ужасный треск, земля поколебалась, и дневной свет померк от дыма и пыли... пороховой магазин взлетел на

воздух... Прагу подожгли с четырех концов, и пламя быстро разлилось по деревянным строениям. Вокруг нас были трупы, кровь и огонь...

У моста настала снова резня. Наши солдаты стреляли в толпы, не разбирая никого, – и пронзительный крик женщин, вопли детей наводили ужас на душу. Справедливо говорят, что пролитая человеческая кровь возбуждает род опьянения. Ожесточенные наши солдаты в каждом живом существе видели губителя наших во время восстания в Варшаве. "Нет никому прощенья!" – кричали наши солдаты и умерщвляли всех, не различая ни лет ни пола...

Несколько сот поляков успели спастись по мосту. Тысячи две утонуло, бросившись в Вислу, чтоб переплыть. Взято в плен до полуторы тысячи человек, между которыми было множество офицеров, несколько генералов и полковников. Большого труда стоило русским офицерам спасти этих несчастных от мщения наших солдат.

В пять часов утра мы пошли на штурм, а в девять часов уже не было ни польского войска, защищавшего Прагу, ни самой Праги, ни ее жителей... В четыре часа времени совершилась ужасная месть за избиение наших в Варшаве!

Мы тогда не знали ни своей, ни неприятельской потери. После уже прочли мы в донесениях главнокомандующего, что в Праге погибло более тринадцати тысяч поляков и что у нас убито восемь офицеров и шестьсот рядовых; ранено двадцать три офицера и, до тысячи человек. Двести пушек,

гаубиц, мортир, бывших на укреплениях, и множество знамен составляли нашу военную добычу. Такого поражения и такой потери Польша никогда еще не испытала... Это был последний удар, кончивший ее политическое существование..."

Добрый генерал, рассказывая мне о пражском штурме, был в сильном волнении, и даже несколько раз утирал слезы.

– Ад, сущий ад!" – повторял он несколько раз.

Вы, любезные мои читатели, без сомнения, не раз слышали шуточную поговорку: "Русскому здорово, немцу смерть!" Генерал фон Клуген уверял меня, что эта поговорка родилась на пражском штурме. Наши солдаты, разбив аптеку, уже объятую пламенем, вынесли на улицу бутылку, попробовали, что в ней находится, и стали распивать, похваливая: славное, славное вино! В это время проходил мимо коновал нашей артиллерии родом из немцев. Думая, что солдаты пьют обыкновенную водку, коновал взял чарку, выпил душком – и тут же свалился, а через несколько времени и умер. Это был спирт!

Когда Суворову донесли об этом происшествии, он сказал: "Вольно же немцу тягаться с русскими! Русскому здорово, а немцу смерть!"

Эти слова составили поговорку. Повторил ли Суворов старое и забытое, или изобрел новую поговорку, за это не ручаюсь; но говорю что слышал.

ГЛАВА IV

Старинное русское военное хлебосольство. – Добрый и любезный антипод моего начальника. – Я принужден быть стихотворцем. – Последняя перемена квартиры. – Польские шляхтянки и их характеристика. – Русская торговля и контрабанда вследствие континентальной системы. – Жизнь левой стороны кронштадтского женского общества. – Предтеча натуральной школы. – Кронштадтский каторжный двор. – Типы старинных разбойников. – Комическая сцена с диким французом. – Окончательная участь дикаря и его жены. – Лифляндия и Ревель за сорок лет пред сим. – Я оставляю военную службу.

Совершенную противоположность с тихостью, скромностью и уединением генерала фон Клугена составлял характер инспектора первых трех морских полков и шефа первого морского полка генерал-майора Павла Семеновича Ширкова. Генерал Ширков был образец (тип) русских генералов и полковых командиров прошлого столетия. Нынешнее поколение не может иметь понятия о том, что значила стоянка полка в провинциальном городе и его окрестностях в царствование императрицы Екатерины Второй. Полки, особенно кавалерийские и артиллерийские, приносили большие доходы полковникам и генералам – а каждый русский дворя-

нин почитал свою обязанностью проживать все свои доходы. Исключения из этого правила были чрезвычайно редки, и относились более к немцам. Где стоял полк, там беспрерывно бывали балы, обеды, вечеринки, продолжавшиеся ночи напролет. Музыка и песенники ежедневно забавляли городских жителей или помещиков. На пирах было разливное море! Так жил и генерал Ширков в Кронштадте. По странному случаю я сблизился с ним. Замыслив дать пир с балом, фейерверком и всеми возможными сюрпризами одному важному лицу, Ширкову понадобились стихи. Ему сказали, что я *сочинитель!*

В Уланском полку прослыл я поэтом за пустые стишки, которые писал иногда для забавы нашего офицерского общества. Это были большею частью послания к друзьям. Эти стихи не могли бы выдержать печати – но приятелям моим они нравились, а что всего удивительнее, многие из товарищей моих удержали в памяти до своей старости, некоторые из моих стихов, и при встрече припоминают их мне! К этому разряду стихов принадлежит послание, начинающееся стихом: "Трепещет Стрельна вся" и прочее.

Ширков пригласил меня к себе, принял чрезвычайно ласково, и объявил о своем желании. На другой же день я принес ему песню, которая немедленно положена была на музыку и разучена песенниками. Песня¹⁷³ имела большой успех,

¹⁷³ Я удержал в памяти несколько куплетов, и не из авторского самолюбия, но чтоб показать дух тогдашнего времени, сообщаю здесь начало песни: "Силь-

и несколько раз была повторена пред знаменитым гостем. Я не был на этом пиршестве, хотя и был приглашен генералом Ширковым, но на третий день явился к нему к обеду по приглашению. Генерал Ширков расцеловал, расхвалил меня, предложил даже тост за мое здоровье, а после обеда повел в свой кабинет, и обещал мне свое ходатайство и покровительство, что и исполнил. Искренно сожалел я об нем, когда впоследствии узнал о постигнувшем его несчастье, следствии непреборимой его страсти к гостеприимству, увлекшей его за пределы долга. Он кончил жизнь в уединении, у своих родственников. Ширков истратил казенные суммы в надежде пополнить их из наследства, которое приходилось ему после престарелого родственника. Но родственник отказал нажитые им деньги другому – и Ширков попал в беду. Все сожалели о Ширкове, но помочь было ему невозможно. Законы выше всех частных – и чем выше человек поставлен в свете, тем пример снисхождения пагубнее.

Мне наконец наскучило жить у Голяшкина, и я переехал к земляку моему, таможенному чиновнику. Он занимал весьма порядочный дом, и уступил мне две комнаты. За квартиру с мебелью, с кушаньем, и притом отличным, с мытьем моего белья, я платил в месяц *пятьдесят* рублей ассигнациями. И это в то время почиталось недешево! Никогда я

ный верой и присягой, Добрый русский наш народ Кровь свою прольет с отвагой За священный царский род. Жизнь солдата в царской воле, Все умрем мы за царя! Рады драться в чистом поле, И не страшны нам моря!" и прочее.

не жил так покойно и даже так роскошно, как в это время у земляка моего Матушевича. Родственница его, польская хозяйка в полном смысле слова, Мария Петровна Бржезинская¹⁷⁴, вдова, всю славу свою поставляла в приготовлении вкусных блюд, и стол ее был истинно превосходный. Скажу мимоходом, что в двадцатых годах я встретил в Петербурге свою кронштадтскую хозяйку, которая по смерти своего родственника содержала стол для чиновников за весьма умеренную цену, и по смерти была оплакана своими пенсионерами. Во время пребывания моего в Кронштадте у Марии Петровны была дочь-красавица, которая жила тогда в Петербурге, и приезжала довольно часто в гости к матери. Эта дочь, вышла потом замуж за артиллерийского полковника Ч-ва. Упоминаю об этом, чтоб сказать, что дочь Марии Петровны *была образцовая полька*, ловкая, милая, веселая. Без всякого школьного воспитания, она могла занять умного человека и быть душою общества. Можно сказать, что я изучал природу польской женщины над характерами этих двух полек, пожилой женщины и молодой девушки. Женщины высшего сословия во всей Европе, особенно в восточной ее части, приняли все манеры француженок, и польские политические да-

¹⁷⁴ Замечательно, что Мария Петровна была несколько лет домоправительницею или хозяйкою у Ивана Андреевича Крылова до его всемирной известности и знаменитости, то есть до того времени, как он начал писать басни. Мария Петровна даже не подозревала, что Крылов — человек гениальный и называла его просто *чиновником* и *сочинителем*. Когда я в наше знакомство с Крыловым вспомнил о Марии Петровне, он сказал: «Славная женщина! она раскормила меня!»

мы, о которых я говорил выше, по наружности те же француженки. Но истинный, природный характер польской женщины сохранился только между небогатою шляхтою. Первой обязанностью своею, от которой ни одна полька не позволяет себе уклоняться, почитают она старание нравиться всем окружающим их, а вторую обязанностью – уметь занять каждого и каждую, с которыми должно водиться, применяясь к каждому возрасту, к каждому характеру, к каждому вкусу. Я никак не постигаю, каким образом я находил удовольствие, беседуя по несколько часов кряду с дочерью Марии Петровны о ее канарейках, нарядах и тому подобном. Ловкая полька, зная, как приятно воину вспоминать о сражениях, заставляла меня рассказывать про битвы и ужасы войны, и казалась не только внимательной к моему повествованию, но даже тронутой... Разумеется, что это льстило моему самолюбию, и я восхищался умом и чувством моей слушательницы. Есть много примеров, что бедные польская шляхтянки, не получив вовсе светского воспитания, вошед через замужество в высший круг общества, инстинктом своим постигли все его тайные пружины, и заняли в нем блистательное место, исполнив необходимое и непреложное условие, то есть выучившись говорить по-французски. В это время дочь Марии Петровны училась по-французски, зная уже хорошо русский язык. Если б ей суждено было занять место в высшем кругу, она, без всякого сомнения, обратила бы на себя общее внимание.

Школа моя была – свет, и большую часть того, что я знаю, я изучил на практике, прежде чем прикоснулся к теории. В каждом кругу, в который судьба бросала меня, я наблюдал, изучал, расспрашивал, и потом искал в книгах основания и правила. Живя у таможенного чиновника, я часто беседовал с ним и с его товарищами о тогдашнем состоянии торговли. Все жаловались на ее упадок, а таможенные чиновники жили припеваючи! Когда трава выгорит от засухи и овцы ищут корма врозь – волкам привольное житье!

Наполеон, убедившись, что нет никаких средств принудить Англию к заключению мира с Францией, на основании его системы решил употребить крайние меры и уничтожить ее торговлю. Для этого он выдумал континентальную систему и завел дружеские связи с Персией, чтоб отсюда напасть на английские остиндские владения. По Тильзитскому миру Россия пристала к континентальной системе, заключавшейся в том, чтоб прекратить все торговые сношения твердой земли (continent) с Англией, запретить гавани не только для ее кораблей, но даже не позволять ввоза английских товаров и произведений английских колоний на кораблях дружеских держав. Эти меры были отяготительны для всей Европы, а более всего ощутительны были для России.

В то время русская фабричная и мануфактурная промышленность была в самом плохом состоянии, так сказать, в колыбели. В России изготовлялись только изделия для употребления простого народа. Поместное дворянство, чинов-

ники и достаточные купцы употребляли товары английские и отчасти французские. Ни один порядочный человек не носил платья из русского сукна, и ни одна женщина из образованного сословия не могла, хотя бы и желала, употребить русские изделия для своих нарядов. Русское изделие и дурное изделие были синонимы, и притом по всей справедливости. Все изделия английских фабрик и мануфактур были чрезвычайно дешевы, гораздо дешевле и лучше даже нынешних русских изделий, которые мы хвалим теперь отчасти потому, что некоторые из этих изделий точно хороши, а более восхваляем из патриотизма. Главный недостаток русской фабричной промышленности был, есть и будет тот, что фабрики наши по мелочному расчету пускают в продажу брак ¹⁷⁵, вместе с хорошим товаром, когда, напротив, в Англии все произведения одной фабрики равного достоинства.

Правило, что фабричная и мануфактурная промышленность обогащают народ, может быть применена только к малоземельному государству, изобилующему народонаселением, прилегающему к морю и имеющему собственные колонии близ экватора, т. е. страны, производящие так называемые колониальные товары. Англия создана самою природою для фабричной промышленности и заморской торговли. Для России это правило вовсе не применимо, ложно и даже вредно. Никогда не было в России столько общего доволь-

¹⁷⁵ Для этого в русском торговом языке существует особое название: *кустарные произведения*. Это то же, что *дюжинная работа*.

ства, как до континентальной системы, то есть до тех пор, пока у нас не вздумали выделять все изделия, которые мы получали прежде из чужих краев, в обмен за наш хлеб и за наш сырой русский товар, то есть сало, пеньку, льняное семя, поташ, лес, деготь, смолу, и тому подобное. — Теперь деньги сосредоточиваются в коммерческом сословии, а тогда разливались по сословию многочисленному, то есть земледельческому. Англия тогда вовсе не помышляла о том, чтоб продовольствоваться своим хлебом. Земледелие в Англии было в пренебрежении, и она довольствовалась хлебом из балтийских портов, в которые ввозила свои фабричные и мануфактурный изделия. Английское усовершенствованное земледелие возникло со времени континентальной системы, и теперь, когда Англия только в случае неурожаев должна прибегать к помощи земледельческих государств, она отдаст всегда преимущество Северной Америке, с которою состоит в прямых коммерческих отношениях. С упадком русской хлебной торговли наше земледельческое сословие потеряло весьма много! Одесса, возникшая с тех пор, процветает хлебною торговлею, но имеет свои счастливые торговые годы по мере урожаев или неурожаев в Западной Европе. Верного ничего нет! Постоянная русская хлебная торговля, обогащавшая непрерывно балтийские и черноморские порты, — исчезла невозвратно.

До принятия континентальной системы Россией в Ригу и Петербург иностранные корабли приходили тысячами. В

1807 году из портов Балтийского моря вывезено товаров на 43 027 294 рубля ассигнациями, ввезено в балтийские порты товаров на 27 394 978 рублей ассигнациями. В 1808 году в Кронштадт пришло кораблей всего шестьдесят пять, в Петербург восемь, а вышло из обоих портов девяносто шесть кораблей. В Ригу пришло всего двести тридцать два корабля, вышло двести тридцать четыре. В 1809 году всех товаров вывезено из Петербурга на 15 055 465 рублей ассигнациями; ввезено на 2 236 023 рубля ассигнациями. В 1810 году вывезено из Петербурга на 23 055 465 рублей ассигнациями; ввезено на 8 040 107 рублей ассигнациями¹⁷⁶.

Но из этих обнародованных чисел верны были только числа приходивших и отходивших кораблей. Привезено было товаров по крайней мере вчетверо более. Англичане крейсировали не только в Балтийском море, но заходили даже в Финский залив, приближались к Красной Горке и к Толбухину маяку, забирали русские и иностранные купеческие корабли, принадлежавшие странам, состоявшим под властью или влиянием Франции, и русские транспорты и ластовые суда, отправляемые из Кронштадта в Финляндию. Флот наш стоял на рейде, и даже выходил в море и дрался с англичанами, но это нисколько не помогало торговле, которая производилась только скрыто, контрабандою. По правилам континентальной системы, некоторым кораблям можно было давать позволение (*franchise*) на ввоз аптекарских материалов.

¹⁷⁶ Цифры взяты из современных официальных известий.

Под этим предлогом привозили дорогие английские фабричные и мануфактурные изделия, которые быстро расходились в Петербурге. Кроме того, англичане, находясь в сношениях с некоторыми коммерческими домами в Петербурге, отправляли к ним корабли Ганзеатических городов с английскими товарами, и английский флот пропускал их, а на выгрузку товаров у нас смотрели сквозь пальцы. Потребности высшего сословия были удовлетворяемы, хотя и по высокой цене; но от этой торговли обогащались только некоторые частные лица. Снисходительное правительство, уступая необходимости, не предпринимало строгих мер для прекращения торговли английскими товарами, без которых тогда весьма трудно было обойтись, но в случае явного протеста со стороны таможи должно было принять решительные меры, и потому торгующее с Англиею купечество было обязано иметь на своей стороне таможи. Возникли колоссальные имущества в купеческом и чиновничьем сословии. Купцы делали свое дело, пользовались счастливыми обстоятельствами, не нарушая воли высшего правительства, следовательно, они не могут подвергаться никакому порицанию; напротив, заслуживают похвалу за искусное и ловкое ведение своего дела для общей пользы.

К числу самых редких случаев тогдашнего быстрого обогащения принадлежат торговые дома Таля и Классена, которых основатели, лифляндские уроженцы из бедного сословия, умели в это трудное время умом и деятельностью

нажить миллионы. Покойному барону Штиглицу также посчастливилось тогда некоторые торговые спекуляции. О чиновниках, приобретавших в то время большие суммы, не могу отозваться с похвалой, а потому и должен умолчать о них, хотя имена некоторых из них и множество любопытных и забавных о них анекдотов напечатаны на немецком и английском языках в сочинениях о тогдашнем состоянии России. Об одном из таких чиновников я упомянул (без имени) в III томе, на стр. 326 моих Воспоминаний. Иностранные писатели, писавшие со слов петербургских купцов, обнародовали редкий пример неслыханной роскоши тогдашних чиновников, имевших влияние на ход торговли. Я уже говорил в прежних частях о чиновнике, который послал любимой им женщине (a la dame de ses pensees) полные столовый и чайный сервизы в несколько дюжин, обвернув посуду в сторублевые ассигнации!!! Подобных примеров было тогда много, хотя в разных видах. Эта безвкусная роскошь, оскорбляющая высокое чувство и приличия, роскошь, пахнувшая татарщиной, была тогда в моде между чиновниками и купцами.

Второстепенные чиновники, к числу которых принадлежал мой хозяин, разумеется, не имели таких больших выгод, как чиновники высшие, но жили хорошо, даже роскошно, а благоразумные из них могли даже сберечь копейку на черный день. Если б я был охотник до рома и крепких вин, то мог бы не только купаться в них, но плавать! Так называемый *красный товар* можно было также получать гораздо дешев-

ле, чем в лавках; и кто мог и хотел, тот пользовался случаем.

Я уже познакомил моих читателей с *левою стороною* кронштадтского женского общества. Для него отплытие флота и даже выступление на рейд было почти то же, что вакансии для школьников. В то время когда почтенные мужья занимались исправным ведением корабельного журнала или расчетливым распределением съестных припасов на корабле, – нежные *супружницы* веселились напропалую со сострадательными людьми, принявшими на себя хотя приятную, но довольно скользкую обязанность утешать этих Пенелоп. На них красовались лучшие товары контрабанды. К числу забав принадлежали поездки в Ораниенбаум и в Петергоф. Это были пикники, составляемые *угодниками* (То же, что в Италии *cavaliere servente*.) красавиц. Эти поездки на катерах с песенниками, а иногда с музыкою, в кругу весельчаков и ласковых красавиц, начинавшиеся на берегу уединенными прогулками и кончавшиеся пиршествами, могли бы соблазнить даже и степенного человека! Громко, дружно, весело молодые люди распевали песню, которая начиналась двумя куплетами И.И.Дмитриева, и оканчивалась двумя куплетами кронштадтского барда Кропотова:

Прочь от нас, Катон, Сенека, Прочь, угрюмый Эпиктет!
Без утех для человека Пусть несносен был бы свет.

Младость дважды не бывает, Счастлив тот, который в ней
Путь цветами усыпает, Не предвидя грозных дней!¹⁷⁷

¹⁷⁷ Из стансов к Н.М.Карамзину.

Куплетов Кротова не привожу; они хотя не черные, но серенькие! Оригинальный человек был этот Кротова (Андрей Фролович)! Недолго служил он во флоте, и вышед в отставку, посвятил себя служению Бахусу и десятой, безымянной музе. Это был предтеча нынешней, так называемой *натуральной школы* с той разницею, что у Кротова в миллион раз было более таланта, чем у всех нынешних писак. Стихи Кротова к бывшему главным командиром кронштадтского порта, адмиралу Ханькову, чрезвычайно остроумны. Жаль, что не могу поместить их здесь! Кротову недоставало науки и изящного вкуса, именно того, чего нет также и у писателей так называемой *натуральной школы*, снискавших громкую известность в России, разумеется, у людей, которым грубая карикатура понятнее, следовательно, более нравится, нежели тонкая, остроумная ирония. Кротова пробовал издавать журнал в 1815 году¹⁷⁸ под заглавием "Демократ", который однако же упал, отчасти по неточности самого издателя. Я видывал Кротова в Кронштадте, куда он приезжал в гости к прежним товарищам и приятелям, но не был с ним коротко знаком. Излишняя, отчасти циническая его фамильярность и грубые приемы пугали меня, и я держался в стороне; но иногда я от души смялся его рассказам о самом себе. Образ его жизни, характер и поэзия изображены достаточно в трех следующих его стихах:

"О, фортуна!.. Но ни слова!..

¹⁷⁸ А.Ф.Кротова скончался в 1817 году.

С чердака моего (то есть, моего) пустава (то есть пустого)
Фигу я тебе кажу!".

Тогда только смеялись над этими стихами, а в нынешнее время восхваляют в журналах гораздо худшие стихи, настоящую грязь! Но довольно об этом.

В Кронштадте было тогда учреждение страшное, но любопытное для философа, для наблюдателя человечества – это каторжный двор¹⁷⁹.

Тогда не было арестантских рот, и преступников ссылали или на сибирские казенные заводы и в рудники, или на каторжные дворы, находившиеся в некоторых крепостях империи, особенно приморских, для употребления в тяжелых работах в гаванях или при крепостных постройках. Кронштадтский каторжный двор, как я уже сказал, был деревянный. Это было обширное четырехугольное здание в одно жилье, окнами на двор, с галереей вокруг, на которую выходили двери в так называемые палаты. Для входа и выхода были одни только ворота. В оконечности здания при воротах была караульня, две комнаты для караульного офицера и небольшая комнатка для писаря. Караул содержал Кронштадтский гарнизонный полк и высылал ежедневно полроты. У ворот и кругом по галерее, равно как и снаружи, по углам здания

¹⁷⁹ Любопытно было бы исследовать, с которого времени слово «каторга» вошло в русский язык. В новогреческом языке катергон означает *галерею*. На древнем греческом языке «ката» значит предлог *в, по* (selon, suivant), а эргон означает труд. По-турецки *кадиерга* означает галерею. От турков или греков заимствовали мы это?

расставлены были часовые, а кроме того, часть караула отряжалась в конвой для сопровождения заключенных на работу в гавань и для наблюдения за ними во время работы. Все заключенные, высылаемые на работу, были закованы в кандалы, не по два вместе, как во Франции, но поодиночке. Некоторые старики и отличившиеся хорошим поведением были без кандалов, но те уже не выходили за пределы каторжного двора. Служба караульного и дежурного офицеров была тяжелая, беспокойная и чрезвычайно ответственная. Надлежало по требованию высылать заключенных на работу, осматривать их, поверять, потом принимать возвращавшихся с работы, наблюдать за порядком, тишиною и занятиями арестантов. Для внутреннего управления был особый комиссар с помощниками и канцелярией. Вообще на каторжном дворе господствовали примерный порядок и строгая субординация, и с заключенными обходились человеколюбиво.

Милосердие и сострадательность – главные и блистательные черты русского характера. Народная поговорка: "Лежачего не бьют", глубоко начертана в русском сердце. В Сибири ссыльных не называют иначе, как *несчастные*, и само это наименование уже вызывает из сердца сострадание. В Кронштадте заключенных также называли *несчастными*, и их охотно снабжали подаянием, когда они проходили по улицам на работу. В то время, когда в гавани не имели нужды в большом числе рабочих, позволялось частным людям брать с каторжного двора работников. Их употребляли обыкно-

венно для очистки домов, для передвигания тяжестей при постройках и для возделывания земли в огородах. Цена за работу назначаемая была комиссаром, а деньги поступали в артель. Заключение получали хорошую пищу, русские щи и кашу, пили хороший квас, и одеты были сообразно климату и временам года. Едва ли в тех государствах, в которых много пишут и толкуют о филантропии, заключенные содержатся лучше, как содержались в Кронштадте. Впоследствии я имел случай видеть каторжные дворы (bagnes) во Франции, но они гораздо хуже бывшего кронштадтского каторжного двора.

Однако ж, заключенные в Кронштадте были не овечки! У дежурного офицера был один формулярный список заключенных с кратким указанием, за что каждый наказан и заключен, а у комиссара был другой, пространный формулярный список с подробным объяснением преступлений каждого, то есть перечнем из приговора уголовного суда. Страшно было заглянуть в этот второй формулярный список! Все же в ряду этих преступлений не было таких, которые обнаруживают крайнюю степень душевного разврата, утонченность злодеяния – словом, преступлений, какие представляют нам уголовные процессы во Франции и подражающие им модные романы. В русских преступниках сильно отражалась скотская сторона человечества, грубая, дикая натура, свирепость и зверство, не смягченные ни верою, ни образованностью; но эти несчастные чужды были утонченности (raffinement),

расчетливости порока и злобы. На кронштадтском каторжном дворе не было ни одного преступника, получившего какое-нибудь школьное образование. Почти все они были из черного, грубого народа. Заметил я сверх того, что большая часть преступников, почти *все*, были или круглые сироты, или дети бедных мещан (вероятно, развратных). Из двухсот пятидесяти человек едва десять человек знали грамоту!

Начитавшись романов госпожи Радклиф, Дюкре-Дюмениля и тому подобных, я чрезвычайно любопытствовал видеть собственными глазами разбойников, думая найти между ними Рожера (в романе Дюкре-Дюмениля "Виктор, или Дитя в лесу"), Ринальдо-Ринальдини (в романе под этим заглавием) и даже Карла Моора (в "Разбойниках" Шиллера). Нарочно для этого познакомился я с комиссаром, и как в то время дозволялось навещать караульных офицеров, то я всегда пользовался случаем, когда знакомый мне офицер был в карауле на каторжном дворе. Заключение были смиренны, молчаливы и боязливы, когда с ними обходились серьезно; но когда от них требовали разговорчивости и ответов на вопросы, когда ободряли рюмкой водки и обещали денежное награждение за откровенность, тогда они охотно выказывали свою прежнюю удаль. Стакан водки пробуждал зверские инстинкты. Лицо, обезображенное отметкой палача в знак исключения злодея из человеческого общества, принимало страшное выражение при воспоминании о прежней вольной жизни. В рассказах этих несчастных вырывались слова и вы-

ражения, приводившие в содрогание слушателя!

Теперь вы можете проехать безопасно всю Россию вдоль и поперек. Бывают, хотя весьма редко, отдельные случаи, грабежи, производимые беглыми, – но этого даже нельзя поставить в счет. Но в старину были целые разбойничьи шайки, имевшие свои сношения с поселянами и даже жителями городов. Войска тогда было немного, и оно по большей части было или на границах империи, или за границею. Внутреннее управление не имело ни той силы, ни той быстроты, как теперь, и злодеи могли укрываться в лесах и степях. Теперь разбойники существуют только в романах и повестях. Но я видел еще *в натуре* настоящих русских разбойников и пугачевских сподвижников!!! И вспомнить страшно! Что за фигуры, что за хватки, что за язык! Самый ужасный между этими злодеями был один высокий, сильный мужик, который долженствовал быть красивым прежде, чем клещи палача и печать бесчестия прикоснулись к его лицу. Он был *есаулом*, то есть помощником атамана разбойничьей шайки, на волжских берегах, и разбойничал лет десять, до поминки и уничтожения всего скопища. Звание его в шайках обратилось ему в прозвание, и все не называли его иначе, как *есаулом*. Есаул свистел так громко и так пронзительно, что сердце замирало! Воображаю, какой эффект производил этот свист на путешественника! Никакой свисток не произведет таких сильных и страшных звуков, какие исходили из-под языка этого разбойника. При свисте было еще *гарканье*,

для наведения ужаса на несчастную жертву. Рев дикого зверя и шипенье или свист тропической змеи не так страшны – да и никакой зверь так не зол и не опасен, как человек, отвергнувший человечество.

– Ты что за человек? – спросил я, когда впервые увидел есаула.

– Мастеровой, – отвечал он с улыбкой, походившей на облизывание тигра, когда он смотрит на добычу, которую не может схватить.

– Какое же твое ремесло?

– Не цеховое, сударь! – отвечал разбойник.

– Что же ты делал?

– Шапки с волосами сдирал, на больших дорогах!., промолвил он, бросая вокруг самодовольные взгляды.

– А ты что за человек? – спросил я другого заключенного.

– Рыбак, сударь. По чужим клетям сети закидывал и *багрил* (*Багрить* рыбу, значить на Урале бить под льдом баграми через проруби.) хозяев! – отвечал разбойник.

Очевидно, что в душу этих закоренелых злодеев не проникло раскаяние. Цинические их шуточки насчет прежнего ремесла явно доказывали их загрузелость в пороках и злодеяниях.

На кронштадтском каторжном дворе было несколько человек из шайки Пугачева, людей уже состарившихся и, можно сказать, покаявшихся. С них сняты были оковы, и они не высылались на работу. Между ними был человек замечатель-

ный, племянник казака Шелудякова, у которого, как писано было в то время, Пугачев, пришед на Урал, был работником на хуторе. Этот племянник одного из первых заговорщиков и зачинщиков бунта обучался в первой своей юности грамоте у приходского священника, а во время мятежа находился в канцелярии Пугачева, часто его видал, и пользовался его особенною милостью. В это время (в 1809 году) племяннику Шелудякова было лет шестьдесят от рождения; он был сед как лунь, но здоров и бодр. С утра до ночи он занимался чтением священных книг и молитвою перед образом Спасителя в своей каморке, в которой он помещался один, в удалении от всякого сообщества с каторжными.

Бывший секретарь пугачевской канцелярии не пил водки, не курил и не нюхал табаку, следовательно, его трудно было соблазнить. Иногда я давал ему деньги на свечи, потом подарил несколько священных книг, оставался иногда по часу в его каморке, слушая его толкования Ветхого Завета и наконец через несколько месяцев приобрел его доверенность. Мало-помалу я стал заводить с ним разговор о пугачевском бунте, и он, как мне кажется, говорил со мною откровенно.

Не могу умолчать о комическом и последнем моем столкновении с полудиким Кабри. Он вызван был начальством Морского кадетского корпуса в Петербург на некоторое время. Утром, часов в восемь, Кабри прислал ко мне свою служанку с просьбою прийти к нему по весьма важному делу. Я немедленно отправился. Когда я вошел в комнату, он си-

дел в одном углу софы в задумчивости, сложив руки крестом на груди, а в другом углу сидела жена его. "Я сейчас еду в Петербург, и хочу дать тебе доказательство моей дружбы, – сказал Кабри, встав с места и взяв меня за руку, – по обычаю моего любезного острова Нукагива муж, отправляясь в дальний путь и оставляя жену дома, поручает ее другу, передавая ему все свои права, даже власть над ее жизнью и смертью. Я передаю тебе все мои права!"

Сказав это, Кабри поспешно обнял меня, потом жену, и не дав нам опомниться, схватил свой узелок, хлопнул дверью и побежал опроретью к пристани.

Я стоял перед госпожой Кабри, смотря на нее с улыбкой и не говоря ни слова. Она также молчала некоторое время и смотрела на меня, но весьма серьезно – и вдруг захохотала изо всех сил и бросилась на софу. Я также расхохотался, и наша веселость продолжалась с полчаса, так, что мы никак не могли остановить нашего хохота!..

– Видели ли вы когда-либо подобное сумасшествие! – сказала наконец госпожа Кабри.

– Напротив, я нахожу, что это вовсе не глупо, – возразил я, иронически – и мы опять принялись хохотать. Наконец, когда мы успокоились и переговорили о положении госпожи Кабри, оказалось, что нежный муж оставил ей только один рубль серебром на житье! Разумеется, чтоб оправдать доверенность мужа, я должен был из небольшой моей казны уделить несчастной Ариадне на содержание дома.

Наконец я оставил Кронштадт, в котором прожил не без пользы около полутора года. Во-первых, я узнал поближе человечество в разных его видах, присмотрелся к практическому ходу дел, что было для меня до тех пор чуждо; а во-вторых, я прочел весьма много, и имел время обдумать прочитанное. Но приобретение некоторой опытности и расширение области мышления все же не имели сильного влияния на изменение моего характера. При сангвиническом темпераменте и пагубной воспламенительности мудро юноше на двадцать втором году от рождения, как бы он умен ни был, управлять собою. Что шаг, то искушение; на каждом крутом повороте – пропасть! Другого такого руководителя, как генерал фон Клуген, я уже не нашел, и беспомощный устремился по скользкому пути жизни... С ним одним простился я со слезами!

Генерал фон Клуген сам был тронут. Добрый старик расставался со мною, как с сыном, и подарил мне на память свои пистолеты, бывшие с ним во всех его походах, и золотую печать с гербом польского генерала Ясинского, убитого в Праге. Эту печать генерал фон Клуген купил вместе с часами за два червонца у гренадера, получившего их в добычу.

Собрание красавиц сравнивают обыкновенно с цветником. Не знаю, понимал ли тот, кто первый выдумал это сравнение, что он вместо мадригала состряпал жестокую эпитафию! Цветы прельщают взор, но ведь цветок при всей своей красоте растение холодное и скоропреходящее. Толь-

ко бездушную кокетку можно сравнивать с пышным, красивым цветком. То, что привязывает душу благородного человека к женщине, – невыразимо человеческим языком! Нежность чувствований (*delicatesse*), высокие помыслы, рождающиеся, так сказать, безотчетно в голове женщины, и наконец душевная доброта и скромность, сливаясь вместе, образуют *одно качество*, которому нет имени! Женщину, обладающую этим качеством, мы обыкновенно называем высшим существом: земным ангелом. – Не касаюсь высшего кронштадтского круга общества, но в том женском кругу, который я называл в шутку либеральными, – были прелестные цветы, хотя не было ни одного земного ангела. Из всех моих прекрасных знакомок я простился только с г-жою Кабри, так сказать, по обязанности. Это было последнее прощание и последнее свидание. Вскоре после моего отъезда из Кронштадта Кабри отправился с женою во Францию, надеясь найти какое-либо место в отечестве. Но во Франции и без него довольно было искусных пловцов, нырков и всяких фокусников, и Кабри, не получив никакого казенного места, доведен был до крайности и, как я после узнал, показывал себя за деньги в балагане, на ярмарках, под названием *Дикого Камчадала*. Он умер до моего приезда во Францию, а жена его поступила в буфетчицы или конторщицы (*dame du comptoir*) к содержанию кофейного дома в Милане.

Почти год прожил я в Лифляндии и Эстляндии. Кто знал эти губернии за сорок лет пред сим, тот согласится со мною,

что они теперь чрезвычайно переменились. Нравы, обычаи, образ жизни, сельское хозяйство, торговля, промышленность – все приняло другой вид и другие формы. Многое преобразовалось к лучшему, и в этом разряде первое место занимает земледелие; а иное изменилось к худшему. Известно, что Остзейские губернии пользуются особенными правами, и управляются своими собственными законами, или смесью привилегий, данных дворянству и городам епископами, гермейстерами, польским королем Сигизмундом Вторым и шведскими королями. На основании этих привилегий, исключая исполнительную и политическую части, все внутреннее управление края предоставлено дворянству, а городов – бургомистрам и выборным членам магистрата. Здесь не место ни хвалить, ни критиковать различные обветшалые учреждения, принадлежащие феодальным временам и сокрушившиеся от древности во всей Европе. Но как распределение земских повинностей и все распоряжения относительно внутреннего управления края подлежат ландтагам, или дворянским собраниям, то много полезного или вредного зависит от этих ландтагов, на которых все дворяне, даже беспоместные, но вписанные в матрикул, или дворянский список, губернии, имеют голос, могут предлагать и отвергать разные меры. В старину и в то время, когда я был в первый раз в Лифляндии, дела общественные зависели от мнения людей почтенных, всеми уважаемых, пожилых, опытных, давших неоспоримые доказательства своего разума, по-

знаний и беспристрастия. Тогда в Лифляндии жили многие старики, занимавшие важные должности в государстве, находившиеся при блистательном дворе императрицы Екатерины Второй, отличившиеся усердием и познанием дела в службе военной и гражданской. Были и почтенные старики, прошедшие жизнь на службе по дворянским выборам, облеченные общою доверенностью и уважением. Почти все они образовались в германских университетах, пользовавшихся в то время заслуженною славою. Так называемой *юной* Германии тогда не существовало, а была Германия честная, трудолюбивая, богобоязненная, покорная властям и законам. Из этой Германии пересаживались благое просвещение и полезные примеры в остзейские губернии. Этот почтенный ареопаг, то есть ландтаги, предводимые практическими мудрецами, составили нынешнее положение о крестьянском соловии, предположили основать Дерптский университет на счет дворянства (который потом поступил на иждивение казны), основали разные ученые общества для пользы края, и ввели рациональное германское хозяйство.

Все, что есть доброго и полезного в крае, учреждено и обдуманно людьми той эпохи, о которой я теперь говорю. Молодые люди не выезжали тогда в чужие края празднично шататься из города в город, из трактира в трактир; не дерзали составлять партий на ландтагах и дворянских выборах против людей заслуженных, почтенных и опытных; не хвастались приверженностью к чужеземному, не оскорбляли старших себя

своим высокомерием, но были послушны умным старикам, правдивым коноводам дворянства, и уважали общее мнение. Остзейское дворянство во всех отношениях было примерное, имя достойных представителей в государственной службе, перед лицом монарха. – Гостеприимство в остзейских губерниях не было такого рода, какое укоренено в нашем славянском племени. Остзейские немцы не заимствовали ни от поляков их народной пословицы: "Гость в доме, Бог в доме (gosc w domu, Bog w domu)", ни от русских известных поговорок: "Что в печи, все на стол мечи", и: "Не красна изба углами, красна пирогами", и тому подобных. Но все же в то время в Лифляндии и в Эстляндии были старинные фамилии, которые зимой проживали в городах и принимали гостей. Тон в этих обществах был столичный, водворенный почтенными мужами и дамами, проведенными молодые лета при дворе императрицы Екатерины Второй. Музыка, танцы, приятная беседа одушевляли эти собрания, и молодые люди приобретали в них ту полировку, которая отличает благовоспитанного человека от грубой народной массы. Невзирая на упадок торговли по причине войны с Англией, в остзейских губерниях было тогда много денег, и недвижимые имущества приносили большие доходы. По всему берегу производилась сильная контрабандная торговля хлебным вином, которое перевозили в Финляндию и Швецию, а оттуда доставляли соль и сельди. Положение крестьян не было, однако ж, так хорошо, как теперь, при полном развитии благодетельно-

го положения о крестьянах, дарованного императором Александром Первым. Теперь в остзейских городах тихо, как в монастырях, а в то время в Риге и Ревеле жили шумно и весело. Тут была публичная жизнь, как в иностранных городах. С приятностью вспоминаю о проведенном мною времени зимою 1810 года в Ревеле. Еще есть товарищ моих юношеских наслаждений в Ревеле, Александр Карлович Гире (ныне полковник в пограничной страже), бывший тогда подпоручиком в Финляндском драгунском полку. Мы жили вместе с ним на петербургском форштате в трактире Энгеля, и по утрам составляли планы, как провести приятно день и вечер. В клубах ежедневно бывали публичные обеды, а вечером в клубе, называемом Einigkeit (Согласие), метали банк, потому что публичные азартные игры тогда не были запрещены. В театре каждую неделю бывали маскарады. Русских офицеров, особенно морских, было множество в Ревеле, и в танцовщиках не было недостатка. Карточная игра рассыпала деньги по рукам, но, как водится, молодые люди не считали проигрыша, а выигрыш почитали обязанностью проживать с приятелями, и от этого все веселились, не чувствуя недостатка в деньгах. Жизнь быстро летала по ясному горизонту – и вдруг без бури меня поразил гром!.. Судьба моя совершенно изменилась, жизнь приняла другой оборот и другое направление. Я должен был оставить военную службу.

Оправдывая себя, надобно невольно обвинить кого-нибудь. Этого я не могу сделать, а если б и мог, то не сде-

лал бы, потому что человек, на которого я имел право жаловаться, через пятнадцать лет после того сознался в том, что он был неправ. Я от души простил ему, прижал его к сердцу, следовательно, все кончено! Этот человек кончил жизнь свою самым печальным и ужасным образом! Нас поссорила *страсть*, а страсти ослепляют и мудрецов. Мои лета (двадцать один год) предпочтены были сорока пяти тяжелым годам, и я должен был заплатить дорого за мое безрассудство. Многие из товарищей моих живы, и ни один из них не скажет, чтоб я изменил в каком бы то ни было случае чести и обязанностям офицерского звания или чтоб запятнал, хотя бы сомнительным поступком, достославный русский военный мундир. Сверх авангардных и арьергардных стычек и аванпостных перестрелок, я был в течение моей службы в *шестнадцати* сражениях, удостоился знака отличия между храбрыми товарищами, и могу сказать: был любим ими, может быть, более, нежели того заслуживал. Смело смотрю я в глаза каждому старому товарищу и сослуживцу, и радостно встречаю их в убеждении, что ни один из них не сделает мне ни какого упрека. Но как твердит русская пословица: «Грех да беда на ком не живет!» Глупцом не могу назваться, и умишком моим не чванюсь. Однако ж, гораздо было бы для меня полезнее, если б природа дала мне менее ума и более хладнокровия.

Терпению выучился я уже впоследствии!.. Впрочем, в уповании на Бога и Святой Его Промысел я верю, что все

на свете к лучшему и что несчастье так же нужно для укрепления души, как иная болезнь для возобновления сил телесных.

Пусть враги мои говорят что угодно. Клевета может действовать только при жизни – а я пишу для детей моих, и смело скажу: оставляю им безукоризненное имя!

Из Вендена отправился я в Ригу и, прожив уединенно недели две в этом городе, отправился к моей матери, в Маковищи (Минской губернии Бобруйского уезда), через Митаву на Вильно и Минск. На пути я был свидетелем и невольным участником комико-трагического происшествия.

ГЛАВА V

Похищение жидовки: трагикомедия. – Война с жидами. – Разбойничий вертеп. – Хладнокровие и мужество женичины побеждают разбойников. – Старинное своеволие. – Поездка к родным в Гродненскую губернию. – Старинные похвальные нравы и обычаи. – Приключение в Клецке, за которое дорого заплачено по прошествии сорока лет. – На чем было основано могущество жидов в Польше. – Знакомство с родственниками. – Старинная польская охота. – Старинный польский магнат. – Память о пройдохе Казанове. – Я отправляюсь в Варшаву. – Тогдашнее бедственное положение герцогства Варшавского. – Варшава в то время. – Театр и тогдашние артисты. – Характеристика князя Иосифа Понятовского. – Храбрый воин из жидов, полковник Берко. – Смерть его. – Я отправляюсь в Париж. – Тогдашняя Германия. – Дух народа. Нравы и обычаи. Немецкая ученость. – Влияние германских университетов на общее мнение.

В Шавлях в трактире, в котором я остановился на ночь, познакомился я с капитаном второго гусарского (так называемого *серебряного*) полка герцогства Варшавского, графом О. Он давно уже слег в могилу, и я не оскорблю его памяти, сказав, что он был порядочный шалун в своей молодости. Он приезжал в Вильну и в Шавли по денежным делам и, возвра-

щаяся в Варшаву через Ковно, уговорил меня своротить с дороги и проводить его до Ковно, предложив место в своей бричке.

На пути между Шавлями и Ковно, мы остановились в одном городишке (местечке), чтоб пообедать в жидовской корчме, носившей название трактира, или как говорят поляки, в *обержи* (auberge), потому что тут был биллиард. Известно, что у жидов не соблюдается в браках никакой соразмерности в летах относительно к мужескому полу, и что двадцатилетних девушек выдают замуж за двенадцати или тринадцатилетних мальчиков по фамильным или денежным расчетам. Сын содержателя корчмы, в которой мы остановились, мальчик лет двенадцати, хилый и чахлый, был женат на красавице лет двадцати двух, проворной, ловкой жидовке, которая помогала в хозяйстве своей теще. Мой спутник был также молодец собою, красавец, говорун, и умел, как говорится, выказать копейку ребром. Он нашел средство переговорить с красавицею, и объявил мне, что остается на несколько дней в этом местечке, убеждая меня не оставлять его. Не имея надобности торопиться, я согласился, намереваясь воспользоваться случаем, чтоб осмотреть католический монастырь, в котором была старинная библиотека и школа. В это время я занимался историей водворения лютеранизма в Польше, и мне хотелось переговорить с каким-нибудь из ученых монахов, потому что в этом монастыре была главная оппозиция против водворения в местечке Кейданах

князем Радзивиллом шотландских выходцев – протестантов, оставивших отечество при английском короле Якове Первом во время религиозных смут в начале семнадцатого века. На другой день я пошел в монастырь, был весьма ласково принят настоятелем, и после осмотра классов и библиотеки приглашен им к обеду. Пока я занимался историческими расспросами товарищ мой выдумал историю другого рода. Когда я возвратился в корчму, он стал просить и заклинать меня отправиться немедленно на перекладных на первую станцию (это было около семи часов вечера) и ждать его, убеждая притом не расспрашивать о причине, которую я узнаю при свидании на станции. Я согласился, послал за почтовыми лошадьми, уехал и, прибыв на первую станцию, лег спать. Часа в три утра слуга моего товарища разбудил меня и сказал, что барин ждет меня в экипаже. Я вышел. Бричка была наглухо закрыта, как во время сильной бури, хотя погода была прекрасная. Я заглянул внутрь брички – и отступил с удивлением! Рядом с моим спутником сидела красавица жидовка, сноха трактирщика. Ветреница была весела, и будто закрываясь от меня платком, лукаво улыбалась.

– В своем ли ты уме, – сказал я по-французски товарищу: и подумал ли о последствиях?

– Какие тут размышления, – возразил он, смеясь – только бы добраться до Ковна, а там перепрыгнем за границу – и все кончено!

– Но что же ты сделаешь с этой несчастною? – сказал я.

– Какое тут несчастье; ведь я не насильно взял ее, а добровольно, и хорошенькая бабенка нигде не пропадет... Садись, – примолвил он – места довольно для троих. Я велел моему мальчику ехать за нами на перекладных, а сам сел в бричку, и мы поскакали. Три станции гнали мы во весь опор, расточая деньги, угрозы и побои, а на четвертой станции остановились, чтоб подмазать оси, которые два раза загорались, и подкрепить наши силы пищей. Станцию содержал жид, и все семейство завопило, когда увидело прекрасную Рифку в нашей компании. Рифка не растерялась, вошла в комнату с гордым видом, несколько театрально, и сказала знакомым ей хозяину и хозяйке, что она уже христианка. Мы велели подать все, что есть съестного и сели за стол. Рифка ела все, не разбирая, что *треф*, а что *кошер*, и в это время слуга моего товарища известил нас, что бричка требует небольшой починки. Делать было нечего. Вдруг часа через два после нашего приезда, когда уже стали впрягать лошадей в наш экипаж, подъехали к крыльцу три брички с жидами. Их было до двадцати человек. Товарищ мой оставил меня с Рифкой в комнате, и побежал к бричке за нашими саблями и пистолетами.

Настала кутерьма, которую не можно изобразить! Жида кричали, вопили, рвались в бой, чтоб силой отнять красавицу, но ничего не могли сделать. Слуга моего товарища с охотничьим штуцером и мой мальчик с пистолетом оставались при бричке для ее охранения, а мы с тремя пистолетами

и парой сабель находились в комнате, в которой было всего два окна. Дверь заперта была внутри задвижкой. Товарищ мой объявил осаждающим, что при первом насильственном их движении мы станем стрелять и рубить насмерть. Жиды хотели склонить ямщиков деньгами на свою сторону, но не успели в этом. Ненависть к жидам в литовском крестьянине сильнее всех других страстей, и напротив, ямщики объявили, что они не позволят обижать *панов*. Толпа ямщиков стала возле брички на помощь нашим людям. Пошло на переговоры. Жиды объявили, что Рифка взяла с собою весь свой жемчуг на значительную сумму, преувеличенную жидами до ста тысяч рублей, и деньги, бывшие в кассе трактирной. Мой товарищ отвечал, что это до него вовсе не касается, и что он согласен, чтоб Рифка возвратила деньги и жемчуг. Но Рифка на это не согласилась, утверждая, что жемчужные повязки, серьги и прочее составляют ее собственность и что денег она не брала из кассы. Раввин произнес под окном трогательную речь, но Рифка пребыла непоколебимою. Тесть Рифки объявил, что он уступает нам весь жемчуг Рифки с тем, чтоб мы отдали ее, и за это товарищ мой швырнул в него костью от съеденного нами телячьего жаркого, и подбил ему глаз. Наконец лошади были впряжены в нашу бричку, и мы прошли через толпу жидов, расступившихся перед грозным дулом наших пистолетов, сели в экипаж – и поскакали. Жиды следовали за нами в нескольких верстах. Более всего мы удивлялись тому, что жиды не заезжали вместе с нами на стан-

ции, но останавливались в виду, и тогда уже приближались к воротам, когда мы трогались с места. Очевидно было, что они решились ехать за нами до Ковна, и это беспокоило меня, потому что я предвидел последствия, но из ложного стыда не мог оставить товарища в опасности, хотя мне весьма легко было бы отстать от него и ехать по моей подорожной.

Мы приехали в Ковно ночью. На заставе нас остановили. Тут нас уже ожидал заседатель нижнего земского суда и офицер городской полиции с толпою понятых и полицейских служителей.

При первой нашей встрече с жидами они выслали двух своих вперед, которые, прибыв в Ковно за несколько часов перед нами, успели принести жалобу и исходатайствовать покровительство. Заседатель объявил, что имеет приказание проводить нас на почтовую станцию и не выпускать из города, пока капитан-исправник не разрешит дела по жалобе жидов, а полицейский офицер сказал, что должен нас караулить. Шагом поехали мы на станцию и как бы ничего не бывало поужинали и легли спать. На другой день, утром явились городничий и капитан-исправник с отцом Рифки и раввином. Толпа жидов стояла у ворот. Начались вопросы и расспросы. Я с первого слова объявил, что все это дело до меня вовсе не касается, что я еду по своей подорожной и вовсе не причастен к похищению красавицы. Товарищ мой и жида подтвердили это, и меня оставили в стороне. Я немедленно пошел к земскому судье Хлогошскому (родному брату знаме-

нитого генерала, бывшего тогда в Испании в чине полковника) и, рассказав ему о похождениях моего товарища, просил выпутать его из беды. Хлопицкий знал моих родных, принял меня весьма ласково, и охотно согласился помочь польскому офицеру. Мы пошли с ним немедленно на станцию. Перед домом стояла уже толпа народа, и как окна во втором этаже были отперты, то шум и крик раздавались на улице. Мы вошли в комнату. Капитан-исправник и городничий хотели кончить дело миролюбиво, обещали моему товарищу путешествия взять подписку от тестя Рифки и раввина, что ей не будет сделано никакого наказания за побег, и усовещивали похитителя не противиться и отдать жидовку, которая в это время стояла в углу за своим возлюбленным, защищавшим ее собою. Похититель поддавался, но Рифка вопила, что перережет себе горло, если ее отдадут жидам, уверяя, что она хочет быть христианкою. После долгих споров Хлопицкому наконец удалось кончить дело. Он послал за своим экипажем и взялся проводить Рифку в католический женский монастырь, а похитителя убедил немедленно выехать за границу. Товарищ мой стал перешептываться с Рифкой, вероятно, обещая приехать за ней, когда она примет христианскую веру, и она согласилась отправиться в монастырь. Между тем запрягли лошадей для польского офицера, и он немедленно уехал в сопровождении заседателя, следовавшего за ним в почтовой тележке. Тем кончилось это происшествие, и жида напрасно проездили до Ковно.

Я остался на сутки в Ковно, потому что Хлопицкий пригласил меня к обеду, и я не хотел отказать ему. Он рассказал мне много о членах моей фамилии, которой я вовсе не знал, и возбудил во мне охоту познакомиться с родственниками. Но я поехал прежде к моей матери.

Дела моей матери после самого счастливого и блистательного окончания процесса в Петербурге, вместо того чтоб принять благоприятный оборот, пришли в совершенное расстройство, обогатив ее поверенных. Этот процесс – настоящий роман, но я не стану говорить о нем, потому что без собственных имен он лишился бы всей своей занимательности. Скажу только, что лицо нотариуса Феррана в романе Евгения Сю "Парижские тайны", повторилось в натуре в нашем семейном процессе, только без смертоубийств. Огромное состояние исчезло в руках поверенных, как шарик в руках фигляра Боско! Во время моего пребывания у матери она рассказывала мне приключение, случившееся с нею в то время, когда я был в Финляндии.

Во время Финляндского похода мать моя приезжала в Петербург. Она прожила несколько времени в Белоруссии, где у нее были два брата Бучинские, один крайчий (то есть кравчий) литовский, другой председатель Главного витебского суда, люди богатые и холостые. В Орше жил с семейством своим родственник ее, камергер бывшего польского двора Валицкий, брат богатого графа (Австрийской империи) Валицкого, находившегося тогда в Петербурге. Братья моей ма-

тери никогда не отпускали ее в Петербург без провожатого, и всегда снабжали ее деньгами. На этот раз взялся сопроводить моей матери бывший камергер Валицкий, который, просватав старшую дочь свою, хотел лично объявить об этом своему богатому брату. Прожив около двух месяцев в Петербурге, мать моя отправилась в обратный путь с тем же польским камергером Валицким. Богатый и щедрый брат дал ему значительную сумму денег в приданое своей племяннице и, кроме того, несколько турецких шалей, множество кружев, шелковых материй и два полных алмазных прибора (как тогда называли склаважа). – Карета была нагружена внутри и снаружи дорогими вещами.

Не помню, с первой или со второй станции не доезжая до Витебска, Валицкому должно было поехать в сторону к приятелю, который поручил ему какие-то денежные дела в Петербурге. Имение приятеля Валицкого находилось верстах в двадцати пяти от станции; Валицкий нанял тройку лошадей у жида, содержателя станции, и отправился перед полуднем, обещая возвратиться к утру другого дня.

При матери моей находились польская камер-юнгфера (то есть панна) и известный уже читателям старый слуга моего отца, Семен. Когда смерклось, мать моя и панна легли спать на другой половине корчмы в комнате, которую обыкновенно называют гостиной, а Семену приказала не отлучаться от кареты, стоявшей перед корчмой под окнами. Мать моя слабого сложения и нервного темперамента имела весьма

легкий сон и пробуждалась при малейшем шуме, притом не могла спать без огня в комнате.

Ложась отдыхать, она приказала засветить ночник, который поставили в камине. Постель для моей матери постлана была на большом столе, а для панны на полу на соломе, потому что мать моя не решилась бы даже приблизиться к жидовской кровати. Около полуночи шум в соседней комнате разбудил мою мать. Она взглянула на дверь, которая была заперта, когда она ложилась спать, и увидела, что дверь легонько отворилась, и высунулась жидовская голова.

– Чего вам надо? – спросила моя мать.

– Ничего! – отвечал жид, сердито – зачем у вас огонь: вы сожжете корчму.

– Пустое – оставь меня в покое. Дверь затворилась, и настала тишина. Мать моя не могла уже заснуть. Через полчаса дверь снова полуотворилась – и та же жидовская голова выглянула из другой комнаты.

– Оставьте ли вы меня в покое! – сказала мать моя.

– Какой тут покой! – возразил дерзко жид – погасите огонь и спите!.. Нам нельзя позволить, чтоб у вас горела лампада при соломе.

– Если вы не оставите меня в покое, я велю сейчас же запрягать лошадей, поеду в Витебск и пожалуюсь губернатору, – сказала матушка. Жид проворчал что-то, хлопнул дверью, и мать моя услышала в другой комнате шепот, из которого прорывались слова, громче сказанные. Очевидно бы-

ло, что в другой комнате несколько жидов спорили между собою, понизив голос, и что некоторые из них не могли воздержаться в своей запальчивости.

Мать моя легла почивать не раздеваясь; она поспешно встала с постели, разбудила панну и выбежала из корчмы на большую дорогу. Вообразите ее положение! Все сундуки и ящики с кареты были сняты, дверцы отперты настежь, а Семен лежал под каретой. Выбегавшая вслед за матерью моей панна стала будить Семена – но он был как мертвый. Ужас овладел моей матерью при воспоминании о сцене в корчме... но врожденное мужество, пробужденное опасностью, восстановило в ней обыкновенное присутствие духа. В дормезе варшавской работы, в стенках по обеим сторонам сиденья были два потайных ящика, и в каждом ящике было по паре заряженных пистолетов. По счастью воры, выбирая вещи из кареты, не нашли этих ящиков. Мать моя добыла пистолеты, дала пару панне и вместе с нею поместилась в залом стены, образующей угол, чтоб обеспечить себя от нападения с трех сторон. Едва они заняли *эту крепкую позицию*, жида выбежали гурьбой из корчмы... Четыре пистолетных дула, направленных в толпу, остановили жидов. «Вы можете убить нас, – сказала мать моя, твердым голосом. – Но четверо из вас должны непременно погибнуть, если вздумаете напасть на нас...». Из толпы выступил оратор... «Помилуйте, сударыня, как вы можете думать, что мы хотим убить вас. – сказал он. – Увидев из окна, что ваш экипаж ограблен, я раз-

будил родных и приятелей, съехавшихся ко мне на шабаш, чтоб исследовать дело... Верно воры притаились с вечера в лесу... мы пойдем и поищем, не сложили ли они где-нибудь вещей, а вы не опасайтесь ничего, войдите в корчму и успокойтесь». Мать моя решительно отказалась следовать советам жида, и повторила угрозу... Жиды совещались между собою... Можно себе представить, в каком положении находились две женщины!

Конюшня и изба, в которой жили ямщики из христиан, находились шагах в пятидесяти от корчмы. Мать моя не доверяла ямщикам, хотя панна, прежде чем жиды выбежали из корчмы, советовала бежать в ямщичью избу. Но страх превозмог в панне повинование, и она начала во все горло кричать: "Разбой, разбой, помогите!" Пронзительный голос панны, раздававшийся далеко, разбудил дремавшего караульного ямщика. Он выбежал за ворота и, увидел толпу жидов возле кареты, догадался, что тут что-то неладно, и разбудил ямщиков. Несколько из них из любопытства пришли на место действия. Мать моя в нескольких словах объяснила им дело, и смиренные белорусские парни, ненавидящие вообще жидов, остановились в безмолвии на стороне... К ним подошли другие ямщики, и жиды возвратились в корчму. Начало светать – и вдруг примчалась тройка. Возвратился Валицкий. Ямщика не было – он сам правил лошадьми...

Увидев матушку и панну с пистолетами в руках, карету без сундуков, Семена – лежащего под каретой, Валицкий по

соображению с случившимся с ним догадался, в чем дело. Он рассказал моей матери ужасное свое приключение. На возвратном пути, ямщик его, дюжий парень из раскольников Филиппонов, завез его в лес едва проезжею тропинкою, опрокинул и, не найдя топора, выпавшего из телеги, бросился на него и стал его душить. Валицкий был человек лет за сорок, но сильный и здоровый. Опасность удвоила его силы. В то время когда телега опрокинулась и ямщик напал на него, он держал в руке золотую табакерку, и так сильно ударил ею в висок ямщика, что тот остался без чувств на месте. Валицкий поднял телегу, поворотил лошадей, выбрался кое-как из лесу и, выехав на большую дорогу, пустился во всю конскую прыть. Существование заговора на смертоубийство и грабеж были очевидны. Валицкий был человек решительный и мужественный. Он вооружился парой пистолетов, добыл порох и пули из каретного ящика и, объяснив дело ямщикам, — убедил их принять его сторону. Семена стали отливать водою и привели в чувство; но он был без сил и не мог держаться на ногах. Он сказал, что его напоили до пьяна жиды, подчивая даром различными водками. Между тем Валицкий расхаживал по большой дороге и стрелял из пистолетов холостыми зарядами; жиды не показывались из корчмы.

Взошло солнце. Это был воскресный день, и вскоре большая дорога оживилась. Из ближнего шляхетского селения (по-польски *околицы*, *okolicy*) начали съезжаться шляхтичи

(нынешние однодворцы) с своими женами и детьми по пути в церковь, находившуюся верстах в семи за станцией. Валицкий останавливал проезжающих и рассказывал им о происшествии, прося помощи. Набралось шляхтичей и крестьян до полусотни. Содержатель станции не мог отказать в лошадях – и несколько шляхтичей взялись провожать мать мою до Витебска.

Мать моя остановилась в Витебске у брата своего, председателя, который с Валицким отправился к губернатору и донес о случившемся. Немедленно выслана была на станцию городская полицейская команда с несколькими офицерами и особым чиновником; туда же поскакал капитан-исправник с отрядом гарнизонных солдат, и на другой день привезли в город несколько связанных жидов и все ограбленные вещи. Жиды не имели даже времени разбить сундуки и ящики; их нашли в амбаре в закроме, где хранился овес.

По следствию оказалось, что содержатель почтовой станции, жид, был уведомлен из Петербурга приятелями своими, (а жиды, по мнению поляков, все *знают*), что Валицкий везет огромные сокровища, и составили заговор, чтоб убить путешественников, присвоить вещи и деньги и, отвезя карету в лес, находящийся в сотне шагов от корчмы, сжечь ее. Тогда в окрестностях бродили дезертиры и укрывающиеся от службы рекруты, и нападали даже на дома и на путешественников. Жид думал своротить на них этот разбой. Ямщиков он перепоил с вечера, уверяя, что празднует день сво-

его рождения; спойл Семена, подговорил одного сорванца, как после оказалось, беглого раскольника, убить Валицкого, намеревался зарезать мать мою и панну, но все это не удалось от трусости и нерешительности сообщников содержателя станции и от мужества и присутствия духа матери моей и Валицкого.

Таким происшествиям теперь и поверить трудно! Но я уже сказал, что ничего нынешнего никак нельзя сравнивать с тем, что было за полвека и за сорок лет пред сим. Не все же прежнее было дурно: много, очень много было хорошего – но полицейское управление внутри государства было весьма слабо. Между помещиками во всей России было много страшных забияк, которые самоуправствовали в своем околотке, как старинные феодальныы бароны, и приводили в трепет земскую полицию. Кроме того, были настоящие разбойники, нападавшие на помещичьи дома и на путешественников. Я видел в Могилевской губернии одного начальника разбойничьей шайки, чиновного дворянина с одной ногой, который был ужасом части Могилевской и Минской губерний. Этот господин С-ский (белорусский уроженец) ограбил две знакомые мне фамилии: Оскирко и Покрошинских, напав на их мызы. Он не скрывался, но жил роскошно и, повлевая тайно шайками, редко выезжал сам на промысел. Пойманных своих сообщников он отравлял в тюрьме, чтоб на него не показывали. Все боялись его и не смели даже предлагать ему вопросных пунктов! Наконец и его скрутили, ули-

чили и отправили в ссылку. Был еще в Белоруссии хотя не разбойник, но забияка, который все свое наслаждение поставлял в драках с земскою полициею и с каждым, кто ему не покорялся при первой встрече. Двадцать раз он был под судом, сидел даже в остроге – но всегда оправдывался. Он сам сочинил про себя песню на белорусском наречии, которую распевал и в горе и в радости. Песня начиналась:

Отколь ветер не повеет,
Семен Фролов не робеет, и проч.

Остальные слова песни не помню, но помню колоссальную фигуру Семена Фроловича С-на и его страшные усы. Он приезжал иногда в гости к дяде моему Кукевичу (в имение Высокое Оршанского уезда Могилевской губернии), брал меня на руки и пел мне песенки, когда мне было лет семь от рождения. Семен Фролович принадлежал к старинной дворянской фамилии, и кончил также жизнь свою в Сибири! Русское купечество, торговавшее на бывшей Макарьевской ярмарке (перенесенной в Нижний Новгород), верно, помнит еще помещика села Лыскова, покоящегося теперь в могиле! – Повторяю, в начале нынешнего столетия было еще весьма много такого, чему теперь трудно поверить, и потому-то со времени вступления моего на литературное поприще, при всяком случае припоминаю, что основанием всякого воспитания должны быть преданность Вере и уважение оте-

чественных законов, уважение беспредельное, какое внушено в Англии всем сословиям. Это должно быть, так сказать, в крови народа.

Мне давно хотелось познакомиться с членами моей фамилии. В нашем роду нет однофамильцев; все Булгарины (первоначально Скандербегии) происходят от двух братьев-выходцев из Албании, в конце XV века, и имеют один герб. До смерти дяди отца моего (приятеля генерала фон Клугена) Михаила Булгарина в нашей фамилии всегда признавали старшего в роду главой всех Булгариных, и все ему повиновались безусловно, как патриарху. Почти во всех старинных польских фамилиях было то же, как я уже говорил и это было необходимо в бывшем правлении Польши, в которой все основано было на дворянских выборах и все делалось политическими партиями. Я уже говорил, в первой части моих Воспоминаний (см. примечание первое и одиннадцатое, стр. 307, 325 и 326), что тогда родовое наше гнездо (где оно и теперь) было в Гродненской губернии, в Волковыском уезде, и что тогда главой рода был Михаил Булгарин. Я отправился к нему.

Все, что я буду теперь описывать, – исчезло навеки! Исчезли и люди, и обычаи, и даже воспоминания о прежнем; исчезло и прежнее дурное и прежнее хорошее! А было и хорошее в семейном твердом союзе и в повиновении старшим в роду; было хорошее и в рыцарских нравах старинного дворянства! Невзирая на издание закона, по которому все заем-

ные письма признавалась недействительными, если были писаны на простой, а не на гербовой бумаге, в так называемой Литве требование подписи на гербовой бумаге почиталось оскорблением, а подписывание унижением своего достоинства. Разорялись на честное слово (на *slowo honogu*)! Князь Доминик Радзивилл, взяв иногда игральную карту, коптил ее на свече и писал кончиком щипцов на закопченном месте: "Выдать (такому-то, в такой-то срок) тысячу (более или менее) червонцев: X.D.R", – и поверенный князя не смел даже поморщиться, а выплачивал немедленно. Я видел одно такое заемное письмо, то есть карту, покрытую вишневым клеем, чтоб драгоценная копоть на ней не стерлась. Не помню ни одного случая, чтоб кто-нибудь осмелился отказаться от платежа по заемному письму за свою подпись, потому только, что оно не формальное. На честное слово можно было поверить жизнь; честь и имение. *Verbum nobile debet esse stabile*, составляло главную заповедь дворянина. Это то же, что старинное русское: "Не дал слова – крепись, а дал слово – держись" – и древненовгородское: "А кто не сдержит слова, тому да будет стыдно". В нашем славянском племени стыд (то есть бесчестие) был величайшим наказанием, и *честное слово* тверже всех залогов и подписей. Я застал это на деле, и под клятвую передаю моим детям. Иностранные пройдохи, набегающие на Россию со времен Петра Великого, научили нас многому, чему нехудо было бы разучиться! Коммисионерная торговля, то есть торговля без капиталов, и подлож-

ное банкротство – это *оригинальные сочинения* чужеземных прошлецов. – Добродушные славяне, наши предки, не знали этого прежде.

Я нанял фурмана, жида, и отправился в путь в половине августа. На пути случилось со мною довольно забавное происшествие. Приехав в радзивилловское местечко Клецк, лежащее только в нескольких верстах от древнеродового имения моих дедов и прадедов Грицевич, я остановился на площади, и вышел из брички, чтоб купить курительного табаку. Купец, разумеется жид, отвесил мне фунт лучшего табаку, и завернул в бумагу. В эту минуту я отвернулся, чтоб взглянуть на площадь и, внезапно оборотясь к жиду, поймал его в плутовстве, а именно, что подменял мою пачку другою, точно так же свернутою. Я развернул бумагу и увидел, что в подмененной пачке был табак последнего разбора, а я заплатил за лучший. Признаюсь, я не мог воздержаться, и изо всей силы "задел его в лицо, не говоря ни слова". Жид завизжал и завопил во все горло: "Гвалт! бьют, режут!" – и из соседних лавок сбежались жида, и также стали визжать и кричать. Один из толпы побежал к моему фурману, чтоб узнать, кто я, – и когда жида услышали мою фамилию, один из них, седой старик, подошел ко мне, устремил на меня глаза, и закричал во все горло: "О вей мир! Бульхарин, *соленого* Бульхарина¹⁸⁰ сын!" – «Поддай саблю!» – закричал я моему слуге,

¹⁸⁰ Так жида произносили мою фамилию. Шалёный (по-польски Szalony), но по жидовскому произношению салёный.

а жида пустились бежать, крича из всех сил: "О вей, о вей, *соленого* Бульхарина сын!"

Старик жид по необыкновенному моему сходству в лице с отцом и по месту, откуда я ехал, узнал, что я сын того, которого они боялись как смерти и называли бешеным. Я спокойно сел в бричку, и выехал из Клецака.

Сообщаю этот пустой анекдот по довольно важной причине, а именно, чтоб сказать при этом случае, что жида в Польше, особенно в Литве, находясь, по-видимому, в крайнем унижении, смело скажу, господствовали над всеми условиями. Если б кто-либо вздумал собирать биографические сведения о дворянских литовских фамилиях, то мог бы получить от жидов самые мелкие подробности о жизни каждого дворянского семейства, от прадеда до правнука и правнучки, и полную характеристику каждого лица. На этом познании нрава, умственных способностей, страстей и потребностей каждого лица основывалось жидовское могущество. Мелких слуг мужского пола привлекали жидки питейным медом, пивом и водочкою; слуг высшего разряда, то есть экономов, комиссаров и тому подобных, ссудою денег, а женскую прислугу, от панны до гардеробной девушки, подарками, кофе и сахару или туалетными безделками. Жида были общими тайными поверенными и барина, и его жены, и сыновей и дочерей. Каждый и каждая отдельно забирали в долг у жидов и употребляли их агентами в своих делах, гражданских и частных, и в любовных интригах. Немногие

дворяне были избавлены от этого дьявольского наваждения. Отец мой по наружности казался страшным гонителем жидов, и колотил их немилосердно при всяком удобном случае, а между тем они лестью и покорностью выманивали у него все, что им только было от него надобно. Выдержав первую вспышку гнева моего отца, можно было у него взять последнюю рубашку! – Жидам страшен был не вспыльчивый (или как они называли бешеный) человек, но хладнокровный, бережливый и недоверчивый. – Отец дорого поплатился жидам, которые пресмыкались пред ним, а сын за пощечину, данную жида в Клецке в 1810 году, заплатил дорого в 1848 и 1849 годах, доверив жида на слово и надеясь на его благодарность за оказанное ему добро! – Спросят: есть ли честные жида? Без сомнения, есть. Как не быть! В земле, на которой построен Петербург, не рождаются алмазы и золото, однако ж, и золото и алмазы находят иногда на улицах, у подъездов, возле театров или дворянского собрания. И я нашел алмаз: жида Иоссея, о котором говорил в первой части моих Воспоминаний!

Лето было жаркое, и жара продолжалась даже в августе. Я ехал ночью, а днем отдыхал на биваках, чтоб избегнуть грязных жидовских корчем. Наконец в четыре часа утра приехал я в местечко графа Тышкевича, Свислочь, в двух или трех верстах от Рудапки, местопребывания дяди отца моего, Михаила Булгарина. Я не хотел останавливаться в местечке, а поехал прямо в Рудапку, намереваясь остановиться у эконо-

ма или управителя, и там переодеться и подождать, пока дед мой проснется и примет меня. Признаюсь, к этому побуждал меня ложный стыд. Мне не хотелось подъехать к крыльцу в жидовской бричке!

Едва начинало светать, и я удивился, услышав лай множества собак, – а подъехав к дому, увидел на дворе множество людей, оседланных лошадей, несколько запряженных экипажей и до двадцати свор охотничьих гончих собак, которых кормили в разных местах. Собирались на охоту. Я должен был оставить бричку у ворот, и пошел пешком через двор, поручив одному из охотников доложить обо мне хозяину дома. Когда я вошел в переднюю, слуга отпер обе половины дверей (что означало торжественный прием). Я вошел в залу. Посредине был большой стол, на котором стоял завтрак – но все собеседники встали с мест своих прежде моего появления, и стояли позади главы фамилии. Я подошел к нему, произнес мое имя, и по тогдашнему обычаю поцеловал деда в руку. Он обнял меня, поцеловал в лицо, и указывая на присутствующих, сказал: "Ты здесь дома – вот тебе тридцать человек друзей и братьев, Булгариных, одного рода, одной крови и одного герба, или кровных наших *по кудели* (По-польски родство *во мечу* значит по мужескому колену, а родство *по кудели* (по *kadzieli*) родство по женскому колену. Очевидно, что в древности жены и дочери дворян в Польше, как и везде, занимались пряжею, и от этого названия родство *по кудели* осталось в языке и в законах.). Ты с ними познако-

мишься после, а теперь садись и завтракай с нами!"

Михаил Булгарин был человек высокого роста, на второй половине седьмого десятка, но здоровый, румяный, не слишком сухощав, но и не толст – и весьма приятной наружности. Все прочие Булгарины и родные их по женскому колену были одеты одинаково, в охотничьи зеленого цвета казакины. Дед был в длинном польском жупане, но при этом польском наряде был без усов. На стол поданы были кофе, гретое белое вино с яичными желтками (*winna poliówka*) и гретое пиво с домашним сыром, разные булки, крендели и сухари. Собеседники продолжали, а я начал завтракать.

– Как дворянин и как человек нашей крови, ты, верно, любишь охоту, – сказал дед, обращаясь ко мне.

– Полюблю, дедушка, потому что до сих пор не имел случая охотиться, – отвечал я.

– Но если ты не охотился за зверями, то довольно поохотился за людьми, и, верно, выучился стрелять...

– Из пистолетов, а из ружья еще не пробовал стрелять в живое существо.

– Итак, ты начнешь охотиться под моим руководством. Желая, чтоб ты был такой же стрелок, каким я был в твои лета!

Дед кликнул своего камердинера, и велел снарядить меня на охоту, то есть дать ружье, патронташ, порох, дробь, пули и прочее. Потом дед спросил, как я хочу ехать: с ним ли, в экипаже, или верхом, с молодежью. Разумеется, что я пред-

почел коня экипажу.

Наконец мы выступили в поход. Поезд наш имел вид воинственный. Человек до пятидесяти верхом, в одноцветных казакинах и фуражках одной формы (слуги отличались только басонами по воротнику и на фуражке), с ружьем за плечами, с кортиками, образовали порядочный эскадрон, и ехали в порядке по два в ряд. Впереди ехал общий наш дед и глава (все мы называли его *дедушкою*) в коляске. Шествие замыкали псаря со стаей собак, а за ними тянулись коляски и брички. Предположено было охотиться в лесах, принадлежащих к Яловскому староству, данному деду на пятьдесят лет на последнем сейме. Местечко Яловка¹⁸¹ находится верстах в пятнадцати от Рудавки, но мы не заезжали на господский двор, куда отправились экипажи и псаря с собаками, а поехали прямо к лесу, верстах в пяти от двора. Под лесом мы нашли бивак. Тут ожидал нас первый доезжачий (пикер) и главноуправляющий охотою, старый слуга моего деда, Варфоломей, которого уменьшительно по литовскому произношению называли Баутруком. При нем было несколько псарей и также до двадцати свор гончих собак. Собаки, приведенные с нами, назначены были на смену. Баутрук донес дедушке (который из коляски пересел в маленькую повозку, коломажку) что обойдено (охотничье выражение) стадо диких коз, и что облава уже обступила ту часть леса, где будет охота. По распоряжению Баутрука, пешие охотники

¹⁸¹ О старосте яловском говорено было в прежних частях Воспоминаний.

оставили лошадей возле бивака, разумеется, под надзором нескольких крестьян, и пошли в лес с ружьями, на назначенные им места. Конные охотники с борзыми собаками стали в поле в некотором расстоянии от леса. Мне, пешему охотнику, назначено было место на опушке леса, откуда началось небольшое болото, поросшее камышом. Когда Баутрук рассчитал, что все стрелки дошли до своих мест, он подал сигнал на охотничьем рожке. Стрелки отвечали также на рожках, и за этим поднялась кутерьма, какой я отроду не видывал. Более пятисот мужиков, баб и мальчишек, окружавших лес, захлопали бичами и заревели во все горло. Вскоре с этим шумом смешался лай собак, и время от времени раздавались звуки рожка и охотничьи возгласы Баутрука, ободрявшего собак. То в одной, то в другой стороне трубили охотники в знак, что видят зверя. Вскоре послышались выстрелы. Эхо разносило по лесу эти звуки. Я был в каком-то восторженном состоянии... По моему мнению, кавалерийское дело (то есть сражение) и охота в большом виде – высшие наслаждения в мире. Что значит в сравнении с ними опера, балет, драма, балы, рауты! Это свечи в сравнении с солнцем. Сердце сильно бьется, мускулы и чувства (то есть зрение и слух) в напряжении, человек будто в лихорадке, производящей не болезненные, но приятные ощущения... И что сравнивается с радостью, которую доставляет победа или успех! Городские неженки не поймут меня.

Я простоял около часа на своем месте, и как все сильные

ощущения, все восторги бывают непродолжительны, то наконец, не видя зверя, оставаясь в бездействии, и, так сказать, устал духом. Лай собак то умолкал, то снова раздавался, но все вдали от меня. Я сел на пне, приставил ружье к дереву и закурил трубку. Вдруг лай собак послышался вблизи, и притом лай самый жаркий, какой бывает, когда собаки гонят зверя на глаз (охотничье выражение, означающее, что собаки гонят не чутьем, но завидя зверя). Едва я успел схватить ружье, огромный дикий козел выскочил из кустов прямо против меня шагах в пятнадцати, поднял голову, осмотрелся и повернул в тыл. Второпях, я не успел прицелиться, и выстрелил вдогонку. Козел свалился. Я бросился к нему, но он вскочил и прыгнул... Я перебил ему задние ноги, ниже колен, но козел сторяча прыгал, и я насилу догнал его. У меня было одноствольное ружье: заряжать было некогда, и я принялся колотить козла ружьем по голове... Но удары мои были ему ни по чем, и он продолжал прыгать, приближаясь к болоту. В это время налетали собаки, и с лаем и визгом напали на мою добычу. Я стал разгонять собак ружьем, и несколько раз задел им о пни и деревья. По счастью, явился вскоре Баутрук на своем лихом коне, соскочил с него и коротиком зарезал измученного зверя, отогнав собак арапником. Я был в восхищении! Передо мною лежал огромный козел, первая жертва моей охоты... Я осматривал его и гладил по лоснящейся шерсти – но вскоре восторг мой прошел, когда Баутрук сказал: "Посмотрите-ка, барин, на ваше ружье!" Я

взглянул и ужаснулся. Ложа сандалового дерева была разбита вдребезги, приклад расщеплен, курок превосходной отделки изломан... "А это любимое ружье вашей бабушки!" сказал печально Баутрук, осматривая ружье. По счастью, дуло с золотой насечкой было цело. – Да вы бы ударили, барин, прикладом по переносью, – примолвил Баутрук – ведь черепа не разобьешь и обухом!"

– А мне почему знать!

– Теперь будете знать, – сказал Баутрук важно, – вся кому делу надобно учиться.

Баутрук призвал мужиков из цепи, окружавшей лес, и они отнесли мою добычу на жердях на сборное место. Часов в шесть по полудни подан был сигнал, что охота кончилась. Я побрел тихонько на сборное место, и пришел последний. Мне стыдно было показаться на глаза деду с изломанным ружьем, Баутрук предупредил уже всех о моем несчастном торжестве. Меня встретили с поздравлениями, и я не заметил ни малейшей досады в речах бабушки, и из всего общества он один позволил себе пошутиться над моей схваткой с козлом. "Ты принял его за неприятельского гренадера, и поступил с ним как беспардонный гусар, – сказала бабушка. – Но если б за каждого убитого неприятеля надлежало платить ружьем, то война обошлась бы дорого!" Я молчал и досадовал на себя, но родственники старались меня ободрить и развеселить, в чем скоро и успели.

Мы поехали к ужину и на ночлег в Яловку. Охота в этот

первый день была неудачная, потому что началась поздно. Стадо диких коз пробилось через облаву, и всего застрелено две штуки, вероятно отставшие от стада. За ужином я был принят единогласным решением в звание охотников при провозглашении заздравного в честь мою тоста и игрании на рогах. Ужин был веселый, и хозяин любезен со всеми, а со мной в особенности. В полночь мы улеглись спать. Для пожилых людей постланы были постели в особых комнатах, а молодежь улеглась на соломе в большом зале, все в ряд¹⁸².

Настоящая охота началась на другой день и продолжалась пять дней сряду. Мы ночевали в лесу, в шалашах, завтракали, обедали и ужинали под открытым небом, и возвратились в Рудавку с несколькими возами разной дичи, которая немедленно была разослана к друзьям и соседям. Я поправил мою охотничью репутацию, и убил лося наповал на всем его бегу, в виду всех, и даже заслужил рукоплескания.

Охота составляла любимую забаву помещиков западных губерний, и они умели охотиться. Никогда мне не случалось видеть в других странах Европы ни такого порядка на охоте, ни таких искусных стрелков, ни такого множества дичи, ни такого веселья и пирования на охоте, как в Литве. Достаточные помещики содержали множество стрелков, лошадей,

¹⁸² В польских домах, когда много гостей, то не только молодые люди, но даже женщины спят на соломе, постланной на полу, разумеется, в особых отделениях дома. Настиляется солома, покрывается коврами и простынями, кладутся подушки, и все ложатся в ряд, как солдаты в палатках. Это называется по-польски: *спас pokotem*.

стаи собак, и имели целые арсеналы дорогих ружей. Часто и дамы сопутствовали мужьям и братьям на охоту, и тогда было еще веселее. Всего этого нет теперь в Польше. Это уже древняя история!

Замечательнейший человек из всех соседей дедушки, с которыми я познакомился в это время, был граф Тышкевич, референдарий бывшего Великого княжества Литовского, женатый на племяннице бывшего польского Короля Станислава Августа Понятовского. Граф Тышкевич был человек оригинальный в полном смысле слова, умом, наружностью, образом жизни и поступками своими. Он был тогда лет шестидесяти и непомерно толст, так что едва мог передвигать ноги. Одевался он весьма странно, в цветное платье сочиненного им самим покроя. Это было нечто вроде кафтана средних веков, доходящего почти до пят и застегнутого от шеи до самого низа маленькими пуговками. Воротник был в палец шириной, потому что у графа Тышкевича шеи не было вовсе и подбородок висел почти на груди. Он никогда не снимал шапочки, точно такой, какую старые католические и лютеранские пасторы в Германии обыкновенно покрывают голову в церкви в зимнее время. Граф Тышкевич был гастроном и обжора, что редко бывает в одном человеке, ел хорошо и много, и в этом имел усердного товарища и помощника в старом друге своей юности, дяде моем Станиславе Булгарине. С необыкновенным природным умом граф Тышкевич соединял разнородные познания, светскую опытность и удиви-

тельную память. Мне кажется, что невозможно быть добрее, честнее и благороднее, как был граф Тышкевич. Верно, он не оскорбил ни одной души в жизни, а добра делал столько, сколько мог. Точность его во всем доходила до педантизма. Он страстно любил науки и охотно жертвовал большие суммы для распространения просвещения. Его местечко Свислоч – было первое и единственное во всей Польше по чистоте и порядку. Почти все дома прекрасной наружности, хотя деревянные, выстроены были на его счет. Гостиный двор был каменный. Он выстроил на свой счет прекрасные здания для классов гимназии и для помещения директора и учителей, и подарил Виленскому университету. В местечке был доктор на его жалованье и аптека. На годовую ярмарку в Свислоч съезжались помещики из всей Литвы, и тогда граф Тышкевич давал балы и обеды для всех и про всех. На театре, также им выстроенном, приезжие актеры давали представления, и он платил почти за все места, рассылая билеты соседям и знакомым. Словом, это был настоящий магнат, пан польский в старинном смысле слова по щедрости и гостеприимству, без всякой притом гордости, скромный, вежливый и добродушный. Другого Тышкевича не встретил я в жизни – да в нынешний, так называемый промышленный век – и быть не может такого человека...

Дядя мой Станислав Булгарин повез меня к нему, и я был так счастлив, что понравился графу Тышкевичу; он оставлял меня у себя иногда на несколько дней. Хотя у него был об-

ширный дом в Свислочи, но он жил всегда в имении своем Симфанах, верстах в двадцати от местечка. Сам хозяин помещался в деревянном флигеле, без всякой архитектуры, а каменный дом в итальянском вкусе стоял пустой. Мебель в комнатах, занимаемых хозяином, была самая обыкновенная, мало того что простая, но бедная, а в каменном доме везде были мрамор, порфир, бронза, мозаика, венецианские зеркала, драгоценное дерево, шелк, бархат и парча. Комнаты не только были убраны богато, но со вкусом – и содержались в порядке и чистоте, будто ожидая хозяев. С этим домом сопряжена была таинственность. Граф Тышкевич не жил со своею женой, но находился с нею в самых тесных дружеских сношениях, оказывал уважение и никогда не противился не только ее воле, но даже капризам. После последнего раздела Польши между тремя державами, графиня Тышкевичева уехала в Париж, и осталась там на всю жизнь. Она прожила лет тридцать в Париже, была принимаема в высшем обществе, сама принимала гостей в назначенные дни и сохранила навсегда аристократический тон. Все путешественники, бывшие в Париже и посещавшие общества, помнят графиню. Она была крива и недостающий ей природный глаз заменяла искусственным, стеклянным, весьма ловко скрывая этот недостаток. Одевалась она всегда щегольски, по последней моде, даже в старости, которой никак не хотела поддаться.

Читатели мои, занимающиеся иностранною словесно-

стью, вероятно, знают «*Записки Казановы*» (Memoires de Casanova), итальянца, который объехал всю Европу без всякого дела, ища приключений и любовных интриг, был принят во всех высших обществах, сидел в тюрьме, играл в карты и обыгрывал простаков, дрался на дуэлях и наконец кончил жизнь в пожилых годах в замке одного венгерского магната, принявшего его ради Христа. «*Записки Казановы*» слишком *вольные* (grivois), нечто в роде романа Луве (Louvet): Chevalier de faublas, прочтены почти всеми любителями забавного и веселого чтения. Этот Казакова, находясь в Варшаве, вошел в милость графини Тышкевичевой, и отправился с нею в Свислоч. Тут пришла графине мысль выстроить итальянскую виллу – и Казакова взялся за это дело. Добрый муж на все согласился, и в один год дом был выстроен и убран с величайшими издержками. На память согласия между мужем, женой и ее прислужником, то есть Казановой, вилла получила название Симфонио, искаженное после в Симфаны. Избрано греческое слово для того, чтоб настоящий смысл сохранялся в тайне¹⁸³.

Таких мужей производит одна Польша! Это *местное* произведение.

Я провел время чрезвычайно весело до половины октября. Кто бывал в Польше и в западных губерниях лет за два-

¹⁸³ По-гречески symphoneo значит assort! подобранный, приличный, то же что convenant. Слово symphoneo происходит от греческого же слова: symphoneo, pacte, союз, contentement, удовольствие, consentement, согласие.

дцать пред сим, тот сознается, что нигде не жили так весело и беззаботно, как в Польше. Гостеприимство было баснословное! Польские женщины – волшебницы, образцы Тассовой Армиды. Псовая охота, танцевальные вечера, кавалькады – сменялись каждый день, и вольность в обхождении женского пола придавала всему необыкновенную прелесть. Против русских ворчали про себя, а приезжали русские-любезные и ловкие офицеры, все забывалось – и тосты: *wiwat, kochaemy sie* (то есть: виват, станем любить друг друга)! порождали общее братство!

Наступил решительный перелом в'моей жизни. Старшины нашей фамилии решили, что мне не должно оставаться в бездействии, и велено мне отправиться в герцогство Варшавское, и вступить в военную службу, в которой уже находилось несколько наших родственников. Здесь я должен пояснить дело, которое в нынешнее время кажется загадочным.

Россия была тогда в самом тесном союзе с Францией. По Тильзитскому трактату герцогство Варшавское было признано государством второго разряда, принадлежащим к Рейнскому союзу вместе с королевством Саксонским. Король саксонский, как известно, назначен был Наполеоном герцогом варшавским. Сообщение между Россией и герцогством Варшавским было свободное. Каждому помещику и свободному человеку западных и южных губерний, присоединенных от Польши по последнему разделу, гражданские и военные гу-

бернаторы выдавали беспрепятственно паспорта в Варшаву. Множество дворян, богатых и бедных, служили в польском войске герцогства Варшавского, и едва ли не третья часть офицеров были из русских провинций. Некоторые богатые люди приводили с собой по несколько сот человек шляхты, обмундировывали и вооружали их на свой счет, формировали роты, эскадроны, батальоны и даже целые полки. На все это смотрели равнодушно, и ни позволения, ни запрещения не было. Если политики и предвидели скорый разрыв России с Францией, то этого не показывали.

При моем пылком воображении и уме, жадном к новостям, при страсти к военной службе, правильнее к войне, я обрадовался предложению моих родственников. Зная, что Наполеон помышляет польским войском по всей Европе, я надеялся побывать в Испании, в Италии, а может быть, и за пределами Европы... Вот что меня манило за границу! Ни одной политической идеи не было у меня в голове: мне хотелось драться и странствовать. С равным жаром вступил бы я тогда в турецкую или американскую службу!..

Дедушка Михаил Булгарин, дядя Станислав Булгарин и граф Тышкевич, причитавшийся также к нашей родне, не знаю в какой степени, снабдили меня червонцами, а кроме того, граф Тышкевич подарил богатые пистолеты и саблю. Мне дали целый пук рекомендательных писем, и, между прочим, от графа Тышкевича к родственнику его, князю Иосифу Понятовскому, главнокомандовавшему польским

войском. Из Гродна через поверенного прислан паспорт – и я, простясь с родными, поехал в Варшаву.

Перед отъездом я отослал к матери'моей крепостного человека с письмом, в котором извещал о моем намерении и написал письмо в Петербург, к сестре Антонине и зятю А.М.Искрицкому, прося его отвечать мне, адресуя письмо на имя деда Михаила Булгарина. Едва я успел осмотреться в Варшаве, недели через две я получил ответ от зятя. Одно мудрое правило, изложенное в его письме, осталось навсегда в моей памяти, и я рад, что могу теперь передать его в печати. А.М.Искрицкий, человек в полном смысле положительный, писал ко мне, между прочим: "Твое намерение исполнено, следовательно, и говорить об этом нечего. Помни, однако ж, что в Испании и Италии при палящем солнце – для бедных чужеземцев – весьма холодно, когда, напротив, в нашей холодной России иностранцам – тепло!" – Величайшая истина, которую я испытал! Я и ровесники мои были свидетелями основания и падения многих государств в Европе. Зрелище любопытное и поучительное. Взглянем на герцогство Варшавское, которого часть присоединена с 1815 года на вечные времена к Российской империи под названием царства Польского.

Я уже сказал, впрочем всем известное, что Тильзитским миром утверждено существование герцогства Варшавского, составленного из областей Мазовии, Великой и Малой Польши, которые принадлежали Пруссии по последнему разде-

ду польского королевства-республики. Когда польское войско было распущено, генералы Мадалинский, Князевич и Домбровский вывели несколько тысяч солдат с офицерами в Саксонию, а оттуда пробрались в Верхнюю Италию и на Рейн. Тогдашняя французская республика не могла принять их в службу, потому что законом воспрещено было содержать иностранные войска на жалование Франции. В Верхней Италии основана была Лигурийская республика, и французское правительство из всех польских выходцев сформировало польско-итальянский легион в службе Лигурийской республики, но находившийся во французской армии в качестве вспомогательного войска. Этот легион, комплектуемый из австрийских пленных и дезертиров, уроженцев Галиции и славонских округов, составлял полную дивизию и имел свою артиллерию. Начальствовал дивизией генерал Домбровский. Франция заставляла этот легион дорого платить за свое содержание. В Итальянскую войну противу итальянских государей, потом противу австрийцев и русских этот легион всегда находился в самых опасных местах, всегда в первом и жестоком огне. Потом часть его была послана на остров Сан-Доминго в экспедиционном отряде генерала Леклерка, а остальная часть вела кровопролитную войну в Калабрии противу защитников Итальянской независимости. Легион в начале итальянской кампании имел до пятнадцати тысяч человек под ружьем, но лишился на поле битвы и от разрушительного климата Сан-Доминго почти двух третей, и с вели-

чайшими усилиями комплектовался новыми выходцами.

Хотя по обширности и народонаселению герцогство Варшавское не уступало другим государствам Рейнского союза второго разряда, но оно было истощено и слабо в высшей степени. Польша не имела тогда тех фабрик и мануфактур, которые возникли в ней с тех пор, как часть бывшего герцогства присоединена к России под именем царства Польского. Все богатство герцогства состояло в земледелии, которое не могло доставить столько денег, сколько нужно было на содержание войска, администрации и постройку крепостей. Прусская золотая и серебряная монеты исчезли из обращения. Надлежало употреблять чрезвычайные, насильственные меры для поддержания необыкновенного, неестественного течения дел. Собирали натурою продовольствие для войска, выдавая квитанции или боны, которые со временем обещали выплатить. Пустили в ход ассигнации, которых кредит подорвало само же правительство, объявив, что выменивает ассигнации на звонкую монету, взимая четыре медных гроша за талер за обмен (ажю или лаж). Наполеон прислал в польскую кассу на несколько миллионов злотых старой сардинской монеты (медной-посеребренной), которая долженствовала иметь курс польского полузлотого, то есть семи копеек с половиною серебром. Казна выплачивала эту монетою, но ее не принимали в торговле по показанной цене. Жида пользовались обстоятельствами, скупали за бесценок ассигнации и сардинскую монету, и заставляли нуж-

дающихся в каких бы то ни было деньгах брать в долг ассигнации и дурную монету по объявленной казною цене¹⁸⁴.

Положение финансов было отчаянное, и землевладельцы были совершенно расстроены в своих доходах. Бесперывно формировали новые полки и набирали команды для подкрепления полков, находившихся за границей. Конскрипция, или набор рекрут по французской системе, становилась весьма тягостной для сельского народонаселения, лишая его лучших работников. По мере уменьшения рабочих рук поднималась цена на съестные припасы. Положение герцогства Варшавского было болезненное. Усилия его походили на лихорадочные припадки. Энтузиазм был лихорадочный жар; движения – судороги, а между тем тело истощалось и по мере упадка сил физических – упал дух. Помещики, поселяне и порядочные торговцы, не ростовщики – чувствовали вполне бедственное положение страны.

Народонаселение Варшавы в то время составляло около 75 000 жителей обоего пола и всех возрастов, кроме войска, чиновников и приезжих. Те, которые не видали прежней Варшавы, не могут составить себе о ней никакого понятия. Город был порядочно грязен, плохо вымощен, во многих местах вовсе не вымощен, весьма дурно освещен по ночам, и находился под весьма слабым полицейским надзором. Теперь лучшая улица, правильнее "площадь, называе-

¹⁸⁴ Пущено было в оборот: 700 000 билетов по талеру, 250 000 билетов по два талера, 60 000 билетов по пяти талеров.

мая "Краковское предместье", простирается внутрь старого города (*stare miasto*), а тогда между ними был ряд домов, и с Краковского предместья в старый город входили и въезжали через узкие ворота. За этими воротами возвышалось огромное четырехугольное здание: городская ратуша, а вокруг нее были узкие, сырые, грязные улицы, лишенные круглый год солнечных лучей, потому что высокие здания препятствовали им проникнуть до земли. Возле так называемых «*мировских казарм*» наемный мой экипаж засел однажды в грязи по оси, и меня вынес извозчик на мощеное место на своих плечах. Вечером нельзя было выйти на улицу без фонаря, и у подъезда театра, трактиров и всех публичных мест стояла всегда толпа мальчиков с фонарями для провождения посетителей до дому. Нечистота в жидовском квартале, на Орлиной улице была нестерпимая! Трактиры, кофейни и шинки были отперты всю ночь. Полицейские комиссары (то же, что наши частные приставы) были избираемы гражданами, и разумеется, должныствовали быть весьма снисходительными. Жили в Варшаве, как говорится, спустя рукава, почти без всякого надзора, кто как мог и как хотел.

Хотя город был и не щегольской, но обращал на себя внимание великолепием и прекрасной архитектурой древних католических церквей и монастырей и некоторых казенных и частных зданий, или палат (по-итальянски: *Palazzo*, по-польски: *Palac*). Королевский дворец, или замок, на высоком берегу Вислы со стороны города был закрыт строениями, но

со стороны реки представлял великолепный вид. Для прогулок внутри города служили сад палат Красинского, где были присутственные места, и сад палат Саксонских, где впоследствии жил его императорское высочество государь цесаревич Константин Павлович. Кроме того, при многих домах были садики, а в домах трактиры и кофейни. Садики эти по вечерам были иллюминированы и всегда наполнены посетителями. В трактирах и кофейнях (исключая нескольких французских ресторанов, между которыми отличались ресторан Шаво под колоннами (pod filarami) на Наполеоновской (Медовой) улице, и Пуаро на Длинной (Deiugiey) улиц) прислуживали девушки, красивые, ловкие, болтливые и даже остроумные, – и это привлекало посетителей. Вообще в Варшаве публичная жизнь была в полном развитии, и только семейные люди, старики обедали и ужинали дома. Окрестности Варшавы очаровательные. Везде множество трактиров, и везде было множество посетителей. Жизнь была дешевая до невероятности! За червонец можно было провести приятно день: обедать в хорошем трактире, пить кофе у молодой кофейницы, посетить театр, поужинать и прокатиться в кабриолете на четырех колесах (drozki), запряженном парюю хороших лошадей. Гастрономы ездили к немцу Шуху лакомиться *кормлеными раками*, к немцу Шиллеру есть жареного каплуна, начиненного сардинками, пить превосходный кофе, с отличными сливками в кофейне, называемую сельскою (Wieyska kawa). Лучший обед (за рубль серебром)

был у Розенгорта, на улице Лешно (Leszno). Все лучшее было у немцев, как водится, то есть изготовляли все туземцы, а продавали и брали барыши – немцы.

В Варшаве был один только польский театр противу палат Красинского, на котором играли трагедии, драмы, комедии, водевили и малые оперетки. Балетной труппы не было, хотя театр имел театральную школу. Актеры и актрисы были превосходные. Лучших я не видал, а видел, может быть, равных им. Первый трагик был Веровский, высокий, складный мужчина, с прекрасною, открытою физиономиею и удивительным органом. Жесты его, движения, игра физиономии, интонации совершенно соответствовали и доказывали, что он глубоко изучил свое искусство и возвышался чувством и разумом до тех характеров, которые изображал. Особенно он хорош был в высокой драме, в «Макбете», в «Отелло» Шекспира, в ролях, созданных Шекспиром, и в некоторых национальных трагедиях и драмах. Веровский исторгал слезы и приводил в содрогание. Игра его была умная и спокойная, и в сценах сильных страстей он сам пылал и воспламенял зрителей, но не кричал, не ревел и не топал ногами, сохраняя всегда благородство поз и достоинство героя. Веровский, уроженец западных губерний, говорил прекрасно по-русски и даже играл в Киеве и в Витебске в труппе странствующих русских актеров. Его приглашали в Петербург, но он, зная любовь публики к знаменитому тогда трагическому актеру Яковлеву, боялся его соперничества. Первая

трагическая актриса Ледуховская (графиня), поступившая на сцену по непреодолимой страсти к драматическому искусству, была, по моему мнению, гораздо выше знаменитых французских актрис Жорж и Дюшенуа. Прекрасный рост, правильные, выразительные черты лица, трогательный, доходивши до сердца голос, благородство приемов, удивительный, необъяснимый взгляд, проникавший в душу зрителя, способствовали тем волшебным эффектам, которые Ледуховская производила своей чудной игрой. Ледуховская была превосходная актриса во всех трагических ролях, но в «*Мак-бете*», в сцене лунатизма – она была выше всего, что можно себе представить в воображении. Шекспир никогда, вероятно, не думал, чтоб изобретенная им сцена производила такое впечатление. Я сам был свидетелем, что женщины в ложах падали в обморок, когда Ледуховская разыгрывала эту сцену.

Дмушевский прекрасный актер в драме, и особенно в благородной комедии, был в то же время и отличным литератором. Он основал газету «*Курьер Варшавский*» (*Kurierek Warszawski*), которая и поныне существует. Жулковский – комик, по моему мнению, выше тогдашних французских комиков Брюне и Потие, был также остроумным литератором, и по большей части сам сочинял или составлял пьесы для своего бенефиса. Лишь только он выходил на сцену, в зале раздавался хохот. Остроты и эпиграммы Жулковского заключали в себе глубокий смысл, смешили, и в то же вре-

мя давали пищу разуму. Он издавал в неопределенное время листки под заглавием "*Мому*", заключающие в себе собрание острых слов и эпиграмм. Кроме того, служитель Жулковского по имени Новицкий, разносил по трактирам и кофейням писанные листы «*Момуса*», читал их вслух, и получал за это добровольные приношения от слушателей. Этими листами Жулковский платил Новицкому за службу. Писанный «*Момус*» состоял по большей части из эпиграмм на известные чем бы то ни было лица в Варшаве – но эти эпиграммы и были в таком роде, что никто ими не обижался. Жулковский шутил также над собою и над ревностью своей жены, выдумывал презабавные анекдоты на разные лица – и все это было так смешно, так остро, что самый серьезный человек не мог удержаться от смеха. Лишь только Новицкий появлялся в зале – наступала тишина и все окружали чтеца, а если сидели за общим столом, то прекращали обед или ужин, чтоб слушать чтение.

Госпожа Ашпергер, полька, замужем за немцем, прекрасно играла в оперетках и в водевилях и сама была прелестная. Я видел два раза на сцене старика Богуславского, создателя польского театра при последнем короле Станиславе Августе Понятовском. Богуславский был и драматический народный писатель и актер – истинный гений и в литературе и на сцене. Драматические его сочинения и переводы напечатаны в нескольких томах. Народная пьеса его "*Краковяки и горцы*" (*Krakowiaki i gurgale*), с танцами и песнями на народ-

ные напевы никогда не состарится. Эту пьесу польские актеры давали раз двадцать в Петербурге с величайшим успехом. Богуславский был уже очень стар, когда я видел его на сцене, но игра его произвела удивительный эффект.

Бедность и нужда были внутри края, но в Варшаве веселились. Кроме публичных забав во всех частных домах давали обеды, вечера, балы, на которых, разумеется, первые роли играли офицеры, потому что вся молодежь была на военной службе. Для меня открыты были двери во все первые дома – и, признаюсь, это было райское время для меня. Но у меня был в Варшаве ментор, аббат Швейковский, угрюмый, серьезный, богатый и скупой старик, который по праву родства не давал мне покоя, упрекал в бездействии, осуждал пристрастие мое к светской жизни и настаивал, чтоб я вступил на какое-нибудь поприще деятельности. Надобно было повиноваться.

В Варшаве я нашел двух старых товарищей, бывшего ротмистра в Уланском его высочества полку Боржемского и бывшего корнета того же полка Дембовского, уроженцев Волынской губернии. Оба они служили подполковниками в гусарских полках, которых было два в войске герцогства Варшавского, один серебряный, другой золотой. Отыскал я также и похитителя прекрасной жидовки, капитана, и нескольких родственников. Посредством их познакомился я со многими офицерами полков, стоявших в Варшаве и в окрестностях, – и по совету старых товарищей и новых при-

ятелей наконец явился с письмом графа Тышкевича к князю Иосифу Понятовскому, главнокомандующему польским войском и военному министру. В первый раз явился я к нему в приемный день. В зале было множество офицеров и разных просителей, в том числе и несколько женщин. Князь сперва подошел к женщинам, выслушал каждую, принял бумаги и обещал скорый ответ. Потом обошел по очереди всех бывших в зале. Вручив ему письмо и записку о себе, я сказал только: от референдария литовского графа Тышкевича. Князь прочел письмо, сказал мне несколько вежливостей, спросил о здоровье графа и пригласил на другой день к обеду, примолвив, что подумает, что можно будет для меня сделать.

Князю Понятовскому было тогда сорок семь лет от рождения (родился в 1763 году); но на вид он казался моложе, потому что он чернил волосы. Он был красавец и молодец, в полном смысле этих слов – прекрасный, ловкий, статный мужчина. Лицо его выражало необыкновенную доброту душевную и в глазах были что-то привлекающее. Он уже дал блистательные доказательства личной храбрости и познаний военного искусства в войнах до разделения Польши и в 1809 году. Он начал свое военное поприще в австрийском войске и на двадцать шестом году от рождения уже был фельдмаршал-лейтенантом (то же, что у нас генерал-лейтенант). При начале первой французской революции в 1789 году он призван был дядею своим, королем Станиславом Ав-

густом в Польшу и был главнокомандующим польского войска в войне 1792 года, но, находя сопротивление в бестолковом сейме, он оставил службу и удалился из отечества. В 1794 году он возвратился в Польшу и командовал дивизией под главным начальством Костюшки. После уничтожения политического существования Польши князь Иосиф Понятовский снова удалился из отечества с другими членами бывшей королевской фамилии. Брат его, князь Станислав, поселился навсегда во Флоренции, и впоследствии вступил в подданство герцогства Тосканского, а князь Иосиф путешествовал по Европе и отказался от вступления во французскую службу, хотя ему и предлагали чин генерала дивизии (то же что генерал-лейтенант). Когда же Наполеон занял прусскую Польшу и устроил в ней временное правление в 1806 году, князь Иосиф Понятовский возвратился в отечество, принял звание высшего министра и сформировал войско, над которым ему вверено главное начальство. Князь Понятовский был человек умный, образованный и притом искусный полководец. Доброта его и щедрость были беспредельные. Можно сказать, что он был идолом Польши, войска и народа. Во всей Западной Европе его называли польским Баярдом: рыцарем без страха и упрека (*sans peur et sans reproche*). Он имел одну, впрочем рыцарскую слабость, свойственную многим героям, а именно: он был страстный любитель прекрасного пола, и притом разборчив только в красоте, а не в звании женщин. Несколько раз князю Иосифу По-

нятовскому предлагали блистательные партии, и он мог бы породниться с владетельными фамилиями, но он всегда отвечал одно: что чувствует себя не в силах сохранить супружескую верность и потому отказывается от женитьбы, зная по опыту, что все женщины более или менее ревнивы. На основании этого правила он всю жизнь остался холостяком и волокитой. Князь Иосиф имел богатые поместья, но огромные доходы его были недостаточны для удовлетворения всех его потребностей, из которых главную составляла благотворительность. Бедным, истинно нуждающимся он отдавал последнее и потому часто бывал без денег и принужден был занимать. Он знал и любил службу и при всем своем добродушии строго соблюдал ее.

В пять часов пополудни явился я к обеду. За столом было несколько генералов, штаб- и обер-офицеров, чиновников высшего министерства и два министра, Матушевич и Выбицкий. Всего было человек двадцать. Князь по старинному обычаю представил меня каждому гостю и назвал мне каждого гостя. Это означало, что все мы были знакомые между собою по дому князя Понятовского. За столом князь расспрашивал меня о Финляндской войне и с величайшим вниманием и любопытством слушал рассказ мой о подвигах графа К.М.Каменского и о переходе Баркляя-де-Толли по льду через пролив Кваркен в Швецию. Я старался сокращать рассказ, но князь расспрашивал о подробностях, и мы оттого просидели лишний час за столом. Другие собеседники, как

мне казалось, также слушали меня со вниманием и даже с некоторым удивлением, похожим на недоверчивость, хотя я говорил сушную правду. Князь превозносил храбрость, стойкость, терпение русского солдата и превосходную дисциплину русского войска и повторял слова Наполеона, сказанные после сражения под Фридландом, что: "Русских можно перебить (или разгромить), но победить нельзя".

После обеда все мы перешли в так называемую турецкую комнату или диванную, где охотникам подали трубки. Я почел неприличным курить, находясь в первый раз в гостях у такого вельможи. Курили только старики. Зашла речь о жидках. Князь Иосиф Понятовский защищал их, и старый генерал Заиончек заметил с улыбкой, что гораздо легче защищать жидовок, нежели жидов. Князь понял намек и засмеялся, сказав, что верно генерал Заиончек вспомнил о польском короле Казимире Великом, который из любви к жидовке Эстерке, покровительствовал жидам. Когда дошло до военнотружущих из жидов, генерал Заиончек сказал, что даже лучшие офицеры из жидов не могут отстать от торгашества и от привычки отдавать деньги в рост. В пример противного, князь назвал подполковника Берко, или Берковича, сказав, что это был истинный герой. Я спросил у одного из офицеров, кто этот иерусалимский герой, и узнал, что это был жид, который формировал жидовский легион в Варшаве в 1794 году; потом служил в Итальянско-польском легионе и во французской службе, дослужился до капитанского чина,

был произведен в подполковники в Конно-егерском полку, когда сформировано польское войско в 1807 году; отличился в кампании 1809 года против австрийцев и убит в том самом городе, в котором родился, в Коцке на реке Вепре. Он расположился на ночлег с двумя эскадронами, созвал всех своих родных и задал им пир, не предвидя никакой опасности. Несколько эскадронов венгерских гусар перешли вплавь через реку, обогнули метечко (то есть городишко) и напали ночью врасплох на беспечных поляков. Полковник Берко успел собрать с сотню своих егерей и пошел напробой. Дрались с обеих сторон отчаянно и Берку изрубили, как говорится, в куски. Жиды похоронили его за городом с великими почестями и над его могилой насыпали высокий курган, который, вероятно, и до сих пор существует.

Берко, как я мог заключить из всех рассказов о нем, принадлежал к весьма редким явлениям в еврейском мире. С необыкновенною храбростью Берко соединял в себе редкое чистосердечие, бескорыстие и добродушие. Храбры были и древние евреи во время войн Веспасияна и Тита, но чистосердечием и бескорыстием они никогда не отличались. Берко не получил школьного образования, но, имея природный ум, как говорится, понатерся между людьми, и в обществах был, как и все другие. Офицеры и солдаты уважали и любили его. Он твердо придерживался Моисеева закона касательно главных пунктов веры, но ел все, не разбирая; что трэф, что кошер, не употребляя, однако ж, в пищу мяса животных, за-

прещенного Моисеем.

Князь Понятовский сказал мне, чтоб насчет службы я отнесся к полковнику Раутенштрауху, управлявшему, кажется, всеми письменными делами и всем механизмом Военного министерства, примолвив, что ему даны уже на этот счет приказания. Прощаясь со мною, князь пригласил меня к себе на воскресенье в концерт; – помню, что в первый раз обедал я у князя в четверг.

На другой день я явился в канцелярию к полковнику Раутенштрауху. Он известен был точностью по службе, знанием дела и холодностью в обращении. Он принял меня сухо и сказал, что в конце будущей недели даст мне решительный ответ.

В концерте у князя Понятовского собран был весь *большой свет* Варшавы и можно сказать всей Польши, потому что все богатые фамилии и почти вся старинная аристократия проживала в Варшаве от конца осени до весны. Красавиц было множество. Тогда введено было в моду говорить в обществах не иначе, как природным языком. По-французски говорили только с французами. Все комнаты наполнены были гостями, и в большой зале играли кантату композиции, помнится, капельмейстера Эльснера на слова Немцевича. По другим комнатам составились группы. Я пристал к одной группе, в которой один офицер, прибывший на укомплектование полков, находившихся в Испании, рассказывал о кровавых битвах, нравах испанцев, красоте испанок и тому

подобное. Меня это воспламеняло.

Когда я явился к Раутенштрауху, он сказал мне, что при всем своем желании исполнить приказание князя он не может отыскать для меня места. "После кампании 1809 года, – сказал он мне, – более пятисот человек унтер-офицеров, дворян, имеют первое право на занятие офицерских вакансий, и все сражавшиеся в рядах польских ждут производства в высший чин по очереди. Если б вы прибыли к нам до кампании, когда мы нуждались в опытных офицерах, бывших уже в огне, то вас бы немедленно приняли высшим чином. Товарищ ваш Дембовский принят прямо капитаном и заслужил чин подполковника на поле сражения. Кроме того, из полков, находящихся в Испании, и из польской гвардий Наполеона нам беспрестанно присылают списки кандидатов на офицерские места. Вакансии вовсе нет. Подождите! Предполагается, с января будущего года, формировать два новых полка пехоты и я надеюсь сберечь для вас место подпоручика"¹⁸⁵.

"Покорно благодарю! – отвечал я, – но для пехотной службы я не создан и беспокоить ни князя, ни вас больше не намерен", – я раскланялся и вышел, раздосадованный обманутой надеждой.

Однако ж, Раутенштраух говорил правду. Кандидатов в офицеры было на армию в 300 000 человек, а в наборе солдат

¹⁸⁵ Ни в польской, ни во французской службе не было чина прапорщика – и первый чин был подпоручик.

было большое затруднение. Бывшие в кампании 1809 года против австрийцев офицеры, как мне казалось, слишком высоко оценивали свои заслуги, и я без всякой причины нажил бы себе врагов, если б *стал многим на голову*, как говорится по-военному, то есть, если б занял высшее место. Раздумав хорошенько, я успокоился.

Многие устают от деятельности, а я всегда изнемогаю от бездействия. Мне скоро надоела эта рассеянная жизнь в Варшаве. Ни с кем не посоветовавшись и ни с кем не простясь, я взял паспорт и отправился в Париж! – С этой минуты начинаются мои странствования.

В Польше вовсе не знали тогда почтовых карет и дилижансов. Даже в просвещенной Германии дилижансы ходили только по военным дорогам между французскою границею и немецкими крепостями, занимаемыми французами или их союзниками. Почтовые немецкие коляски не на рессорах, а на пассах, экипажи предпотопной формы тяжестью своей изображали характеристику народа. Кроме того, езда на почтовых была весьма дорога. Содержатель гостиницы и трактира в Варшаве Г. Розенгартен нашел для меня место в немецкой огромной брике, нанятой немецким семейством до Бреславля, и познакомил меня немедленно с господином, который согласился дать мне место в экипаже. Это был прусский чиновник, занимавший какую-то значительную должность в Варшаве, во время прусского правительства и имевший даже собственный каменный дом, который он продал, чтоб из-

бавиться от тяжких податей. Этот прусский чиновник был женат на миловидной польке и имел пятилетнего сына. Известно, что как только полька сама не служанка, то не может обойтись без служанки, а потому и при госпоже прусской чиновнице была девушка родом из Бреславля. Я должен был заплатить четвертую часть всей цены за место впереди рядом со служанкой. Фурман был силезец родом, и имел превосходную четверку огромных лошадей мекленбургской породы. Запасшись съестным на дорогу, мы отправились в путь на Лович, Калиш и переехали границу тогдашнего герцогства Варшавского в Раве. — Мы ехали везде ровной рысцей и делали верст по пятидесяти и по шестидесяти в сутки.

В пределах герцогства Варшавского спутник мой был молчалив, и если говорил, то о предметах вовсе незначительных. Но когда мы въехали в Силезию, то на первом ночлеге он, как говорится, отвел душу бранью против Наполеона и всех народов, подвластных ему или союзных с ним, превознося только англичан и испанцев, заклятых его врагов. Спутник мой имел весьма основательные причины к гневу, как пруссак и как чиновник, лишившийся выгодного места, и я решился не входить с ним в спор. Но как бранные речи его продолжались непрерывно и постепенно становились колкими, вероятно, от моего терпения, то я на третий день заметил ему, что он поступает со мной весьма не деликатно, заставляя меня выслушивать его суждения, не справившись, приятно ли мне это, или досадно, примолвив, что он, гос-

подин прусский чиновник, прожив девять лет в Польше, составив в ней порядочное состояние, как мне говорено было в Варшаве, и удостоив польскую нацию чести избранием в ней супруги, должен быть снисходительнее к другим народам. Немец взбесился, и, может быть, между нами дошло бы до неприятностей, если б ловкая полька, жена моего противника, нежными взглядами и сахарными словами не потушила моего гнева. Я ограничился тем, что на глазах немца осмотрел мои пистолеты, и переменял порох на полках, сказав немцу: "Вот неопровержимая логика!" С этой поры немец замолчал и до самого Бреславля не промолвил со мной слова.

Простой народ в Силезии, как известно, говорит по-славянски; на востоке – польским наречием, на западе – лужицким, или, как немцы называют, вендским. Городские жители онемчали, но у мещан-туземцев сохранилась в душе привязанность к славянским племенам. Замечательно, что в городах силезских весьма много скорняков и что на их вывесках везде намалеван человек в старопольском контуше, в меховой шапке и эпанче на меху, а подписи на вывеске по-немецки и по-польски. Лучшие дворянские фамилии славянского происхождения, хотя переродились в немцев, – множество фамилий имеют окончание на ий, ов и ич. Наш забалканский герой, русский граф Дибич, принадлежит также к древнему славянскому дворянству в Силезии. Известный писатель Князь Пюклер-Мускау происходит из лужицких славян-

ских князей. Силезское славянское дворянство дало Пруссии и Австрии много отличных генералов, государственных мужей, ученых и писателей. Множество знатных фамилий даже владетельных домов во всей Германии или происходят от силезских удельных князей, или находились с ними в родстве. Силезское дворянство весьма древнее, заслуженное и блистательное в истории.

Силезию в древности населяли германские племена. В конце переселения народов, в VI веке по Р.Х., этой страной овладели славяне-кροаты, или хробаты¹⁸⁶, и основали сильное государство под именем королевства Моравского, в состав которого входили: Велико-Польша, Моравия и Богемия. В X-м веке венгры, или мадьяры, вместе с немцами разрушили это государство, в котором польский герцог Мечислав ввел христианство.

Силезия не называлась тогда нынешним своим именем. Населявшие ее славяне имели местные названия: слазаны в окрестностях Бреслава, Бригга до реки Одера; кροаты в Верхней Силезии; бобораны в окрестностях Бобра; Требованы в лесах, в местах, где ныне Примко, Клича (Klitschdorf), и коценау (коченов); дидизяне, между городом Глогау (Глогова) и Лузацией – Имя Силезии появляется в летописях впервые в 1000-м году. По разрушении Моравского царства Силезия досталась Польше. С 1136-го года начались в Силе-

¹⁸⁶ Название кροатов, хробатов, или без всякого сомнения, происходит от названия Карпатских гор, или Крепаков (Krepakow), т. е. твердых, крепких.

зии уделы для князей из царствовавшего в Польше рода Пиястов, а в 1525-м году Силезия присягнула на подданство Фердинанду 1-му, эрцгерцогу австрийскому, избранному королю Богемии и Венгрии. – Ненависть славян к венграм весьма древняя. Поддаваясь Австрии, силезцы положили условием, чтоб их страна никогда не была соединена с Венгрией, но составляла одно целое с родственною Богемиею. В 1742-м году лучшая часть Силезии досталась Пруссии, после Семилетней войны. – Взаимная ненависть католиков и протестантов была главною причиною всегдашних раздоров между жителями Силезии и споспешествовала Фридриху Великому при завоевании страны.

Земли в Силезии хорошо обработаны, мызы красивые, города небольшие (исключая Бреславль), но чистые и хорошо застроенные. Крестьяне тогда были крепостные в Силезии, как в Дании, Венгрии и во многих странах Германии. Если между славянами и немцами не было явной ненависти, то с обеих сторон господствовало недоброхотство. Немцы, даже мелкие ремесленники и слуги, почитали себя выше славян, и славяне, повинувась силе и власти, никак не хотели признать в немцах нравственного превосходства. Желая приобрести доверенность и дружеское расположение силезского крестьянина, надлежало говорить с ним его языком. Большая часть славянских жителей Силезии, особенно женщины, вовсе даже тогда не понимали по-немецки, хотя и должны были слушать немецкие проповеди в протестантских церк-

вах. Псалмы пели они на своем языке. – В деревенских школах, в некоторых господских и во всех казенных имениях обучали крестьянских детей немецкому языку, и давали даже премии лучшим ученикам, но все же не могли заставить забыть языка природного. – С весьма малыми исключениями чиновники в славянских странах, покоренных Австрией) и Пруссией, были немцы, потому что немецкий язык был официальный, и все дела производились на немецком языке, следовательно, и чиновники должны были быть немцы. Но вообще они не отличались бескорыстием, напротив, искали всех случаев к своему обогащению за счет жителей. До сих пор существует в Польше, в Силезии, Моравии и Богемии множество поговорок и песен насчет корыстолюбия немецких чиновников. Разумеется, что они ехали на чужбину с единственной целью обогащения, чтоб провести приятно остаток жизни на родине. Но влияние немцев, издавна поселившихся между славянскими племенами, было благодетельно для сих последних. В этом мы должны сознаться из уважения к истине. Наше славянское племя имеет столько похвальных качеств, что нам не стыдно сознаваться в наших недостатках. О всех славянских племенах вообще (разумеется, исключая некоторые семейства из высшего сословия), населяющих пространство от Балтийского моря до Адриатического и от Камчатки до реки Эльбы и гор Тирольских, можно сказать то же, что сказал Грибоедов в шутку (в "Горе от ума") о москвичах:

От головы до пяток

На всех славянах есть особый отпечаток.

Добродушные, щедрые, гостеприимные, великодушные¹⁸⁷, весельчаки и краснобаи, – славяне мало заботятся о будущем, ведут все свои дела и исполняют все работы наудачу (на авось), легковерны и воспламенительны (особенно южные и западные славяне), любят более блеск и пышность, нежели чистоту, при недостатке терпят нужду со стоической твердостью, но во всем, утруждающем мысль, требующем точности, – нетерпеливы до крайности. Славянская стихия – война!

Во всей южной и западной славянщине города по большей части населяют немцы, или, правильнее сказать, немцы устроили в славянских землях порядочные города, и подали собой примеры точности в делах и работах, бережливости, воздержания, чистоты и порядка. Торговая промышленность и ремесла введены немцами между южными и западными славянами. Несправедливо было бы упрекать немцев за то, что они, пользуясь своими преимуществами, обогащаются, живя между славянами. Жида живут обманами, а немцы честным трудом, и не мешают славянам наживаться тем же путем. Что сказано было о немецких чиновниках, того никак не должно применять к промышленному немец-

¹⁸⁷ Поговорка: «Лежачего не бьют».

кому сословию.

Но зато немцы, или германцы, были *тогда* совершенно другой народ на всем пространстве Германии. В сорок с небольшим лет немцы совершенно переродились, т. е. новое поколение отдалилось настолько же от дедов своих, на сколько деды были далеки от той эпохи, которую описывал Тацит. *Viderkeit, Redlichkeit* – это коренные германские добродетели, выродившиеся в крови народа, и вместе с тем коренные *непереводимые* немецкие слова. У нас оба эти слова переводятся одним словом: честность. Французы переводят эти слова: *ГпоппеЧегё* (честность), *Г'integrite* (праводушие), *la probie* (тож), *sincerite* (искренность), *droiture* (прямодушие), *bonne foie* (тож).

Можно смело сказать, что три четверти всего германского народонаселения обладали тогда этими добродетелями, были набожны, трудолюбивы в высшей степени, бережливы, воздержанны и скромны. Святость присяги и верность своему государю были непоколебимы в сердце германца, и в то же время просвещение и образованность были сильно развиты повсюду, особенно в средней Германии. Благосостояние и достаток были разлиты повсюду. Огромные богатства были редки, но зато не было нигде нищеты. Благословение Божие поддерживало добрый германский народ в самых трудных обстоятельствах.

Нашествие французов поколебало несколько чистоту германских нравов. По старинному обычаю, немцы среднего со-

словия проводят вечера в своих клубах вроде наших биргерклубов, и пивных шинках (Bierschenke), оставляя дома жен и детей. Ни в какой стране в мире женщины не читают столько романов, как в Германии. В каждом городишке есть непременно библиотека, из которой за весьма низкую цену получают для прочтения все новые книги. Немки из среднего сословия днем занимались домашним хозяйством, а вечером сходились по очереди у одной из приятельниц, и одна из них читала, а прочие слушали, занимались своим рукоделием, ахали и утирали слезы. Каждый колпак, связанный женою для мужа, верно был несколько раз орошен слезами чувствительности! Голова немок набита была романическими идеями, и у каждой из них, верно, был идеальный герой, которого искало разнеженное сердце и разогретое воображение. Нахлынули французы, веселые, блистательные, ловкие, ласковые, – воображение вспыхнуло, и сердца немок растаяли. Начались романы в натуре! Между немецкими женщинами Шарлотт было множество, но между французскими офицерами не нашлось ни одного Вертера!

В народе не было ни одной политической идеи до 1807 года, т. е. до унижения Пруссии Наполеоном. Советуем всем любознательным людям прочесть краткое, но глубоко-мысленное сочинение графа Сергея Семеновича Уварова: "Штейн и Поццо ди Борго"¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Сочинение написано по-французски, переведено на русский язык профессором русской словесности в Дерптском университете М.Н.Розбергом, напеча-

Читатель увидит, что первая идея о единстве Германии возникла в голове прусского министра барона Штейна, намеревавшегося соединенными силами всего германского народа ниспровергнуть власть Наполеона, возвратить Пруссии ее самостоятельность и дать ей новые силы, поставив во главе всех протестантских германских государств. Для распространения своих идей в народе Штейн поддерживал сильно тайное общество Tugend-bund, т. е. Добродетельный союз, учредившийся в Германии для противодействия Наполеону и для возбуждения в низших сословиях народа германского патриотизма, и старался притом об уравнивании в правах с дворянами среднего сословия изданием закона, по которому всем жителям государства открыты были пути к службе и все места по выдержании экзамена каждым искателем места для доказательства способностей и образованности. Эти избранные люди из среднего сословия должны были в нем распространять идеи, порожденные Штейном о единстве Германии и освобождении ее от чужеземного влияния. Но главными движителями новой пропаганды Штейн избрал германские университеты, которые издревле были в Германии то же, что сердце и мозг в человеке. Университетам, состоявшим в тесной связи с писателями, книгопродавцами и всем, что только принадлежит или прикасается к просвещению, поручено было посеять и возрастить в народе ненависть не только к чужеземному владычеству, но даже к влиянию,

и распространить мысль о единстве Германии. Все германские правительства пристали к этому плану Штейна, и если явно не покровительствовали Тугендбунду, то терпели его и помогали его членам укрываться от французской полиции. Даже осторожная и благоразумная Австрия по убеждению тогдашнего министра графа Стадиона (давно уже умершего) позволяла Тугендбунду действовать против общего врага.

Важную политическую ошибку сделал умный Штейн, поручив частным людям всех сословий в общем составе тайного общества, пеших всеми зависящими от них средствами о преобразовании Германии, дав силу этому тайному обществу и представив в будущем неудобноисполнимые и даже невозможные планы! Профессора, до тех пор известные только в ученом кругу, каковы, например, Ян и Геррес, превратились в самых горячих демагогов. Писатели и поэты принялись провозглашать новые германские идеи, в различных видах. Самый остроумный и самый пламенный глашатай новых идей был Арндт и самые пламенные поэты Тугендбунда были Ульман и Кернер. В самое скорое время идеи Штейна укоренились и расцвели в Германии, и все новое поколение, так сказать, всосало в кровь свою новые правила. Все заговорило о политике, о народности, о будущей блистательной судьбе Германии – а к чему привело это перевоспитание немцев и соблазвившие их льстивые обещания, это показал 1848 год!

Тайное общество "Тугендбунд" не принесло никакой су-

щественной пользы, как не может быть полезным никакое общество, действующее во мраке. Если Тугендбунд доставил несколько тысяч молодых людей германским войскам в 1813 и 1814 годах, то это не великая помощь. Помогла Германии к освобождению от власти Наполеона русская армия, и при содействии России вовсе не нужно было этого школьного энтузиазма. Поселяне и граждане немецкие и без патриотических песен и высокопарных возгласов пошли бы на бран, по призыву своих правительств. Напротив, толпы охотников и студентов, взявшихся за оружие, более повредили войскам ослаблением в них военной дисциплины и распространением демагогических правил, нежели помогли своею храбростью в боях. Пруссаки столь же хорошо дрались при Фридрихе Великом под звуки Дессауского марша¹⁸⁹, как при пении патриотических песен Кернера. Что внушали юношеству тогдашние его коноводы, это можно видеть теперь по духу главного из них бывшего профессора Яна (Jahn), который в престарелых годах вылез из норы своей в прошлом году, и в франкфуртском собрании немецких депутатов горланит, провозглашая те же разрушительные правила, которые распевали за сорок лет пред сим. Повторяю: крайне ошиблись тогдашние политики, дав учебным и ученым заведениям политическое направление. Даже науки и обществен-

¹⁸⁹ В Семилетнюю войну во всей прусской армий играли Дессауский марш, сочиненный, как гласит предание, герцогиней Дессаускою. Этот марш играли и в русской армии при Петре III и при императоре Павле Петровиче.

ность сильно пострадали от этого политического направления. В университетах и высших училищах терпели ленивцев, негодяев, развратников, провозглашавших себя ревностными германскими патриотами и имевших влияние на юношество. Главы тайного общества заботились более об умножении числа своих адептов, нежели об их уме и нравственности, и буйство принимали за мужество!!! После, низвержения Наполеона и освобождения Германии от всякого чужеземного влияния правительства увидели опасность и старались восстановить прежнее спокойствие в германском народе, но уже не могли усмирить взволнованных умов и разъяренных страстей. С Венского конгресса пламя тайлось под пеплом, но демагогическая пропаганда беспрерывно раздувала пламя – и наконец при первом случае пожар вспыхнул. Восстали в Германии враги, вреднее и опаснее Наполеона!...

Наполеон, усмиривший революцию во Франции и заставивший самый буйный народ повиноваться своей воле, часто повторял: "Tout pour le peuple, rien par le peuple"¹⁹⁰.

Теперь все благомыслящие люди вспоминают о Наполеоне!

Кроме тайного политического общества, т. е. Тугендбунда, Германию отравили религиозный мистицизм, и так называемая трансцендентальная немецкая философия. Мисти-

¹⁹⁰ Эту фразу нельзя перевести буквально. Она означает, что все должно делать для блага народа, но не должно допускать, чтоб народ сам, противу воли правительства действовал в той же цели, потому что он всегда будет обманут хитрецами и пройдохами, и вместо добра найдет зло. Теперь это ясно доказано.

цизм произвольным и ложным толкованием священного писания приготовил слабые умы к коммунизму и породил раздоры между людьми, исповедующими одну веру, а трансцендентальная философия, которой представителями были Шеллинг и Гегель, водворили безверие. Шеллинг, человек добродушный, увлеченный умствованиями за пределы, назначенные рассудку, наконец раскаялся и с кафедры стал провозглашать ученье, ниспровергающее прежние его идеи; но Гегель, хитрый, вкрадчивый и уклончивый, до конца жизни своей умел прикрывать свое ученье покровом благонамеренности и даже пользовался особенною милостью покойного короля прусского, истинного христианина. Дошло до того в Пруссии, что ни один ученый не мог занять место профессора или старшего учителя, если не был гегелистом, т. е. приверженцем системы Гегеля, а эта система ничем не отличается от системы Спинозы, как только умышленной запутанностью изложения. Гегель возобновил забытую секту пантеизма, столь же противную деизму, как и христианству. Философическая система Шеллинга вела к сомнению, а система Гегеля уничтожала самобытность отдельных существ и частей Вселенной, сливая все в одно целое! По счастью, в самой Германии немногие понимали существо и тайную цель философа Гегеля, хотя волею-неволею каждый прославлял систему. Вне Германии превозносили Гегеля и Шеллинга из тщеславия и фанфаронства, чтоб прослыть учеными, и люди, которые не знали настолько немецкого

языка, чтоб понимать немецкий водевиль, толковали печатно и изуточно о немецкой философии по нескольким тетрадкам (compendium), вывозимым из Германии! Но в Германии были толкователи, изучившие основательно эти философские системы под руководством самих основателей, и эти-то толкователи, заглушая в умах и сердцах все предания, все прежние связи с гражданским обществом, посеяли и развили в новом поколении дух безверия и дикой независимости, породивший правила, проповедуемые ныне так называемой *красною республикою*.

Характер настоящего француза-веселость, легкомыслие, остроумие и легкое фанфаронство, иногда даже приятное, когда соединено с умом. Из фанфаронства француз бросится на пушки и отдаст последние деньги. Характер истинного германца степенность и скромность. Ничего нет несноснее, обременительнее, и притом ничего нет реже, как глупый, тяжелый француз, а во сто раз хуже, скажу омерзительнее, как немецкий фанфарон, подражающий французской легкости и остроумию. Этот новый немецкий характер свил себе гнездо и вывел детенышей в Берлине, в котором с 1806 года был центр французских войск, наводнявших Германию. Берлинская молодежь, военные и статские, дворяне и бюргеры, подражали французам и корчили каких-то театральных героев! В Берлине не было тогда университета. В германских университетах, напротив, господствовал какой-то мрачный, злобный дух, рождавший политико-мистических фанатиков,

каковы: Штабе (Stabs), посягнувший на жизнь Наполеона в Шенбрюнне в 1809 году, и Занд, умертвивший знаменитого Коцебу, действовавшего против тайных обществ в духе примирения с волею германских правительств. Казни патриота Гофера, начальника тирольских инсургентов, Пальма, книгопродавца, одиннадцати офицеров из отряда волонтеров прусского майора Шилля, несчастный Пресбургский мир и проч., питали дух мести и злобы в Германии. Фанфароны кричали за углом, хвастали и бодрились, а питомцы тайных обществ угрюмо ждали поры, умножали число своих членов, укореняя в них фанатическую любовь к идеальной Тевтонии, т. е. соединенной и свободной Германии! Впоследствии я расскажу, каким образом я узнал тогда же о духе, распространяемом Тугендбундом, а теперь скажу только, что в тогдешнее время весьма опасно было чужеземцу путешествовать одному по Германии, если он не провозгласил себя заклятым врагом Наполеона и приверженцем идеальной Тевтонии. Все, что я говорю теперь о тогдешней Германии, есть вывод всех моих соображений впоследствии времени, а не результат первого взгляда.

В Бреславле я остановился в трактире, намереваясь прожить несколько дней в этом городе. На четвертый день после моего прибытия в этот город, я получил записку от моей спутницы, польки, на польском языке, которая назначила мне тайное свидание в самой пустой части города. Редкий молодой человек не увлекается тщеславием! Я вообразил се-

бе, что мне назначают rendez-vous, т. е. любовное свидание, и, принарядившись, явился в назначенный час (9 часов вечера) в назначенное место, на углу какого-то узкого переулка.

Я простоял с полчаса и в нетерпении хотел уже возвратиться на квартиру, как подошел ко мне человек, плохо одетый, и спросил по-польски: я ли тот приезжий из Варшавы, которого письмом пригласили явиться на это место. На мой утвердительный ответ, он просил меня следовать за ним, повернул в другой переулок и ввел в дом. На третьем этаже, в первой комнате без передней я увидел мою миловидную спутницу, жену бывшего прусского чиновника в Варшаве и при ней хозяйку квартиры. Признаюсь, я не нашелся и не знал, как начать разговор. Миловидная моя спутница вывела меня из затруднительного положения, хотя не весьма приятным образом. Со свободною, свойственной полякам, она сказала мне, улыбаясь: "Вы услышите от меня признание в любви... — . тут она остановилась, и после короткой паузы, при-молвила к нашему народу! Уезжайте отсюда скорее! Муж мой, враг всего ненемецкого, вероятно, за исключением женщин, потому что женился на мне, вообразил себе, что вы предприняли путешествие по Германии с какой-нибудь политической целью. Эту мысль возбудил в нем рассказ нашего варшавского хозяина квартиры, Розенгартена, что вы были приняты у князя Иосифа Понятовского. Здешние немцы не доверяют славянскому народонаселению Силезии, и верят, что к ним подсылают тайных агентов. Как вы человек неслу-

жащий, то с вами могут сыграть здесь плохую шутку, не боясь никакой ответственности пред французским правительством, которое одно здесь страшно. Советую вам и прошу вас уехать поскорее отсюда для избежания неприятностей, а может быть, и опасности. Здешние студенты дерзки и притом политические фанатики; прусские офицеры также довольно буйны, а полиция не защитит вас..."

Военная кровь во мне взволновалась и вспыхнула, и я прервал речь моей доброжелательницы словами, которые не хочу повторять, чтоб не показаться хвастуном. Дело кончилось, однако ж, тем, что она убедила меня выехать немедленно из Бреславля и не обедать до выезда за общим столом в трактире. Взяв с меня слово, что исполню обещанное, добрая моя землячка простилась со мной, приказав хозяйну квартиры (столярному подмастерью у немецкого мастера) проводить меня домой. Искренно и душевно поблагодарил я мою землячку за бескорыстное попечение обо мне.

На другое утро я взял мой паспорт из полиции и поручил трактирному слуге найти мне место в каком бы то ни было экипаже, отправляющемся внутрь Германии по пути к Рейну, преимущественно же в Дрезден. На третий день я уже был на пути в Дрезден в огромной фуре, в которой находилось двенадцать человек путешественников.

В Дрездене в то время проживало много поляков не только из герцогства Варшавского, но даже и из России. Они были в Дрездене, как дома. В Дрезденском кадетском корпусе

воспитывались дети многих помещиков герцогства Варшавского. В Hotel de Pologne, где я остановился, я нашел одного знакомого мне помещика из Минской губернии, приехавшего в Дрезден накануне по делам князя Доминика Радзивилла. Этот радзивилловский агент, или поверенный, сказал мне, что один из моих родственников, также занимавшийся делами князя Доминика Радзивилла находится теперь в Гамбурге для ликвидации долга, оставшегося после несостоятельного варшавского банкира (не помню его названия). Это возбудило во мне желание ехать в Гамбург, занимаемый тогда французским гарнизоном, и оттуда уже отправиться в Париж. Но, как мне надлежало быть весьма бережливым, я стал справляться, как можно самым дешевым образом добраться до Гамбурга. Хозяин трактира сказал мне, что через два дня отправляется по Эльбе небольшое судно в Гамбург с изделиями чулочной фабрики и что я могу, за весьма дешевую цену, получить место на этой барке. В тот же день я осмотрел барку и нашел для себя весьма покойный уголок в дощатой каюте, и так заплатив всего семь талеров, я занял место.

Вечером, накануне моего отъезда, явился ко мне молодой человек родом из Берлина с просьбой взять его с собою во Францию. Он объявил мне, что не требует никакого жалования, и будет служить мне верно и усердно за то только, чтоб я его кормил и платил за переезд. Военные люди вообще избалованы насчет прислуги, имея всегда добрых и усердных лю-

дей, готовых им услуживать, и мне весьма было тяжело путешествовать без служителя. Он имел правильный паспорт и хорошее свидетельство от цеха портных, к которому принадлежал. Роберт (его имя) сказал мне напрямик, что чувствует непреодолимую склонность к военной службе, обожает Наполеона и хочет определиться во французскую армию. Я не имел никакой причины не верить ему или сомневаться в его поведении. Тогда я не знал еще, что никогда не должно верить немецкому свидетельству, потому что немецкие хозяева и мастера выдают лучшие аттестаты самым дурным слугам и ремесленникам, чтоб надежнее сбыть их с рук и избежать мщения негодяев.

Барка была небольшая, как я уже сказал, и хотя нагружена была порядочно, но по особому устройству днища погружалась неглубоко в воду, так что мы почти везде плыли удобно, по течению, на двух больших веслах, а при попутном ветре ставили парус. К обеду и на ночлеги мы причаливали к берегу в городах или деревнях, которыми усеяны берега Эльбы. Иногда приходилось тянуть барку бечевой, и тогда я шел пешком. В Лауенбурге (в Гольштинии) хозяин товара должен был сдать его ожидавшему его в этом месте приказчику гамбургского купца для пересылки сухим путем, не помню куда. Я переселился с барки в трактир, и хозяин барки, честный немец, возвратил мне три талера, потому что он не довез меня, по условию, до Гамбурга. Я вознамерился отдохнуть день или два в Лауенбурге.

Погуляв по городу, я поужинал и лег спать. Просыпаюсь с жестокою головою болью, думаю, что еще очень рано, хочу взглянуть на часы – и не нахожу на столике, на котором положил их с вечера. Встаю, шатаюсь, как будто во хмелю, выхожу на лестницу и кличу моего служителя Роберта. Является служанка трактира и говорит мне, что он с утра понес белье к прачке и не возвращался.

– Который час? – спрашиваю я.

– Шесть часов пополудни, – отвечает мне служанка. После объяснения, оказалось, что я проспал с 10-ти часов вечера до 6-ти часов пополудни другого дня, т. е. двадцать часов сряду без просыпа! Отсутствие Роберта и исчезнувшие со стола часы возбудили во мне подозрение. Деньги в золоте носил я в чересе, и на ночь положил черес под подушки. В сильном беспокойствии возвращаюсь в комнату, поднимаю подушки – нет денег! Открываю ящик в столе, где были мои бумаги, паспорт и пр. и кошелек с расходными деньгами – все исчезло! Смотрю, в чемодане нет ни белья, ни платья! Нет больше сомнения, я ограблен, и может быть – отравлен!

Я попросил к себе хозяина и рассказал ему все, прибавив, что я чувствую себя нездоровым, как будто с хмеля, хотя ничего не пил, кроме двух небольших рюмок слабого вина. Хозяин трактира, добрый человек, какие в то время встречались на каждом шагу в Германии, принял искреннее участие в моем положении, послал немедленно за доктором и известил бургомистра о случившемся. Между тем прошло два

часа, и мой импровизированный слуга Роберт, вышедший из трактира с узлом, будто бы к прачке, не возвращался. Нельзя было сомневаться, что он, а не кто другой обокрал меня.

Явился доктор. Осмотрев меня и порасспросив, он сказал, что во мне нет никаких признаков болезни, но видны следы опьянения, и как я не пил ничего, кроме двух рюмок слабого вина, то очевидно, что мое положение есть следствие какого-нибудь наркотического вещества, которое, по счастью, я проглотил не в сильном приеме. Доктор прописал мне прохладительное лекарство, холодные ванны, смачивание головы холодною водою, и обнадежил, что на другой день я совершенно выздоровею. Бургомистр города также явился в трактир за справками в сопровождении своего секретаря. Если б я находился тогда в другом положении, то поохотал бы от сердца над комической важностью начальника города Лауенбурга. Слух о случившемся со мной с возможными преувеличениями распространился по всему городу, и на другой день трактирщик имел порядочный доход от посетителей, желавших видеть меня. Из меня сделали интересное романическое лицо, выдумали какую-то запутанную интригу и представляли меня жертвой какого-то преследования. Дамы проходили мимо моих окон, чтоб взглянуть на меня, мнимого героя выдуманной досужими языками мелодрамы. Кто знает жизнь немецких второстепенных городов, в которых ждут с таким же нетерпением новостей, как земледелец дождя в засуху, кто понимает, что такое сплет-

ни (Klatsch) в немецких городах, тот легко постигнет, какой интерес должен был возбудить в тихом Лауенбурге молодой путешественник, проспавший двадцать часов в трактире вследствие отравления!

Между тем никто не подумал о том, что этот герой сочиненного лауенбургскими сплетниками романа остался без гроша и что ему нечего было есть. Бургомистр выслал по всем дорогам извещения (Steckbriefe) о случившемся с приметам вора и исчислением всего похищенного у меня и на основании свидетельства хозяина барки, на которой я прибыл в Лауенбург, выдал мне пропускной вид, нечто в роде паспорта. При этом я должен заметить, что, переселясь в трактир, я не успел отдать моего паспорта хозяину, намереваясь исполнить это на другой день, и мой слуга похитил его вместе с портфелем, где были все мои бумаги.

Если никто не заикнулся о помощи, зато меня забросали советами. Иные советовали мне возвратиться в Дрезден, другие в Берлин, и все отговаривали ехать в Гамбург, полагая, что вор, зная эту цель моего путешествия, не мог туда отправиться, тем более что там строгая французская полиция. Напротив того, я решился отправиться в Гамбург, надеясь там найти моего родственника, а у него помощь в моем положении. У меня ничего не осталось от моего имущества, как платье, которое было на мне и гербовый перстень. Я выломал камень, на котором был вырезан герб, продал золото за двенадцать талеров, купил себе крепкие башмаки, подко-

ванные гвоздями (Wanderer-Schuhe), попросил хозяйку купить для меня пару рубах и несколько пар чулок, выкроил из куска клеенки род коротенького плащика на случай дождя и котомку, и решился на другой день пуститься в путь пешком. Утром хозяйка принесла мне небольшой узелок с бельем, и когда я спросил, что это стоит, она отвечала: ничего, и весьма ласково попросила принять это от нее на память. Отказываться было бы не кстати. Хозяин отказался от всякой платы за мои издержки в трактире, и поподчивал меня на прощанье кофеем, и я весело вышел за городские ворота, распевая известную и тогда любимую в Германии песню. "Freud euch des Lebens!" – "Драгоценная молодость".

Дорога между Лауенбургом и Бергсдорфом поворачивает вправо и пролегает в некотором отдалении от Эльбы. Страна населена во всех направлениях. Не привыкнув к пешеходству, я шел медленно и часто отдыхал. На четвертый день под вечер застиг меня на дороге проливной дождь, и я крайне обрадовался, увидев при дороге большое строение. Это была канатная фабрика. Отсюда было не более мили до Гамбурга. Я вошел в дом, и нашел на нижнем этаже несколько человек, которые жарко между собою разговаривали. На просьбу мою о позволении переночевать, один из собеседников, разумеется хозяин, отвечал, что у него нет места. Я настаивал, сказав, что готов переночевать в сарае. Хозяин после долгих расспросов, кто я, откуда и куда иду, рассмотрев мое свидетельство, данное лауенбургским бургомистром, и

удостоверюсь, что я не француз, наконец согласился, хотя неохотно. Мне дали поужинать и отвели комнату под крышею.

Ночью дождь усилился и крепко стучал в черепичную кровлю, от которой отделяли меня доски, составлявшие потолок моей комнаты. Я никак не мог уснуть. Наконец дождь перестал идти и ветер погнал быстро тучи. Я встал с моего соломенника и подошел к окну, чтоб взглянуть на небо. Луна проглянула в это время – и мне представилось... ужасное зрелище.

На дворе стояла телега, запряженная парой лошадей. Четыре человека вытащили из сарая три мертвых человеческих тела, положили на телегу, привязали к ней веревками, и потом стали накладывать на телегу сено. Я присел, чтоб меня не увидели со двора, и когда телега двинулась с места, добрался ползком до моего соломенника и прилег. Страшные мысли обуревали меня. Тут я понял, почему хозяин не хотел принять меня на ночлег, а по его расспросам догадался, что мертвые должны быть французы, потому что он настаивал, чтоб я сознался, не француз ли я. Из корысти или из народной ненависти и мщенья покусились эти люди на убийство? Кто решился на убийство трех человек, для того четвертое убийство ничего не значит. Не вздумают ли эти злодеи посягнуть на мою жизнь? Я не знал, на что решиться: бежать или остаться в доме... В обоих случаях представлялась опасность?.. Наконец я решился остаться. К утру, однако ж, на-

тура взяла свое, и я заснул богатырским сном.

Я проснулся около полудня и сошел в общую комнату, в которой вчера застал хозяина с несколькими из его товарищей. Меня встретила хозяйка и предложила кофе и завтрак, сказав, что хозяин выехал со двора по делам. Денег с меня за ночлег и пищу хозяйка не хотела взять, и я, поблагодарив ее за гостеприимство, отправился в путь.

Дорогою я размышлял о случившемся со мной. Тогда я не имел еще постоянных правил насчет обязанностей гражданина и человека, и судил о многом по-кадетски, т. е. как школьник! Должен ли я донести правительству о виденном мною или нет? Этого вопроса я никак не мог разрешить! Мне казалось постыдным заплатить за гостеприимство доносом! Да и само слово "донос" мне весьма не нравилось. Для разрешения моего недоумения по прибытии в Гамбург я отправился немедленно к католическому пастору за советом, что мне должно делать в этом случае для очищения моей совести.

Как я рассказал о виденном мною не на исповеди, а только по доверенности к священническому званию и требуя совета, то пастор взял на себя известить правительство о случившемся, сказав мне, что никакие отношения не должны препятствовать к открытию такого ужасного преступления, как человекоубийство, и кто скрывает его, тот делается участником преступления. Словом, пастор убедил меня совершенно, что это дело должно быть доведено до сведения прави-

тельства. При этом случае он взялся содействовать мне к открытию обокравшего меня вора.

Не стану утруждать моих читателей мелочными подробностями, скажу только, что по следствию открылось, что убитые люди были французские таможенники (douaniers), а убийца — известный контрабандист, хозяин канатной фабрики. Таможенники стражи, известясь, что ночью повезут через поле в дом контрабанду, засели в кустах. Контрабандисты знали это, предупредили засаду засадою же, убили таможенных стражей и притащили тела в дом, чтоб на другую ночь свезти в отдаленное место и зарыть в землю. Хозяина дома, главного контрабандиста не поймали; другие сознались. Двух главных убийц расстреляли, а прочие были отосланы во Францию, на каторгу. Во время производства дела я был в стороне, потому что захваченные сообщники контрабандиста немедленно сознались во всем, следовательно, свидетелей вовсе было не нужно.

Родственника моего я не застал уже в Гамбурге. Он уехал в Польшу за несколько дней до моего прибытия. Положение мое было самое жалкое. Без денег, без документов, доказывающих мое звание, я ничего не мог предпринять. Добрый пастор утешал меня, приглашал меня ежедневно обедать и ужинать у него, и хлопотал за меня в полиции. Между тем время летело, и я оставался в бездействии.

Я нанял не скажу комнату, но конуру в одной из самых бедных харчевен и только спал дома, а дни проводил у пас-

тора и на прогулках по городу. Прошло две недели. Невзирая на исправность французской полиции, особенно в приморских городах, занимаемых французскими войсками, полиция не могла попасть на следы обокравшего меня негодяя. Отчаяние начало вкрадываться в мою душу!

Однажды, когда я сидел в задумчивости на скамье в Юнгферштихе (так называется гульбище посреди города) и машинально смотрел на гуляющих, одна хорошо одетая и весьма молодая женщина, проходя мимо, взглянула на меня, остановилась, будто невольно, покраснела – и пошла дальше. Пройдя несколько шагов, она оборотилась и снова быстро взглянула на меня. Лицо этой молодой и прекрасной женщины было мне знакомо, но в эту минуту я не мог вспомнить, где я видел ее. И вдруг я будто проснулся и вспомнил... Я пошел вслед и, нагнав, остановил и заговорил с нею по-русски. Я не ошибся – это она!

Здесь я должен сделать отступление для объяснения дела, которое, без всякого сомнения, могло бы послужить завязкою для романа, если бы прикрасить истину вымыслами.

По возвращении из прусского похода в Петербург я провел однажды всю ночь до утра за игорным столом в Кафе-дю-нон, о котором я уже упоминал во 2-й части моих Воспоминаний. Я сказал уже, что не хочу казаться лучшим, чем я был и чем остался, и сознаюсь, что в молодости моей я играл часто в банк и притом довольно счастливо. Да и кто тогда не играл? Я всегда пантировал. Играл я с величайшим хладно-

кровием, и когда фортуна мне не благоприятствовала, то целую ночь просиживал, ставя по одной карте в талию, обыкновенным кушем, а когда фортуна оборачивалась ко мне лицом, тогда, как говорят игроки, сам садился на карту и в несколько ставок возвращал проигранное, а часто прибавлял к проигрышу выигрыш. При счастье, я шел штурмом напролом! Приятели показали мне все банкирские уловки, употребляемые фальшивыми игроками, и обмануть меня было почти невозможно, а потому я почитался страшным понтером для банкиров, и они иногда предлагали мне часть в банке, чтоб я не понтировал. В эту ночь, о которой я говорю теперь, счастье мне повезло. Банк начался в 11 часов ночи и кончился в 9 часов утра: его сорвали, и мне досталась порядочная частица. Напившись кофе, я велел призвать парикмахера, причесался, напудрился и побрел пешком к приятелю, у которого я остановился на квартире в доме Занфтлебена на углу Садовой, против Михайловского манежа. Пройдя Полицейский мост, я увидел возле магазина г-жи Ролан¹⁹¹, прелестную девушку лет тринадцати или четырнадцати, которая боязливо подошла ко мне и с трепетом, заикаясь от страха, просила меня купить у нее бусы, две пары маленьких золотых серег и еще кое-какие безделки. Выигранные мною деньги были завязаны в платке и лежали в кармана шинели, потому что в уланских мундирах не было карманов. Я должен был войти в сени дома, занимаемого магазином, чтоб

¹⁹¹ Где ныне огромное здание, принадлежащее Голландской церкви.

вынуть узел, запустил в него руку и дал столько червонцев и серебряных рублей бедной девушке, сколько захватил в горсть. Она бросилась мне в ноги и заплакала. На расспросы мои она отвечала, что мать ее вдова обанкротившегося со- держателя немецкого трактира, иностранца, и разбита параличом, что она, т. е. девушка, вместе с теткою, сестрой матери, содержали семейство женским рукоделием и преимущественно мытьем кружев, но что наконец тетка также заболела, и она, девушка, ухаживая за больными, не может поспеть с работой, и что больные, доведенные до крайности без пищи и лекарства, выслали ее с последним имуществом, чтоб продать его. Слезы милой девушки и простота и искренность ее рассказа тронули меня до глубины души. Я подозвал двух извозчиков: на одни дрожки сел сам, на другие велел сесть девушке и ехать домой. Бедные женщины нанимали квартиру в Подьяческой. Все, что сказала девушка, оказалось справедливым. Записав адрес, я на другой день поручил этих несчастных доброй сестре моей Антонине, которая при помощи своих приятельниц устроила судьбу этого бедного семейства. Несколько дам согласились давать несчастным ежемесячный пенсion.

Я пошел в Финляндский поход, и забыл об этом происшествии. И вот эту девочку встречаю я в Гамбурге в щегольском наряде, доказывающем, что она весьма далека от бедности!..

На Юнгферштихе было весьма мало народу. Мы сели в конце аллеи на скамье, и стали рассказывать друг другу наши

приключения. Сперва я рассказал ей, что со мной случилось, потом она начала рассказывать о себе.

"Мне предлагали несколько выгодных мест в богатых домах, но я не могла решиться оставить матушку, которая не двигалась в постели, и матушка не хотела расстаться со мною. В числе наших благодетельниц, которых число весьма умножилось, была жена банкира'М. Она приглашала меня часто приходить к ней, помогать дочерям ее вышивать, и матушка позволяла мне для моего рассеяния навещать это доброе семейство, где меня принимали ласково, дарили мне разные вещи, награждали деньгами. В этом Доме увидел меня иностранец, весьма богатый купец, родом из Америки и предложил мне выйти за него замуж. Чтоб доставить матушке содержание и не быть никому в тягость, я, скрепя сердце, вышла замуж три месяца тому назад... Муж мой (тут она залилась слезами)... негр!"

– Негр! негр! муж ваш негр! – воскликнул я, невольно вскочив с места.

– Добрейший, честнейший, благороднейший человек!" – сказала она, сквозь слезы.

– Я снова сел на скамью и молчал. Она поплакала и наконец успокоилась.

– Я рассказала моему мужу все малейшие подробности моей жизни, в которой вы играете важнейшую роль, потому что без вас, не знаю, чтоб было с нами!.. Сделайте одолжение приходите к нам завтра часу в двенадцатом. Уверю вас, что

муж мой будет рад вам!

У Юнгферштиха ее ожидал наемный экипаж; она оставила мне свой адрес и уехала, а я остался раздумывать об этой удивительной встрече.

На другой день в назначенный час явился я по адресу в трактир. Мне указали лучшее отделение в доме. Негр высокого роста, средних лет (лет под сорок), которого можно было бы назвать негритянским Аполлоном (если б нефы обожали красивого бога света), встретил меня в передней с распростертыми объятиями и прижал к сердцу, как родного брата, с которым давно не видался. Негр говорил по-французски, как природный, хорошо воспитанный француз. Введя меня в гостиную и посадив рядом с собой на софе, он сказал: "Никогда я не предполагал встретить вас, выехав из России, и тем более не думал, что буду в состоянии доказать чувства моей благодарности за оказанное вами добро жене моей в самую тягостную минуту ее жизни. Знаю ваше несчастье, и прошу располагать мною, по мере вашей нужды. Не затрудняйтесь (*ne vous genez pas*)! Я богат – и несколько тысяч франков не сделают мне никакой разницы". Я не мог вымолвить слова от удивления, замешательства и скопившихся в сердце моем ощущений – и только пожимал руку благородного человека и старался удержать слезы, которые невольно катились из глаз моих. Вошла в комнату моя петербургская знакомка – и кончилось тем, что мы все расплакались. У нефа сердце было чувствительно, как у самой белой женщины!

Наконец успокоившись, мы принялись рассуждать, что мне должно делать в моем положении. Неф, человек опытный, советовал мне возвратиться морем в Петербург и на основании свидетельства о покраже у меня бумаг взять новый аттестат от военного начальства. "Если же вам это не нравится, я предлагаю вам место в моем торговом доме, в Париже", – сказал мне неф... Я просил несколько дней срока, чтоб пораздумать, и остался по просьбе моих новых друзей обедать с ними. На мне был дорожный старый сертучишка, довольно плохой, и новый мой друг советовал мне заказать или купить немедленно, что мне надобно, и когда я распрощался, он проводил меня на лестницу и всунул мне почти насильно в руку свиток, в котором было пятьдесят наполеондоров, сказав: "Возьмите, на первый случай!"

Смешно и глупо было бы отказываться от помощи в моем положении. Я взял деньги с тем, чтоб возвратить их моему благодетелю при первом случае, поблагодарил от души благородного человека и побежал к доброму пастору, чтоб известить его о моем счастье.

Лишь только я переступил через порог, пастор вскочил быстро с кресел, и воскликнул: "Виват! вор пойман!"

Вот подлинно, что счастье и несчастье не приходят никогда одни! Я чуть не помешался от радости: прыгал, хохотал, даже пел, и обнимал пастора. Вот что он рассказал мне о поимке вора и о том, что он показал на допросе.

Вор, еще находясь в Берлине, был в связях с мошенника-

ми, и помог одному из них обокрасть его госпожу, опоив ее и служанку опиумом. Они оба бежали из Берлина с фальшивыми паспортами, и обокравший меня негодяй при разделе добычи получил также несколько порошков опиума, которым и поподчивал меня в Лауенбурге. По счастью, он высыпал его в вино и не в большом количестве, опасаясь, чтоб я по вкусу не догадался, что вино подмешано. Из Лауенбурга он отправился в Гамбург, полагая (точно так же как думал лауенбургский трактирщик), что я никак не стану искать его в этом городе. В Гамбурге он остановился у земляка своего, брадобрея, встретясь с ним случайно в трактире. Брадобрей был такой же плут, как и мой вор, и согласился продержать его некоторое время у себя, не объявляя паспорта в полиции, за что вор обещал ему награждение, сказав, что он намерен отправиться при первом случае в Англию. Второе для меня счастье, что вор на третий день после прибытия в Гамбург сильно заболел. Болезнь лишила его душевной силы (энергии), и он послал за пастором, и сознался ему во всех своих преступлениях. Пастор известил полицию, которая немедленно захватила все, что было при нем, а его перевезли в тюремный госпиталь. Я пошел с пастором немедленно в полицию и мне возвратили все мои вещи, бумаги и деньги по представленному мною прежде при жалобе списку. Недоставало около ста пятидесяти франков.

Камень свалился с моего сердца, когда я, на другой день, возвратил деньги благородному негру! Несколько дней, про-

веденных мною в Гамбурге, после отыскания похищенного у меня имущества, я был неразлучен с ним и с милою его женою, и он рассказал мне приключения своей жизни, которые передаю в нескольких словах.

Он родился на острове Сен-Доминго, когда остров принадлежал Франции. Отец и мать его были невольниками французского колониста. Жена колониста и мать моего приятеля негра родили почти в одно время, и негритянка должна была кормить грудью сына своей госпожи. Французский колонист и его жена были добрые и мягкосердечные люди; они воспитали сына кормилицы вместе со своим сыном, намереваясь сделать его впоследствии управителем плантации. Приятелю моему было уже за двадцать лет от рождения, когда черное народонаселение взбунтовалось на острове Сен-Доминго; он нарочно пристал к бунтовщикам, чтоб спасти жизнь и имение своих господ, что ему и удалось. По прибытии генерала Леклерка на остров Сен-Доминго с французскими и польскими войсками, приятель мой, негр, перешел к нему, и с ним вместе и со своими господами и родителями переехал во Францию. Французский колонист имел большие капиталы в европейских банках, и потеря плантации не разорила его. Он усыновил своего избавителя, и, умирая, разделил поровну все свое имущество между сыном, дочерью и им. Дочь вышла замуж, и сын покойного, молочный брат его, негр и зять, на общий капитал основали торговый дом. Негр отправился по коммерческим делам в Петербург, уви-

дел несчастную, скромную, милую девочку – и женился. Вот существо всей истории. Пропускаю подробности восстания негров, битвы и смертоубийства, про которые рассказывал мне приятель мой. Это дела посторонние.

Новый друг мой остался в Гамбурге по торговым делам, а я отправился в Париж, снабженный рекомендательными письмами к его товарищам, и дав слово немедленно навестить его, когда он возвратится. Он оказал мне важную услугу, доставив случай доехать до Парижа с нарочно отправленным одною купеческою компаниею курьером на почтовых в покойной коляске. Открытый лист и подорожная (Feuille de route) выданы были на мое имя, но с меня не взяли за проезд ни копейки. Приятель мой, негр, сказал мне, что в коммерции, как в дипломатии, бывают случаи, в которых необходима тайная корреспонденция, советовал мне быть осторожным и не проговориться, что мой товарищ везет письма гамбургских купцов. По-барски проехал я до Парижа через всю Германию, останавливаясь только два раза ночевать. И вот я наконец в столице тогдашнего владыки почти всей Европы, для которой Париж был тогда то же, что Рим во время первых кесарей и Мекка для мусульман.